

Алексей Воронков

АЛБАЗИНЕЦ

Роман

Славным нашим прадедам, собирателям земель русских

«Шуми, Амур, шуми, наш батюшка, —
Таёжная река.
Гуляй, гуляй, гуляй, безбрежная,
Э-эх, родная на века!..»

(Народная песня).

«Не волнуйся больше злобами
Завоёванной реки,
Спят под снежными сугробами
Беспробудно казаки.
И поёт им память вечную
Диким голосом пурга.
Да беседу бесконечную
О былом ведёт тайга...»

Леонид Волков (1870—1900),
амурский казачий поэт.

Напутное слово

1601 год... Пала на миллионы людей казнь страшная. Весною небо омрачилось густою тьмою, и дожди лили в течение десяти недель беспрестанно так, что жители сельские пришли в ужас: не могли ничем заниматься, ни косить, ни жать. А 15 августа жестокий мороз повредил как зелёному хлебу, так и всем плодам незрелым. Голод усиливался, и наконец, достиг крайности столь ужасной, что нельзя без трепета читать её достоверного описания в преданиях современников. «Свидетельствуюсь истиною и Богом, — пишет один из них, — что я собственными глазами видел в Москве людей, которые, лёжа на улицах, подобно скоту, щипали траву и питались ею; у мёртвых находили во рту сено». Мясо лошадиное казалось лакомством: ели собак, кошек, стерво, всякую нечистоту. Люди сделались хуже зверей: оставляли семейства и жён, чтобы не делиться с ними куском последним. Не только грабили, убивали за ломоть хлеба, но и пожирали друг друга. Путешественники боялись хозяев, и гостиницы стали вертепами душегубства: давили, резали сонных для ужасной пищи! Мясо человеческое продавалось в пирогах на рынках! Злодеев казнили, жгли, кидали в воду; но преступления не

уменьшались. Гибло множество в неизъяснимых муках голода. Везде шатались полумёртвые, падали, издыхали на площадях.

Голод и непогода продолжались два года. Рухнули реформы Бориса Годунова, а вскоре страна впала в хаос Смутного времени.

... Не было у многострадальной Руси счастливых времён, вот и новый, семнадцатый век, который мы населили героями своего романа, явился с великими напастями.

Казалось, страна, много претерпевшая за последние годы, должна была отдохнуть, расслабиться — да куда там! Тот пир, который бояре на радостях устроили после кончины Ивана Васильевича, обернулся несчастьями. Ударили в колокол на исход души, а получилось, что этим накликали новые беды. Волнения, начавшиеся в народе, который оказался без кормчего, а значит, неуправляемым, готовы были превратиться в бунт. Только вот некому было этот бунт возглавить. Приближённым покойного царя было ни до чего — власть делили. А чтобы охотников до этой власти было не столь много, в ночь после смерти царя Иоанна служивые люди по чьему-то распоряжению стали хватать всех, кому покойный государь перед своей кончиной оказывал милости, и заточать в тюрьмы, отобрав у них поместья и вотчины в казну и разорив их дома.

После великого правителя, на трон сел его слабовольный и тщедушный сын Феодор. С того всё и началось. Власть-то, по сути, принадлежала не ему, а кучке князей и бояр, у которых были свои виды на трон. В конце концов управление всеми делами в государстве захватил Борис Годунов, потомок татарского мурзы Чета, принявшего в четырнадцатом веке в Орде крещение от митрополита Петра и поселившегося на Руси под именем Захарии. Тот построил близ Костромы Ипатьевский монастырь, ставший фамильной святыней его потомков, который они содержали и где их несколько веков погребали. Фамилия Годунов пошла от внука Захарии Ивана Годуна. Годуновы владели вотчинами, но не играли важной роли в русской истории до тех пор, пока один из правнуков первого Годунова — Борис не стал шурином царевича Феодора Ивановича.

Найдись тогда на Руси крепкая рука — может быть, меньше выпало бы на её долю страданий в новом веке. Ведь когда у тела несколько голов — им трудно договориться. А желающих править было много. Тут обычно в выигрыше тот, кто коварнее, проворнее и хитрее. Таким человеком оказался Годунов, который потихоньку расправился со своими соперниками.

В общем, в новый век государство российское вступило не обновлённым, а погрязшим в сварах и распрях, окружённым со всех сторон врагами. Годунов, будучи человеком разумным, всё-таки пытался что-то сделать, чтобы сохранить русскую государственность, но враги державы, объединившись, уже жгли русские города и сёла. Им нужна была эта богатая чернозёмами и недрами земля. Каждый из правителей Европы спал и видел себя на русском троне.

А кто-то смотрел уже дальше. В конце шестнадцатого века английская королева Елизавета в своём письме к Годунову пыталась не только вытребовать у него привилегий для своих торговых людей, но и просила разрешения при помощи и со стороны русских искать Китайскую землю. То есть, в её планах было добратся до Сибири и Дальнего Востока и попытаться взять эти земли в своё правление или хотя бы для начала использовать их в своих целях. Борис отклонил эти требования, указав на несообразность позволения искать новые земли, однако всё-таки дал право беспошлинной торговли одной из английских компаний. О чём он тогда думал, никто не знает. Только, видно, он уже понимал, что будущее государства русского будет связано с новыми землями, которые нарекли Сибирью, где, по слухам, лежала нетронутая плодородная земля, и где было много иного чуда. Понял, видно, он и то, что на эти земли свой глаз положили и другие монаршие особы. Значит, их надо опередить.

Но только Борису не суждено было прикоснуться к сибирским тайнам. Новый век преподнес ему много сюрпризов. Но мысль покорить и освоить дальние сибирские земли

не сгорела в пламени войн и розней, которыми был богат этот век. Пришёл час, и, справившись со смутным временем и восстановив Царский Престол, русский народ дал выход своей духовной силе в укреплении соборного духа во всех областях своего бытия, что активно проявилось и в собрании отдалённых земель. Загадочная Восточная Сибирь открывалась для героизма первопроходцев, устремившихся, как говорили в старину, «Встречь солнца»... Однако дело присоединения и освоения новых земель в суровых и необжитых местах могло быть выполнено только крепкими, сильными духом, терпеливыми и смекалистыми людьми. Но разве мало таких людей рождается на святой Руси?..

Часть первая

Глава первая Казачья вольница

... Весь май в тот год природа гуляла ветрами, принося с морей мокроту, пока, наконец, в начале июня не показалось злое амурское солнце и не обожгло люто землю. Оно выпило влагу с полей, остановило бег ручьёв и небольших речушек, повергло ниц спеющие тяжелые травы и нивы. Воздух стал сухим, раскаленным и недобрым. В этом нещадном пекле страдали не только люди, но и всё живое. И лишь дети не замечали того, что вызывало у взрослых ощущение ада. Загоревшие до угольной черноты, с шелушащимися носами и потрескавшимися белесыми губами, они весь день не вылезали из воды. Их звонкое многоголосье было слышно далеко округ. И так продолжалось до самого вечера, пока на берегу не появлялись родители и не прогоняли своих заигравшихся чад с реки.

— А ну, Васька, марш домой! И не канючь! А то и обедать не обедал — и от ужина, что ль, решил отказаться? — заведёт какая-нибудь баба.

— А ты, Емелька, чего ждёшь? Али хочешь, чтоб я выпорол тебя? — А это уже албазинский казак пытается выудить из реки своего мальчика. — Смотри, коль не слушаешь отца-матери, послушаешься телячьей шкуры.

Тут же со стороны крепостных стен прозвучит призывное:

— Манька-а-а! Слышь меня? Ночь на дворе... Гляди, утащит тебя басурман — будешь знать...

Басурманов, а так в крепости называли маньчжуров, дети боялись пуще всего на свете. Бывало, увидят на другом берегу спускающихся к реке конников в воинских доспехах, — тут же с криками врассыпную. А вслед им хохот, вслед — громкая непонятная речь. Река здесь неширокая — хорошо всё слышно. Страшно! А вдруг эти вороги пришли их, детишек, воровать, чтобы потом продать в рабство? Так, по крайней мере, объясняют детворе взрослые каждое появление маньчжуров, пытаюсь приучить своих чад к бдительности. Дескать, нехристю что — у него нет жалости к православному. Были бы крещёными — жалели бы нас, русичей.

Оттого, видно, и пытается здешнее духовенство¹ распространить православную веру по всему Амуру. Будет одна вера — будет и мир, говорили они. Так что крестили всех подряд, не разбирая, кто какого рода-племени.

¹ Духовенство – священнослужители. Различается белое (немонашесствующее) и черное (монашесствующее) духовенство.

Вот и на Иванов день были назначены крестины. И то: на Предтечу никто не работает. Не рубят капусты, не берут в руки косаря, топора, заступа. Потому лучшего времени не найдёшь.

Однако охочих набралось так много, что их не смогла бы вместить ни одна здешняя церковь. Потому и решили поступить так, как поступил в своё время Иоанн Креститель с Иисусом Христом, — крестить всех в реке.

... В день Рождества честного славного пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна с самого раннего утра далеко по берегу разнёсся медный звон единственного в Албазине колокола, установленного на колокольне Воскресенской церкви. Народ поспешил в храм, у входа в который, стоя на высоком крыльце, их уже поджидал облачённый в золочёную ризу с епитрахилью и скуфью приходской священник отец Максим Леонтьев. С ним были диакон Иона в длиннополой слегка помятой рясе и внешне напоминающий филина псаломщик Мирошка, одетый в сермяжный кафтан. И если Леонтьев с Мирошкой гляделись довольно свежо и молодцевато, то лицо диакона Ионы походило на пожёванный сапог. Он буквально засыпал на ногах, вместо того, чтобы, подобно своим спутникам, приветствовать входящих поклоном. Ну ладно, если б это происходило после всенощного бдения, а то ведь не было такового, поэтому любой завидевший Иону мог предположить, что тот ещё не просыхал с прошлого дня.

В эту праздничную ночь весь острог гулял на берегу, а с ним и монастырские. Спать пошли только с рассветом. Потому даже колокол, сзывавший народ на Литургию, не смог разбудить иных гулён. Бабы ладно, тем не привыкать вставать рано. А тут нужно и на обед что-то сытное приготовить, да и укруту¹ подходящую подобрать. Чай, праздник, а в праздник наряжаться положено.

Наладив женские дела, стали мужей своих и чад поднимать. А те брыкаются, что-то бормочут бессвязное во сне. Пришлось кого холодной водой обливать, кого венником сгонять с мягких перин.

Ох, и трудно мужику вставать с похмелья! Одни снимают похмелье с помощью чесночного или лукового супа, другие — горячей овсяной кашей с кислым молоком, третьи — просто кружкой рассола. А иной придёт в себя только после того, как ему на голову выльют ведро ледяной колодезной воды.

Что до казаков, то в таких случаях они обычно с силою брали себя за шкуру и так держали до тех пор, пока не проходила головная боль. А то прикладывали монетки к глазам и ждали, когда им станет легче.

Накануне старец Гермоген, бывший ярым противником пьянства, призвал к себе в келью атамана.

— Слышал, ноне костры жечь на берегу собрались... Снова бражничать будете да чёрными словами ругаться? — хмурит он седые брови.

Никифор улыбнулся на всю ширину своих жёлтых прокуренных зубов.

— Ну да, пропустим жбанец²-другой — не без того, чай ведь Купала³...

Старец с укором смотрит на атамана.

— Купала!.. — передразнивает он его. — Да вам, казачью, лишь бы повод был, — говорит. — Пьёте, пьёте — никак насытиться не можете. А того забыли, что вино уму не товарищ. Пропьёте ведь ум-то, что будете делать? — ворчит старик. — Ладно, празднуйте, но чтоб без мордобоя, слышишь меня? А то ведь вы не можете по-человечьи

¹ Укрута — платье, одежда.

² Жбанец — ставчики, посуда для питья.

³ Иван Купала — народный праздник восточных славян, посвящённый летнему солнцестоянию и наивысшему расцвету природы и отмечаемый с 6 на 7 июля. По времени проведения совпадает с христианским праздником Рождества Иоанна Предтечи.

праздники-то гулять. Обязательно шуму наделаете. Ну что за люди, ей-Богу! — Он сокрушённо покачал головой, потом глянул подслеповато на атамана и строгим голосом сказал: — И чтоб завтра все на Литургии были, ты понял меня? А то с вас станется. Говорю, негоже православному против церковных правил идти... Сам тоже не забудь в церкву прийти, — предупредил старец. — Запомни: ни с кого-нибудь — с тебя твои люди пример-то берут...

Что и говорить, казаки — народ конобойный¹, особо когда напьются. Но что поделаешь — уж такими их вольница воспитала. Люди-то они лихие и смелые, но уж шибко буйливые.

Однако Никифор твёрдо пообещал старцу, что на этот раз всё обойдётся без шуму, ну а коли кто из его товарищей вздумает кулаками махать, того он самолично перед всем казацким строем нагайкой отстегает.

...Чуть завечерело, на берег Амура высыпал народ. Тут и албазинские были, и слободские, и те, что пришли из ближних заимок да селищ. Молодёжь уже загодя натаскала хворосту для кострищ, и теперь ждали только темноты.

Казаки, как водится, гуляли отдельно от всех. Подобрал по-турецки ноги, они сели кружком на траву, достали кисеты с махрой и кресала, а потом, попыхивая трубками, стали ждать своего часа. Чуть поодаль расположились их жёны и дети. Тут же двое кашеваров готовили тавранчуг — уху из разнорыбицы. Из-под крышки стоявшего на тагане большого медного котла, в котором, побулькивая, варилась ушица, вырывались убийственные запахи, вызывая у казаков голодную слюну.

Как только запылала на берегу костры, атаман велел казакам открыть приготовленный загодя бочонок мёда, после чего назначенный им кравчий² наполнил большую атаманову братину. Взяв её в руки, Никифор поднялся с земли. Казаки поняли, что атаман собрался держать речь, и последовали его примеру.

— Братья мои, казаки! Товарищи и боевые друзья! — начал атаман. — Первый кубок на этом празднике я бы хотел поднять за родную нашу Отчизну. Коль не было бы её, не было бы и нас — тогда кто бы праздновал-то, братцы? Так что за Русь-матушку!..

— Любо! — дружно грянули казаки, заставив всех, кто находился на берегу, вздрогнуть.

— Так вот, товарищи мои... — продолжил атаман. — Без державы нашей мы ничто. Может даже обыкновенные черви. А потому мы должны как зеницу ока охранять её и беречь от любого врага.

— Любо! — снова бурно соглашаются с атамановой правдой казачки.

— Тогда выпьем же, братья, за державу нашу любимую, а ещё за волю вольную, без которой нет казака!

— Любо-о! — несётся мощный казацкий глас над озарённым светом костров рекой, повторяясь эхом где-то в бездонной глубине звёздного неба.

Покончив с речью, атаман с чувством перекрестился, и, сделав жадный глоток, пустил кубок по кругу.

Тут же кашевары разнесли по деревянным чашкам да щаным горшкам уху. Достав из-за пояса припасённые для этого случая берёзовые ложки, казаки сели вокруг большого вышитого цветами столечника³, на котором покоились приготовленные их жёнами

¹ Конобойный — бузотёр, буйн.

² Кравчий — виночерпий.

³ Столечник — скатерть.

праздничные яства — сычуг, гужи с чесноком, векошники, кундумцы, леваши, мазуни, сочни, стапешки¹ — и принялись жадно её хлебать. Глядя на казаков, потянулись за ухую и жонки с ребятишками.

— Ещё бы юшки! — первым справившись с горшком ухи, просит диакон Иона.

— Что, святой отче, гляжу понравилась тебе наша уха-то? — улыбается пожилой кашевар Гордейка Промыслов.

— А то!.. — облизывая языком ложку, отвечает тот.

— Ну тады подставляй посудину...

— И мне давай, — тянется со своей чашкой молодой розовощёкий казак Мишка, сын убитого богдойцами в одной из стычек доброго казака Остапа Ворона.

И снова гуляет братина² с сивухой по кругу.

— Зело³ изрядно! — сделав долгий жадный глоток, блаженным басом издаёт Иона и вытирает рукавом своей выдавшей виды ряски мокрые от меда губы. Душа у него широкая, точно тот блин на сковородке.

— Господи, прости меня грешного! — перед тем как сделать глоток, крестится сидящий с ним рядом псаломщик Мирошка, слывший тем, что хорошо читал шестопсалмие.

— Эх, да чтоб не в последний раз... — следом, осенив себя крестным знамением, припадает губами к братине казак Васюк Дрязгин...

— Нет браги, нет и отваги! — принимая у него из рук чашу, молвит пожилой казак Нил Губавин.

Гуляет, гуляет братина по кругу. Повеселели казаки, зарумянились. Хмельная кровь заиграла в их жилах.

— Эх раз, по два раз, расподмахивать горазд, кабы чарочка винца, два жбаночечка пивца, на закуску пирожка!..

— А ну давай, братцы, еще по одной! Негоже казаку в праздник быть трезвым и гунявым...

Кравчий не успевал наполнять ходившую по кругу атаманову братину. А тут еще казачки, которым надоело пить с детьми ячный квас, стали подходить со своими жбанками да ставчиками⁴. Пот тѣк ручьѣм по лицу бедного виночерпия; уже и рубашка взмокла, и душа запарилась, а казаки кричат одно:

— Давай!

Так продолжалось долго, пока казаки не набили едою свои желудки и не отвалились от стола. Тут же задымили набитые ядрѣным табачком трубки и начались обычные пьяные речи. Казаки наперебой рассказывали о своих подвигах, где-то стараясь что-то приукрасить, а где-то и приврать. Как говорится, во хмелю, что хошь намелю. Кто-то вспоминал лихие походы на туретчину, другие на крымского хана, третьи на шведов. А в основном недобрым словом поминали маньчжуров, которые непрестанно совершали набеги на русские селенья, сжигая их до тла и убивая или уводя в полон их жителей. Маньчжуры, они полончивы, ловко уводят в плен, воруя врасплох людей. Оттого люди и боялись их. «Луце же бо потяту быти⁵, неже полонену быти», — говорили албазинцы.

— И неймѣтся же этим бесам! — пьяно возмущался кто-то из казаков.

¹ Сычуг, гужи с чесноком, векошники, кундумцы, леваши, мазуни, сочни, стапешки — блюда из мяса, птицы, муки и крупы.

² Братина — большая чаша для вина.

³ Зело — шибко, очень.

⁴ Ставчик — небольшой, почти цилиндрический сосуд слегка расширенный сверху

⁵ Потяту быти — быть изрубленным саблею, мечом.

— А вот пойдём на них войной — тогда и расквитаемся! — восклицал другой.

— Да нет, братья, война нам не нужна — нужно мир сохранить на державных границах, — говорил атаман. — Так царю-батюшке угодно.

— Ну коль Царю угодно, тогда ладно, но проучить этих басурманов надо, — воинственно заявляет сидевший подле атамана пожилой казак.

Неожиданно кто-то из казаков запел:

Как у нас на свадьбе
Хмель да дуда-а.
Ду-ду-ду...
Хмель говорит: я с ума всех сведу!
Дубовая бочечка, бочечка, бочечка...
Верчена в ей дырочка, дырочка, дырочка.
Кто вертел, тот потел да потел.
Стенько, ты не потел, да своё проглядел.
Ду-ду-ду-ду-ду-ду-ду.

Тут и другие подхватили знакомую им песню:

Гей, у Дону камышинка заломана.
Старым дидом девка зацелована.
Ду-ду-ду-ду-ду-ду,
Дубова бочечка, бочечка,
Верчена в ей дырочка, дырочка!..

С земли поднялся Игнашка Рогоза. Тряхнул своими чёрными кудрями и, топнув ногой, крикнул: «Эх, забодай меня коза!.. А ну давай плясовую!» — И запел:

Гех, свиня квочку высыдела,
Поросеночек яичко снес!..

Казаков не надо было долго упрашивать. Тут же вскочили на ноги и, шатаясь, пустились в пляс. Завидев пляшущих мужей и женихов, к ним присоединились и бабы с девками. И пошла плясать казачья душа! Долго плясали, пока, устав, не повалились на траву.

— Ну что же ты стоишь — наливай! — поднимая над головой братину, шумит кравчему запыхавшийся атаман. — Помянем наших товарищей, сложивших головушку на поле брани.

И в который уже раз братина идёт по кругу. Потом пили за будущие свои победы, за родителей своих, жён и детей, за хороший урожай, здоровье и благополучие. Вконец казаки насыропились¹ так, что принялись вздорить, пустив в ход кулаки. Кто там начал первый — теперь никто и не вспомнит. Только били морды друг другу отчаянно, при этом сами не понимая за что. Бабы и девки визжали, глядя на этот смертобой, но поделать ничего не могли. Знали, что в таких случаях казаку лучше не попадаться под руку — зашибет ненароком. Слава Богу, Гермоген всего этого не видел, а то бы не миновать атаману сурового разговора. Ведь он за всё тут в ответе. На то он и атаман. Тем паче, что он обещал старцу, бывшему непререкаемым авторитетом на всём Амуре, следить за порядком. Но что поделаешь: во хмелю да во сне человек себе не волен. Тогда какой с казака спрос?..

¹ Насыропиться — напиться, нализаться.

А тем временем берег жил своей жизнью. Больше всего, казалось, радовалась празднику молодёжь. Эти, в отличие от взрослых, не стали делиться на стайки. Все — и албазинские, и монастырские, и те, кто пришёл из ближних и дальних заимок, — гуляли всю ночь сообща. Пели песни, прыгали через костёр, играли в салочки. Когда наступила полночь, девки, следуя давнему обычаю, сняли украшавшие их головы венки из полевых цветов и со словами «Плыви, веночек, туда, где живёт мой суженый, подай ему весть обо мне», — стали опускать их в воду. Парни бежали вслед течению, хватали эти венки, а потом искали тех, кому они принадлежали.

Было, что разбившись на парочки, молодые убегали в лес и там упоённо целовались. Так и пролетела ночь. А с рассветом берег опустел, и лишь догоравшие угли в кострах да пустые винные бочки напоминали о недавнем веселье...

Глава вторая

Старец

После утренней литургии народ потянулся к реке, где в урочный час должен был начаться обряд таинства. Кто-то решил спуститься поближе к воде, однако большинство все ж предпочло наблюдать за происходящим с крутого берега, так что уже скоро у крепостной стены, мрачно взиравшей на реку своими пустыми глазницами, собралась большая толпа зевак. Кого только не привело сюда любопытство. Здесь были и казаки с женами, служилые и ремесленные люди, торговцы, и даже промысловый народ из ближних и дальних тунгусских улусов и стойбищ. Были и крестьяне из окрестных деревень, из слобод да ясачных заимок, которые, как и большинство здесь, явились целыми семьями.

По случаю праздника многие бабы и девицы выкудезелись¹, надели лучшие свои наряды. То здесь, то там мелькали домотканые распашные паневы² с яркими кушаками, саяны³ с широкой полой орнамента по подолу, сшитые умелой рукой длинные косоклинные верхницы⁴, сарафаны с лифом, на кокетке, прямые из льна с малиновыми шерстяными передниками, отделанными шелковыми галунами и парчой... Все, как водится, при поясах — кто тканых, кто вязаных, кто плетёных. На головах — платки, кокошники⁵, сороки⁶, повойники⁷, кички, петухи⁸. В общем, были здесь фасоны со всех уголков Московии, которые переселенцы привезли с собой в эти далёкие необжитые края.

Мужская половина гляделась не столь ярко. Особо что касается пашенных крестьян. Обычная сермяжная картина: свитки, зипуны⁹ с наголовниками из грубого толстого сукна поверх штопаных посконных рубах, такие же штопаные портки, насунутые глубоко на глаза магерки, татарки¹⁰, суконные и войлочные шапки. Ноги в опорках, но чаще в лаптях, подвязанных к икрам оборами — кто в лычных на колодке, кто в

¹ Выкудезиться — вырядиться.

² Панева — бабья шерстяная юбка, не девичья.

³ Саяны — род сарафана с помочами.

⁴ Верхницы — будничные сарафаны из посконного холста.

⁵ Кокошник — праздничный бабий головной убор с высоким передом.

⁶ Сорока — старинный бабий головной убор без рогов.

⁷ Повойник — старинный будничные бабий головной убор.

⁸ Петухи — старинные бабьи головные уборы.

⁹ Зипун — русский кафтан без козыря, стоячего ворота.

¹⁰ Магерка, татарка — старорусск. муж. головные уборы.

простоpletках без обушника. Одним словом, беднота сиротская. Да вот ходит по Руси пословица такая — не будь-де лапотника, не было бы бархатника, то есть того же боярина с дворянином.

Совсем иначе выглядел промышленный, торговый и ремесленный люд. На большинстве из них были камзолы или сносного вида полукафтаны с отложными воротниками, пошитые жёнами полотняные штаны да смазанные дёгтем сапоги.

Что до разгульной братии, до казаков, то у тех свой порядок. Бывшие якутские служивые все безбородые, словно те тунгусы, в мохнатых шапках, на плечах камлея¹, а то и сюртук; вместо привычных штанов — нагольная сутура из выделанной оленьей кожи.

Енисейские же, шилкинские и те, что с Дону и Яика, наоборот, при бородах; на одних длиннополые казацкие жупаны² из серого или голубого сукна, на других же, а это в основном была пешая казацкая братия, форменные халаты. Все в широких шароварах и при саблях, на ногах красные сафьянные сапоги с подковами или самодельные олочи³. Из-под их бараньих мохнатых шапок с червонным верхом бежали струйки липкого пота, оттого ратные люди то и дело снимали их, чтобы проветрить чубы.

В основном то были старые покрытые глубокими шрамами рубаки, которые не могли жить без ратных подвигов, ибо бранные дела были для них главным смыслом жизни. Рядом с бывалыми крутилась молодая поросьля, чьи подвиги были ещё впереди.

Среди всей этой разношерстной толпы выделялся чернобородый атаман в своём казакине⁴ из красного сукна, подпоясанном узорчатым серебряным поясом, на котором держался кривой турецкий ятаган⁵. Его цыганскую кучерявую голову покрывала баранья папаха с золотым верхом.

... Утреннее солнце, стряхнув с небес ночную свежесть, начинает потихоньку жечь землю. Становится жарко и народ мается. Кто-то из казаков, не выдержав испытания, уже успел рассупониться, сняв с себя или ж распахнув жупаны⁶.

Вдоль крепостной стены бегают ребетня, играя в салочки. Дымят люльки, наполняя речную свежесть едкими запахами табака. Плачут малые детки на руках молодых матерей, пришедших крестить своих чад. Раньше-то было всё недосуг — хозяйство не отпускало. Привяжут бывало дитя платком к спине — и в поле. А вымотавшись на ниве, идут в свои огороды — и там для них работы хватало. А ведь еще была скотина, которая тоже ухода требует. Вот и не до Бога было. А тут вдруг заговорили о том, что в праздник Святого Иоанна Предтечи иеромонах Гермоген надумал устроить крестины на Амуре — вот и хлынул охочий люд к реке, чтобы, точно Иисус, принять крещение в Иордани.

Помимо баб с младенцами, были тут тунгусы из ближних улусов и стойбищ да разнопёрый бродячий народец, решивший на старости лет приобщиться к Богу. Даже был один беглый татарин по имени Равилька, который зимой и летом ходил в одном и том же стареньком армяке, сшитом ещё дома, в Казани. Зарезал по злобе сынка какого-то тамошнего вельможи и, чтобы не лишиться головы, сбежал в Сибирь.

Впрочем, были среди этих людей и такие, что, как и прежде, не веря ни в Бога, ни в чёрта, пришли к реке ради скуки или из-за интереса.

Ожидание начала таинства затягивалось, и народ, ещё недавно пребывавший в хорошем расположении духа, занервничал.

¹ Камлея — верхняя не распашная одежда с куколем (капюшоном).

² Жупан — олукафтан.

³ Олочи — грубые шерстяные чулки с кожаной обшивкой и подошвой.

⁴ Казакин — мужской или женский полукафтан (с короткими полами), присборенный на талии, со стоячим воротником, застегивающийся на крючки сверху до талии.

⁵ Ятаган — большой кривой турецкий кинжал.

⁶ Жупан — полукафтан.

— Ну где же Ермоген? — недовольно ворчит какая-то баба.

— И впрямь, что это он вдруг решил нас томить? — поддержала её другая.

— Да придёт наш старец, придёт, чиво загоношились? Может он ещё в кельице своей молится, — пытается кто-то уречь¹ самых нетерпеливых.

— Тогда долго ждать придётся, — с чувством вздохнув, произнес долговязый безусый казачок. — Чай, пёхом потопают, а это ни много ни мало три версты.

— Бери больше! — усмехнулся кто-то в толпе.

Так оно и было. Монастырь во имя Всемиловитейшего Спаса, который в 1671 году построил иеромонах Гермоген, находился в четырёх верстах выше Албазина по течению Амура, возле устья реки Ульдугичи в урочище Брусяной Камень. Там он и жил в своём ските, там и проповедовал, оттуда потихоньку и растекалась тёплыми волнами на восток и даже в Китай святая православная вера.

Гермоген появился в окружении нескольких монахов и послушников.

Это был невысокий человек с тёмной бородою на бледном покрытом глубокими рытвинами измождённом лице вечно пребывающего в постах человека. На нём была обыкновенная монашеская ряса и старенькая скуфья на голове.

Старец прибыл в эти края в 1666 году с отрядом беглых казаков, предводителем которых был некто Микифорка Черниговский. Говорили, что тот увёз его силком. В это можно было поверить, зная про лихое прошлое атамана.

По слухам, тот был сыном польского пленного, многие из которых после войны 1612 года так и прижились на чужой стороне. В 1638 году Никифор вместе с другими земляками был послан на Лену, в Усть-Кутский острог надсмотрщиком над соляными варницами.

Так бы, поди, и тянул он эту лямку до конца дней своих, кабы не встретился на его пути илимский воевода Лаврентий Обухов, слывший большим охотником до праздной жизни. Он намеренно приезжал со своими сподручниками в Усть-Кутск, где много бражничал и безнаказанно насильничал жонок, а какие сопротивлялись, тех убивал. Также как убивал их мужей и братьев, пытавшихся заступиться за несчастных.

В числе пострадавших от произвола воеводы был и служилый илимский человек Никифор Черниговский, у которого Обухов украл красавицу-жену, а затем, надругавшись над нею, зверски убил.

Собрав небольшой отряд из якутских служилых и верхоленских казаков, разгневанный муж решил отомстить воеводе. И когда однажды тот, возвращаясь с ярмарки, плыл на дощанике по Лене, заговорщики напали на его, перебив его охрану и забрав у него тридцать сороков соболей да к сему триста рублей денег. Сам же Обухов попытался сбежать, но его догнали на лодке и закололи копьями.

После этого мятежникам ничего не оставалось, как бежать на Амур, где, по рассказам бывалых людей, царили вольные порядки, где не было ни злых и безжалостных чиновников, ни тюрем, ни царских указов. Туда со всех уголков Московии стекались обиженные судьбой люди. Шли на Амур, пробираясь по таёжным тропам, беглые крестьяне и каторжники, шли испугавшиеся расправы участники всевозможных бунтов и волнений. Шли семьями, а то и деревнями. Было даже, что целый полк около трёхсот человек из Верхоленска во главе с казачьим пятидесятником Михайло Сорокиным, не получив на то дозволения, отправился на Амур. Дошло до того, что якутские и сибирские воеводы вынуждены были поставить заставы на дорогах и перехватывать беглецов.

Вновь прибывших в Албазин зачисляли в войско или же отправляли по многочисленным острожкам и заимкам, которые после присоединения в середине

¹ Уречь — успокоить, урезонить.

семнадцатого века амурских земель к русской державе росли здесь как грибы после дождя.

При Царе Михаиле Фёдоровиче к беглым отношение было суровое. Их заточали в остроги, отправляли на каторгу, а кого и на плаху. А вот при Алексее Михайловиче всё пошло по-другому. Он не стал препятствовать переселению своих подданных на Амур, углядев в этом разумное начало и выгоду для государства. Недаром его так любил народ, называя незлым царем-батюшкой, и даже прозвище ласковое придумал ему — «Тишайший».

Но это он только с виду был таким, благочестивым да кротким. Делами государства он управлял жёстко. При нём усилилась центральная власть и оформилось крепостное право; при нём Русь воссоединилась с Украиной; были возвращены захваченные некогда недругами Московии Смоленск и Северская земля; подавлены восстания в Москве, Новгороде, Пскове и на Дону. Ко всему прочему, в годы его правления произошёл раскол Русской церкви.

Но все эти великие дела мало занимали тех, кто искал лучшей доли и спасения от чиновного ярма. Кто-то для того, чтобы обрести свободу, бежал на Дон, другие на север, а иные уже нашли другой путь — на Амур.

... Однако живших за Амуром богдойцев такое соседство не устраивало. Ведь они сами мечтали о широких завоеваниях. В 1655 году десятитысячное войско маньчжуров попыталось захватить построенный за три года до этого первопроходцем Ерофеем Хабаровым на реке Хумаэрхэ Кумарский острог, но было разгромлено небольшим отрядом его защитников, предводителем которого был продолжатель славных дел Хабарова атаман амурского войска Онуфрий Степанов Кузнец.

Тогда враги перешли к другой тактике — начали насильственное переселение в Маньчжурию коренных народов Приамурья, которых испокон считали своими данниками. Сжигая посевы, разрушая и уничтожая их улусы, маньчжуры стремились превратить Приамурье в пустыню. Не имея возможности добывать себе продовольствие, русские-де не смогут долго прожить на этой земле.

Что и говорить, пока переселенцы не освоились на новых землях, им приходилось прибегать к помощи живших здесь немногочисленных племён, тех же дауров, с которыми русским удалось тогда быстро найти общий язык. Это был трудолюбивый народ. Они сеяли ячмень, овёс и просо, имели большие стада, ездили на волах и лошадях. В отличие от живших выше по Амуру братских и намясинских тунгусов, которые нередко нападали на селенья казаков, уводя у них скот и лошадей, эти, напротив, делились с русскими всем, что имели. Более того, будучи отличными стрелками из лука, они часто вставали на сторону казаков, когда тем приходилось отражать нападения кочевников и маньчжуров

К 1657 году даурские и дючерские селения были полностью уничтожены. Не с кого царевым слугам стало брать ясак и не у кого закупать продовольствие. Своих пашен покамест было мало, хлеба не хватало, и казаки Степанова вынуждены были совершать набеги на маньчжурские селения в низовьях Сунгари. В одном из таких походов в июне 1658 года отряд Степанова попал в засаду и был разбит. Часть его людей сумела прорвать вражеское кольцо и уйти в верховья Амура. Сам же Степанов, а с ним двести семьдесят казаков, погибли в бою.

Почувяв силу, маньчжуры усилили свои набеги на русские городки, выросшие на берегу Амура. Некоторые из них им удалось взять приступом, а затем сжечь и разрушить. Среди этих городков были Албазинский и ближайший к нему Кумарский. Часть оставшихся в живых казаков вынуждена была вернуться на Лену, остальные ушли к Нерчинску.

Безлюдье воцарилось на амурских просторах. Лишь развалины поселений свидетельствовали о бывшей здесь некогда жизни.

Вот таким и увидели Амур Никифор Романович Черниговский и его товарищи, когда они в зиму с 1665 на 1666 год прибыли в эти края. Однако уходить отсюда они не

собирались, ибо лучшего места для постройки крепости трудно было сыскать. Амур тут делает большую пологую излучину, прижимаясь главными водами к русскому берегу. Вдоль всей излучины стеною высится скалистый берег. На нижнем конце её, где Амур плавно огибает скалистый выступ, и было решено возвести основные сооружения крепости. Отсюда река хорошо просматривалась во все стороны. Не случайно в своё время именно здесь люди Хабарова решили возводить свои фортеции.

Думали, вот наладят жизнь, а потом и пашенным делом займутся. Как это было до прихода на Амур, когда они и хлеб растили, и несли службу в низших чинах.

Начали с того, что стали восстанавливать подъездные дороги к Албазину. Очищали их от упавших деревьев, гатили топи, бутили ямы. Одновременно принялись возводить часовню — ну как без своего храма православному? Мудрить с архитектурой не стали — сделали всё по-простому. Обыкновенный одноэтажный деревянный сруб на сваях из морёной лиственницы с деревянной колокольней. При часовенке — два дома. Тот, что попросторнее, — для батюшки, другой — для сторожа. Часовенку нарекли в честь Николая Чудотворца. Позже на территории острога была возведена Воскресенская церковь с приделами Богородицы Владимирской и Архангела Михаила.

Городок рос на глазах. Укреплялись и его стены, в коих появились две проезжие и три угловые подзорные башни, а также два ряда бойниц для верхнего и нижнего боя, что позволяло вести интенсивный огонь по врагу. Не забыли укрепить и подходы. Вокруг крепости был вырыт ров шириной в три сажени и глубиной в полторы. За рвом с двух сторон в два яруса были вбиты надолбы — стёсанные в острый конец бревна.

В остроге помимо двух церквей находилась приказная изба с покрытой тёсом крышей, где хранились войсковое камчатное знамя, приходные и расходные книги, челобитные и поручные¹ казаков, а также войсковая казна. Помимо этого были служебные помещения и четыре жилых двора. Ещё пятьдесят три жилых двора располагались за крепостной стеной. Избы в большинстве своём курные, рубленные, со всеми ухожками² и хозяйством опричь жилья. Внутри — сермяжная простота: горенка с волоковым³ окном, дубовый стол со скамьями, лавка у стены, в углу печь.

В 1670 году мирная жизнь для Албазина закончилась, когда, переправившись через Амур, к острогу подошла многотысячная армия маньчжуров. Враги попытались взять крепость приступом. Опасность была настолько велика, что в Москву поспешили доложить, что Микифорка-де с товарищами побиты. Но только это все были враки. Атаману и его казакам удалось выдержать длительную вражескую осаду, так что на следующий год старец Гермоген с братией вышли из-под защиты крепостных стен, заложив первый камень в строительство монастыря Всемиловейшего Спаса близ Албазина. Его возводили на средства албазинских казаков, а также на мирские подаяния, ходя по миру с иконою.

Возле монастыря вскоре появилась крестьянская слобода в один посад — Монастырщина, построенная гулящими людьми и переселенцами, приписанными к Албазинскому острогу. Село как село — рубленные избы с огородами, плетнёвые сараи, овины... В черёмуховую пору его не видать. Глянешь издали — одно сплошное белое облако. На въезде в него стоит оберег в виде креста, на который какой-то озорник напялил рубаху с портками. То ли человек, то ли распятый Иисус.

Пашенные крестьяне обрабатывали монастырские земли, разводили скот, лошадей, занимались ремёслами. Следом возникло еще несколько крестьянских селений — ведь народ-то продолжал прибывать на Амур. Кто-то шёл в поисках лучшей доли, кого-то сослали сюда за какую-то провинность и посадили на пашню, дав им ссуду: старых

¹ Поручная — письменная порука за кого-то, подписка, расписка.

² Ухожи — пастбища, выгоны.

³ Волоковый — строительный.

лошадей и жеребят, которые ни в соху, ни в борону не годились. Ральниками¹ их снабдили тоже старыми и негодными. Пришлось всё это покупать у торговцев в долг.

Многие из переселенцев были людьми умелыми и работающими, оттого земли под Албазином уже скоро превратились в хлебородные пашни, и вышло так, что уезд стал полностью обеспечивать себя хлебом, а излишки его продавал. А когда и казаки занялись землепашеством, то и вовсе наступила благодать. Сюда за мучицей да зерном ехали из Селенгинска, Якутска, Нерчинска и даже с далёкого Енисея.

В отстроенном Гермогеном монастыре появились первые иноки, которые зарабатывали себе на пропитание тем, что мололи албазинцам и слободским на двух монастырских мельницах зерно.

Когда на монастырской земле был поставлен первый скит, сюда из острога перенесли чудотворные иконы, о которых в народе ходили разные легенды.

Их было три главных — Святителя Николая Чудотворца Можайского, Спаса Нерукотворного и икона Божьей Матери «Слово плоть бысть», впоследствии названная Албазинской, чудотворной.

Все эти иконы привёз в далёкий край иеромонах Гермоген. А до того времени они находились в Киренском Свято-Троицком монастыре на Лене, который был основан старцем. В те времена было немало благочестивых монахов, искавших в дебрях Сибири безмолвного жития, а, нашедши его, основывали пустынную обитель, за что получали звание монастырского строителя. Собиравшаяся к таким пустынникам братия добровольно подчинялась их распоряжениям, и оттого зиждители² монастырей были их настоятелями, хотя и не носили никакого священного сана.

Без этих святых икон теперь не обходилось ни одно православное празднество. Вот и сейчас их вынесли из монастыря, чтобы совершить таинство крещения.

Впереди праздничной процессии, путаясь в длинной ряске, шел рыжеволосый, долговязый монашек в клобуке, держа в руках икону, именуемую «Слово плоть бысть» с изображением Богоматери с ребенком во чреве. По обеим сторонам лика ее были видны два шестикрылых серафима.

Эта икона с некоторых пор стала символом защиты здешнего казачества в борьбе с врагом. Теперь всякий раз, когда маньчжуры подходили к стенам Албазинской крепости, монахи поднимали эту святыню высоко над головой и, молясь во славу победы русской, держали ее до тех пор, пока не заканчивалась битва и враг постыдно не отступал.

Вслед за долговязым не спеша с чувством собственной значимости двигался круглолицый безбородый инок, прижимавший к груди икону Святителя Николая Чудотворца Можайского. Спаса же Нерукотворного нес широкоплечий чернявый молодец. То был Шандор, цыганский сын, некогда сбежавший из своего родного табора, что кочевал по Сибири с вожаным³ медведем. Однажды в Иркутске он случайно попал на воскресную службу в Благовещенский храм, откуда вышел совершенно другим человеком. Завороженный убранством церкви и всем, что увидел во время службы, он решил принять православную веру. А когда кто-то из святых отцов услышал, как он поет, то его тут же пригласили в церковный хор. Вопреки воле родных цыганский юноша целиком окунулся в православие и возмечтал служить диаконом. Я принял веру и познал людей добрых и светлых, говорил он позже.

Добрых и светлых на пути у цыгана встречалось немало. Первым его наставником стал отец Тихон, служивший настоятелем в одном из иркутских храмов. Тот помогал

¹ Ральник — сошная нога, на котр. насаживается лемех.

² Зиждитель - строитель.

³ Вожанный – ручной.

восемнадцатилетнему Шандору познавать законы Божьи. Еще тогда, когда он впервые переступил порог церкви, он понял, что его жизненная стезя там, где храм. Постигать все приходилось с азов. Юноша ни дня не учился в школе, но, взявшись за алфавит, освоил его за три дня — настолько сильна была его тяга к учению.

В таборе не одобрили выбор Шандора. Мать, испугавшись, что сын, став церковным служителем, теперь не женится, а, значит, не подарит ей внуков, грозилась свести счеты с жизнью. С большим недоверием к выбору парня относились и его брат с сестрой. А у бабушки даже пропал дар к гаданию. Цыгане пытались выкрасть его и увести с собой, однако не получилось. Так и остался парень при церкви.

А однажды старательного инока заметил старец Гермоген. К тому времени Шандора уже назначили помощником старосты одного из иркутских приходов, должность которую он исполнял с необыкновенным рвением. Гермоген поговорил с отроком, а потом вдруг предложил ему ехать с ним на реку Лену, где находился основанный им Киренский Свято-Троицкий монастырь.

Шандор, послушав речи старца о житие приленских монахов, возгорелся желанием подвергнуть себя новым испытаниям на пути служению Богу. А когда в 1665 году несколько десятков казаков после убийства их предводителем Микифоркой Черниговским илимского воеводы Лаврентия Обухова подняли в Усть-Киренге бунт и отправились на вольный Амур, он безоговорочно последовал за старцем.

Теперь он один из немногих, кто знает всю правду о том, почему Гермоген отправился вместе с бунтовщиками. Хотя нет — всю правду он знать не может, разве что только его пытливый ум силится добраться до истины.

Вот люди, к примеру, говорят о том, что старца насильно атаман увез с собой на Амур. Но ведь Шандор помнит нечаянно подслушанный им разговор Гермогена с Хабаровым, которого царь за успешное приведение народов Приамурья в Российское подданство наградил званием сына боярского и назначил управителем приленских земель, откуда он несколько лет назад пошел на великий Амур. А говорили они о том, как хорошо было бы наладить духовную жизнь в неизведанных, загадочных краях, коими они считали Приамурье. Нет, не смог бы старец без молитвенной подготовки и упования на промысел Божий уйти в дальние земли. Доказательством тому — привезенные им на Амур три иконы, которые стали чудотворными святынями.

Ну а слух о том, что Гермоген был увезен насильно скорее всего распространили сами духовные власти, чтобы обезопасить его и себя от обвинения в сочувствии разбойникам и убийцам.

Глава третья. Опарины

Завидев спускающуюся к реке процессию со святыми образами и хоругвями¹, вслед за ней бросилась толпа зевак, а бывшие в ожидании на берегу Амура настоятели обеих албазинских церквей и их служки как-то разом подобрались и стали ждать появления старца.

Спустившись с кручи и ступив на речной галечник, старец огляделся. От его взгляда не ушла ни одна деталь. Он хмыкнул довольно, завидев большую толпу любопытствующих, принарядившихся по случаю праздничка. Но больше всего его порадовали эти люди, что смиренно стояли у кромки воды. Сняв одежды и оставшись в одном исподнем, они терпеливо ожидали начала таинства. «Да будет так во веки веков, и пусть будет меньше заблудших чад и больше верующих в нашего Господа Бога», — прошепстели тонкие бесцветные губы Гермогена.

¹ Хоругвь — штандарт, полотнище на длинном шесте с изображением Иисуса Христа, Богородицы или святых, обычно выносимое во время крестных ходов.

На берегу с криком и визгом бегали чёрные от солнца босоногие казачата.

— А ну брысь, окаянные! — прикрикнул на них один из послушников. Старец с укором посмотрел на него.

— Да пусть поегозятся — дети ведь. Аль сам таким не был?

Помедлив немного и дав возможность стоявшим у кромки воды людям обрести чувство момента, он вдруг негромко произнес:

— Чада мои, хочу вас спросить... Скажите, по доброй ли воле вы пришли сюда? Гнал ли вас кто аль по зову души и сердца вы решили приобщиться к святой вере? — Оцепеневший от волнения люд безмолвствовал. Не дождавшись ответа, старец продолжил: — Хочу напомнить вам, братья и сестры, что крещение — есть таинство, в котором верующий умирает для жизни плотской, греховной и возрождается от Духа Святаго в жизнь духовную, святую. «Если кто не родится от воды и Духа, — сказал Господь, — не может войти в Царство Божие». Крещение начал Предтеча Христов Иоанн. Иоанн крестил водою в покаяние, говоря, чтобы веровали в Грядущего по нём, то есть во Христа Иисуса.

Потом Иисус Христос примером своим освятил крещение, приняв оное от Иоанна. Наконец по воскресении своём Он дал апостолам торжественное повеление: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа». От того, кто желает принять крещение, требуется покаяние и вера... Люди добрые, все ли вы покались пред крещением? — оглядев стоящих перед ним людей, спросил Гермоген.

— Все, батюшка! — вразнойбой отвечали ему.

— А вера? Все ли пришли к таинству с верой во Всевышнего? — и снова нестройное: «Да!».

И тогда он начал читать Символ веры. «Покайтесь и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов, и получите дар Святаго Духа». И далее: «Кто будет веровать и креститься, спасён будет...»

Когда он это произнёс, сопровождавшие старца иноки стали молитвами, призыванием Святаго Духа и крестным знаменем освящать воду.

— Ну а теперича в ердан¹! — произнёс старец и указал перстом в направление реки. — И хлопчиков, хлопчиков своих уймите, — это он молодым бабам в длинных исподних рубашках, на руках которых веньгали² разморенные на солнце голые младенцы. — Ну, что встали? Гайда!.. Гайда!.. — глядя на то, с какой опаской люди входят в воду, действительно требует он.

— Эй, народ! А ну давай, слухай старца!.. Да не бойсь, не унесёт вас вода — гляньте, какая тишь-то на реке, — приходит на помощь Гермогену дюжий диакон Воскресенской церкви Иона, прозванный казаками Кувалдой за то, что тот часто в спорах вместо слова употреблял кулак. Это был бывший полковой священник, которого прибила к здешнему берегу всё та же переселенческая волна. За какие-то там недобрые делишки ему было запрещено служение и рясоношение, более того, его ждала тюрьма и отлучение от Церкви, но он сбежал и теперь чувствовал себя в безопасности в этом далёком диком краю.

Иона был известный бражник³, и перепить его едва ли кто из казаков мог. Разве что Игнашка Рогоза, верный сподручник Черниговского. Человек он вроде на вид хлипкий, но пьёт — будь здоров!

Впрочем, были и другие лихие бражники, которые могли претендовать на роль первых здешних пьяниц. Одни из них ещё недавно пили мёд да брагу с самим Стенькой Разиным, кочуя где на стругах, где на лошадях по бескрайним просторам Московии и грабя всех, кто попадал им под руку. Те же, к примеру, Гридя Бык, Иван Шишка по

¹ Ердан — Иордань, прорубь.

² Веньгать — ныть, хныкать.

³ Бражник — пьяница.

прозвищу Конокрад, Семён Антонов, Карп Олексин, Фома Волк, Григорий и Леонтий Романовские... Те ещё висельники и ярыги, сбежавшие на Амур от государева гнева.

И всё же с Ионой тягаться было себе дороже. Иные казаки, чувствуя в себе силушку, не раз пытались на спор перепить его, после чего, охая и страдая, сутками отлёживались где-нибудь в тени под телегой, требуя загробным голосом от жён своих холодного кваса, а лучше огуречного рассола. А тому хоть бы хны. Бывало, с вечера осилит вместе с товарищами баклагу — добрый бочонок ядрёной браги, а утром встанет, сорвёт на огороде хряпы¹, изжуёт её — и на службу, на ходу отрыгивая капустой и отравляя округу своим убийственным перегаром.

Когда кто-то выговаривал ему за его бесконечное пьянство, мол, побойся Бога — не пей как лошадь, он только смеялся тому в лицо. Дескать, не грози попу церковью, он от нея сыт живёт! Разве вам не ведомо, что у нас и губка пьёт, и растенья, и трава, та же земля пьёт?.. Так почему ж я не могу выпить? Чем я хуже?.. И вообще, мол, нечего на меня яриться — я ж вам ни какая-нибудь там загулявшая стрелецкая жонка². Я самый что ни на есть помощник настоятеля церкви и меня не бранить, а слушать надобно, ибо я вещаю гласом Божьим.

Это он говорил с необыкновенно серьёзным и важным видом, после чего склонявшему его к разуму человеку ничего не оставалось, как прикусить язык. С небом оно спорить и браниться небезопасно.

В общем, в отличие от многих своих товарищей, с похмелья он не страдал, тем паче не буянил. А вот в пьяном угаре он был страшен. За ночь мог столько дров наломать! А утром встанет как ни в чём не бывало и идёт у людей прощения просить. И ничего, прощают.

— Ну, чего встали? Хотя б по грудь зайдите!.. — заметив, что люди, войдя по щиколотку в воду, замерли в нерешительности, снова прогудел Иона. — Да не бойтесь, не утопнете... Святое дело — оно верное.

Молодые матери, а с ними тунгусы и другой разнопёрый люд, покорно двинулись вперёд, осторожно ощупывая под ногами каждый камешек и стараясь не споткнуться и не упасть в реку. Тёплые водяные струи, забравшись под одежды, ласково коснулись их тел. Сделав несколько шагов, они снова остановились и повернулись лицом к берегу.

— Всё, будя! — машет им рукой Гермоген, после чего, назнаменовав крестным осенением воду, велел молодым матерям троекратно погрузить своих чад в купель. Следом он заставил окунуться в реку и тунгусов. Многие из них его не поняли, тогда на помощь старцу пришёл Иона. Приподняв руками длинные полы своего старенького подрясника, он стремительно вошёл в реку и стал с головой окунать бедолаг в воду. Те не сопротивлялись, только кротко глядели на него, полагая, что делает это он не по злему умыслу, а согласно каким-то тайным правилам.

Гермоген доволен, ощущая благодать на душе. Ну как же — ещё целый отряд праведников выйдет сейчас в мир преисполненной Господней благодати.

— Во имя Отца и сына и Святого Духа! — при каждом погружении крестившихся вещал он слабым голосом и при этом осенял их крестным знаменем.

Великий миг торжества! Всё замерло вокруг в предчувствии чуда. И даже бегавшие до этого на берегу детки успокоились. Открыв рты, они глядели туда, где, погружённые в воду, приобщались к вселенскому таинству люди. Примолкли очарованные происходящим и стоявшие вокруг святых образов зеваки, а также те из острожан, что не пожелали спуститься к воде и теперь взирали на всё происходящее с высоты крутого обрыва.

¹ Хряпа — капуста.

² Жонка — жена, женщина, баба.

Больше всех, наверное, в эту минуту был поглощён происходящим войсковой старшина Федька Опарин, высокий светлородый казак в надвинутой на самые глаза бараньей шапке. Что у него творилось в душе, одному Богу известно, только его глаза выдавали радость.

Матёрый. Тяжёлая рука его лежит на красной широкой запояске, из-под которой поблёскивает серебряная рукоять пистоля. Расстёгнутая пуговица на рубахе выказывала его мощную жилистую шею. Лицо скуластое, всё в шрамах, а когда он поворачивает голову, в правом ухе его блестит золотое османское кольцо с изумрудом. Косая сажень в плечах, он слыл среди здешних казаков лихим рубакой, а к тому же не последним силачом. Не мужик, а ветер, говорили о нём люди. И в самом деле, он был похож на ветер — такой же резкий, своенравный и непредсказуемый. Стоя на песчаном поросшем татарником сугорке, он вместе со всеми жил происходящим.

Ай да молодец, девка! — глядя на стоящую по грудь в воде тоненькую и гибкую, словно прутик лозы, азиатку, державшую на руках младенца, радуется он. А сказывала, ни за что креститься не будет и малыша нашего не покрестит. Ан нет, всё вышло по-моему!..

В избытке чувств он сорвал с головы шапку и с размаху ударил ею о землю.

Это была его Сью Пин, Санька, которую он год назад привёз из похода. И не одну, а с молоденькой уйгуркой, буквально девочкой-подростком по имени Най-най, тут же ставшей для обитателей крепости Маняшкой. Эта девочка была Санькиной амой — служанкой, потому как сама Санька оказалась птицей высокого полёта. Чуть ли не принцессой, потому как была дочерью большого военачальника, состоящего в родстве с самим Богдыханом¹. Об этом сказывала казакам Маняшка, о том же поведали им и посланники чучарского дзяньдзюня², приезжавшие разыскивать Сью Пин. Конечно же, никто им правды не сказал. Дескать, никакой маньчжурской полонянки в остроге нет, так что ищите вашу кралю в другом месте, но те, конечно же, не поверили. Потому за первыми посланниками последовали и другие. Но и они ушли ни с чем.

Видно, и впрямь знатная девонька, тогда подумал Фёдор. Дело приобретало крутой оборот. Мало того что маньчжуры грозились силою вызволить Саньку, они ещё обещали жаловаться на казаков московскому Царю. Но Опарин, успев привязаться к этой красивой богдойке, и думать не хотел о том, чтобы возвращать её маньчурам.

Когда Наталья, жена Фёдора, поняла, что эта азиатка останется в их доме, более того, что муж Федька, этот ненасытный кобель, собирается сделать её наложницей, тут же слегла. В доме переполох. Сыновья Фёдора Пётр и Тимоха в панике. Мамку лихоманка одолела! А всё отец... И зачем он эту узкоглазую в доме приютил? Нехорошо это, не можно так жить при живой-то жене. А может, взять да порешить эту разлучницу? Почто она воду мутит! Всё зло только в ней. Не будет её — и мамка встанет на ноги.

— Только посмейте! — подслушав нечаянно разговор братьев, замышлявших убийство его наложницы, грозно предупредил их отец. — И не посмотрю, что вы мои сыновья. Обоим ноги повывёргаю.

Старший, восемнадцатилетний Петруха, услышав это, вскипел и даже вгорячах бросился на Фёдора, но тут же получил такую оплеуху, после которой он долго не мог оправиться.

— Я те покажу, как на отца руку поднимать! — весь бледный, говорил Фёдор. — Ещё молоко на губах не высохло, а туда же. Лучше побереги силёнки для ратных дел.

Сыновья-то у Фёдора ражие — все в него пошли. И Петька, и погодок его Тимофей. Но покамест у хозяина семейства ещё хватает силушки, чтобы с ними справиться. Чай, не старик ещё — в прошлом месяце только сорок пять годков стукнуло. Если учесть, что дед его до девяноста лет дожил, то это всего ничего. И батька бы дожил,

¹ Богдыхан — так в древности русские называли маньчжурского императора.

² Дзяньдзюнь — китайский губернатор в Маньчжурии

но чума его свалила, это когда в Москву та страшная болезнь пришла с южной стороны. Может, купцы её завезли, а может бродяги какие. Но народу тогда вымерло — жуть!

После крутого разговора с Фёдором, сыновья его больше не пытались строить козни азиатке, однако в душе не простили и ей, и отцу материнских страданий. Глядели на тятюку исподлобья, да и наложницу его не жаловали ласковым взглядом. В общем, с некоторых пор в доме воцарилась непогодь. Видя, что так продолжаться долго не может, Фёдор нанял плотников, при этом самых лучших в округе, и те срубили почти что по соседству с его избой просторный теремок на подрубе¹ с резными подзорами² над окнами и на крыше. Место для постройки Опарин выбирал сам — чтоб недалеко было до крепостных ворот. Это на случай, если вдруг на горизонте появится враг — тогда меньше времени потребуется, чтобы увести Саньку с Маняшкой под защиту крепостных стен.

Строительный материал для хором и искать не надо было. Вот она тайга-то перед глазами с её вековыми могучими соснами, лиственницей да берёзой. Срубленные на корню деревья можно тут же пускать в дело.

Опарин спешил, поэтому строители поначалу решили рубить обычную курную избу, какие были у многих здешних переселенцев. Обтёсанные стволы они укладывали плашмя на «пошву», — прямо на землю. Но тут Федька вдруг вспомнил, что строит-то он не для кого-нибудь, а для знатной барыньки и потому приказал ставить дом на подклеть, чтобы жилая его часть не зарывалась зимой в снег, а весной не тонула среди луж. Негоже такой девке жить в простой избе — надобно чтобы было всё, как в городе.

А плотникам что — им бы только платили, а уж они-то сделают всё, что им велят. У Федьки, который в последние годы только и делал, что грабил бояр да купцов, деньга была, и потому дело шло споро³. Терем рос прямо на глазах. Закончив рубить подклеть, где можно было поместить домашний скот и птицу, ремесленные мужики принялись за строительство над нею горниц. Они укладывали брёвна «в клеть», — вперекрёстку, а углы с выпущенными концами крепили, врубая одно бревно в другое, чтобы эти углы не промерзали зимой. Для того чтобы брёвна лежали плотно одно над другим, между ними прокладывали сухой мох, который мягким пушистым ковром расстилался в тайге прямо под ногами.

На верхний этаж, в красный ярус, можно было подняться по лестнице через высокое крылечко, а по накату по сходням спуститься в хозяйственные склады — сени, в которых могли свободно уместиться телега и сани.

Крышу теремка мужики сделали с полицами, высокой и скатом, чтобы на ней не задерживались ни снег, ни дождевая вода. Покрывали же гонтом — щепой, отчего та стала похожа на еловую шишку. В итоге теремок, построенный без единого гвоздя, получился крепким, красивым и, что очень важно, без щелей.

Когда дом был готов, Опарин заставил плотников вырубить топорами украшения на потолочных балках, на наличниках окон и на широком просторном крыльце. Только после этого он привёл сюда азиаток.

Посмотреть на чудо люди шли даже из дальних деревень. Сколько судов-то да пересудов было! Особливо не жалели Федькин слух бабы. Уж они-то позубоскалили, уж они-то поиздевались над человеком! Мол, жене своей таких хором не отстроил, а этой, узкоглазой фре — пожалуйста! И где он только деньги взял на всё это? Не иначе как воровал всю жизнь, а ещё хуже — грабил честной народ.

Что до мужиков, то эти Федьку и не думали осуждать. Они деловито обошли теремок и похвалили хозяина. Лепо! — говорят. Что ж, мол, такому терему и Москва бы

¹ Подруб — рубленая подклеть, нижний исподний ярус двужилой избы, где размещаются кладовые и др. хоз. помещения.

² Подзоры — резные доски, навесцы, украшения.

³ Споро — быстро, ловко и успешно.

позавидовала. А вот им никогда таких хором не видать. Это ж сколько соболей нужно продать, чтобы построить такой вот сказочный чертог?..

После того, как строительство было закончено, Опарин стал жить, как говорится, на два дома. День в одном поживёт, день в другом. И не один из этих домов войсковой старшина без куска хлеба не оставлял. Коль, как говорится, взялся за гуж...

... Федька даже крикает от восторга, когда Санька вместе со Стёпкой в третий раз окунается в реку с головой.

— Ну, молодцом, молодцом! — вырывается у него из груди.

Вот так, теперь и Санька со Степкой у него крещёные. А это означает, что они навеки повязаны через русского Бога и с ним. И это радует войскового старшину.

Будто бы почуяв его взгляд, азиатка пристально посмотрела в сторону берега. Отыскав глазами Фёдора, кротко улыбулась и зарделась румянцем. Это даже видно было издали. Привыкает, девонька, потихошку к своему положению, удовлетворённо подумал Фёдор. Даже лепетать по-русски начала. А ведь поначалу всё брыкалась. И кричала на него на своем языке, и царапалась, и кусалась. Было, что и с кинжалом на хозяина своего бросалась. Ну прямо дикарка какая-то! Но он-то верил, что в конце концов обломает ей крылья. Чай, не в первой ему с пленными наложницами возякаться. Когда они с Разиным ходили на Персию, то многие тогда казаки привезли с собой полонянок. Среди них тоже были отчаянные. И дрались, как Санька, и кусались, и с кинжалом на казачков бросались. Однако потихоньку свыклись со своей участью, а иные даже и полюбить сумели разбойников. У Фёдора тоже была одна такая, Фарюзой звали. Месяц позабавился с ней, а потом в Самаре обменял её на бочонок браги.

Последней была цыганка Дуся. Красавица, но больно уж дерзкая и взбалмошная. Она родила Фёдору сына, но когда он ушёл в очередной свой поход, сбежала от него вместе с дитём, прихватив с собой все имевшиеся в доме драгоценности. Искать её Фёдор не стал. А зачем? У казака своя доля, у цыган своя. И никогда им не быть вместе.

Те весёлые дни Фёдор вспоминает с чувством. Конечно, всё тогда плохо кончилось, но зато как погуляли! После этого ни дыба была не страшна казакам, ни виселица. Потому и умирали с улыбкою на губах, бесстрашно глядя в глаза палачам.

... Внебрачного сына Фёдор решил назвать Стёпкой — в честь Степана Тимофеевича Разина, с которым он когда-то ходил разорять боярские гнёзда и за что чуть не поплатился жизнью. Малыш живой, шустрый. И крупный — в отца. Ему всего-то от роду четыре месяца, а он уже дошлый¹ такой — кулачком батьку тычет. А ну, мол, подожди, вот вырасту — всем задам.

Фёдор — человек суровый, но при виде Стёпки душа его тает. Последыш, так сказать, любимый сын. Не все в остроге понимают весёлый настрой старшины, не все разделяют его чувства. Безбожник! — часто слышит Федька за своей спиной. Божьи законы, сукин сын, нарушает. Что Иисус наш говорил? Правильно, не прелюбодействуй, а он что?..

В основном, конечно, его осуждают бабы, жалея Наталью. Всех перехаяли, окаянные, всех расхаяли в пух! — сердится в душе на них Фёдор. Но что с этими злыднями поделаешь? Бабы они и есть бабы. Другое дело их мужья, которые в большинстве своём на его стороне, понимая, что все они на этом свете не святые, остальные же не осмеливаются осуждать его в глаза. Слишком у Фёдора крутой нрав, а ещё тёмное прошлое. Ведь, по слухам, с самим разбойником Степкой Разиным этот здоровяк якшался. Его б в кандалы заковать, а он, понимаешь, на свободе брагу пьёт да над людьми посмеивается. А Фёдор и впрямь тот ещё вор! Похлеще, быть может, того же

¹ Дошлый – смыслённый, скорый.

Гришки Отрепьева или Ваньки Каина. И, слава Богу, люди не знают всего, что он натворил за свою жизнь.

... На Фёдора вдруг нахлынули воспоминания. Он вспомнил, как они с Натальей крестили своего первенца. Тот, пока шли в церкву, спал на руках матери, а тут вдруг, услышав чужие голоса, завёлся. И так плакал, так плакал...

— Успокой, сестра, своё чадо, — мохнато глянул на Наталью длинный, словно жердь бельевая, диакон. — Не то батюшка осерчает.

Федька с Наташкой стали успокаивать малыша, а тем временем диакон поставил посредине церкви медную купель, рядом положил на столик серебряный ковчежец-мирницу¹, требник², свечи и белоснежное вышитое крестами полотенце.

Из алтаря вышел батюшка в епитрахили³ и стал совершать чин оглашения. В одной из молитв он назвал младенца новоизбранным воином Христа Бога и молил Господа дать ему Ангела-Хранителя. Склонившись над ребёнком, он трижды подул на него и произнёс:

— Изжени из него всякого лукавого и нечистого духа, сокрытого и гнездящегося в сердце его.

После этих слов, хныкавший пред тем Петька, вдруг примолк и, как показалось Фёдору, выразительно посмотрел на священника.

— Ангел его успокоил, — шепчет на ухо Фёдору Наталья.

Батюшка попросил восприемников⁴ обратиться лицом к западу и трижды спросил:

— Отрицаешься ли сатаны и всех дел его, и всех аггел его, и всего служения его, и всея гордыня его?

И восприемники трижды отвечали:

— Отрицаю!

В знак сочетания со Христом им прочитали Символ Веры.

— Теперь приготовьтесь к таинству Крещения, — неожиданно шепнул молодым родителям диакон.

— Отреши его ветхость и обнови его в жизнь вечную, и исполни его Святаго Твоего Духа, — проговорил батюшка.

Крёстная мать, а это была Авдотья Семёновна, Наташкина бывшая соседка, положила Петьку на скамью и стала освобождать его от одеяла и пелёнок. Малыш не издал ни единого звука. Только улыбался блаженно и что-то пытался говорить.

В знак душевной радости над чашеобразной купелью зажгли три свечи, и по одной свече дали восприемникам. Батюшка облачился в светлую ризу, опоясал руки серебряными поручами и стал читать молитву о неизречённом величии Божьем, бесконечной любви его к роду человеческому и наитии Святаго Духа на крещенскую воду.

— Ты убо человеколюбче Царю, освяти воду сию!

Батюшка трижды благословил глядевшую на мир голубыми глазами ангелов воду, погрузил в неё пальцы, сложенные для благословения, и три раза подышал на неё, при этом приговаривая:

— Да сокрушатся под знаменем креста Твоего все сопротивныя силы!

Из серебряной мирницы батюшка взял тонкий помазок, обмакнул его в священный елей и начертал на воде троекратный крест.

— Благословен Бог, просвещаяй и освещаяй всякого человека, грядущего в мир!

Следом, склонившись над Петькой, батюшка стал помазывать тело его крестом.

¹ Ковчежец-мирница — сосуд для хранения св. мира.

² Требник — жертвенник, освященный стол на левой стороне алтаря.

³ Епитрахиль — принадлежность богослужебного облачения православного священника и епископа — длинная лента, огибающая шею и обоими концами спускающаяся на грудь.

⁴ Восприемник — крестный (ая).

— Помазуются раб Божий Пётр елеем радования, во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Голенького помазанника батюшка взял на руки и погрузил в купель.

— Крещается раб Божий Пётр!..

После этого Петьку облачили в белые ризки¹, повесили на шею крестик на светло-синей ленточке и пропели радостными голосами:

— Ризу мне подаждь светлу, одейся светом, яко ризою!

Потом было ещё что-то... Кажется, батюшка читал Евангелие о прощальном заповедании Христа идти в мир и крестить всех людей во имя Его... Произносились ектения² о милости, жизни, мире, здравии и спасении новопросвещённого младенца Петра.

— Как пророк Самуил благословил Царя Давида на царство, так благослови и главу раба Твоего Петра!

Это были последние слова священника, после чего он сделал постриг младенцу, отдав тем самым его в руки Божии.

Дома их уже ждали Федькины родители. Накрыли стол, выпили за новоокрещённого, порадовались за него — так и прошёл славно день. А утром снова дела...

Кажется, недавно это было, а вот уже и сыновья выросли. Теперь этого маленького Чингисхана надо поднимать. Но ничего, подыдем, лишь бы войны не было, подумал Опарин.

— Что, на сына никак налюбоваться не можешь? — усмехнулся стоявший рядом с Фёдором бывший новгородский стрелец, а ныне знаменщик Васюк Дрязгин. Его только чудо спасло от виселицы после того, как он встал на сторону бунтовщиков, призывавших народ не подчиняться царским указам, а вернуться к порядкам, какие были в Новгородской вечековой республике, где жилось вольготнее, потому как власть себе выбирали сами граждане города. — Ты вот скажи мне, друг мой разлюбезный, как теперь жить-то собираешься? У тебя ж родная жонка есть, а ты... — он косится на стоящую поодаль Наталью.

— Непочто меня корить, — мельком взглянув на долговязого и узкотелого товарища, недовольно пробурчал Фёдор. — Детей я вырастил. А коль так — теперь могу и душу отвести.

Васюк усмехнулся.

— А то ты у Стеньки Разина её не отвёл! Гуляли так, что вся матушка Русь сотрясалась. Али не правду говорю?

Васюк для Фёдора первый в крепости товарищ. Они столько вместе натерпелись, прежде чем оказались на Амуре. Считай, всю тайгу прошли от начала до конца в поисках вольного угла.

Тот чуть постарше войскового старшины, однако до сей поры семью так и не завёл. На вопрос Фёдора, почто тот бобылём живёт, отвечал, что, мол, ещё успеется. Хотя куда тянуть? Иные в такие лета уже с внуками нянчатся.

Фёдор привёз тогда семью, считай, в чисто поле. Сердобольные люди поселили их в курене из соломы. Там же и Васюку нашёлся угол. Вставали рано, ложились поздно. Впереди была зима — нужно было обустроиваться и заготавливать пищу. Сыновья помогали отцу рубить за крепостной стеной избу, тогда как жена Наталья с дочкой Аришкой солили в бочках грибы, собирали ягоды да травы от всяких болезней, шили из шкур, что выменяли у тунгусов на бусы и кольца, ергачи³ и унты.

¹ Ризки — ткань, в которой восприемники принимают младенцев от купели.

² Ектения — ряд молитвенных прошений, произносимых диаконом или священником от лица всех молящихся во время богослужения.

³ Ергач — меховая шуба.

— А Наталья?.. Ты подумал о ней? — неожиданно спрашивает товарища Васюк.

— За Наталью не бойся... Я её в обиду не дам, — хмурит брови Опарин. — Чай, жена всё ж она мне.

— Жена-то жена, да огнём обожжена, — нечаянно подслушав разговор товарищей, молвил неслышно подкравшийся к ним сзади хорунжий Ефим Верига, который пришёл на Амур вместе с отрядом Черниговского.

Это была его привычка появляться внезапно. Ходит, будто лиса, говорил о нём Опарин. Станный, мол, этот человек, и глаза его какие-то плутовские. А уж норова в нём!.. Короче, та ещё заноза в заднице.

В отличие от Фёдора, Верига не был богатырского сложения, однако ловкий такой — хоть чёрту в дядьки. Так что порой и местные богатыри бывали биты им. А ещё он хорошо владел саблей, потому как был потомственным казаком. А то, что у него была тёмно-рыжая борода и карие глаза с раскосинкой, так это всё оттого, что родила его оттоманка, которую отец, запорожский казак, привёз из дальнего похода.

В Албазине поговаривали, что Ефим неровно дышит к Наталье Опаринной, которая к своим годам не потеряла ещё былую красу. Светлая, статная, голубоглазая, с длинной пшеничной косой, как бы нечаянно переброшенной на высокую грудь, она до сих пор привлекала внимание сильного пола. Величавая славянка. Пройдёт — словно солнцем осветит. Посмотрит — рублём одарит. Бывало, выйдет по-воду с коромыслом на плечах, а казачки тут как тут. Смотрят ей вслед и крикают, поправляя не вдруг затопорщившийся ус. Хо-ро-ша!

О том, что Ефим был влюблён в его жену, Фёдор давно догадывался. Но он не злился на Веригу, понимал, что Наталья никогда не изменит ему. Потому вся эта история с Ефимовым увлечением лишь тешила его мужское самолюбие.

— А ты не лыбься, ведь через бабу все беды-то и бывают, — предостерегал его Васюк.

Ну, это для Фёдора не ново. Всё он знал и про баб, и про то, как из-за них боём смертным дерутся. А тут ещё его Санька, сама того не ведая, масла в огонь подлила. Ох, не простит ему Ефим того, что он не отдал ему эту восточную красулю. А ведь как просил! На коленях готов был умолять. Мол, у тебя есть и жена, и детки, а у меня никого. Отдай мне девку. Но разве Фёдор когда отдаст золото, что в руках у него лежит?

— Что, и ты, Ефим, вздумал меня судить? — зло смотрит на хорунжего Фёдор.

— А ты-то сам рази не судишь себя? — на что отвечает тот. — Таковую бабу да на узкоглазую променять!.. Эх, жаль, не я её муж...

Фёдор фыркнул.

— Сам себя не хаю, да и людей не хвалю, — жёстко проговорил он. — Хвалёный пуще хаянного. А что касается моей жонки... Так это не твоего ума дело, что у нас там, в семье творится, понял? Вот заведи свою половину — тогда и лай...

У, дьявол, в самое сердце уколел! — скрипнул зубами Ефим. Да была у него эта половинка, была! И детки были. Только их всех в полон османы проклятые увели. Это когда ещё Верига за Днепровскими порогами жил, в Сечи Запорожской, где вместе с товарищами веру и земли христианские берёг от басурман заморских. Он пытался искать своих родненьких — да куда там! Это то же самое, что иголку в стогу сена найти. Османия большая. Там и горы высокие, и пустыни необъятные... Пойди, обойди всё это. Море переплыть оно можно, а потом куда?.. Было, рыскал он по этим горам да пустыням — всё напрасно. Будто бы сквозь землю его детки с женою провалились.

— Ну-ну... — как-то нервно подёргал за висящую у него в мочке левого уха золотую цыганскую серьгу Верига и отошёл в сторону, оставив Фёдку с Васюком одних. Однако и после этого продолжал тянуть к ним ухо, чтобы услышать, о чём они там говчут¹. Но те больше молчали, попыхивая трубками.

¹ Говчить – говорить.

Но вот обряд крещения завершился и под пение псалмов, исполняемых монашками и послушниками, старец велел пастве выходить на берег. Люди не сразу откликнулись на его призыв. Они стояли по пояс в воде, из-за торжества момента не в силах прийти в себя. Даже младенцы не плакали на руках своих матерей — будто бы чья-то невидимая ласковая рука успокоила их. Не Божия ли то Матерь была, чей лик блаженно светился в лучах восходящего солнца на одной из святых икон?

Наконец обретя себя, люди начали выбираться из воды. Чутьочку растерянные, но просветлённые. Мамаши тут же принялись менять у своих чад мокрые пелёнки. Часть окрещённых, как и подобает в таких случаях, надели на себя белые длинные рубахи, остальные же, у кого по каким-то причинам таковых не оказалось, обошлись и так.

— Чада мои, а теперь послушайте, что я вам скажу, — дождавшись, когда его помощники обнесут всех окрещённых гайтанами¹ с медными крестиками, заговорил вдруг Гермоген. — Вы только что приобщились к святому таинству и приняли православие. Честь вам и хвала! Пройдут годы, и вся эта земля, на которой мы с вами стоим, все люди, населяющие её, вольются в ряды православного братства. Но вы будете первыми, кто понесёт свет Господний по этой стороне. Это есть великое предназначение Православия. От Востока звезда сия засияет. Так что в путь добрый, православные! Внуки не забудут вашего подвига духовного.

Эти слова произвели впечатление на людей. И на тех, кто только что принял обряд крещения, и на стоящих вокруг зевак. «Во как! Во как! — говорили они. — Выходит, мы свет Господний несём по этой земле. Однако!...»

Старец, исполнив службу, уже хотел было повернуться и покинуть берег, когда к нему подошёл Никифор Черниговский в сопровождении своего сподручника Игнашки Rogozy.

— Отче, благослови, — наклонившись и поцеловав руку старцу, просит атаман. Тот дотронулся до его чела и осенил его крестным знаменем.

Никифор расправил плечи. Кряжистый, чернобородый, востроглазый, он был похож на матёрого ястреба, зорко и одновременно недоверчиво глядящего на этот суровый мир. Хотя что ему теперь бояться? Царь Алексей Михайлович, в отличие от Ивана Грозного и иных своих предшественников, не желал выдавливать из своих подданных кровь и душу и потому часто прощал провинившихся. «Лучше слезами, усердием и смирением перед Богом промысел чинить, чем силой и надменностью», — говорил он.

Вот и Никифору повезло. В 1672 году опальный атаман со своими сподвижниками, благодаря их героическим делам на Амуре, был помилован и назначен царским приказным человеком в Албазине, после чего этот острог первым в Сибири из «воровского²» превратился в державный. «И пусть Никифор Черниговский с казаками те рубежи на Амуре-реке сторожит и на тех рубежах стоит насмерть», — наказал он. А ведь незадолго до этого «беглый поляк» вместе с главными сообщниками, всего семнадцать человек, были приговорены к смертной казни, а сорок шесть человек остальных, приставших к шайке после убийства воеводы, — к отсечению рук и наказанию кнутом. И вот теперь новый указ...

Никифор даже прослезился, когда ему прочли его. И так он проникся чувством к Царю, которого ещё недавно поносил на чём свет стоит, что ему тут же захотелось дел ратных во славу Отечества. Чтобы угодить Государю, чтобы тот понял, что он не ошибся в нём, в Никифоре, даруя ему прощение.

¹ Гайтан – тесьма, шнурок для крестика.

² Воровской – незаконно построенный (Албазин был воровской крепостью — единственной на Руси, строившейся без высокого дозволения).

Пред тем атаман не больно-то усердствовал, понимая, что все его добрые дела не будут замечены Москвой, потому больше бражничал, бывало закатывая по случаю и без такового великие пиры. А ещё разбойничал на богдойских дорогах, грабя азийских купцов и устраивая сечу с отрядами попадавшихся на его пути маньчжуров. Гермоген часто выговаривал ему за это, когда тот возвращался из очередного похода с трофеями. «Не то творишь! — говорил он ему. — Врагов себе наживаешь, а нам друзья на Амуре нужны».

Но что Никифору до его слов! Мол, святой отче, ну о чём ты говоришь? Мы люди вольные, посему творим всё, что хотим. Что же касаето пьянства... Но да ведь и Господь любил пображничать со своими Апостолами. Али не сказано в Священном писании, что вино есть возбуждение духа человеческого? И потерей ума, — тут же добавляет старец, для которого вино всегда было лишь высочайшим Таинством Тела и Крови Господней и оно заповедано Господом лишь для Святого Причастия, а не для жбанства¹.

Атаман лишь горестно вздыхает. Он понимает, что Гермоген прав, но поделаться с собой ничего не может. Ведь сам он — человек пропащий, можно сказать, обыкновенный висельник. Тогда на кой чёрт ему нужна эта праведная жизнь, о которой постоянно твердит ему старец? И он продолжал гулять и разбойничать на дорогах.

«Гордыня в тебе, гордыня сидит, — упорно стоял на своём Гермоген. — Оттого и все твои напасти. Ведь Господь гордым противится, а смиренным даёт благодать».

Но теперь вроде бы всё наладилось. Получив царское прощение, атаман всё больше стал вникать в дела уезда. Он всё чаще навещал в соседние селища, стараясь помочь людям где словом, где делом. Тех же, кто дебоширил или лень великую выказывал, нещадно бил плетью или сажал в яму на хлеб и воду. Люди не обижались на него — на то он и атаман.

Лишь одну слабость Никифор для себя и для товарищей своих оставил. Как пили раньше его казаки, так и теперь без браги да горелки никуда. Гермогену это не по нраву. Он злится, порой даже кричит на Никифора и, вспоминая слова Моисея, обличавшего в своих песнях пьянство, называет аспидом с полей Гоморрских. А Никифор только улыбается. Да ты не крикайся, святой старец, не сердись на нас дураков. Ну какой казак без буйного веселья? — спрашивает он старца. Мол, читый, то бишь трезвый казак — это уже не казак, а баба. Тяжкая служба требует праздников, иначе иссохнет отчаянная душа. Оттого и зобают² горелку да брагу казаки, находя в этом отдохновение. А еще черпая ярость и силу для будущих подвигов. Но Гермоген эти слова пропускает мимо ушей. Он так и считает, что пьянство — дело ледащее и пагубное. И что напрасно атаман не бажит³ слушать его — ведь он на путь истинный пытается его наставить. Но только вот пока не получается...

... За благословением к старцу стали подходить и другие казаки. «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...», — не переставая, шевелились губы Гермогена, старавшегося осенить крестом каждого, кто припадал к его руке.

— Солнышко маит ноне — аки чёртова сковорода, — благословив толстозадую казачку, неожиданно произнес Гермоген и вытер рукавом разваренное на солнце потное лицо.

— Да уж!.. — вздохнул Никифор. — Отче, тут ко мне одна мыслишка пришла... — улучив момент, обращается он к старцу. — Хочу на будущей недельке королевство своё объехать, по острожкам здешним да заимкам прогуляться. Скоро зима, вот я и погляжу, как там народ к ней готовится. Может, у людей жалобы какие имеются али просьбы. А ещё я слышал, что в иных весях заместо того, чтобы строить жильё и запастись едой, люди баклушничают, а то и вовсе пребывают в сплошном пьянстве. Забывают, видно, горемычные, какие тут зимы лютые. Ну рази ж их переживёшь без тёплого крова да еды?

¹ Жбанство – пьянство.

² Зобать – пить, хлестать, хлебать.

³ Бажить – желать.

Старец согласно кивает ему.

— Хорошее дело задумал, сын мой. Так что получай моё благословение и ступай себе с Богом, — говорит он. — А там сам смотри. Коль надобно будет, так и власть примени. Наша крепь державная — это вера и порядок. Так что давай, не тушуйся. — Он немного помедлил и вдруг: — А ведь от тебя, братец, сивухой разит... Смерть как разит! — повторил он и поморщился. — Вижу, хорошо вчера, ироды, погуляли...

— Хорошо, отче... Лучше некуда, — склонив голову, виновато проговорил Никифор.

— Ну и много крови-то было?.. — заметив, как поникла у того голова, спрашивает старец. — Вижу, по глазам твоим бесстыжим вижу, что и на этот раз без мордобоя не обошлось. Али я не прав?

Атаман поморщился.

— А не бери в голову, старче! Ведь никого ж не зашибли. Тада какой разговор? — говорит он. — Но это, поверь, в последний раз. Больше никаких раздоров у меня в праздники не будет. Не то я...

— Да иди уж, аника-воин! — машет рукой Гермоген. — Я как погляжу, на словах ты и так, и сяк, только на деле никак...

Атаман нахмурился.

— Обижает, старче... Я ведь казак, а ты меня с дерьмом смешать хочешь. А заслужил ли я этого?

Старец хмыкнул.

— Ишь как загоношился! Видать, пробрало. Ну так помни: живи по слову, да спасёшься словом. Говорю, слово — закон; держись за него, как за кол.

Глава четвертая. Богдойский берег

Фёдор тогда одним из первых узнал, что атаман собирается в поход. Ну, вот теперь можно и душеньку отвести, подумал. Как только Никифор выедет за ворота — он возьмёт с собой товарищей верных и махнёт на богдойский берег. И пойдут они по чужим дороженькам гулять, нападая на богатые караваны торговцев. Жалованье-то у казаков до сей поры дуванное¹, правда в последнее время кое-что и Москва стала подбрасывать. Но это крохи. А у Фёдора молодая наложница, которую нужно одаривать дорогими подарками. Поди, привыкла в своих дворцах-теремах к роскоши. Но атамана в последнее время будто бы подменили. Сам не балует и другим на «большую дорогу» выходить не даёт. Хорошо ещё гульбища не запретил, а то бы вовсе можно было от скуки помереть. А казаку скучать вредно, потому как скука разъедает его нутро. Это ещё им на Дону покойный Степан Тимофеев Разин, любимый атаман говорил. А ещё он говорил, мол, жизнь человечья короткая, так что нужно жить во всю прыть.

Фёдор уже и не помнит, когда в последний раз бывал за Амуром. Хватит, Федька, нагулялся, теперь делом займись, сказал ему Никифор вскоре после того, как Опарин привёз в крепость Саньку. Вон, мол, сколь голытьбы прибывает, челдонов² там всяких да бродяг — нужно их ратному делу учить. Не ровен час, маньчжуры встанут у стен крепости. Так что нам воины нужны, а не бродячие псы.

Вот и приходилось Фёдору весь день коротать в поле, обучая новичков ратному делу. Занимались джигитовкой, рубились на саблях, стреляли из мушкетов и пицалей. Кто был казацкого рода-племени, с теми было легче. Эти с детства к коням и к оружию приучены. Труднее было с деревенщиной и всеми этими бродягами, которых судьба прибила к далеким берегам. Те никогда не держали в руках ни сабли, ни секиры, разве что

¹ Дуван — доля добычи у казаков.

² Челдон — бродяга.

дровяник¹, какие есть в каждом хозяйстве. Но да ведь и с балтой² нужно умеючи обращаться. Фёдор знает, как такие же вот упыри, вооружённые топорами да вилами, обращали в бегство целые хорошо вооружённые и обученные армии. Так было во время крестьянской войны Болотникова, а потом и разинского бунта. Так что всё дело за выучкой.

Но мысль о том, чтобы погулять по маньчжурским просторам не оставляла Фёдора. Годы, проведённые на Дону, не прошли даром. Вольная воля - это великая сила! И кто однажды её вкусил, тот уже некогда не сможет жить иначе.

Вот и Фёдка теперь не мог жить без воли, без быстрого коня, острой сабли и свиста ветра в ушах. Да подними его среди ночи и вели сесть в седло, он тут же про сон свой забудет и понесётся судьбой неведомой к новым подвигам и приключениям.

Фёдор помнит, как возликовала его душа, когда год назад атаман вызвал его к себе в приказную избу и велел ехать за Амур к князьям даурским, дабы уговорить их вернуться со своими людьми на родные пепелища. И скажи им, говорил Никифор, чтобы они не слухали богдойцев, потому как те добру не научат. Пусть возвращаются под крыло русского богдыхана и пребывают с нами в мире и согласии. А то ведь негоже могилы своих предков оставлять, негоже землю непаханой бросать, превращая леса и поля в сплошную пустошь. Так, мол, и скажи: русские люди не жадные, они со всеми душа в душу жить хотят. А то ведь земель собрали много, а кто будет на них хозяйствовать? Живут же вместе с русскими ясашные народы на Волге и Урале — и ничего. Вот и вы, мол, присоединяйтесь к нашей большой семье.

Для похода Фёдор отобрал самых надёжных людей, вместе с которым ему не раз приходилось вступать в схватку с врагом. Разные пути привели их в этот край. Кто-то бежал сюда, спасая свою шкуру, кто-то пришёл за волей, кого-то позвали рассказы о богатом крае.

В большинстве то были бывалые рубаки — донские мятежные казаки, которым, как и Фёдору, удалось в своё время избежать виселицы и уйти на Амур. Это Гридя Бык, Иван Шишка, Семён Антонов, Карп Олексин, Фома Волк, Григорий и Леонтий Романовские... Всего двадцать сабель.

Был погожий сентябрьский денёк, когда войсковой старшина во главе отряда казаков переправился с лошадьми через Амур и пошёл плутать по незнакомой земле. Когда плутать надоело, нашли в одной ханьской³ деревушке человека, который знал, где находятся бежавшие из-за Амура даурские люди. Тот, как потом выяснилось, шибко не любил маньчжу, которые разоряют ханьские города и селения, убивают людей, не жалея даже женщин, стариков и детей. Фан, а так звали этого невысокого сухонького проводника, сам видел, как маньчжурские воины бросали грудных детишек в огонь, насиловали их матерей и уводили в рабство их отцов. Потому он и хочет помочь элосы — русским, у которых свои счёты с маньчжурами. Вспомнить хотя бы то, как эти маньчжу несколько лет назад разрушили русские крепости, полностью опустошив земли на левом берегу Амура. Но теперь элосы вернулись. У них есть пушки и ружья и им не страшны воины богдыхана. Это им, ханьцам, остаётся только уповать на небо. А вот собраться в один кулак и изгнать врага со своей земли им пока что не по силам. У маньчжу многотысячная хорошо вооружённая армия, так что одолеть их очень сложно.

А ведь, старики говорят, что и у них, ханьцев когда-то было своё сильное и могущественное государство и звалось оно Мин. Власть китайского императора распространялась чуть ли не до самой Африки. Китайские товары — хлопковые ткани, шёлк, чай, рис — хорошо расходились по миру и страна процветала. Но тут начались войны.

¹ Дровяник – топор.

² Балта – топор.

³ Ханьцы, Хани – титульный народ Поднебесной, китайцы.

Вначале на север Китая вторглись монгольские полчища Алтан-хана, следом подверглась нападению Япония Корея, бывшая частью империи. Китайцам, развернувшему многомиллионную армию и большой флот, удалось отбросить врага со своих территорий. Однако потери Империи были огромны. А тут ещё эта чума, неурожай, голод, которые также унесли миллионы жизней.

Народ охватило отчаяние. По всей стране прокатились городские и крестьянские восстания. К середине семнадцатого века мятежные режимы возникли во всех уголках Империи. Последний Император династии Мин, Сы-Цзун, покончил с собой, когда в 1644 году в Пекин вошли мятежные войска Ли Цзычэна. Маньчжуры в ответ на просьбу о помощи осаждённой династии Мин, выдворили из столицы Ли Цзычэна и установили собственную династию — Цин, создав самую великую Империю со времён монголов.

С тех пор ханьцы уже не хозяева в своей стране, они — рабы чужеземного правителя Шэн-цзу. Теперь все главные посты в государстве занимают маньчжу, а во всех крупных городах и на границах Империи стоят маньчжурские военные гарнизоны. Дошло до того, что завоеватели попытались изменить местные традиции и заставили учить ханьцев свой язык.

... Фан поведал, что бывшие «русские» дауры ушли за Большой Хинган в долину Сунляо. Там, мол, на берегах реки Нонни их и надо искать.

Фану дали коня, и он повёл отряд по своим только ему ведомым тропам. Тишина, и лишь слышно было, как лошади шевелят ещё не успевшие пожухнуть высокие травы да как трещат под их копытами сухие ветки. Глухой край. На десятки вёрст ни одного селенья. Одни только сопки, покрытые монгольским дубняком, густые смешанные леса, перелески да ерники¹. Иногда в долинах попадались ручьи и небольшие речушки, где всадники могли напоить своих усталых коней.

Однако чем ближе была цель, чем всё чаще на их пути стали встречаться мелкие гнёзда хижин с пятнами огородов и даже целые деревни. На близость жилья указывали узкие дороги, которые белой пылью уходили через поля, рощи, леса и кустарники.

В яркий короткий полдень где-то вдали дрожала бледно-сизая дымка — будто бы то было море. И снова навстречу попадались хижины с огородами, рисовые чеки, на которых по колено в грязи копошились какие-то люди. Порою вдруг дорогу казакам преграждали огромные, словно серые скалы, волы, неторопливо тянувшие за собой гружённые рисовой соломой повозки.

Чтобы не напороться на маньчжуров, Фан старался избегать наезженных дорог. Потому их путь постоянно пролегал то через горы и леса, то через заливные луга, а то и болота. Гуськом оно бы ещё ничего — так всегда легче. Но Фан просит казаков, чтоб они не шли строем. Служивых это удивило, но только не Фёдора. Тот знал, что это была обычная уловка хунхузов, китайских татей, промышлявших грабежами. Так, двигаясь вразброд, они заматали свои следы. Иначе образуется тропинка, которая приведет любого врага к их лесной фанзе. Этот же манер был в ходу у маньчжуров, монголов и крымских татар, совершавших набеги на Русь.

— Ты что, хунхуз? — спрашивает Фёдор ханьца.

— Хо-фэй! — замотал тот головой, мол, он не хунхуз, давая понять, что просто знает их повадки.

Фан боялся, что какой-нибудь летучий маньчжурский отряд случайно заметит свежую тропу и пустится за ними в погоню. А он умирать не хотел, потому как в родной фанзе его ждала жена и целая куча детишек. Ну а маньчжуры обязательно его убьют, коль узнают, что он нанялся к русским проводником. А тут и без того его жизнь висит на волоске — ведь маньчжурский Император в своём высочайшем Указе запретил ханям

¹ Ерник – кустарниковая берёза.

селиться к северу от Великой Китайской стены. Но те часто нарушают этот Указ, за что следует неминуемая расплата. Застигнутые маньчжурскими воинами врасплох, они гибнут от ударов острых мечей и ядовитых стрел, а на месте их жилищ остаются пепелища.

... Девственная пустынь. Казалось, в этот мир ещё ни разу не ступала нога человека. Настолько здесь всё было свежо и первобытно. Середина сентября, Марфино лето, но природу покуда не тронула осенняя седина. Всё также радуют глаз высокие буйные травы, и эта зелёная осока вокруг озёр, и тёмно-изумрудные барашковые вершины высоких сопок. Хорошо и привольно на душе! Однако, несмотря на столь благостное расположение духа, глаз казака постоянно блуждает по сторонам, пытаясь углядеть признаки внезапной беды, а острый слух его улавливает каждый посторонний звук.

На пятый день пути, миновав череду перелесков и обойдя стороной бескрайнюю болотистую кочку, казаки оказались в долине, окружённой с двух сторон высокими горными хребтами. Вся она до горизонта была покрыта зарослями гаоляна. Опарин знал, что этот злак для китайцев был всё равно, что для русского пшеничка или там рожь. Его зерно они перерабатывали в крупу, в муку и спирт, а из соломы делали циновки, ей же крыли крыши фанз. Кроме того, гаолян шёл на корм скоту. Чудеса! — подивился Фёдор. — На носу зима, а урожай до сих пор не убран. Али некому этим заняться?

Вскоре всё прояснилось. Когда казакам наконец удалось выбраться из густых гаоляновых зарослей, их глазам открылась страшная картина. У края поля на взгорке, жалостливо постреливая и источая едкий дымок, догорали угли — всё, что осталось от трёх десятков бывших деревенских фанз. Здесь же валялись обезображенные трупы людей.

— Маньчжу!.. Маньчжу! — указывая на пепелище, со страхом пролепетал Фан.

— Это сделали манзуры, — пояснил толмач Егорша Комар, прибывший не так давно из Иркутского городка, который, по слухам, знал не только кянский, но и многие иные азиатские языки и наречия, которым выучился, прислуживая в доме иркутского ламы.

Фан настолько был напуган увиденным, что не захотел оставаться в этом страшном месте и, стегнув хворостиной лошадь, помчался прочь.

И снова впереди были леса, овраги и косогоры, снова были усеянные голубыми цветами осенние поля и покрытые кочкой высушенные недавним летним зноем болотца, пока наконец, на десятый день пути, перевалив невысокую сопку, всадники не вышли к какому-то селенью. Переехав вброд небольшой ручей, они слезли с лошадей и, взяв их под уздцы, пошли в сторону разбросанных среди деревьев жилищ, всем своим видом показывая, что пришли они с миром. Жители деревушки это, видно, поняли, потому стали без опаски выходить из своих лачуг.

Фан, отыскав глазами Егоршу, что-то быстро пролепетал.

— Дауры! — перевёл тот Опарину.

Навстречу казакам вышел какой-то седовласый человек.

Фан снова что-то пролепетал.

— Это Князь Лавкай — перевёл его слова Егорша. — Самый главный здесь...

Князь был широкоскулый и малорослый азиат, бороду которому заменяли несколько редких длинных волосинок. Его узкие глаза, похожие на щёлочки бойниц, настороженно глядели на мир из-под нависших седых бровей. Несмотря на тёплую погоду, он вышел к незнакомцам в наброшенной на плечи роскошной подбитой драгоценными соболями шубе и остроконечном лисьем малахае на голове, какие носили степняки и лесные люди. Видно, это так полагалось Князю, но, скорее всего, тот хотел показать, что именно он здесь самая важная птица. Морщинистое лицо его, украшенное шрамами, было похоже на старое истрёпанное холодными ветрами боевое знамя. Большой кинжал с оленьим рогом, заменявшим рукоять, торчал у него за широким поясом.

Князь был стар, но, как всякий старый воин, старался держаться молодцом. Мгновенно определив, кто из чужаков главный, он молча поприветствовал Фёдора поднятием руки. Тот в ответ отвесил ему глубокий земной поклон.

Некоторое время старик пристально глядел ему в глаза — будто бы пытался проникнуть к нему в душу. О, он знал, что не всегда русские приходят с миром. Бывают среди них и плохие люди, которые способны и обмануть тебя, и ограбить, а то и руку на тебя поднять. Вот и хочется старику понять, что за люди пожаловали к ним в улус.

— Что ищут оросы¹ в чужих землях? — всё также пристально, глядя Фёдору в глаза, наконец спрашивает он. При этом не потребовался даже толмач, чтобы понять его, потому как он довольно сносно изъяснялся по-русски.

— Да вот с добрым словом к вам пришли... — подивившись умению Князя говорить на чужом ему языке, обнажил в улыбке свои крепкие зубы Опарин. — Хотим просить дауров вернуться на родную землю.

Князь недоумённо посмотрел на него, но ничего не сказал. Однако щёлки его лисьих глаз вдруг ещё больше сомкнулись, так, будто бы он пытался примериться к словам казака. Так длилось несколько мгновений, пока вдруг старик не заговорил.

— А по чину ли тебе, чужак, вести такие разговоры? Ведь ты даже не сказал, кто ты есть таков.

Фёдор понял, что оплошал.

— Вообще-то зовут меня Фёдором Петровым Опариным, но для тебя проще будет Федька, — поторопился исправить он свою ошибку. — А чин у меня простой — я личный посланник атамана Черниговского.

Князь покачал головой.

— Не слыхал о таком атамане, — говорит. — Вот Поярка знаю, и Хабара знаю, а этого нет.

— Ну то когда было! А ноне Микифорка Черниговский самый главный человек на Амуре — он царский приказчик в Албазине, — просветил Князя казак. — И говорить я буду от его имени. Ну а его слова — это воля самого нашего Царя-батюшки. — Он немного помолчал, давая старику возможность переварить его слова. — Ну а ты?.. Уж не Княже ли даурский, случаем, будешь? — спрашивает он старика. Тот сделал важное лицо и кивнул головой. — Вот и славно! — воскликнул казак. — С тобой-то мне и велели говорить.

Нельзя сказать, что появление русских обрадовало Лавкая, только обычай требовал, чтобы он пригласил чужака в свой дом.

Привязав своего коня к старому карагачу, возле которого трое двугорбых верблюдов, а по-даурски тэ-тэ, смачно жевали сено, Опарин проследовал за Князем.

— Яшка, слышь?! — напоследок крикнул он своему сподручнику Яшке Попову. — Киргиза на тебя оставляю. И смотри, чтоб детвора к нему под копыта не лезла, — заметив неподалёку стайку черноголовых карапузов, слетевшихся со всех сторон поглазеть на казаков, приказал он. — А то, не дай Бог, зашибёт кого...

Этого статного, рыжего аргмака с чёрной гривой Фёдор купил у одного цыгана за десять золотых монет, дав в придачу ещё богатую турецкую брошь. С норовом оказался конёк. Да он и теперь недоверчив к людям, хотя нового хозяина признаёт. Ну разве что ещё Яшке позволял кормить его да водить на водопой. А так и лягнуть может.

... Фёдор-то думал, что князь приведёт его в богатый терем, но то оказалась обыкновенная рубленая изба. Дауры, пожив в своё время бок о бок с русичами, многому у них научились. В том числе и рубке домов в клеть. А ведь до этого большинство из них ютилось в землянках да крытых звериными шкурами куренях, и только самые зажиточные ставили себе войлочные юрты, в каких жили их монгольские предки.

¹ Оросы — так некоторые восточные народы называли русских.

В доме Князя было несколько комнат с окнами, затянутыми бычьими пузырями, тогда как в соседних избах вместо окон были дыры, которые хозяева на зиму затыкали чем придётся. Живут как при Царе-Горохе, усмехнулся старшина. Ведь на Руси уже давно ставят в окна слюду, ну разве что в самых бедных деревнях ещё в ходу брюшинные окончины¹. Говорят же: где оконенки брюшинны, там и жители кручинны. И напротив: где оконницы стекляны, там и жители ветляны. То есть счастливые, приветливые.

Князь ввёл Фёдора и сопровождавшего его толмача Егоршу Комара в горницу, пол которой был устлан богатым тянцзиньским ковром. Здесь было два небольших окна, сквозь бычью плоть которых скупо пробивался снаружи дневной свет. На ковре — круглый низенький столик, рядом с ним — расшитые золотом атласные подушечки.

Стены тоже в коврах. На одном из них в окружении пистолетов, кинжалов и сабель висели два ружья — дульнозарядная фитильная аркебуза² и кремневая фузея³, какие были на вооружении русской армии. Здесь же находился кан, который зимой служил для подогрева помещения и где любил возлежать Лавкай.

Князь усадил гостей за круглый столик, следом опустился на ковёр сам и что-то сказал стоявшим у дверей двум молодым вооружённым кинжалами охранникам. Тут же один из них юркнул в проём, и уже скоро в горницу стали по очереди входить княжеские слуги с угощениями. Первым выставили хмельное. Это был глиняный кувшин с аракой и к нему три маленькие фарфоровые пиалы. Следом внесли фрукты, вяленое мясо конины, арсу — даурский сыр, восточные сладости, приготовленного на пару сазана, вконец прибыл большой медный казан с ещё булькающим варевом, видно, только что снятым с огня. И тут же помещение наполнилось столь желанным съестным духом.

— Мне б людей своих накормить, — машинально сглотнув слюну, произнес Фёдор. — Да ты не бойся, Княже, денга у нас имеется, — не желая ударить лицом в грязь, говорит он, отстёгивая от пояса мешочек с серебром.

Князь остановил его взмахом руки. Спрячь! — говорит. — У нас с гостей денег не берут. А твоих людей и без того накормят, да и о лошадях позаботятся.

Фёдора его слова успокоили, и он с лёгким сердцем приступил к трапезе. Перед тем, как поднять чванец⁴ с водкой, он в мыслях послал Отца и Сына и Святого Духа, потом Деву Богородицу. Вслух же пожелал здоровья хозяину дома и его родне. Ели в благоговейном молчании, и только Егорша-толмач ахминачил⁵ так, что за ушами трещало.

Фёдора тяготила такая обстановка. И то: за последние вольные годы он привык к бурным дружеским застольям с грубыми и бесстыдными речами, непристойным срамословием, к смеху за столом, песням и хмельным пляскам. Было, что по пьяному делу и бесчинствовали за игрой в кости, и колотили друг друга, пугая стоящих за их плечами ангелов Божьих. Хотя прекрасно знали, что всё это им припомнится на Страшном суде, потому как бесы записывают их дела и поступки и передают сатане. «Побойтесь Бога! — не раз повторял Гермоген, когда видел, что ему не под силу обуздать этих людей, отравленных бесконечной волей. — Когда, — говорил он, — иудеи сели в пустыне есть и пить, и, объевшись и упившись, начали веселиться и блуд творить, тогда земля поглотила их».

Изредка Фёдор, опрокинув очередной чванец, всё же открывал рот, чтобы похвалить угощение. Знал, что тогда Бог придаёт пище благоухание и превращает её в сладость.

Последним поставили перед гостями байдару⁶ — большой глиняный кувшин со слеваном. Этот даурский напиток уже и в Албазине успели полюбить. Дело нехитрое:

¹ Брюшинные окончины — окна, закрытые тонкой брюшинной оболочкой животных.

² Аркебуза — вид огнестрельного оружия.

³ Фузея — мушкет.

⁴ Чванец — сосуд, посуда.

⁵ Ахминачить — уплетать за обе щеки.

⁶ Байдара — большой глиняный горшок.

кирпичный зелёный китайский чай, на крайний случай, разбор чёрного чая, шелунгу, истолочь в ступе, потом заварить в байдаре кипятком, влить туда кобылье молоко, положить несколько ложек сливочного масла и всё это посолить по вкусу. Какое-то время напиток «выслевывается», пока не станет тёмным. Бывает, что вместо молока в чай кладут сметану или сырые взбитые яйца. Для большой компании такой напиток готовится в деревянных кадушках, куда опускают раскалённые на огне камни, которые русские в шутку называют «жеробчиками».

— Добрый слеван, — отхлебнув из глиняной чашки завару, похвалил Фёдор, чем вызвал у Лавкая довольную улыбку.

Наевшись и отвалившись от стола, завели разговор. Но прежде Фёдор спросил разрешения выкурить трубку.

— Ты говоришь, Хабара нашего знавал? — заряжая чубук ядреным табачком, спрашивает он Князя.

— А как же, — встречались, — вытерев рукавом халата измазанные бараньим жиром губы, произнёс старик. — Хороший воин был и человек душевный.

— А вот мне не довелось с ним встретиться, — признаётся Опарин. — Хотя наслышан о нём немало. Говорят, помер недавно... Где-то в Сибири, в своей вотчине.

Лавкай это известие явно огорчило.

— Как помер? — не верит он. — Такой был богатырь... Может, отравил кто? Я слышал, у него в Москве враги были. Не они ль это его?.. — Князь вздохнул. — Эх, люди-люди, и что это им неймётся?..

— Это всё оттого, что слишком много ледащих¹ людишек на свете развелось, — говорит Фёдор, доставая из кармана своих широких шаровар огниво. Подкурив, он делает глубокую затяжку и на его щеках появляется розовая печать блаженства. — Ты б рассказал, княже, как с Хабаром-то познакомился... — выпустив из лёгких клуб едкого дыма, просит он вдруг хозяина.

Князь на мгновение прикрыл глаза — будто бы что-то пытался вспомнить.

— Я сказал тебе, что это был хороший человек? — спрашивает он казака. Получив в ответ утвердительный кивок, продолжил: — Чудно, конечно, так говорить о своём заклётом враге...

— Да неужто он был твоим врагом? — удивляется Опарин. — И чем же он так насолил тебе? Я слышал, он хотел жить с тобой в мире и согласии. А ты к манзурам утёк.

Князь покачал головой.

— Ты ничего не знаешь, о, раб белого Богдыхана, — Сытная еда, видно, разморила его, и он прилёг на подушки, подперев голову рукой. — Мой народ очень маленький. А теперь представь, каково ему было жить в одной клетке с двумя могучими и свирепыми тиграми. Один неверный шаг — тут же попадёшь в пасть. Не тому, так другому. В таких случаях приходится выбирать себе покровителя. Мы выбрали маньчжу. Они рядом и у них большое войско. Много, много тысяч воинов — тебе понятно? Ну а что ваша Москва! Она далеко. Её и с самой высокой горы не увидать. Тогда можно ли было на неё надеяться?

Фёдор даже поперхнулся, услышав эти слова.

— Глупый ты старик! — не удержавшись, воскликнул он. — Ты глянь: уже почти вся Европа лежит у ног нашего Государя, а что твои манзуры? Да мы с нашими пушками такое можем сотворить — мало не покажется!..

Лавкай как-то хитро посмотрел на него.

— Слово — это ещё не дело, — усмехнувшись, произнёс он. — Вот ты говоришь: пушки... Отчего ж вы тогда сдали маньчжу Албазин? Отчего сдали Кумарскую крепость? Я сам видел, как гибли ваши люди, как воины Императора жгли и разрушали ваши селенья. И ничего твои хваленые пушки не смогли сделать.

¹ Ледащий — дрянной, негодный.

Фёдор нахмурил брови.

— Ну, что было, то было, — проговорил он. — Но ведь тогда и время было другое. Сегодня Русь уже не та, понимаешь, старик? Скоро на Амур прибудет огромное войско, которое встанет гарнизонами по всей границе. Хотя прежде надо эти границы установить. Ты вот, княже, человек бывалый, но и ты, поди, не знаешь, где тут есть граница. Так ведь?

— Не знаю, — соглашается тот.

— Ну вот, закон нужен, тогда и порядок будет. А пока же мы с манзуром к друг другу безнаказанно гуляем... Да было б хоть с миром ходили. А то ведь... — Фёдор вдруг внимательно посмотрел на старика. — Разве ты, княже, не чуешь, что порохом запахло? — спрашивает он его.

— Чую, чую, — кивает тот. — Коль оросы вернулись на Амур — обязательно война будет. И кто в ней победит, — неизвестно. Был бы жив ваш Хабар — тогда б другое дело. Шибко храбрый был атаман! Жаль, врагами расстались, а то бы друзьями были верными... Ты просил меня рассказать о нём? — неожиданно спрашивает он Фёдора. — Ну так слушай...

Лавкай никогда не забудет ту зиму 1652 года. Тогда Ярко Хабаров со своими людьми уже овладел крепостями даурскими и велел даурам платить ясак русскому Царю. Те упрямылись. Пытались договориться с атаманом. А у того одно слово: коритесь! Иначе, мол, худо будет. Ну и где надо силу применил. Многие Князья вконец перестали сопротивляться и приняли власть Белого Царя. Но только не Лавкай. Не хотел он быть под пятою Московского Богдыхана. Думал, задобрит Хабара — кто ж откажется от дорогих подарков? — и тот оставит его в покое. Вот и повёз ему два мешка мягкой рухляди.

— Воро-о-та!.. Эй!.. Гой!.. гой!.. гой! — ранним морозным утром послышался громкий гортанный голос у крепостных стен Ачан-городка.

На высоком земляном валу тут же показался бородатый стрелец в зипуне и островерхой лисьей шапке с тяжёлым фитильным мушкетом в руках.

— Кто такие? Что надоть? — сонно спросил он.

Разглядев внизу пару саней, запряжённых по две лохматых лошади гусем, снова спросил:

— Говорю, кто такие и с чем прибыли?

— Ну открывай же, орус! Князь едет. Шибко большой Князь. Хабара атамана говорить, ясак ему дарить, грамота писать... — послышалось в ответ

Стрелец наконец понял, что это за люди. Почесал заиндевелую бороду, пробурчал недовольно что-то себе под нос и пошёл отворять ворота. Заскрипели полозья и вот уже в клубах потного пара, шедшего от лошадей, в крепость въехали сани. Впереди их бежал посыльный, чтобы доложить атаману о прибытии гостей.

В это время Ерофей находился в приказной избе. Он только что славно позавтракал и теперь пребывал в хорошем расположении духа. Усевшись за большой сбитый из струганных сосновых досок стол, служивший одновременно и для обедов и для казённой работы, он стал писать письмо якутскому воеводе. Делал это Ерофей часто, дабы держать начальство в курсе всех своих дел. Время от времени он брал в руки стоящий перед ним кубок с брагой и делал небольшой глоток. Брага была крепкой, круто заправленной лесными травами, и атаман довольно побрякивал.

Поодаль от него у затянутого бычьим пузырём окна стояла молодая девица Фрося, служившая при атамане кухаркой, и серыми влюблёнными глазами смотрела на хозяина. Широкоплечий и осанистый с рыжей курчавою бородой, он выглядел моложе своих сорока двух лет. Может, порода такая, а может всё дело в сибирском морозе, который не даёт состариться. Люб, ох, и люб был Ерофей Фроське. Только всё это зряшное. Ну разве мог он низойти до неё, дочери простого ленского плотогона? Да и жена у него где-то там в

Сибири есть, а Фроську же он считает почти ребёнком. Коли б было не так, то не звал бы он её дочкой.

— И сам Лавкай с ними, атаманушка! — сообщив Хабарову о прибытии гостей, добавил вбежавший в приказную избу караульный.

— Ну так веди его ко мне! — приказал атаман. — Буду рад принять такого высокого гостя.

Может, наконец, опомнился, Княже, и по примеру других даурских правителей тоже решил принять власть нашего Царя? — подумал он. — А то ведь больно упрямый он. Упёрся, как бык — и с места не сдвинешь. Ничего не боится — ни угроз атамановых, ни царского окрика. Лучше умру, говорит, чем покорюсь вам, проклятым оросам...

Вскоре тяжёлая сосновая дверь вновь отворилась, и в избу вместе с клубами морозного воздуха ворвался чужой дух. Это был Лавкай, явившийся в сопровождении двух молодых сподручников.

— Ну, здорово, Князь! — вставая с широкой берёзовой скамьи, поприветствовал его Ерофей и отвесил ему земной поклон. — Давненько мы с тобою не виделись...

— Да как же? На прошлой неделе и виделись, — приложив правую руку к сердцу и чуть склонив голову, произнёс князь. Он уже давно живёт рядом с русскими и потихоньку выучил их язык. Правда, порой ему не хватает чужих слов, чтобы что-то выразить, и тогда он пытается объяснить всё жестами.

А ведь он прав, этот хитрый лис, — подумал атаман. Не далее как на прошлой неделе они случайно встретились на лесной тропе, когда Ерофей с отрядом казаков на лошадях возвращался из Кумарского острога. Князь тоже был не один, с ним была его небольшая конная дружина.

— Ну что, Князь, будешь платить ясак? — спросил Лавкай Хабаров. — Ведь, почитай, уже все ваши князцы покорились русскому Царю. И только ты упрямисься. Смотри, рассердится наш Государь — и тогда пеняй на себя...

Может, хоть на этот раз они договорятся, подумал атаман, предлагая Князю отдохнуть с дороги и принять угощение.

— Фроська! А ну быстро распорядись со жратвой! — приказывает он стряпухе и та заметалась по избе.

— Вот сейчас мы с вами бражки-то ядрёной и отведаем, — потирая руки, весело проговорил Ерофей, усаживая гостей за стол. — Я ведь, Лавкай, ещё никогда тебя ею не угощал, так ведь?

— Не надо бражка, — пытается остановить атамана Лавкай. — Моя не кушай приехал — моя подарки привёз.

Лавкай делает знак, и его сподручники вытряхнули на тесовый пол содержимое двух мешков. То были шкурки серебристого и чёрного соболя, маленькие- стального отлива белки, шелковистые- горносталя, рыжеватые- колонка. А ещё были две шкуры чернобурки и большая — медведя.

У Ерофея загорелись глаза, когда он увидел это богатство. Перед ним была та самая мягкая рухлядь¹, которая ценилась во всём мире наравне с золотом.

— Принимай, атамана, подарки. Шибко моя тебя любит, — сверкнув хитрыми лисьими глазками, произнёс Лавкай и низко поклонился Ерофею.

Атаман задумчиво огладил свою рыжую бороду.

— Спасибо, Князь, — нахмурившись, сказал он. — Но мне таких подарков не надо. — Он вдруг усмехнулся. — Понимаю тебя. Ты хочешь меня этим задобрить, чтобы не платить нашему Царю ясак. Но не выйдет! Я государев человек и покупаться на твои цацки не намерен. Так что, коль не хочешь, чтоб я тебе, псу этакому, дал по морде, — забери свои шкуры назад.

¹ Мягкая рухлядь – пушнина.

В расстройстве Ерофей подхватил с письменного стола кубок с остатками браги и выплеснул её себе в глотку, после чего, утерев бороду кулаком, начал ходить по горнице, размахивая лапами поддевки.

Лавкай не знал, что ему делать. Он стоял посреди избы и растерянно глядел на атамана.

— Так ты будешь платить ясак, в который раз тебя спрашиваю? — схватив Князя за грудки, зло проговорил Ерофей.

— Не буду, — послышалось в ответ. — Русский богдыхан — не наш богдыхан — зачем ему платить?

Услышав это, Хабаров крепко выругался.

— Ах ты рожа паршивая! Да как ты смеешь так говорить?.. — с размаху хрястнул он своим тяжёлым кулаком по столу. — Эта земля принадлежит нашему Государю, значит, все, кто здесь живёт, — его подданные. Да, да, и ты, Лавкай, его раб. И не лыбься... Говорю тебе, беду на себя навлечёшь, коль будешь артачиться.

— Мы не боимся твой Царь!.. И тебя, атаман, не боимся! — неожиданно выказал свою прыть Лавкай. — Нас даур много... А ещё есть дючер¹, есть ачан²... Шибко много. Побьём мы тебя, атаман.

Лицо Ерофея побагровело.

— Значит, не хочешь с нашим Царем-батюшкой жить в мире? — спрашивает он Князя. — А ведь мы к вам когда-то шли для торговли, — остановившись перед Лавкаем и подняв кверху указательный палец, сказал он. — Земли нам вашей не надо было. А вы как нас встретили? Лучным боем! Тогда-то и решил Наш Государь взять вас под свою высокую руку. Дабы вы больше не воевали нас, а жили бы с нами в мире.

Лавкай засопел.

— Мы на мир были согласны... — говорит. — И служить вашему Царю были готовы. Только прежде вас приходил сюда казак Квашнин со своими людьми и сказал, что вы хотите всех нас побить, землю нашу пограбить, а жён и детей в полон взять.

— Врал вам этот Квашнин! Врал! — гневно трубит атаман. — Один с вами хотел торговать — вот и пытался вас запугать. Вор он, тать³! Коль поймаю его — суду придам... — Он перевёл дыхание и вдруг: — Ну что же мы стоим? Вон Фрося и стол накрыла. Садитесь, гости дорогие, отведайте нашего скромного угощения. Как говорится, чем богаты...

Лавкай покачал головой.

— Не сяду я с врагом за один стол, — говорит.

Хабаров помрачнел.

— Вот как!.. Неужто врагами расстанемся? — спрашивает он Князя. — А я-то думал, мы с тобой дружить будем. Смотри, как бы манзуры вас не проглотили вместе с вашими соболиными шкурами. Они ж вам житья не дадут. Думаешь, я не знаю, что они вас за скот держат? И ясак с вас берут большой, и девок ваших на разврат к себе уводят, а малых сыновей в внухи отдают. Ну а когда взбрыкнёте — они вас тут же огнём палят и головы рубят. Мы же вас защищать будем.

Князь усмехнулся.

— У нас есть наш бог Хаз, и он нас защитит, — говорит. — Так что берегись, атаман. Великий бог Хаз говорит, что скоро большая война будет. Ох, много будет крови! Велик бог Хаз, и велики его милости...

Хабаров опешил, услышав такое.

— Так ты что, угрожаешь нам? — хмурит он брови.

— Ох, много будет крови!.. — вместо ответа пробормотал князь.

¹ Дючеры — русское название народа, жившего в XVII веке на берегах Амура, приблизительно от устья Зеи до устья Уссури, и несколько ниже по течению.

² Ачань — малый народ в Китае.

³ Тать — вор, лиходея.

Он велел своим сподручникам собрать пушнину, после чего, даже не простившись, вышел из избы. Хабаров, не ожидавший такого оборота событий, лишь покачал головой и нервно поскрёб свою рыжую бороду.

Он хотел было остановить Князя. Даже выбежал за ним на мороз, но того уже и след простыл. Значит, не судьба, — подумал атаман.

Ранний час, но крепость уже проснулась, и над заснеженными крышами свежерубленых изб медленно курились белые печные дымы. Где-то на крепостном валу перекликались часовые. Слуш-а-й!..

... И ведь правду говорил Лавкай. Летом того же года большой отряд дауров при поддержке богдойских людей напал на русский острог. Завязалась кровавая битва, которая длилась до самого рассвета.

— Если бы не ваш храбрый атаман Хабар, мы бы взяли крепость, — сказал Лавкай, закончив свой незатейливый рассказ. И не понятно было Опарину, то ли он до сих пор об этом жалеет, то ли дело вовсе в другом. Может, он давно уже раскаялся, что не принял дружбу русских и покинул родную землю.

— Наверное, скучаешь по родным-то местам? — спрашивает Князя Фёдор.

— Ну как не скучай? Скучай...

— Так давай, возвращайся! — говорит старшина. — Будешь, как прежде, коней держать, рыбу ловить, охотиться — жить будешь! А тут, что? Разве тут жизнь? Кругом одни враги... А русские вас привечать будут. Я слышал, Царь наш от ясака собирает вас освободить. Разве не чудо?

Лавкай усмехнулся.

— Царь ясак не будет брать, а худой человек будет, — говорит. — Я знаю, разбойник у вас много стал... Тунгус грабят, купцов грабят...

Фёдор помрачнел.

— Ты прав, этого народу у нас хватает. Только, придёт час, — переловим мы их всех.

— И Шайтана поймай? — спрашивает князь.

— Шайтана?.. А кто такой Шайтан? — удивлённо смотрит старшина.

— Как... ты не знай?! — в свою очередь удивляется Князь. — Две луны назад он наш конь воровать, людей убивать. Ты поймай его, а потом уж зови нас домой. А то Шайтан и его люди жить нам не давай.

— Поймаем! — твёрдо заявляет старшина. — У нас ведь как говорят: повадился кувшин по воду — сломить ему голову!.. Вот вернись домой — своими руками его задавлю. Только бы знать, где он прячется.

— Тайга прячется — где ещё? — говорит Лавкай. — Ты тунгус спроси — он тебе скажет.

В общем, решили они возвратиться к разговору после того, как казаки Черниговского переловят всех татей, промышлявших на лесных дорогах. Без этого Лавкай наотрез отказался просить свой народ вернуться в родные улусы. Уж лучше, говорит, быть под пятой у богдойцев, чем пасть от рук разбойников.

Глава пятая. Принцесса

Князь уговорил казаков остаться на ночлег в своём улусе¹. Ну куда, мол, вы на ночь-то глядя? Этак легко и на маньчжу напороться.

Остались казаки. Разбили бивак возле леса, выставили караул и заночевали. А утром, поблагодарив Лавкай за гостеприимство, Фёдор приказал товарищам седлать коней.

¹ Улус — родо-племенное объединение с определённой территорией, подвластное хану или вождю у народов Центральной и Средней Азии, Сибири.

— Ну, так что мне сказать атаману? — расставаясь с Князем, спрашивает его Опарин. — Готов ты вертать свой народ на родную землю?

Тот ответа не дал. Сказал, что посоветуется со старейшинами и тогда уже решит, как ему поступить.

Долго Князь вёл под уздцы Фёдорова Киргиза — будто бы не желал расставаться с казаками. Напоследок вынул из-за пояса свой кинжал, лежавший у него в серебряных ножнах, и протянул его Фёдору.

— Отдай его своему атаману. Скажи, подарок от старого Лавкая.

Уезжая, Фёдор и не знал, что уже больше никогда не увидит этого душевного человека, который поначалу показался ему хитрым и коварным лисом.

— Прощай, Лавкай! Может ещё когда свидимся!..

Фёдор помнит, как они с товарищами возвращались от Князя. Сытые, хмельные, довольные. Где-то высоко над головой в голубой прозрачной дали висит жаворонок. Что он там делает? — удивленно смотрит на него Фёдор. Хотя у каждой твари свое место на земле. Кто-то в тайге, кто-то в седле, кто-то на троне. Это у людей. А у козюков всяких, у птиц, у зверей тоже свои ниши. Одни в небе, другие ползают в земле, третьи жрут друг друга на суше или в море...

— Чтой-то бровь у меня чешется, — пришпоривая своего коня, неожиданно говорит старшина идущему рядом дружку своему Васюку Дрязгину.

— Это к поклону, — говорит ему тот.

— Или к свиданию, — усмехнулся Егорша Комар.

— А может и к слезам, — хмыкнув, произнес Ефим Верига, который уприсил Фёдора взять его с собой.

Старшина на это лишь ухмыльнулся.

— Не верю я, братцы, в приметы, — говорит. — Ну хоть убейте меня! Бывалочи, нарочно рассыплю соль на столе и жду, когда меня жонка поругает. А та, не проронив ни слова, соберёт эту соль в горстку — и на том всё кончается. Али же вот кошку чёрную увижу на дороге... Нарочно пойду там, где она мне путь перешла. Потом жду, что будет... И вот приносит мне Наталка новый кисет, вышитый собственными руками. А там и жбанок с мёдом выставит на стол. Вот вам и беда...

Фёдор думал, что и на этот раз всё обойдется. Но только он ошибался. Уже скоро с ним случится то, что перевернёт всю его жизнь. Однако до поры всё шло своим чередом. Кони уверенно несли их в сторону дома, похрапывая и легонько потряхивая гривами.

Обратный путь, говорят, он короче. Хорошо на душе у казаков — чай, домой возвращаются. Едут, весело переговариваются меж собой, трубками попыхивают. Так и пролетел день. А когда на небе высыпали звёзды, и стало темно, решили остановиться на ночлег. Тут как раз на пути им подвернулся поемный лесок — урема, где можно было схорониться от чужого глаза. Сняв с лошадей справу, они отпустили их пастись на травах, а потом и сами решили перекусить. После вечера Фёдор велел казакам ложиться спать, не дав им даже поговорить на сон грядущий.

— Завтри подниму всех с зарёй, так что почивайте... — сказал он им. — Ну а я покараулю вас...

Казаки нехотя повиновались ему, и скоро вся округа огласилась сотрясающим воздух неистовым храпом. Ну а Фёдор так до утра и не сомкнул глаз. Лежал в траве, запрокинувши голову, и наблюдал за звёздами. Так он любил делать в детстве, когда в пору косьбы ему приходилось ночевать в стогу. Это были самые счастливые минуты в его жизни, оттого они и врезались ему в память.

Утром чуть свет они снова двинулись в путь. Не успели отъехать и полверсты, как навстречу им, поднимая пыль до небес, выскочил небольшой конный отряд маньчжур. Впереди знаменщики с развевающимися по ветру разноцветными воинскими стягами,

следом — конники в доспехах, с мечами и копьями в руках. Все в лисьих малахаях; за спиной — луки с колчанами. Под ними были маленькие мохнатые и быстрые лошадки.

Увидев казаков, маньчжуры поначалу опешили. Однако быстро опомнились и с громкими воинственными криками бросились вперёд.

— Двадцать сабель у нас!.. — приподнявшись в седле, загудел старшина. — Так неужто, товарищи мои, мы не выстоим супротив этой жёлтой оравы?

— Выстоим, Федька! — выхватив сабли из кожаных ножен, ответили ему дружно казаки. — Веди нас, разлюбезный наш старшина, в бой! Коль не умрём, то одолеем басурмана! Оп-оппа!... Пошёл, пошёл!.. — встав на стремяна, пришпорили они своих лошадей.

— Вперёд, вперёд, товарищи мои! — крикнул на скаку старшина, и в его руке блеснула булатная сталь клинка. — Не посраим казачье племя!

Его боевой клич подхватили казаки.

— Не посраим!.. Не посраим! Бей басурмана, бей!

Ох, и отвели казачки в тот день душу, скрестив клинки с басурманами! Звон стали, крики раненых, кровь, стоны, проклятья — всё это была их жизнь, суровая и весёлая одновременно. Рубились так — будто бы в последний раз. И летели головы басурман наземь, и ничто — ни их воинственные вопли, ни копья, ни стрелы — не смогли рассеять по полю казаков.

— А ну скажите мне, братья-казаки, хорошо ль мы погуляли на Дону?! — сбросив с лошади очередного маньчжура, кричит товарищам Фёдор.

— Хорошо, старшина!.. — слышится в ответ.

— А как Астрахань брали, помните?

— Помним, Федька, помним!

— И Самару помните?

— И её тоже!..

— Ну а неужто мы щас не одолеем этих узкоглазых?

— Одолеем, старшина! Дай только время...

И снова звенит сталь, снова льётся кровь и звучат проклятья раненых...

— Гридя!.. Бык! Жив ли?! — прокладывая клинком себе путь, кличет товарища старшина.

— Жив я, Федька, жив!.. Турка грозного били, тогда отчего ж с манзуром нам не справиться?

— Любо! — доволен его ответом старшина. — А ты, Семён?.. Хорошо ли держит тебя седло?

— Хорошо, друже!.. Лучше некуда!

— Карп! Живой ли?.. — взяв за шиворот маньчжура и сбросив его с лошади, не унимается старшина.

— И ещё долго жить буду! — слышит он голос старого товарища.

— Хорошо говоришь! — натягивая поводья, чтобы сдержать коня, который, казалось, готов был в запале броситься на вражеское копьё, кричит он ему. — А где Фома?! Что-то я не вижу его...

— Здесь я! — откликается Фома Волк.

— Жив, значит?

— Жив!

— А ты, Иван Шишка?..

— Здесь я, здесь!

— А как там братья Романовские?

— Живы мы, друже, живы! — слышит Фёдор голос Леонтия.

— Ну так давай кончать басурмана! Чтой-то мы долго с ним возякаемся...

И стали казаки еще шибче работать клинками и уже скоро вся вражья дружина лежала порубленная на сырой земле.

— Добре, братцы! — когда казаки покончили с маньчжурами, похвалил товарищей старшина, глядя на густо залитое кровью поле брани. — И так будет со всеми, кто решится пойти супротив нас!

— Твоя правда, старшина! Всех побьём! Слава казакам! — звучат голоса еще не успевших остыть после битвы товарищей.

Федор отер рукавом кафтана пот с лица и спросил:

— А что у нас? Есть ли убитые?

— Есть! — ответили ему. — Митяй Суворин и Остап Сковорода.

— Жаль, — покачал головой старшина. — Что будем делать, товарищи мои? В чужой земле их похороним али домой повезём?

— Да неужто оставим? Домой, конечно, домой! А то жонки их нам не простят... — кричат казаки.

— Так и порешили, — говорит Федор. — Ну а врагов чужим воронам на съеденье оставим. Пусть попируют.

Привязав мёртвых товарищей к сёдлам оставшихся сиротами лошадок, казаки отправились в путь. Вокруг такая лепота, что невозможно было глаз оторвать. Больше всего поражали окрестные горы, чьи вершины были укрыты прозрачной пеленой сизого тумана. Красивы были и леса у подножия гор, и травы в полях, усеянных поздними цветами. Только любуйся! И в этот самый момент, когда казаки стали потихоньку отходить от недавнего боя, раздался встревоженный возглас Фана:

— Маньчжу!

И снова руки казаков тянутся к оружию. Только напрасно так лихорадочно забились их сердца, ибо на этот раз никакой опасности не было. Вместо маньчжурских конников они увидели впереди каких-то странных людей, которые, заметив казаков, тут же повернули вспять.

— А ну, братцы, давай глянем, шо там таке! — предлагает Фома.

Пришпорив коней, они бросились в погоню.

То были четверо молодых китайцев-кули¹ с выбритыми до блеска лбами, одетых в синие мокрые от пота длиннополые халаты, на плечах которых покачивался украшенный разноцветными лентами паланкин. Двигаясь усталой рысцей, китайцы пытались оторваться от чужаков. Их голые грязные пятки, мелькавшие впереди, вызвали у казаков дружный смех.

— А ну, стой! — приказал Федор. — Кто такие?

Егорша Комар тут же перевёл его слова.

Кули замерли, и в следующее мгновение шёлковая занавеска паланкина отдернулась, и на казаков глянуло хорошенькое девичье личико.

— Охо! — увидев это хрупкое луноликое создание, почесал затылок Мишка Ворон. — Ничего себе краля!

— А ну, неча тебе на чужих девок пялиться — своя в Албазине ждёт! — прикрикнул на него старшина.

Та, что ждала Мишку, была Фёдоровой дочкой Аришкой. Молодые гуляли уже почти год, и в крепости стали поговаривать об их скорой свадьбе. Старшина был не прочь иметь такого зятя. И сам недурён, и башка неплохо варит. И что важно — будущий зять его потомственный казак.

— А краля-то не из бедных, — подъехав к Фёдору, проговорил Иван. — У неё, поди, и цапки золотые имеются. Может, поживимся?

— Цыц! — строго глянул на него старшина и вдруг приказал ханьцам опустить тяжёлую ношу. Когда они это сделали, он предложил девице выйти из паланкина, однако она наотрез отказалась. Тогда он силой вытащил ее оттуда. Она сопротивлялась,

¹ Кули – носильщики.

царапалась, кусалась, плевала казаку в лицо, а тот только весело смеялся и всё время приговаривал:

— Ай, да девка, ай, да молодец! Ну-ну, хватит, хватит!..

Это была молоденькая азиатка, одетая в атласный халат коричневого цвета, скромно украшенный незатейливым орнаментом и перетянутый в талии красным широким поясом. Маленькие её ножки были обуты в расшитые бисером туфельки. Она была гибка, тонка в талии и легка на поступь. Длинные её черные с синевою волосы были уложены в причёску и украшены золотой заколкой. Нос был тонкий и с маленькой горбинкой. Кожа белая и нежная, как персидский шёлк. Ресницы пушистые, словно лебединый пух, брови же её были похожи на крылья чёрной чайки, парящей над белым мраморным озером её припудренного чела. Когда она взмахивала ими, сердце останавливалось у Фёдора. А губы!.. То даже не губы были, а розовые лепестки, волею случая занесённые ветром на эту утопающую в пыли дорогу.

Удивительными были и её глаза. Чёрные, словно бархатное ночное небо, и с небольшой раскосинкой, они даже во гневе были хороши.

Наверное, дочь какого-нибудь знатного мандарина, решил Фёдор. Вон и герб родовой начертан на её укутанном в тяжёлые шелка теремке.

Он угадал. Это и в самом деле была дочь большого богдойского военачальника, отправившаяся в далёкое путешествие к новому городу Чучару, где офицером служил её старший брат. Она давно его не видела и вот решила проведать.

Сан Пин, а так звали девушку, родилась и выросла в долине Сунляо, в родовом поместье своего отца, что в десяти ли¹ от древней столицы Маньчжурии Мукдена. Там, где высокие горы граничат с рисовыми полями, где бегут по распадкам холодные ручьи и небо такое синее, что в него больно смотреть. Она была внучатой племянницей первого цинского правителя хана Абахая, поэтому двери Императорского дворца были всегда открыты для неё.

У неё были хорошие манеры, которым её научили выписанные из Японии гувернантки. Она выучила все правила, которыми руководствуются женщины в Японии. Она знала, что приличная женщина должна быть здоровой, держать спину прямо, у нее должна быть культурная речь; она должна всегда с улыбкой говорить «Доброе утро», быть той, о ком говорят, что она всегда опрятна. Кроме того, приличная женщина не должна испытывать скуки и посвящать себя чему-то; она должна говорить приятным голосом, отвечать на письма и послания, не говорить о том, чего не знает. Она должна иметь красивые зубы и сияющие блестящие волосы. Каждый вечер она обязана хорошо засыпать и рано вставать, часто говорить «спасибо», самостоятельно преодолевать страдания, не переносить в завтрашний день неприятности, которые случились сегодня, стараться не простужаться, иметь много приятелей для встреч, знать методы самолечения, красиво писать иероглифы, иметь любимое изречение, больше плакать о других, чем о себе, думать, что сегодня ты красивее, чем вчера, быть счастливой и выглядеть счастливой, иметь хорошую кожу и ещё многое, многое другое...

Сан Пин с детства знала, что всё, что делается вокруг, делается именно для неё. Для неё ткут знаменитые на весь мир тяньцзиньские ковры, чеканят золотые монеты, идут ранними утрами в поля, держа на плечах тяжёлые лопаты и мотыги, собирают ясак... Ради неё захватывают чужие земли, покоряют народы, строят большие города. Её род один из самых древних и самых уважаемых в Империи. И она гордится этим.

В жизни никто не смел не то, чтобы сказать грубое слово, — косо посмотреть на неё. А тут эти русские мужланы не только перебили ее охрану — они еще и норвят

¹ Ли — название двух китайских единиц измерения расстояния, равное 500 метрам.

ограбить её. Особую ненависть в ней вызывает этот огромный светлородый казак, который бесцеремонно вытащил её из паланкина. Жаль, у неё нет с собой кинжала, не то бы она показала ему! Сам, небось, нищета, а туда же. Хотя, если честно сказать, он недурён собой. Мало найдется в её Империи столь же сильных и красивых воинов, как он. Его бы взять к себе охранником и платить хорошие деньги — тогда б уж ей точно некого было бояться.

— Ты кто? — когда девушка немного успокоилась, спросил Фёдор через толмача.

Вместо ответа она фыркнула и отвернулась. Гордая, надменная, она всем своим видом показывала, насколько ей неприятна эта встреча.

— Ну так как, сама назовешься али я тебя пытать начну? — улыбнулся старшина и демонстративно разрезал воздух нагайкой.

— Не трогайте!.. Не трогайте мою госпожу! — неожиданно услышали казаки испуганный девичий голос, и в ту же минуту из зашторенного богатой канчою¹ паланкина выскочила невысокая узкоглазая девчушка, обёрнутая в камку². На голове у неё было множество тонких косичек, туго сплетённых из смоляных волос. В каждой из них звенело множество серебряных и золотых монет.

— Так у нас, оказывается, не одна — две пленницы! — радостно воскликнул Фёдор. — Ну а ты, — обращается он к девочке-подростку, пытавшейся заслонить собою ту, которую она назвала госпожой. — Ты-то хоть скажешь, кто вы такие и куда держите путь?

Боясь, что казаки учинят им пытку, она с испугом что-то залепетала.

— Ну же, Егорша, перескажи, что она там прощепетала, — просит толмача старшина.

Так казаки и узнали, кто такие эти две крали, как их зовут и куда они держат путь.

— Вот те на! Саму принцессу богдойскую в полон взяли! — крикнув, восхищённо воскликнул Гридя Бык. — И что ж мы с ней будем делать? — обращается он к старшине.

Тот почесал затылок и вдруг:

— А возьму-ка я её, братцы, в наложницы! Пуцай у меня тесто для пирогов месит...

Услышав это, казаки весело заржали.

— Вот тебе Наташка-то покажет наложницу! Ведь ты ж эту девку, поди, не только тесто месить заставишь, а и на сеновал потащишь, — подначил его Карп, вызвав тем самым новую волну смеха.

— Послушай, Федька, отдай мне эту кралю, — подъехав к Фёдору вплотную на своей каурке, негромко просит его Ефим Верига. — Ну на кой она тебе? У тебя жена, а у меня, сам знаешь, пустая изба... Отдай, прошу тебя! За это я тебе по гроб жизни благодарен буду.

Фёдор насупился.

— И не проси, — говорит. — Если хочешь — бери служанку.

— Так ведь она ж еще ребятёнок! — в сердцах бросает Ефим.

— Ну и чиво? — усмехнулся старшина. — Поверь, и не заметишь, как она бабой станет. Девки ведь быстро растут. Вон взять мою Аришку. Тоже ведь, вроде, сопля, а уже женихается...

Девушкам позволили сесть в паланкин, и Фёдор велел кули следовать в сторону русской границы.

— Куда это вы нас ведёте?.. — выглянув из-за занавески, испуганно спрашивает Сан Пин казаков.

— В полон, девонька, в полон! — отвечает ей за всех Карп. — Не бывала ещё за Амуром? Ну вот и побываешь...

Девушка в отчаянье.

¹ Канча – китайская шёлковая ткань.

² Камка – китайская шёлковая узорчатая ткань.

— Мой брат всё равно вас догонит и убьёт! — заливаясь слезами, предупреждает она. — Я послала своего слугу в Чучар, так что ждите погони.

И ведь не врала девка-то. На следующее утро, когда казаки, позавтракав, снова двинулись в путь, они вдруг увидели далеко впереди на невысоком взлобке вооружённых конников. Их силуэты хорошо прорисовывались на фоне прозрачного осеннего неба.

— Маньчжу! — снова в страхе кричит Фан.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — смачно выругавшись, с досадой произнёс Фёдор. — Что, братцы, делать-то будем? — спрашивает он товарищей. — Богдойцев-то вона сколь — одолеем ли?

— Вряд ли, ведь их там сабель сто — не меньше, — напряжённо вглядываясь вдаль, говорит Гридя. — Может, бросим этих краль? Тогда проще будет бежать.

Старшина хмурит брови.

— Забудь!

— Ты что, хочешь на чужих холмах голову сложить? — удивился товарищ.

Фёдор покачал головой.

— Нет, помирать я не хочу, но и девонек не оставляю! Скажи, ну когда казак оставлял трофей? — как-то вымученно улыбнулся он.

Завидев казаков, богдойцы¹ выставили вперёд копыта и, подбадривая себя громкими криками, бросились в атаку.

— Вот что, Мишка!.. — кричит Фёдор молодому казаку Мишке Ворону. — Ты давай сажай в седло малявку, а эту прынцессу я к себе посажу... Давай, давай, поторапливайся, а то у нас времени нет.

Мишка быстро спрыгнул с коня и бросился к паланкину.

— А ну опускай носила!.. — командует он китайцам.

Те тут же подчинились ему. Подхватив на руки испуганную служанку, он усадил её в своё седло. С «прынцессой», как называл её Фёдор, вышла осечка. Она не стала дожидаться, когда её вслед за служанкой вытащат из её убежища, и выскочила сама. Она бежала по дороге навстречу маньчжурам, кричала и махала руками.

— Я здесь!.. Здесь!.. Спасите меня!

Фёдор какое-то время стоял в нерешительности. А нужна ли ему эта девка? — спрашивал он себя. — И стоит ли из-за неё так рисковать?

Но что-то вдруг в нём взыграло. Нет, не дам этой красавице уйти! — скрипнул он зубами и, с силою стегнув плетью коня, помчался вслед за беглянкой. Миг, и вот она уже сидит у него в седле, подхваченная на скаку его сильными руками. Девушка кричит, отбивается, пытается вырваться, да куда там!

— А ну, гайда, братцы, за мной! — повернув Киргиза, велит старшина казакам.

И вот они уже мчатся на своих быстрых конях, пытаясь скрыться от погони.

— Давай, давай, товарищи мои! — кричит Фёдор. — Швыдче! Швыдче!

Где-то далеко позади осталась пыльная дорога с кянами-кули и паланкином. Упав грудью на гривы коней, казаки вихрем несутся над землей, минуя луга, невысокие рёлки, кустарники и дубравы, взбираются на крутые сопки и снова, не оглядываясь, скачут вперёд. Никто, ни Фёдор, ни его товарищи, не знают, куда они скачут. Даже Фан ничего не может сказать. Только кричит что-то на своём и всё пытается не отстать от казаков. Ведь если маньчжу его поймают, то обязательно убьют. Это русских или там монголов они берут иногда в полон, а ханям только смерть. Потому что их они не считают за людей.

... Точно звери рыскали они по чужой земле, прячась то в высоких травах, то в лесах и среди распадков, но всюду их взгляд наткнулся на преследовавших их маньчжуров. Даже по ночам, укрывшись где-нибудь в горном ущелье, они не чувствовали себя в безопасности. Позже, сидя ночью у костра в родном острожке, Фёдор с товарищами всё дивились, как это им тогда удалось убежать. Страх ли им придал силы, а может, это их

¹ Богдойцы – маньчжуры.

молитвы дошли до ушей Господа, только чудо свершилось. Обхитрили-таки они маньчжура, запутали следы. И теперь вот веселятся, поднимая кубки за благополучное возвращение.

И только один Ефим Верига невесел. Все думы его о молодой богдойской крале, которую Фёдор взял в наложницы. Мечется душа казака, зло его разбирает. Не раз уже подумывал он о том, чтобы украсть девку и сбежать с ней из острога. Но куда побежишь? На Урал? На Дон? Так ведь туда еще надо добраться. А может, уйти к богдойцам? Говорят, у них есть особое войско, куда берут всех, кого не лень. Есть там и русские, и монголы, даже ливонцы есть и германцы. И платят-то им, сказывают, золотом, а кто желает, может открыть собственное дело. Ефим, коль выпало бы ему такое счастье, открыл бы корчму. Дело не хитрое, но прибыльное. Может, и, правда, стоит подумать?

С этой мыслью он и жил теперь. Казаки удивляются — что это с их товарищем стало? Живёт, точно бирюк. Закрылся в себе и угрюмо молчит. Но разве он скажет правду! Ведь эта правда может стоить ему головы...

Глава шестая. Сборный день

Но не суждено было Фёдору вновь погулять по маньчжурским пыльным дороженькам. Он-то думал, атаман оставит его за главного в крепости, пока сам будет мотаться по полям да долам, а тот возьми да прикажи ему собираться вместе с ним в дорогу. «Да людей понадежнее подбери, — сказал он ему. — Чай, не к теще на блины едем».

Ну вот, как что, так Федор. Нет, не может атаман обойтись без старшины. Видно, надежду в нем видит. А тут дорога дальняя — всякое может случиться. Ну а с Федором оно веселее. Тому ни Бог, ни черт не страшен. Да и фартовый он — из любой оказины¹ выход найдёт.

Погоревал Фёдор, погоревал, но делать нечего. Собрал он своих старых и верных товарищей — Гридю Быка, Ивана Шишку, Семёна Антонова, Карпа Олексина, Фому Волка, Григория и Леонтия Романовских — и велел им тоже готовиться в путь.

Теперь надо было просить Наталью собрать ему дорожную суму, и чтоб не забыла про торбу с овсом для Киргиза. Трава одно, а овёс- совсем другое, любил повторять Опарин. От овса у лошади рубашка закладывается, подкожное сало, и ей легче бывает и зиму пережить, да и лето скоротать. Тем более, если речь идет о дальней дороге, где животине требуются силы.

Дав жене указания, Фёдор отправился к Саньке. Та встретила его холодно.

— Что с тобой? — заволновался казак. — Уж не случилось ли чего?

Она ухмыльнулась.

— Почему, орос, ты не сказал мне, что завтра уезжай?

Это ее «орос» означало, что она на него рассержена. Так она звала Фёдора в первые месяцы после того, как он привёз её в крепость. «Орос» да «орос! Он ей: «Зови меня Фёдором... Фёдор моё имя. А она всё равно: «Орос!» Будто бы издевалась над ним. Или не хотела признавать его. Даже после того, как он однажды ночью в порыве страсти силою взял её.

А до этого долго примерялся к ней. И обнимет бывало, и за ушко легонько потреплет, а то и в губы чмокнет невзначай. Она морщится, кричит на него, а он всё равно гнёт своё. Потихоньку она смирилась с его ласками. Даже отвечать на них стала. Но дальше этого не шло. Но однажды Фёдор пришёл к ней пьяненький и сделал то, о чем он подспудно мечтал.

¹ Оказина – сложная ситуация.

Несколько дней она волком смотрела на него, даже на шаг подойти к себе не позволяла. Но женскую плоть не обманешь. Однажды она сама притянула его к себе, и это был самый счастливый день в его жизни.

С тех пор он уже не стеснялся своих чувств. Ох, и солощій¹ был до ласок! Так бывало зацелует, так истерзает в страсти, что она потом едва живую просыпалась на утро. Видно, это её сводило с ума, потому она злилась, если он долго к ней не заглядывал. Но ведь ему, бедняге, на части приходилось разрываться. Не бросит же он просто так Наталью — чай, венчаные. Да и Гермоген ему не раз выговаривал за его шалости. Смотри, мол, от греховного корени зол плод бывает. И он приводил в пример Святополка. Зверь-братоубийца. А всё потому, мол, что от греховной связи не по браку своего отца Володимира с вывезенной из грек черницею родился.

Но разве Фёдора остановишь. Он по-прежнему был ласков с Санькой, хотя в глубине души понимал, что она не любит его. Более того, вряд ли когда и полюбит.

— Ты-то откуда узнала о моём отъезде? — спрашивает Саньку Фёдор и тут же понимает, что это его сподручник Яшка Попов проболтался. Но что с этим баламошкой поделаешь? Да его хлебом не корми — дай только побахорить².

Когда Фёдор построил за крепостной стеной этот дом и поселил в нём Саньку с Маняшкой, он велел Яшке стеречь их, дабы те не сбежали. Парень, думает, он не женатый, да и угла своего покуда нет, так что пусть пока поживёт в теремке. Место отвёл ему в передней, чтобы не маячил у девок на глазах. Там Яшка и ночевал, а вот столоваться ходил в казённую избу к холостым казакам, потому как стеснялся садиться за один стол с «принцессой». Да и ходить по коврам он не привык. А они в доме были повсюду. Так пожелал Фёдор, который всё делал для того, чтобы угодить знатной полонянке. За богатым товаром он даже специально ездил на торжок³, что под Нерчинском.

— Сегодня ночевать к тебе приду — жди... Надо попрощаться, — обняв Саньку и поцеловав её в висок, сказал старшина.

А ей не привыкать было ждать. Ведь большую часть времени Фёдор проводил все-таки с семьёй. Однако после того как родился Стёпка, всё изменилось. Теперь уже Наталье приходилось всё реже и реже видеть своего мужа. Пыталась с помощью гадалки вернуть его в семью, да не получилось. Тогда она пошла в монастырь к Гермогену.

Изба, в которой находилась келья старца, представляла собой небольшой деревянный сруб с крыльцом о трёх ступенях. У входа её встретил послушник и проводил внутрь. Там, в прихожей, уже были люди, желавшие попасть к старцу. Отстояв свою очередь, Наталья вошла в горницу, где на широкой скамье возле стены, опершись на архиерейский посох, сидел Гермоген. На нём была обычная монашеская ряса и клобук, а впалую его грудь прикрывал огромный золочёный крест.

— Я, наверное, не ко времени? — перекрестившись на иконы в красном углу и попросив у старца благословения, робко произнесла она.

— Ничего, ничего... Садись вот, матушка, — указывает он на скамью, что была у противоположной стены небольшой горенки. Когда она села, произнёс: — Ну а теперь-слушаю тебя.

— Отче, — зашевелились белые как снег губы Натальи. — Беда у меня великая приключилась... — Она вдруг всхлипнула и из глаз её потекли слёзы.

— Успокойся, дочь моя, — смотрит ласково на неё Гермоген. — Успокойся. Коль не можешь продолжать — не продолжай.

А у неё и впрямь нет сил говорить. Однако она всё ж сумела взять себя в руки. Утерев слёзы концами покрывавшего ее голову светлого платка, она снова заговорила.

¹ Солощій – жадный.

² Бахорить – калякать, вести пустые разговоры.

³ Торжище – привоз, место купли и продажи.

— Батюшка, как мне жить?.. — И снова слёзы хлынули из её глаз. — Ты прости, туга¹ ум полонит — не знаю, что и сказать...

— А ты говори, — просит старец.

— Ну да, надо говорить, коль уж пришла... — вытирая слёзы, соглашается женщина. — Отче, тут вот Федька мой...

— Федька? А что с ним? Анадьсь² я видел его — в Монастырскую слободу приезжал к кузнецу нашему, — говорит старец. — Неужто что случилось?

Наталья снова всхлипнула.

— Не любит он меня, — с трудом выдавила она из себя. — Всё к этой узкоглазой по ночам бегаёт. А ведь у него семья.

Старец вздохнул.

— Да я уж говорил с ним. Только чёрного кобеля не вымоешь добела.

— А если я попрошу у Бога, чтоб он мне помог? — этак с надеждой смотрит на старца Наталья. — Он же должен помогать несчастным...

— Должен, дочь, моя, конечно же, должен, — кивает головой Гермоген. — Вот и обратись к нему. Али уже обращалась?

— Обращалась...

— А с молитвою ли? — спрашивает святой отец.

Наталья покачала головой.

— Да нет, вроде как по-бабьи... Со слезами...

— А ты попроси Николая Чудотворца, заступника нашего, — советует старец. — Он скорее до Господа нашего достучится. Глядишь, и помилует Господь тебя. Али же мужа твоего за все грехи его накажет.

Наталья испуганно смотрит на старца.

— Накажет?.. Федьку?..

Ну, этого ей не надо. Ей бы только вернуть мужа, а вот зла ему она не желает. А какая нормальная баба желает зла своему мужику?

Страх обуял бедную Наталью. Его, страх этот, она понимала по-своему. Это когда что-то непонятное собирается у тебя на затылке, а затем струйкой истекает вниз, к самым пяткам по спине. И это всё обрушивается мгновенно. Точно такое же случилось сейчас и с ней.

— А можно сделать так, чтоб Господь его не наказывал?.. Просто пусть Федька покается и вернётся ко мне, — с надеждою смотрит женщина на старца.

Дело шло к вечеру, и келья стала наполняться сизой закатной мглой. По стенам забегали тени. Тогда старец велел молодому послушнику, всё это время стаявшему за его спиной, зажечь лампадку, после чего в горнице стало светлее.

— Я вот что тебе скажу, матушка, — взглянув в озаренное горящим фитильком лампадки лицо Натальи, проговорил старец. — Ты слёзы-то не лей — дело это пустое. Лучше иди и молись Господу, чтобы он образумил твоего кобеля... Веруй, что Бог тебя любит и не оставит в беде, как он не оставляет любого, кто обращается к нему с мольбой... А мужа продолжай любить, ибо любовью всё искупается, всё спасается.

На прощание Гермоген благословил Наталью и подарил ей небольшую бумажную иконку Николая Чудотворца, а к ней писанный чьей-то прилежной рукою «Акафест святителю Николаю».

— Поставь иконку на божницу среди иных Божиих угодников и молись, — сказал он ей. — Да с чувством молись, иначе не поможет. А то иные порой бубнят себе под нос молитву, а мысли их о другом... Сам на себе это испытал. Когда молишься с чувством — всё случается, а когда бездумно, так и ничего... Всё, иди. Да хранит тебя Господь!

Теперь, когда Фёдор сбегал ночью к богдойке, Наталья становилась на колени пред святым Чудотворцем и, приняв кроткое выражение лица, негромко, так, чтобы не

¹ Туга – печаль.

² Анадьсь – на днях.

разбудить детей, молилась: «Возбранный Чудотворче и изрядный угодниче Христов, миру всему источай многоценное милости миро, и неисчерпаемое чудес море, восхваляю тя любовью Святителю Николае: ты же яко имеяй дерзновение ко Господу, от всяких мя бед свободы, да зову ти: радуйся, Николае, великий Чудотворче». А от себя добавляла: прошу тебя, отче священноначальниче, верни мне моего Фёдора. Упроси Господа нашего, чтобы он вразумил его...

Предупредив Саньку, что придёт к ней ночевать, Фёдор вернулся домой и стал готовиться к походу. Первым делом привёл в порядок оружие. Поточил клинок, прочистил шомполом ствол фузеи, зарядил два пистолета, после чего отсыпал в железный коробок из запаса пороху, налил свинцовых пуль, и уже хотел было заняться конской сбруей, когда к нему подлетели его сыновья.

— Тять, возьми меня с собой! — заканючил Пётр.

— И меня тять, и меня... — следом стал напрашиваться и младший Тимоха.

Наверное, это им Наталья донесла, что уезжаю, ухмыльнулся Фёдор.

— Рано вам! — говорит он. — В дороге всякое может приключиться. Разбойных-то людей вон сколь развелось. А еще эти богдойцы проклятые... Так и рыщут, так и рыщут вокруг. То займку где подожгут, то людей наших в полон уведут. А бывает, что и засаду устроят. Чуть зазевался — и поминай, как звали... Нет! Вот подрастёте чуток — тогда и поговорим. А пока сидите дома и тюрю зобайте. А нет — ступайте заплот возле дома городить. Аль не бажите? Но это ж покаче¹ будет, чем пасть от руки басурмана.

А Тимоха ему:

— Не хочу заплот городить — хочу богдойцам головы рубить.

Фёдор фыркнул.

— Вот щас как блябл² отвешу — будешь знать! — бросил он в сердцах. — Ишь, герой нашелся... Ладно, не веньгай давай, — заметив, что глаза младшего сына покрылись мокротой, сказал он примирительно. — Если хочешь врагам головы рубить, то вначале нужно научиться этому ремеслу. А то ведь и свою можно сложить.

Тут на выручку брату приходит Пётр.

— Да что ты, тять! Ведь мы не хуже любого казака сабелькой-то махать умеем! — похвастался он. — Почитай, каждый день с дружками на пустыре рубимся.

— А где ж вы сабли-то взяли? — не понял Фёдор.

— Да у нас не настоящие — деревянные, — моргает глазами Тимоха.

Фёдор вздохнул.

— Деревянные!.. — передразнил он его. — Это, сынки мои, не то. На деревянных взаправду биться не будешь. Да и коней у вас покуда нет.

— У соседей возьмём! — тут же нашёлся Петр. — А сабли... Ну одна у тебя лишняя имеется, а другую мы уж как-нибудь отыщем.

Фёдор и не знает, как ему быть. До встречи с Санькой оставалась еще уйма времени. Вон и солнце говорит о том, что день только начинается. Однако ему нужно еще в Монастырской слободе побывать у бронного мастера Платона Кушакова. Тот обещал куюк ему залатать. А то в недавней стычке с богдойцами старшине его помяли маленько. Ну и заодно уж пусть кузнец и на подковы Киргиза глянет да на чалдар³. Дорога дальняя — всё нужно предусмотреть.

¹ Покаче – лучше.

² Блябла – оплеуха.

³ Чалдар – конский убор в виде попоны из металлических блях и пластинок, закрывавшей спину, бока и грудь лошади.

— А ну пошли на задний двор, — неожиданно говорит Фёдор сыновьям и, сняв со стены обе хранившиеся в доме сабли, идёт к двери. Те, забыв про всё на свете, бегут следом.

Наталья, слышавшая весь этот разговор, переполошилась. И что этому извергу в голову взбрело? — Это она о Фёдоре. — Шёл бы к своей узкоглазой красавице — почто в нелюбом доме трётся? Аришка, заметив тревогу в глазах матери, решила её успокоить.

— Да не кручинься, маманя, пусть себе побалуется, — говорит она. — Чай, не часто тятка на детей своих время находит.

И то верно, решила мать. Только бы у Фёдора ума хватило не покалечить её сыновей.

— Не дай Бог, тебе достанется такой же вот гулёна, — вздыхает Наталья, пробуя на соль похлёбку, которая у неё варится в большом чугуне. — Народил детей, а сам в кусты... То он на Дону где-то шлялся, заставляя меня по ночам слёзы лить да молить Бога, чтобы с ним ничего не случилось. Ну вернулся — и что? Теперь вот он себе молодую нашёл. И кого! Басурманку несчастную...

— Ты не справедлива, маманя, — выкладывая из печи подовый рыбный пирог, говорит Аришка. — Богдойка эта славная. Она даже меня привечать стала. А то вначале всё шарахалась — будто бы я прокажённая какая.

Мать с упрёком глянула на дочь.

— Вот-вот, все вы против матери...

— Да нет же, мамань, мы любим тебя, а богдойка... Ну не убивать же её, в самом-то деле! Коль уж Бог так распорядился — пусть будет как есть. Тятенька же не уходит к ней насовсем.

Наталья шмыгнула носом.

— А мне нужна такая жизнь? Вот станешь сама женой — тогда поймёшь, — говорит она.

Аришка улыбнулась.

— Нет, мамань, у меня муж будет домовитый и верный, — говорит она.

— Не о Мишке ли Вороне ты говоришь? — спрашивает мать. Дочь даже зарделась при этих словах и опустила глаза. — А любит ли он тебя?

— Ой, мамань, любит! Да как любит! — радостно воскликнула девушка. — Он такой добрый, такой заботливый...

— Ну, хорошо, коли так, — ласково взглянула на дочь Наталья. — Пусть хоть тебе в жизни повезёт. Только вот... — она вдруг запнулась. — Сама ведь знаешь, какая у казака жизнь. Нынче жив, а завтра... — Она махнула рукой.

Дочь горестно вздохнула.

— Знаю, маманя, знаю, — говорит она. — Но, может, Боженька смилостивится над нами, может, он не разлучит нас. Ну а коль разлучит — я всё равно до конца жизни буду любить моего Мишеньку.

Эти слова растрогали Наталью. Вытерев о передник руки, она обняла дочь и стала нежно гладить ее по русой голове, приговаривая:

— Доченька ты моя ненаглядная, родненькая моя... Ну что ж, вот стукнет тебе шестнадцать годков — пусть жених твой сватов присылает.

Опарины живут, старясь не выделяться среди других казаков. А то скажут: напромышлял этот Федька где-то чужого добра — вот и жируют.

Дом себе поставили незатейливый, хотя и не самый последний в округе. Крепкий широкий сруб с терраскою, сенями и покоями — передней, гостиной, спальней и стряпной — так называемым бабьим углом или прилупом. Слева от дверей — лаз в

голобец¹. Супротив них — большая печь с подом и камином, который в долгие зимние вечера освещал кухню смоляными шишками. Между стеной и печкой — полати, на которых почивали Пётр с Тимохой. Вдоль противоположной стены стояли лавки для кухонной утвари. Ближе к переплетённому окну у коника² — большой обеденный стол с тяжёлой столешницей, две скамьи и сундук. Между кутью и горницей — заборка³.

Справа от дверей — куть⁴ с сельником⁵, в котором стоят жернова, рядом — выдолбленная из целого куска дерева высокая ступица; тут же решето и сито. А зимой ещё и кадушка с водой.

Горенка под стать всему небольшая, с одним окошком. Поначалу оно было затянуто бычьим пузырьём, однако позже Фёдор зашил его слюдой. В красном углу — божничка с иконками, кодиленка, молитвенники, восковые церковные свечи и поминальные просвири⁶. Под божницей — небольшой столик-трёхножка, на котором всегда лежало что-то церковное. В Пасху, к примеру, — куличи и крашеные яйца, в вербное воскресенье — распутившаяся верба в горшке с водой. Но чаще всего — принесённые из храма свечи и ладаница⁷ с пахучей смолой.

Здесь же стол для занятия рукоделием, на нём целая гора тряпичных лоскутков, среди которых затерялся берестяной коробок с иглами, напёрстками, нитками и пуговицами. Возле стола — два табурета. Против окна на стене — большое овальное зеркало в бронзовом окладе, которое Фёдор привёз из Нерчинска. Под ним широкая скамья, покрытая овчиной шубой, — Аришкино спальное место.

Была ещё и небольшая светелка, смежная с горницей и отделенная от нее занавеской, где стояла родительская кровать.

Таким же незамысловатым выглядел и опаринский двор, огороженный заплотом из жердей. В нём амбар, стайка для коровы, повесть⁸ для Киргиза, небольшой огородик; тут же баня «по чёрному», сарай, где у хозяина, мечтавшего когда-нибудь заняться пашенным делом, хранились сельхозорудия, конская сбруя, а ещё стоял обыкновенный плотничий верстак. В конце огорода — одетый срубом копань⁹ с ледяной прозрачной водой.

Вот возле этого колодца Фёдор и учинил испытание своим сыновьям. Чтобы не путаться в рукавах казацкого чапана¹⁰, он снял его и набросил на колодезный ворот, оставшись в исподней тельнице. Пётр же с Тимохой лишь освободили застежи своих косовороток да для удобства закатали штанины порток.

— Ну, кто первый? — протягивая саблю сыновьям, спрашивает отец.

— Дай я! — подтянув штаны, выступает вперёд Тимоха.

— Ты штаны-то не подтягивай, мотузком¹¹ их подвяжи — не то свалятся... И носом не шмыгай — не маленький, — беззлобно укорил его отец.

Пётр снял свою опояску с рубахи и протянул ее брату. Подвязав портки, Тимоха смело берёт из рук родителя саблю, вынимает её из ножен и принимает боевую стойку.

— Ну, что стоишь, давай наступай! — велит ему отец. Тимоха, размахивая клинком, смело летит вперёд и тут же, выронив саблю, падает носом на землю.

— Так нечестно! — кричит парень. — Зачем ты мне, тять, ножку подставил?

— Ты давай не гунди, а дерись! — прикрикнул на него отец. — На ратном поле тебе не на кого будет пенять... Ну же, наступай!..

¹ Голобец – погреб.

² Коник – ларь для хранения зерна и муки.

³ Заборка – тонкая стенка из досок.

⁴ Куть – сени.

⁵ Сельник – чулан.

⁶ Просвирь – маленький круглый хлебец, употребляемый в обрядах.

⁷ Ладаница – сосуд для хранения ладана, пахучей смолы.

⁸ Повесть – помещение под навесом на казачьем и крестьянском дворе.

⁹ Копань – колодец.

¹⁰ Чапан – полукафтан, жупан.

¹¹ Мотузок – шнурок.

... На этот раз Тимоха был осторожен, опасаясь снова попасть впросак. Вместо того, чтобы смело идти вперёд, он начинает делать какие-то замысловатые движения, и это у него получалось так ловко, что отец был вынужден отступить.

— Ну-ну, давай-давай! — подбадривает Фёдор сына. — Кистью, кистью больше работай, а то у тебя лезо¹ будто мёртвое... Так, недурно! А ну ещё...

Тимоха в ударе. Он снова и снова пытается загнать отца в угол, но в тот самый момент, когда он уже готов был праздновать победу, Фёдор, изловчившись, выбил у него из рук саблю.

— Вот так, браток, нужно воевать! — подхватив её на лету, усмехнулся Фёдор. — Ну, ещё что ли побалуем? — спрашивает он Тимофея.

— Нет, теперь давай я! — говорит ему Пётр.

Он берёт из рук отца саблю и начинает осторожно на него наступать. В отличие от брата, в его стойке присутствует что-то звериное. Он не идёт на противника грудью, а, пригнувшись к земле, мягко подкрадывается к нему, при этом зорко следя за каждым его движением. Саблю держит жёстко, уверенно, но размахивать ею не пытается. Напротив, он будто бы выжидает, когда противник ошибётся.

— Ну, давай, наступай, что крадёшься, как волк! — рычит на него отец, но Пётр его не слушает. Его цель — победить. А если он будет спешить, тятка непременно расправится с ним, как с Тимохой.

Наконец отцу надоело наблюдать за волчьей поступью сына, и он пошёл вперед. Его натиск был таким стремительным и неукротимым, что Петру пришлось нелегко. Он метался из стороны в сторону, делал волчьи прыжки, пытаясь увернуться от ударов. Однако Фёдор продолжал наступать. Сабля в его руке была будто бы живая. Она играла, она делала невообразимые движения, запутывая противника и принуждая его сдаться.

Но Пётр сдаваться не хотел. Заколдованный замысловатой игрой отцовской сабли, он вдруг встрепнулся, сделал волчий бросок вперед и достал бы Фёдора, коли б не его бойцовский опыт и природная ловкость. Сделав шаг вправо, он быстро развернулся и, схватив пробежавшего мимо него сына за шиворот посконной рубахи, бросил его наземь. Подставленный к горлу Петра клинок говорил о том, что он проиграл вчистую.

— Ну что, воины? Теперь вы поняли, что никуда не годитесь? — довольный собой, проговорил Фёдор. — А то: возьми нас, тять, с собой... Нет, братцы, вначале воевать научитесь, а уж потом просите.

Угрюмые и пристыженные стояли сыновья, не смея поднять глаза на отца. В это время мимо опаринского недостроенного заплота от приказной избы ехал на коне хорунжий Ефим Верига.

— Что, смену себе готовишь? — спрашивает он. — Давно пора! Эвон какие гарные хлопцы вымахали-то!

Фёдор развёл руками. Мол, куда денешься, коли ратных людей в их албазинском войске шиш да маленько.

— Ну а ты что в такую-то рань на коне? — спрашивает Опарин товарища. — Никак у атамана был?

— У него, — кивает головой Верига.

— Дела, что ль какие были али как? — продолжает интересоваться Фёдор.

— Дела, Федя, дела...

— Ну а ты не забыл, что завтра в поход? — спрашивает Опарин.

— Да не еду я, Федя, — говорит Ефим. — Приболел вот что-то...

— Приболел? — удивлённо посмотрел на него старшина. — В такую-то погоду?

¹ Лезо – клинок, лезвие.

— А хворь не спрашивает, какое ноне число, — усмехнулся Верига. — Придёт тогда, когда и не думаешь...

— Это точно, — соглашается Опарин. — Атаману-то хоть доложил?

— А как же! Он мне и распоряжения кой-какие дал. Пока, говорит, я хожу — будешь вместо меня в крепости за старшего.

— Вот как! — удивился Фёдор.

— А то... — погладил бороду Ефим.

Федор покачал головой.

— Напрасно, Фима, ты с нами не едешь. А то б погуляли, как бывалочи... Вокруг-то вон сколь вражых лазутчиков шастает. Встретим — вот тебе и кони дармовые, вот тебе и оружие. Неужто не завидно?

— Завидно, Федя, но что поделаешь? Грыжа, будь она неладна, замучила. Так что я вам только в тягость буду, — говорит Ефим.

— Ты нас возьми, тять! — послышался за отцовской спиной голос Петра.

— А ну, робяты, шурло¹ отсель! — приказывает он сыновьям. — Негоже слушать разговоры взрослых.

Понутив головы, те побрели домой.

— Ну ладно, Ефим, давай выздоравливай, — говорит на прощание Фёдор. — Когда вернёмся — чтоб на ногах был. А то какой воин с грыжей?

Тот ухмыльнулся и стегнул коня.

— Поеду к бабке Устинье — говорят, она одна тут грыжу заговаривает. — Сказал и умчался.

Однако ни к какой бабке он не поехал, а напрямик отправился в тайгу. Где-то там, в непроходимой чащобе, среди лиственниц и сосен с недавних пор раскинула свой табор подорожная вольница². Поначалу разбойные люди шибко-то не баловали — всё присматривались да примеривались. А тут вдруг пошло-поехало... Теперь дня не проходило, чтобы они не причинили кому-то зла. Грабили обозы торговых и промышленных людей, воровали коней у пашенных крестьян и казаков, которых потом сбывали на богдойской стороне. Награбленный же у богдойцев скарб, в том числе скот с лошадьми, отдавали за бесценнок русским барышникам³. Так и жили.

Сватажились эти волки еще где-то под Иркутском, откуда вскоре ушли на Лену, где и промышляли до тех пор, пока тамошним людям не надоело нести от них урон. Наслали на них стрельцов да казаков — те и дали татам прикурить. И если бы не главарь этой шайки, то не миновать бы им виселицы. Тот взял и увёл их на Амур, где больше было простора для их ремесла и где им ничего не грозило. Ведь здесь же была казачья вольница, а у вольных казаков у самих рыльце в пушку, так что они смотрели на проказы таежных татей сквозь пальцы.

Но это было до поры до времени, пока атаману Черниговскому вдруг не пришла в голову мысль переловить этих дьяволов и учинить им расправу. Об этом они узнали от одного казака, который согласился за определённую мзду помочь им.

Казакком этим был Ефим Верига. Раньше бы он и на пушечный выстрел не подпустил к себе этих убийц и разбойников, потому как сам был человеком сурьезным и богобоязненным, а тут с ним вдруг что-то случилось. Он стал не в меру обидчив, часто злился по пустякам, был груб и дерзок с товарищами. Видно, это всё оттого, что он чувствовал себя обделённым в этой жизни.

Но больше всего он был зол на атамана. Как ни старался Ефим, Черниговский так и не произвел его в ясаулы, не сделал своей правой рукой. А вот Федьку приблизил. За это Ефим и невлюбил Опарина. А как иначе? Не успел приехать — тут же в атамановы любимчики попал.

¹ Шурло – брысь.

² Подорожная вольница – шайка лиходеев.

³ Барышник – перекупщик.

Ох, и завидовал же ему Ефимка. У того и должность высокая, и баба-красавица, и детей куча, а теперь ещё и наложница эта в придачу... Ну почему одному всё, а другому — ничего? Ведь это несправедливо. А коль так, нужно этому положить конец. Вот ежили бы убрать с дороги Никифора с Федькой — тогда бы вся власть в Албазине перешла к нему, Ефиму. Ведь он третий здесь по старшинству — не случайно в чине хорунжия ходит. Коль станет атаманом, то он и Наталью Фёдорову возьмет себе, и богдойку эту наложницу, а еще и все припрятанные Опариным богатства приберёт к рукам. А помогут ему во всём этом разбойные люди, которые в будущем станут его первыми сподручниками.

На них он вышел случайно. Как-то июньским вечером, обходя караулы, выставленные вдоль ближних дорог, Ефим с двумя казаками попал в засаду. Тех-то сразу упыри уложили из мушкетов, а вот его взяли в полон.

— Почто я вам нужен? — когда убивцы тащили его на аркане в свой табор, спрашивал в страхе он. — Возьмите, дьяволы, моё оружие и коня, а меня отпустите...

Его притащили чуть живым. Весь избитый, в крови, глаза от боли мутные, как у пьяного.

Его освободили от верёвок и поставили на колени. Услышав голоса, из шалаша, скрытого от чужих глаз молодым ельником, вышел какой-то человек в помятом чапане и мохнатой шапке. Он был невысок и худ, и его лицо было сплошь покрыто волосами, отчего он был похож на лешака.

— Вот, атаман, казачка в полон взяли... — говорит шороглазый¹ детина с длинной до пояса косматой бородой и квадратным черепом, который ещё там, на дороге вместе с товарищами вязал Ефима пенькой.

— В полон, говорите? — наклонившись и внимательно всматриваясь в лицо пленного, спрашивает тот, кого назвали атаманом. — И кто ж ты будешь? — Это он Ефиму.

У того круги плывут перед глазами. Ещё бы! Чай, по земле, бесовы дети, волокли. Как ещё Богу душу не отдал?

— Ефим я... Верига... Хорунжий албазинского войска, — чуть слышно проговорил он.

Его слова вызвали громкий смех. Дюжины две татей стояли вокруг него и весело гоготали.

— Что гогочите? Так и есть, — обиженно проговорил Ефим.

Главарь поднял руку, и его люди тут же умолкли.

— Да мы тебе верим, казак, только войска-то у вас нет никакого, — усмехнулся он. — Сколь вас там? Сто, двести человек?.. А разве это войско? Потому мы и не боимся вас, дураков. Что хотим, то и воротим.

— Точно! — поддакнул шароглазый. — Слыхал небось про Шайтана? Так вот это он и есть, — кивает он на тщедушного своего жожака. — Его ноне вся Сибирь боится, даже те, что на богдойской стороне.

Ефим взглянул на главаря и удивился. Вроде человек- как человек, правда, косматый, что твой леший. А ведь люди считают его оборотнем. Вроде как бродит по ночам вместе со своими ведьмаками да пугачами и людей со скотом крадёт. Албазинцы уверены, что это кровосос, и чтобы угомонить его, надо раскопать его могилу и пробить труп осиновым колом. Только где эта могила? И кто в ней? Не иначе бывший упырь. Но как его звали-величали?..

— Значит, вот ты каков, Шайтан? Слыхали, слыхали — как же не слышать? Помнится, даже даурский князь Лавкай о тебе говорил. Вроде как ты у него лошадей увёл.

— Было дело, — усмехнулся главарь.

— Ну а я давно с тобой хотел познакомиться, — неожиданно проговорил казак.

¹ Шороглазый – с широко расставленными глазами.

Шайтан недоумённо посмотрел на него.

— И чиво это? Может, в полон хотел меня взять и на берёзе вздернуть?

— Да нет, — поморщился Ефим. — Напротив... Помощи хотел от тебя поиметь.

И он стал с жаром рассказывать татам о том, как его тяготит казацкая служба, как он ненавидит всех казаков, и особенно тех, кто чинит ему обиду. Разбойные люди слушали его, не перебивая, а когда он кончил говорить, шороглазый сказал:

— Не верю я ему! Давай, атаман, я ему лучше кишки выпущу. Коль отпустим — он сюда казаков приведёт.

Но главарь был человеком дошлым и имеющим дар глядеть в душу человека.

— Да нет, этот казак не врёт. По глазам его вижу, что он такой же вор, как мы... А то и хуже, — добавил он. — Вишь, глаза-то какие мутные. И душа такая же у него мутная. Этот будет нам служить.

И в самом деле. С тех пор Шайтану было известно всё, что творилось в Албазине. Вот и сейчас Верига ехал к разбойным людям, чтобы сообщить им о предстоящем отъезде атамана. А ещё он будет просить главаря, чтобы тот со своими людьми устроил казакам засаду, дабы перебить их всех до одного.

И тогда Амур будет наш, — скажет он при встрече Шайтану. — Всех татей с земли русской соберём и устроим здесь свое царство. Вот уж погуляем!..

Распрощавшись с Ефимом, Фёдор оседлал Киргиза и отправился в Монастырскую слободу. Он-то думал отыскать бронного мастера в кузнице, а увидел его бегущего по просёлочной дороге мимо череды убогих крестьянских изб. Впереди, с криком и плачем, прихватив руками полы сарафанов, спасались бегством две его дочери — Любашка и Варька. Что они там натворили — лишь Богу известно, только Платон вконец всё-таки догнал их. Содрав с Варьки плетёную опояску, он начал остервенело хлестать ею дочерей. Те визжали на всю слободу, просили пощады, но Платон был неумолим. И только рука Фёдора остановила его.

— Ты что это, Платон, разошёлся? — вырвав из его рук опояску, спрашивает он. — Али прогневали тебя твои красавицы?

Тот засопел. Его огромные ноздри, словно те кузнечные горны, стали бешено и широко раздуваться, обдавая огнём взлохмаченную рыжую бороду. Суровый он Платон, хотя, говорят, быстро отходчивый

— Красавицы! — передразнил он казака. — Вот выпорю их как сидоровых коз, а потом в тёмном сельнике продержу до утра, тогда узнают, как по ночам блудить.

— Да неужто блудят? — усмехнулся казак и поглядел на Платоновых девок. Те стояли ни живы ни мёртвы, боясь, как бы тятка снова не стал их бить.

— Ещё как блудят! — сверкнул кузнец глазами. — Вот вымажут люди нам дёгтем ворота — как будем жить? — обречённо спрашивает он дочерей.

Девки снова в слёзы.

— Да не блудили мы, тятенька, ей-Богу, не блудили! — клянётся старшенькая шестнадцатилетняя Любашка. — Мы лишь на лавочке с парнями посидели.

Платон яростно тычет пальцем куда-то в сторону.

— А не я ль тебя там... на сеннике¹ вчера вечером с казацким сынком застукал? Что, забыла?.. — во гневе спрашивает Платон. Поразмыслив о чём-то немного, он переводит взгляд на Опарина. — А ведь это твой паренёк-то был! — говорит он ему. — Женихаться в Монастырщину с дружками бегают. Чай, своих-то девок мало — вот они к нам...

Фёдор не верит ему.

¹ Сенник — сеновал.

— Да как же мой-то, когда они с товарищами целыми днями на пустыре играют?
— говорит он.

— А ты спроси Любку-то — она тебе и скажет, — невесело проговорил кузнец. Фёдор переводит взгляд на Платоновых дочерей.

— Ты что ль Любка? — указывает он нагайкой на старшую.

Та шмыгнула носом.

— Я не Любка, я Лубаша... Любкой только тятенька меня во гневе зовет, — говорит.

— Ну Лубаша, так Лубаша, — соглашается казак. — Ну, так скажи мне, Лубаша, правду твой отец говорит?

Та кивнула головой и опустила глаза.

— Ишь ты!.. — подивился Фёдор. — И кто ж из моих-то? Пётр али Тимоха?

— Петя...

Фёдор покачал головой.

— Да, наш пострел везде поспел, — проговорил он. — Ну и давно это у вас? — спрашивает он Лубашу.

— Давно, — отвечает она и как бы нечаянно роняет на высокую девичью грудь свою тяжёлую пшеничную косу, выбившуюся из-под светлого ситцевого платка. — С прошлого лета. Тогда на Купалу и познакомились.

Фёдор посмотрел на Платона.

— Ну и что ж тут дурного, Платон Иванов? — говорит он ему. — Мы ведь тоже были с тобой молодыми. Чиво им мешать? Пусть женихаются. Надо ж когда-то начинать.

Платон сжимает кулаки.

— Все равно не дам девкам по сенникам лазать. Не девичье это дело. Вот выйдут замуж — тогда другой разговор, — жёстко изрек он.

Фёдор улыбается.

— Так ты, поди, и с завалинок их гоняешь, — мирно заявляет он. — А где ж молодым тогда встречаться?

Лубаша благодарно смотрит на Фёдора. Глаза её синие, словно здешнее небо, лучистые. Кость крепкая — в отца. Такая десятерых моему Петьке родит и глазом не моргнёт, — удовлетворённо подумал казак и погладил свою густую светлую бороду. Так он делал всегда, когда был чем-то доволен.

— Не хотел я девок рожать, да Бог сыновей не дал, — вздыхает Платон. — Ведь когда сучка в доме — все кобели округ собираются. Ты думаешь, только твой сынок возле нашей избы отирается? Как бы не так! У ей, — он кивает на Лубашу, — этих самых женихов пруд пруди.

— А вот и неправда! — вспыхнула Лубаша. — Я только с Петей дружу, а остальных и не замечаю.

Платон фыркнул.

— Не замечает она! А Захарка, сын Демьянов? Не с ним ли я тебя в прошлый раз там же на сеннике прижучил? Что покраснела? Али не так всё было?

У Лубашаи страх и отчаяние в глазах. Господи, что подумает о ней Петин отец?

— Тятя, как ты можешь!.. — в сердцах воскликнула она и тут же бросилась бежать. Варька за ней.

— Зря ты дочек-то обижаешь, — выговорил Платону казак. — Ведь это твоя надежда. Ну, кто тебе в старости, кроме них, стакан воды поднесёт?

Платон усмехнулся.

— Но пока-то я сам себе и меду налить могу, — произнес он. — Чай, не старик ещё.

Что и говорить, до старости Платону было ещё далеко. Здоровье, оно в глазах. А они у него живые, ясные. Лишь иногда затуманиваются грустью или же наливаются кровью, когда он бывает зол.

Вот и походка у него молодая, твёрдая. И сам он молод и крепок, словно тот могучий кедр, что растёт у него на заднем дворе. Силой он не любил хвастать, однако иногда в минуты душевного подъёма он мог и продемонстрировать её соседям. Брал, к примеру, кочергу и завязывал её в узел, а потом просил, чтобы кто-нибудь этот узел развязал. Но кто ж развяжет? И тогда Платон сам брался за дело. Так что уже скоро кочерга принимала свой обычный вид.

У него было вечно опалённое печным жаром строгое лицо. Волосы пшеничные, опоясанные тонкой сыромятью. Одеву носил простую, несмотря на достаток. Ведь у кузнеца, говорят люди, что стукнул, то гривна. Летом — обыкновенная посконная рубаха навыпуск да холщёвые портки, засунутые в опорки¹, по праздникам — ичиги с пришивными подпятниками. Зимой — овчина, шапка волчья да унты.

— Ну, пошли, что ль, в ковальню, — говорит Фёдор. — А то времени-то у меня не ахти сколь...

Платон этак недовольно глянул на него из-под лохматых бровей и пробурчал:

— А коль нет времени, почто тогда примчался? А то будешь щас торопить — какая работа?

В отличие от многих своих соседей, ютившихся в ветхих куренях, семья бронного мастера жила в светлой большой красной избе с трубою. А то ведь тоже, как многие здесь, начинали с турлучного² сарая. Прибыли-то на подводах зимой. На дворе мороз лютует, птицы на лету дохнут от холода. Это вам не родная псковщина, где зимы мягкие да с оттепелями.

Надо было с чего-то начинать. Рубить клеть — занятие долгое. Пока поставишь избу — вечность пройдёт. А мороз крепчает. Кто-то стал отогревать землю кострами и рыть землянки. Другие, в том числе и Кушаковы, решили строить временные жилища, которые и поныне кое-где стоят как напоминание о трудных временах. А вот плетневые сараи, овины и тыны и теперь служат людям, выглядывая из-за стоящих вразбежку изб.

— Ты б кваском меня, что ль, угостил, — въехав во двор и спрыгнув с лошади, просит казак. — Жара-то вон какая — даже горло пересохло.

— Марфа, где ты там? — громко зовет жену кузнец. — Дай гостю квасу напиться. Тут же на крылечке появилась невысокая юркая жонка с корецом³ в руке.

— Доброго тебе здоровьица, барин, — поклонившись в пояс, произнесла она, чем смутила Фёдора.

— Да какой я тебе барин! — обижается он. — Служивый я.

Она улыбается. Дескать, да вижу я, из каких ты людей, но дай, мол, уважить.

— Пей, казак, — протягивает старшине берёзовый ковш.

Опорожнив его в несколько глотков, Фёдор вытер рукавом губы.

— Хорош квасок, ядрёный, — говорит. — Были б родней — каждый день бы у вас им угощался.

Марфа улыбается, а вот Платон, напротив, хмурит брови.

— Ладно, гайда дело делать, — буркнул он. — Сам говорил, времени у тебя в обрез...

Кузня Платонова стояла в конце большого двора, огороженного тыном. Он её срубил ещё прошлой весной из листвяка. Простору здесь много — конь мог поместиться. В центре кузни, прямо напротив большой двери — горн с широким челом, поддувалом и мехами. Под горном — вытяжной зонт для сбора и отвода дыма из листового железа. Рядом наковальня⁴, тяжёлый молот, клещи и несколько молоточков. Ближе к двери — станок для ковки лошадей. В дальнем правом углу — груды металла. Кольца кольчужные, обломки железных лат, сломанные клинки, развороченные стволы пицалей. У слюдяного

¹ Опорки – изношенные сапоги с отрезанными голенищами.

² Турлучный – плетневой, обмазанный глиной.

³ Корец – ковш.

⁴ Наковальян – кузня.

окна, под верстаком — готовое кузло¹: пазники² разной формы и величины, мотыги, кайлы, скобы, штыри, гвозди, подковы... Была и холоднаяковка — разная утварь, посуда, оклады. В слободе больше таких Платонов не было, потому он и коваль, и бронный мастер³ в одном лице.

— И давно с молотом-то дружишь? — наблюдая за тем, как Платон старательно раздувает мехами огонь в печи, спрашивает его казак.

— С детства, — сухо молвит кузнец. — А ну, подсоби! — просит он казака, протягивая ему клещи, в которых зажат извлечённый из горнила кусок раскалённого металла. — Положишь железо на наковальню и будешь держать, пока я буду по нему стучать.

— И что, кто-то тебя учил этому ремеслу? — крепко держа в руках клещи, продолжает интересоваться Опарин.

— И дед учил... — споро работая молотком, произнес Платон. — И отец учил... Семейное это у нас. Мы и с выварными горнами работали, и с вагранными, с укладными и клинными тоже... Да и на разделительных приходилось...

— А это еще что такое? — не зная премудрости ковального мастерства, спрашивает Опарин.

— Это что? Это, брат, дело сурьёзное. Здесь уже не с простым железом — с серебром дело имеешь. От руды его очищаешь, понятно?

— Ну, разве что маненько, — признаётся казак. — Я слышал, что под Нерчинском серебряную руду нашли. Не хочешь поехать?.. Хотя нет, мы тебя не отпустим. Больше-то у нас бронным мастеров нет. Да и пазники с подковами кому-то нужно делать. Ведь без вас, кузнецов, что без рук.

— Вот и я говорю о том же, — соглашается Платон, вытирая потные руки о кожаный фартук. — Жаль, нет у меня сыновей, чтобы дело моё продолжили. Не девкам же своим молот в руки давать.

Он вздохнул. И было понятно, что этот вопрос его сильно мучает.

— А ты возьми любого из моих лощей да научи их своему ремеслу, — неожиданно предлагает Фёдор. — Того ж, к примеру, Петра.

Платон покачал головой.

— Не... Твои — казаки, а казаку зачем мужицкое ремесло? — говорит он. — Да я уже и присмотрел тут одного... Сынок Демьяна Рыбакова Захарка. Демьян-то давно просил взять его в подмастерья. У самого пять сыновей, так что и без Захарки будет кому в поле робить.

— Ну как знаешь, — повёл плечами Опарин. — А то бы и моего взял.

— Двоих их нельзя держать вместе, — смахивая рукавом рубахи пот с лица, вымолвил он. — Они ж и без того постоянно дерутся...

— И чиво? — не понял казак.

— Ну как же — из-за Любки моей. Всё никак поделить её не могут.

Больше они в тот день этого вопроса не касались. Если говорили, то о пустяках. А когда Платон закончил работу, Фёдор расплатился с ним серебром и ускакал к себе в острог.

Глава седьмая. Темные ночи

Оставив за себя старшим в крепости Ефима Веригу, Черниговский рано утром увёл свой небольшой отряд в двадцать сабель в поход.

¹ Кузло — кованные изделия.

² Пазник — плотницкий инструмент.

³ Бронный мастер — кузнец, изготавливающий кованую одежду.

— Ну чо, Тимоха, пойдёшь со мной вечером в слободу? — проводив отца, спрашивает брата Пётр.

— А чиво я там забыл? — ухмыльнулся Тимофей.

— Ну как чо? Девочек будем щупать. У моей Любашки сеструха есть, Варькой зовут. Уж такая басенька¹! Глянешь — и тут же влюбишься, — уговаривает брата Пётр.

Тимоха лениво зевнул.

— Всех басей не устависся, всех не перецелуешь, — этак равнодушно проговорил он.

Пётр начинает злиться.

— Тебе старший брат чиво говорит?.. Вот и не упорствуй! — строго глянул он на Тимоху. — Тут ведь ещё вот какое дело... Слободские-то не шибко нашего брата жалуют. Али не видал меня с синяками?.. То-то же... А вдвоём мы — сила. Возьмём с собой по крепкой сосновой бочине² — и пусть только сунутся!..

— Ну, рази ж только для подмоги — тогда я согласен, — молвит брат.

Что и говорить, не в отца пошёл Тимофей. Это Пётр все по девкам бегает, а этому что они есть, что их нет. Он больше подратья любит, в улыски³ поиграть ножичком да постоять в воде с удочкой. А когда река мелела, он мог целыми днями лазать с бредешком по отмелям, собирая со дна всю мелочь. Когда подрос, стал промышлять рыбу вместе с казаками, запасая её на зиму. Ставили сети, чёрные снасти-самоловы с кованцами⁴, перемёты на живца. Река-то рыбистая, уловистая. И так до Семёна-дня, пока вода в реке не остынет и рыба не ляжет зимовать в ямы.

Однако и зимою рыбалям не сиделось дома. Но тут были свои премудрости ловли. Тимоха с детства знал, какая снасть для чего годится, будь то лето или зима. Знал, что в зимние холода лучше всего рыба ловится там, где хорошее течение. В спокойной реке оно не так. А вот в больших, глубоких водоёмах, прудах и озёрах и того хуже. Там подводная жизнь почти останавливается до прихода весны.

И всё ж даже в разгар глухозимья рыба не перестаёт гулять в поисках пищи, хотя и не так живо. Но для того, чтобы её поймать, нужно хорошо знать её повадки. Зимою её надо искать возле подводных родников, впадающих речек или ручьёв и на больших перекатах. Живца же можно словить и под самым берегом, даже в тех местах, где воды между льдом и дном меньше четверти аршина.

А вот Тимоха с наступлением холодов любил ставить снасти там, где под толщей льда находились свалы и коряжник, а также на перепадах глубин. Там ему больше всего везло на крупную рыбу. А вот в места, где на дне были отмирающие водоросли, он не ходил. Рыба эти участки избегает, потому как старая трава только и делает, что поглощает воздух, которого зимой и без того в воде недостаток.

Тайга тоже влекла Тимоху. В студёную пору он ставил петли на зайца да кулёмы⁵ на мелкого зверька, а, бывало, что взрослые брали его и на коз, а то и на медведя.

И все же больше всего он любил реку. Вот и сегодня он хотел вечером бросить сеточку, однако вместо этого ему придётся пехом ковылять в слободу. Были бы хоть кони. Но где их взять? Тут не у каждого взрослого казака-то они имеются, а которые есть — все при деле. Не пора ли им с товарищами вместо супляток⁶ за Амур прогуляться? Там, говорят, на каждом шагу эти конные богдойские разезды рыщут. Глядишь, и вернулись бы домой вершнем⁷. Главное не робеть...

¹ Басенька — милашка.

² Бочина — дына.

³ Улыски — игра в ножички.

⁴ Кованцы — большие рыболовные крючки.

⁵ Кулёма — ловушка.

⁶ Суплятки — вечеринки, свидания.

⁷ Вершнем — верхом на коне.

... Как только начало вечереть, братья, прихватив на всякий случай по увесистой бочине, отправились в Монастырскую слободу. По уговору, Любашка должна была ждать Петра в небольшом лесочке, что за крайним тыном, однако её там не оказалось.

— Забыла, что ли, об уговоре? — удивился Пётр. — А может что случилось?

Решили ещё немного подождать. А вдруг придёт? Стали прислушиваться к каждому звуку.

Вот со стороны слободы донёсся до них незлобный собачий брех. Это они на коров, которых пригнали с пастьбы.

— Ычь! Ычь! — кричит пастух и звонко хлопает плетью.

Следом послышался голос какой-то хозяйки, кликавшей своих гуляющих по улицам свиней:

— Чух-чух-чух! Чух-чух-чух!

Хозяйствуют слободские ладно. И овчарни здесь у них есть, и коровники с бычками и стельными коровами. Есть даже в одном дворе бычок, который гордо носит кличку Князец.

Ветряная мельница вот недавно здесь появилась, построенная по всем старым правилам. Правда, куда жернова её не притёрлись, потому помол выходит чересчур грубый. Так что зерно со всей округи по-прежнему везут к монахам. У тех хоть меленки и небольшие, но зато работают справно.

... Когда ждать братьям надоело, они решили идти на разведку. Главное было не нарваться на Любашкиного отца. Тот, как казалось Петру, недолюбливал его, потому даже на приветствия его не отвечал. Глянет порой исподлобья и пройдёт мимо. И в чём же, интересно, я провинился перед ним? — думает парень. Но спрашивать коваля не решается. А вдруг рассердится... Ну а с ним шутить- себе дороже. Рука-то у него тяжёлая, как молот. Хряснет — мало не покажется...

На счастье, Платон в это время работал в кузне. Это братья поняли, когда услышали, как тяжело ухаёт где-то в глубине двора молот. Подав условный сигнал — а это была трель, похожая на соловьиную, — Пётр стал с нетерпением ждать. Скоро скрипнула калитка, и следом показалось Любашкино лицо.

— А мы к вам... — широко улыбается Петруха, показывая два ряда крепких молодых зубов.

— Тише! — испуганно подносит палец к губам Любаша. — Тятенька вчера так меня лупил, так лупил, что я чуть было чувств не лишилась... Вот и Варьке из-за меня досталось.

Пётр выпучил глаза.

— Это из-за того, что он на сеновале нас застал? — спрашивает он.

— Ну да...

— Так не будем больше туда лазать, — говорит Пётр. — Мест, что ли, мало?

Любаша покачала головой.

— Тятенька сказал, что ежели еще раз увидит с тобой, — обоим нам не поздоровится. Так что уходи, Петя, уходи! Не надо, чтобы он нас снова увидел вместе.

Пётр в растерянности. Смотрит на брата, а тот отвернул свою морду в сторону и ухмыляется.

— Да куда я не уйду! — неожиданно заявляет он. — Ты думаешь, я твоего отца боюсь? Да плевал я!.. Знай, казаки никого не боятся. А ну давай, вызывай Варьку. Хочу брата Тимоху с ней познакомить.

Однако брат был человеком стеснительным, несмотря на свою внешнюю браваду. Всегда губу-то поджимал, когда с ним заговаривала какая-нибудь девка. А то и покраснеть мог до самого пупа.

— Да я... — заморгал глазами он, но голос Петра остановил его:

— Цыц! Здесь я командую... Ну чо, Любашка, стоишь? Дуй за сестрой.

Любаша, поддавшись Петрухиным уговорам, уже было хотела бежать за сестрой, но в этот момент раздался громкий свист, и следом из-за плетней показалась босоногая ватага, которой верховодил известный деревенский озорь Захарка Рыбаков.

Это был кряжистый парешок, одетый в посконную рубаху навыпуск и закатанные до колен портки. Рыжая голова его была похожа на копёшку сена. Раньше и Петра с Тимохой тятя также вот стриг. Наденет на голову горшок — и давай ножницами кромсать волосы вокруг головы. Но теперь они казацкие дети, а тем дозволено носить пышные шевелюры. Скоро, глядишь, и бороды отрастут. Но пока лишь пушок покрывает их розовые мальчишеские скулы.

Слободские остановились поодаль и, лузгая семечки, стали этак нахально глазеть на чужаков. Братья сделали вид, что не замечают их.

— Ну ты иди, Любаш, что встала? — говорит Пётр, а у самого голос дрожит от волнения.

— Еще чего! — сопротивляется девка. — Вы ж тут же драться начнёте.

— Эй, мурло, а ну подь сюды! — неожиданно послышался Захаркин воинственный голос. Пётр понял, что это он к нему обращается, но даже ухом не повёл.

— Вот телепень-то, стоит и шары пучит, а ничево не понимает, — возмущается Захарка. — Говорю тебе, подь сюды, иначе худо будет!

— Не замай¹! — огрызнулся Пётр. А тот уже разошёлся. И так его заденет, и этак. И тогда Пётр не выдержал. Ну разве стерпишь, когда тебя оскорбляют в присутствии твоей девки? Он повернулся и, помахивая ослопиной, пошёл на обидчика.

— Ну, чо тебе надобно от меня? — подойдя вплотную к Захарке, спрашивает Пётр. — Или мало я тебе носопырку бил?

— Чиво? Это надо еще поглядеть, кто кому ее бил! — загоношился Захарка. — Ты лучше паяло свое закрой, не то выпросишь!..

— А ты меня на харло-то не бери! — наступает Петр.

А Захарка ему:

— Короче, так, казак... Забирай своего брательника и дуй отцуа! И помни: если ещё раз увижу тебя здесь, — прибую.

Петр вспыхнул.

— Ага, завтра, а нынче так обойдешься...

— Чо?!

— Да ничо! Кишка, говорю, у тебя тонка! — горячится Пётр.

Серые Захаркины глаза наливаются кровью.

— Ну, паря, и пентюх же ты, ничево тебе не растолмачишь, — сжимает он кулаки. — А ну, чо стоите? — кричит он товарищам. — Давай, бей его! — И он первым бросается на Петра.

Казацкий сын даже глазом не успел моргнуть, как очутился на земле.

— Тимоха! — кричит он брату. — Наших бьют!..

Тот летит ему на выручку, размахивая ослопиной. Завидев его, босоногая команда, дунула врассыпную. Этим воспользовался Пётр. Вскочив на ноги, он бросился с кулаками на Захарку. Завязалась драка. Пётр был чуть повыше и покрепче, однако его противник был шустрее. Он ловко уходил от его ударов, а при удобном случае и сам бил кулаком. А тут и товарищи подоспели. Тимоха попытался было помочь брату, но куда против такой оравы? Вырвали из рук дубинку и тут же по зубам.

— Братуха, давай держись! Я с тобой! — умываясь кровью, кричит он Петру.

— И ты держись! — продолжая изо всех сил работать кулаками, отвечает ему брат.

Их крики и вопли слышала вся слобода. Самые любопытные выбежали на дорогу и с интересом наблюдали за дракой.

— Гады! Только толпою и можете!.. — кричит Пётр. — А слабо один на один?..

¹ Не замай – не трогай.

Но кто его слышал? В таком пылу про всё на свете забываешь и видишь только цель...

С ужасом наблюдавшая эту сцену Любаша не выдержала и побежала за отцом. Боялась, что слободские убьют её Петю.

— А ну, кончай буянить! — уже издали кричит Платон. — Силу, что ли, некуда девать?.. Вот сейчас как оттяну вожжами — будете знать!

Однако слова его потонули в общем гвалте побоища, и тогда он принялся растаскивать петухов. Кое-кому из самых драчливых пришлось даже по шеем дать. Особо сопротивлялся Пётр, который всё пытался добраться до Захаркиной рожи. Уже и куча-мала рассеялась, а он продолжал размахивать кулаками да браниться. Тогда Платон схватил его за шкуру и притянул к себе.

— Эх, ты! Отца-казака позоришь... Иди отсель — и чтоб я тебя боле не видал! — в запале прошипел он ему в самое ухо. — И помни, со мной шутки плохи. Я тебе покажу, как на чужой улице кулаками-то махать.

— Но, тятенька, он же не виноват! Не он драку-то затеял... — пытается заступиться за Петра крутившаяся здесь же Любашка. Но тот зыркнул на неё сердито, и она замолчала. Отойдя в сторонку, она с неукротимой бабьей жалостью смотрела на своего Петрушу, у которого всё лицо было в крови. Да и брата его, Тимоху, ей было жалко. Ведь тому не меньше досталось.

— Ладно, мы пошли... — напоследок недобро взглянув на обидчиков, произнёс Пётр.

— Покедова, казак! Мало мы тебе наподдали — надо б было ещё больше, — этак нахально смотрит на него Захарка.

Пётр сплюнул кровавую слюну.

— Ничо, мы ещё встретимся! — угрожающе произнес он. — Наш тятя говорит: это гора с горой не сходится, а горшок с горшком уж точно когда-нибудь столкнутся!

— Давай-давай, топай! — победно глядит ему вслед Захарка. — А придёшь — снова получишь.

— Петенька!.. — неожиданно подала голос Любаша. — Тебе очень больно? — глядя на то, как тот волочит поврежденную ногу, спрашивает она и тут же получает от отца затрецину.

— Иди в дом! — приказывает он ей. — А ты, — это он Захарке, — чтобы завтра утром был у меня в кузне. Хватит варлыжить¹ по улице — пора делом заняться. Али передумал?

— Хорошо, дядька Платон! Завтра и приду... — произнёс Захарка и многозначительно посмотрел на Любашу. Мол, теперь-то я всегда буду рядом с тобой, а вот Петьке твоему дорога в слободу заказана...

Почти целый день Черниговский со своими людьми провёл на Симоновской заимке. Прибыли туда в полдень, а двory пусты.

— Где люди-то? — спрашивает атаман сидящего на лавочке древнего старичка с белой, как снег, бородой.

Тот подслеповато щурится, пытаясь рассмотреть пришлых. Когда понял, что это не вражины какие-то, а свои, казаки, сказал:

— Так ить на косьбе все. Робят копотко². У нас как говорят? Петров день замаячил — ладь, паря, косы да серпы.

Трудится, значит, народ, удовлетворенно отметил про себя атаман. Это хорошо.

¹ Варлыжить – шляться.

² Робить копотко – все в трудах.

— Ну и как вам тут живётся? — слезая с лошади и беря её под уздцы, интересуется атаман. — Может, обижает кто?

Дедок призадумался.

— Да как тебе сказать... — опёршись руками на сучковатый бато¹, как-то неопределённо отвечает он. — Всякое бывает. То лешаки из лесу с ружьями выйдут и весь запас отберут, то эти басурманы...

— М-да, — задумчиво проговорил Никифор. — Что лешаки — это плохо, а что басурманы — и того хуже... И часто они вас беспокоят? — решил спросить он.

— Чевось? — не расслышал старик и потянулся к атаману ухом.

Тот понял, что от этого старого глухаря толку мало.

— Говорю, в какой стороне сенокосы-то ваши?

— А-а... — протянул старик. — А оно почто тебе?

— Да вот хочу с народом потолковать. Может, какие просьбы у людей имеются, — поясняет казак. — Народу-то сколь у вас тут? Семьи две, три?

Оказалось, все четыре, при этом одной фамилии — Симоновы. Отсюда и Симоновская заимка.

А прибыли они прошлой весною на подводах откуда-то из-под Новгорода. Наскоро срубили избы, соорудили вокруг будущей пашни поскотину² из жердей, поставили поветь для лошадей, покрыв её сверху травой, и стали готовить привезённые с собою орудия для сева и зерно. У русских ведь как? Есть баба, квашня³ да топор — уже деревня.

Землица в этих местах не ахти какая — сыроматёрая, нерушенная, ни песок тебе, ни камень, а то и глина сплошная. Одним словом, худородная. Да и немного её здесь. В основном болотина, торфяники, заливные луга да ерники. Потому и пахотины вышли разбойные⁴, там, где были сухие да без чапыжника⁵ места. Глянешь — то там клочок земли, то в другом месте лехи⁶...

Но зато тут такое приволье! И все-то нехоженое, нетронутое. И эти поляны с цветами, и лугавьё, и подступающая стеною к ним тайга. Такого в их краях не было. Там каждый клочок земли на вес золота. Тут же бери её — не хочу. Ну разве не жизнь? Хотя, говорят, вниз по Амуру оно ещё богаче. Правда, тайги там нет, зато полей с землицей плодородной немерено. Вот где пашенному-то развернуться! Однако там пока жить опасно. Здесь-то богдойцы житья не дают, а ниже по Амуру тем паче. Почитай, целое войско стоит возле новой их крепости Айгуня. Вот эти аспиды и совершают набеги на русский берег, и попробуй, останови их.

Землю готовили Симоновы основательно. В первый год сделали несколько пропашек, чтобы поднять целину, после чего тщательно боронили её, пока она не превратилась в пух. Только потом стали сеять по помёту⁷. Посеяли рожь, пшеницу и овёс. Год выдался скупой на влагу, оттого и урожай не порадовал. Вот так: сеяли рожь, а жнём лебеду, вздыхали Симоновы. Однако без хлеба не остались, хотя и урезать себя пришлось всю зиму.

Хотели попытать счастье на озимых, да люди с соседней заимки отговорили. Мол, тут ржаной посев не пройдёт — только яровой.

В этот раз решили сеять пораньше, пока земля ещё не обсохла. Боялись, морозом прихватит посевы, однако пронесло. Те пошли в рост, и теперь только надежда на то, чтобы дожди не зарядили да не залили пашню. А то, говорят, тут так: в один год солнце убьёт урожай, в другой — вода. Весенних половодий, как на Руси, тут не бывает, зато

¹ Батог — палка, батожок.

² Поскотина — изгородь из жердей или хвороста вокруг пашни.

³ Квашня — кадушка для теста.

⁴ Разбойные — лежащие порознь.

⁵ Чапыжник — кустарник.

⁶ Леха — полоса, борозда в пашне.

⁷ Помёт — пар, залежь.

ближе к августу вдруг заплачет небо, а следом и Амур, выйдя из берегов, разбежится по пойме. Тогда какой уж тут урожай? Однако бывают и хорошие годы, когда и солнца в меру, и влаги — вот тогда пашенным приволье!

Сеять шли дружно, всем гуртом. Даже малых ребятишек брали с собой. Идут, бывало, песни распевают. Весело! Впереди всех — подростки, которым не терпится поскорее добраться до места. Следом — бабы с детками на руках, далее — подвода с семенным зерном в мешках, по обеим сторонам — взрослые мужики, один из которых ведёт под уздцы лошадь.

Замыкают шествие старики, которым Бог ещё даёт возможность двигаться. Могли бы дома сидеть, но куда от крестьянской привычки денешься? Сев — это начало всему. Это тебе и работа, и праздник в одном числе. Время надежд и испытаний. Ведь, говорят же: что посеял, то и пожнёшь.

Сеяли в две горсти, проходя по загону¹ дважды с краев. В основном севальщиками трудились мужики и подростки. Повесят себе на шею сумы и верюшки² с зерном, а потом идут неторопко полем, жменями³ бросая семя на ещё влажную землю. А в это время женщины — одни обед для работников на костре готовят, другие камни и мусор с пашни убирают. В общем, всем работы хватало.

Засеменяв поля, устраивали небольшой праздник. Садились кружком на траву и хлебали из чашек щи, потом была пшеничная каша с коровьим маслом, которую запивали ядрёным кваском.

Когда появлялись всходы, нужно было освободить поле от сорняков. Чаще то была полынь или кислица, которую выламывали и выносили на межу. А ещё были огороды, скотина, другие хозяйственные дела. Так что алырничать⁴ не приходилось. Оно и для детворы дело находилось. Они целыми днями пропадали на выпасах. «Ычь! Ычь! Ычь!» — где-то вдалеке звучали их звонкие голоса, сопровождаемые хлёсткими хлопками пастушьих плетей.

Но теперь вот подошла сенокосная пора, и вся родова Симоновых трудится на покосах. Вставали рано, чтобы косить по росе, и, наскоро позавтракав, брали в руки литовки и спешили на сенокосные угодья. Тяжела она такая жизнь. Да ведь, говорят же, поле муку любит.

... Поплутав по лесной дороге, казаки наконец вышли на простор. Вокруг луга в цветах, полянки среди ерников да пашенки.

С Петрова дня зарница хлеб зорит- увидев желтеющий хлебный клин вдоль дороги, вспомнил Никифор слова своего покойного отца- землепашца. Эта любовь к земле передалась и его сыну, только не суждено ему было стать хлеборобом.

— Не оманул старик-то, ить, вон оне! — указывая рукоятью нагайки куда-то вдаль, говорит атаману Мишка Ворон.

И точно. Выбравшись из зарослей лещинника⁵, казаки увидели недалеке косарей, которые, встав рядком, проходили литовками⁶ да горбушами поле. Поодаль трудились бабы. Они сгребали деревянными граблями подсохшую кошенину в валки и сладывали в копны. Один лабазник⁷ — никакой тебе примеси осоки.

— Эх, хорошо работают, черти! — глядя на косарей, восхищённо проговорил атаман. — Хотел бы я на их месте быть.

¹ Загон – пахотный участок земли, задел; огорожа для скота и птицы.

² Верюшка – плетушка, корзина из лозняка.

³ Жменя – горсть.

⁴ Алырничать – бездельничать.

⁵ Лещинник – лесной орешник.

⁶ Литовка – русская большая коса в отличие от горбуши.

⁷ Лабазник – трава без примесей злачных и осоковых.

И это он не лукавил. Никифор всю жизнь мечтал занять собственную заимку и заняться хозяйством. И у него всегда чесались руки, когда он видел работающих в поле крестьян.

— Ну а что, атаманушка! Меняй свою строевую лошадь на клячу — и дуй в пашенные! — издевается его сподручник Игнашка Рогоза.

Тот только вздохнул.

— Да кто ж мне даст-то? Чай, государеву волю выполняю — границу русскую стерегу. Вот уж когда дадут отставку, тогда...

Увлечённые работой пашенные даже не заметили, как подъехали казаки.

— Ну, здорово, что ли, мужики! — громко крикнул атаман.

Косари оставили работу и, глянув с любопытством на прибылых, поклонились им до земли.

— И вам всякого здоровьица, — за всех ответил стриженный под горшок крепкий мужик в мокрой от пота рубахе.

По правую руку от него работал такой же крепкий похожий на него чанкырый¹ паренёк.

— Мотри-ка какой баской² — твой, что ли? — указывая на белобрысого, спрашивает косаря атаман. А тот стоит и широко по-крестьянски улыбается.

— Мой, — отвечает тот не без гордости. — Еле успеваю за ним — вот дошлый-то!

— И как зовут?

— Его Колькой, меня Андрияном...

— Добре, — шевельнул усом атаман.

Он слез с лошади и окинул взглядом уголья. Эх, приволье-то какое! И тишина... Кажется, слышно, как трава растёт. Вот в такую же пору они когда-то с отцом и дедом выходили на покосы. Травы высокие, налитые — так и брызжут, так и брызжут соком на острые лезвия кос... Память возвращает его в далёкое детство. Палящее солнце, духота; тёмные полукружья пота на рубахах косарей... И этот духмяный запах сена! Да разве с ним что-то сравнится?.. Потом эти медленно ползущие пышные возы, оставляющие за собой по дороге клочки зелёного сена, которые так аппетитно подбирает мягкими губами из пыли тянущееся на закат стадо... А вечером парное молоко, вобравшее в себя весь аромат июньских трав. Пьёшь его — и всю дневную усталость как рукой снимает...

Воспоминания детства да эти пьянящие травяные запахи так подействовали на атамана, что он не смог устоять от соблазна взять в руки литовку да пройтись с нею по полю.

— Слышь, мужики, может, отдохнёте чуток? — неожиданно обращается Никифор к косарям. — Ну а мы с товарищами поработаем за вас. А то в седле-то оно устаёшь сидеть — вот и хочется спины поразмять...

— Эх, забодай меня коза!.. — пытаюсь удержать на месте молодого горячего жеребца, воскликнул Игнашка Рогоза. — Давайте, мужики, соглашайтесь, коль сам атаман Черниговский об этом вас просит!

Те пожали плечами- ну, коль есть желание — Бога ради...

Атаман слез с коня и, отдав поводья своему порученцу Makeйке Волошину, принял из рук Андрияна литовку.

— Ну а вы что же? — обращается он к своим товарищам. — Давай, тоже слезай с коней...

Несколько казаков тут же последовали его примеру, те же, кому не достались литовки, отвели лошадей в тень — к небольшому берёзовому островку, что зиял посреди покосов, где, сидя на траве, кормили грудничков две молодые мамашки.

Перед тем, как начать работу, Никифор оглядел поляну.

¹ Чанкырый — белобрысый.

² Баской — пригожий.

— А не рано ли, мужики, косьбу-то начали? — неожиданно обращается он к косарям. — Вроде и трава ещё не встала.

— Да это она от жары такая, — говорит Андриян. — Ну, а косить надо, пока ещё она не семенится.

— Ну, коли так, то с Богом... — Атаман покрепче сжимает литовку и делает пробный укос. — Что-то она у тебя не живая, — легонько проведя пальцем по лезвию, деловито произносит он.

— Да только что правил, — оправдывается Андриян.

— Э, нет, — покачал головой атаман. — Так дело не пойдёт. А ну дай оселок, — просит он его. Тот вынимает из кармана точильный камень.

Поставив литовку на пятку, Никифор несколько раз дернул её брусом.

— Вот теперь дело пойдёт, — произносит он и передаёт точило товарищам. — А ну давай, и вы поправьте косы.

А людям-то его всё это было не внове. Они наравне с пашенными когда-то и хлеба растили, и скот держали. Но вот позвали их ратные дела, и они бросили всё и подались на Амур. Но и тут уже кое-кто из них не вытерпел и взялся за соху. Подняли целину, пашни да огороды разбили, живностью всякой дворы наполнили. Специально для этого гуляли за Амур, где покупали у ханей все до последнего цыпленка.

Встав как заправские косари рядком, казаки начали валить траву.

— Эх, забодай меня коза! — сделав очередной широкий взмах косой, выражает свое удовольствие Рогоза.

— Давай-давай, казачки, не подкачай! А то люди думают, что мы только саблями и умеем махать.

— Это точно!.. — послышался голос Мишки Ворона.

— Уж куда точнее!.. — усмехнулся старшина. Тот был человеком посадским, но и ему приходилось в молодости братья за косу. Родители держали корову, потому каждое лето Федька с отцом ездили заготавливать сено. Там вдоль Москвы-реки были богатые луговые покосы. Можно сказать, великое разнотравье.

Долго они трудились, пока не выбились из сил. Первым не выдержал Игнашка.

— Всё, казаки, я сдох...

— Что-то больно быстро... — утирая рукавом пот со лба, говорит атаман.

Тот хмыкнул.

— Дак ведь я ж человек отродясь служивый, так что больше по другой части... — тяжело опускаясь на отаву¹, устало произнёс он.

— Ага, как те птицы небесные... — сделав взмах косой, молвит атаман. — Это оне не пашут, не сеют, а сыты бывают... И не совестно?

Игнашка усмехнулся.

— Да и ты, Никифор, не шибко-то в мозолях, а вот скусно пожрать — это завсегда.

— А какой казак пожрать-то не любит? — делая очередной взмах косой, спрашивает Мишка. — Я вот тоже люблю...

— Ну всё, кончай работу! — неожиданно останавливает казаков атаман. — Поразмяли спины маненько — и буде. А то ведь нам ещё нужно с народом потолковать — и в путь.

Подхватив косы, казаки поторопились в тенёк. Под солнцем-то долго не наработаешь. А оно, поднявшись над горизонтом, жарит так, что жилы лопаются. Вот потому для косьбы только утро и годно, а днём лучше сидеть в теньке да квас попить.

Храпят лошади, жарко им. Бросив щипать траву, лезут в тень.

— Ну, потерпите, милые, щас поговорим с людьми — и поведём вас на водопой, — ласково обращается к ним атаман.

¹ Отава – молодая трава, выросшая на месте скошенной.

Разговор с пашенными получился толковый. Те рассказали казакам о своём житье-бытье. На жизнь не жаловались — знали, мол, куда ехали. Вот только злых людей здесь тьма¹ тьмушая. Так и норовят тебя ограбить. А возьмёшься за топор или рожны — тут же пулю схлопочешь.

— Нам бы орудьишко какое-никакое — мы б сами с этими бесами справились, — говорит Андриян. — Мужиков у нас хватает, а ведь есть ещё и отроки. К примеру, у меня, кроме Кольки, ещё пятеро парнишей.

— Добре, — кивает головой атаман. — Чем скорее мы заселим эти земли смелыми да сильными людьми, тем лучше. А то ведь богдойцы не шибко-то нас боятся. Мы-то их пытались силой несметной пужать, а тут видят, и нет этой силы. Вот и жгут нас, вот и убивают да в полон уводят. Смотрите, как бы и вас тут не пожгли.

— Да, дела-а, — протянул Андриян. — Вот я и говорю, орудьишко нам нужно...

— Что толку просить-то? Надобно самим его добыть! — встревает в разговор Колька, Андриянов сын. — Я даже знаю, как это сделать... Устроим в лесу засаду — вот тебе и орудьишко.

Никифор с интересом посмотрел на парня.

— Башковитый он у тебя, — говорит Андрияну. — Я б его к себе в войско забрал, да вам самим руки нужны... Ну а с орудьишком решайте сами. У нас тоже его не ахти сколь. А супротив нас на той стороне Амура огромное войско стоит. Тоже думаем, как быть. Царь-батюшка не шибко-то спешит нам помочь. Уж сколько просили его прислать к нам хотя бы парочку стрелецких дружин — не шлёт. А ясак, вишь ли, велит собирать для казны... Неужто думает, что горстка храбрецов остановит богдойцев? Не остановит! Вот мы и нашли другой путь. Заманиваем к себе гулящих людей и делаем из них ратников. Ну, а трофеи у врага берём... И коней, и оружие, и куяки². Так что прав Колька: нужно самим думать. Ну а коль война — бегите в тайгу, а лучше к нам. Нам ратные люди всегда нужны...

... Возвратились домой братья понурые. У одного глаз заплыл, у другого губа рассечена и ногу волочит.

— И аде ж вы это были-то, окаянные? — всплеснула руками Наталья. — Никак кто побил?

Сыновья мнутя. И врать не хочется, и правду говорить стыдно.

— Да это мы так... Баловались с дружками на пустыре — вот и... — пытался юлить старшой.

Мать покачала головой.

— Им жениться пора, а они ещё в цацки никак не могут наиграться. Вот приедет отец — он уж вам задаст. Хотя... — Она махнула рукой. — До вас ли ему щас, когда у него малый басурманин растёт? Не любви вы ему, давно не любви... Да и любил ли он вас когда?

— Любил, мамань, любил! И теперь любит! — вступает за отца Тимоха.

— Ага, жди!.. — Когда речь заходит о богдойке, Наталья тут же начинает распалаться. — Коли бы любил, не сбежал бы от вас малых на Дон. Да и тут вместо того, чтобы вас уму-разуму учить, он вечно пропадает у своей узкоглазой. И тут его нету...

— Дак ведь он, мамань, в поход ушёл... — говорит Пётр.

Мать вздохнула.

— Вот-вот... Поехала кума неведомо куда.

¹ Тьма — в Древн. Руси десять тысяч.

² Куяки — латы из кованых пластинок по сукну.

Братьев такие разговоры сильно огорчали. Наскоро поужинав приготовленной матерью кулагой¹, они выскочили из дому и побежали к реке. Там по вечерам собиралась молодёжь. Играли в побегушки, горелки, ловушки, рассказывали друг другу всякие небылицы. Про тех же леших и всякую другую нежить, что по ночам людей пугает.

Вот и на этот раз, наигравшись вдоволь, сели кружком у костра. Девки, парни. Сидят, лясы точат, друг над дружкой подтрунивают. А тут вдруг разговор о богдойцах зашёл. И это неспроста. В последнее время те всё чаще стали нападать на русские селенья, грабя и убивая людей.

— Слышь, Петруха!.. Ты вот скажи нам, пойдёт манзур на нас войной? — обращается к Петру длинный и худой, как кишка, Костка Болото.

Тот пожал плечами.

— А откелева мне знать? Я чо ли тебе амбань² богдойский?

— А я слышал, что пойдёт... — говорит парень. — Все наши казаки только об этом и толкуют. Вот и батька мой, когда спать ложится, саблю возле себя кладёт.

Пётр ничего на это не ответил. Взяв хворостину, он стал ворошить уголья в костре.

— Гляньте, гляньте!.. Никак кто-то чапает к нам... — пытаюсь разглядеть в сумерках бегущего берегом человека, говорит Костка. — Может, Митяй? Он ведь давесь сказывал, что пойдёт к Демидовской косе перемиты ставить.

И точно, это был рыжий Митяй.

— Эй!.. Эй, братишки!.. Послушайте, чо я вами скажу!.. — ещё издали шумит он.

Подлетел к костру — весь встрёпанный какой-то и запыхавшийся. Руками машет — сказать что-то пытается, но от волнения или же от быстрого бега у него перехватило дыхание.

— Там... — наконец выговорил он, указывая на закат, — воровские людишки коней через реку хотят переводить. Гайда, отобьём табун!

Товарищи смотрят на Петра. Он у них за жоака. Что тот скажет, то и станут делать.

— Да ладно свистеть-то! Какие ещё воровские люди? — говорит Пётр.

— Да брешет он, брешет! — загомонила сидевшая вокруг костра молодёжь. — Ну признайся же, Митяй, что брешешь...

— Врать — не мякину жевать, не подавишься, — с усмешкой заметил Пётр.

— Богом клянусь, Петь! — крестится Митяй. — Я их как тебя видал... Вместе с конями... Тогда ить светло ещё было.

Пётр этак хитро смотрит на него.

— А что ж они до сих пор-то не перегнали этих коней? — с ехидцей спрашивает он.

— Видно, подмогу ждут с этого берега... Товарищей своих, — не растерялся Митяй. — Ну ей-Богу, Петь! — снова крестится он.

Петька покачал головой.

— И всё равно я тебе не верю, — продолжая ворошить уголья в костре, произносит он. — Если б это были воры, их бы давно наш дозор заметил и поднял тревогу. А тут тишина.

— Сам дивлюсь, — пожимает плечами Митька. — Ведь был дозор-то... Но старшой почему-то быстро его увёл. Хотя, мне думается, татей-то он видал. Долго так смотрел на ту сторону... И знаете, кто это был? Хорунжий Верига.

— Верига? — удивился Пётр. — И что, он тебя видал?

— Не-а, я в траву спрятался... — шмыгнул носом Митяй.

— Чудно всё это... — говорит Пётр. — Не быть, а сказка какая-то.

— Фу ты ну ты! — начинает злиться рыжий.

— А что, братка, может, и впрямь Митька не врёт? — подает голос Тимоха.

¹ Кулага – лакомое постное блюдо.

² Амбань – титул высш. кит. чиновников.

— Может, и не врет, но только отчего ж это он к нам-то побежал вместо того, чтобы поднять в ружьё гарнизон? — подозрительно смотрит на рыжего жоак.

Митька даже сплюнул с досады.

— А то ты не понимаешь?.. Да ведь я хотел, чтобы кони нам, а не старым казакам достались, — говорит он. — Нет коня — нет казака... Не твои ли это слова, а Петьк?.. — Он ещё немного потоптался на месте и вдруг: — Ну, смотрите... Не хотите иметь своих лошадок — так и быть, пойду подымать гарнизон. А то ведь убегут тати-то.

Казачьи дети примолкли. Сидят и ждут, что скажет им Петька.

Тимоха тоже выжидающе глядит на брата. Ну, что же это он?.. Ведь уйдут конокрады-то. И тогда нам-де не видать лошадей, как собственных ушей. А не мы ль так мечтали о них? Не мы ль даже во снах их своих видим?

И то сказать: кони — это ведь свобода; это ощущение полёта; это хлесткие гривы в лицо; копыта, отбивающие ритм галопа; и неведомое чувство: как это летать, не касаясь земли...

— Так аде, говоришь, эти баскаки¹ Амур собрались перейти? — наконец прервав молчание, спрашивает Митяя Пётр.

— Да там, аккурат против Демидовской косы...

— Версты две, однако, отсель... — вздохнул Пётр. — Далече — можем и не поспеть. Да и неизвестно, сколь их этих лешаков будет. А то и порубать могут.

— Ну так мы отцов позовём! — нашёлся кто-то из казацких сынов.

Но у Петьки другие мысли. Отдавать победу старшим? Да ни за что на свете! Сами с усами — как-нибудь справимся. Главное — это внезапно напасть на врага.

Он обвёл взглядом товарищей. Те по-прежнему сидят и во все глаза глядят на жоака — выжидают, что он скажет.

— В общем так, робяты... Бегите домой и берите с собой кто что может... Нам всё сгодится — и рожна, и топоры, и ослопины... Собираемся за околком — у старой сосны.

Оставив девок у костра, парни бросились выполнять наказ жоака. Не все из них тогда пришли к старой сосне. Кого-то родители домой загнали, кто-то просто струхнул. Однако десятка два смельчаков все же набралось.

— Ну что, товарищи мои... Давай, что ли, помолимся на удачу... — предлагает Пётр.

Те притихли, и было слышно в темноте, как шелестят в молитве их губы.

— Ну всё, гайда на дело! — положив тяжёлую балту на плечо, наконец говорит Пётр. — Я пойду первым, остальные по одному за мной... И чтоб ни звука! Иначе... — он перевел дыхание. — Иначе недобрые люди нас услышат и всех порубят. Так что тихо ступайте.

И они двинулись в путь.

Где-то далеко-далеко впереди догорал день, пылая верхушками сопки, отчего небо в той стороне оставалось ещё живым и прозрачным, тогда как на востоке ночь осенила поля и зажгла звёзды. Вот так, идёшь на свет, неведомо на что ступая в темноте.

Пройдя с полверсты, они свернули с большака и стали пробираться лесом. В лесу оно спокойнее. Тут и деревья тебе, и кустарники — есть, где спрятаться.

Тишина... И лишь изредка где-то вдалеке прострекочет кузнечик или хлопнет крыльями ночная птица. Сторожко ступают по земле молодые казаки. И то: не в игры идут играть. Бывает, треснет под ногами сухая ветка или что-то живое зашевелится в кустах — тут же сердце замирает. И чем дальше, тем больше страхов. То им уже кажется, что кто-то следит за ними, то вдруг в темноте им почудится чья-то тень. Уж поскорее бы добраться до места!

¹ Баскаки — злыдни, лихие люди.

Где-то совсем близко, пробиваясь через песчаные косы, угрюмо нёс свои бурые воды Амур. Стоит выйти из лесочка и пройти чистым полем — и вот он, берег. А там где-то и Демидовская коса...

— Всё, стой! — наконец поднял руку Пётр. — Теперь лягай все на землю... Дальше нужно ползком до самого берега.

Он первым лёг на землю и пополз. Остальные за ним. Чуть слышно шевелится трава. Рядом будешь стоять — да не увидишь. Так и ползли, пока не достигли берега. Внизу, в закатном свете, хорошо просматривалась Демидовская коса. Затаились и стали ждать.

Ждали долго, пока вдруг не услышали в стороне какой-то неясный шум. Кто-то пытался идти сторожко, но это не всегда получалось. Отсюда и эти нечаянные звуки, похожие на удары прикладов о землю, скрежет железа да конский храп.

Видно, то дружки конокрадов, — подумал Пётр. — Дозорные так не ходят... Пришли, окаянные, чтоб подмочь своим...

Скоро на поляну вышли какие-то люди. Одни были пешие, другие на лошадях. Их силуэты хорошо прорисовывались на фоне закатного неба.

Человек шесть — не меньше, отметил про себя Пётр. Но где же дозорные? Почему их нет на месте?.. Не может же быть, чтобы хорунжий Верига был с ними заодно...

— Робяты! — шепчет в темноту Петр. — Слухай меня! Надо незаметно подползти к этой подорожной вольнице и напасть на них скопом. Давай, десять человек дуйте за Тимохой. Зайдёте с другой стороны и подадите знак.

— Я крикну по утячьи, — шепчет Тимоха.

— Пойдёт!.. А потом я крикну два раза — и тогда всем скопом бросаемся на них. Ты со своими, я со своими...

— А бить-то как? До смерти что ль? — спрашивает рыжий Митяй.

— До смерти! — твердо отвечает вожак. — Иначе сами ляжем здесь же на берегу... Ну всё... Тимоха, веди людей...

Зашевелилась трава, и вот уже половина Петрухиной дружины исчезла в ночи.

— Надо и нам подползти поближе, — обращается к оставшимся Пётр и, ухватившись поудобнее за рукоять топора, первым пополз вперёд.

Так они проползли саженой десять. Дальше опасно, решил Пётр. И так уже до ворога рукой подать. Вон они, окаянные, сбились в кучу и о чем-то совещаются. Сейчас бы и напасть на них. Однако по уговору нужно ждать Тимохиного знака.

Минуты ожидания... Сердце в груди у Петра бьётся так громко, что, кажется, и вороги его слышат. Но где ж ты там, братуха? Отчего молчишь?

Но вот наконец в ночи прозвучал утиный крик.

— Ну, братцы, готовься к бою... — чуть дрогнувшим голосом произнёс вожак. — И чтоб всё тихо было... Не то варнаки¹ на том берегу услышат шум и сбегут с лошадьми.

Он складывает вместе ладони и два раза крикает в темноту.

— Всё, але за мной! — командует Пётр и, пригнувшись к земле, устремляется вперёд. Товарищи за ним.

Застигнутые врасплох ледаки² даже ахнуть не успели, как оказались на земле, порубленные топорами. Никого в живых не оставили. Позже Пётр сам удивлялся, как это у них все ловко вышло. Вроде бы и опыта в этом деле не было, а поди ж ты — бились как заправские. И неведомо ему было, что всех их вёл страх, этот всеильный, могучий страх, который способен рушить даже горы. Тут ведь как: или пан, или пропал...

Покончив со злодеями, казацкие дети отвели трофейных лошадок в тень и, привязав их к старой корявой лозе, вернулись на берег. Теперь нужно было ждать гостей из-за Амура.

¹ Варнак — худой человек.

² Ледаки — лихие люди.

Но куда мы целый табун будем девать? — думал Пётр. Может, стоит загнать его конским барышником? Тогда и денга появится — ведь он давно мечтает купить дорогой подарок своей Любашке...

Однако здравый смысл в нём взял верх. Нужно будет коней безлошадным казакам раздать, решил он. Казак на коне — это тебе не пеший. А в войске постоянно не хватает лошадок...

Ждать пришлось долго. Но вот на той стороне вдруг замелькали какие-то тени. Следом на берег выскочили из темноты три всадника. Они постояли какое-то время — видно, прислушивались. А может, ждали сигнала? Если так, подумал Петр, то всё пропало. Ведь ни он, ни его товарищи не знают, что это за знак. Эх, надо б было хоть одного варнака оставить в живых. Но кто ж знал?..

На свой страх и риск он взял да крикнул уткой. Всадники на той стороне ещё немного потоптались на месте, а потом скрылись в чёрной полосе прибрежного тальника.

Вижу, не удалось мне провести конокрадов, — огорчёно подумал Пётр. А ведь счастье само шло к ним в руки...

Однако не прошло и пяти минут, как на берегу снова показались всадники, впереди которых покорно двигался небольшой табун лошадей. Вот лошади немного потоптались на месте, не решаясь ступить в воду... Хлесткий звук плети, и те с испугом бросаются в реку и плывут. Их задранные кверху морды хорошо были видны на зеркальной глади реки, освещённой закатными лучами солнца.

— Братцы! А ну давай встретим этих татей! — негромко произнёс Петр, и лежавшие в траве товарищи крепче сжали в руках рожны и топоры.

Плывут кони по реке, фыркают, пытаются справиться с течением. Их не менее дюжины. Где-то рядом с ними погонщики. Для них сейчас главное не растерять лошадей, потому они даже в воде пытаются работать плетьюми.

Но вот и коса. Выбравшись на отмель, кони, подгоняемые погонщиками, устремились к высокому берегу.

— Тимоха! Ты со своими ребятами давай конягами займись, а мы по татам вдарим! — велит Пётр брату. — Их, кажись, немного...

— Да пятеро их, пятеро — я уже сосчитал, — шепчет в темноте Митяй. Теперь нужно было ждать, когда лошади поднимутся на высокий берег.

Снова бешено бьётся Петрухино сердце. Вот-вот выскочит из груди...

— Ну, вперёд, братишки! — дождавшись, когда последняя лошадка поднимется наверх,скомандовал Пётр, и сам повёл товарищей в бой.

Окружённые со всех сторон тати, пытались прорвать кольцо, но всякий раз напарывались на выставленные вилы, а то и под ослопину или балту попадали. В конце концов четверых таки сбросили с коней, а вот пятому удалось улизнуть. Пометавшись в кольце, он вдруг с такой силой стегнул свою лошадку, что она пролетела над головами молодых казаков и умчалась в ночь.

— Чёрт, ушёл! — выругался Тимоха.

— Полно, брат! — хлопнул его по плечу Пётр. — Пусть себе живёт. Може, когда ещё встретимся...

Назад они возвращались верхом, разгорячённые и довольные собой. Сколько разговору-то было! И каждый старался похвастать перед товарищами своей удалейю.

— Ну чо, ребята! Кто теперь скажет, что мы не казаки? — этак важно проговорил Пётр.

— Пусть только попробуют!.. Да мы... Да мы... — загоношились парни.

— Пора к атаману идти, в войско проситься! — говорит Костка Болото. — А то нас все за каких-то котят слепых держат.

— Точно! — поддержали его товарищи.

А что, и пойдём, — ласково потрепав за гриву мохнатую даурскую лошадку, подумал Петруха. Теперь вот у него и конь есть, и сабелька трофейная, которая висит на

боку в тяжёлых ножнах и греет ему душу. И всё это он не украл где-то, а добыл в бою. Выходит, они и впрямь с товарищами настоящие казаки. А коли так, пора поступать на службу. Не век же бегать по улицам с разбитыми коленями...

... Июльская трепетная ночь, наполнена ароматом лесов и полей, звёздами и летающими во тьме насекомыми. Сторожко ступают лошади по торне. Дремлют казаки в седле, покачиваясь в такт конскому шагу. Впереди всех — атаман со старшиной; за ними, крепко держа в руках войсковой штандарт, Васюк Дрязгин. Тоже вроде впали в дрему, но это только так кажется. Ночь — она, что та роковая женщина. Расслабишься и не заметишь опасности. Поэтому атаман только делает вид, что дремлет, сам же напряженно вслушивается в тишину. Каждый шорох в темноте, каждый неясный звук привлекают его внимание. А не засада ли?..

И Фёдор настоroje. Чтобы не заснуть, он начинает думать о Саньке.

Как же она хороша была в ту последнюю ночь! Так ласкала, так ласкала — будто бы в последний раз. И откуда столько страсти в этом крошечном теле? Хотя у азиатских женщин это в крови, потому-то они и считаются самыми лучшими любовницами в мире. И об этом Фёдор узнал ещё на Дону, когда брал в наложницы персидских да оттоманских девок. Это они поначалу, когда их берёшь в полон, брыкаются, как дикие козы, но потом пообвыкнут, пообтешутся. Вот и эта богдойка, что была похожа на нераспустившийся цветок лотоса, вконец привыкла к нему. Даже по имени стала этак ласково называть. «Федька, — бывало, скажет, — ходи твой ко мне ночью — ласкать буду». А его и просить не надо было. Летел, как пчела на мёд. Наталья в ноги бросалась ему, молила, чтоб не уходил, но разве остановишь кобеля, по которому сохнет молодая сучка? Как только на дворе становилось темно, он уходил, а женщина потом всю ночь рыдала в подушку, воображая, как в эту самую минуту азиатка ласкает её мужа.

... Фыркает Киргиз, будто бы чует где-то рядом чужой дух. Дрожит торная¹ дорога от стука десятков копыт. «Широко поле каргайское, на нём много скота тараканского, один пастух, ровно ягодка...», — глядя на звездное небо, думает Фёдор.

— Атаманушка, ты там не спишь? — тихонько спрашивает он Никифора.

— Не сплю, — буркнул тот. — Чай, не на печи лежу. А чой-то ты вдруг спросил?

— Да так... — говорит старшина. — Ты вот скажи мне, будут богдойцы воевать нас али как?

— А бес их знает... — как-то неопределённо ответил тот. — Хотя, как говорится, времена шатки — береги шапки.

— Вот-вот... Что-то беспокойно у меня на душе...

— И чиво? — спрашивает Никифор.

— Да вот чую что-то... Вроде как смертушкой в воздухе запахло... Ну а мне-то уж этот запахок дрянной давно знаком, — усмехнулся Фёдор. — Чай, не впервой войны воевать...

Фёдор помнит, как его встретил Черниговский, когда через долгие месяцы скитаний он наконец оказался с семьёй на Амуре.

— Ай, воровское лицо!.. — усмехнувшись, сказал тогда он. — Чую, с Дону бежал... Никак у Разина служил?

— Так, атаманушка, — не стал отбредиваться Фёдор, чем сразу подкупил того. — Теперь хочешь — казни, хочешь — милуй. Только семью мою, прошу, не трожь. Не виноватые они ни в чём.

Никифор похлопал его по плечу.

¹ Торный — объездной.

— Ну отчего ж сразу так? Тут ведь нет ангелов — все с грехами,— говорит. — Главное, чтобы ты не с худым умыслом к нам прибыл, а для подвигов во имя святой нашей Руси.

Атаман переводит взгляд туда, где подле запряжённой в телегу клячи стоит Фёдорово семейство.

— То, что ль, семья твоя?.. Добре, — говорит. — Нам обживать сей край надобно... Ну а что это за возок там у тебя? Уж не барахлишко ли краденое везёшь?

— Есть и барахлишко, — признаётся Фёдор. — Только я к тебе не с пустыми руками пришёл, атаманушка. Привёз я с собой оружие разное.

— Ишь ты! — удивился Никифор. — И где ж ты его взял-то?

— Да вот по пути прикупил... Деньга-то, чай, была.

А деньги-то его да цацки дорогие трофейные, которые Опарин тайком привозил в Москву, Наталья сберегла. Без этого б им пришлось туго в дороге. А так и поесть могли, и одежонку сменить.

— Это хорошо... А что за оружие? — не терпится узнать атаману.

— Есть и городской наряд самострельный: пушечка да затинные пищали¹ городские и ручные. Да ещё зелья, почитай, пуда с два. Ну а война для меня — мать родна. Могу и пушкарем, и затинщиком, и пищальником. А дашь коня — то и в твой казачий строй встану. Дело-то привычное.

Никифору показались мёдом эти слова. Он широко улыбнулся.

— А кем ты у Стеньки-то Тимофеева был? — интересуется.

— Сотником.

— Ишь как! — воскликнул Никифор. — Мне такие рубаки ой как нужны. Чтоб и порох нюхали, и смерти не боялись. Не боишься смерти-то?

— Нет... Привычный я...

— Ну а войсковым старшиной ко мне пойдёшь? — улыбается атаман.

— А отчего ж не пойти? Пойду, — говорит Фёдор. — Только где оно у вас войско-то?

Атаман нахмурил брови. Ведь его и самого мучил этот вопрос. Что и говорить, людей у него поукуда мало.

— Коль есть казаки — считай, есть и войско, — говорит.

— И то верно... — произнёс Фёдор.

— Вот и договорились... — Неожиданно он притянул Фёдора за рукав и прошептал ему на ухо: — Только ты молчи, что у Разина-то служил. Не то найдутся худые людишки — выдадут Разбойному приказу². Ну а там уж не пожалеют...

— Ништо! Меня виселицей не испугаешь, — ухмыльнулся Опарин. — Но слова твои запомню, атаманушка. И доброту твою запомню. Коль позовёшь — всегда на выручку к тебе приду.

— Добре! — молвит Черниговский. — Ну а теперь гайда ко мне в приказную избу — буду тебя брагой угощать. И жену зови с чадами. Поди, не шибко-то жировали в дороге — вот и отъедайтесь помаленьку.

Фёдор пошевелил рукой свою давно не чёсаную бороду — будто бы мысль какую ловил.

— Нам бы угол какой на первый случай найти, — говорит.

— Не журишь, казак, кут³ вам найдём, — обещает атаман. — Можете пока у меня пожить... Я ж ведь вдовый, так что места хватит. Ну а потом сами отстроитесь... Эй, где там Макейка? — кличит он своего порученца.

— Так ить нет его, — вышел из приказной избы на крыльцо писарь Ерофеев. — Сказал, конь у него убёг — пошёл по ухожам его искать.

¹ Затинная пищаль – крепостное ружье, устанавливаемой на сашках.

² Разбойный приказ – уголовный царский суд.

³ Кут – угол.

— Непорядок, — покачал головой атаман. — Почто мне о том не доложили? И кто щас стол нам с гостями накроет?

— Я, атаманушка!.. Я вам и накрою... — выбежал на крыльцо дежурный казак. — У меня там каша в чугуна варится... Хлебца нарежу, огуречиков солёных, груздочков положу — чем не еда?

Приказная изба была для атамана и местом службы, и жильём одновременно. Все же текущие дела там выполнялись дежурным казаком, ежедневно назначаемым по графику, и только делопроизводство вёл штатный писарь.

То была обыкновенная рубленая избёнка с небольшой терраской и покоями: передней, гостиной, в которой правились казённые дела, спальней и стряпной, где порой хозяйничала приходящая бабёнка.

Погостевав пару дней у Никифора, Опарины решили, что доставляют ему много хлопот, и нашли себе другой приют. Остаток лета и зиму они рубили избу, так что к весне она уже была готова. Крепкая изба получилась, просторная, с крышей из тиса. А то ведь иные норвят всё делать на скорую руку, оттого и избы получались утельные¹ и приземистые с одной небольшой горенкой, которая служила и гостиной, и спальней, и поварной² одновременно. И их таких посконных изб было большинство по Амуру. Глянесь — кругом соломенные крыши. Ведь крыли соломой не только избы, но и амбары, и риги³, и конюшни.

А Фёдор хотел для семьи чего-то лучшего. Леса вокруг много — только не ленись. Ну а он тут хороший для строя, всё больше смольчак⁴ и меньше чёрного. Чернолесье⁵.

Черниговский не стал торопить Фёдора. Ничего, мол, служба подождет — устраивайся. Пока суд да дело, Фёдор купил строевого коня, справил себе новый казацкий кафтан, достал припрятанную до поры сабельку, а когда освободился от домашних дел, вышел на службу.

Так и потекла жизнь. Походы, учения, сборы ясака, ночные дозоры, разъезды... Были и кровавые стычки. Чаще всего албазинцев беспокоили богдойцы да кянские тати, звавшиеся хунхузами⁶, но были ещё и свои разбойные люди, были и непокорные тунгусы... В общем, дел хватало.

Казак вначале всё приглядывались к Фёдору, а когда поняли, что человек он свой, зауважали. А что? Медовину пьёт, законы казацкой вольницы почитает, да и в бою зверь. А кроме того, людей жалеет. Где надо было бы по морде вдарить, он крепким словом обходился. Одна беда — до баб был падок. Но это, мол, у него с Дона, где, сказывают, тьма тьмущая этих заморских наложниц. Оттого и деток там чернобровых немало рождается. Где-то, видно, и у войскового старшины не один такой турчонок растёт.

Больше всего Фёдор был люб атаману. У него и голова светлая, и рука крепкая, да и совесть чиста, говорил тот о нём. На таких можно положиться. Один раз только и вспылил на него, это когда тот богдойскую пленницу привёз в острог.

— Ну и что будем делать с твоей косоглазой? — спрашивает Никифор. — Краля-то, сам видишь, непростая. Прознают богдойцы, что она у нас — вот шуму-то будет!

— Не отдам я Саньку!.. Умру, но не отдам, — заявил Фёдор.

С другим бы атаман и разговаривать не стал, а тут сжалился.

— Ну коль не можешь без нее — живи... — говорит. — Вот только бабу твою жалко. Хорошая она у тебя, Наталья-то. Мне б такую жонку. Однако с бабами мне всю жизнь не везло, — неожиданно нахмурился он. — Одни изменяли, другие помидали рано.

¹ Утельный – маленький, крохотный.

² Поварная – кухня, стряпная.

³ Рига – сарай для сушки и обмолота снопов.

⁴ Смольчак – хвойный лес.

⁵ Чернолесье – лиственный лес.

⁶ Хунхузы – разбойники.

Последняя так и вовсе от рук злодея погибла... Теперь уж и боюсь свататься к кому. А вдруг та же петрушка выйдет?..

... Чутко идут кони, фыркают. Чуют, чуют чужой дух... Тайга она и есть тайга — в ней нечисти всякой пруд пруди, думает Фёдор. Оттого и беспокоятся кони. Однако до Агафона-огуменника ещё далече. Это тогда леший ночью из лесу выходит, чтобы подурить. Особо пашенным достаётся — нечисть-то чаще в поле любит пошалить. Снопы по гумнам раскидывает. Вот и стерегут её мужики в вывороченных тулупах с кочергою в руках...

— Слухай, атаманушка... А чой-то мы про нашу молодь-то забыли? Не пора ль ее уже в строй казачий ставить? А то шляндают¹, понимаешь, целыми днями... Это у пашенных они всегда при деле, а наши-то лоботрясами растут, — снова звучит в темноте голос Фёдора. — Сам видишь — народу у нас не шибко-то. А тут манзур к границам подступает — аде нам силу брать? Ну а молодь — она ушлая. Дай им саблю остру да коня — они б кой-кому и из нас, старых казаков, нос-то утёрли...

Атаман молчит. То ли прикорнул, а может, думу думает.

— Ну, чиво молчишь, атаманушка?

— А чиво говорить-то? — усмехнулся тот. — Нет у меня для них ни сабель, ни коней. Тогда какой может быть разговор?

А ведь прав атаман, подумал Фёдор. Не в его власти казною государевой распорядиться. Однако есть же какой-то выход!

— За трофеем однако надо идти, за Амур, — говорит Опарин. — Царь-то про нас, видать, забыл... Ни кормовые не шлёт, ни оружие с зельем². А может, ему уже и не нужен Амур-то? Ну, скажи, атаман, нужен он ему али нет?

— Нужон, — уверен Черниговский. — Только что-то не ладится у него там. Всё с Европой воюет... Из-за того, сказывают, и казна пуста. Так что ж еще ждать?

— Вот я и говорю: трофей нам нужон, — не отступает Опарин. — Только прикажи, атаманушка, — я всё, что надо, достану.

Никифор вздохнул.

— Оно б ничего, — говорит, — да Царь велел нам боле не гулять в богдойские земли. Вот и якутский воевода в последней своей «скаске³» говаривал, что бросит в темницу всякого, кто прогневит Богдыхана.

— Да-а, — протянул Фёдор. — И все ж можно попытать счастья.

— Эва как ты упёрся! — улыбнулся атаман. — Что ж, смелого ищи в тюрьме, глупого — в попах. Так, кажется, у нас говорят?.. Нет, Федя, не рискну я царевой воле противиться. Он меня один раз уже простил, а во второй раз не станет.

— Это ты про то, как илимского воеводу порешил? Рассказал бы, как всё было, потешил мою душу...

Атаман, видно, не хотел ворошить старое.

— Тешься своими подвигами, — резко оборвал он его. — А в мои дела неча совать свой нос... — Фёдор оторопел. Чой-то атаман так вдруг?.. Его взяла обида. Он придержал коня, чтобы отстать, но тут, видно, Никифор понял свою ошибку. — Ты, Федя, сильно-то на меня не сержай, — сказал он. — Пойми, дело давнее и я...

Но он не успел договорить. Неожиданно в нескольких саженьях впереди раздался громкий треск, и следом огромная пушистая сосна тяжело и с грохотом рухнула на землю. И вновь треск и грохот упавшего дерева. Только теперь позади казачьего строя. Тут же из темноты посыпалась картечь.

— Богдойцы! Это богдойцы! — зашумели застигнутые врасплох казаки. — Они нас порубят!.. Шуруй отселе, братцы!

Паника — она хуже врага.

¹ Шляндать – шляться без дела.

² Зелье – порох.

³ Скаска – всякое деловое показание, объяснение, отчёт.

— А ну, цыц! — вне себя от ярости закричал атаман. — Слухай мою команду, казаки! В сабли!.. Вперёд! За мной!

Голос атамана отрезвил казаков. Выхватив из ножен сабли и дав шпоры коням, они помчались следом. Только впереди было разлапистое дерево и им не удалось взять его с ходу. Тогда атаман повернул их назад. Но и там на их пути лежала преграда.

Что же делать? — лихорадочно думает Черниговский. С обеих сторон вся в буреломах непролазная тайга. Хоть бы пятачок какой был для манёвра, а так и развернуться шибко негде. Одним словом, ловушка.

На помощь приходит старшина.

— Атаманушка, надобно бы спешиться! — кричит он Никифору. — А то нас как воробьёв из мушкетов посшибают...

— Дело говоришь, Федя! — тут же соглашается атаман. — А ну, казаки, давай коней в лес и в ружьё!..

Но тут из темноты на тронутый лунным светом наезженный шляшек¹, вопя на все лады, выскочили какие-то люди. Их было много. Одни стреляли на ходу, другие угрожающе размахивали саблями и топорами.

— Да ить это ж воры! — закричали казаки. — Тати, в Бога их душу мать! Бей их, окаянных! Бей! Пущай знают, как казаков забижать!..

Завязался бой. И застонала тайга, содрогнулась от звона и скрежета металла, от ядрёной русской брани, предсмертных криков и воплей раненых...

Ревут казаки, точно звери, почуявшие кровь. Храпят боевые кони, мечутся по кругу, ступая тяжёлыми копытами по трупам врага.

— Атаманушка, жив ли?! — кричит старшина, бросая Киргиза в самое пекло боя.

— Жив, Федя! Рано мне еще помирать...

— А вы, мои верные товарищи?.. Ты, Васюк?..

— Живой! — отвечает тот.

— Ну а ты, Гридя?

— А что со мной случится?

— И ты жив, Иван Шишка?

— Еще и тебя переживу!

— А Фома?

— Тута я, живой!

— А как Семён?

— Да цел я, цел! Чиво и тебе желаю...

— А вы братья Романовские?

— И мы живы! — за обоих отвечает Григорий.

— Карп?

— Живой!..

— И я живой, старшина! — подает где-то рядом голос Мишка Ворон.

— Ну тада всё ладом... И-ех! — воскликнул Фёдор и с плеча развалил надвое очередного злодея.

Бой был недолгим. Быстро управились албазинцы с татями. Не на тех, как говорится, напали. Казачки-то эти и крымских татар били, и оттоманов, и персов — отчего ж им со злодейской шайкой не справиться? Порубили их, а кто жив остался, того по рукам и ногам повязали и бросили на землю. А потом сели перекурить. Шибко нервным был бой. Вот и надо расслабиться. Задымили трубки, запыхтели, и едкий ядрёный дух разошёлся по всей тайге...

¹ Шляшек – дорога.

Глава восьмая. Сева Деньга по кличке Крыса

Они сидели на сырой земле и волком глядели на казаков. Убивцы, конокрады, воры... Солнце еще не успело пробиться сквозь полосу леса, и потому рожи пленников было трудно разглядеть в этой мутной предрассветной дымке.

— Эх, вы, живёте в лесу, молитесь колесу! — глянув на них исподлобья, изрёк атаман. — Ладно, говорите, кто из вас главарь. Ты? — ткнул он рукоятью нагайки в грудь первого попавшегося упыря. Тот лишь ухмыльнулся и опустил глаза. — А может, ты? — пнул он сапогом другого. — Молчите? Так знайте: кто укажет мне на главаря, тому я дарую свободу.

Однако никто из лихих людей и теперь не открыл рта.

— Что ж, коль так, — на сук их всех! — оборачивается он к товарищам. — Собакам собачья смерть!

— Стойте! — неожиданно подаёт голос один из пленников. — Стойте! Я вам укажу на главаря...

— Вот как! — склонившись над ним, произнёс атаман, пытаясь разглядеть его лицо. — Ну, давай, говори... А то смотри — вместе со всеми вздерну на берёзе.

Это был сподручник главаря шайки по кличке Шароглазый. Огромный и сильный, он сейчас сидел на земли и дрожал от страха. Жить ему хотелось, жить, а тут такое...

— Шайтан у нас за главного, — указывает он глазами на сидящего рядом с ним тщедушного косматого человечка, одетого в измазанный грязью старый кафтан.

Никифор даже крикнул от удовольствия.

— Так ты, значит, и есть тот самый Шайтан? — обращается он к косматому. — Долго ж я на тебя зуб точил. Но вот теперь ты попался мне, окаянный. Больше не будешь со своей поганой братией честной народ грабить. Всё, отвоевался! Даже судить мы тебя не станем — тотчас же на берёзе вздёрнем. А вместе с тобой и всех твоих дружков.

Пленники опустили головы. Ну вот, и настал их последний час. Но ведь они знали, что когда-то это всё равно произойдёт. Потому были готовы ко всему. Но только не Шароглазый.

— Барин, а барин?.. Ты ж обещал помиловать того, кто укажет на главаря. Отчего ж тогда не отпустишь меня? Отпусти душу на покаянье, не губи напрасно.

Никифор усмехнулся.

— Доносчику первую плеть! — воскликнул он и с чувством прошёлся по спине детины нагайкой.

Шароглазый даже не вскрикнул.

— Ну а теперь иди... — говорит атаман. — Я свое слово держу.

— Благодарствую, барин! Век за тебя буду молиться...

Его освободили от пут и отпустили на все четыре стороны.

— Эх, забодай меня коза! Слышь, атаманушка, главарю тоже бы надо перед смертью как следует всыпать! — предлагает Игнашка Рогоза. — Чтоб он и на том свете помнил про нас.

— Ну так всыпь! Чего ждешь-то? — сказал атаман. — А мы тут пока с товарищами посоветуемся.

И то: надо было решить, что делать со злодеями. Никифор отвёл казаков в сторонку, и только Фёдор задержался, чтобы запалить трубку.

В это время солнце выглянуло из-за дерев и осветило лица пленников.

— А ну стой-ка, Игнат!.. — невольно взглянув на пленников, останавливает Фёдор товарища, который, вынув из-за голенища нагайку, уже собирался угостить ею Шайтана. — Дай-ка я на рожу этого окаянного взгляну. — Он наклонился и некоторое время внимательно изучал лицо главаря. — Да какой же это Шайтан? — неожиданно с каким-то непонятным злорадством произнёс он. — Нет, братцы, это не Шайтан — это мой старый

знакомый Сева Деньга... Ну, здорово, Савелий! — усмехнулся ему в лицо казак. — Не ожидал меня встретить? Однако мир тесен...

— Фёдор?.. Ты? — искренне удивился тот. — Выходит, жив?.. А я-то думал, тебя тоже вместе со Степаном Тимофеевым порешили.

— Да нет, как видишь, живой... — нахмурил брови старшина. — Видно Бог меня сберёт. Для чиво, спросишь? А для того хотя бы, чтоб я тебя, гадину этакую, нашёл и отрубил тебе башку.

Пленник побледнел. Он-то знал, за что так ненавидит его этот казак.

... Савелий, Сева Деньга по кличке Крыса когда-то в Москве служил целовальником¹. В стольном граде, как и повсюду, для выпечки хлеба строились специальные избы, где работали хлебники. Те пекли сброженный хлеб из ржаной муки. Это было большим искусством. И основывалось оно на применении специальных заквасок. Секрет их приготовления держался в строжайшей тайне, передаваясь из поколения в поколение.

Ещё в царствование Ивана Грозного был установлен строгий государственный контроль не только за ценами на хлеб, но и за качеством. Царский Указ 1626 года «О хлебном и калачном весу» утверждал порядок установления цен на двадцать шесть сортов хлеба из ржаной муки и тридцати сортов — из пшеничной. Для наблюдения за выполнением этого Указа назначались хлебные приставы — целовальники. Они обязаны были «ходить по улицам, переулкам и малым торжкам и взвешивать хлебы ситные, решётные, калачи тёртые и коврижечные мягкие». Если целовальник находил, что хлеб и калачи маловесны или продаются по «дикой» цене, виновных тут же подвергали штрафу. Причём весьма ощутимому. А злостным нарушителям назначалась порка.

При Алексее Михайловиче в Белокаменной уже работали огромные пекарни. Самая крупная находилась в Измайлово и именовалась «хлебным дворцом». Такой дворец был сооружён и в Кремле. В государевой пекарне трудились более семидесяти пекарей. И слава об их искусном труде и зело ароматном хлебе и кренделях выходила за пределы государства.

Кличку Крыса Севе дали хлебопёки, которых он безбожно обирал. За это был посажен в арестантскую тюрьму — блошницу для следствия, откуда, подкупив стражников, бежал на Дон. Как говорится, дешёво по тюрьмам проживать, да накладно. Или еще: в тюрьму широка дорога, а оттуда тесна.

В то время на Дон бежали все, кому не лень. Бежали варнаки — каторжные люди, бежали воры и праведники, но больше всего было крестьян, страдавших от непосильного гнёта своих хозяев.

При Алексее Михайловиче, делавшем всё, чтобы упрочить свою самодержавную власть, много было дано прав и высшему служилому сословию — начальникам приказов, дьякам, воеводам, вообще всем тем, кто стоял на ступени какого-нибудь начальства. Отсюда и злоупотребления властью и притеснение народа. От чиновных людей страдали все — и посадские, и ремесленный, и торговый люд, а уж о крестьянах и говорить нечего. Непосильное чиновное ярмо часто становилось поводом для волнений и бунтов. Боясь народного гнева, Царь, кроме правительствующих и приказных людей, находил себе опору в стрельцах, которым было тоже дозволено многое.

В эти же годы росло крупное землевладение вотчинников и помещиков. В их интересах по Уложению 1649 года были отменены сроки сыска беглых крепостных. Это заставило крестьян бежать от своих помещиков на юг, за пределы оборонительной засечной черты, что была создана для южных окраин от нападения врагов, преимущественно крымских татар. В большинстве своём люди бежали на Дон, где никакого сыска не было. Там беглые становились казаками, пополняя Донское казачье войско. Новые люди ещё не успевали обзавестись имуществом и хозяйством, как это было

¹ Целовальник – сборщик податей.

у многих старых казаков. Потому они пополняли ряды голытьбы. А поскольку турки в Азове укрепили выход из Дона в море и морские походы стали делом более трудным, чем до Азовского осадного сидения, то голытьба всё чаще стала ходить в походы на Волгу для грабежа купеческих судов. Царь был в ярости, требуя прекратить подобные деяния. Да куда там! Разбойные походы так и продолжались.

А тем временем стали возникать конфликты и в самом Донском войске между бедным казачеством и верхушкой Войска, состоявшей из обеспеченных казаков, которых на Дону называли «домовитыми». Войсковые власти, испугавшись, что начнётся смута, просили Царя прислать из Москвы дополнительное жалование для раздачи голытьбе. Однако в связи с непрекращающимися войнами казна московская была пуста.

Вот тогда-то и всплыло из глубин казацкой вольницы имя Степана Тимофеева Разина, крёстным отцом которого был прославленный воин, войсковой атаман Корней Яковлев. Таким же храбрым и удачливым воином был и сам Степан, водивший свои казацкие дружины на крымских татар и турок. А тут вдруг он плюнул на все свое славное прошлое и примкнул к голытьбе.

Вначале люди дивились. И отчего это, мол, сын знатного казака Тимофея Разина, того самого, что в своё время сумел для блага Московии сговориться с воинственными калмыками, вдруг снюхался с голытьбой?

Впрочем, и самые близкие товарищи этого не ведали. Одни решили, что Стенька просто дурит. Другие уверяли, что в нём вдруг проснулась жалость к обездоленным товарищам. Третьи же настаивали на том, что это он опьянённый казацкой вольницей пустился во все тяжкие.

А всё началось с того, что в 1666 году большой отряд казацкой голытьбы вышел с Дона и двинулась в центр Московии, к Воронежу, а затем к Туле. Вёл её атаман Василий Родионович Ус. Казаки хотели наняться на царскую службу, чтобы получать жалование. Однако в царской казне было мало денег, и на службу их не приняли. Пришлось людям вернуться на Дон. С ними ушло немало крепостных. После этого положение на Дону и вовсе стало напряжённым.

Весной 1667 года начался новый поход донской казацкой голытьбы, на этот раз на Волгу. Его возглавил Степан Тимофеев Разин. Вроде шли как всегда за добычей — «за зипунами», а вылилось всё в настоящий бунт. В Царицыне казаки заставили воеводу дать им кузнечные снасти, необходимые в походе, после чего они приступом взяли крепость — Яицкий городок, что находился в устье реки. Перезимовав там, они вышли в Каспийское море и двинулись во владение персидского шаха. Захватив богатую добычу в прибрежных селениях, казаки отправились на зимовку на южном побережье Каспия. Весной в морском сражении они разбили персидский флот, после чего, опасаясь подхода свежих сил противника, ушли к Астрахани. Но там воевода князь Прозоровский направил против них стрельцов, заставив их уйти в море.

Однако, опасаясь, что Разин снова поведёт своё войско в Персию, власти Астрахани, дабы не испортить окончательно отношений с шахом, решили вести с казаками переговоры. Их даже впустили в город. Там они пили мёд и щедро раздавали народу свои трофеи. После этого слава об атамане и его войске разошлась по всей Волге.

Осенью 1669 года разинцы вернулись на Дон и встали лагерем вблизи впадения в Дон речки Кагальник. Там и провели они зиму. А в апреле 1670 года Разин со своими казаками объявился в Черкасском городке. На войсковом круге он заявил атаману Корнею Яковлеву, мол, ты владей своим войском, а я буду владеть своим. Это означало раскол среди донского казачества, после чего власть на Дону перешла к Разину.

В мае того же года повстанческое войско Стеньки Разина начало поход по Волге. Захватив Астрахань и Царицын, разинцы двинулись вверх по реке. Они заняли Саратов и Самару и в начале сентября подошли к Симбирску. Город был очень хорошо укреплён, и Разину с товарищами пришлось долго штурмовать его. Пока шёл штурм, восстание

охватило почти всё Поволжье. Из городов и уездов вначале небольшими ручейками, а вконец целыми людскими потоками люди вливались в войско бунтовщиков.

А в это время брат Стеньки Фрол во главе казачьего отряда шёл вверх по Дону. Он взял город Острогожск, но под городом Коротояком в сентябре 1670 года потерпел поражение.

Решающие бои за Симбирск развернулись в начале октября. На помощь осаждённому городу, где его гарнизон из последних сил отбивал атаки Разина, подошли войска князя Барятинского. Несколько дней продолжалась битва. Но силы были неравными, и разинцы потерпели поражение. Сам же атаман «был рублен саблею и застрелен из пищали в ногу», и его полуживого казаки доставили на Дон.

А тем временем на Дону оживились противники Разина. Их было немало, и предводителем у них был сам Корней Яковлев. Эти казаки попытались восстановить связь с Москвой, прерванную после того, как Степан Тимофеев отстранил от власти войсковую верхушку. Москва, недовольная тем, что Войско Донское не смогло противостоять воле Разина, согласилось восстановить отношения с казаками с тем условием, что они поведут решительную борьбу с мятежным атаманом, возьмут в полон Степана вместе с его братом Фролом и доставят их в Москву. Казаки встали на перепутье. Ведь у донцов существовало неписанное правило, по которому они не выдавали своих людей Царю. Что делать?

Казачья верхушка решила нарушить вековой закон Дона. Взять и выдать! — был приказ.

Собравшись с силами, верные атаману Яковлеву казаки 14 апреля 1671 года пошли походом на Кагальницкий городок, где находился Разин со своими людьми. Завязался бой.

— Степан Тимофеев! Веди нас на ворога! — обращались товарищи к атаману. — Ну, коль не можешь сесть на коня, хоть слово свое скажи, утешь казаков, приободри — тада они горы свернут.

Но Разин еще был слишком слаб после тяжёлых ранений и не мог подняться с постели. А что тело без головы? Побили разинцев казаки Корнея Яковлева.

Чуя, что бой проигран, верные Стенькины товарищи прорвали вражье кольцо и увезли атамана в степь. Там в одном из хуторов и спрятали его.

Среди этих оставшихся верными атаману казаков был и Федор Опарин. А вот Сева Деньга оказался тут случайно. Не сумев в одиночку сбежать из городка, он примкнул к небольшому отряду разинцев, который сумел оружием проложить себе путь и скрыться вместе с привязанным к седлу — дабы не упал! — больным предводителем.

Несколько дней они скрывались в степи. Видели, как рыщут окрест люди Яковлева, пытаясь отыскать Степана Тимофеева. Не найдя его среди убитых, они стали чинить пытки пленным, пытаясь дознаться, куда подевался их вожак. Но те молчали. Одни оттого, что ничего не знали, у других же и в мыслях не было, чтобы предать любимого атамана.

И тогда Яковлев разослал по всему Дону бирючей, которые сулили всякому, кто укажет на Стеньку Разина, сто рублей денег. Хотели поймать беглеца на золотую удочку. Тех же, было сказано, кто прячет государственного преступника, будут так долго пороть, пока они не издохнут.

И нашёлся-таки Иуда. И откуда Сева Деньга только прознал про награду? — только однажды ночью он тихонько вышел из укрытия и подался в сторону Кагальницкого городка, что был занят казаками Корнея Яковлева.

— Кто тут?.. — услышал он вдруг за спиной знакомый голос. То был его земляк Федька Опарин, стоявший в ту ночь в карауле.

— Да я это, Федь, Севка Деньга, — испуганно проговорил Савелий.

— А-а... Пошто это ты вдруг вздумал шабандать¹ впотьмах? — спрашивает его Фёдор.

— Да до ветру я... — тут же нашёлся Деньга.

— Ну давай, иди. Только не шибко-то ножищами громыхай. В степи оно далеко слышать, — предупредил его караульный.

Верно говорил Фёдор. Степь она и есть степь, здесь каждый звук в птицу превращается, и летит потом эта птица далеко-далеко, разнося по миру добрую или худую весть. Кабы было не так, прозевал бы он врага. А то услышал под утро где-то вдалеке конский топот и тут же поднял тревогу.

— И как же это они вынюхали нас? — усаживая израненного брата на лошадь, подивился Фрол Разин. — Аль вероломец² какой выдал? Но вроде среди нас не было облыжных³ людишек...

Оказывается, были, завидев одиноко стоявшую у коновязи лошадь Севы Деньги, подумал Фёдор. Ну ничего... Это гора с горой не сходится, а горшок с горшком уж точно когда-нибудь столкнётся. Встречу — убью!

Однако далеко уйти Степану Тимофееву и его товарищам не удалось. Степь она и есть степь. Не спрячешься нигде, не отсидишься. Догнали-таки казаки Яковлева беглецов. Думали, возьмут их числом, но не тут-то было. Разинцы дрались так отчаянно, защищая своего атамана, что противнику пришлось звать подмогу.

Когда Степан понял, что это конец, крикнул брату:

— Фрол, братишка! А ну давай, уводи людей! Им я нужен, а не вы... Собирайте новое войско и идите на Москву. Там всё зло великое сидит, от него и избавьте народ... И не перечь атаману! Делай, что тебе говорят!..

Но не все казаки ушли с Фролом. Были и те, кто решил защищать Стеньку Разина до конца. Люди Яковлева одних порубили саблями, других вместе с мятежным атаманом взяли в полон. Среди этих невольников оказался и Фёдор Опарин, который наотрез отказался оставить жоака. Так их всех вместе и доставили в Черкасский городок, после чего, посадив в глухие кандалы, под охраной отправили в Москву. Атамана, чтобы не сбежал и для общего обозрения, везли в железной клетке, установленной на телеге, тогда как его товарищам весь этот долгий путь пришлось преодолеть пешком.

В Москве колодников определили в Земский приказ и посадили на цепь. Когда Федьку с товарищами измученных дорогой и голодных ввели в открытые настежь дубовые ворота, и он увидел посреди широкого обнесенного тыном двора, раскинувшегося аккурат против суконных рядов, знакомые ему с детства мрачные очертания палат из толстых брёвен, он тут же понял, что это конец. Сотни, а может и тысячи буйных голов были сведены отсюда на лобное⁴ место. Но прежде их подвергали нечеловеческим пыткам, так что после этого казнь для многих из них уже не казалась такой страшной.

Вот и на этот раз узников долго пытали. Их жгли калёным железом, подвешивали на крючьях к потолку, били плетьюми и рвали щипцами ноздри. Фёдор после таких мучений так ослаб телом и духом, что начал уже прощаться с жизнью, как вдруг в одном из стражников он узнал своего двоюродного брата Прохора. И в нём затеплилась надежда.

— Проша, родной! — улучив момент, когда никого из служивых не было рядом с колодничьей⁵, зовет он того.

Фёдора только что сняли с дыбы, и на его мускулистой белой спине в перекрест лежали багрово-синие свежие рубцы от ударов кнута. Трудно было узнать в этом истерзанном харкающим кровью человеке некогда могучего красавца, на которого

¹ Шабандать – шарить.

² Вероломец – предатель.

³ Облыжный – криводушный, негодный.

⁴ Лобное – место казни.

⁵ Колодничья – арестантская.

пялили зенки все посадские девки. Но то и впрямь был Фёдка, друг его детских забав. Он стоял, ухватившись за железные прутья решётки, что отделяла колодничью от коридора, и с надеждой глядел на Прохора, а за его спиной, на каменном полу, стонали и корчились в агонии какие-то чёрные тени.

— Фёдка, ты? — не верит своим глазам Прошка.

— Ну я, а кто ж еще? — пытается улыбнуться Опарин, а не получается, потому как на роже его после всех этих пыток живого места не осталось.

Прохор покачал головой.

— Ишь как тебя разукрасили-то! Едва узнал, — говорит. А потом, подойдя к решетке, тихо так: — Тоже, значит, с Разиным якшался? И как же это тебя угораздило в злодеи-то податься?

И тут будто бы стон вырвался из груди Опарина.

— Да не злодей я, братка... Мы ить шли дать людям свободу...

— Свободу! — ухмыльнулся Прохор. — А кому она нужна ваша свобода?.. По мне так оно лучше несвободным быть да живым. А вот для тебя уже верёвка готова...

— Так помоги мне выбраться отсель, а брат? Не хочу, понимаешь?.. Не хочу я умирать! Ведь у меня семья.

На губах Прохора горькая усмешка.

— Ишь ты, про семью вспомнил!.. А о чем ты думал, когда на Дон свой бежал?

— Да ладно, тебе, Проша, и без того тошно. Ты лучше скажи, как там мои? Все ли живы-здоровы?

— Да пока что живы, — говорит Прохор. — Но ведь ты же и их под монастырь подведёшь. Прознает кто из приказа, что у тебя семья в Китай-городе живет, — то и деткам твоим с жёнкой не поздоровится.

— Да што ты?

— А вот и што...

— Тогда мне нужно обязательно на свободу. Помоги мне сбежать, а шурин? Я тада жёнку с детками в охапку — и поминай, как звали... Уйду туда, где Макар телят не пас.

— А есть ли такие места? — спрашивает шурин.

— Есть! И зовутся они Сибирью.

Прохор был человеком добросердным. Надо помочь братене, решил. И однажды, когда из камер выносили очередных мертвяков, а то были те, кто не выдержал пыток, он самолично вытащил на своем горбу Фёдора.

— Ну, ни пуха тебе! — сказал на прощание. — Бог даст, ещё свидимся...

А ведь когда-то Фёдор и Прохора звал с собой на Дон. Тот тогда промышлял с отцом солёной рыбой и сильно бедствовал, испытывая на себе непосильное посадское тягло¹.

Хотя поначалу дела у них шли вроде неплохо. Особо когда 1653 по челобитью торговых людей во всём государстве была заведена единая рублёвая пошлина по десяти денег с рубля. Взамен этого отменялись иные многочисленные пошлины, хотя далеко не все.

Однако, пользуясь покровительством Государя, чиновный люд в конце концов так обнаглел, что перестал бояться Бога. Подати превратились в сплошные поборы. Теперь нельзя было шагу ступить без того, чтобы не заплатить оброк. Трудные времена наступили для Прохора и его семьи. Ведь, кроме стариков, ему нужно было кормить ещё и жену с тремя детьми.

А тут Фёдор... Давай, говорит, братеня², махнём на Дон. Там, сказывают, рай земной, а люд живёт вольно и богато. Разбогатеем — семьи свои к себе заберём.

¹ Тягло – денежные и натуральные налоги, повинности.

² Братеня – двоюродный брат.

Однако Прохор был иного замесу. Чем, говорит, бросаться головою в омут, оно спокойней будет дожидаться лучших времён.

А ведь в детстве и он, подобно Фёдору, мечтал о дальних странствиях. Ему снились какие-то сказочные города, где люди живут счастливо и вольно, не то, что в их вечно воюющей и страдающей от нужды Московии. Но вот он вырос — и всё изменилось. Мечты остались в прошлом, и теперь все его мысли только о том, как накормить семью.

А вот Фёдор не оставил свою мечту. Нет, не хотел он повторять судьбу своего отца-пономаря, у которого всю жизнь не было за душой ни гроша. И как это он ухитрился пятерых детей поднять на ноги? — удивлялся сын.

Первый раз мысль о том, чтобы удрать на Дон, у Фёдора появилась, когда ему стукнуло восемнадцать.

Он хорошо помнит то время. Осень. В воздухе пахнет сыростью после утреннего ситничка. Вдоль кривых высланных тесом скользких улиц Китай-города ползёт туман. Стучат копыта лошадей. То ли князь со свитой проехал, то ли боярин. Изредка из тумана вырастают чёрные фигуры стрельцов с бердышами¹ на плечах, двигавшихся в Кремль на смену караула. А то вдруг раздастся бой часов над Спасскими воротами, которому тут же начинают вторить удары в чугунную доску где-то у боярских и купеческих домов.

Рань такая, а в сумеречных рядах перед Кремлём уже идёт торг. Повсюду возы с товаром. Площадный дьяк в сопровождении двух стрельцов ходит меж возов в длиннополой расшитой шнурами котыге² и лисьей шапке на голове и собирает тамгу³. Звенит деньга, которая пойдет на Царя, на церкви и на монастыри.

Всё какое-то неясное вокруг, унылое. Будто бы то дождь смыл с лица города всю краску. Даже весёленькая некогда кремлёвская стена из красного кирпича выглядела в эту раннюю пору чёрной и угрюмой.

Федька еще не успел отойти ото сна, потому весь путь от дома шёл, позевывая и зябко ёжась, втянув шею в ворот зипуна. Мимо с лукошками, мешками на горбу и котомками с ремесленным инструментом двигались люди. В рассветных сумерках не разбежишься, потому они постоянно толкались, налетали на ходу друг на друга, грубо бранились и шли дальше.

И так каждый день. Сонный и унылый приходил он в Иконный терем. Надевал, замазанный в красках и клею передник, лоб обвязывал пеньковым венчиком, чтобы в глаза не лезли масляные пряди волос, и начинал работу.

Когда-то в детстве сюда его привёл отец, который решил, что живописное дело неплохо кормит, а главное — оно всегда будет в цене, ибо дело это любо самому Царю. Это тебе не блюдца глиняные да жбанки расписывать красками. Тут, брат, дело серьёзное. И творится оно ни как-нибудь, а по уставу да под присмотром самого Великого Государя и Патриарха. Не случайно Великий Царь всея Руси Алексей Михайлович воздариł иконников окружною грамотою и, сам бывая в тереме, часто жаловал тщивых⁴ мастеров своею царскою брагою, платьем знатным и иной прочей милостию. Потому мастера работают с прилежным старанием, помня, что дело это свято и угодно Богу, что оно почиталось святыми апостолами Христовой Церкви.

А вот Федька особым прилежанием не отличался. У него были хорошие мужицкие руки, и его тянуло туда, где требовалась настоящая мужская сила. Ну что для него эти иконы! Другое дело мешки с углём на горбу таскать или же там с пудовым молотом в кузне управляться...

Просил и не раз своего отца, чтобы тот отвёл его на угольные склады или хотя бы в подмастерья к зодчим определил, где он смог бы, ворочая тяжёлые бревна, силушку свою

¹ Бердыш — старинн. оружие — широкий длинный топор на высоком древке с лезвием в виде полумесяца.

² Котыга — род кафтана.

³ Тамга — мыть, пошлина.

⁴ Тщивый — усердный, старательный.

показать, но тот жизнь прожил, знал, что к чему. Пуп надорвёшь, — сказал он сыну. — И что тогда будешь делать? У отца с матерью на шее сидеть? Не-ет, не получится...

А разве ослушаешься родителя? Пришлось терпеть. За эти годы он научился многому. В Иконном тереме ведь не только писали лики святых угодников. Здесь работали планы городов, листы печатные, исполнялись нужды денежного двора, расписывались болванцы, печи, трубы, составлялись всякие расчёты. И всё же главными были иконы. Фёдору было интересно узнать, что честное иконописное дело ведётся не абы как, а по разному старинному чину. Что всякие иконописные обычаи повелись издавна, считай, еще от уставов афонских. Что икона создаётся по заведённому порядку. Первую и главную основу её положит знаменщик, который назнаменит на дубовой или липовой доске нужный рисунок. Дальше в дело вступает лицевщик, который по этому рисунку напишет лик, а долицевщик — доличит всё остальное: нимбы, ризы и другое облачение. Довершит работу мастер травного дела. Тот припишет вокруг святых угодников небо, горы, пещеры, траву, деревья, в проскрёбку наведет золотые звёзды на небо или солнечные лучи. После этого златописцам останется сусальным золотом обвести венчики и поле иконы.

Фёдор начинал с подначальных. Готовил доски иконные, выклеивал их, выглаживал хвоцём. Когда чуть повзрослел, дьяк, под чьим присмотром работали мастера, перевёл его в тёрщики, которые вместе с левкашиками готовили левкас — гипс на клею для покрытия иконной холстины. Вроде простая работа, но и в ней были свои секреты, которые передавались из поколения в поколение.

А вот выше прыгнуть ему не позволил правящий теремное приказное дело окольный¹. Мал, говорит, ещё, чтобы лики Святых Угодников писать. Тут, мол, не только твёрдая рука нужна, не только острый глаз, но и особая святость в душе. А у тебя душа разгульная. И не перечь — знаю, слыхал, как ты девок-то посадских на сенниках мнёшь.

Правду говорил окольный. Шибко до жизни весёлой был Фёдор охоч. Оттого и решил старый пономарь² женить своего сына. Дескать, только баба его к дому привяжет, а уж когда пойдут детишки — то и вовсе будет не до гульбы. Стали искать для Федьки невесту. И, наверное, нашли бы её, а тут в Москве бунт случился, и стало не до этого.

... Волнения в городе начались ещё задолго до того, как запыльхали боярские чертоги. Причиной тому была введенная Алексеем Михайловичем по наущению ближнего его советника боярина Морозова и его сподручника Плещеева во втором году своего царствования новая пошлина на соль. Этой пошлиной хотели заменить разные старые мелкие поборы: стрелецкие и ямские деньги, проезжие мыты³ и прочее. Это упрощение должно было служить облегчением для всех, однако народу пришлось платить за соль двумя гривнами на пуд больше. Следом чрезмерно поднялась в цене солёная рыба, бывшая главной пищей у московитов. А тут ещё последовало разрешение торговать табаком, за что при Царе Михаиле Фёдоровиче резали носы. Это вызвало недовольство у благочестивых людей, которые, не желая перенимать иноземные обычаи, называли табак «богомерзкой травой».

И зароптал народ, заскрежетал зубами. Вспомнили всё — и про новые налоги на соль, и про табак, и про бесконечные поборы чиновных людей. Начались поджоги боярских домов, угрозы в адрес знати. До вил и топоров не дошло, а вот оборот соли в Московии резко сократился. Видя такое дело, Царь посчитал нововведения неудавшимися и велел вернуться к прежней политике.

Народ вроде успокоился, однако, как оказалось, ненадолго. Через два года в Москве вновь начались волнения. Ведь поборы чиновных людей так и не прекратились. Ко всему прочему люди были недовольны государевой политикой, когда «белые

¹ Окольный — один из высших придворных чинов.

² Пономарь — низший служитель при церкви.

³ Мыта — пошлина.

слободы» столичной знати освобождались от всех налогов, тогда как остальным посадским не было никаких послаблений.

Обратились с челобитной¹ к Царю, дабы он навёл в Государстве порядок. Но никакие просьбы до того не доходили, потому что всякое челобитье решали те же чиновные люди.

И тогда возле церкви стали собираться на сходки толпы народа. Положили остановить Царя силой, когда он будет проезжать улицей, и потребовать у него расправы над его лихими слугами. В первую очередь над царским родственником боярином Борисом Морозовым, который стал самым влиятельным человеком в Государстве, а также над его сподручниками Леонтием Степановым Плещеевым и Петром Тихоновым Траханиотовым. Первый заведовал Земским приказом, а второй — Пушкарским. Это они чинили поборы, они сажали в тюрьмы ни в чём не повинных людей и вымучивали у них взятки. Они же задерживали жалование служилым и потакали иностранным торговцам во вред своим.

А ещё люди хотели потребовать от Царя созыва Земского собора, чтобы тот принял новое Уложение законов, при этом законов справедливых и всех устраивающих.

Фёдор помнит, как всё тогда началось. Ближе к полудню вдруг загудели в церквях колокола — будто бы то тысячи медных душ слились в единый могучий стон. За окном кто-то громко прокричал:

— Эй, честной народ! А ну, собирайся до кучи! Идём Морозова с его сподручниками грабить!

— Побьём злодеев! — послышалось в ответ. — Хватит этим лихоимцам над нами издеваться!

— Правильно! Иметь поганого Морозова!

— К тюрьме! Колодников спустим!

— Бояр солить идем!..

— А стрельцы? Небось не дадут...

— Стрельцы тожить с нами заодно!..

Услышав это, заволновались богомазы. Это что же там такое творится-то? Вот бы глянуть хоть одним глазком...

— Я вам гляну! Так гляну — век будете у меня помнить!.. — услышав слова мастеров, прикрикнул на них дьяк. — Не нашего то ума дело, понятно?

А звон колоколов становился все громче и отчаяннее. А ещё сильнее колотится Федькино сердце. Человек он любопытный, и ему не терпится узнать, что же всё-таки происходит. А то вечером люди начнут делиться новостями, а ему и сказать будет нечего. Всё произойдет без него.

А тут снова за окном голоса.

— Эй, люди! Что сидите? Бегите к Кремлю! Суд будем над Морозовым да Плещеевым вершить!

— Как над Морозовым? Ведь он царский родственник...

— Ничё! И самому Царю на орехи достанется!

— Эх, лихое времечко!.. Знать, Бог услышал наши молитвы...

Неужто бунт? — то ли обрадовался, то ли испугался Федька. Вон уже и языки пламени в слюдяных окнах пляшут. И крики за окном не смолкают.

Дождавшись, когда дьяк уйдёт в приказную избу Оружейной палаты, он украдкой выбрался из терема и, присоединившись к вооружённым палками людям, побежал вместе с ними в сторону боярских палат.

Там возле палат этих, казалось, собралась вся Москва. Народ, впад в буйство, что-то надрывно кричал, размахивая топорами и кольями. Кто-то поджёт боярские конюшни, и в небо вместе с языками пламени поднялся чёрный дым.

¹ Челобитная – просьба, жалоба, обращение.

— Где Плещеев? Подать сюда Плещеева! Казнить его будем...

— Ага!.. Чтоб другим приказным крысам было неповадно ...

— Вот-вот, бей дьявольское семя!

— А за что бить-то? — спрашивает Федька горластого мужичка, одетого в старый малахай¹ и с шапкой-столбуном на голове.

— Как за что? — удивился тот. — А кто народ-то душит? Рази ж не бояре?

— Оне! — услышав мужичка, крикнул кто-то из толпы. — А вот в Казани, сказывают, народ башку отрубил татарскому князю, который тянул из них жилы.

— И нашим надо рубить! — призывает горластый мужичок.

— Ах ты, пёс паршивый! Дерзкие слова вздумал говорить! — неожиданно выросла возле него дюжая фигура истца.

Он хотел было ударить сполох², но тут народ повалил его на землю и затоптал насмерть. Кричал, бранился и топтал, так, что у Фёдора даже в голове помутилось от этого зрелища.

— Бей истцов! Бей князей! Бей бояр, псов проклятых!

— Гей, братья! — вдруг послышалось за Федькиной спиной. — Что стоите? Давай, жги боярские хоромы! Режь их, толстопузых, не жалея!..

Федька оглянулся и увидел высокого матерого бородача в мохнатой бараньей шапке и казацком длинном жупане. При нем был пистоль и сабля, висевшая на узком ремешке через плечо.

Кто ж он таков? — удивился Опарин. По виду вроде казак. Но откуда он здесь?

Недолго думая, тот пробился сквозь толпу и бросился к дверям богатых боярских хором. Федька за ним. Уж больно глянулся ему этот лихой человек. И слова-то какие говорит — никого не боится! Его попытался было остановить какой-то шнырявший в толпе истец, так он одним ударом кулака уложил его наземь. Вот это силушка! — восхитился парень. За таким хоть в огонь, хоть в воду пойдёшь...

А над Москвой продолжали гудеть колокола. То ли то попы тревогу бьют, то ли уже простой люд на колокольни влез, чтоб призвать народ на бунт.

А возле богатых кремлёвских теремов столпотворение. Трещит от людского напора высокое резное крыльцо боярина Морозова. Пёстрая людская лавина с топорами и кольями того и гляди, выломав дверь, ворвётся в боярские покои.

— Давай! Давай! — подбадривает первых толпа внизу. — Круши двери, ломай запоры!

И вот уже в ход идут топоры. Испуганные морозовские холопы, попытавшиеся было остановить бунтовщиков, кубарем полетели вниз. А тут и двери подались... Разгорячённая и опьянённая своей смелостью толпа врывается в боярские покои, мечется по коридорам, хватает всё, что плохо лежит.

— Стой, смерды паршивые! — размахивая протазаном³, пытается остановить их седой дворецкий в синем доломане⁴. — Стой, говорю я вам! Вы на кого?.. На кого, псы поганые, руку подняли?.. Разве забыли, кто я есть таков?

— Да Морозов ты, кровопийца! — послышалось в ответ. — А ну брось свой бердышок!

Тут же какой-то мастеровой, не успевший в запарке даже снять фартук, выбивает из рук старика никудышную игрушку, годную разве что для парадов.

Гудит дом, качаются половицы под тяжестью людской — вот-вот рухнут. А толпа, вконец опьянев от собственной лихости, начала топорами крушить всё вокруг. Затрещали стены, повылетали из окон резные рамы с разноцветной слюдой, а там и за мебель взялись. Порубили в куски деревянные столы, лавки, разбили зекала, сорвали крышку

¹ Малахай – род головного убора на меху; широкий кафтан.

² Ударить сполох – поднять тревогу.

³ Протазан – широкое копье, алебарда.

⁴ Доломан – длинная верхняя одежда.

ларя, окованного серебром, выбросили оттуда кики¹, душегрейки², сарафаны; пихали в карманы боярские волосники³, унизанные жемчугом и яхонтами, били о подоконники очелья⁴, выколачивая из них венисы⁵ и бирюзу. Повсюду на полу были разбросаны атласы и золотая парча. Толпа их топтала ногами, рвала на куски и ещё больше зверела. Потом взялись за сундуки. Вытащили оттуда расшитые золотом одежды, дорогие ткани, меха, украшения и тут же с дракою поделили меж собой.

Остановилась только пред ликами святых и херувимов, писанных по золоту среди крестов, и то лишь на мгновение, а затем продолжили чинить разбой.

— Эй, люди, где вы там? — сдавленным голосом зовёт охрану насмерть перепуганный дворецкий. Не дождавшись ответа, закричал: — Матушка! Слышь меня? Пасись беды...

Старик, растопырив руки, встал у дверей, ведущих в опочивальню боярыни, не давая бунтовщикам проникнуть в неё.

— Не пуцу, погань этакая!

Кто-то стукнул его обушком топора по голове, и он рухнул всей своей тяжестью на пол.

Ворвались в горенку, а там матушка боярыня перед иконкой на коленях стоит. Дрожит вся от страха и молится.

Ба, сестра царицы! Да молодая... Старику-то мужу, поди, уже и сил-то на такую красу не хватает — может самим позабавиться? Эй, кто смелый?

— Да на пуп нам ее! Она-то в чём виновата? — послышался чей-то трезвый голос.

— Ну да ладно, гайда отсель... А то бы я не прочь... — облизнулся рыжеволосый здоровяк в сукмане⁶.

— Если бы ты не была сестра царицы, то мы бы изрубили тебя в куски! — крикнул кто-то из бунтарей на прощание.

Какой-то дюжий слуга попытался встать на защиту царской свояченицы, но его тут же выбросили из окна и он разбился насмерть.

... В тот день 25 мая 1648 года Царь в сопровождении свиты возвращался от Троицы, когда его остановила толпа. Он попытался было прорваться сквозь неё, но кто-то уже успел схватить его коня за узду. И загомонил народ, стал наперебой жаловаться Царю на Морозова и на его сподручников. Убери, мол, их, Государь, иначе народ погибнет вконец. Молодой Царь, решив успокоить людей, заговорил с ними ласково и обещал выполнить их просьбу. Тем бы, наверное, всё и закончилось, и народ разошёлся по домам, но тут вдруг кому-то из царской свиты взбрело в голову наказать бунтарей. Они направили своих лошадей на толпу и с грубой бранью начали бить кнутахми по головам.

Взревела толпа, стала в ярости бросать в своих обидчиков камни. Кое-как Царю и его свите удалось унести ноги. Проложив кнутахми себе путь, они бросились прочь, народ с криком — за ними. Смяв ставших на пути караульных стрельцов, разъярённая толпа ворвалась в Кремль.

И пошло-поехало... Ограбив дом царского свояка боярина Морозова и нахлебавшись мёду в его винных погребах, пьяная чернь с криками и угрозами ринулась к хоромам других бояр. Разнесла терема Плещеева и Траханиотова, не найдя там хозяев, стала грабить дворы князей Одоевского и Львова... А там и до других бояр добрались.

¹ Кика, кичка – старинный бабий головной убор с рогами, вид повойника.

² Душегрейка – теплая безрукавка, телогрейка.

³ Волосник – шерстян. домотканка.

⁴ Очелье – перед кокошника, лобок.

⁵ Венис – камень гранат.

⁶ Сукман – суконный кафтан.

Когда надоело громить бояр, направились к царскому дворцу. Думали и тут пожитья, а заодно и злобушку свою выплеснуть. Да только Царь, в отличие от многих бояр, не испугался и сам вышел им навстречу.

Он стоял на высоком крыльце с золочёными перилами. Складный, широкой кости, в голубом каbate¹ с нарамниками², унизанными жемчугом. Его покрытое светлой молодой бородой лицо выглядело бледным и несчастным.

Похоже, он ждал гостей. И вот они явились. У многих красные от мёда да браги рожи, а глаза дикие — точь-в-точь как у разбойных людей с большой дороги. Того и гляди удавят.

— А ну, Государь, ответь-ка народу, пошто это твои люди так над ним издеваются? — выступив вперёд, спрашивает высокий человек в казацком жупане. — Или ты думал у нас у всех безграничное терпение?.. Ну же, отвечай, не томи душу!

Царь опешил. Таких дерзких слов он ещё никогда не слышал. Стоял и молчал, не в силах открыть рот. Но тут на помощь ему пришёл воевода Долгорукий, который с горсткой бояр вышел из дворца, чтобы поддержать Государя. Человек он был в летах, о чём говорила его чёрная с глубокой проседью борода. На нём был длиннополый широкий плащ, застёгнутый золотой бляхой на правом плече. Руку он держал на рукояти меча, готовый в любую минуту встать на защиту Государя.

— Что вам надобно, люди добрые? — едва сдерживая гнев, обращается к толпе старый вояка.

— Плещея нам давай, Плещея! Без него не уйдём! — закричали люди.

— Нет во дворце Плещеева — ищите его в другом месте, — ответил им воевода.

— А ты, Государь, ничего не хочешь сказать народу? Ить он так и будет бунтовать, покамест ты порядок в Державе не наведёшь, — говорит стоявший внизу казак.

Царь дёрнул кадыком и сдавленным от волнения голосом молвил:

— Обещаю вам свое царское милосердие...

— Мало! — крикнул кто-то из толпы. — Ты про «белые слободы» нам скажи!..

Почто они налоги не платят? Давай так: или же всем платить, или никому.

— Хорошо... — коротко бросил Царь.

— А как насчёт твоих лихих сподручников? Что, они так и будут с нас три шкуры драть? — выступил вперёд мастеровой в синем переднике.

— И, правда, Государь! Убери с глаз долой этих воров, не то мы их всех побьём!.. — загомонила толпа.

— Точно побьём! Никого не пожалеем! Собакам собачья смерть!

— Хорошо... хорошо... — чужим голосом проговорил Царь. — Я всё сделаю...

Только пусть народ уважит мою первую просьбу и простит Морозову то, что он сделал недоброго. Мы, Великий Государь, обещаем, что отныне Морозов будет оказывать вам любовь, верность и доброе расположение. И если народ желает, чтобы Морозов не был ближним советником моим, то мы его отставим... Только не просите выдавать его голову. Ведь он нам, как отец родной... Воспитал и вырастил нас... Моё сердце не вынесет этого!

Из глаз Царя полились слёзы. Народ был тронут. Поклонился Царю и воскликнул: «Многие лета Великому Государю! Как угодно Богу и Царю, пусть так и будет!»

— А Плещея мы всё ж найдём и шею ему свернём! — послышалось из толпы.

— Найдём! Найдём!.. — закричали бунтари.

В это время кто-то заметил пожар, полыхнувший на Дмитровке, и толпа ринулась в ту сторону. Пока бежали, огонь распространился по Тверской, Петровке, дошёл до реки Неглинной... Когда загорелся большой кружечный двор³, вся бунтующая Москва тут же в неистовстве бросилась на даровой мёд. После этого долго ещё пьяные толпы бродили по охваченному пожаром городу в поисках злодеев. Если кого находили — били нещадно.

¹ Кабат – старинная длинная широкая одежда.

² Нарамник – род наплечника.

³ Кружечный двор – распивочная, винокурня.

Отыскался и ненавистный всем боярин Леонтий Степанов Плещеев. Его поймал за шиворот недалеко от собора Покрова человек в казацком жупане. Увидел, что кто-то поворовски с оглядкой крадётся от рядов суконной сотни¹, и тут же решил проверить. Люди тут же его опознали — Плещей! Видно, в Земском приказе прятался, а теперь вот решил, что буря стихла и можно возвращаться домой.

— А ну подмогни-ка, паря, мне его связать, — просит он Федьку, который всё это время неотступно следовал за ним.

Они связали Плещея и под улюлюканье прибившихся к ним по пути подростков привели его на Красную площадь, где царило людское ликование. Никто не хотел расходиться по домам. Еще бы! Столько событий в один день. Горели костры, звучали громкие победные речи, а в раскалённом страстями воздухе витал этот такой желанный и пьянящий дух свободы, вызывая у людей призрачные надежды.

— Пляши, сатана! Твой день пришёл... — кричал, бегая по площади горбатый юродивый Левка. Ему подносили чарку. Он выпивал и снова:

— Пляши, сатана!..

Плещеева тогда забили до смерти и бросили в костёр. Люди потом говорили, что только после этого в городе и прекратился пожар.

— Что это ты, паря, всё за мной ходишь? — распивая с бунтарями мёд у костра, спрашивает Федьку казак.

Тот засмутился и покраснел.

— Больно смелый ты, а мне такие любви, — говорит.

— Любы, говоришь? Тогда ступай со мной на Дон. У нас там целое войско таких, как я. А еще там вольная воля — ни царей тебе, ни упырей.

— Да ну?.. Не-е, такого не бывает...

— Фу-ты, ну-ты! И что ж ты такой Фома-то неверующий? — удивился казак. — Говорю тебе, что так оно и есть... А ну, давай выпей со мной. — Он протягивает Федьке жбанок с мёдом.

— Да не-е, я не пью... — говорит парень. — Тятка у меня больно строгий. Увидит пьяным — заперет.

Казак фыркнул.

— Ишь, тятку он испугался! Тогда какой тебе Дон?.. А ну, пей, говорю! Сегодня у нас праздник на Руси. Самого Царя на колени поставили, а?!

Федьке ничего не оставалось, как взять из рук казака жбанок и, морщась с непривычки, опорожнить его.

— Ну вот, это я понимаю! — похвалил его казак. — А ну дай ещё налью...

Домой в этот вечер Федька не вернулся. Вместе с новым товарищем они ходили по кабакам, где опять же пили мёд и веселились. А утром Федька проснулся в каком-то подземелье, где пахло сыростью и грязным бельём. Он лежал на нетёсаных досках, укрытый грудой лохмотьев. Голова гудела — будто бы колокол, и шибко хотелось пить. Где это я, Господи помилуй?.. — испугался он. Стал звать людей, но никто не откликнулся, и только где-то в дальнем углу послышался чей-то больной сдавленный хрип. Ночлежка! — тут же решил парень. Напряг память и вспомнил вчерашнее.

А где же казак-то? Как там он назвался? Ляксеем?.. А может, Лукьяном?.. Да нет, скорее Ляксеем... Вот человек так человек! Но где же он?

— Ляксеи! — крикнул Федька, однако никто не отозвался и только снова откуда-то из дальнего угла донесся сдавленный хрип. Будто бы кто помирал...

Вот, чёрт! — про себя выругался парень и, поднявшись с нар, стал шарить в полутьме, пытаясь отыскать выход. Наконец ему удалось выбраться наружу и осмотреться. Ба, да это ж Зарядье! — увидев впереди знакомые очертания стрельной

¹ Суконная сотня – место торговли сукном.

башни, обрадовался он. Так ведь отсюда до дома рукой подать. Видно ночью туда и шёл да спьяну заблудился — вот его какой-то сердобольный человек и увёл в ночлежку.

В городе уже вовсю кипела жизнь. Скрипели колёса телег, кричали извозчики, фыркали под всадниками боярские лошади. Где-то вдалеке слышны были громкие людские голоса. Это у Кремля шёл торг. Всё как обычно — будто бы и не было накануне никаких погромов. Но ведь они были, были!.. И как же теперь?.. — испуганно подумал Федька.

В Иконный терем он не пошёл — ну какой из него сегодня работник? Вот влетит-то от отца! — подумал. Но где же казак-то? Сейчас бы в самый раз дунуть с ним на Дон, пока Государь со своим Приказом тайных дел приходит в себя. Глядишь, завтра уже поздно будет. Сыск зачнется, станут бунтарей отлавливать, как блох. А то, что в толпе было немало истцов, и говорить не приходится. Вон как они зенки-то свои тарасили, запоминая бунтарей в лицо. Теперь и ему, Федьке не поздоровится.

Однако ему повезло. Тумака хорошего он, конечно, от батьки-то получил, но тем всё и закончилось. В Иконном тереме, слава Господи, его не хватились, потому как окольниковому с дьяком не до того было. Решив, что народ перебьёт всех чиновных людей, они заперлись в приказной избе и там переждали бурю.

И сыск ему не учинили, потому как Царь выполнил своё обещанное им милосердие народу и не стал помнить зла.

Жаль вот только с Доном у Федьки ничего не вышло. Тот казак Ляксей будто сквозь землю провалился. Однако он сумел отравить его своими словами вольными да вскружить ему буйную голову. Так что все думы теперь у Федьки были только о Доне. Но пройдёт немало лет, прежде чем он ступит на донскую землю.

А из Иконного терема он вскоре всё ж ушёл. Как ни пытался образумить его отец, он поступил по-своему. Вот таким упёртым рос и своенравным, что даже тяжёлой отцовской руки не боялся.

Нанялся коноводом к боярскому сыну, но не ужился с ним. Пошёл курить деготь у заводчика, но тот скоро помер, а молодая вдова вышла замуж за купца и продала завод. После этого он несколько лет возил волоковой лес на терема, строил их, мостил камнем улицы. В двадцать лет женился, нарожал детишек и ушёл воевать с поляком. Через пару лет снова возвратился в Москву в надежде начать собственное дело. Взял под процент у богатого родственника деньгу и занялся шорным промыслом¹. Всё, думает, заживу. Хватит бедствовать. А то жена уже не знает, чем и детишек кормить. А тут на беду стали медные деньги в оборот вводить, и новый рубль упал в цене к серебряному. Люди говорили, что виной всему эта нескончаемая война с Речью Посполитой, которая опустошила царскую казну.

И зароптал народ. Особо от нововведений пострадали служилые люди, получавшие жалованье медью, мелкие торговцы и ремесленники. Обратились с челобитной к Царю, но тот их не услышал. И тогда народ принялся громить дворы бояр и других зажиточных горожан. После того мятежники двинулись в Коломенское к царским палатам, чтобы просить Царя выдать им своих советников и любимчиков, которых считали главными виновниками всех бед. «Ежели ты нам добром не отдашь злодеев, то мы сами их возьмём по своему обычаю!» — заявили они вышедшему им навстречу Государю.

Но это был уже не тот прежний Царь, которого можно было чем-то запугать. Это в начале своего правления он ещё не мог проявить характер и даже, случалось, сочувствовал бунтовщикам. Но теперь он заматерел, почувствовал себя единовластным хозяином земли Русской, и ныне любой бунт считает посягательством не только на свою жизнь, но и на устои Государства. Когда он завидел с высокого крыльца идущие к нему на помощь из Москвы стрелецкие полки, закричал что есть мочи: «Ловите и бейте этих бунтовщиков!»

¹ Шорный промысел – изготовление конской упряжи.

У людей не было в руках никакого оружия, и они побежали. Кто-то тогда, спасаясь от преследования, утонул в Москве-реке, многих перебили или взяли под стражу. В тот же день Царь приказал повесить полторы сотни бунтовщиков близ села Коломенского — вроде как в назидание всем, в ком живёт бунтарский дух; других подвергли пытке, после чего отсекали им руки и ноги. Арест.

Федька Опарин тоже был среди бунтарей, однако ему удалось избежать страшной участи. Долго он потом скрывался по чужим дворам, прячась от истцов. Но те наступали ему на пятки. И тогда он решил бежать на Дон. Попрощавшись ночью с женою и поцеловав спящих детишек, он сел на коня и двинул на юг...

... — А ну докладывай, Савелий, как ты мово любимого атаманушку Стеньку с его братом Фролом ворогам нашим выдавал! — грозно играя нагайкой, велит пленному Фёдор. — Что вылупил зенки? Али забыл что?.. Так я тебе напомним...

У Савелия при этих словах кровь отступила от лица — так он был напуган.

— Да что ты, Феденька! Как же я, когда меня самого душегубы чуть было на березе не вздёрнули? Коли б не сбёг — всё, конец... Нет, нет, то не я!.. Не я... — дрожащим голосом пролепетал он.

— Вона как? А ну тогда ответь мне, куда ты в ту ночь подевался?..

Крыса делает вид, что ничего не понимает.

— В какую еще ночь? — спрашивает он.

— В ту самую... Ты ж сказал мне, что до ветру пошёл, однако не воротился...

— А-а, вот ты о чём! — будто бы вдруг вспомнил Савелий. — Да заблудился я в темноте, слышь? Заблудился!.. Вроде два шага сделал, а вон оно как получилось... Долго потом плутал по степи, пока не вышел к Дону. А там наши, беглые казаки мне повстречались. Все жить хотят, а какая жизнь, если царские истцы тебе на пятки наступают? Вот мы и решили скопом пробираться за Урал. Вначале хотели в Персию уйти, но шах бы нас выдал Государю. Шибко уж он казаков не любил... Ну да сам знаешь, за дело... Вот так я и оказался на Амуре.

Фёдор глянул на него — будто бы кипятком обдал.

— Врёшь, собака! Мне ведь доподлинно известно, что ты по доброй воле сдался нашим ворогам и просил в обмен на милость Государеву выдать Степана Тимофеева.

— Враньё это всё! — пытается защищаться Савелий. — Нет на земле ни одного человека, кто бы это подтвердил.

— Ну как нет? Есть, — неожиданно раздался за его спиной до боли знакомый голос. Глядь, а это Семён Антонов. С ним они сидели в одной темнице Черкасского городка, когда казаки Корнея Яковлева решали, что делать с пленными. Тогда-то и стало известно Семёну, кто выдал Стеньку и его брата. Того часто водили на допрос, откуда он возвращался пьяным и с сытой отрыжкой. А там и подкупленный узниками стражник проболтался, кто есть среди них злодей.

... Сидит Сева с поникшей головой и уже к смертушке готовится. Нет, не пожалеет его Фёдор. Ведь Разин был для него всем — и отцом, и братом, и любимым атаманом. Но как же хочется жить-то! Ведь он, Сева, ещё не стар. У него много добра припрятано в тайге. Ушел бы в другие края, женился, зажил новой жизнью.

— Фёдор, голубчик, ты б отпустил мне мои грехи! — взмолился вдруг он. — Ну что поделаешь — слаб я духом. Но не все ж такие сильные, как ты... — пытался он льстить казаку. — Сам знаешь: сколь людей, столь и мастей... Бог распорядился так, что всем нашлось место на земле. И сильным, и слабым, и добрым, и злым... Вот и у самого Бога есть супротивник — Сатана ему имя. Кабы не было так, давно б мы жили в раю... Ну же, Феденька, сжался надо мной. А я за это... — Он сделал знак, чтобы Фёдор пригнулся к нему, и тогда прошептал ему в самое ухо: — За это я тебе страшную тайну открою.

— Какую еще тайну, Господи помилуй? — удивленно посмотрел на него казак.
 — Тсс! — боясь, что их услышат, предупредил его Савелий. — Есть такая тайна, о которой вы, казачье, даже не ведаете.

— Ну так говори! — приказывает Опарин.

Тот шмыгнул носом.

— А ты слово мне дай, что я жить буду...

— Ты ж меня знаешь... — нахмурил брови казак.

Сева этак быстро-быстро заморгал глазками — вроде как прикидывал что-то в своем уме.

— Так вот, Федя, — говорит он, — среди вас, казаков вероломец завёлся. Он нам всё про вас и докладал. Оттого мы каждый ваш шаг знали. А то, что зло вам учинили, — так это по его же просьбе.

— Врёшь!

— Да нет же!.. Ей-Богу, не вру... Вот тебе хрест! — произнес Савелий, и хотел было перекреститься, да помешали путы на руках.

— Ишь, Бога вспомнил! — недобро усмехнулся Опарин. — А когда товарищей своих предавал, небось и мысли о нём не было?

Сева всхлипнул и тут же сделал страдальческое лицо.

— Говорю ж тебе, духом я слаб... Кабы было по-другому... — он вздохнул. — Ну поверь, не по своей воле мы вам засаду в тайге устроили. Нам-то какой интерес? Это вашему казачку надо было... Желал всю верхушку войсковую извести, чтоб самому стать атаманом...

Фёдор не верит ушам своим.

— А не сказку ли ты мне сказываешь? — сурово глядит он на Крысу. — Нет? Ну тогда называй скорей имя злодея...

Сева покачал своей лохматой головой.

— Э, нет, Федя... — говорит. — Я вот тебе скажу, а ты меня опосля на берёзе вздёрнешь. Ты лучше отведи меня в острог — я сам тебе на него укажу.

Старшина начинает гневиться.

— Ты условий-то мне не ставь! — грозно заявляет он. — Говори сейчас, а не то я тебя спроважу, куда ворон костей твоих не донесет.

Сева начинает что-то прикидывать в своей хитрой голове. А время идёт. Вон уже и атаман, посоветавшись в сторонке с казаками, направился к пленникам, чтобы вынести им свой приговор.

— Что, Фёдор, старого знакомого встретил? — спрашивает он старшину.

А тот и не знает, что ему ответить. Выложить всю правду? Но тогда он вряд ли узнает имя вероломца. Если, конечно, таковой и взаправду имеется.

— Выходит так... На Дону вместе гуляли... — нахмутив брови, проговорил Опарин.

— Что ж ты, пёс, в разбойные-то подался? — подойдя ближе, обращается к пленному атаман. Не получив ответа, сказал: — Чай, не одну безвинную душу-то погубил!.. Вона и моих двух товарищей подстрелили. За это казнь примешь вместе со своими дружками.

Он повернулся, чтобы отдать казакам приказ рубить головы злодеям, а тут Федор:

— Ты погодь, атаманушка! Слово у меня к тебе есть. Давай-ка отойдем в сторонку...

— Ну что там у тебя, Федя? Никак за старого товарища хочешь слово молвить?.. — когда они остались одни, спрашивает атаман. — И не думай! — говорит. — То ж не просто вор — заводач¹. А заводачам вдвойне причитается.

¹ Заводач — заводила, вожак, предводитель.

— Да ты послухай меня... — Фёдор хотел было передать атаману свой разговор с Савелием, да вдруг передумал. — Ты прав, хочу просить тебя, чтоб ты помиловал его. Ну не смотри так на меня, не надо!.. Знаю, злодей он, но ты ж сам когда-то говорил, что в твоём войске нет праведников. Было дело?.. Ну вот... А у нас каждый человек на счету. И чего б не взять его к нам?

Никифор покачал головой.

— Горя с ним не оберёмся, — говорит. — Сам знаешь: как волка не корми, он всё одно в лес смотрит. Пропащая душа, одним словом.

Фёдор в расстройстве. Никак не может убедить атамана. Ему Савелий нужен живой — а что возьмёшь с мертвяка?

— Я б, атаманушка, не просил за этого злодея, да не могу... Ведь он спас меня однажды, — неожиданно для себя самого соврал он.

— Эва как! — удивился атаман. — Ну тады другой расклад... Так и быть, помилию сатану. Но только тебе за него отвечать, — говорит.

— А кому ж ещё! — воскликнул обрадованный таким исходом старшина.

Савелий даже не смог сдержать слёз, когда Фёдор объявил ему решение атамана.

— Спасибо тебе, Феденька! Теперь знай: есть на свете человек, который душу за тебя отдаст, — всхлипывая, говорил он.

Фёдор поморщился. Знал, чего стоят слова этого упыря.

— Да уж не врал бы ты, Сева! Коль был Крысой, так ею до конца и останешься... Ты давай-ка назови мне имя злодея.

Савелий замотал головой.

— Нет, не сейчас... Я ж уже сказал тебе...

Фёдор от досады чуть было не врезал ему по уху. Вот сатана! Я, видишь ли, глотку за него драл, а он вон как со мной!..

— Ну, смотри, Крыса! Попытаешься сбежать — сам своими руками тебя удавлю, — говорит. — И еще... Коль соврал мне насчёт вероломца — на куски изрублю. Будешь знать, как на казацкий род наговаривать!

— Да не вру я, не вру! Вот придём в Албазин — сам увидишь...

— Что ж, подождём... — коротко бросил старшина.

Слава тебе, Господи, пронесло! — вздохнул Савелий. Бледность сошла с его лица, а в тусклых глазах его появился живой блеск.

Сеу Деньгу казаки взяли с собой, а вот товарищей его порубили саблями. Поначалу хотели за ноги подвесить, чтоб те приняли медленную смерть, да время поджимало. И так, мол, сойдёт. Не велика птица, чтоб с ней возиться.

Глава девятая. Прощай, детство!

Рано утром четырнадцатого числа осьмого месяца, аккурат в первый день Успенского поста отряд под водительством Никифора Черниговского после месячной отлучки благополучно возвратился в Албазин. Долгой была дорога. Дошли аж до самой Буреи-реки. Побывали на Большой, Шингаловской, Монастырской заимках, посетили Кумарский и Зейский острожки, посмотрели, чем дышит народ в иных селищах — в деревнях Чулкова, Солдатова, Озёрное, Ильинское, Погодаево, Покровской заимке и наиболее удалённой от Албазина деревне Андрюшечкина. В целом атамана порадовал настрой людей. Он видел, с каким упорством они трудятся, чтобы встретить холодную и долгую здешнюю зиму. Строятся, заготавливают корма для скота, растяг хлеб, добывают рыбу и дичь. Бывали, конечно, и иные примеры, когда люди, надеясь на авось, баклушничали, а то и сутками напролёт пили ханьскую водку, за которой ходили на богдойский берег. Таким от атамана пощады не было. Их при всём честном народе пороли татарскими плетьюми. Кого-то со шлепком, чтобы не покалечить, но попадались и такие, а

это в основном были горькие пьяницы да лотрыги, которых можно было привести в чувство только плетью с пулькою, какими бьют волков с коня.

Довольные, с чувством выполненного долга возвращались казаки домой. Первыми их встретили радостными криками здешние петухи. Услышав за околицей стук копыт, потянулись к большаку молодые девки, старики да бабы с детишками. Встречали казаков радостным плачем и словами благодарности Создателю за то, что он не дал их родимым сгинуть в трудном походе.

Раньше всех примчалась к дороге Аришка Опарина. Та сразу встречала двоих — отца и жениха. Завидев издали её белый платок, Мишка Ворон тут же пустил свою Ласку в намёт¹. Подхватив налету невесту, он ускакал с ней в поля. Долгой была разлука, сладкой должна быть и встреча...

А тут и Санька появилась на дороге. Услышав радостные крики караульных, она оставила Стёпку на служанку, а сама села на свою монголку, что Фёдор специально привёл для неё из очередного похода, и тоже поспешила навстречу казакам.

— Санька, голуба моя! — увидев её, радостно воскликнул Фёдор и пришпорил коня.

Чуть до смерти ее не зацеловал на глазах у всех албазинцев.

— Вот окаянный! Вот окаянный! Жenu бы надо было лобызать, а он вишь что делает, кобель паршивый! — возмущались бабы.

Слава Богу, Наталья этого не видела, не то бы пуще прежнего стала изводить себя ревностью. Она предусмотрительно осталась дома, чтобы не показывать людям свои слёзы. Лучше она приготовит обед. Любимые Фёдоровы щи из кислой капусты, курник и творожники со сметаной. Как чувствовала, что он нынче вернётся, потому и затеяла с утрастряпню.

А накануне ей снова приснился страшный сон. Будто бы она держит в руках мёртвый зуб. Соседская бабка Захариха, забежавшая к ней за солью, объяснила, что это к покойнику. А вот про чёрта, что Наталье снился до этого, она не могла ничего сказать. Чёрт, мол, он и есть чёрт. Тот может и к беде присниться, и просто к пустым хлопотам. Ведь куда нынче ни кинь — везде эти бесы. За печку заглянешь — там домовый сидит, в тайгу пойдёшь — лешего встретишь, а коль ступишь в болото — с водяным столкнёшься... Ну а эти разбойные люди, что бродят по лесам? Разве то не бесы? Теперь вот вся эта нечисть и во сне стала сниться. Может, просто забаву себе ищет? Бесы-то, как известно, любят над человеком подшутить. Но зла особого не делают. Это тебе не басурманы, от которых сладу нет. Эти никого не жалеют. Оттого и боятся их люди. Не дом твой спалят, так в полон уведут. А это похуже смерти будет. Ведь никто не знает, что они там с пленниками делают. Может, собак их трупами кормят.

Бабку-то Наталья выслушала, однако всё равно решила как-нибудь к старцу в монастырь заглянуть. Тот ближе к Богу, знать, ведаёт, что по чём...

— Никак отец ваш едет, — выйдя на крыльцо и услышав вдали тяжёлый конский топот, бежит она будить своих сыновей. — Ехайте встретьте его, а я пока стол накрою.

Те, не выпив даже по кружке парного молока, быстро оделись, вскочили на неосёдланных коней и помчались к дороге. Уж так им не терпелось похвастать перед тяткой своими трофеями, а когда увидели его с богдойкой, поняли, что ему не до них. Даже не поздоровавшись с родителем, проехали мимо.

— Дядька Никифор! Дядька Никифор! — кричат они атаману. — Принимай нас в казаки! Видишь, теперь и мы при конях...

— Стой! — поднимает тот руку, веля казакам остановиться. Его каурка, почуяв родные запахи, начала ртачиться, норовя поскорее встать под родную повесть, потому её пришлось придержать. — И где ж вы их взяли-то? — обращается он к братьям. — Небось

¹ Намёт – лошадиный галоп; шатер, большая палатка.

у кянов уворовали? Что ж, краденая кобыла она дешевле купленной-то будет, — подтрунил он над ними.

— Да не крали мы коней! — натягивая поводья, чтоб сдержать свою чалую, воскликнул Тимоха. — Ей Богу, не крали!

— Отроду не крал, а под старость вором стал, — щипнув из кисета горстку табаку, чтобы понюхать его с соколка, с улыбкой заметил бывший рядом с атаманом его сподручник Игнашка Рогоза.

— Да что вы не верите-то нам? — с обидой в голосе спрашивает Пётр и начинает быстро-быстро пересказывать всё, что с ними произошло накануне.

Выслушав паренька, казаки одобрительно закивали головами. Мол, вот это по-нашему, это по-казацки! А Игнашка даже стегнул себя нагайкой по голенищу от восторга. «Вон ить как, забодай меня коза!»

Атамана тоже удивила эта история.

— Ишь ты! — крикнул он и расправил кулаком усы. — А я-то ненароком подумал... Да вы на меня, робяты, не сердчайте. Я понимаю, всякому своя обида горька, но и для меня чужая не разжива... А то, что татей побили да трофей взяли, — молодцы! Правильно говорят: ум бороды не ждет. Что ж, коль так, просьбу вашу уважу... С завтрашнего же дня в строй! — велит он парням. — Только смотрите у меня! Коль будете шалить — я вас вмиг турну. Всё, детство кончилось — теперь у вас на уме должна быть только служба. А это и караулы, и дозоры, и походы... ученья, ясное дело... Вот и всё... — Он уже хотел было пришпорить коня, когда вдруг в голову ему пришла какая-то мысль. — Да, вот что... Скажите своим дружкам, чтоб они тоже завтра на утреннем разводе были. А, казаки, видали?.. — оборачивается он к товарищам. — Кажись, смена нам подросла, а мы всё на стороне ратных людей ищем...

... Предупредив Саньку, чтоб к ночи ждала его, Фёдор направил Киргиза напрямик домой. Следом за ним поскакали и сыновья — Пётр на своём халзаном жеребце и Тимоха на чалой кобылке.

Наталья встретила мужа сдержанно.

— Приехал?.. Вот и, слава Богу, — украдкой вздохнув, сказала. — Там вон в сенях вода горячая в кадке... Давай мойся и садись за стол.

Фёдор тряхнул бородой, дескать, понял. Ни поцелуя тебе, ни ласковых слов. Будто бы и не жена перед ним была.

— Мамань, вы тут сами, а мы пойдём... — говорит ей Пётр. — Надо робят предупредить, чтоб не проспали...

— А что случилось-то? — спрашивает Наталья. — Али рыбались собрались?

— Не-е, теперь нам не до рыбаченья. Ить атаман нас нонче в войско своё принял, — этак важно произнёс сын. — Вот и дружков наших велел звать... Хватит, грит, баклушничать, пора и за дело браться... Жаль только робят, которые без коней — им-то как быть?

— И ладно, — хмыкнул Тимоха. — Коль не пошли давеча с нами на злодеев, знамо струсили. В другой раз наука будет...

Мать и не знала, что сказать сыновьям. Вроде бы радоваться должна, что детки её выросли, только вот боязно в ратники-то их отдавать. Бегали б себе по улицам, а тут надо под пули чужие лезть. Потому и встретила известие настороженно.

— Что, мать, не радуешься-то? — сбросив грязное бельё и оставшись в одних подштанниках, спрашивает Фёдор. Нос его уже успел уловить священный для него запах щей, и он спешил смыть с себя дорожную пыль и сесть за стол.

— А чего радоваться? — вздохнула Наталья. — Прежде одного ждала из похода, теперь сразу троих придется ждать. Выдержит ли сердце?..

— Ну да будет тебе, жонка! Глянь, каких орлов вырастила... Эти уж не опоганят нашу фамилию, — принимая из рук Натальи мочалу, говорит Фёдор. — Так ведь, сынки?..

— Так, тятя! — в голос отвечают братья.

— Глядите... А то ведь своими руками удавлю! Уж я-то позора не стерплю...

— Ладно, отец, иди, мойся, не то вода остынет, — машет на него полотенцем Наталья. — Да, а где у нас Аришка-то? — Неожиданно спохватилась она. — Скоро ведь за стол садиться. Чай, хозяин вернулся...

— Да не до нас ей теперь — с Мишкой она с Вороном. Как только увидала его, тут же обо всём на свете забыла. Поди, обжимаются щас где-нибудь в кусточках, — усмехнулся Фёдор. — Да и ладно! Дело-то молодое...

— Рано ей обжиматься-то, — недовольно буркнула Наталья.

— Тю! Ты лучше подумай, как сватов-то будем встречать... Чай, на выданье девка-то.

Наталья с какой-то затаённой надеждой посмотрела на мужа.

— А станет ли Мишка её свашить? — спрашивает.

— Куда денется! — улыбнулся Фёдор

— Аль он что говорил?

— Эх, жонка, жонка! — упрекнул Фёдор жену. — Да ить порой глаза лучше слов твоих скажут. А у Мишки при виде нашей девки они блестят, точно у той собаки, которой показали кость.

— Ну, мы пошли, чо ли? — говорит Пётр и шагнул к двери. Тимоха за ним.

Выйдя во двор, братья направились к коновязи. Коль есть у казака конь, к чему сапоги топтать? Правда, сапог у молодых казаков покуда не было, но так ведь и лапти жаль.

Лошадки, уткнувшись мордами в торбы, неторопливо жевали овёс.

— Слышь, братуха?.. — седлая жеребца, говорит Пётр. — Нынче вечером я в слободу собрался. Поедешь со мной?

Как же ему поскорее хотелось увидеть Любашку, чтобы поделиться с ней своей радостью. Он уже представил, как наденет старый отцовский кафтан, нахлобучит на уши мохнатую шапку, повесит саблю в кожаных ножнах на ремешке через плечо и поскачет в слободу. И пусть Захарка только попробует вякнуть на него — уж он-то задаст ему казацких плетей. Всё, кончились игры, начинается другая жизнь. Из первого же похода привезёт он Любашке богатые подарки, а там и сватов к ней зашлёт. Вот только б она не взбрыкнула. Уж больно боится она своего отца. Ну да ладно, разберёмся, думает Пётр. Коль будет коваль им препятствия чинить, он и его на место поставит. И не посмотрит, что тот Любашкин родитель. Ежели так каждый будет казаков забижать, что ж тогда будет?..

Однако у Тимохи были свои планы.

— Не, я лучше пойду чебаков потягаю с косы. Иль путевьё¹ на ночь поставлю... — отвечает. — Да и тебе б не советовал. Вот возьмут да набьют слободские тебе рожу — как в строй-то завтра встанешь?

Он со знанием дела постелил на спину чалой потник² с чепраком, сверху притянул ремнями арчак, прикрепил путлище со стременами, наладил строгий азиатский мундштук, нагрудник с пахвой, а в конце набросил на шею кобылке уздечку.

В отличие от него Пётр пользовался казацкой упряжью, предпочитая обтянутому кожей деревянному седлу подушку с катауром³. Однако привыкшие с детства ездить без седла, они поначалу всё никак не могли приспособиться к иной езде. И только желание

¹ Путевьё – рыболовецкая снасть.

² Потник – вместе с арчаком, стременами, мундштуком, нагрудником и уздечкой составляют конскую упряжь.

³ Катаур – подруга.

выглядеть взрослыми заставило их отказаться от старой привычки. Всё, прошло то время, когда они купали голышом коней и ходили с позволения старших в ночное.

... В этот час на пустыре уже было многолюдно. Казачата играли в бабки. Кто-то из парней расставлял козны, а рыжий Митяй и тощий Костка Болото уже примеривались к броску. Как только гнёзда с бабками были готовы, Митяй, почти не целясь, тут же запустил битку в кон.

— Есть! — кричит.

— А вот и нет! Ты за черту заступил! — начинает спорить с ним Костка.

— Сам ты заступил! — огрызнулся рыжий.

— Не-е, так дело не пойдёт — давай снова! — требует кто-то из казачат.

Митяю ничего не оставалось, как подчиниться. Однако в тот самый момент, когда он уже готов был повторить бросок, невдалеке послышался этот тревожащий душу тяжёлый стук лошадиных копыт.

— Эй, ребята-ы! А ну погоду! Мы щас вам такое скажем!..

Это были братья Опарины на своих трофейных скакунках.

— Эвон какие важные! — ухмыльнулся Ерёмка Сажин, толстый и неповоротливый парень. Он давеча отказался от затеи отбить у злодеев лошадей, сославшись на боль в ноге, и сейчас шибко завидовал тем, у кого были трофейные кони.

— Уф! Как птицы летели! — останавливая коня, радуется Пётр.

Мимо прошмыгнула стайка девок с лукошками — то ль за таёжной малиной шли, то ль по грибы. Глянули на всадников и зарделись румянцем. Чтобы не выдать себя, тут же весело захихикали, прикрыв ладошками рты.

— Ну, чо хотели сказать-то? — подбоченившись, этак небрежно спрашивает братьев Ерёмка.

— А мы не с тобой пришли говорить, трус ты паршивый! — брезгливо глянул на него Тимоха.

Такого Ерёмка не ожидал.

— Кто трус-то? Кто трус?.. — горячится он. — Да если б с тобой не было брата, я б тебе щас морду-то разукрасил! — сжимает он кулаки.

— Тю! А вот этого не хочешь? — поднял Тимоха нагайку. — Врежу — не встанешь!

Глаза Ерёмки наливаются кровью.

— Да я... Да я... Вот возьму оглоблю да сшибу тебя с твоей дохлой кобылы! — в сердцах заявил он. — Тоже мне, казак нашёлся!

Тимоха набычился.

— Я-то казак, а вот кто ты у нас? — говорит.

— Да какой ты, к дьяволу, казак! — криво усмехнулся Ерёмка.

— А такой!.. Если хочешь знать, нас ноне сам атаман в казаки произвёл, — неожиданно заявляет Тимоха.

— Да ну! Не может того быть! — не верит своим ушам рыжий Митяй.

— Вот тебе и ну!

— А, может, ещё скажете, вас сразу в десятники определили? — издевается Ерёмка.

— Ну, в десятники не в десятники, а казаками мы и впрямь стали, — включается в разговор Пётр.

— Не то, что некоторые! — глянув на Ерёмку, усмехнулся Тимоха.

— Да вы скажите по-человечьи, а то всё намеками да намёками! — с обидою в голосе проговорил Митяй.

— Верно! — поддержали его товарищи. — Что в прятки-то с нами играть?

Тут Пётр и рассказал, как всё было.

— Выходит, и нас в казаки возьмут? — не скрывая радости, спрашивает Костка.

— А как же! — важно отвечает Тимоха. — У тебя конь есть? Есть... Сабля тоже есть — значит, в строй.

— А что, атаман так прямо и сказал, чтоб мы завтра на развод прибыли? — засомневался вдруг Митяй.

— Так и сказал! — молвит Пётр.

— Побожись!

— Вот тебе хрест!

— Смотри, Боженька накажет, коль соврал, — предупреждает его рыжий.

— Накажет, ежели будет за что, — ухмыльнулся Пётр. — В общем, вот так, робяты... — обводит он взглядом товарищей. — Завтри прямо с утра садитесь на коней и дуйте к приказной избе. И чтоб вас никто не ждал, понятно? Кто опоздает, тому хрен с луком. Служба она порядок любит. Ну, что это за казак, который общему уставу не подчиняется?

— Слухай, Петь, а как с нами-то быть? — смекнув, что он останется при своём интересе, тут же поумерил свою прыть Ерёмка.

— С кем это с вами? — не понял тот.

— Ну, у кого коней нет...

Петр задумался.

— Тоже приходите, — говорит. — Войску ведь и пешие казаки нужны. Когда же добудете себе лошадей — в конные переведут. Так что старайтесь.

— Значит, приходить? — переспрашивает Ерёмка.

— А то!..

Весь остаток дня братья провели на пустыре. Оставив коней пастись, они присоединились к товарищам и стали играть в бабки, а когда из лесу вернулись девки с грибами, кто-то из парней предложил им сыграть в «казаки-разбойники». У тех тут был свой интерес. Где так еще потискаешь девок, как ни в этой игре?

Разделились на две команды — девки стали «разбойниками», парни «казаками». «Разбойники» загадали пароль и убежали. Им дали время спрятаться. Пока те прятались, «казаки» отвели место для «темницы», обозначив её на земле камешками. При «темнице» оставили одного «тюремщика», который будет охранять пленных, и отправились на поиски «злодеев». «Казаки» должны были их всех переловить, отвести в «темницу», а потом выведать пароль. Чтобы заставить «разбойника» говорить, его можно было «пытать». Что до девок, то больше всего они боялись щекоток или когда их пугали лягушками.

По уговору «разбойники» должны были начертать на земле стрелки, дабы «казаки» знали, в какой стороне тех искать. Стрелки-то были, но что толку? Ведь правила не запрещали «разбойникам» хитрить, потому, чтобы запутать преследователей, они могли оставить ложные метки.

— Вы идите по стрелкам, — велит товарищам Пётр, — а ты, Митяй и ты, Костка, гайда со мной.

— А я? — спрашивает Тимоха, который всегда чувствовал себя увереннее, когда рядом было братово плечо.

— Ты давай вместе со всеми, — неожиданно для него распорядился Пётр, не пожелавший на этот раз выделять Тимоху среди остальных парней. Мол, теперь ты казак — вот и живи собственной башкой, а не жмись к брату.

Больно хитрыми оказались девки. Они так запутали свои следы, что парням стоило большого труда, чтобы их отыскать. Где только они не прятались! В берёзовых и сосновых рошицах, в зарослях бузины, среди болотной кочки, в лещиннике по лесным опушкам... Однако «казакам» помогала сама природа. Где-то вдруг в полной тишине с горелого пня сорвется глухарь, где-то выпорхнет из кустов потревоженный рябчик, а то и коза поднимется с лёжки и рванёт в сторону тайги... Бывало, что и целые стайки пернатой мелочи взмывали ввысь, напуганные присутствием человека.

«Разбойников» ловили и отводили в «темницу», из которой нельзя было бежать. Разве что товарищи, незаметно подкравшись, могли выкрасть пленного. Стоило только дотронуться до него рукой. За пленным устраивалась погоня. Убежит — значит, снова окажется на свободе.

За одним таким пленным погнался и Пётр. То была Катька, дочь казака Пашки Шмакова. Быстрая и ловкая, она долго уворачивалась от Петра, петляя среди осин и берёз и ныряя в высокие травы. Но разве от того убежишь? Поймал-таки наконец. Хотел тащить её за руку, а она вдруг возьми да повисни у него на шее.

— Петенька, любимый мой! — зашептала она ему в самое ухо. — Да сколь же я ждала такой вот встречи! Ну, не гони меня, погодь... — стала умолять она, когда парень попытался освободиться от её цепких рук. — Ну чего ты меня сторонисься? Аль не замечаешь, как я сохну по тебе?

То, что Катька неровно дышит к нему, Пётр давно знал, только у самого даже в мыслях не было, чтобы ответить ей взаимностью. А ведь девка-то была справная. Высокая, стройная, а ко всему, несмотря на свои неполные восемнадцать, при всех завидных бабьих прелестях. А какие у неё были глаза! Чёрные, цыганские. Глянет — будто бы огнём обожжёт. Среди скромниц-подруг она выделялась своим весёлым нравом, а ещё кажущейся неприступностью. Оттого и боялись местные парни подойти к ней. А вдруг прогонит? А это уже удар по самолюбию...

— Прочь, девка! — нахмутив брови, требует Пётр. — Кому говорю...

А она не слушается его и всё к траве клонит.

— Любый мой, любый... — продолжают шептать её губы. — Ну отчего ж ты так боишься меня? Али я тебе не нравлюсь? Да ты погодь маненько... Вот увидишь, всё слюбится у нас... А слюбится — сватов присылай. И я на крыльях полечу за тобой, мой голубый...

Услышав это, Пётр растерялся. И то: девка сама под него стелется, а он стоит, словно истукан, да ещё артачится. И заиграла в нём вдруг молодая кровь. Прижал он Катьку крепко к себе и опрокинул в траву. У той спала косынка с головы и чёрные как смоль волосы широко разметались округ.

— Любый мой, любый... — шептала девка, легко поддаваясь неожиданному натиску. — Всю жизнь буду твоя, только люби меня...

Она вдруг задрожала всем телом и вскрикнула. Потом жадно стала целовать его лицо, шею, руки...

— Ой, любый... любый... Теперь ты навсегда мой... Ведь это правда?.. Правда?..

Но он молчал. И лишь порой из его мощных мехов вырывался могучий стон, который тут же растворялся в её коротком и частом дыхании. Пот лился с него градом, застилая глаза, растекаясь по спине и покрывая пряди волос. В эту минуту он ни о чём не думал — жил лишь звериной побудкой. И так продолжалось до тех пор, пока он не насладил свою жадную ненасытную плоть. Только после этого он пришёл в себя.

— Ну погодь, милый, не уходи, — просит Катерина. — Дай мне ещё маненько полежать с тобой рядышком.

Он опрокинулся на спину и, подложив руки под голову, примолк. Так и лежал с закрытыми глазами. Опустошённый, обессиливший. Катька продолжала жаться к нему, говорила ласковые слова, но мысли его уже были далеко отсюда. Он думал о Любаше. А что ежели она прознает про его подвиги? Уж, наверное, больше не захочет видеть его. Но чего бояться? Не станет же Катька на весь белый свет трезвонить о своём грехе. Кто хочет, чтоб люди дёгтем твои ворота вымазали?..

— Ты меня любишь? — поцеловав его в губы, спрашивает Катька. Губы у неё пухлые, горячие. От их прикосновения жарко становится внутри. Ещё один такой поцелуй — и в нём снова пробудится зверь. Уж он-то знает себя. Ещё с той поры, как вдовая тридцатилетняя казачка Глашка Задойнова давала ему первые уроки любви. С ней он встречался долго, пока та вместе с малым сынком да двумя соседскими бабами не попала

в руки богдойцев, которые и увели их за Амур. Они тогда в монастырь к старцу ходили, по дороге им и встретился летучий отряд басурман.

— Ну что ж ты молчишь, касатик?.. — не отстаёт Катька. — Али что, побоярил и будя?..

Пётр вздохнул.

— Ты, Катюха, только не обижайся... но не любя ты мне... — говорит он, не открывая глаз.

Катька провела своей тёплой ладошкой по его щеке.

— Это ты сейчас так говоришь... Поверь, такой как я, тебе больше не найти. Ну, кто тебя ещё будет так ласкать?..

— Ласкать-то ты умеешь — это верно. И где только этому научилась? — подивился парень.

— Да вот научили...

— Это уж я сразу понял... И кто ж был тот обучатель? Я что-то не помню, чтобы ты с кем из здешних якшалась, — говорит Пётр.

Катька усмехнулась.

— Это верно, здесь я ни с кем не гуляла, но ведь была ж и до Албазина жизнь...

— Вона как! — открыл глаза Пётр. — И где ж это?

— В Иркутском городке... Был там один казачок... — вздохнула девка.

— А сколь тебе лет тогда было? — продолжает пытаться её Пётр.

— Пятнадцать...

— Ишь, ранняя кака... — ухмыльнулся парень. — И куды ж подевался тот твой казак?

— Монголы его зарубили... В дозоре был на границе — там и попал с товарищами в засаду.

Пётр ещё о чем-то хотел спросить Катерину, но в этот момент где-то вдалеке раздался взволнованный Тимохин голос.

— Петька! Бра-ат! Ты где? Отзовись!

— Всё, надо идти, — говорит Пётр. — А то нас, видно, потеряли. Слышь как скулит мой братуха? И чо он такой пугливый?

Он встал, схватил Катьку за руку и потащил её в «темницу».

— Казаки-и! — кричит на всю округу. — Я «разбойника» тащу! Готовьте лягушей — щас пытаться его станем.

В этот день Пётр уже не поехал в слободу. Совесть мучила. Ну как он поедет к своей девке, коль только что другую обжимал? Нет, надо чуток повременить. Пусть всё уляжется, пусть забудется.

Однако и на другой день у него ничего не получилось. Утром молодых казаков угнали в поле, где они до самой ночи проходили ратную науку. Учились ездить в конном строю, разворачиваться в боевую цепь, брать верхом барьеры, которыми служили специально для этого поставленные прясла¹. После обеда снова поле, где они стреляли по мишеням из ружей и рубились на саблях. И так каждый теперь день. Домой возвращались все в мыле — не до чего было. Правда, несколько раз Пётр все же порывался после трудного дня поехать к Любашке, но больно рано стало темнеть. А куда поедешь по темноте? Тут вокруг по ночам и волки бродят, и лихие люди, а то и на басурман напороться недолго. И лишь ближе к Савватию-пчельнику, когда ранними утрами трава и деревья стали покрываться первым куржак², Петру удалось выбраться в слободу.

¹ Прясло — изгородь из длинных жердей.

² Куржак — иней.

А до этого он места себе не находил. Тут радоваться бы надо, что тебя на государеву службу приняли, ан, нет. Ну какая может быть радость, коль, почитай, уже месяц он любую свою не видел? Как она там? Думает ли о нём, скучает ли?..

— Да забудь ты её! — видя, как мается брат, говорит ему Тимоха. — Всё равно у тебя с ней ничего не получится. Помнишь, что тебе отец ее сказал? Уходи и больше не приходи, не то покалечу...

— Да не так он сказал — это ты уже придумал! — поморщился Пётр.

— Может, и не так, но всё равно он тебе не даст с Любкой встречаться, — говорит Тимоха.

— Наплевать! — сжав кулаки, скрипнул зубами брат. — Мне же не с ним жить...

Тимоха как-то подозрительно посмотрел на него.

— Уж не жениться ли ты собрался? — спрашивает.

— А что коли и так? Вот возьму да и зашлю к ней сватов...

Эти слова вырвались у Петра сами собой, чем немало удивили Тимофея.

— Да что ты, братуха! Коваль твоих сватов на порог не пустит. Ну не люб ты ему, понимаешь? Сам не знаю, почему, но не люб, — заявляет он.

В глазах Петра не то немой укор, не то растерянность.

— Ты вот что... — нахмутив брови, произнёс он. — Чем языком молоть, лучше бы брату помог.

— Да чем же я тебе могу помочь-то? — спрашивает Тимоха.

— А поехали со мной в слободу. Вызовешь мне девку, а потом ступай, куда хошь.

— Будто сам не можешь... — сделал кислую рожу брат.

— Да не с руки мне, понимаешь?.. — вздыхает Пётр. — Давай, поехали.

Постучишь к ней в окно, коль выглянет, вызови её на крыльцо. Скажешь, чтоб шла на наше место...

— А если отец?

— Ну что ты, ей-Богу! Будто бы не знаешь, что делать...

Кое-как удалось Петру уговорить брата. Тут как раз подошёл святой день воскресенья и молодым казакам впервые за много дней наконец-то дозволили отдохнуть. А то ведь и по воскресным дням их выводили в поле. Спешил атаман, чуя близкую войну. Всё чаще и чаще отряды басурман стали гулять за Амур. Их нещадно били, брали в полон, а они снова и снова лезли на чужую земля, неся смерть и разор людям.

Чуть свечерело, сели братья на коней и поскакали в слободу. Пётр остался дожидаться Любашу за окошком, а Тимоха отправился к дому коваля. Ему повезло — никто из слободских парней его не заметил. И отца в избе в ту пору не оказалось — тот в ковальне работал пашенный инструмент. К этим дням слободские, собрав урожай, уже успели и межи оборовать, и теперь готовились к будущей пахоте. Чинили плуги и бороны, а кто лучше опытного коваля их починит?

Увидев в окно Тимоху, Любашка испугалась.

— Что с Петей? — выскочив на крыльцо, спрашивает она.

Узнав, что тот ждёт её, даже не предупредив домашних, со всех ног помчалась к нему.

Вот уж отвели они душеньку-то! Будто бы век не виделись. Забыв про всё на свете, они долго мучили друг дружку ласками, а когда вконец обессилили, легли в траву и затихли. Так молча и лежали, наблюдая за тем, как медленно угасает день.

— Отчего ж ты так долго не приходил? — спрашивает парня Любаша.

Он и рассказал ей о своих последних приключениях. И о том, как татей они с товарищами побили, и про своё зачисление в казаки не позабыл, добавив, что теперь они не могут часто видаться — служба.

И опять они, прижавшись друг к дружке, молча лежат, глядя в меркнувшее небо.

— Зима скоро, — говорит Пётр. — Вон и мурава уже пожухла... Вишь, как стрекается¹? А ещё недавно была мягкая, точно перина... И сверча не трещит, слышь?.. — Пётр вздыхает. — Но покамест ещё ничего, жить можно, а как холода придут — где гулять-то станем? Аль в окно будем зевать? — Она молчит. — Ну чо молчишь-то?

— А чо говорить?

— Я тебе про холода толкую...

— Да ить до них ещё дожить надо, — этак по-взрослому отвечает Любашка. — Старики наши всё о войне бают. Не дай Бог, начнётся...

— Пустое! — зевнув, проговорил Петр. — Ну да коль и начнется — что с того?

— Не скажи, — провела тёплой рукою по его потной голове девка. — Богдойцы вон каки люты. Придут, пожгут всё... Даже детишек малых не пожалеют.

— Я говорю, пустое! Не дадим мы им поганить нашу землю. Ну, что басурманы? Один казак наш троих их стоит.

— Ой, Петенька, боюсь я что-то, — прижимается к нему Любашка. — А вдруг разлучит нас война?

Пётр усмехнулся.

— Тут не войны надо бояться — твоео родителя, — говорит. — Вон он как последний раз меня костил. Может, нонче уже успокоился?

Любашка покачала головой.

— Да не любит он вас, казаков. Говорит, что вы народ гулявый и у вас на уме одни только праздники. Живёте, точно те цыгане...

Пётр даже языком прищёлкнул, услышав такое.

— Много твой тятка знает про казаков! — с обидой проговорил он.

— Нет, Петь, правда... — вступилась девка за отца. — Хлеб вы не сеете, ремёслам каким не обучены... Живёте, чем Бог послал...

— Чиво? — возмутился Пётр. — А кто вас этаких хороших от ворога стерёжет? Не мы ли, казаки?.. Гляди-ка какие они умные! Ты погодь! Время придёт — будем мы и хлеб сеять, и торговать, и сапоги тачать. А пока нам надо землю эту от ворога сберечь. Али ты не согласна со мной?

— Да я-то согласна, а вот тятя... Сказал, что замуж меня выдаст только за своего, за деревенского. Который, конечно, не гулёна и не лодырь. А что, говорит, казак? Всю жизнь с ним повеселишься, а добра так и не наживёшь.

Пётр хотел сказать что-то обидное в ответ, но тут вдруг совсем рядом послышались чьи-то голоса.

— Здесь их ищите! Это их место...

— Да ить это Захарка! — испугалась девка. — Его голос. И как, окаанный, выследил-то нас?

— Тише ты! — предупредил её Пётр. — Авось, не найдут.

Но в этот момент заржал привязанный к дереву Петров скакунок — будто почувал опасность.

— Никак его конь! — кричит Захарка. — Вона, значит, где они прячутся...

— Ты беги отсель! — велит Любашке парень. — Я сам их встречу. — Он вскочил на ноги и схватился за нагайку. — Ну, чего ждёшь? Брысь отсель! Не бабье это дело видеть, как мужики дерутся.

Любашка метнулась в кусты и там притихла. Решила, что негоже любого оставлять в беде — а вдруг ему помощь потребуется? Так вот она и побежит народ звать...

Пётр-то думал, что слободских будет не так много и ему удастся нагайкою отбиться от них, но оказалось, Захарка привёл с собой всю местную босоту.

— Вон он! Вон он! — завидев Петра, закричал кто-то из парней. — Держи его, не то сбежит!

¹ Стрекатся – колотья (о траве).

Но тот и не думал бежать. Это ж кем нужно быть, чтобы опозорить звание казака? Пётр и глазом не успел моргнуть, как оказался во вражьем кольце.

— Ну, чо, казак?.. — этак задиристо начал Захарка. — Я же тебя, кажись, предупреждал, чтоб ты к Любке не лез? Не послушал меня — знать, снова бить тебя будем.

— Да тут и большого ума не надо, чтоб одного-то одолеть, — едва сдерживая дрожь в коленях, говорит казак. — А слабо один на один?

— Что, испугался? Труса празднуешь?.. — усмехнулся Захарка.

Пётр набычился.

— А то я тебя боюсь! — говорит.

— Не трус таракан, да ножки кропки¹, — произнес кто-то из слободских, чем вызвал у товарищей веселый смех.

— Тараканы — это вы! — скрипит зубами Пётр, не привыкший спускать обидчикам. — Только и умеете, что толпой на одного. Тогда у кого ножки-то кропки? Не у вас ли?

Захарку его слова задели за живое.

— А ну, робяты, всыпьте ему, да как следует! — велит он товарищам.

— Только подойдите — мозгу вышибу! — взмахнув нагайкой, грозно предупредил Пётр.

Слободские растерялись. Этой минуты Петру хватило на то, чтобы отвязать своего халзаного и прыгнуть в седло.

— Ну теперь ждите! — кричит. — Щас я своих приведу... Вот уж дадим вам жару!.. Но, милый! — пришпорив пяткой коня, крикнул он, и тот с места пустился в карьер.

— Вот сучье отродье, сбежал! — выругался Захарка. — Ну, теперича давай гостьев ждать. Бери, робяты, потяжелше ослопины — встречать их будем.

Албазинские появились нескоро. Они вихрем выскочили из-за поворота и поскакали прямо на поджидавших их у дороги вооружённых ослопинами слободских.

— Ги! Ги! — кричали они, размахивая нагайками. — Ги! Ги!

Лошади, храпя и ломая землю копытами, стремительно мчались вперёд.

Казаков было не больше дюжины, однако их воинственный вид и эти их дикие вопли так напугали слободских, что они тут же бросились врассыпную. Не останавливаясь, молодые казаки на глазах у всей слободы с победными криками промчались улицей и, нагнав на людей страху, ускакали домой.

Пётр видел, как испуганно глядела из окна на них Любашка, как, стоя у калитки, махал им вслед кулаком ее отец, как плевались в их сторону напуганные до смерти бабы, а мужики, распахнув свои арчулы² с табаком, непослушными руками лихорадочно пытались крутить сигарки.

— Ура! Проучили слободских! — тем же лихим порядком возвращаясь домой, радовались молодые казаки. — Будут теперь знать, как забижать нашего брата.

А утром атаман им учинил разнос. Ещё накануне пришёл к нему слободской староста и пожаловался на негодей.

— Чтoб больше этого не было, понятно? — выговаривал он понуро стоявшим перед ним молодым казакам. — Вы ж не разбойники какие, отчего ж тогда народ-то пугаете?

— Так ить они проходу нам не дают! — попытался оправдаться за всех Тимоха.

— Цыц, щенок! — рявкнул на него Никифор. — Когда атаман говорит, неча соплей в него метать. Короче, я всё сказал. Еще раз повторится — в поруб³ посажу на хлеб гольный и воду. И будете там сидеть у меня до ерошкиного заговенья. Не нужны мне такие казаки, которые звание наше высокое позорят. Всё поняли? То-то же, —

¹ Кропкий – хрупкий.

² Арчул – табачный кошель, кисет.

³ Поруб – яма, темница, место заключения.

примирительно проговорил он. — А со слободскими помиритесь. Не враги они вам. Ведь начнись кака заваруха — вместе будете воевать. Чай, одна родина-то у нас...

Глава десятая. В стольном граде

— Ты что это, Фёдор Михайлов, ни свет ни заря ко мне примчался? Али дела какие неотложные тебя привели? — потревоженный скрипом половиц в опочивальне, открыл глаза Государь.

— Дела- они каждый день дела, — отвесив земной поклон, добродушно ответил стоявший возле царского ложа дворецкий.

— Ну не томи, говори, что там стряслось? — Царь откинул пуховое одеяло и поднялся с постели. — Али опять смута на дворе? А может новая зараза к нам в дом пожаловала?

В недобрый час родился Алексей Михайлович. Мало того, что век его выдался бунташным, так ещё и на войны да болезни страшные он был богат. Государь помнит осень 1654 года от рождения Христова, когда по Московии чёрной тучей разошлась пришедшая из Европы чума. Он тогда находился в войске, успешно сражавшемся против объединённых польско-литовских армий, а вот царице с детьми, дабы спастись, пришлось даже бежать из стольного града в Калязин монастырь, ибо в Москве народ вымирал целыми улицами. Болезнь уничтожила большую часть жителей и в других городах. Народ в страхе бежал, куда глаза глядят. Чтобы остановить заразу, на дорогах стали устраивать заставы, но это не помогало.

Беда повторилась и в следующие два года. И снова тысячи смертей в городах и селеньях, и снова люди пытались спастись бегством. Но болезнь всё равно настигала их... Чума косила людей не сотнями, а тысячами, десятками тысяч. Вымирали целые деревни и города, и трупы умерших валялись повсюду — по дорогам, по полям, в опустевших селениях, в лесах и болотах. Мёртвых зарывали в сырую землю, а одежды их сжигали. Дома же покойников было велено топить можжевельником, считая, что таким образом можно избавиться от заразы.

Смертельный вихрь, прокатившийся по Московии, отнял больше человеческих жизней, чем все эти войны, которые Московия вела с соседями.

Слава Богу, на полях сражений русским покамест сопутствовал успех. 1 октября 1653 года Земской собор приговорил вести войну с Речью Посполитой, дабы вернуть Смоленские и Черниговские земли, которые Московия потеряла ещё двадцать лет назад.

Слух о новой войне с Польшей давно витал в воздухе. Перед тем как её объявить, Царь Алексей Михайлович собрал на Девичьем поле стрелецкие полки и приказал в своём присутствии произнести думному дьяку речь к ратным людям, дабы в надежде Царства Небесного и милости Царской на земле просить их показать храбрость в скорой войне.

И ратные люди не подвели своего Государя. Сражались, не жалея голов своих. Разбив основные силы противника, они освободили оккупированные поляками земли Московии, а с этим и большую часть Белоруссии и Левобережной Украины, обеспечив присоединение Малороссии к российской Державе.

Государь не желал в такую трудную для Государства годину отсиживаться в Москве и в мае 1654 года отправился на войну в сопровождении дворовых воевод. Дабы ему и его войску способствовала удача, он послал вперёд себя монахов с иконой Иверской Божией Матери. Возле ворот, через которые шёл Алексей Михайлович, были устроены возвышения, обитые красным сукном, с которых духовенство кропило святой водой Государя и шедших с ним ратных людей.

А в ноябре этого же года Алексей Михайлович вернулся из похода. Царю была уготована в Москве торжественная встреча. У ворот, в которые он въезжал на вороном жеребце, его встречал Патриарх Московский и всея Руси в сопровождении двух гостей, Александрийского и Антиохийского Патриархов, с собором духовенства и множеством

образов. Вокруг ликовал народ. Государь был тронут такой встречей. Он слез с коня и под величальный звон колоколов и выстрелы пушек пошёл пешком по городу. Статный, гордый, в собольей шубе на плечах, с белой pokrышкой без шапки. С одной стороны его сопровождал сибирский царевич, с другой — окольный и он же дворецкий боярин Фёдор Михайлович Ртищев. Впереди них шествовало множество юношей, которые пели песни и псалмы. Достигнув Лобного места, Царь остановился и оглядел сопровождавшую его толпу москвичей, после чего приказал спросить весь мир о здоровье. Вся густая толпа народа тут же закричала Государю «долгие лета» и упала пред ним на колени.

Алексей Михайлович и сейчас ощущает прилив радости, когда вспоминает эту торжественную минуту. Будучи неплохим знатоком истории, он знает, что так же вот когда-то под ликующие возгласы толпы возвращались в Рим с победой Цезари.

Но, однако, что же всё-таки заставило дворецкого в такую рань явиться к нему в Коломенское? — подумал Царь. Он не любил московской суеты — предпочитал жить в тишине и покое. Отчего и приказал построить для себя и своей семьи деревянный дворец на высоком берегу Москва-реки в селе Коломенском, откуда было недалече до Кремля, что позволяло ему в случае надобности быстро добраться туда. К примеру, чтобы присутствовать на собрании Боярской или Земской думы, а то и принять иноземных посланников.

Однако потихоньку Коломенское стало превращаться в место паломничества. Ведь известно, где Царь, там и псарь. Сюда стекался народ, чтобы не только поглазеть на царские деревянные палаты, но и помолиться в старинных церквях Вознесения и Усекновения главы Иоанна Предтечи или же в храме Георгия Победоносца, а с недавних пор и в новенькой Казанской церкви. Но вот превращать свой тихий уголок в место высоких приёмов Государь не желал. Кто-то из самых шустрых иноземных посланников было попытался пробить себе дорогу в загородную царскую усадьбу, но Алексей Михайлович быстро положил этому конец. Чтобы ни один варвар ни ногой сюда! — приказал он своей личной охране.

— Ну так говори, Фёдор Михайлович, что там у тебя стряслось? — зевнув, снова повторил свой вопрос Царь.

— Посланники прибыли, в Москве тебя, батюшка Государь, дожидаются, в твоих царских палатах... — молвил дворецкий.

Ртищев всего-то на три года старше Царя, однако выглядит он неважнецки. Бледный, ходит с одышкой, а глаза мутные, точно у старика. На нём новый полукафтан из голубого сукна с застёжкой на пуговицах, чёрные атласные шаровары, заправленные в сафьянные красные сапоги; на голове шапка из красного бархата, отороченная узкой полоской соболиного меха.

Посланники, значит... — лениво потянулся в постели Царь. Уж не поляки ли снова пришли просить возвратить им Малороссию? Но он ведь в прошлый раз им твёрдо сказал: не отдам казаков! И Ордина-Нащокина, главу Посольского приказа предупредил, чтобы тот не хлопотал за них. А то, видите ли, нашёлся ходатай!

Впрочем, Афанасий Лаврентьевич всегда был расположен к Польше. Более того, он с явным восторгом взирал на всё западное, и с презрением отзывался о московских обычаях. Он и сына своего Воина воспитал в том же духе, а в результате тот, получив от Царя секретное поручение, с важными бумагами и деньгами ушёл в Польшу, а оттуда перебрался во Францию. Поступок неслыханный, за что отец мог ожидать для себя жестокой опалы. Однако Алексей Михайлович по-прежнему доверял Нащокину, потому не стал чинить ему зла. Вместо этого он стал утешать его. Мол, человек, аки та птица: полетает-полетает — и вернётся в своё гнездо. Так и твой, боярин, сын когда-нибудь возвратится домой.

Но и после этого случая Нащокин не изменил себе. Находясь под влиянием поляков, он в разговоре с Царем постоянно повторял их слова, что-де только в союзе с Польшей Московское Государство может стать страшной силой для басурман. Нащокин

ненавидел казаков и просил Царя вернуть Малороссию Речи Посполитой. Но тот был непреклонен. Не будет того, чтобы Днепр стал границей между Москвией и Польшей — и всё тут!

Однако на этот раз то были не поляки, а посланники богдойского хана. Ртищев сказывал, что пришли они целым караваном да с богатыми подарками. Разбили на Красной площади шатры и ждут Русского Государя.

— Богдойцы, говоришь? — подивился Алексей Михайлович.

— Они и есть, — кивает головой дворецкий. — Уже давно тебя ждут.

— Вот как! А что это они в такую рань?.. Али спешат куда? — спрашивает Государь.

— Да это ты, батюшка Алексей Михайлович, нынче чтой-то разоспался. Обыкновенно-то с первыми петухами встаёшь, а тут... Уж не захворал ли?

— Сплюнь! — с упрёком смотрит на него Царь. — То ты не знаешь, что меня никакая хворь не берёт... Книгу мне вчера библейник из моей книжницы принёс — больно мысливая оказалась. Вот и читал её при лучине до первой зари. За ней и уснул. А тут ты...

— Книжный ты человек, батюшка, — покачал головой Ртищев. — Ну хоть бы прок от того какой был — так ведь никакого! Книжки тебе ни богатства не прибавят, ни здоровья. Тогда зачем их читать?..

— Дурак ты, Фёдор Михайлов! — упрекнул его Государь. — Да кабы не было книг, откуда б я ума-то набирался? Ты что ль мне его дал бы? И-их, тёмные вы люди, как я погляжу! Оттого и Русь наша Держава такая несчастная, коль в ней такие вот неучи правят. А ты взгляни на Европу... Там без книг никуда. Оттого они и умнее нас. А где ум, там и дело, там и крепь Державная.

Это всё не напускное. Алексей Михайлович от природы был благочестив, любил читать книги, ссылаться на них и руководствоваться ими. А в последнее время он полюбил и театр. А ведь ещё недавно лишь царские выходы в большие церковные праздники, блиставшие пышностью и своеобразием соответствующих им обрядов, доставляли единственную пищу его врождённой страсти к художественности. Так было при благочестивой и набожной супруге его Марии Ильиничне Милославской. А вот Наталья Нарышкина, на которой он женился после смерти первой жены и которая, в отличие от покойницы, не слыла богомольной хранительницей старых порядков, сумела привить мужу любовь к иноземным обычаям. Это было сделать ей просто. Ведь Царь был натурой увлекающейся, и он легко мог попасть под влияние тех, кто в данное время был близок его сердцу. Алексей Михайлович по совету жены даже завёл свой собственный домашний театр, где играли немцы и его дворовые люди. Тогда в Москву вызвали странствующую немецкую труппу Ягана Готфрида Григори и устроили в Преображенском селе «комедийную хоромину», а потом и «комедийную палату» в Кремлёвском дворце.

Большинство царских приближённых, бывших яркими ревнителями старины, видели в этом приближение антихриста, считая виновником всего главу Посольского приказа боярина Матвеева.

Артамон Сергеевич был немногим из русских людей нового покроя, сознававшим пользу просвещения, любившим чтение и ценившим искусство. Ведя посольские дела и находясь в обращении с иностранцами, он познакомился с иноземными обычаями, многие из которых пришлись ему по душе. Эту любовь он привил и своей родственнице по жене, дочери стрелецкого головы Кирилла Полуектовича Нарышкина Наталье, которая с одиннадцати лет воспитывалась в его доме.

С Матвеевым Царь сблизился в тяжкую для себя минуту, когда ему потребовалось дружеское утешение. Тогда, в марте 1669-го, после тяжёлых родов ушла из жизни драгоценная его супруга Мария Ильинична, а через два дня после своего рождения покинула этот мир дочь. Вслед за ней через три месяца умер Царевич Симеон, а спустя несколько месяцев другой Царевич — Алексей.

Матвеев и прежде пользовался благорасположением Алексея Михайловича, а после постигшего его горя и вовсе проникся к боярину братской любовью. Это Артамон Сергеевич указал Царю на Наталью, когда тот вновь задумал жениться и, по обычаю, велел собрать девиц на смотр. Так дочь рязанского дворянина Кирилла Нарышкина, чей старинный род происходил от одного крымского выходца, стала Царицей всяя Руси.

Свадьбу сыграли в конце января 1671 года, а 30 мая следующего года Наталья подарила мужу сына — царевича Петра Алексеевича, после чего Матвеев и отец молодой Царицы были возведены в звание окольничих и возымели большую власть и влияние при дворе.

— Ну так что этим манзурам надобно-то? — оправляя пятернёй помятую бороду, спрашивает Ртищева Царь. — Аль не полюбопытствовал?

— Да как же!.. Только они морды-то воротят — будем, мол, говорить только с московским ханом.

— Знать, дело серьёзное, — произнёс Алексей Михайлович, позволяя спальникам и стряпчим, хлопотавшим возле него, облачить его в одежды.

— Да уж, поди, не только здравия пожелать тебе они ехали за тысячи-то вёрст, — говорит Фёдор Михайлов.

— Это верно, — согласился Царь.

Постельничий поставил рядом с царским ложем скамью, на неё — лохань и кувшин с тёплой водой. Умывшись при пособии спальника и стряпчего, Государь отправился в Крестовую¹, где его ожидали духовник и крестовые дьяки.

Так издавна повелось. После побудки, а Государь обычно просыпался рано — бывало, что и до пробуждения петухов, он обязательно шёл к крестовому попу за благословением и для молитвы. Вот и на этот раз решил не нарушить традицию.

— Ты вот что, Фёдор Михайлов... — прежде чем покинуть покои, обращается Алексей Михайлович к Ртищеву. — Поезжай-ка в Москву и скажи этим богдойцам, что, мол, Царь их сегодня принять не может, потому как занят важными государственными делами. Я уж понял, зачем они приехали... Будут жаловаться на наших казаков. А то и просить, чтоб я ушёл с Амура. А вот дудки! — нахмурился царь. — Не для того мы шли на восток, не для того воевали новые земли, чтобы так легко их отдать. Но ты об этом им не говори... Тут надобно всё делать с умом да хитростью. Это у степняков бездомных заведено идти напролом, а нам нельзя. На наших плечах Держава, а ею надо умеючи управлять. Тут как... Одно неверное слово — и все, и конец миру. Но это тому хорошо воевать, кто силён да богат, а коли казна пуста? Сам знаешь, жалованье и то не можем ратным людям выдать, а ведь ещё пушки надо покупать, ружья, зелье для них... Вот и посуди, можем ли мы нынче ссориться с богдойцами?

Ртищев вздыхает. Мол, понимаю...

— Ну а когда ж ты их, батюшка Государь, примешь-то? Ведь спросят, чай... — говорит.

Царь задумался.

— Я слышал, их богдойский хан неделями выдерживает посланников, прежде чем начнёт с ними говорить, — произнёс он. — Но восточники к этому привыкшие. Считают, что иначе и быть не должно. Царь, мол, не псарь, к нему запросто не попадешь. Однако дурное это дело людей томить. Но да и мне придётся... Чтобы, как сказывают на Востоке, не потерять лицо. А то ведь эти азияты не только почитать, но и бояться меня перестанут...

¹ Крестовая – молельная, образная.

А о том, что богдойский хан горазд томить послов, он впервые от нерчинского казака Игнатия Милованова услышал. Тот для решения пограничного вопроса три года назад ходил с посольством в Пекин. Долго добирались до места — почитай, пол России пришлось пройти, а там ещё почти через всю Срединную Империю. Так что несколько месяцев ушло у них на дорогу. Тут бы богдыхану войти в положение да принять их без задержки, ан, нет! Пришлось месяц ждать за крепкими караулами, прежде чем Император назначил им аудиенцию.

Зато посланники привезли из Пекина хорошие вести. Думали, богдыхан будет чинить им словесную драку, отстаивая свои пограничные интересы, а тот на удивление мало говорил о политике, всё больше расспрашивал о жизни московской да об увлечениях Русского Царя. Вот и в написанной по латыни Ханской грамоте, которую они привезли в Москву, не было ничего такого, что бы расстроило Государя. Напротив, в ней было столько дружеских слов, что Алексей Михайлович даже прослезился.

Он почти наизусть помнит, о чём там говорилось.

«По твоему Великому Государя Указу присланы из Нерчинска служилые, чтобы нам с тобою посольство сводить и чтобы наши люди ездили к нам и к вам с торгами без всякой помешки беспрестанно и надёжно.

И буде сторонние люди пойдут войною под Нерчинские остроги или в Китай, то нам друг другу помогать...

И вперёд бы твои люди наших украинных земель не воевали и худо бы никакого не чинили. И как на этом слове положено, будем жить в миру и радости».

Ну вот, одумался Богдыхан, решил тогда Царь. А то ведь поначалу никак не мог принять того, что под боком у него появился вдруг сильный сосед. И остроги манзуры русские жгли, и людей убивали да уводили в полон, но вот сейчас всё пойдет по-другому. Только зря он надеялся, потому как уже скоро богдойцы снова принялись жечь русские селенья на левобережье Амура и убивать людей.

... И никак ведь не уймутся эти азияты, вздохнул Царь. Он уже хотел было отправиться в Крестовую комнату, когда ему в голову пришла вдруг какая-то забавная мысль.

— Слухай, Фёдор Михайлов... А что ежели мы для гостей наших полешню¹ соколью устроим? — спрашивает. — Говорят, их богдойский хан тоже большой любитель охоты. Вот они и потешат его слух, поведав о том, как вместе с Московским Царем зверовали.

— Дак ведь время ушло для соколей-то, — говорит дворецкий. — Птица-то, поди, вся уже к теплым морям упорхнула.

— Тогда распорядись, чтоб борзых готовили вместе с соколами, — велит ему Царь. — Сам-то поедешь? — спрашивает.

Ртищев вздохнул.

— Рад бы, — говорит, — да не могу. Хворь неведомая меня одолела. Ночью в пот бросает, а днём слабость лютая, — жалуется дворецкий.

— То-то я гляжу, бледный ты какой-то... Давай-ка, к лекарю, немчине нашему сходи, авось, чем поможет. Не помирать же, ей-Богу!

Однако и Алексей Михайлович в последнее время не мог похвастать здоровьем. Разве что только храбрился. Обрюзг, затяжелел, на коня и то с трудом садился, поэтому передвигался больше в карете да на санях. И только на охоту по-прежнему отправлялся в седле.

А ведь ещё недавно на него было любо посмотреть. Статный, живой, подтянутый, румянец молодости играет на щеках. И это притом, что правление ему выдалось не из лёгких, когда состариться можно было и за один год. Чего только стоило ему возратить Московии в кровопролитных войнах Смоленск и Северную землю, захваченные некогда

¹ Полешня – охота.

Речью Посполитой. А каково было ему навести порядок в Государстве и усилить центральную власть? Не все бояре и князья, привыкшие к самостийщине, готовы были беспрекословно подчиняться Москве. Да и воссоединить Русь с Украиной было непростым делом, как и подавить восстания черни, прокатившиеся по всей Державе. С одним только Стенькой Разиным пришлось сколько повозиться. Но Государь огнём и мечом прошелся по русским землям, сумев подавить большую и малую смуту.

Слава Богу, покамест особой опасности ждать ниоткуда не приходится. Поляки после славных походов русских дружин присмирели, Золотая Орда ушла в прошлое. Да и шведы поутихли после нескольких неудач. Кто ещё может угрожать границам Руси? Может, маньчжуры? Алексея Михайловича всегда интересовали политические дела, поэтому ему были зачастую известны намерения разных европейских правителей. А вот Азия его мало тревожила. Где Москва, а где тот же Пекин! Однако в последнее время до него доходили сведения, что на Востоке зарождается сила, по мощи уже сейчас не уступающая Великим Моголам, которые в своё время сумели завоевать полмира. И, кажется, эта сила есть маньчжуры. Это они положили свой глаз на Амур и Сибирь, и теперь, облизываясь, ходят вокруг да около, словно лисы возле курятника.

... Прежде чем Царю приступить к утренней молитве, духовник благословил его крестом. А пока Царь в истовом порыве веры прикладывался к кресту, один из дьяков поставил перед иконостасом на налое¹ образ Псковского чудотворца преподобного Никандра, память которого праздновалась в тот осенний сентябрьский день. Священник окропил икону святою водой, и Государь, прикладываясь к ней, совершил свою молитву, которая продолжалась около четверти часа. По совершении молитвы Царю поднесли кубок с освящённой водой, привезённой из дальнего монастыря вместе с иконой праздника и просфорой². В это время крестовый дьяк, взяв в руки сборник поучений Иоанна Златоуста, стал читать духовное слово.

Окончив утреннюю крестовую молитву, Алексей Михайлович, следуя давней своей привычке, перед тем, как отправиться к столовому кушанью, послал слугу к молодой Царице Наталье Кирилловне спросить о ее здоровье и пригласить на завтрак. Наталья, как и прежняя супруга Царя, имела отдельные от мужа хоромы. Так было и в Кремлёвском дворце, тот же порядок оставался и в Коломенском, в загородной резиденции Царя.

Здание государева дворца строилось в три яруса. Средний ярус занимали хоромы Царя и Царицы с отдельными опочивальнями, соединёнными между собой коридором, и крестовыми; там же находились столовая и собственно Комнаты, где государь с государыней занимались делами. Комнаты были небольшими с тремя окнами наружу. В них ничего лишнего: лавки у стен, посредине стол с креслом.

Особые хоромы ставились и для государевых детей, которые соединялись сенями с хорами Царицы.

В нижних комнатах были устроены палаты, где Царь мог принимать гостей. Палаты были изукрашены иконами и, в отличие от скромных царских хором, блистали яркими красками и позолотой. В пристроенных ко дворцу комнатах обитали приближённые царя и челядь.

Верхний ярус дворца был занят теремами — светлыми комнатами для летнего пребывания.

... Тихо было в Коломенском дворце. Другое дело дворец Кремлёвский, где уже с самого утра толпились бояре, думные и ближние люди — челом ударить Государю и присутствовать в Царской Думе. Они собирались обычно в передней, где терпеливо ожидали царского выхода из внутреннего покоя или из Комнаты.

Поздоровавшись с боярами и поговорив с ними о делах, Государь в сопровождении свиты шествовал к поздней обедне в одну из придворных церквей. Ежели тот день был праздничный, то выход делался в собор или в монастырь, построенный в память

¹ Налой – род столика на ножках.

² Просфора – просвира, освящённый хлебец.

празднуемого святого. В общие церковные праздники набожный Алексей Михайлович, как и его покойный отец, Михаил Фёдорович, присутствовал при всех обрядах и церемониях. Потому и выходы в такие дни были гораздо торжественнее.

В Коломенском же Царь завёл иные порядки. Теперь никто его не докучал по утрам, и он был волен делать всё, что захочет. Годы брали своё, и ему уже хотелось покоя. Особо он стал уединяться после женитьбы на Наталье Нарышкиной. Однако та, будучи женщиной молодой, в отличие от мужа, любила выезжать в свет. Пока не было своего домашнего театра, она ездила к Матвееву поглядеть на игру его актёров. Артамон Сергеевич не так давно построил себе большие палаты у Никиты на Столпах, украсив их картинами иностранных мастеров и мебелью в европейском стиле. Наталья чувствовала себя здесь легко и вольготно, потому как, в отличие от многих людей боярского рода, царский окольничий не был деспотом. Он не держал взаперти ни свою жену, ни родственников, ни воспитанников. В его доме постоянно царило веселье — звучала музыка, и слышен был многоязыкий говор наезжавших сюда со всей Европы людей.

Алексей Михайлович смотрел на всё это сквозь пальцы. Даже на то, что, в отличие от прежних обычаев, Царица позволяла себе ездить в открытой карете. Набожные родственники считали это происками дьявола, нашептывая Царю, чтобы он приструнил свою молодую жену. Но тот, напротив, с каждым днём все больше и больше попадал под влияние этой по-европейски утончённой ясноликой молодухи. Он даже время молитвы стал ограничивать. А ведь ещё недавно едва ли кто из его близких мог сравниться с ним набожностью и рвением в исполнении церковных обрядов, служб и молитв. Бывало, в пост он мог простоять на коленях в церкви по пяти, а бывало — и по шести часов сряду, где клал иногда по тысяче земных поклонов, а по большим праздникам — так и того боле.

Нынче Государь надумал посвятить день молодой жене. Та давно уже просила свозить её на прогулку в Троице-Сергиеву слободу, к Лавре. Она с детства любила это чудное место, где было много церквей и соборов, коих краше, считала она, не было на всём белом свете. Где, коль гудели колокола, так их вся Русь-матушка слышала. Там она, будучи по натуре живой и веселой, вдруг становилась иной, задумчивой и умиротворённой.

Однако привычка взяла своё, и Царь, сославшись на дела, после обедни решил-таки ехать в Москву.

— А вели-ка, Фёдор Михайлов, лошадей закладывать! — приказывает он Ртищеву.

Ему подали карету, и шестёрка лошадей, запряжённых попарно в лёгкую кошеву, в сопровождении конной охраны пустилась в путь. Уж больно растревожил ему душу приезд богдойских посланников. А находиться один на один со своими думами он не мог. Требовалось участие мудрых советников.

Алексей Михайлович любил эти ежедневные походы. От Коломенского до Кремля, как говорится, рукой подать, но столько всего насмотришься, пока доберёшься до дворца. Бывало, приспустит Государь слюдяное оконце кареты и смотрит, смотрит... Больше всего его привлекали мелькавшие за окном пейзажи. Природа русская, несмотря на свою сермяжную скромность, довольно живая. Здесь всё радует глаз — и эти лиственные леса с перелесками, и разметавшиеся по гривкам холмов крестьянские пашни, и луговые травы, и эти небольшие озерца, обрамлённые осокой да камышом... И даже торфяные болота с островными лужками не могут испортить всю эту чудную картину. Сказка!

— А ну наддай, соколики! — взмахнув долгим бичом, подгоняет тройку упряжных сидящий на кореннике возница. Резво бегут кони, поднимая пыль до небес.

Хотя и ранний час, но людей на дороге много. В большинстве то крестьяне из близлежащих деревень с возками. Те встают рано, чтобы поспеть занять место на московском торжке. Идут гуськом, переговариваются. Завидев царскую карету, останавливаются и кланяются до земли. Государя приветствуют. Чем ближе Москва, тем всё больше людей да возков.

Но вот и Белокаменная. Обновлённая и украшенная великим Иоанном. Успенский собор, церковь Благовещения, Грановитая палата, Теремной дворец, Кремль со стрельницами, множество каменных церквей и домов, разбросанных по городу — всё это было построено при Великом Князе Московском Иване Васильевиче искусными зодчими. А до этого Москва была сплошь деревянною, бедною, ничтожною, похожею на большое селище, огороженное детинцем¹. Так же скоро и вся Русь поднялась на ноги. Города, не ломавшие ни перед кем шапки, сняли их перед Иваном Васильевичем. А там, сплавив уделы в единый железный кулак, и от ханского ярема избавил он Московию.

Великий то был человек! — восхищённо думает о нём Алексей Михайлович, с привычным для него любопытством глядя на приходящую в утреннее движение Москву. Люди, лошади, обозы с товаром, спешащие куда-то кареты и верхоконные — всё это радовало его и заставляло еще больше любить жизнь.

Каким же запомнят его эти люди, коим он оставит в наследство своё царство? И вообще, будут ли они помнить о нём? Ведь ничего особого он в своей жизни не совершал. Да, радел за свою Державу, врагов её воевал, а, в общем, старался жить по законам Божьим. Но хватит ли это для того, чтобы тебя помнили в веках? Народ ведь больше запоминает худое, чем доброе. Ну, кто теперь помнит Ивана-объединителя, который избавил Русь от Золотой Орды? А вот другого Ивана, прозванного в народе Грозным, до сих пор поминает.

Может, и ему, Алексею Михайловичу, надобно было с народом быть построже? Чудно, но чаще народ ненавидит именно добрых правителей, а злых потом веками вспоминает с благоговением. Отчего так? А пойдй, разбери! Скорей всего, виной тому татарская плеть, к которой за два с лишком века привык русский человек, так, что до сей поры предпочитает её любой ласке...

... Возле дворцовых палат Царя уже поджидала толпа думных чинов — бояре, окольничие, думные дворяне и дьяки. Были и слободские старосты, пришедшие ударить Царю челом.

Поздоровавшись с подданными, Алексей Михайлович в сопровождении бояр отправился в Государеву Комнату, где он обычно занимался текущими делами, слушал доклады и челобитные. Первыми с докладами к нему стали поочередно входить начальники Приказов. Царь выслушивал их и отправлял с миром. Когда закончились доклады, думный дьяк Иван Якимов, сменивший в этой должности покойного Алмаза Иванова, принялся докладывать челобитные, вносимые в Комнату, и помечать решения. Бояре во время слушания дел не смели садиться. Если уставали стоять, то выходили посидеть в Переднюю, что находилась по соседству. Однако когда по пятницам Царь открывал «сиденье с бояры», или заседание Думы, боярам, окольничим и думным дворянам разрешалось сидеть на лавках поодаль от Царя. Думные дьяки обыкновенно стояли, а порой, когда «сиденье» затягивалось, Государь и им разрешал садиться.

На этот раз заседание и слушание дел в Комнате закончилось около двенадцати часов утра. Бояре, ударив челом царю, стали разъезжаться по домам.

— А ты, Артамон Сергеев, не торопись... — попросил Государь Матвеева, своего первого сподручника и советчика.

Когда они остались одни, Алексей Михайлович сообщил тому о приезде цинских посланников и высказал свою тревогу по поводу притязаний богдойцев.

— А что, Артамон, сможем ли мы побить этих манзур, коли они нападут на нас? — спрашивает Царь.

Матвеев пожал плечами.

— Это как посмотреть, — говорит. — До Москвы-то они точно не дойдут — увязнут в наших лесах да болотах, а вот восточную Русь они, глядишь, и окняжут. Страна то у них большая и людей в ней больше нашего. Для того чтобы сдержать всю эту орду,

¹ Детинец – внутр. укрепление города.

нужно послать на Восток целую армию. Ратников набрать можно, но где нам взять деньги, чтобы вооружить их? Казна почти пуста. Сам знаешь, батюшка, сколько золота да серебра мы потратили на то, чтобы выиграть прежние сражения. Но тут не потянем.

— Тогда что же, на поклон к Богдыхану идти? — нахмурился Царь. — Да не быть этому никогда! — горячится он. — Коль нападут, встретим их, как подобает. Али зря мы столько людей погубили, отправляя их воевать дальние земли?.. Так что ежели гости манзурские приехали, чтобы уговорить меня земли восточные наши им отдать, — велю гнать их в три шеи!

Алексей Михайлович уже давно уразумел, что, прежде чем толковать с иноземными посланниками, их нужно ублажить. Так они становятся более сговорчивыми и податливыми. Хотя посол что мех. Что в него вложишь, то и несёт. Вот и эти прибывшие в Москву богдойцы не свои речи станут держать, а исполнять ханскую волю. И всё же с ними надо сважиться, чтобы они знали, что не с врагами дело имеют. Потому и решил Государь пригласить цинских посланников на царскую охоту. Азарт, который присутствует при этом, вкупе с обязательным застольем часто сближает людей, заставляя их быть более раскрепощёнными и откровенными.

Впрочем, ничего иного Царю и не могло прийти в голову. Ведь охота была любимой его забавой, где у него всегда наступало какое-то просветление, что позволяло ему совершать обдуманые поступки и принимать правильные решения. Видно так действовала на него природа, а ещё атмосфера этого праздника, который не чужд мужскому началу.

Больше всего Государь любил соколю полешню. Он знал в ней толк, поэтому не случайно слыл добрым соколятником. У него была своя сокольня с приставленными к ней сокольниками. Вместе с помощниками — подсокольниками те ухаживали за птицей, пестовали её, обучали и выносили в поле. Но перед тем нужно было добыть её. Лучше всего молодого сокола брать с гнезда. Гнездари, — а так зовутся эти соколы, — хорошо поддаются обучению. Одни из них потом вырастают в низовые — идущие низом, подымая птицу ввысь, другие в верховые — бьющие сверху.

Прежде чем взять молодого сокола на охоту, Алексей Михайлович сам отведывал его в поле, выпуская на голубя, и если тот годился, зачислял его в ловчие.

Он не мог без восторга глядеть на эту птицу, считая ловчих соколов самым совершенным орудием охоты. Лук, стрелы, свинцовые пули — всё это хорошо, но когда ты идёшь на куропатку или дрофу, другую пернатую дичь, сокола ничто тебе не заменит.

Краше всех своих братьев, конечно, соколиная — крупный и бойчивый молодецкий сокол. Но Алексей Михайлович предпочитал самочек. Ведь только самка может брать на охоте дрофу-стрепета, которая размером больше курицы. Она и стоит дороже. В Москве армянские скупщики серебром за неё платят, а арабские посланники и того пуще — золотом. Ведь в их землях тоже соколиная охота в почёте, особо у султанов и всяких там эмиров.

Однако Царь был не только заядлым соколятником. У него была своя пёсья закута¹ с лисогонами да борзыми и лучшие на Руси псаря-выжлятники². Псы как один вывоженные на смычке и своре³. Оттого и охотиться с ними было одно удовольствие. Никогда не подведут, не ослушаются.

Порой в охотку он мог погулять и на сору⁴, загоня верхом лис и волков и захлёстывая их с лошади плетью..

¹ Пёсья закута – псарня.

² Выжлятники – псаря, слуги, ухаживающие за собаками и участв. в охоте.

³ Смычка и свора – способ охоты.

⁴ Погулять на сору – способ верховой охоты.

... Ещё солнце не поднялось над горизонтом, когда конный поезд полельщиков, звеня уздовыми цепями конных и громахая колёсами колымаг и телег, выступил в путь. Сокольничий Иван Ряжин знал все ближние охотные места, которые в последние годы почитал ставший терять здоровье государь, однако на этот раз тот вдруг вспомнил про отъезжие угодья, где всегда было больше дичи. Уж больно велико было его желание угодить чужеземным посланникам, дабы они веселье имели и удивление от русской охоты. Зная, что в один день им не обернуться, распорядители охоты велели собрать большой обоз. И вот теперь этот обоз, составленный из нескольких кладных повозок с харчами, винами, кашеварными, палатками, ружьями, зельем для них и походной кузней тащился в конце длинной колонны, где, кроме Царя и его ближних, было немало бояр с сыновьями, служилых людей, разночинной знати, а также чужеземных посланников и прислуги. Были и жонки, в большинстве своём стрелецкие вдовы и посадские девки, коих по обыкновению брали для пущего куража. Те шли с обозом. А вот боярские дочери, для которых это был подходящий случай, чтобы свести знакомство со знатными женихами, передвигались исключительно верхом, держась поближе к охотникам.

Вокруг до боли знакомая картина. Вон там, в прозрачной дали чернеют сосновыми борами Воробьёвы горы. Внизу река. Бежит, ударяясь в подмытые кручи. Вырвавшись из лесных объятий на залитую солнцем луговину с пасущейся на ней скотиной, она устремляется на восток. Мимо серых изб под жёлто-бурой соломой кровель, мимо Данилова монастыря, приметного издали своими церковными маковицами... Близ городского наплывного моста ряды лабазов, лавок, амбаров. Курят белыми дымами замоскворецкие деревушки, пестреют крестьянские пашни, мимо которых тянутся обозы, разнося вокруг натужный скрип тяжёлых колёс. Просторно глазу глядеть на всё это. Чудо земное! — думает Царь. Он умрёт, но это чудо останется, и будет по-прежнему радовать людской глаз. Однако так уж устроена жизнь...

Бедный Алексей Михайлович! Ему так хотелось похвастать перед иноземными гостями тем, как его ловчие соколки бьют на лету дрофу. Однако на носу был Покров, а к этому времени в лесах, он знал, остаётся лишь местная птица, тогда как перелётная в большинстве своём снимается с гнездовой и улетает к тёплым морям. И всё же Царь надеялся на чудо. Однако чтобы не попасть впросак, он на всякий случай велел взять с собой и гончих с борзыми. Уж кто-кто, а те всегда выручат. Ну что за охота без трофея?

Всю дорогу собаки лаяли и грызлись меж собой, пугая лошадей. Вроде кормленные, а поди ж ты!.. Царь вконец не выдержал да выговорил ловчему. Что это, мол, они у тебя нынче такие злющие? А вся правда в том, что собак давно не брали в поле — вот они и исходили в нервном предчувствии зверя.

Стучат копытами кони, разбивая дорожную твердь. Осень была сухой, оттого и заматерела земля. Пылью застит глаза. Конная процессия уже далеко уйдёт, а пыль все еще продолжает висеть в воздухе.

Царь, следуя своей давней привычке, ехал впереди. Рядом с ним — сокольничий. Чуть позади несколько сокольников с ловчими птицами. В отличие от псов, соколы спокойны. Сидят, вцепившись когтями в кожаные перчатые рукавицы своих воспитателей, и рыщут острым взглядом округ. Красавцы! — восхищённо глядит на птиц Алексей Михайлович. — Надобно подарить парочку таких соколов богдойскому хану. Да с ними сокольника в Пекин послать — пусть обучит манзуров, как надобно ими управлять. А то, говорят, Хан, хоть и заядлый охотник, да только своих ловчих птиц не имеет. А справедливо ль это?..

... Отъезжее поле встретило охотников звенящей тишиной. Осенняя бурая пора. Ни перепел тебе не выпорхнет из-под ног, ни куропатка вдали не заклокочет... Шуршит под копытами лошадей пожухлая трава, навевая грусть. Так и хочется упасть в эти пышные муравы и забыться в нечаянном покое. Но до отдыха ль, когда свора гончих, сбившись в кружок, уже отчаянно скулит в ожидании команды ловчего. Но тот, как и четверо стерегущих их выжлятников, отчего-то не торопятся. Бородатые, молчаливые и

сурьёзные, они терпеливо ждут своего часа. На них красные куртки и синие шаровары, которые отличают их от остальных охотников.

Однако Алексей Михайлович решил не нарушать традиции и, прежде чем начать охоту, предложил гостям спешиться и выпить с устатку мёду. Тут же появился чашник Никишка Чернов со сподручниками, которые и разнесли по гостям хмельное.

— Ну, с полем! — изрёк Государь и первым опрокинул кубанок¹. Его примеру последовали и остальные.

— С полем, батюшка Государь! С почином!

Отведав мёду, Алексей Михайлович повеселел. А то ведь до этого был бледен и немногословен. И то: конный путь явился для него настоящим испытанием, так что слугам даже пришлось снимать его с лошади. Это его сильно угнетало. Ведь он хотел выглядеть перед чужеземными гостями в полном здравии и в хорошем расположении духа, а не получилось. Теперь точно разнесут по всему свету, что Русский Царь немощен и потому его не стоит принимать во внимание при решении политических вопросов. «Потерпел я ригу в этот путь!»² — позже признался он Матвееву, который постарался утешить его. Дескать, осенью всегда так. Силы уходят, а возвращаются только к весне.

— Ну что, Яков, не подведут нас нынче твои собачки? — подошёл Царь к молодому ловчему Якову Бородину, высокому молодцу с русой волнистой бородой, который после смерти опытного зверовика Онуфрия Точилина принял эту должность.

На Царе обыкновенный дорожный кафтан неяркого цвета, красные сафьяновые сапоги и шапка, обшитая собольим мехом. В этом наряде он ничем не отличался от остальных охотников, разве что иноземные посланники выглядели иначе. Что до богдойцев, то на них были синие халаты в пол с холстяной опояской, тогда как европейских гостей можно было узнать по их дорожным плащам, шляпам с перьями и ботфортам.

— Не подведут, батюшка Царь! — обещает Яков.

— Гляди у меня! — нарочито хмурит брови Государь. — А то ведь в прошлый-то раз оплошал ты, братец, — не знай куда увёл свою свору... — Он вздохнул. — Знаю, знаю, по неопытности это, но да время учит. Все мы вначале делаем промахи, пока не заматереем. Жаль только, что там и жизни конец...

Потом Царь собрал вокруг себя молодых охотников и стал наставлять их.

— На лазу стой, глаз не раскидывай, — говорил он им. — Проудил — не беда. Тотчас рог ловчему посылай. — Он порыскал глазами округ. — А ты, Клиим Васильев, — ткнул он пальцем в старшего сынка боярина Василия Пырва, — больше не озорничай. Я жить видал, как ты в прошлый раз молодую огнёвку плетью-то зашиб. А то всего-то щенок был — и не совестно тебе? — Он переводит дух. — И смотрите, понапрасну в рожок-то не дуйте. А то у иных из вас есть такое обыкновение, — продолжал поучать Царь охотников. — Чуть что — тут же зовёте на подмогу. Бывает, вонюга³ какой пробежит али там енот, а вам уже волчий хвост чуется. Но нынче я сам за вами следить стану. Коль что будет не так — могу и плетью огреть. Помните это! А сейчас — по коням!

Двое рослых слуг тут же подскочили к Царю и помогли ему сесть в седло. Раздался свисток. Услышав знакомую команду, собаки радостно взвыли. Первым двинулся ловчий, за ним выжлятники с гончими и борзыми, доезжачие⁴ на конях со стременными⁵, гости,

¹ Кубанок — сосуд для питья.

² Рига — неровный, негладкий, шероховатый; неудобный.

³ Вонюга — хорёк.

⁴ Доезжачие — люди, обучающие гончих.

⁵ Стременные — конюхи при вершнике, коннике, верховом.

девки, бабы, прислуга. Возле обоза остался один лишь помощник дворецкого Авдеев с челядью. К возвращению охотников они должны будут разбить стан: поставить шатры, разжечь костры и приготовить горячую пищу. Коли не успеют, получают от Царя трепака. А тот мог и по уху съездить, и за бороду оттащить. Так он порядок любил.

Скоро вдаль захопали арапники¹ и следом раздались громкие голоса людей. То ловчий с помощниками порскал² зайца и хвостуху, стараясь друг друга перекричать.

— Порскай, псари, порскай! Не останавливайся! — зычно повелевал кто-то им. И те продолжали кричать и хлопать кнутами. Затем раздался лай — это пустили по следу зверя гончих.

— Слышите? Никак лисогоны залаяли... — ни к кому не обращаясь, произнёс Авдеев. — То ль птицу сняли с кубла³, то ль зайца...

— Скорее уж рыжую, — заявляет невысокого роста кряжистый холоп, который, несмотря на погожий денёк, был одет в нагольный полушубок. И то: это баре будут на перинах ночевать, а ему на сырой земле лежать придётся.

— Может, и рыжую, — соглашается помощник дворецкого. — Но кому она нынче линиялая-то нужна? Кабы зима была — тогда другое дело...

А то и впрямь гончие натекли на лисицу. Втравленная в болото, хвостуха⁴, видя своё безвыходное положение, рванула прямо на охотников. Пробившись сквозь свору гончих, она бросилась под самые копыта царской гнедой. Задержавшись на мгновение, чтобы оценить обстановку, она вдруг шмыгнула в траву и была такова. Ловчий хотел было выставить на нее лисохватов, однако царь велел ему придержать борзых. То ли пожалел хвостуху, то ли просто понимал, что проку от неё в этой поре никакого нет. А просто так убивать зверя — дело подлое.

В эту минуту неподалеку в кустах зазвучал рожок, что дало повод ловчему направить свою свору на звук. Потом охотники долго туразили зайца, с шумом и криками гоняя его по перелескам да полям пока он не попал в зубы борзой. После зайца был молодой олень, которого взяли всем миром.

Зверь нынче попадался редко, но и того, что был, хватало для охотного азарту. Чего стоила только травля отбившегося от своей стаи и заблудившегося среди трав и кустарников матерого бирюка.

— Есть волки и в нашем колке! — завидев мечущуюся среди трав спину серого, обрадовано воскликнул кто-то из охотников.

— А то! — услышав это, с нескрываемым задором проговорил ловчий Яков Бородин. — Так что скучать не придётся... Ату! Ату! — кричит он выставленным на травлю серого псам. Вслед за ним начали атукать и остальные охотники.

Бирюк оказался ползистый⁵. Он ловко уворачивался от псов, пока те не выгнали его на номера. Тут кто-то из охотников и уложил его из ружья.

Посмотреть на добычу съехались все охотники. Они с любопытством рассматривали трофей. Особенно заинтересовался серым глава цинских посольников невысокого роста пожилой манзур по имени Чжоу. Он долго изучал тушу и при этом все время качал головой, приговаривая что-то на своём.

— Вот так мы поступаем со всеми врагами рода человеческого! — с некоторым вызовом произнес подъехавший к богдойцу молодой боярин Алексашка Глызин. Латинянин отец Варфоломей, бывший толмачом при цинской посольской миссии, перевел его слова посольнику. Тот внимательно поглядел на Алексашку и усмехнулся. Видно, понял намёк-то.

¹ Арапник — длинная ременная плеть.

² Порскай — выгонять зверя в поле.

³ Кубло — гнездо.

⁴ Хвостуха — лиса.

⁵ Ползистый — сметливый.

... Чжоу посольничал уже много лет. Где он только не побывал за свою долгую жизнь! И почти всегда возвращался в Пекин с добрыми вестями. Он был человеком умным и хитрым, а к тому же везучим, что немаловажно для дипломата, поэтому самые важные посольские дела Богдыхан доверял только ему. Знал, что тот всегда вернётся с победой.

Но на этот раз ему не повезло. Он-то думал, что легко сможет уговорить этих слывших своей уступчивостью добродушных варваров убраться с Амура. Что льстивые слова Императора Шэн-цзу, которыми пестрела привезённая посланниками Имперская грамота, а вместе с ней и дорогие подарки, кои они положили к ногам русского хана, сделают его покладистым, ан, нет! Вместо этого тот вдруг заявил, что на Амуре русских людей нет, потому как он никого туда не посылал. Что последняя восточная русская крепость находится на реке Шилке и зовётся Нерчинском. Манзуры в растерянности. Как же так? А Албазин? А Кумарский острог? Разве это не русские крепости? Не мои! — упёрся Царь. Это всё, мол, гулящие люди да беглые, что нашли себе приют за восточными границами его царства. Вот-де с ними и говорите!

Но Чжоу был бы не Чжоу, если бы тут же поверил в Царские сказки. А как же Никифор Черниговский? — прищурился и без того узкий глаз, спрашивает он Алексея Михайловича. — Не ты ль, о, Великий Хан Московский, назначил его своим приказчиком на Амуре? И не твою ль волю исполняет он, совершая набеги на цинские земли? Убери его с Амура, Хан, а вместе с ним и казаков да пашенных, которые не на своей земле хлеб сеют.

О, если бы Царь мог сейчас высказать всё, что у него было на душе! Впрочем, пустое. Ведь этим латинянам были неведомы тонкости русского языка, потому перевод их был бы неточным, если не сказать поганым. А надо, чтобы не в бровь, а в глаз! Ну а то, что посредниками на переговорах были исключительно папские люди, чья духовная миссия, посланная для обращения иноверцев, с некоторых пор свила гнёздышко в Пекине, так это оттого, что у Царя не было своих толмачей, которые бы понимали манзурскую речь. Надо сказать Матвееву, чтобы он отправил в Пекин человека, способного к языкам, который бы выучил манзурский, а, вернувшись, научил бы и всех охочих говорить на нем, подумал Алексей Михайлович. А то так и будем пользоваться услугами латинян, но так быть не должно! В этом случае Европа всегда будет знать о наших планах, потому как все эти отцы-иезуиты, кои усердно трудятся толмачами, никто иные, как папские соглядатаи и лазутчики, которые под предлогом просвещения азийских народов и проповедования Христова ученья прокладывают путь Европе на Восток. Ну а богдойцы теперь наши соседи, и так будет всегда. А потому нужно дружить с ними. И язык их изучать, и привычки, и веру — пригодится!

Переговоры с цинскими посланниками длились тогда чуть ли не целый месяц. Чтобы манзуры не заскучали, в их честь почти ежедневно задавали пиры; их возили на прогулки по окрестностям Москвы, а, кроме того, специально для них в «комедийной хоромине» Преображенского села и «комедийной палате» Кремлёвского дворца по распоряжению Царя устраивались театральные зрелища с участием лучших придворных артистов.

На полешню больше не выезжали. В прошлый раз до того нагулялись, что в Москву вернулись едва живые. Три дня и три ночи пьянствовали, обмывая охотные трофеи. Вот уж удивил Царь своим лютым гостеприимством посланников. Как ещё Богу душу не отдали после такого непомерного испития медов да горелок и не лопнули от закусок? Сам-то Царь не был чревоугодником, а вот других угостить любил. Вся свою жизнь он представлял образец умеренности. К его столу всегда подавались самые простые блюда, ржаной хлеб, немного вина, овсяная брага или легкое пиво с коричневым маслом, а иногда только одна коричневая вода. Но и этот стол не имел никакого сравнения с теми, которые государь держал во время постов. Великим постом царь Алексей обедал только три раза в неделю — в четверг, субботу и воскресенье. В остальные же дни ел по куску

чёрного хлеба с солью, по солёному грибу или огурцу и пил по стакану полпива. Рыбу он кушал только два раза в Великий пост и соблюдал все семь недель поста.

Кроме постов, он ничего мясного не ел по понедельникам, средам и пятницам. Так, что ни один монах не мог превзойти его в строгости постничества. Такое усердное соблюдение постов было выражением строгой приверженности Государя Православию, ко всем уставам и обрядам Церкви.

Несмотря на такое постничество и умеренность, в мясные и рыбные дни, а особенно в праздники, посольские и иные пиры на Царский стол подавалось до семидесяти блюд, но почти все эти блюда расходились на подачи боярам и другим лицам в знак благоволения и почести.

Вот и на охоте Царь меньше ел и пил сам и больше угощал остальных. Посольских же и близких ему людей он кормил из собственных рук, стараясь отдать им лучшие куски. При этом зорко следил за тем, чтобы сидящие за столом не отвливали, а много пили и закусывали. Потому охотники и возвращались в Москву в полуобморочном состоянии, а потом неделю пытались отдышаться, морщась, срыгивая полешную еду.

А в общем, всё прошло складно и Царь был доволен поездкой. Жалел лишь о том, что соколов своих не смог показать гостям в деле. Но что поделаешь — не сезон. Хотя под занавес ему всё ж повезло. Когда он уже решил, что чуда не произойдёт, неожиданно высоко в небе показалась черная точка. Вначале все подумали, что это ворон залетел в зенит, но тут вдруг с неба послышался зазывный гусиный клик.

— Гуменник! — закричал кто-то из охотников. — А ну давай выпускай соколка!..

Алексей Михайлович не мог поверить своим глазам. Откуда в такую пору гусь? — думает он. — Али что его задержало в болотах?

А то был бывший подранок, которого ещё в начале лета подобрал в поле старый егерь Фома Силантьевич Проклов, когда делал обход угодий. Он его выходил, однако когда начался птичий отлёт, в стаю не пустил. Слабенький, мол, ещё, пусть перезимует. А тут нарочный к нему. Мол, так и так, батюшка Царь шибко хочет удивить заморских гостей соколиной охотой — выпустил бы ты своего вскормленника. Тот погоревал-погоревал, да и пошёл на уступок. Ну что делать, коль сам Царь?..

Вдогонку гусю пустили двух опытных птиц. Один соколог был низовой, привыкший поднимать добычу в гору, другой — верховой, бьющий ее сверху. Почувяв родную стихию, соколки вперегонку устремились ввысь. Первым к жертве подлетел гнездарь перемыт, опередив старого молодецкого соколину. Он стал подтекать под гуся, взгоняя того вверх, затем, вынырнув позади него, внезапно ударил его под левое крыло, всадив отлетный коготь в птицу и распоров её ровно ножом. Гуменник, взмахнув напоследок крыльями, сорвался с неба и камнем рухнул на землю. Перемыт тотчас же опустился на него и, перерезав ему горло, стал пить кровь...

— Видали?! — кричит Алексей Михайлович. — Все видали? То-то же...

Он горделиво глянул на гостей — как-то им понравилось зрелище? — и погладил свою светлую чуть тронутую сединой бороду. Ну, теперь, кажется, всё — можно возвращаться домой. Лучшего представления этим чужеземцам в жизни не видеть.

... Когда в первый же день переговоров цинские посланники раскрыли свои карты, прямо заявив, зачем они явились в Москву, Царь впал в ярость.

— Тати! — оставшись наедине с главой Посольского приказа Матвеевым, воскликнул он. — Ишь чего захотели! Отдай, говорят, нам Амур. А вот этого они не хотят? — показывает он Матвееву кукиш. — Да плевал я на их Императора! Видишь ли, мира захотел... А не он ли послал своё воровское войско на русский град Албазин? Не его ли воины жгли остроги и займки, убивали стариков, баб и их детишек? Нет уж, дудки! Пусть так и передадут своему Богдыхану, что Русский Царь своими землями не торгует. Албазин мы с Божьей помощью восстановили. Теперь пусть только сунутся туда — я на них мои лучшие дружины нашлю, и те дойдут до самого Пекина. И тогда уже не жди от нас пощады!

Матвеев выглядел гораздо сдержаннее, хотя и у него всё клокотало в груди.

— Не торопись, батюшка Алексей Михайлович, ссориться с богдойцами, — говорит. — Не время сейчас.

— Так что же делать? Не идти же нам, в конце концов, на уступки! — опираясь на царский посох, начинает нервно расхаживать по Кабинету Царь, тогда как Артамон Сергеевич стоит, не смея в присутствии Государя опуститься на лавку. — Да ты садись, Артамон, чего стоишь? В ногах правды-то нет... — говорит Алексей Михайлович. — Ну так что ты, верный мой друг, можешь мне посоветовать? — спрашивает он сановника.

— Главное, не горячиться, — подтянув полы кафтана и устраиваясь на лавке, — произнёс Артамон Сергеевич. — И не вздумай сказать посланникам то, что ты, батюшка Государь, мне сейчас говорил. А то передадут те Богдыхану — беды не оберёшься...

Но царь и сам это понимал. Слишком могущественным было богдойское Царство и с ним до поры не надо было скрещивать оружие. Вот когда Русь покончит с войнами на Западе, окрепнет чуток да пополнит свою казну, тогда и можно будет стукнуть кулаком по столу. А сейчас лишь нужно хитрить да открещиваться от всего. А чтобы успокоить послов, он, Царь, пообещает им разобраться с этим Черниговским. Хотя и без того надо было давно наказать его. Говорят, он там вольницу у себя развёл, царским сановникам перестал подчиняться. Не слишком ли много берёт на себя этот холоп? — думает Царь. — Этак можно и второй Дон нам получить. А зачем нам новая головная боль? Все, велю подчинить Албазин Нерчинску. Пусть всеми его делами из этого острога управляют. А там наместника посажу, чтобы приказы нерчинского головы исполнял. На самой-то Шилке пока порядок. Вот и воеводы сибирские на них не жалуются. Только и разговору, что о Черниговском...

А вот собрать большое войско для защиты восточных рубежей у нас пока нет возможности, мыслит Государь. А коль так, надобно оградить остроги даурские посольскими пересылками. Для того надлежит завести мирные сношения с калмыцким ханом Бошохту, что кочует со своими людьми между озером Зайсаном и рекою Или, и посылать ему подарки: сукна, камки и юфть красную. Коль подружимся, у богдойцев не хватит сил противостоять нам, решил он. Только сами богдойцы о тайных этих сношениях не должны знать. Как не должны они знать и о многом другом, что приходит в голову Царю. Главное сейчас — выиграть время. А для этого нужно убедить Богдыхана в том, что у русских и в мыслях нет воевать с ним. Более того, не дать ему усомниться в искренности их намерений.

Эту мысль Алексей Михайлович отразил в грамоте, которую отписал Императору Шэн-Цзу. Посольским же людям сказал одно: мол, коль Бог определил нам быть соседями, будем жить дружбою и согласиём. Нам-де нечего делить. Так что давайте вместо того, чтобы ссориться, лучше ходить друг к другу в гости и вести торговлю. А коль надо будет, встанем единым щитом против варваров, кои посмеют воевать манзурские али русские земли.

... В конце концов богдойские посланники, щедро одарённые Царем, уехали. Надо сказать, уехали не солоно хлебавши, так и не дождавшись от Царя прямого ответа на вопрос, что будет с Амуром. Однако и виду не показали, что уезжают разочарованные. Это у азийцев в крови: хранить невозмутимость при неудачах и продолжать твёрдо идти к намеченной цели. Посланники в этой истории не потеряли лицо — а на Востоке потерять лицо означало лишиться чести...

Глава одиннадцатая. Душепродавец

В то время как Царь Алексей Михайлович вершил государственные дела в стольном граде, за тысячу вёрст от Москвы в «Амурской вольнице» жизнь шла своим чередом. Казаки по-прежнему стерегли границу, бабы же их занимались хозяйством и

растили детей. Не сидели без дела и пашенные крестьяне. Собрав урожай, они смолотили его на зерно, часть которого заложили на семена, остальное же, что пойдёт на прокорм себе и скоту, укрыли в амбарцах.

Не забыли подготовить и пашню под будущий урожай. Чтобы сохранить весною влагу на полях, вспахали стернь, после чего закромили гряды в огородах, дабы не осыпались, и принялись чинить пахотную утварь.

Детворе тоже нашлось дело. В будние дни они помогали родителям по хозяйству — ухаживали за скотиной, доили коров, убирали дворы, а когда в монастыре открыли воскресную школу, то стали изучать грамоту, науку о счислении и Слово Божие.

Узнав, что слободские ходят в школу, албазинская детвора тоже заканючила. Тогда старец Гермоген, бывший первым пастырем всея вольницы и самым почитаемым здесь человеком, распорядился открыть оную и в Албазине. Грамоте казацких детей стал учить диакон Иона, тогда как священник отец Максим Леонтьев взялся нести им Слово Божие.

Глядя на своих младших братьев и сестёр, потянулись к грамоте и молодые казаки. Ну разве это хорошо, коли молодёжь будет знать больше их? Так и заладилось дело.

— Учитесь, сынки, — говорил Петру и Тимохе старший Опарин, который, в отличие от них, ещё в детстве выучился читать и писать. — Жизнь- она долгая, куда выведет — неизвестно, а грамота всегда пригодится.

А там и у взрослых казаков да казачек возникло желание научиться читать. Ну, каково это, если ты не можешь разобрать, что в той же Библии написано? А ведь есть ещё и другие книги. Отец Максим Леонтьев прямо сказал: не знаешь грамоты — не познаешь мир и, значит, впустую проживешь жизнь. А разве хочется прожить её впустую?

При школе же нашлось место и Савелию Деньге. И то: кто мог лучше бывшего ценовальника научить молодёжь счислению? Узнав, чем пленный занимался до того, как стать висельником, настоятель Воскресенской церкви отец Максим уговорил его за небольшое жалованье помочь им с Ионой. Что делать — согласился. Ведь даром кормить тебя здесь никто не станет — не тот ты человек. Можно, конечно, бежать, да куда побежишь? Кругом тайга, а ты один, как перст. Сгинешь ни за что ни про что. Не звери придушат, так люди. Они ведь похуже зверей-то будут. Выходит, надо вначале хорошенько оглядеться, а уж потом решать, что делать дальше.

Савелия Деньгу, которого казаки привезли полоненным из последнего похода, поселили в казённой избе, приставив к нему сторожа. После таёжной жизни тому и наскоро сбитые нары показались царским ложем.

Он быстро освоился на новом месте, так что уже к концу первой недели своей новой жизни к нему вернулось прежнее самообладание. Он даже попытался командовать казаками, за что тут же получил по зубам. Однако привычка управлять людьми в нём осталась, и скоро нашлись-таки те, кто, сами того не желая, стали вдруг подчиняться его воле. Вот и приставленного к нему казака Аркашку Якубова не миновала эта участь. Тот и не заметил, как попал под его власть. Дошло до того, что пленник стал без Аркашкиного дозволения отлучаться из отведённого ему кубла.

Однако хуже обстояло дело с начальством. Тот же атаман Черниговский не раз выговаривал Якубову за ротозейство. Гляди, говорит, коль проспишь пленного — убью. Деньге же грозил ямою. Будешь-де своевольничать, — в поруб посажу. Быстро тогда, мол, ноги-то протянешь. А Деньга ему: да устал я взаперти-то сидеть. Али боитесь, что сбегу? А куда бежать? Так что лучше поставь, атаман, меня в строй — и дело с концом.

Но атаман тянул с решением. Всё приглядывался к бывшему вору. Да и Фёдор советовал ему не торопиться. Пусть, мол, привыкнет к казённой жизни, а там посмотрим... И это при том, что Савелий слово своё сдержал — указал-таки на душепродавца.

— Врёшь, гадина! — вначале не поверил ему старшина. — Хочешь напраслину взвести на человека? Не получится! Сегодня же попрошу атамана, чтоб он суд над тобой учинил... Ишь, старого честного казака решил с дерьмом смешать!..

И заметалась Севина душа. Коль не убедит он Фёдора — ему конец.

— Богом клянусь!.. — умоляюще смотрит он на старшину.

А у того глаза бешеные — вот-вот зашибёт. Да неужто Верига и впрямь злодей? — отчаянно думает Опарин — Но что ему нужно?.. Денег? Власти?.. Он начинает что-то припоминать. Вспомнил, как переменялся Ефим в лице, когда атаман предложил не ему, а Фёдору, стать войсковым старшиной. А взять Наталью... Он же глаз с неё не сводит. Разве это не причина, чтобы невзлюбить её мужа? А ещё Санька... Как тогда Ефим просил, чтобы Федор отдал ему пленницу, а когда старшина ему отказал, он явно затаил на него злобу.

Да и атамана он, надо полагать, недолюбливал. Мне ваш Никифор не указ! — часто говорил он казакам. — Я сам с усам! Что хочу, то и ворочу...

И всё-таки Фёдор не поверил Савелию, но на всякий случай стал приглядываться к Вериге. Он видел, как тот изменился в последние дни. Глаза мутные. В них и страх, и потаённое злое желание. Людей чуждается и старается жить особняком. Как-то старшина попытался заговорить с ним, да тот, сославшись на какие-то неотложные дела, убежал.

А в последнее время Ефим всё чаще стал крутиться возле казённой избы, где жили одинокие казаки. Придёт и стоит, выжидает чего-то. А то начнёт ходить вокруг и всё в окна заглядывает. Вроде как высматривает кого...

А тут вдруг однажды вечером Фёдор разговор один подслушал. Как только стемнело, Ефим, выскользнув из своей калитки, по обыкновению направился к казённой избе. Увидев, как тот крадётсЯ улицей, Фёдор пошёл за ним следом. Пока Верига крутился возле чужих окон, старшина терпеливо ждал, устроившись в тени старого тополя. По окрестностям гулял холодный осенний сквознячок, и он быстро озяб.

Слава Богу, ждать пришлось недолго. Неожиданно скрипнула дверь, и на крыльце показалась чья-то согбенная фигура. Никак, приспичило сердешного, силясь в сумерках разглядеть лицо человека, подумал Фёдор. До отхожего места было рукой подать, но тому, видно, было лень сделать два шага, и он, приспустив штаны, прямо с крыльца стал орошать покрытую куржаком землю.

— Ты, что ли, Шайтан? — послышалось в темноте.

Человек не сразу ответил. Видно, пытался понять, чья это тень маячит перед ним.

— Назовись!.. — наконец настороженно произнёс он.

— Да я это... Верига... Помнишь ещё такого? — спрашивает хорунжий.

— Ефим?.. Вот те на! А я уж думал, ты меня забыл, — обрадовался стоявший на крыльце человек, голос которого Фёдор узнал бы из тысячи других. Конечно же, то был Савелий Деньга.

— Да как забудешь-то! Мы ведь нонче одной верёвочкой повязаны, — усмехнулся Верига. — Ладно, неча лясы точить — не ровен час, увидят вместе... Лучше ответь, где мы можем переговорить с тобой? Дело у меня к тебе есть...

Савелий усмехнулся.

— Да ведь я не могу один — при мне всегда сторож, — говорит.

— А ежели оммануть его?.. Вот щас, к примеру, сможешь убежать? — допытывается Верига.

Почто это он так торопится? — насторожился Фёдор. — Уж не хочет ли он избавиться от этого лешака?

— А что, можно... — неожиданно соглашается Савелий. — Мой караульщик уже дрыхнет вовсю — ажно крыша от его храпа трясётся.

— Ну, тада пошли, чо ли? — говорит Ефим.

Фёдор не ожидал такого поворота событий. Он-то думал, Савелий умнее, что он хорошенько подумает, прежде чем на что-то решится, а тут вдруг такая беспечность. А, может, он сам что-то задумал? Так или иначе, надо проследить за этими упырями, решил казак.

Он шёл за ними до самой Ефимовой калитки. Подождав, когда те войдут в избу, шмыгнул во двор, бесшумно подкрался к красному окну¹ и заглянул в него. Однако, кроме зажёванной лучины да застывших на стенах теней, ничего не увидел. И вдруг этот крик... Отчаянный, душераздирающий...

— Сатана-а-а!..

Фёдор хотел было броситься в избу, да передумал. Отыскав подле дровяного сарая увесистую ослопину, он укрылся в тени конюшенного поветья и стал напряжённо выжидать. Над головой, зацепившись за бархатное небо, в окружении холодных осенних звёзд висел озябший молодой месяц. Фёдора вдруг охватила смертная тоска. И почто мы только рождаемся на свет? Неужто только для того, чтобы найти свой беславный конец?.. Но что хорошего в том? Уж лучше тогда и не родиться вовсе, подумал он.

Прошло какое-то время, и на крыльце показался Ефим. То, что это был он, и гадать не надо было. Воровато оглядевшись по сторонам и не заметив ничего подозрительного, он скрылся в сенях. Вскоре вернулся, волоча по полу бездыханное тело Савелия.

Вот ирод! Все ж-таки сумел избавиться от свидетеля... Теперь только он, Фёдор, и остался, кто может сказать о нём всю правду. Узнай тот об этом — он и его попытается отправить к праотцам. Но да не быть тому! Душепродавец должен получить своё. Так было во все времена...

Положив бездыханное тело на землю, Ефим вытащил из-под крыльца заступ и принялся тут же в огороде рыть яму. Он старался изо всех сил, чтобы поскорее довершить дело. Фёдор не выдержал да и вышел из укрытия.

— Здоров, Ефим! — стараясь не выдать себя, ровным голосом приветствует он хорунжия².

Тот от неожиданности чуть не выронил лопату из рук.

— Фёдор?.. Ты? — узнав Опарина, испуганно проговорил он. — Ты чиво это?.. Никак заблудился?..

— Да нет, — отвечает старшина. — Человека вот ищу... Ты случаем никого тут не видал?

— Да кто ж по ночам-то шляется? Разве что лешак какой... — пытается отшутиться хорунжий.

— Да не, не лешак — то пленный наш... Этакий волосатый, на шута похожий... Мы его неделю тому из похода привели... Видать, сбёг, сучье отродье...

— Н-нет, — судорожно дернул плечами Верига. — Не видал... Говорю, не было такого...

— Ну что ж, не было, так не было... — развёл руками старшина. — А ты-то что делаешь? Никак копань решил вырыть? А чего ж ночью-то? Али дня тебе не хватает?

Ефим не сразу нашёл, что ответить. Стоит, лопатой нервно играет. Вот возьмёт щас да рубанёт ею меня по башке, — с опаской подумал Фёдор. — А я, дурак, и ослопину-то оставил у конюшенной. А зря... Подумав об этом, он на всякий случай отступил на шаг и напрягся в ожидании развязки.

— Днём у меня других забот хватает, — наконец, совладав с собой, произнёс Верига. — А яма... Так это я её для мусора всякого... Чай, сгодится.

— Это верно, — соглашается Фёдор, а у самого голос хрипучий от напряга. Ему бы скрутить сейчас этого убийца да людям на суд отдать, но да ведь Веригу голыми руками не возьмёшь. Скользкий он, словно тот угорь, вёрткий. И глазом не успеешь моргнуть, как он кишки из тебя вот этим самым заступом выпустит. Так что не след спешить, а лучше выждать удобного момента.

— А что это у тебя на земле там лежит?.. — всё же не выдержал и спросил Фёдор.

¹ Красное окно – окно, выходящее на улицу.

² Хорунжий – чин, войсковая должность в казачестве.

Ефим насторожился.

— Где?

— Да вон же, вон! — указывает старшина на лежащее в темноте быздыханное тело.

— Ах, это... — Верига медленно отрывает заступ от земли. — А ты иди да сам посмотри... — чужим голосом произносит он.

Фёдор понял, что за этим последует, поэтому махнул рукой.

— Ладно, не до этого мне щас! — говорит. — Пойду я... Не хочешь меня проводить до калитки? — спрашивает он хорунжего. — Да ты заступ-то оставь — чего его таскать?

Ефим воткнул лопату в схваченную морозцем землю и пошёл провожать старшину. Выйдя из калитки, Фёдор вдруг остановился.

— Ты мне ничего не хочешь сказать? — спрашивает он Ефима. — Нет? Тогда я тебе скажу... Тот, кого я ищу, подле твоего крыльца мёртвый лежит... — неожиданно заявляет он. — Что ж, собаке собачья смерть. Больно много зла он людям сделал. Только я не пойму, чем тебе-то он не угодил?

Фёдоровы слова так напугали Ефима, что он на мгновение растерялся.

— А давай пойдём ко мне в избу — там и потолкуем, — быстро придя в себя, предлагает он старшине.

Тот покачал головой.

— Э, нет!.. Я ж теперь уже и не знаю, что от тебя можно ожидать. Сабелька-то твоя, поди, ещё от крови не обсохла. Возьмёшь — да и меня, как того Шайтана...

— Тю! А то мне надо! — воскликнул Верига. — Кто ж знал, что это тать?.. Ввалился, дьявол, ко мне в избу с топором и давай грозить... Ну я и не выдержал... Как ты его назвал, Шайтан? Уж не тот ли это вор?..

— Тот, тот, Ефимка, он самый. Но об этом ты не хуже меня знаешь, — усмехнулся старшина.

— Да откуда ж мне знать-то? — пытается играть Верига. — Я жить с вами в походе-то не был. Слышать слышал, что пленного привели, а кто он и какие за ним грехи водятся — к этому у меня интересу не было. Ведь тать он и есть тать...

— Врёшь, Ефим! — берёт его за грудки Фёдор. — Все ты знаешь...

— Не замай! — сверкнул в темноте глазами Верига. — Слышь меня?

Фёдор тяжело дышит ему в лицо.

— А Расскажи-ка ты мне, друг ситный, как ты лихим людям наши секреты выдавал. И про то Расскажи, как ты хотел атаманово место занять... А для этого просил Шайтана убить его, ну а вместе с ним и меня — это чтоб никого не осталось в войске выше тебя по чину. Так что и на тебе есть кровь наших казаков, которых мы потеряли в бою с этой нечистой силой... Лихо дрались наши товарищи, но не всем удалось выйти живыми из боя. И за это судить тебя будем нашим праведным судом!

— Ну, все сказал? — выслушав Федорову запальчивую речь, мрачно произнёс Ефим. — А теперь докажи кому, что это правда.

— Атаман всё поймёт, когда узнает, что ты Шайтана зарубил. Зачем тебе свидетель, правда? Ну а то, что ты сам притащил его в свою избу, — я собственными глазами видал.

Услышав это, Верига дёрнулся, но крепкие Фёдоровы руки удержали его. Однако со второй или третьей попытки ему всё же удалось вырваться. Хотел было бежать в избу, но старшина в два прыжка догнал его. Завязалась драка. Фёдор мог одним ударом уложить хорунжего наземь, но тот вёрткий. А ещё темнота — не разбежишься. Так и прыгали по двору, пугая соседских собак.

— Тать! Душепродавец! — рычал Фёдор. — Всё равно ведь задавлю!..

А в ответ:

— Охолопись, старшина! Не бери грех на душу! Давай лучше поговорим...

Вконец устав, казаки опустились на землю. Сидят друг против друга и сопят злбно.

— Что это ты вдруг задурил, Фимка? — Глядя исподлобья на Веригу, спрашивает Фёдор. — Был казак как казак, а тут на тебе... — Он покачал головой.

— Тоска меня гложет, Федя... — говорит Ефим.

— Да не тоска, а дурь это! — воскликнул Фёдор. — Завидуешь всем — вот и маешься.

Верига как-то судорожно вздохнул.

— Нет, не понять тебе больную душу казака, не понять... — проговорил он. И вдруг: — Федь... Ну прости меня. Не знаю, как всё и получилось... Видно, бес попутал. Но да ведь ты же знаешь, что я верой и правдой служил нашему казацкому делу. И татар воевал, и оттоман... А сколь татей разных порубил я за свою жизнь — и не счесть! А тут на тебе... Ум, что ли, за разум зашёл? И то: испытай с моё — и не такое будет... Всю семью, всех родных людей своих потерял — ты слышишь?..

Фёдор фыркнул.

— Кто знает — может, ты и про семью-то свою нам врал...

— Семью мою не трожь! — грозно рычит Верига. — Семья — это моё святое. Как и прошлая моя жизнь. А здесь да, виноват. Духом, видно, после всего пережитого ослаб — вот и полезло из меня дерьмо... Хорьку последнему готов был позавидовать! Думаю, вот живут же люди и не тужат, тогда как на меня все беды валятся. Отсюда и эта ненависть ко всем на свете. И эта боль неистребимая... — Он вдруг судорожно вздохнул. — Вот такие, Федя, дела, — говорит. — Ну а теперь, коль можешь, казни меня, но только на суд людям не отдавай. Совестно мне, бывшему лихому рубаке, в глаза им смотреть. Так что дай мне умереть человеком. Ну же, прошу тебя, Фёдор...

Опарин молчит. Верно, не знает, как ему поступить.

— Эх, Ефим-Ефим... Ты ж старый казак! На оттоманские пули шёл грудью, живота своего не жалел, а тут... Я ж тебя в пример всем ставил. Человек такого лиха хватил, но не сдался. А тут на тебе... Братьев своих казаков решил погубить!.. Видно, и впрямь бес в тебя вселился.

— Бес... бес... он самый! — соглашается Верига. — Ты давай-ка, Федь, всыпь мне сотенку плетей, может, и изгонишь его из меня... А коль не удастся — тогда руби, не обижусь...

Федор не знает, что ему и делать. Уж больно растрогали его Ефимовы слова. Особо что касаето деток. Сразу Стёпку малого вспомнил...

— Ты вот что... Давай-ка выемай свой тельной хрест — и клянись перед Богом, что впредь поганых дел творить не будешь... Аль ты не хрещёный?

— Как же, хрещёный!.. — расстёгивая ворот рубахи и показывая свой серебряный крестик, что скромно блеснул в неясном свете молодого месяца, произнёс Верига. — Ещё малого поп хрестил...

— Ну так божись! — приказывает ему старшина.

Тот глубоко вздохнул, поднял к небу глаза и произнёс:

— Хосподи, перед твоими очами клянусь, что никогда боле не стану делать людям зла! А коль я нарушу эту свою клятву, пусть меня поразит молния... Довольно? — обращается он к Фёдору.

— Пусть будет так... — проговорил тот. — И вот тебе на прощанье, Ефим, мой совет. Учись доброму — худое на ум не пойдет. Ну, а теперь иди...

— А как быть с убоенцем? — поднимается с земли Ефим.

— Снеси его на кладбище и там похорони. Да чтоб всё было по-христиански... Он хоть и тать, но человек-то был православный. А потому пусть всё будет по-людски...

— А коль хватятся его?.. — спрашивает Верига.

— Пусть думают, что убёг, — на что ответил Фёдор. — И ещё... Коль замечу, что снова дуришь — убью! Ты понял меня?

— Тяжело бьёшь, старшина! — звучит в темноте голос Ефима.
 — Иначе не умею, — говорит ему Фёдор.

Однако Верига быстро забыл о своей клятве. Слишком велико было его желание стать атаманом. Ну а такие неуёмные притязания, такая жадность до чинов нередко отравляют человеку жизнь. То же случилось и с Ефимом. Он уже и забыл, что такое красные дни. Живёт, а мысли лишь об одном — как бы навредить Черниговскому.

Надо нерчинскому приказчику пожаловничать на него, наконец решил он. Вроде как тот супротив властей народ настраивает. Мол, смутьян он и тать, а посему надо гнать его взащей, а лучше так и судить государевым судом.

В следующий раз, когда албазинцы, собрав для царской казны ясак, стали решать, кому из них везти его в Нерчинск, Ефим первым вызвался идти в поход. Ясашная дорога, где могло приключиться всякое, его не страшила. Страшило другое... А вдруг все его хлопоты напрасны? Вот возьмёт тамошний приказчик да велит засечь его до смерти за навет.

Эта мысль всю дорогу мучила его, однако сын боярский Павел Шульгин, незадолго до этого прибывший из Тобольска на кормление¹, выслушав наветчика, тут же велел усадить его за стол и угостить брагой.

— Так, говоришь, смутьян этот ваш Черниговский? — наблюдая за тем, как жадно Ефим глотает куски курятины, запивая еду крепкой суслиной бравандой², переспрашивает Шульгин, невысокого роста плотный ещё далеко не старый человек, одетый в стёганый татарский бешмет³. В Нерчинске он всего-то без году неделя, но уже успел со всеми рассориться. Люди-то заметили, что новый приказчик всё под себя гребёт, вот и начали роптать. Ну а он им по мордам. Что до албазинского атамана, то он его сразу невзлюбил. И это при том, что никогда его даже в глаза не видел. Услышал только, что строптив и воров не жалует, — и всё... — Так, так, батько... — проглотив очередной кус и запив его бражкой, кивает головой Верига.

— А что народ?

— Да бояться все его, оттого и слушаются, — говорит Ефим.

— А под присягой сможешь это подтвердить?

— Да хоть к присяге, хоть под присягу пойду!.. И хрест поцелую, и Евангелие, — усмехнулся Ефим. — Первый раз, что ли, Бога во свидетельство призывать?

— Ну-ну... — заподозрив что-то, произнёс Шульгин. — Уж не на его ль место ты метишь?

Верига едва не подавился костью, услышав это. Долго он кашлял, сотрясаясь всем своим телом, пока не пришёл в себя.

— Да я б и не прочь был, однако не в моей этой власти... — признаётся он. — Ну а кабы меня поставили атаманом — уж я б, будь уверен, батько, порядок-то навёл! А что Никифор?.. Тот в очи-то одно говорит, а за очи не только воевод, но и самого Государя на все лады хает. А то, что ясак посылает, так это чтоб не навлечь на себя Государев гнев. Иначе не видать бы казне ни амурских соболей, ни иной мягкой рухляди. Так что знайте, с кем вы дело имеете. И при случае не забудьте отблагодарить того, кто вам глаза-то на всё это открыл.

Ну, теперь атаману не сносить головы! — после разговора с Шульгиным решил Ефим. И тут же его охватили сомнения. А, может, напрасно он это всё затеял?.. Вот возьмут да пришлют им вместо Никифора чужака. Но справедливо ль то будет?.. Ведь кто, как не он, Ефим выказал свою преданность Государю? Да и людей албазинских он

¹ Кормление – должность вне столицы с правом суда и расправы.

² Браванда – брага.

³ Бешмет – верхняя распашная одежда.

наперечёт знает. Знает, кто из них чем дышит. Так что лучшего человека для приказного дела и не сыскать.

Но Ефиму не повезло.

В январе 1674 года по велению Государя Албазинский острог был приписан к Нерчинску, а уже 12 февраля по распоряжению Павла Шульгина данной ему властью Никифор Черниговский был смещён с должности албазинского приказчика, а вместо него был назначен нерчинский боярский сын Семён Вишняков.

И заметались души казаков, загудели возмущённые голоса. Ну, вот и пришёл конец нашей вольнице! — в ожидании нового приказчика говорили они. И за что ж так Никифора-то?.. Али плох был? Ведь вон сколь для Руси-то сделал. Поглядеть — так, почитай, все разрушенные манзуром остроги возродил. И Амур крепко держит в руках, не давая врагу опоганить землю русскую. А сколь добра он уже в Москву-то отправил! Оно, конечно, не всё туда дошло — больше половины чиновные люди по пути растащили, и всё ж... Говорят, с Шульгиным не сжился — так это ништо. Ведь тот подлюга и вор. Вот и Албазин решил прибрать к рукам. Видно, в Москве у него свои люди имеются. Коль так, тогда понятно, почему он ни Бога, ни чёрта не боится. Такое творит... Что ж, велика Русская земля, а правды в ней как не было, так и нет, вздыхали люди.

На морозе много не наговоришь, потому решили албазинцы все последние новости обсудить в сборной избе. Народу набилось столько, что не продохнуть. Однако это всё ж лучше, чем стоять на лютном февральском ветру.

— Ну что будем делать, казаки? — спрашивает товарищей Фёдор Опарин.

Те молчат, плечами пожимают.

— Да откуда ж нам знать! — наконец подаёт кто-то голос из задних рядов.

— Верно... — вторит ему другой.

— А что, братцы, неужто мы встанем под этого нового приказчика? — начинает горячиться Игнашка Рогоза.

У казаков сомнение в глазах. А не признают ли их после всего этого смутьянами да бунтовщиками?

— И кто ж это, интересно знать, придумал такое, чтобы нерчинские люди верховодили нами? — тяжело ворочая желваками, гудит диакон Иона, который никогда не отделял себя от казаков.

— Да кто-кто, Царь, конечно... — высказался Карп Олексин.

— А может, воевода какой?.. — усомнился Гридя Бык.

— А пойдёшь щас разбери, — тяжело вздохнул Семён Антонов.

— Их!.. Как говорят, заставь дурака Богу молиться — он и лоб расшибёт. Ну чиво плохого наш атаман им сделал? Вроде верой и правдой Царю служил. А его вот этак... — вслух высказался Фёдор Опарин.

— Аха!.. Сначала Никифора убрали, а потом и за нас возьмутся, — недобро усмехнулся Игнашка Рогоза.

— Да уж возьмутся!.. — соглашается кто-то из старых казаков.

Сам атаман, опустив голову, угрюмо сидит за столом и молчит. Вокруг плотной стеной стоят бородатые казаки и с надеждой глядят на него. Дескать, Никифор — человек мудрый, уж он-то обязательно что-то придумает. Однако его молчание смущает людей.

— Ну, что молчишь, Никифор? Скажи, что-нибудь... — обращается к нему Васюк Дрязгин.

Тот поднял глаза, и все увидели затаившуюся в них боль.

— А что я вам скажу? Чай, Царёва то воля.

— Да не может того быть! — звучит с задних рядов чей-то простуженный голос. — Видно, кто-то напел на тебя, атаманушка!..

Никифор усмехнулся.

— Да в этом краю вроде нет соловьёв-то, — говорит он.

— Соловьёв это, правда, нет, однако есть волки! — говорят ему.

Атаман вздохнул.

— А чем же я перед волками-то провинился? И вообще, есть ли среди нас волки?

В сборной избе на миг воцарилась тишина. Все начинают усиленно ломать голову, вспоминая, кто мог напеть на их вожака.

Уж не Ефимово ли это рук дело? — неожиданно подумал Фёдор. Он-то помнил, как тот рвался в Нерчинск и как обрадовался, когда в прошлый раз атаман дозволил ему сопровождать обоз с ясаком. Не забыл старшина и то, в каком весёлом расположении духа Ефим вернулся с Шилки. Он попытался отыскать его глазами, однако в избе от избытка народу было сумеречно, а тут ещё казаки запалили свои трубки, окутав дымом всё вокруг... Не дай Бог узнаю, что это он — убью! — дал себе клятву Опарин.

Долго в тот день не расходились казаки — всё пытались найти какой-то выход. Кто-то стоял на том, чтобы отправить челобитную в Москву, умоляя Царя отменить своё решение, кто-то даже предлагал учинить бунт. Были и иные предложения. Так, к примеру, братья Романовские убеждали всех уйти за Амур. Дескать, по слухам, у манзурского Богдыхана есть диковинное войско, куда принимают чужеземцев. Что, мол, люди те живут и в ус не дуют. У них и жалованье имеется хорошее, и хоромы, а главное — наглые московские чиновники их не донимают.

Слова братьев смутили казаков. А если, мол, богдойцы Русь воевать пожелают? Тогда, что ж, своих братьев бить станем? А не погано ли это? Нет, к манзурам не пойдём. Лучше уж в разбойные люди подадимся.

Так и не договорившись ни о чём, разошлись казаки по домам. Однако с той поры началась прямо-таки открытая вражда между двумя острогами. Албазинцы прямо заявили нерчинскому приказчику, что перестанут ясак для казны собирать, коль им не вернут Черниговского. Из Нерчинска же им в ответ сыплются угрозы; их страшат расправой и велят выдать зачинщиков бузы. И это в то время, когда с юга, со стороны Китая подули недобрые ветры, и Русь замерла в ожидании исхода...

— В Москву надо ехать, Царю-батюшке в ноги упасть! — снова стал говорить народ. — Иначе эта заметня¹ с нерчинскими так и будет продолжаться.

Эта мысль не случайно родилась в стенах острога, потому как все челобитные, посланные якутскому и енисейскому воеводам, остались без ответа.

Вот и старец Гермоген, почуяв неладное, заговорил о стольном граде. Даже сам собирался ехать, да его отговорили. Стар, мол, ты, батюшка, а путь не близкий.

Собрали войсковой круг, до которого не допустили прибывшего в Албазин нерчинского ставленника, где и порешили снарядить послов в Москву. Возглавить посольский поезд было поручено сомолитвеннику Гермогена священнику Максиму Леонтьеву.

Провожать того вышли всей казачьей общиной. А потом полгода ждали, когда тот вернётся из Белокаменной. Только святой отец вернулся ни с чем. Даже близкий к Патриарху Московскому и Всея Руси Иоакиму архимандрит Новоспасского монастыря Игнатий Римский-Корсаков, к которому на правах старого товарища он обратился за помощью, не смог убедить Царя восстановить Никифора в должности. Да ваш Черниговский весь ясак с дикарей не для казны — для себя собирает! — принимая Леонтьева, повторил Царь слова воевод. Навет это, батюшка Государь, истинный навет! — пытался убеждать его посланец, которому имевшие влияние при дворе люди устроили высокую встречу. Если, мол, кто и крадёт ясашное добро, так только не он. Ты-де пошли своих людей — пусть они хорошенько потрясут воров-то, а их, чай, у тебя на всём ясашном пути целое войско. Это и воеводы твои, и приказчики, и служивые... Коль каждый из них возьмёт по соболу — и то целая казна выйдет.

¹ Заметня – вражда.

Но Царь больше верил своим воеводам и в конце концов отослал Леонтьева назад на Амур. Мол, вы, святые отцы, лучше заботьтесь о душах паствы, а уж о делах государственных я сам позабочусь...

Глава двенадцатая. Беда

После отставки Черниговского казаки ещё долго не могли успокоиться. Ну кабы провинился Никифор — тогда другое дело, говорили они. Так ведь нет же... Выходит, Царь поступил не по справедливости! Тогда как после это верить ему?..

Однако потихоньку ропот стих, и жизнь вошла в свою колею. Тому причиной стал сам Никифор. Тю! — говорит. — И чиво меня оплакивать? Я ведь никуда не делся. Вот он, рядом с вами, товарищи мои верные. А что с приказчиков сняли — так это не беда. Ведь всё равно я ваш атаман, потому как это звание вы мне давали. Ну а коль говорить откровенно, то нет в нашем казацком деле должностей презренных. При должности ты, али без оной — ты всё равно казак. Вот ежели бы меня этого звания лишили — тогда б другое дело. Так что живите спокойно и не перечьте новой власти. Ну а коли эта власть будет нам расправу чинить — тогда мы ей покажем, где раки-то зимуют. Такого шуму наделаем — век помнить будут!.. Любо, атаман! — ответили казаки и успокоились.

И снова потекли незаметно дни — словно те осенние лесные ручейки среди кочки и опавшей листвы. Не успеешь оглянуться — вот уже и лето прошло. А там и до зимы рукой подать. Вот засолят бабы капусту — следом и придут холода.

... Однажды промозглым осенним вечером в красную избу, где жила Санька с прислугой и малым сынишкой, постучали. Этот стук Сью Пин узнала бы среди множества других. Федька! Однако она нынче не ждала его — ведь он ещё накануне предупредил её, что этой ночью пойдёт проверять караулы.

Она сидела в просторной горенке перед венецианским зеркалом и примеряла на себя драгоценные украшения, которые поочерёдно вынимала из небольшого ларца. Эти цапки привозил ей из походов Фёдор. Здесь были и золотые цепи, и жуковины с яхонтами да изумрудами, монисты, запястья, ожерелья... Нарядится в золото, а потом долго любуется собою в зеркало. Это была её любимая забава. Подле переплетённого окна, легонько покачивая Стёпкину колыбельку, притихла Маняшка. Время от времени она отрывала от малыша взгляд и с восхищением смотрела на свою госпожу.

Услышав стук в дверь, Санька тут же стала снимать с себя украшения и бросать их в ларец. Не хотела показаться Фёдору падкой на его подарки. Столько времени уже живёт у него в наложницах, но до сих пор не может простить ему того, что он силой увёз её с собой. А ведь у неё была семья, были друзья, в конце концов, у неё был жених! Где он сейчас, её Тао? Думает ли о ней или уже забыл давно? То, что он её искал, — в этом она не сомневалась, но ведь время лечит людей. И бывает, самая сильная любовь забывается. Вот и она стала потихоньку забывать своего жениха. Даже ласк его не помнит, потому как давно привыкла засыпать в Фёдоровых медвежьих объятиях.

Фёдор сразу почувствовал, что в доме не топлено.

— Аде Яшка-то? — спрашивает он. — Чтой-то я его не вижу...

— Яска есё днем река ходи, бельё стирай, — говорит Маняшка.

На девке курмушонка, надетая поверх синего халата.

— А ты чо ж зябнешь? — обращается Опарин к Саньке. — Накинь ергачишко-то — всё ж лишна кожурина будет.

Он сел на скамью и, опёршись руками о стол, стал наблюдать за тем, как служанка укачивает его сына

— Как он? — спрашивает её.

— Хоросё! — отвечает.

— А что ел?

— Тюлю...

— Не тюлю, а тюрю! — поправляет её казак. — Ты, это, каши больше ему давай с молоком. Чай, казак растёт. А что твоя тюря?

— Халясё, хозяин, — кивает девчужка головой.

— Ну, а ты что?.. — Это он уже к Саньке. — Ждала меня?

— Нет, — качает та головой. — Ты говорила, караул ходи проверь... Почему приходи ко мне?

Опарин вздохнул.

— Да вот соскучился, — говорит. — Как, примешь?

А куда ж она денется! Ведь прикипела уже к нему. Смирилась со своей долей. Знать, судьба у неё такая, решила. И всё ж обида на него у неё так и осталась.

— Пожрать-то у вас что-нибудь найдётся? — спрашивает казак, выставляя на стол четвертинку ханьской водки. — Маняшка пожалала плечами. — И что, заваляшной корки хлеба не отыщется?

— Сало есть, однако... Солёный рыба есть, — вдруг вспомнила служанка..

— А как насчет щей?.. Тю-тю?.. Ну вот, в доме две бабы, а сготовить некому! — покачал головой казак. — Учитесь, голубки. Не век вам Яшка будет щи да кашу варить... Куды ж он, чёртов сын, подевался-то? Изба не топлена, жратвы горячей нету — вот уж высплю, как появится! — в сердцах бросил Фёдор.

Он невольно вспомнил жену. Та у него была хозяйственной бабой. Чуть свет — уже на ногах. Печь затопит, воду согреет, после чего блюда, и поставцы, и ложки, ковши всякие и братины перемоеет и насухо вытрет. Не забудет и про вёдра, ночвы, квашни, корыта, сита, решета, горшки, кувшины, корчаги¹. Те тоже у неё всегда вымыты и покоятся в чистом месте.

Вся изба блестит после её рук: и стены, и лавки, и пол, и окна, и двери, и скамьи. Выметит, выскребет, вымоет. Также чисто у неё и в сенях, и на крыльце, и на дворе, и в хлеву, и на конюшне. Весь мусор выметет, всю грязь выгребет.

У неё и детки всегда чисты и опрятны были. Да и мужа она никогда не забывала. И накормит, и в чистую да выглаженную одежду переоденет. Ну не баба, а золото! Вот так и должно быть у хозяйственной жены. Таких мужики любят. Потому они и ценятся зачастую выше красавиц. Отчего ж тогда он, Фёдор, пристал к этой неумёхе, к этой богдойской девке? Молодость прельстила? А может, нагуляться в ранние годы не успел?.. А пойдй, разбери!..

Он сходил во двор, взял с кладь, что Яшка Попов приготовил к зиме, несколько хороших берёзовых полешков и, воротясь в избу, затопил печь. Уже скоро в доме стало тепло и уютно.

— Ну вот, а то заморозили бы парня-то! — потирая руки и указывая на спящего Стёпку, проговорил Фёдор. — И хде ж все ж Яшка-то? — не на шутку заволновался он. — Может, к вдове какой пошёл да задержался? Так ведь сам мне говорил, что нет у него никого. Аль сплутовал?..

Выпив и закусив, чем Бог послал, Фёдор завеселел. Ну, душа на месте, теперь можно и тело своё потешить! — подумал он и, подхватив Саньку на руки, потащил её в опочивальню.

Однако не довелось ему в эту ночь искупаться в Санькиных ласках. Он тогда лишь успел снять один сапог, когда кто-то громко и настойчиво заколотил в дверь.

— Тятка! Тятка! Открывай скорее! Беда-а! — услышал он отчаянный голос Петра.

У Фёдора похолодело в груди. Уж не с Наташкой ли что случилось?.. — подумал. Как он был в одном сапоге, так и выбежал в сени. Там темно — хоть глаз выколи.

¹ Корчага – большой глиняный сосуд для питья.

— Маняшка, а ну подай светец!.. Да ты входи, Петя, входи... Чего у порога-то стоишь? — нащупав в темноте руку сына, тащит он его в дом.

Подбежала Маняшка с зажжённой лучиной. Фёдор взглянул при свете на сына и ахнул. Лицо у того было бледным, как у покойника.

— Что, сынка?.. Что стряслось? — стараясь унять дрожь в голосе, спрашивает отец. Он-то думал, Петька ему про мать что-то сейчас скажет, а тот вдруг:

— Тимоха!..

— Что?.. Что с ним?.. — трясёт его за плечи отец. — Ну же, говори!

— Богдойцы, тятетенька... Богдойцы в полон его увели.

— Как богдойцы?.. Откель они взялись-то? — не понимает отец, а в висках уже кровь стучит.

— Не знаю, тятенька... Тимоха ноне даже вечерять не стал — побежал с товарищами на речку... Береговушки на налима ставить... Ну тут их и прихватили всех. Кто супротивился, того басурмане саблями порубили. Остальных с собой увели... Там и девки были, и бабы, которые на речку бельё полоскать ходили, — пытается объяснить Пётр.

— А Тимоха?.. — зная характер младшего, спрашивает Фёдор. — Он-то ведь тоже, поди, супротивился?..

— Супротивился — как иначе?.. — отвечает Пётр

— Но ты ж говоришь, его в полон увели... — Фёдор едва сдерживает себя, чтобы не закричать от боли.

— Дак ведь его ранило, иначе разве б он дался?..

— И то правда... — кивает головой Фёдор. — Только ты-то откуда всё знаешь? Аль тоже там был?

— Нет... Яшка Попов о том сказывал...

— Яшка?.. — удивился Фёдор. — А он-то что на берегу делал?

— Говорит, услышал крик и побежал на помощь... Щас в казённой избе лежит, помирает...

— Вон оно, значит, как!.. А я-то ненароком подумал, он к бабе какой сбежал, — виновато произнёс казак.

— Да какая баба!.. — поморщился парень. — Он за дикими яблочками ходил... Они щас подмёрзли — кусные... Для Маняшки решил собрать, порадовать её.

— А чой-то? — не понял отец.

— Дак ведь у них любовь, — удивил его сын.

— Ишь как!.. — машинально произнёс Фёдор. — Ты погодь маненько — я щас... щас, сынка, — сказал он Петру и, сунув тому в руки светец, исчез в темноте. Надо было немедленно возвращаться домой, чтобы успокоить Наталью. Иначе, думал Фёдор, она умрёт от горя...

Беда вошла в дом Опариных. Все мысли только и были, что о Тимохе. Как он там? Жив ли? А если жив, каково ему в плену?

Впрочем, туга охватила весь Албазин. Здесь каждый человек в цене, и если с кем приключалась беда, то беда эта становилась общей. Прошлым летом, к примеру, померла у Тимофея Кафтанова дочка после того как выкинула дитя, так тоже всем миром горевали. Даже забыли о том, что дитё-то у Нюрки нагуленное было. Так вот и здесь...

Эх, сынка-сынка... Не уберёт я тебя, — не находил себе места Фёдор. — Ведь это ж я в тот день за дозоры-то отвечал. Выходит, я и прозевал богдойца...

— Это называется — резать курицу, чтобы напугать обезьяну, — как-то в разговоре с Опариным напомнил ему старую китайскую пословицу Черниговский. —

Богдойцы хотят, чтобы мы ушли с Амура — вот и решили попугать нас. Однако только разозлили. Теперь им пощады от нас не будет!

— Э, Никифор, ноне другие времена настали, — говорит Фёдор. — Это при тебе мы могли воевать богдойца, а теперь не смей. Новый приказчик, вишь, каку политику ведёт? Не трогать манзура — и всё тут! А ежели за нами правда? Что вот мне делать шас? Просил я Вишнякова, чтоб он людей мне дал — мол, хочу к манзурам идти, сына искать... Так отказал, пёс проклятый! И мне не велел отлучаться из Албазина, поркой грозил.

— А ты что? — спрашивает Никифор.

— Я что? — Фёдор махнул рукой. — Да плевал я на этого толстомордого Вишнякова! Людей не даёт — и ладно. Тогда один пойду. Но сына всё равно отыщу.

Черниговский покачал головой.

— Пропадёшь ведь ни за грош ни за копейку, — говорит.

— И пусть! — двинул желваками Опарин. — Неужто я буду сидеть и ждать у моря погоды, когда мой родной сын на чужой стороне мается?

Никифор согласно кивает головой.

— Я б тоже с тобой пошёл, да ведь не оставишь дела, — говорит. — Казачье-то все ко мне идёт, не к Вишнякову... Ты вот что, возьми-ка моего сподручника...

— Это ты про Игнашку? — спрашивает старшина.

— Про него... Парень он толковый, не подведёт. Ежели что — грудью тебя прикроет. Кремень-казак, побольше бы таких.

— Что ж, спасибо атаманушка, — поблагодарил его Фёдор. — Оно и впрямь вдвоём-то веселее будет... Тогда ты скажи ему, чтоб собирался. Завтри и выступим. А то сало по реке пойдёт — ледостава придётся ждать. А время-то уходит...

... Ночью выпал снег. Белый-белый, что ангельское крыло. Проснувшись ни свет ни заря, Фёдор начал собираться в дорогу. На душе кошки скребут. Выпив кринку кислого молока с хлебом, он, стараясь не скрипеть половицами, вышел во двор, чтобы накормить Киргиза. Слышит, а у ворот кони чьи-то храпят, землю стылую копытами бьют. Открыл калитку — ба, да это же его старые товарищи: Гридя Бык, Иван Шишка по прозвищу Конокрад, Семён Онтонов, Карп Олексин, Фома Волк, Григорий и Леонтий Романовские...

— Это вы куды ж собрались-то? — негромко, так, чтобы, ни дай Бог, не разбудить домашних, спрашивает Опарин. Увидев подъехавшего на коне Игнашку Рогозу, всё понял. Вот дошлый-то! — усмехнулся он. — Я ж его одного позвал, а он... Ну, быть нам всем поротыми новым приказчиком. Да и Бог с ним! Христос терпел — и нам велел... Вот только Пётр не простит ему, что он не взял его с собой. Но ведь иначе нельзя! Кто-то из мужиков обязательно должен оставаться в доме. Не то кто ж женщин-то при случае защитит?

На душе у Фёдора стало веселее. Жаль только, что ни он, ни его товарищи не знали басурманского языка, а каково без этого на чужбине? Тут бы Егорша Комар пригодился, да ведь и его манзуры увели в полон. Как теперь войску без толмача? Правда, говорят, к здешней обители какой-то беглый кян прибился, который потихоньку осваивает чужую речь. Вот он и будет теперь заместо толмача.

Этого молодого тщедушного на вид ханьца сразу полюбили в монастыре. Был он человеком послушным и работящим. Жаль только не мог толком ничего о себе рассказать, потому как не знал русского языка. Поняли только, что бежал он от манзуров не от хорошей жизни. На татя, на висельника он не был похож, а потому и решили, что не от праведного суда он спасался, а от чьего-то злого умысла. Ну а когда тот немного залепетал по-русски, тогда всё и прояснилось.

Ян Лун, а так звали ханьца, был сыном придворного лакея. Когда ему было пять лет, отцы-иезуиты, кои слыли людьми образованными, уговорили его отца, чтобы тот отдал им малыша на воспитание. До шестнадцати лет Ян Лун воспитывался в латинской коллегии при католической миссии. Он не любит вспоминать эти годы. Ведь всё

воспитание сводилось к тому, чтобы дети привыкли к послушанию. Их унижали, оскорбляли, даже порой били и заставляли шпионить друг за другом. Одно хорошо — он выучился нескольким языкам и счислению, стал неплохо разбираться в политике, истории, географии, тогда как многие его сверстники даже написать своё имя на бумаге не могли.

После окончания коллегии отцы-иезуиты вначале хотели постричь молодого ханьца в монахи, а потом вдруг переменяли своё решение и пристроили его мелким чиновником в Императорскую канцелярию, где он должен был слушать разговоры манзурских сановников и передавать их своим покровителям. Однако Ян Лун был человеком честным и совестливым, потому роль шпиона была не для него. Помучившись немного, он ушёл из Дворца и устроился школьным учителем. Тогда-то он и познакомился с людьми из антиманьчжурского тайного общества «Саньхэхуэй», которые открыли ему глаза на многое.

Впрочем, он и сам видел, каково живётся его народу под властью маньчжу. За тридцать лет своего правления они смогли настроить против себя большинство населения страны. Народ беднел, в то время как манзурские амбани богатели прямо на глазах. Непомерные налоги, мздоимство, несправедливые законы, постоянные унижения превратили жизнь простых людей Поднебесной в ад. За малейшую провинность человека могли не только подвергнуть телесному наказанию или посадить в тюрьму, но без суда и следствия отрубить ему голову, а то и вырезать сердце, бросив его на съедение бродячим псам. Оттого в разных уголках Поднебесной и стали возникать тайные общества и братства, целью которых было изгнание завоевателей с родной земли. Самыми известными среди них были «Саньхухуэй», «Галаохуэй» и «Байляньцзяо». Людей из этих тайных обществ маньчжу выслеживали, жестоко пытали, а затем убивали.

Дошла очередь и до Ян Луна, который к тому времени стал одним из руководителей организации. Ночью в его ветхую лачугу, что заблудилась среди острых запахов пищи в одном из бедных кварталов Пекина, ворвались вооружённые люди. Перевернув всё вверх дном и не найдя ни крамольных бумаг, ни самого учителя, они подожгли дом. В это время Ян Лун находился на собрании тайного общества в буддийском монастыре, и только это спасло его.

Позже монахи монастыря помогли ему добраться до русской границы, спрятав его среди мешков с рисом. Запряжённую двумя волами повозку, в которой он находился, не раз в пути останавливали рыскающие по дорогам стражники, однако несчастный вид монаха, погонявшего хворостиной животных, вызывал у тех только скуку, но никак не подозрение.

Был конец февраля, и Луну пришлось переходить Амур по льду, преодолевая ледяные торосы и глубокие коварные трещины. В эту минуту он был похож на маленького беззащитного зверька, лихорадочно метавшегося между жизнью и смертью. Впереди — чужой мир и полная неизвестность, однако вернуться назад, где его ждал топор палача, было ещё страшней. Оставалось одно — отдаться в руки Провидению.

Первым его заметил из окна сторожевой башни Мишка Ворон, несший в тот день караульную службу.

— Гляньте-ка! Никак кян до нас спешит! — кричит он товарищам, стоявшим внизу возле приказной избы. — Эхе, уж не от манзур ли он бежит? — увидев появившийся вдруг за спиной Луна конный разъезд, насторожился он. — А ну, робяты, подмогните-ка беглому, не то эти псы выпустят ему кишки!

Несколько казаков тут же вскочили на коней и, выхватив из ножен клинки, с воинственными криками помчались навстречу манзурам, которые попытались преследовать беглеца.

Бедный, бедный Лун! От страха он не знал, что ему делать. Решив, что это конец, он закрыл глаза и покорно опустил на колени.

Однако маньчжуры не стали испытывать судьбу и повернули назад. Так Лун и оказался среди русских.

Бегство Ян Луна не прошло бесследно. Узнав о том, что его люди не сумели задержать опасного государственного преступника, более того, что тот ушёл к оросам, император Шэн-Цзу так разгневался, что назвал чиновников Палаты наказаний бездельниками и дармошатами¹.

— За что я вам плачу высокое жалованье? — выговаривал он визирю Палаты Лань Ма. — За то, что вы спите на ходу, вместо того, чтобы в поте лица трудиться на благо Империи? Немедленно наказать всех, кто виновен в бегстве этого смутьяна!

Император Шэн-Цзу, правивший под монаршим именем Кан-Си, был внуком первого цинского правителя хана Абахая. И хотя он был ещё очень молод, тот опыт, который он приобрёл, живя во дворце и общаясь со своими венценосными родичами, помог ему после смерти отца-императора быстро освоиться на троне. По примеру почивших в бозе предшественников он продолжил вести захватнические войны, расширяя границы своей империи. Главной его целью было завоевать весь Китай, покорить Джунгарию и укрепить свои позиции на левом берегу Амура, который сейчас потихоньку обживают подданные русского хана. Отцу Шэн-Цзу не удалось решить вопрос с левобережными территориями, несмотря на многочисленные попытки силой изгнать оросов с этих земель. Но это обязательно сделает он, его сын. Вот только бы поскорее управиться с этими непокорными джунгарами.

Чтобы решить этот вопрос, Император обращался за помощью к калмыцкому хану, однако тот отказал ему. А всё потому, что в последнее время он стал водить дружбу с русским ханом и уже, кажется, готов пойти под его высокую руку. Ну а оросам невыгодно, чтобы маньчжу воевали Джунгарию, так как понимают, что после падения джунгарского ханства придет и их черёд.

Неспокойно на душе у Шэн-Цзу. Ведь с некоторых пор не только калмыки, но и иные азийские племена стали поглядывать в сторону Москвы. Более того, некоторые из них уже добровольно приняли власть русского хана. Несколько лет назад ушёл к русским варварам вместе с сорока родовыми старшинами вождь табунгутов² Князь Гантимур. А ведь он занимал видное место в Империи и пользовался милостью Императора. Одно жалованья он получал девять пудов серебра, а это ни много ни мало больше четырёх тысяч лан. А ко всему ещё и четыре коробки золота. Его люди жили на реке Нонни близ Чучара. В 1667 году Гантимур был послан уничтожить Кумарский острог на Амуре, но вместо этого он пошел к Нерчинску и отдался в русское подданство. Дароимец³! Ничтожный раб! Я ему ещё припомню его предательство! — грозитя Император.

Но кабы это было всё! Вслед за Гантимуром ушёл к русским вместе с родами Дулингарским, Баягирским и частью Дулигатского князь Зайсан Бакай. Многие воины из этих родов составили пятисотенный тунгусский казачий полк и теперь стерегут русскую границу на реке Аргуни.

После ухода бывших подданных Империи к русским отношения между соседями ещё больше обострились. И теперь в своих грамотах, посылаемых в Москву, Шэн-Цзу уже не только просил русского хана уйти с Амура (маньчжуры называли его иначе — Сахалин-ула, то есть Чёрная река), но и требовал выдать ему вождя табунгутов. В противном случае-де он готов силой вернуть тунгусов назад.

Одно радовало Шэн-Цзу, что после отставки Никифора Черниговского и назначения в Албазин нерчинского ставленника русские казаки перестали ходить за Амур

¹ Дармошат – дармоед.

² Табунгуты – племена, населявшие Забайкалье.

³ Дароимец – продажный человек.

и нападать на манзурские улусы и крепости. Однако от своих лазутчиков он знал, что русские, вопреки заверениям их правителя о том, что у него и в мыслях нет воевать Амур, продолжают не только строить на его берегах свои остроги, но и получают от сибирских воевод оружие. Так, в конце прошлого года в Албазин было доставлено пятьдесят четыре пуда пороху, девяносто ядер железных да тридцать восемь пудов свинца вместе с медной пушкой в шесть с половиной пудов и в три аршина длины. А уже в начале этого года туда завезли ещё две медные пушки весом четырнадцать пудов да двадцать пудов свинцу.

Впрочем, Шэн-Цзу было также известно, что Албазин и иные амурские крепости по-прежнему испытывают нужду в живой силе. И то: в ближайшем резерве — Енисейске в 1674 году за всякими посылками и службами оставалось всего-то до двадцати казаков, которым приходится ежедневно день и ночь стоять на караулах. Зная это, албазинцы не рассчитывали на помощь и надеялись только на себя. Хотя в Москве знали, что достаточно было двух тысяч казаков, чтобы покорить не только всю даурскую землю, но и всё, что есть до самой до Великой Китайской стены.

А что если оросы всё же соберут войско и пошлют его воевать мою землю? Этот вопрос Шэн-Цзу теперь всё чаще и чаще задавал себе. Он был наслышан о громких победах русских в Европе и откровенно побаивался их. Может, стоит воспользоваться моментом, и пока московский хан воюет шведов и поляков нанести ему удар на востоке? У того не хватит сил, чтобы удержать Амур.

Но победа на Амуре не решит всех проблем. Покуда оросы будут находиться под боком у Империи — ничего хорошего не жди. Значит, надо воевать Даурию. Но и этого будет мало! Поэтому, захватив прибайкальские земли, нужно идти дальше в Сибирь. Кто знает, быть может, именно ему, Шэн-Цзу уготована судьба великого Тамерлана, коему удалось завоевать полмира?..

Веря в свое высокое предназначение, молодой Император уже с младых ногтей пытался следовать примеру легендарных героев. Он не поддавался искусу, как это часто случается с иными сильными мира сего, и не стал вести праздную жизнь, ибо история учит, что постоянное стремление к удовлетворению чувственных инстинктов и достижению личного блага развращает ум и душу человека. А настоящий вождь не вправе превращаться в эпикурейца¹, ибо именно разврат и безмерная праздность, возведённые в государственную мораль, порой были основной причиной падения великих Империй.

Правитель должен быть образцом для своего народа, если он хочет завоевать его любовь, думал Шэн-Цзу. Но при этом ему нельзя быть безвольным и богобоязненным. Только страх и жёсткая государственная дисциплина не дают расслабляться людям, заставляют их беспрекословно подчиняться воле своего вождя. Отсюда этот суровый нрав Шэн-Цзу, порой граничащий с жестокостью и частыми вспышками гнева.

Однако, укрепляя свою власть, Император в то же время не желал плестись в хвосте у цивилизованной Европы. Он поощрял науки и искусство, пытался оживить хозяйственную жизнь страны. Чтобы ликвидировать дремучую отсталость и безграмотность людей, он велел повсюду открывать школы, библиотеки, книжные хранилища. При нём получило развитие книгопечатание. Впрочем, ещё первые цинские правители, зная о силе просвещения, задались целью собрать самую крупную коллекцию книг за всю историю существования Срединной Империи.

¹ Эпикуреец — последователь философа Эпикура; человек, стремящийся только к удовлетворению страстей и удовольствиям.

Подавая пример своим подданным, Шэн-Цзу находил время для чтения, только в отличие от русского монарха, все больше увлекавшегося библейскими сюжетами, он отдавал предпочтение философским трудам. Ибо считал, что только философия учит людей понимать мир в его развитии, только она тренирует мозг и даёт пищу для глубоких размышлений.

Еще подростком он любил уединиться где-нибудь в тихом уголке дворцового сада и, спрятавшись от чужих глаз за плотной паутиной вьющихся вокруг беседки виноградных лоз, предаваться мечтам. Так продолжалось до тех пор, пока учитель фехтования или же кто ещё не позовут его на свой урок.

Но постепенно мечты о будущем сменили вполне взрослые мысли. Он стал все чаще и чаще размышлять об устройстве мира, о роли человека в нём.

Шэн-Цзу прекрасно понимал, что мир этот никак нельзя назвать справедливым, покуда в нём есть сильные и слабые, богатые и бедные. Однако, не будучи человеком религиозным, он считал, что всё в нем происходит по каким-то неведомым законам мироздания. Именно они и позволяют людям выжить в этом вселенском хаосе, дав право сильным вести за собой убогих и сирых в царство света и добра.

Но для этого нельзя мешать этим сильным выполнять свою миссию. Иначе люди потеряют всякие ориентиры и погибнут на бездорожье судеб. А коль так, должны быть раз и навсегда установленные правила, когда каждый человек будет знать своё место на земле и никогда не претендовать на чужое. Отсюда этот интерес Шэн-Цзу к учению высокоправедного и совершенномудрого Куна, которого на Западе привыкли называть Конфуцием. Его суждения и диалоги, изложенные в книге «Лунь Юй», могут служить как раз теми самыми правилами жизнеустройства каждого государства. Ибо его учение объявляет власть правителя священной, дарованной небом, а разделением людей на высших и низших — благородных мужей и мелких людишек, — называет всеобщим законом справедливости. И эти мысли должны стать началом новой религии, в которой главным является не Бог, а закон и нормы конфуцианской этики.

Впрочем, Шэн-Цзу был не первый Император, кому пришлось по нраву идеи ученого Куна, которого люди называли не иначе, как первоучителем человечества. Уже сотни лет его философские взгляды составляли основу всей системы государственного образования Срединной Империи. Каждый её новый правитель считал за честь посетить могилу Куна на его родине в Цюфу. Более того, ещё со времён Первого Императора ханьской династии Гао-Цзу существовало незыблемое правило четырежды в год в память о Совершенномудром приносить в жертву домашних животных. А один из правителей, живших в эпоху Нань бэй чао¹, даже повелел соорудить в каждом городе храм в честь Великого Мыслителя.

А вот идеи Лао-цзы цинские императоры считали вредными, ибо это учение предписывает правителю-мудрецу, отвергнув роскошь и войну, возратить народ к примитивной простоте, чистоте и неведению, существовавшим до возникновения культуры и морали. Оно велит человеку быть слабым и податливым, чтобы тот, уподобившись воде и отказавшись от всех земных благ, безмятежно следовал течению времени. Но разве о такой жизни мечтает вождь нации, такой ли путь он должен предложить своему народу?..

... Однако что делать с этими бездарными чиновниками из Палаты наказаний, которые дали возможность государственному преступнику сбежать к оросам? — неожиданно прерывает течение своих мыслей Шэн-Цзу. — Может, отрубить им головы? Но ведь на их место могут прийти еще более бездарные чиновники. Интересно, как бы поступил в этом случае учитель Кун, будь он на моём месте? Нет, головы рубить своим подданным он бы не стал, потому как важнейшей категорией его мировоззрения является

¹ Нань бэй чао – период IV-VI вв. в истории Китая, когда страна была разделена на две части, где существовали самостоятельные, независимые друг от друга государства.

человечность — жэнь. По его мнению, человек — нравственное существо, которое в отличие от всех других живых существ способно к выбору возможных решений. Кан считал, что если человек научается делать правильный, а в идеале — безошибочный выбор, он становится благородным мужем, способным сформировать в себе качества, которые уже не вернут его на порочный путь. Тот путь, по которому идут многие в этой жизни! Кан учил защищать человечность, если потребуется — даже ценой собственной жизни и не делать ничего, что могло бы нанести ей вред. Так как достижение победы человечности над бесчеловечностью есть событие всемирно-исторического значения.

Выходит, мне следует прощать всех, кто не выполняет мои приказы? — ухмыльнулся Шэн-Цзу. — Но не станет ли эта человечность причиной падения моего авторитета?.. Нет, при всём уважении к первоучителю Куну я не имею права проявлять слабость. Единственное, что я могу, — это дать возможность Лань Ма и его людям заслужить моё прощение. В конце концов, это для них дело чести найти беглеца. Иначе пусть пеняют на себя...

Глава тринадцатая. Беглец

Они стояли на коленях перед Императором, не смея поднять на него глаз. Жалкие и испуганные, они походили на провинившихся школяров, ожидавших приговора учителя. Это вне дворца они с важным видом расхаживают в своих шитых золотом халатах и с презрением и высокомерием смотрят на окружающий их мир. Это там они сильные и горделивые, но только не здесь, у подножия Престола.

Шэн-Цзу, прежде чем произнести первое слово, долго и задумчиво глядел на этих дрожащих от страха людей, коих считал виновными в бегстве опасного государственного преступника и потому заслуживающих суровой кары. Он помнил наставления своего старого учителя риторики Линь Юня, который говорил, что Государю не престало начинать свою речь с пустой фразы — первая-де фраза его всегда должна быть значимой, дабы вызвать у окружающих одновременно и трепет, и уважение к себе.

— О, Повелитель!.. — не выдержав долгой паузы, начал было министр Палаты наказаний Лань-Ма.

— Молчать! — топнув ногой, остановил его Шэн-Цзу. Голос у него молодой, звонкий, но в нём уже чувствуется сталь. — Я тебе не велел говорить... Или ты решил, что имеешь право делать это без моего позволения? Тогда садись на моё место и управляй Державой, а я займу твоё!

— Но Повелитель...

И снова:

— Молчать!.. Я смотрю, Лань Ма, ты забыл, что являешься всего лишь моим министром и тебе не престало первым начинать разговор. И как только мой отец, покойный Император терпел тебя?

Лань Ма далеко Немолод, но ему приходится с виноватым видом стоять на коленях и выслушивать упрёки этого мальчишки, который по годам годится ему в сыновья. Когда тот был маленьким, он учил его стрелять из лука и гарцевать на коне. Неужто он забыл об этом?..

Заметив, как побледнело лицо министра, Император сказал:

— Ты, Лань-Ма — человек пожилой и я преклоняюсь перед твоими сединами. Но ты должен понять, что даже самое могущественное на свете государство не сможет выжить, если в нём не царят строгая дисциплина и послушание. Поэтому я не могу прощать тех, кто не проявляет должного усердия в службе и наносит вред моей Империи. Я говорю это о тебе и о твоих чиновниках из Палаты наказаний.

Произнеся это, Шэн-Цзу обвёл взглядом собравшихся в Тронном зале сановников; хотел понять, какое впечатление на них произвели его слова. Но лица придворных были,

как всегда, подобострастны и по ним нельзя было ничего понять. Тем более что многие из этих людей прятали от него свои глаза.

Однако сам Император доволен собой. Такая речь достойна правителя. Он не просто отчитал своих нерадивых подданных — он прочитал им настоящую мораль. Именно так должен поступать отец нации.

После этого уже можно было вспомнить и о «принципе человечности» первоучителя Куна.

— Я думаю, ты, Лань Ма, и твои люди уже догадались, зачем я вас призвал к себе? спрашивает Император. — Или вы не чувствуете за собой вины?..

— О, Повелитель!.. — приподняв склонённую голову, произнёс министр. — Видит небо, как мы виноваты пред тобой... Хочешь — казни нас, хочешь — милуй...

На губах Шэн-Цзу появилась еле заметная улыбка.

— Вижу, старый мой друг, как тебя мучает совесть, — произнёс он. — Что ж, это хорошо. Совестьливый человек подобен чистому роднику, из которого хочется пить, говорили наши предки... Ну так вот что я решил. Несмотря на то что все вы заслуживаете суровой кары, я не стану торопиться и дам вам возможность восстановить свою репутацию. Делайте, что хотите, но чтобы к новолунию преступник сидел в тюрьме. Хотя... — он сделал паузу. — Мне хватит и его головы. Лань Ма, — обращается он к визитору Палаты наказаний, — твои люди уже знают, где искать смутьяна?

— Он в Албазине, мой повелитель! — молвит министр Палаты иноземных дел Ба Мянью, вместе с иными придворными чинами внимавший Императору из глубины тронного зала.

— Подойди ко мне, — просит Шэн-Цзу. Тот, несмотря на свой почтенный возраст и тучное тело, прытко подскочил к тронному месту и упал на колени. — Откуда тебе известно, что преступник находится в Албазине? — спрашивает его Император.

— Весть эту мне надёжные люди принесли, — поклонившись, говорит Ба Мянью. — Да и задержанные нами в провинции Ганьсу мятежники из братства «Байляньцзяо» под пытками признались, что наш злодей ушёл за Амур.

Император удовлетворённо кивнул головой.

— Что ж, коль так, пошлите туда отряд смельчаков. Пусть силой добудут преступника! — велит Император, обращаясь к Лань-Ма.

— Мой Повелитель! Тут, как мне кажется, не сила нужна, а хитрость. Дозволь и мне с моими людьми включиться в это дело, — просит министр Палаты иноземных дел Ба Мянью.

— Дипломатия ничего не даст, — подаёт свой голос министр Тайной палаты Го Бэй по прозвищу Беспощадный, которого боялись даже родственники Императора. Тем не менее, Шэн-Цзу после смерти отца не прогнал его и оставил в той же должности. Потому как этот человек умел держать людей в страхе и повиновении, что было на руку молодому самодержцу.

— Мой Повелитель, дозволь ответить министру Го Бэю... — памятуя о правилах дворцового этикета, обращается к Императору Ба Мянью. Получив дозволение, он сказал: — Достопочтенный министр Го Бэй! Мне не впервой участвовать в подобных предприятиях. И я знаю, что мне нужно делать. Но если хотите, вы можете помочь нам. Тем более что нам уже не раз приходилось действовать сообща.

— Делайте всё, что угодно, но только доставьте мне этого... Впрочем, как его имя? — спрашивает Шэн-Цзу.

— Ян Лун, — поспешил ответить Лань Ма. — Это бывший воспитанник латинской коллегии... Той, что уже несколько лет существует при здешней католической миссии, — добавил он.

Император удивлён.

— Разве учёному человеку подобает связываться с чернью? — невольно вырывается у него. — Ну хорошо... Коль эти латиняне воспитали его, пусть они за него и отвечают...

— Мой Повелитель! Не означает ли это, что мы должны закрыть их миссию в Пекине? — с нескрываемой тревогой спрашивает министр Тайной палаты.

— Но если это рассадник вольнодумства... — нахмутив брови, произнёс Шэн-Цзу. — Кто знает, чему учат эти латиняне?..

Го-Бэй подбегает к тронному месту и падает на колени.

— О, Повелитель! Не надо трогать латинян — они наши друзья, — взмолился он. — В конце концов, у нас с ними общие интересы. Они так же, как и мы, обеспокоены продвижением варваров¹ на восток. Ведь те несут с собой свою религию, которую не приемлет Ватикан...

Шэн-Цзу усмехнулся.

— Лиса готова снюхаться хоть с волком, лишь только б хорь не ел её курей, — вспомнил он древнее восточное изречение.

Чиновники поняли, что имел в виду Император, и заулыбались.

— Ну хорошо, на первый раз мы их простим, — неожиданно меняет тактику Император. — Будем исходить из того, что враги наших врагов — наши друзья. Но при этом нельзя обольщаться! Мой отец учил меня, что порой и лучшие друзья становятся самыми заклятыми врагами. А коль так, всегда нужно быть начеку. Министр Го Бэй, — обращается он к главе Тайной палаты. — Я хочу, чтобы ты со своими людьми установил слежку за этими латинянами. Вы должны знать о каждом их шаге... Кстати, что там наши пленные оросы?..

В последние годы всё чаще и чаще вооружённые отряды маньчжур стали нападать на русские земли, приводя из походов пленных. Император Шэн-Цзу, хорошо знавший историю, с уважением относился к русским, считая их смелыми и мужественными людьми. Он велел не чинить пленным зла, а вместо этого создать им все условия для сносной жизни. Их компактно селили во Внутреннем городе у ворот Дэнчжимэнь, строили для них фанзы, наделяли пахотной землёй, мужчин же, начиная с шестнадцатилетнего возраста, с жалованьем зачисляли в Русскую роту Императорской гвардии. Среди пленных было много холостых казаков, так вот чтобы крепче привязать их к новой родине, им давали в жёны китайянок.

Впрочем, Шэн-Цзу был не первый император Поднебесной, который привечал русских. Русская рота Императорской гвардии появилась ещё в тринадцатом веке — её формировали в разное время из русских воинов монголо-татары.

Теперь же в полон стали попадать и албазинцы. Первое время у них не было своей церкви, и они ходили через весь Внутренний город в католический храм. Затем им передали даосскую кумирню Гуандимяо, которую позже казаки перестроили в часовню во имя Святой Софии. Эту часовню они меж собой называли Никольской — по находившейся в ней и очень чтимой ими иконе Николая Чудотворца. Богдойцы же называли её «Лочамяо» — «русская часовня». Поначалу службу в ней вели мало-мальски сведущие в церковных делах казаки, когда же в плен к маньчжурам попал сомолитвенник старца Гермогена Максим Леонтьев, то место священника в храме занял он. И это было только началом долгой истории русской колонии в Пекине.

— Мой Повелитель! Как ты нам и велел, мы неусыпно следим за ними, — отвечая на вопрос Императора, спешит доложить Го Бэй. — Но пока что ничего подозрительного мои люди не заметили.

— А как живется этим полонянам? Есть ли у них в чем нужда? — спрашивает Шэн-Цзу.

— Мой Повелитель! Полоняне ни на что не жалуются, — падает на колени перед Императором его Первый советник и он же министр Военной палаты Чжэн-Ци. — Как ты

¹ Варвары — у древних греков и римлян название всех чужеземцев, говоривших на непонятных им языках и чуждых их культуре (германцев и др.). В переносном смысле грубые, некультурные, жестокие люди ...

и велел, мы занимаемся не только выучкой воинов Русской роты, но и заботимся об их семьях.

— Похвально! — кивнул головой Шэн-Цзу. — Только своим хорошим отношением мы можем заставить пленных полюбить новую родину... — Он сделал паузу и внимательно посмотрел на своего Первого советника. Этот высокий пост тот получил совсем недавно, а до этого он был удачливым полководцем, ещё при отце молодого Императора прославившимся своей смелостью и решительностью. Именно ему удалось подавить сопротивление самых непокорных провинций Поднебесной, именно он сейчас готовился идти воевать Джунгарию и вместе с Императором вынашивал планы захвата русских восточных земель. — А вот скажи, Чжэн-Ци, готовы ли русские рабы ответить благодарностью за нашу заботу?.. — обращается он к Первому советнику.

— О, Повелитель! Мой ум ничто по сравнению с твоим. И потому я не всегда могу понять, о чём ты изволишь говорить, — со всей солдатской прямоотой, однако при этом не забыв польстить Императору, заявляет, Чжэн-Ци.

Этого человека Шэн-Цзу уважал, отдавая дань многим его качествам, и его даже не раздражало то, что он слыл законченным тугодумом.

— Я говорю о преданности воинов Русской роты моей короне, — пояснил он. — Станут они воевать своих соплеменников или тотчас предадут нас?

Этот вопрос поставил Первого советника в тупик.

— Джунгарию воевать точно станут, — отвечает он. — А вот пойдут ли они супротив русского хана?... — Он пожимает плечами. — Я знаю этот народ — он слишком гордый. При этом у этих людей есть свой Бог, которому они редко изменяют... Хотя время лечит. Быть может, пройдут годы — и они забудут о своих корнях?

— Будем надеяться, — согласно кивнул ему Император. — Сделайте всё, чтобы из них вышли преданные мне воины. Для этого не жалейте ни денег, ни посул — ничего! — Он делает паузу и вдруг: — Но довольно об этом... Чжоу Шань! — обращается он к только что вернувшемуся из Москвы своему посланнику. — Чем ты порадуешь своего повелителя?.. Давай, докладывай, как прошли переговоры.

Чжоу Шань, а вместе с ним и пятеро сопровождавших его в походе чиновников, тут же предстали перед Императором.

— Мой Повелитель! — стоя на коленях, начал Чжоу Шань. — Долгой была моя дорога, но краткой будет речь...

— Говори! — приказывает Шэн-Цзу.

Посланник как-то по-щенячьи кротко вздохнул.

— Наверное, я вызову твой гнев, о, божественный, но и на этот раз белый Император не сказал мне ничего определенного. Может быть, в письме его ты найдешь то, что ищешь в моих словах?

— Так давай же это письмо! — требует Шэн-Цзу.

Тут же один из слуг выхватывает из рук Чжоу Шаня запечатанный свиток и передаёт его Императору.

Как и предыдущие письма Алексея Михайловича, это было писано по латыни, потому пришлось прибегнуть к помощи толмача. Тот читал письмо долго, стараясь в точности перевести каждую фразу, каждое слово. И чем дольше он читал, тем все мрачнее становилось лицо Императора. Это видели чиновники, потому уже мысленно готовились к буре. Так было всякий раз, когда Шэн-Цзу получал дурные вести.

— Проклятье! — когда толмач дочитал послание, невольно вырвалось из груди Императора. — Проклятье! — повторил он и топнул ногой. — До каких пор этот русский варвар будет надо мной издеваться? Ну же, скажите мне! — обращается он к чиновникам. Те молчат, опустив головы. — И вы тоже хороши! — бросает он гневный взгляд на Чжоу Шаня и его помощников. — Чем вы там занимались в этой Москве? Поди, только и знали, что пили русскую араку да охотились на лис? А я что велел вам делать?..

Император, казалось, был зол на весь белый свет. И в первую очередь на русского хана и своих посланников, которые, по сути, впустую съездили в Москву. Да, была при них Царская грамота, но в ней не было прописано ничего такого, что бы порадовало Шэн-Цзу. «Мы, Царь Алексей Михайлович, Самодержец Всея земли Русской, Великий Князь Литовский и Новгородский шлём тебе, Великому Богдойскому хану, свои тёплые слова и услаждаем слух твой клятвою в вечной братской дружбе и любви...».

Хитрый этот русский правитель, словно степной лис. Бежит рукою по бумаге, запутывая мысли. Говорит, что дальше Нерчинска людей своих не посылал, что это всё беглый да гулящий народец, который живёт по своим неписанным законам. Но откуда тогда у этих людей пушки, ружья, порох? Царь говорит, это они их у торговых людей покупают. Только ведь лазутчики другое докладывают. Обозы-де с оружием и продовольствием прибывают из Якутска и Нерчинска. Выходит, это государевы воеводы им их отправляют. А взамен этот «гулящий народец» везёт им мягкую рухлядь, собранную с ясачных людей. С тех, кто раньше платил дань ему, Богдыхану. Виданное ли дело?..

Нет, не оправдали посланники высокого доверия своего Императора. Чем же они тогда там занимались, коль не смогли убедить белого Царя — Чахсен-хана, чтобы он ушёл с Амура? — откровенно негодует Шэн-Цзу. Он даже готов был приказать своим палачам вырвать у посланников языки и ослепить их, потому как считал, что язык не нужен тем, кто не умеет им владеть, глаза же — кто не видит, в каком положении оказалась Империя после прихода русских на Амур.

Император сидел на мягких подушках под сенью шёлкового балдахина и всё думал, как ему поступить с этими бездарными посланниками, что стояли пред ним на коленях, боясь даже поднять глаза. Наконец он встал и, одарив провинившихся презрительным взглядом, зашагал в сторону своих покоев. Горделивый, божественный и злой.

— Я ваш бог, а вы не боитесь гневить меня! — бросил он, не глядя на послов. — Что же вы за подданные?

Но иных подданных у него не было, потому приходилось мириться с тем, что есть.

— Прости, о, великий Император, своих недостойных рабов! — несло ему вслед. Это молили о пощаде его посланники.

Ян Лун, которого тут же переименовали в Ваньку, быстро освоился у русских. Он готов был браться за любую работу, только бы быть полезным. Вместе с монахами он занимался по хозяйству, возился в огороде, молот зерно на монастырской мельнице и даже освоил гончарное дело. Старец долго присматривался к нему, прежде чем завести с ним разговор. Зная множество языков, тому не составило особого труда уже скоро заговорить и по-русски, хотя этот язык он называл «коварным» за его мудрёную грамматику.

— Говорят, ты до языков охоч? — пригласив как-то ханьца к вечерней трапезе и усадив его за стол, спрашивает его Гермоген.

Вокруг них суетились двое монашков, подавая на стол еду и настраивая самовар.

— Один языка хоросё, много языка — есё лусе, — скромно ответил кян.

— И каким же языкам ты обучен? — интересуется старец.

Ян Лун, немного подумав, стал перечислять:

— Моя знай гуаньхуа, монгол, тибет, уйгур, узбек, татар, казах, киргиз, сибо, дай... Есе лису, мяо, цзинпо...

— Ну, это всё азийские языки, а как насчет немчинского аль того же шпанского? — допытывается старец.

Ян Лун кивает головой.

— Моя знай, — говорит.

— И латинов язык разумеешь?

— Латин тосе знай... И ливон знай, и поляк... Все языка католика знай.

— Ай да молодец! — подивился Гермоген. — Тебя бы в Москву — там цены б тебе не было. Однако и нам нужен толмач, — спохватился он. — Нашего-то Егоршу Комара в полон увели — теперь вот мы без него, как без рук. А что ежели к нам посланники богдойские придут?.. Так что нужный ты нам человек... Погодь, а может школить тебя определить в церкву? Станешь учить наших ребятишек языкам — в долгу не останемся. И приплачивать тебе будем, и еду давать... Ты подумай, Вань, а потом мне скажешь... — говорит старик.

Ян Лун впервые попал в келью старца. До этого он долго не мог понять, какова роль этого человека в монастыре и за что так его уважают люди. Оказывается, он здесь главный проповедник — как тот буддийский первомонах лама в тибетском монастыре. Старик был строг со всеми, но эта строгость была напускной, ибо, и это видел Ян Лун, сердце его было добрым. Он никогда не отказывал никому в помощи. Мог и словом ободрить человека, а когда и делом помочь. В общем, был для всех заместо отца, и Ян Лун, лишённый, по сути, детства, видел в нём родную душу.

А приняли его монахи сразу, даже не спросив, что привело его к ним. Тут такое правило — привечать всех страждущих. Оттого и росла потихоньку монастырская семья.

Что важно — никто тебя здесь не принуждал принимать на себя обет послушания. Как бы давали тебе возможность осмотреться, привыкнуть к монастырской жизни, а уж потом решать, что делать дальше. Оставаться в работниках, надевать скуфейку бельца или уж сразу принимать монашеский постриг.

Ян Лун ещё только думал, как ему поступить. Возвращаться на родину для него было смерти подобно. Но и отсиживаться на чужой стороне он не мог, потому как понимал, что ежели все его товарищи разбегутся по углам, то некому будет бороться с маньчжу.

— Ну а как тебе в монастыре живётся? Всем ли ты доволен? Не обижает ли кто? — отпивая морковный чай из блюдца, интересуется старец.

— Холёсё, — отвечает кян. — Осень холёсё...

— Да ты ешь, ешь... Нечего на меня пялиться, — сердится старец. — У нас, у русичей, так говорят: не емши легче, а поевши крепче. Ведь человек из яды живёт. — Он снова подносит блюдце к губам, подув, делает глоток. — Ну а может тебе пшённая кутья наша не по нраву? — спрашивает. — Ну, извини, инога нету. Нынче урожай скромн был, а зёрна из енисейских земель ещё не подвезли. Так что живём тем, что есть. Хорошо б богдойцы позволяли твоим соплеменникам-кянам нам зерно продавать, так ведь нет! Все хотят нас голодом уморить. Мол, не выдержим и сбежим с Амура. Однако зря надеются... Ну давай-давай, выкушай чашечку да чайком запей. Чай, правда, у нас не ахти какой — то и есть, что морковный. Но мы к кяхтинскому непривычные — не везут нам его. Разве что за Амуром когда вашего зелёного прикупим. А так нет... — Старец снова отпивает из блюдца. — Так, говоришь, хорошо тебе здесь живётся? Ну, коль хорошо — и ладно...

Чтобы не обижать старика, Ян Лун взял в руки деревянную ложку и робко опустил её в чашку. За время, проведённое в монастыре, он успел привыкнуть к чужой пище. Тот же хлеб, от которого он поначалу отказывался, теперь уминал за обе щеки.

— А что бежал-то к нам? — глядя на то, как Ян Лун медленно и осторожно прожёвывает пищу, неожиданно спрашивает старец.

— Ой, беда, дедуска! Маньчжу полохой человек... Осень полохой... — отправив в рот очередную ложку пшёнки, проговорил кян. — Чужая фанза приходи и всех убивай... Ой, полохой человек! — снова повторил он.

— Да уж мы-то знаем, что это за люди, — кивает головой Гермоген. — Никого не щадят, окаянные, — ни деток малых, ни стариков, ни баб. Вот и вам, кянам, поди, под ними несладко...

— Плёхо... ой, плёхо! — качает головой Ян Лун. — Соленьца из-за маньчжу не видно, а для них паразеденик.

— Праздник, говоришь? — ставя на стол блюдце и вытирая рукавом ряски губы, произнёс старик. — Может, и праздник, но по-людски ль это? По-божески ли?.. Хотя, сказывают, в Бога-то они не верят, только в своего богдыхана... Сам-то верующий? — неожиданно спрашивает он ханьца.

Ян Лун растерялся.

— Русский Бог моя не знай. Изус знай... Латина нас заставляй его люби... — И он, как мог, рассказал старцу про свою учёбу в католической коллегии. Не забыл поведать и о том, как они с товарищами из тайного общества боролись против маньчжуров.

— Выходит, ты тоже ноне латинянин? — выслушав парня, задумчиво проговорил старец. Ян Лун затряс головой.

— Моя не латина! — громко заявляет он. — Латина полохой. Человека латина нас осень больно бил. — Он показывает шрамы на своём лице. — Осень полохой латина!..

Старец понимающе кивает ему.

— Ну так принимай нашу веру, — говорит. — Хотя не буду скрывать: православные тоже всякие бывает. Всё, брат, зависит от самого человека. Коль дьявол в тебе сидит — нечего ждать от тебя добра. Ты понимаешь, о чём я говорю? — спрашивает он кяна.

— Понимай, понимай! — кивает головой тот.

— Ну тогда выбор за тобой. Коль захочешь принять нашу веру — приходи в храм... Ты скажи, долго думаешь пробыть у нас? — спрашивает он парня.

Тот пожал плечами.

— Моя не знай, — говорит. — Хосю домой, но там меня сажай тюрьма и убивай.

— Ну и оставайся в монастыре, — говорит ему старец. — Бывает, с крестом в руках ты больше сделаешь, чем с мечом. Ибо не войско нас охраняет, а Бог. Придёт время, ты снова явишься на свою землю и будешь там проповедовать добро. И слово твоё превратится в оружие, которое поразит всех твоих врагов... — Старец умолк. Было видно, что он устал. Что ни говори, а годы брали своё. — Ну, буде дяковать... Разговор хорош, когда в нём мера есть, — изрёк он и поднялся из-за стола.

Потом Ян Лун долго размышлял над тем, что говорил ему старик. «Не войско нас охраняет, а Бог...» — эти слова он обязательно запомнит на всю оставшуюся жизнь. Кто знает, быть может, и в самом деле только вера в Бога приведёт его народ в Царство Света? Но для этого нужно, чтобы свет веры озарил людские сердца. Задача трудная, однако, вполне выполнимая. Тот же старец Гермоген говорил, что московский хан собирается открыть в Пекине своё постоянное дипломатическое представительство, а при нём — миссионерскую православную школу. Может так случиться, что следом за этим в Поднебесной появятся и православные храмы, куда люди будут идти за правдой. Глядишь, и наступит день, когда эта правда объединит всех страждущих, и они покончат с ненавистными захватчиками. Да, путь это долгий, но зато надёжный.

На сырную седмицу, аккурат за пару дней до Великого поста, в Албазин пожаловали гости. Это были посланники чучарского дзяньдзюня. Их никто в крепости не ждал, а потому казаки сильно удивились, когда увидели, как по уже не столь крепкому поплывшему во многих местах весеннему льду в сторону русского берега направляется конный поезд. Их было человек десять ездовых, а при них ещё санный возок да верблюды с вьюками на горбу.

— Стой! — кричит с подзорной башни ступившим на берег непрошеным гостям караульный— Чаво надоть?

— Атамана нужна! — отвечают ему. — Зови атамана!.. Гость пришёл, подарка привёз...

Кликнули Черниговского.

— А я что? Я теперь тут не начальник, — говорит Никифор. — Зовите Вишнякова — он прошлым годом у меня Албазин принял.

Однако казаки не сдаются.

— Да рази он атаман? — говорят они. — Всего-то приказчик, а за войско одно ты отвечаешь.

И всё ж пришлось звать Семёна. Тот нехотя поплёлся на берег встречать богдойцев. Небольшого росточка, гладкий точно то яичко, с вечно заспанными глазами он по-прежнему не пользовался уважением у казаков. Наслышанный об их буйном нраве, он боялся слова при них лишнего сказать — а вдруг побьют? Делами занимался мало — только и знал, что жалобы писать Шульгину в Нерчинск. Тот несколько раз приезжал в Албазин, страдал непокорных казаков, даже обещал Царю на них жаловаться, но всё оставалось по-прежнему. Казаки не слушались приказчика и по всякому поводу, как и прежде, обращались к Черниговскому. За ним и шли...

Гости из-за Амура привезли с собой богатые дары: китайскую бумагу, атлас, парчу, фарфор, хрустальные корчаги, зелёный чай, жемчуг да золотые украшения. Узнав, что пожаловали они с единственной целью — чтоб обсудить пограничные дела, Вишняков растерялся.

— Братцы, что мне делать? — спрашивает казаков. — Я ж не вправе решать державные вопросы, а те ему:

— Да ты послухай этих басурман, а там уже вместе решим, что делать. Надо — Царю отпишем, а не надо — так и на Бога спишем...

Гостям отвели место за крепостной стеной, где они разбили свой лагерь: раскинули сшитые из воловьих шкур шатры и устроили поветь для животных. Вечером в честь гостей в приказной избе накрыли стол. А так как была масленичная неделя, когда по православным законам уже не положено было вкушать мясную пищу, на стол выставили блины со сметаной, сыр, творог, яйца и рыбу, пойманную из-под льда. Ко всему жонки принесли полный таз пирогов с капустой и вареники с брусникой. Был и ядрёный мёд, который в этот вечер лился рекой. Так что гостей пришлось выносить из избы на руках, утром же они не могли проснуться и потому спали до обеда.

— Проклятые варвары! Чем же это они нас вчера напоили? — открыв наконец глаза и хватаясь за больную голову, застонал Цуй Чи, грузный маньчжур с круглой, словно шар, головой, который был у послов главным. Русским он представился как сподручник чучарского дзяньдзюня, на самом же деле это был верный человек визиря Палаты наказаний Лань Ма, которому сановник обычно доверял самые важные и трудные дела. Он был ещё не стар и полон сил, поэтому ему не страшны были дальние расстояния. Он вообще ничего не страшился в этой жизни, но казацкий мёд он запомнит надолго...

На этот раз Цуй Чи предстояло сделать, казалось, невозможное: он должен был найти в чужой земле человека, в поимке которого был заинтересован сам Император Кан-Си. И не просто найти, но и тайно переправить его в Пекин. В крайнем случае, умертвить его, коль не будет иного выхода. Для этого в помощь Цуй Чи дали двух опытных людей из тайного дворцового ведомства. Миссия та была настолько секретной, что, кроме их троих да специального посланника Палаты иноземных дел старика Хуан Мина, никто из сопровождавших их людей не был посвящён в суть дела. Знали только то, что едут обсудить с русскими некоторые пограничные вопросы. А чтобы те ничего не заподозрили, даже была составлена специальная грамота, подписанная чучарским дзяньдзюнем. В ней говорилось о том, что он, дзяньдзюнь, очень обеспокоен тем, что русские стягивают силы

к границам Империи и просил немедленно отказаться от этого. В противном случае-де и они, богдойцы, начнут ставить свои гарнизоны вдоль Амура.

Эту грамоту Семёну Вишнякову послы вручили в первый же день переговоров, которые решено было проводить в соборной избе, ибо в ней было больше места, чем в приказной. Написана она была на двух языках — латинском и официальном пекинском, гуаньхуа, которых никто в Албазине знать не знал. А просить перевести писаное чужеземцев казаки не решились, потому как нельзя было показать богдойцам свою беспомощность, а заодно и невежество. В общем, если бы не Черниговкий, то вышел бы настоящий конфуз.

— Нам надобно время, дабы письмишко-то это изучить, — пришёл он на помощь не вдруг растерявшемуся приказчику. — Когда будем готовы — тут же сообщим вам. А пока отдыхайте. Эй, казак! — позвал он стоявшего на страже у дверей Мишку Ворона. — А ну давайте-ка свозите с хлопцами наших гостей в монастырь. Пусть попьют с монахами чайку, а то, может, те и бражкой их угостят.

— Слухаю, дядька Никифор! — тут же проявил готовность молодой казак. — А то б можно было и на ведмедя их взять... Я слышал, Ефим-то наш мишука слеглого где-то под колодой отыскал, завтра в тайгу за им собрался...

— Ну что ж, Верига знатный берложник, — говорит Никифор. — Только рисковать гостями мы не станем. А что ежели их косолапый подерёт? Тут же в Пекине сочтут, что мы это нарочно зло учинили. Так что лучше побережём азиятов.

Эх, знать бы Никифору, с кем он имеет дело! А то ведь, не ведая того, сам пустил волков в овчарню. Бедный Ян Лун! Он-то думал, у русских он будет в безопасности, а тут... Нет, не зря говорят, что у Императора длинные руки.

Однако покуда ничто не омрачало жизнь беглеца. Даже когда он увидел богдойских конников, что прибыли в монастырь в сопровождении казаков, не очень-то испугался. Особо когда узнал, что это всего лишь чучарские посланники, которых интересуют исключительно пограничные дела.

Другое дело Цуй Чи. Когда среди встречавших их монахов он вдруг заметил молодого человека азиатской наружности, одетого в традиционный ханьский халат, то несказанно обрадовался. Ведь это мог быть именно тот, кого они ищут. А тут ещё старец неволью подсобил ему.

— Чтой-то ваш толмач такой бестолковый? Неужто в вашем отечестве не нашлось кого другого? — поморщился он, когда в беседе за обеденным столом, накрытом в честь нежданных гостей в его келье, переводивший их речи маленький желтолицый азиат несколько раз не смог донести до богдойцев его мысль. — А ну-ка приведите сюда нашего Ваньку! — распорядился он.

Когда в дверях появился Ян Лу, Цуй Чи велел своему толмачу осторожно спросить старика, кто будет этот молодой хань и давно ли он живёт в монастыре. Старец, не чувствуя в словах гостя скрытого умысла, так и ответил, что тот появился у них лишь недавно, но уже успел удивить всех своим прилежанием, а еще знанием великого множества языков. Эти слова ещё больше утвердили Цуй Чи в мысли, что ему неслыханно повезло. Ведь он знал, что беглый преступник воспитывался в папской коллегии, где её питомцев учили языкам.

— А не говорил ли этот человек, откуда он родом? — чтобы отбросить последние сомнения, снова обращается он к старцу.

— А вот щас мы его самого и спросим, — произнёс Гермоген. — А ну, Вань, поди-ка сюда!... Тут вот интересуются, откуда ты родом...

Услышав это, Ян Лун побледнел. Однако чтобы не выдать себя, он покорно поплёлся к столу.

— Садись, — велит ему старец, указывая на место рядом с собой. Тот снова безропотно подчинился ему. — Налейте-ка ему чайку, — обращается Гермоген к стоящим

за его спиной монашкам. — Ну а ты давай, удоволь нашего гостя, скажи ему, кто ты да откуда.

Ян Лун осторожно взглянул на сидевшего по другую сторону от старца важного господина и что-то сказал ему на своем языке. Цуй Чи кивнул, давая понять, что его устроил ответ. На самом же деле он не поверил этому молодому ханьцу, который попытался выдать себя за уроженца провинции Цзянсу. Луна подвело то, что он не умел врать. Всякий раз, когда он пытался это делать, у него невольно дрожал голос. То же самое случилось и сейчас.

Видно этот маньчжу что-то заподозрил! — запаниковала душа беглеца. — Вон с каким интересом смотрит на меня. Но стоит ли бояться? Наверняка эти люди ничего не знают обо мне. Да хоть бы и знали! Разве ж они посмеют чинить мне расправу, когда вокруг столько русских? Уж те-то не дадут меня в обиду!..

Однако чувство опасности продолжало преследовать беглеца. Даже после того, как богдойцы, раскланявшись с монахами, уехали, он не перестал думать о них.

Кто же они? И вправду посланники чучарского дзяньдзюня или же только выдают себя за них? Что-то подсказывало ему, что здесь всё не так просто, как кажется. Уж больно странно вели себя эти люди. Взять хотя бы того важного господина по имени Цуй Чи, чьё любопытство не знало границ. Вначале он спросил, откуда Ян Лун родом, потом вдруг ему захотелось узнать, где молодой хань выучился языкам. Были еще какие-то вопросы, которые тот как бы походя задавал ему, пользуясь тем, что бывший с ними рядом старец не понимал чужую речь.

В свою очередь Цуй Чи тоже терзали сомнения. А вдруг это не тот человек, кого они ищут? Ведь хань назвался ему другим именем. Русские же постоянно кличут его Ванькой, тогда пойдя, разбери, какое у него настоящее имя!.. Но, слава небесам, есть то, что выдаёт его с головой. Это его образованность и хорошие манеры, которые бывает трудно скрыть. Вдобавок ко всему — у него чистое пекинское произношение. Так что, несмотря на то, что молодой хань изо всех сил старался спрятаться за воловьей шкурой напускной провинциальности, это ему не удалось.

— Вы помните того молодого толмача, который помогал нам с монахом обмениваться речами? — после возвращения из монастыря собрав в своём шатре всех, кто был посвящён в суть тайного предприятия, спрашивает Цуй Чи. — Так это он... Тот, кто нам нужен!

— Вы уверены? — спрашивает его специальный посланник Палаты иноземных дел Хуан Мин.

— Я редко ошибаюсь, — заявляет Цуй Чи. Его надменный тон явно раздражает старого дипломата.

— Редко ошибаются только боги, достопочтенный Цуй Чи, — говорит он. — А нам, смертным, остаётся только завидовать им.

— И всё же я уверен, что это он! — не сдаётся Цуй Чи.

— Тогда что же вы предлагаете нам делать? — спрашивает его Хуан Мин, бесстрастно поглаживая свою седую реденькую бородёнку. Промеж тем на жёлтых впалых щёках его медленно проступал румянец надежды.

Цуй Чи переводит свой взгляд на сидевших пред ним на корточках двух крепких молодцев, приданных ему в помощь Тайной палатой Императора.

— Пришла ваша пора включиться в дело, — говорит он им. — Надобно выбрать удобный момент и захватить злодея в полон!

— А может, убить его сразу? — предлагает один из них, широкоскулый детина едва ли не в сажень ростом.

— Убить врага — дело нехитрое, но наш Великий Император велел доставить злодея живым, — говорит Цуй Чи. — И только лишь в крайнем случае... — Он многозначительно посмотрел на заговорщиков.

— Мы получили должный наказ, — проговорил здоровяк.

— Тогда вы знаете, что вам надлежит во всём слушаться только меня и без моего позволения ничего не предпринимать, — произнес Цуй Чи.

— Да, достопочтенный, мы это знаем, — поклонившись, проговорил товарищ, широкоскулого. У него был низкий крепкий лоб и могучая шея, отчего он сильно смахивал на боевого шпанского быка.

— Ну тогда запоминайте, что я вам скажу...

И Цуй Чи стал излагать заговорщикам детальный план придуманной им операции.

Он понимал, что взять в полон беглеца будет непросто. Ведь тот мог поднять шум. Да и соваться в монашескую обитель было опасно. Ещё чего доброго сочтут за лазутчиков! Поэтому он велел сподручникам установить наблюдение за монастырём. Спрятаться где-нибудь в кустах — и ждать, памятуя о том, что небеса всегда благосклонны к терпеливым. Однажды Ян Лун всё равно появится — ведь не век же ему сидеть за монастырскими стенами. Тогда-то и нужно будет полонить его и скрытно доставить к границе, чтобы ночью переправить за Амур. Сделать это будет не так трудно. Вокруг одни леса, где можно всегда спрятаться от чужих глаз.

— А пока вы следите за монастырём, — говорит Цуй Чи своим сподручникам, — мы с господином Хуан Мином будем вести с северными варварами переговоры. При этом всячески затягивая их, — добавил он. — Не уедем, пока не завершим главное дело... Впрочем, нас никто не торопит. Пока суд да дело, люди из Военной палаты, кои посланы с нами для разведных дел, успеют осмотреть здешние окрестности. И не просто осмотреть, но и составить подробный чертёж береговых фортификаций, а заодно и выяснить численность русского гарнизона. Думаю, всё это нам в будущем пригодится...

— Вы хотите сказать, что будет война? — спрашивает Хуан Мин.

— Конечно! — воскликнул Цуй Чи. — Война неизбежна! Набеги, которые наши ратники совершают на левый берег Чёрной реки, ничего нам не дают. Ведь эти оросы очень упрямый народ. Их бьют, а они всё одно лезут... Одним словом, варвары. Подумать только! За последние сто лет из небольшого государства они превратились в огромную державу, земли которой простёрлись едва ли не до Великого океана. А ведь ещё совсем недавно эти люди ходили в шкурах, в то время как мы уже знали письменность и имели богатую историю.

— На свете, мой друг, постоянно случаются чудеса, — вздохнул Хуан Мин. — И чем дальше, тем их всё больше и больше. И нет той силы, что остановит тех же северных варваров в их стремлении завоевать для себя больше пространства. Не знаю, что уж ими движет — жадность или же умение видеть перспективу, только с государственной точки зрения они поступают правильно. Другое дело, они никак управиться с захваченным не могут. Но самое главное — они ущемляют наши интересы. А такие ситуации обычно приводят к конфликтам.

— Я и говорю, что война неизбежна! — отдавая должное словам Хуан Мина, с некоторым пафосом произнёс Цуй Чи.

— Этак зачастую решают вопросы военные, — тут же огорчил его Хуан Мин. — Мы же, дипломаты, всегда стремимся к тому, чтобы всё обошлось без кровопролития. Да, договориться труднее, чем поднять меч на врага, но мы же люди, а не животные. Если с чем и должен бороться человек, то это только с собственной глупостью и жестокостью. Коли этого не будет, мы вновь превратимся в пещерных людей.

На губах Цуй Чи появляется гаденькая усмешка.

— Оказывается, вы философ, — с иронией в голосе произнёс он. — Но что толку от этой вашей философии? Сила человека — это его воля и оружие.

— Нет, сила человека — это его мозги, — поправляет его дипломат. — Без них никакое оружие ему не поможет — разве что ещё больше бед принесёт...

Цуй Чи покачал головой.

— Вам, уважаемый, трудно меня переубедить, — говорит он. — Ведь до того, как меня перевели на службу в Палату наказаний, я с мечом в руках прошёл почти всю Азию,

покоряя её народы, и кому, как не мне, знать, в чём заключается сила человека?.. Ну а оросы... — Он сделал паузу, будто бы пытаясь подобрать нужные слова. — У нашего молодого Императора, говоря словами франков, много амбиций и он не станет им уступать... В Пекине говорят о каком-то грозном албазинском войске, но мы-то с вами видим реальную картину. Где это войско, скажите мне? Есть только кучка полуголодных казаков. Ведь они сами говорят, что ноне на здешних полях недород был, а везти столь необходимый оросам хлеб издалека — накладно. Вот и посудите, каково им тут живётся... А ведь известно, что голодный воин — плохой воин.

— И всё же дипломатия больше приносит человечеству пользы, — многозначительно произнёс Хуан Мин. — За ней будущее. Придёт время, и люди научатся договариваться между собой. И тогда войны исчезнут навсегда.

— Это позиция слабых! — воскликнул Цуй Чи.

— Нет, это позиция тех, кто стремится обратить наш грубый и дикий мир в мир счастья и благоденствия, — спокойно возразил ему Хуан Мин.

Цуй Чи фыркнул.

— Теперь я понимаю, почему я всю жизнь недолго любил дипломатов, — не найдя иных аргументов, чтобы продолжить спор, неожиданно заявляет он. — Дай вам волю — вы нашу Великую Империю тут же превратите в половую тряпку. Чтобы об неё ноги всё вытирали, — добавил он.

Часть вторая

Глава первая. Родные дымы

Фёдор с товарищами вернулись домой, когда их уже и ждать перестали.

— Сгинули наши братушки во чужой земле, — вздыхали казаки. — Эх, ма! Вот так всю жизнь по бедам и ходим!..

— Да что вы, ей Богу, их хороните! — злился Черниговский. — Не верю, чтобы Федька не возвратился. За им беда всю жизнь по пятам ходит, а догнать так и не может. Потому как уж шибко везучий он.

Прав оказался Никифор. За неделю до праздника Воздвижения, когда на Руси обыкновенно бабы начинают солить капусту, Фёдор и объявился в крепости. Да не один, а со всей своей невеликой дружиной. Встречать их высыпал весь Албазин. Те выглядели усталыми и хмурыми.

— Эвон как убитые явились-то! — воскликнула какая-то казачка, увидев чёрные ввалившиеся глаза всадников. — Видать, нелегко пришлось, сердешным...

— Фёдор, ты скажи: сына-то своего нашёл? — кричит кто-то вслед Опарину.

Тот ни глазом, ни ухом не повёл.

— А Егоршу Комара там видали? Ну чо молчите, казаки?..

А те, опустивши головы, так молча и прошленькали мимо толпы — будто бы призраки какие.

— Эва как! — покачал головой Иона. — Знать, не дал Бог им поспешенье¹ в их промыслах. А всё потому, что благословенья старца не получили перед тем, как отправиться в путь.

— Какое еще благословение! — усмехнулся кто-то из стоявших в толпе албазинцев. — Им надо было, чтоб Вишняков не прознал, оттого и спешили.

— А кабы и прознал, так что? — спрашивает Иона.

— А то! Он бы ни за какие коврижки их не пустил! Запер бы в темницу — вот и весь разговор! — отвечают ему.

¹ Поспешенье – помощь, удача.

— А то Фёдор бы стал слушать его! — хмыкнул диакон. — Огрел бы плетью — и поминай, как звали.

Миновав крепостные ворота, всадники, не останавливаясь, двинулись в сторону посадских изб. Сейчас их единственным желанием было поскорее попасть домой. Перед тем они трое суток были в дороге. И сами умаялись, и коней умаяли. Но что было делать, коли за ними по пятам шёл враг. Седьмого дня под Айгуном они напоролись на конный отряд маньчжур. Пришлось дать бой. Сеча была кровавой, однако длилась недолго. Поняв, что перед ними лихие рубаки, богдойцы отступили, оставив на поле брани с полдюжины своих мёртвых товарищей.

— Сучьи дети! Поди, за подмогой поскакали, — поглядев вслед утекавшим азиатам, говорит Фёдор. — А ну давай, братцы, за мной!.. — и он пришпорил своего верного Киргиза. Надо было убираться по добру по здоровью, пока не появились басурманы.

До границы тогда оставалось всего-то верст тридцать, но этот путь казакам показался долгим, словно сама жизнь. Как же они обрадовались, когда где-то впереди замаячила серая с осенней рябинкой полоса Амура. Там, за этой полосой их родная земля. Ещё немного — и они будут в безопасности. Остаётся только переплыть реку — и всё...

— Манзуры! — первым заметил настигавшего их ворога Игнашка Рогоза.

— А ну давай к реке! — не раздумывая, скомандовал Фёдор и погнал Киргиза по заросшим кустарниками прибрежным пескам. Колючие ветки шиповника больно ранили ноги коней, высокие пожухлые травы мешали их бегу; они спотыкались, сбивались с шага, однако, чуя беду, продолжали вперегонку мчаться вперёд.

Однако река в этих местах оказалась широкой и прогонистой¹. Фёдор тут же смекнул, что лошадям вряд ли удастся одолеть её. Сил не хватит. Понесет так, что не выплывут. Попытаться самим доплыть — так ведь в воронку закрутит или же ноги судорога сведёт. Месяц-то холодный, оттого и вода ледяная...

Но и назад им не было ходу. Вон как гудит земля под копытами вражьих коней — того и гляди настигнут. И тогда пиши пропало... Ведь их там, этих богдойцев, поди, целая воронья туча — разве устоишь?..

Надо уходить берегом, — единственное, что пришло в эту минуту на ум старшине.

— А ну, братцы, гайда за мной! — крикнул он и поскакал туда, где в лучах закатного солнца чуть заметно пылала далёкая кромка горизонта.

Казаки гнали коней так, что у тех только пена летела изо рта; они громко храпели и задыхались от быстрого бега. Нужно было оторваться от преследователей, однако с каждой минутой победные ликующие крики за спиной становились все громче и громче.

— Фёдор!.. А ну давай дадим бой этим змеям! — хрипит оказавшийся рядом с Опариным Семён Онтонов.

— Гони! — рычит тот.

— Так ведь одно догонят...

— Гони!

Ну разве мог Фёдор рисковать людьми, которые доверились ему и пошли вместе с ним в чужую землю? Да и своей жизни было жалко. Что тогда станет с его любимым сыном Стёпкой и его матерью? Ведь пропадут они без него. Ну, кому они будут нужны?.. Так что ему ещё рано помирать.

— Ну же, поднажми, милай! — припав щекою к гриве коня, жарко дыши ему в самое ухо старшина. — Ещё... ещё швыдче!.. Не дадим поганому ворогу над нами расправу чинить...

— Федя, не убежим! — кричит поравнявшийся с Опариным Иван Шишка. — Давай в реку!.. Одно помирать!..

¹ Прогонистый – быстрый, норовистый.

— Вперёд гляди! — рычит Фёдор. — Убежим, дай срок... Господи, прости и помилуй наши души грешные!..

И Бог будто бы услышал его... Пока они загоняли в мыло своих коней, солнце скрылось за горизонтом, и землю окутала тьма, которая надёжно спрятала беглецов от чужого глаза.

Потом был долгий ночной переход. Под утро, задав коням корму и дозволив им напиться из реки, что в этот ранний час ещё мирно дремала в туманной предрассветной дымке, казаки снова тронулись в путь. Так и шли они семь дней и семь ночей, пока не вышли к Албазину. К зиме Амур спал и обнажил мели. По ним и перебрались на другой берег...

— Ну вот мы наконец и дома! — широко улыбнувшись, произнёс Опарин.

Он слез с коня и, встав на колени, поцеловал схваченную морозцем землю. Его примеру последовали и остальные казаки.

— Господи, хорошо-то как! — выпрямившись во весь рост и глубоко вздохнув, проговорил Карп Олексин!

— Да-а... — потянул носом Игнашка Рогоза, пытаясь уловить в струях утренней свежести знакомые запахи. Учувя что-то, улыбнулся. — Однако просыпается народ, — говорит. — Вон уже и печи затопили. Скоро хлебами запахнет...

— И шами из кислой капусты, — мечтательно проговорил Иван Шишка.

Где-то скрипнул колодезный ворот, следом залаял чей-то пёс... «Варька-а! — послышался вдалеке женский голос. — Ты коровку подоила?.. Ужо? Ну тада не забудь ей сенца подбросить...»

Верно, и мои там успели с Пеструхой управиться, — бросив взгляд в ту сторону, где был его дом, подумал Фёдор. Когда он уезжал, коровка-то их стельная была вторым разом. Поди, отелилась давно, решил он. Теперь она двух молок. Вспомнил, как после первого отёлу они с женою дали молочнику сосать недели две, после чего решили править новотел. Сварили кашку на молоке, добавили к ней сенца да хлеба с солью и стали угощать Пеструху. Пока та ела, они опрыскали её святою водой, что Наталья принесла из церкви. Отъемыша они потом продали одному пашенному из монастырской слободы. А то у того своя переходницей оказалась. Стельная была, однако не отелилась в срок и осталась яловой. На второй год всё повторилось, только на этот раз она не обошлась в стаде и снова осталась яловой. Мужик испугался, что так оно и впредь будет, и уступил её кому-то из соседей.

Надо бы еще одну коровку прикупить, — думает старшина. Конечно, им бы и одной Пеструхи хватило, но ведь у него, считай, ещё одна семья имеется. А там казак будущий растёт, ему сейчас только подавай... Ну и Саньке наконец работа найдётся. Раньше-то на Яшку Попова всё надеялась, но того ноне нет — помер он, так и не оправившись после тяжёлого ранения. Значит, теперь придётся всё самой. Маняшка-то за дитём ходит, ей недосуг...

Вспомнив о Стёпке, Фёдор улыбнулся. И так хорошо у него вдруг стало на душе. А то ведь всю дорогу был хмур и молчалив. А всё потому, что за эти полгода им с товарищами так и не удалось отыскать Тимоху. Почитай, всю басурманскую землю прошли, столько всего натерпелись — и всё без толку. Как-то примет эту весть Наталья?.. Жалко её. Поди, все глаза уже выплакала. Когда провожала мужа, надеялась, что он вернётся вместе с сыном, ан не получилось... Но ничего. Дайте срок — Фёдор всё равно отыщет своего Тимофея. Вот только чуток отдохнёт...

— Эй, вы! Кто такие? — неожиданно прозвучал в предрассветной тишине чей-то сердитый голос. То был караульный Евдоха Краснов, пытавшийся из окна сторожевой башни разглядеть, кто там топчется на берегу.

— Свои! — отвечает ему Фёдор.

— Кто «свои»? Назовись!

— Да я это, Федька Опарин... А со мною мои товарищи...

— Фёдор Петров? Вот так чудо! А мы-то ненароком подумали... Эй, слуха-а-ай! — вдруг громко закричал он, стараясь, чтобы его услышала вся округа. — Наши пропавшие из походу вернулись! Давай, встречай их, народ!

Сбежались люди. Кричат, шапки вверх бросают, радуются.

— Ну вот, поплутали по свету, а всё одно в свои удебки¹ возвратились, — радостно приветствовал их Черниговский. — Ну, добро пожаловать, друзья мои товарищи! Ждали, ждали мы вас... Однако долго вы плутали...

Когда открылась дверь и Наталья увидела на пороге своего мужа, она едва не лишилась чувств.

— Федя... — только и смогла проговорить.

Поцеловав жену, Фёдор отодвинул от стола рубленую из морёного листвяка скамью и тяжело опустился на неё.

— Ну, рассказывай, как вы тут?

А что ей рассказывать? Только и знала, что считала дни до его возвращения, да ещё молила Бога, чтобы он не оставил мужа в беде.

— Да ты садись, — указывает Фёдор на место рядом с собой. — В ногах, говорят, правды нет...

Наталья присела на краешек скамейки и с надеждой заглянула мужу в глаза. Что-то он ей скажет?..

— Прости, не удалось мне отыскать нашего сына, — как бы отвечая на её немой вопрос, угрюмо проговорил Фёдор. — Да и как отыщешь, ежели там народу, как в том муравейнике. Так что оно легче было бы иголку в стогу сена найти... Но погодь, вот немного отдохну — и снова двинусь в путь. Теперь уж пойду к ихней столице. Я слышал, туда всех полонённых свозят... А где Петька-то? — неожиданно переводит разговор старшина.

— В Монастырщину поскакал... Кто-то шепнул ему на ухо, что Любашка его замуж выходит — вот он и взбесился.

— Как бы дел не наделал, — нахмурился Фёдор. — А то ведь у него ума хватит...

В эту минуту открылась дверь, и на пороге появился атаман. Да не один, а с приказчиком.

— Ну вот, явились — не запылились, — усмехнулся старшина. — Ну, коль пришли — проходите, — обращается он к гостям.

Те молча вошли в избу и устроились на лавке у припечья.

— Ну что, Федя, не нашёл сынка-то? — участливо спрашивает Фёдора Черниговский.

— Не нашёл... — отвечает тот. — Через всю, почитай, ханскую землю с товарищами моими прошёл — и ничего... Как будто в воду канул...

— Хорошо хоть живыми вернулись, — вздохнул Никифор. — Поди, всякое было-то?

— Да уж было... — усмехнулся старшина.

— Оно и видно, — заметив свежий шрам на лице Фёдора, говорит Никифор.

— За то и ответ держать будете! — недобро проговорил Вишняков. — Завтра же совет соберём — судить вас будем!

— Да погодь ты, ей-Богу! — одёрнул его атаман.

— Да как погодь? Они ж царский приказ нарушили! — не унимается Семён. — Аль не знаешь, что Царь наш Алексей Михайлович воспретил казакам в богдойские земли ходить?..

¹ Удебки – края.

— Это он задору не велел им чинить, а ежели дело какое важное — так оно можно... — отмахнулся от него Черниговский. — Небось, умаялись?.. — спрашивает он старшину.

— А то! — устало произнёс Фёдор. — Так умаялись, что и белый свет стал не мил.

— Ну и где были, что видали? — интересуется Никифор. — Ходят слухи, Хан большие силы к границе стягивает, крепости по Амуру ставит. Али брешут?

Фёдор покачал головой.

— Да нет, не брешут, — говорит. — Взять тот же Айгун — слышал?

— Да слышать-то слышал, а вот видать не приходилось, — отвечает Никифор.

— Ну и ладно! Меньше знаешь — лучше спишь... — пытается встрять в разговор Вишняков.

— Тебе-то ладно, а вот нам не всё равно, — нахмурил брови атаман. — Ворог тогда не страшен, когда о нём сведения имеешь. А нам надобно всегда быть готовым к войне.

Семён фыркнул.

— О какой такой войне ты говоришь? — спрашивает он Никифора. — Ведь Царь наш с Ханом братьями друг дружку называют, в вечной дружбе клянутся...

— Иногда и братья дерутся меж собой, — на что заметил атаман. — Ну так что там твой Айгун?.. — снова обращается он к старшине.

И Фёдор рассказал ему о том, как в поисках несчастных полонян они с товарищами несколько дней рыскали вокруг этого острожка, пытаясь запомнить всё, что видели. Это на тот случай, если вдруг придётся воевать маньчжуров. А что такая опасность существует, сказывали ещё пленные лазутчики, промышлявшие близ Албазина. Те, когда их начинали опытовать, называли Айгун одним из главных маньчжурских опоров на границе, откуда постоянно велась разведка русских территорий.

Город, говорил Фёдор, хорошо укреплен. Стены его сложены из дёрна и с двух сторон облицованы острожным полисадом. Толщина стен между полисадом была в две сажени. Снаружи около валов был выкопан ров в одну сажень глубины, вдоль которого, особо в приступных местах, были биты «чесноком¹» сваи. В двух воротах городка стояли по две пушки на станках и колёсах.

Однако, что там было внутри, до времени они не знали. А тут вдруг на глаза им попался молодой кян, собиравший в лесу хворост. На их счастье, тот немного лопотал по-русски, которому, как он сказал, научился, когда помогал своему дальнему родственнику торговать в Селенгинске камкой. От него-то они и узнали, что в городе расположился большой военный гарнизон — до двух тысяч человек с лошадьми и тридцатью пушками. Что вместе с войсками сюда прибыли несколько сот пашенных и другого люду для заселения и освоения этого края. Но самое главное, что у богдойцев на берегу на катках стоят суда, которые при надобности легко можно будет спустить на воду. Куда поплывут они — тут и гадать не надо было. Конечно же, манзуры готовятся к большой войне. Это казаки поняли ещё тогда, когда пытались вести подзор близ Чучара, самого крупного из северных богдойских острогов. Там уже собралось до пятнадцати тысяч ратных людей, а войска всё продолжали и продолжали прибывать...

А вот пленников в Айгуне не оказалось.

— Элосы Айгун была, однако потом ходи далеко... — сказал им кян.

А иного Фёдор и не ожидал услышать. Ведь знающие люди давно говорили ему, что пленных поначалу везут в Айгун, а уж потом их следы теряются на огромных просторах империи. Знать опоздали, с горечью сказал тогда он.

— И что крепость? Сумеем мы её взять? — неожиданно спрашивает Фёдора Черниговский.

Сидевший рядом с ним приказчик, услышав это, даже подпрыгнул на лавке.

¹ Чеснок – вбитые в землю острые надолбы.

— Ишь куда хватил! — воскликнул он. — Да тебе, знаешь, что за эти слова полагается?.. Прознай об этом воевода, а, не дай Бог, Царь — не миновать тебе виселицы. Ей-ей не миновать!..

— Так ведь окромя тебя некому донос-то учинить, — усмехнулся Никифор. — Да и не воровское я дело замышляю — о Державе думаю. Что ежели ворог и впрямь на нас пойдёт?.. Ну, скажи, Семён, пошто богдойцы свои острожки по Амуру ставят? Чтобы курей разводять? Э, нет! Они к походу большому готовятся. Вот попомни мои слова!.. Коль встретимся через пяток лет живыми — сам скажешь, кто был прав...

Он умолк.

— Понаблюдать за богдойцами надобно бы, — неожиданно произнёс Опарин. — А для того людей след для подзору послать.

— Только не это! — взвизгнул Вишняков. — Коль хотите, отсель наблюдайте, а туда, — он кивает в сторону границы, — ни ногой!..

— А то мы тебя спросим! — хмыкнул атаман. — Сидишь в приказной избе — вот и сиди себе. А коль в наши дела начнёшь свой нос совать — сам нагайкой отстегаю.

— Что-о! — вскакивает с лавки Семён. — Да я... — У него перехватило дыхание. — Я ж тебя, вора паршивого, в железо закую!.. Ты думаешь, Царь забыл про твои подвиги? У, тать! — злобно сверкнул он глазами.

— А ну, закрой свою поганую пасть, морда собачья! — хватает его за грудки Никифор — Все ж-таки разозлил меня, гад ты ползучий... Пшел вон отсель! — толкнул он его к двери.

— Ну погоди у меня! — пригрозил тот ему и выскочил из избы.

— Пёс! — в сердцах бросил ему вслед Никифор. — И откуда они такие берутся?

— Так то ж не казак — начальево, ты забыл? — криво усмехнулся Фёдор.

— Ну да, наш чин не любит овчин... — в сердцах произнёс Черниговский.

— Ну так о чём тогда говорить!.. Чиновному, что дураку, — везде простор, — уловив его настроение, говорит Опарин. — Ты видал когда хороших людей среди них?.. Вот и я не видал. Ну, кто у нас в Державе самые первые воры? То-то же!.. Оне и нас грабят, и казну державную — жируют, псы поганые! А чуть что — народ во всём виноват!.. Ты думаешь, я просто так к Разину-то подался? Э, нет! Насмотрелся на этих кровососов — вот и... — Тише ты! — приложил палец к губам Никифор. — У стен тоже уши имеются — разве не знал?

— Да ладно!.. — махнул рукой Опарин. — Давай-ка лучше выпьем за моё возвращение... У нас там есть что-нибудь? — спрашивает он Наталью.

Та сбегала в чулан и принесла целую корчагу мёду. После выставила на стол глиняный щаной горшок¹ с похлёбкой, большую чашку солёных огурцов и два серебряных трофейных кубка.

— И себе поставь, жонка, — велит ей Фёдор. — Считаю, что седни праздник у нас. Ить я уж думал, никогда не вернусь домой. Чужая земля она и есть чужая. Там тебя под каждым кустом беда поджидает. Спасибо моим товарищам дорогим. Не они б — ужо бы давно в сырой земле лежал. А так, вишь, живым вернулся...

Правду говорил Фёдор. Когда они гуляли чужими дорогами, им не единожды приходилось вступать в кровавые схватки с маньчжурами. Но молитва да острая сабля всякий раз спасали их.

Прознав, что Любашка дала согласие выйти за Захарку, Пётр пришел в ярость. Да как она могла? Она ж не любит его!.. Убью!..

¹ Щаной горшок – горшок для щей.

Он вскочил на коня и помчался в слободу. Нет, не мог он допустить, чтобы его девка вышла за другого.

Бедный конь! Он мчался вперёд, не разбирая дороги, вихрем пролетая над заливными лугами и болотами, над рёлками и паделями, но Петру казалось, что тот одно плетётся, словно черепаха. Потому безжалостно стегал его кумчаком¹.

— У-у, чёртово семя! — кричал он на него. — Ты пошто меня не слушаешь? А ну поддай!.. Ешо!.. Ешо!.. Швыдче! Швыдче!..

Ветер свистит в ушах, поднимая полы казацкого кафтана и обнажая висящую на боку ездока саблю.

— Нет, не быть их свадьбе! Обоих убью, коли что!.. — размахивая плетью, грозитя Пётр.

Но вот и слобода. Осенние густые дымы белыми дорожками уходят в прозрачное небо. Подскакав к Любашкиной избе, он свистнул три раза по-разбойничьи перед её окном и стал с нетерпением ждать. Так он всегда раньше вызывал её из дому.

Однако на этот раз вместо неё из калитки вышел коваль.

— Чаво надо? — спрашивает. — Ишь, рассвистелся!

— С дочкой твоей хочу поговорить, — отвечает парень.

— Еще чего!.. Коль есть нужда — мне говори, передам, — смотрит из-под косматых бровей на него Платон.

Петровы глаза вмиг налились кровью.

— А ну давай зови дочь! — вынимая саблю из ножен, грозно молвит казак. — Я не посмотрю, что ты ее тятка! Такого перцу задам!

После этих слов у Платона даже губы побелели.

— Вона как! Ну давай, руби... — говорит. — Что, боисси? Тогда дуй отсель по добру по здорову. Иначе я мужиков позову. Ишь, молоко на губах не обсохло, а он туда же...

— Говорю, зови дочь! — замахнулся Пётр на него саблей. — Или я сам в дом войду...

— А попробуй! — загораживает калитку Платон.

— Любушка! — кричит Петр. — Отзовись!.. Это я, Петя твой... Давай же, выйди из дому, не доводи меня до греха!..

Тут и появилась Любашка.

— Уходи! — велит она Петру.

— Да как же так, Любонька! Мы ж в верности друг дружке клялись, а что ж получается?.. Да не дам я тебя никому! Вот те хрест, не дам!

— Тебе сказала девка: уходи — значит, уходи! — требует коваль.

Пётр решительно покачал головой.

— Не уйду! — говорит. — Это ты, Платон Иванов, уходи... Мне с твоей дочкой поговорить надо. Да ты не бойся, не съем я её. Вот только скажу пару ласковых...

— Иди в избу! — велит дочери дядька Кушаков. — Чаво рот-то раззявила?

— Тятенька, дозвожь напоследок поговорить с Петей, — просит его Любашка. — Я только постою чуток и приду.

Тот недобро посмотрел на дочь.

— А чаво тебе с ним языком молоть? Вона иди к своему Захарке и болтай сколь угодно, — говорит. Но Любашка так умоляюще смотрела на него, что он наконец согласился. — Ну ладно... Только смотри, недолго!.. А ты саблю-то спрячь, молокосос! — обращается он к Петру. — Я тебя не боюсь. Так оглоблей огрею — век меня будешь помнить...

— Это мы еще поглянем, кто кого... — усмехнулся казак.

¹ Кумчак – род короткой плети.

— Поглянем-поглянем... — сказал коваль и пошёл прочь от калитки. — Любка, чтоб долго там не торчала! — не оборачиваясь, вновь предупредил он дочь. — Не то выпорю, как сидорову козу!..

Пётр долго не мог начать разговор. Всё подбирал нужные слова.

— Ну, чо молчишь? Говори, зачем пришёл, — прислонившись спиной к пряслу, спрашивает его Любашка.

— Да вот услышал, что ты замуж выходишь... — говорит казак.

— Ну услышал и услышал... Теперь уж ничего не вернёшь, — опустила глаза девка.

— Так это правда? — воскликнул Пётр. — Любонька!.. — бросается он к ней. — Да как же ты могла? Ведь ты ж мне в любви клялась...

Он хотел было обнять девку, но та выскользнула из его рук и спряталась за калитку. Теперь он мог видеть только ее глаза.

— Уходи, Петя... — говорит она ему. — Не дай Бог, Захарка тебя увидит — вот уж шуму будет!

— И ладно! Пусть только вякнет — убью! — сжимает рукоять сабли Пётр. — Он же вор... Вор поганый...

— Да не вор он, Петенька, не вор... — говорит Любашка.

— Как не вор, коли он мою суженую украл? — скрипнул зубами тот.

— Вот заладил-то!.. — всплеснула руками девка. — Ну поверь же, не виноват он. Это все тятенька... Кабы не он, да разве б я когда пошла за этого рыжего?.. У меня ж ты был... Единственный, любый...

На губах Петра появилась горькая усмешка.

— Врёшь! Не люб я тебе был, не люб! Иначе ты бы не предала меня! — в сердцах воскликнул он.

Любашка вспыхнула.

— Ты что... ты что, Петенька? — испуганно вопрошает она. — Я и не думала тебя предавать! Говорю же, меня силой замуж выдают. Ну что я могу поделывать?.. Я и Бога молила, и матушку просила, чтоб она защитила меня, но надо знать моего тятеньку...

— Ну отчего ж он меня так ненавидит? — едва сдерживая слёзы, с отчаянием в голосе проговорил Пётр. — Что я ему такого сделал?..

Ему вдруг захотелось завывать. Подобно тем волкам, что воют по вечерам за околицей. Долго, громко и протяжно. Потому как его душила обида. Ну за что, за что?.. — пытаясь проглотить застрявший в горле комок, всё повторял и повторял он про себя. Чем он хуже этого Захарки?..

— Не смогу я без тебя, Любонька, слышь? Не смогу... — как-то обречённо проговорил вдруг он. — Коль выйдешь за другого — удавлюсь... Так и знай!

— Уж лучше ты меня убей! — распахнув калитку, со слезами на глазах бросается она к нему на шею. — Любый мой, любый! Я ведь тоже не смогу без тебя... Как представлю, что надо будет рожать детишек от этого Захарки — так меня дрожь охватывает.

— Голуба ты моя! — беспрестанно целуя ее лицо, шепчет Пётр. — Давай убежим! Ну, что тебя держит? Тятенька твой позлится-позлится да и перестанет. Вот увидишь: ещё миром заживём!

— Да не могу я послушаться его... — сквозь слёзы, проговорила Любашка. — Он ведь проклянёт меня.

— Не проклянет!

— Что ты, Петенька! Я-то ведь его хорошо знаю.

— Ну коль не хочешь со мной бежать, я тебя прямо со свадьбы украду — так и знай! — заявляет Пётр. — Свадьбу-то на какой срок наметили? — спрашивает.

— На Иоанна Златоуста... — отвечает девка.

— Так ить это уже скоро!.. — испуганно произнёс Пётр. — Любонька, давай, бежим со мной... А назавтра мы уже мужем и женой проснёмся. Ты не бойся, маманя моя

не станет нас корить. Ну а тятка ещё из похода не вернулся... Никогда не прощу ему, что он меня с собою не взял! — неожиданно заявляет он. — Хотя ежели б я уехал... — Он ласково посмотрел на прильнувшую к его груди Любашку.

— И что? — спрашивает она.

— Тебя бы проморгал — вот что! — с жаром произнёс Пётр. — Как представлю, что ты с другим идёшь под венец — так мне худо становится... Любонька, ну же, соглашайся! Сядем щас на коня — и поминай, как звали...

В эту минуту из глубины двора раздался требовательный голос Платона.

— Любка! Буде болтать — быстро домой!

— Ну я побежала... — пытается вырваться из сильных Петровых рук Любашка. — Отпусти же, ну...

— Любонька!.. Ты погоду ужотко¹!.. Ну как же так?.. Нет, не отпущу!.. — взмолился молодой казак.

— Всё, иди... Не то тятенька шум поднимет, — отталкивает она его от себя.

— Я всё равно тебя украду! — говорит Пётр, отпуская Любашку. — А Захарке скажи, чтоб он на глаза мне не попадался — зашибу!

— Любка!.. — снова звучит из глубины двора громкий голос коваля.

— Всё! Прощай... — поцеловав Петра в губы, сказала Любашка и убежала.

Петр едва не закричал от отчаяния. И только мысль о том, что тем самым он выкажет свою слабость перед людьми, остановила его. Но на обратном пути он всё ж не сдержался и завыл. Громко и протяжно. И столько в этом вое было боли, столько отчаяния и горечи, что даже облепившее высокие деревья воронье замерло в удивлении.

— Лю-буш-ка-а-а!

Глава вторая. Свадьбы

Нынешняя осень была богата на свадьбы. Это не могло ни радовать Гермогена.

— Так и должно быть, — говорил он. — Господь завещал нам всем любить и размножаться. Только мы в повседневной суете как-то забываем о главном предназначении человека. А кто, как не наши дети, возвращённые в любви и заботе, помогут нам и нашей Державе великой?

На Покров вышла замуж за Мишку Ворона Аришка Опарина, следом слободской староста Иевлев дочку за казацкого сына Гришку Горчакова отдал, а там и Любашкина очередь настала...

За день до свадьбы к ней снова приезжал Пётр. Умолял её бежать с ним, но она ни в какую. Всю жизнь, говорит, тебя одного любить буду, однако послушаться отца не смогу.

В ночь на Иоанна Златоуста Пётр не сомкнул глаз. Он ворочался на полатах, охал, кряхтел и всё думал о том, как бы ему рассвадить свадьбу. Был бы сейчас рядом Тимоха — не пришлось бы так голову ломать. Убёгом бы решили всё. Выкрасть невесту раз плюнуть. Посадили б её на коня — и в Албазин... Так в своё время поступил молодой казак Емелька Щеглов.

До прихода на Амур тот жил в Якутском городке. Рано остался без родителей, потому и попал в кабалу — пошёл в работники к сыну боярскому. Хозяйство у того было большое. Емелька ходил за скотиной, мыл в доме полы, возил хозяину строевой лес — в общем, был «и швец, и жнец, и на дуде игрец». Так бы и батрачил всю жизнь, да видно надоело ему на чужих-то людей спину гнуть. Решил бежать на Амур, где, сказывали, можно было быстро разбогатеть. Да вот беда — влюбился он. При этом ни в кого-нибудь, а в дочку самого сына боярского Гланьку.

¹ Ужотко — немного.

Емелька тоже глянулся ей, однако она знала, что отец никогда не отдаст её за бедняка. Вот тогда-то парень и предложил ей бежать вместе с ним. Однажды утром пошёл хозяин в чулан будить своего работника, глядь, а его и след простыл. Весь дом обыскал, весь двор — нету. Хватился дочери — и той не оказалось. Потом выяснились, что те сбежали, а куда — неизвестно. Отец объехал все зимовья, все заимки вокруг, но так их и не нашёл. Ушли они. Далеко. На реке Олёкме присоединились к беглым казакам и с ними пришли на Амур.

Об этой истории в Албазине знали многие, и ни разу никто не попрекнул молодых за то, что они соединились убёгом. Напротив, даже радовались за них. Дескать, коль люди любят друг друга, чего уж тут их осуждать? Да, свадьбы по своей бедности они не справляли, но в церкви-то венчались. И даже весточку послали боярскому сыну, прося у него прощения.

Ну, а чем Пётр хуже Емельки? Ведь разве это справедливо, когда твою любимую супротив её воли замуж выдают?..

Сговариваться с дружками, чтобы уворовать невесту, он не стал — сам на свой страх и риск решил действовать. Не отдавать же Любашку другому?..

Утром Пётр встал чуть свет, оделся и неслышно вышел из дома. Было морозно и тихо. Выпавший ночью снег легонько поскрипывал под ногами, норовя разрушить эту хрупкую, словно первый ледок, тишину. Оседлав коня, он прыгнул в седло и помчался в слободу. Конь, храпя и тяжело выпуская из ноздрей густые клубы пара, привычно нёс его знакомою дорогой. На этот раз Пётр его не стал подгонять, потому как в такую раннюю пору обыкновенно венчанье не зачинают. Он же едет только потому, что ему уже невмоготу было сидеть дома с тяжёлыми мыслями в голове — ведь так можно было и с ума рехнуться.

Ни души вокруг, ни звука — лишь белая пелена снега. Она покрывала поля, деревья, луговины, за нею прятались и далёкие слободские избы. В такую пору хорошо видны следы зверя. Да вон же они! И лисьи, и волчьи, и заячьи... А вон там глухарь купался в снегу, там рябчики проделали тропинки... Сейчас бы ружьишко в руки да в тайгу! — мечтательно подумал молодой казак и тут же осёкся. Ну разве он вправе думать о чём-то другом, кроме как о Любашке? Вот так, если он сегодня не привезёт её к себе домой, то жизнь для него потеряет всякий смысл. Поэтому он должен решиться... Страшно — да, но ещё страшнее, если его любимая достанется другому.

... Сельцо в этот ранний час выглядело безлюдным, однако во дворах уже кипела жизнь. Хлопали в избах двери, звенели подойники, то там, то тут слышались негромкие людские голоса.

К Любашкиному дому близко подъезжать он не стал — решил понаблюдать издали. Он привязал коня к молодой сосне, что росла у крайней избы, и стал ждать. Однако было довольно холодно, и он быстро замёрз. А тут и конь забеспокоился. Глянул на него — а тот дрожит. Тоже озяб бедняга...

— Этак мы, брат, долго с тобой не продержимся, — говорит ему казак. — А ну давай махнём к монастырю. Глядишь, и согреемся.

Он вскочил в седло и направил коня туда, где из-за частокола монастырской стены поднималась голова часовенки.

Монахи уже были на ногах. Пётр видел, как похожий на длинную жердину монашек тащил в келью охапку дров, как другой, кучерявый и смахивающий на цыгана, выбивал половики на крыльце; как из своей кельи вышел старец и, трижды осенив себя крестным знаменем, низко поклонился в ту сторону, где стояла часовня.

— Эй, Ванька! — неожиданно позвал он.

К нему подлетел какой-то человек, одетый в стёганый восточный халат. Приглядевшись, Пётр узнал в нём молодого кяна, что на исходе прошлой зимы перебежал к ним с другого берега. А не лазутчик ли он? — внезапно подумал казак. Уж больно, говорят, толковый, да и языков много знает. А такими и должны быть те, кого посылают

на подзор. Надо бы к нему хорошенько приглядеться. Говорят же, один шпег¹ может порой принести больше беды, чем целое войско.

Старец что-то сказал кяну, и тот поспешил за ворота — видно, с каким-то заданием. Оно так и было. Гермоген попросил его наломать сосновых веток, кои он, паря свои больные ноги, всякий раз клал в горячую воду. Этому его научили ещё в Сибири, когда у него только-только начала проявляться подагра.

Однако Петру стало любопытно, куда этот молодой кян отправился. Отпустив того на расстояние, он стал незаметно преследовать его, укрываясь за частоколом деревьев. Тогда-то и увидел этих двух дюжих азиатов, которые, выбравшись из валежника, что служил им укрытием, отправились вслед за кяном. Он сразу их узнал, потому как не узнать их было невозможно. Они на голову были выше своих товарищей, что прибыли от чучарского дзяньдзюня вести с албазинцами переговоры, кои по каким-то неведомым причинам явно пытались затянуть.

Что это тут послы богдойские в такую рань делают? — удивился Пётр. И зачем они преследуют этого кяна? Уж не худое ли что замыслили?

Так оно и вышло. Когда до молодого кяна оставалось всего-то ничего, богдойцы вытащили откуда-то из складок своих длинных одежд большие кривые ножи.

Мать честная! — чуть не вскричал Пётр. — Да они ж его убьют щас...

Он изо всех сил хлестнул тугой плетью коня и, выхватив из ножен саблю, поскакал на азиатов.

— А ну стой, воры поганые! — заревел он. — Послами прикидывались, а сами...

Он вначале хотел их только поугаать, но они вдруг, не сговариваясь, кинулись на него с двух сторон в надежде сбросить с лошади. Тогда Пётр пустил в ход оружие.

— На, получи, ворюга!.. И ты тоже...

Ему хватило двух ударов саблей, чтобы похоронить все надежды посланников. И не только их — самого богдойского правителя. Ведь это он послал своих верных людей убить того, кого считал врагом Престола.

Кян с ужасом наблюдал всю эту картину. Замер на месте, и так стоял, не в силах пошелохнуться.

— За что они тебя хотели убить? — спрашивает его Пётр, вкладывая саблю в ножны.

Тот пожал плечами.

— Нежель не знаешь?.. Никогда не поверю! Верно, ты что-то скрываешь. А ну давай, докладдай, — приказывает ему казак. — Да не бойся — не враг я тебе, коль от смерти спас. Ну же!..

Тогда Лун и рассказал ему обо всём. И кто он есть таков, и почему бежал от богдойцев.

— Теперь я понимаю, зачем они к нам явились эти посланцы, — говорит Пётр. — Тебя они приехали искать. Ну вот, а нашли свою смерть. Их бы всех надобно вот так, однако не можно. Послов у нас не убивают, разве что когда за худым делом их застанут... — ухмыльнувшись, кивнул он на неподвижно лежащие в снегу два окровавленных тела. — Ну а теперь ступай... И никому про это — ты понял меня?

Кян послушался его и, забыв, зачем он отправился в лес, повернул назад.

Надо и мне убираться, — подумал Пётр. — Да и время уже — поди, скоро невесту в церкву повезут...

¹ Шпег – шпион.

А возле Любашкиного дома уже собралась толпа. Все ждали прибытия жениха. И вот наконец показался свадебный поезд. Впереди в окружении дружек шёл Захарка в поношенной овчиной шубейке и лисьей шапке.

— Идут! Идут! — закричали в толпе. — Эй, Кушаковы! А ну давай встречай жениха!..

Теперь все взгляды людей были обращены только на новобрачного.

— А шубейка-то обношенная у жениха, — когда поезд подошёл ближе, заметил кто-то из зевак. — Вроде не пристало новобрачному Князю в таком одеянье-то быть...

— Ничо, «шуба овечья, да душа человечесья», — ответил на это стоявший в сторонке старик с клюкой.

— И то: соболья-то шубка больно кусается, не для нашего брата она, — поддержала его дебелая молодуха.

— Эй, расступись, народ! Дай жениху дорогу! — крикнули в толпе, и люди тотчас стали расчищать проход к дому невесты.

Первыми прибыли на место согласно чину поезда дружки с дарами и гостинцами с лакомствами для молодых девиц, за ними родители, крестные и свойственники новобрачного, следом тысяцкий с самим женихом, свахи, соседи.

— Ой, подруженьки дорогие! Да куды ж меня отдают-то?.. Во чужую ли сторонушку?.. Да к доброму ли молодцу? Да как я полюблюсь ему?.. Да придусь ли я ко двору его родичам? Ой, свет моя руса коса, моя девья краса... — следуя старинному обычаю, громко запричитала за окном невеста. И вдруг: — Тятенька, миленький, может, передумаешь, не отдашь меня за Захарку? Ведь не люб он мне... не люб!

— Цыц, девка! — послышался грозный голос Платона. — Ещё раз пикнешь — так выпорю!.. Ишь, не люб он ей... А кто люб? Этот твой бездельник Петька что ль? Да не будет из него толку! А нам мужицкие руки в доме нужны. Потому и беру в примачи Захарку, чтобы он в кузне мне помогал...

— Ну вот, ты о себе думаешь, а каково мне?..

И снова голос Платона:

— Цыц!.. На всё воля Божья... — сказал, как узлом завязал.

Встречали поезд новобрачного по всем чинам и правилам. С песнями и прибаутками, с приветственными речами и лобызаньями.

Любашка вышла за ворота в подвенечном красном сарафане. Зарёванная и растерянная. Следом за нею — отец с матерью. Коваль был в запашной бекешке и волчьем малахае, тогда как Любашкина мать Марфа в дохе и надетом по случаю праздника цветастом платке.

— У, иродова душа! — завидев Платона, выругался стоявший поодаль Пётр.

Невесту подвели к жениху. Тот в эту минуту раздавал сладости девкам и детишкам. Увидев Любашку, бросился к ней.

— Ах ты, падло! — снова не удержался казак. — Да я тебя!..

Злость охватила его. Ну же, что ты ждешь? Давай, скачи к своей крале! Не то её под венец уведут! — кто-то настойчиво шептал ему на ухо. Но он медлил. Щас... щас... — говорил он себе. — Ну еще минутку...

От волнения у него дрожали руки. Наверное, я не смогу этого сделать... — неожиданно мелькнуло у него в голове. Но когда жениху и невесте подогнали покрытые огромным тулупом сани, запряжённые тройкой лошадей, да с колокольцами, да со свадебными лентами, он не выдержал. Вскочил на коня и что есть мочи поскакал к Кушаковскому дому. Да только не успел он. Новобрачных уже успели укутать в тулуп, и тройка лихо понесла их по заснеженной дороге. За ними ушли к монастырю и четверо дровней с родственниками, свахами и дружками.

— Стой! — размахивая плетью, кричал Петр. — Стой!

Поравнявшись с санями новобрачных, он попытался остановить лошадей. Да куда там! Возница был мужик опытный. Когда парень протянул руку, чтобы схватить

пристяжного за ремень, он так огрел его плетью, что тот чуть было не слетел со своего жеребца.

— Любанюшка! — кричит парень. — Это ж я, твой Пётр!.. За тобой приехал!.. Только одно твое слово — и я увезу тебя...

— Уходи, Петя! — слышит он в ответ. — Поздно!.. Уходи!..

— Да не поздно, Любанюшка!.. Не поздно! Ну же, скажи что-нибудь!..

И снова:

— Уходи!

Отчаяние охватило Петра.

— Ну, коль так, то ладно! Тогда я на другой женюсь!.. Так и знай! — в запале крикнул казак. — Ты слышишь меня? Я женюсь!.. Э-эх, Любаня, Любаня... — придержав коня, с горечью в голосе проговорил он. — А ещё говорила, любый я ей...

Три дня после этого он не вставал с постели. Ночью охал, стонал, а то и рыдал в подушку. Днём же лежал с открытыми глазами, упершись неподвижным взглядом в потолок. Ничто не помогало — ни ласковые увещания матери, ни строгий голос отца. Пётр как будто решил совсем отойти от мира. Да только не может молодое сердце долго грустить. Однажды утром он встал как ни в чём не бывало и объявил отцу с матерью: женюсь!

— Это на ком же? — усаживаясь завтракать, с удивлением посмотрел на него Фёдор. Он только что умылся на крыльце принесённой из колодца ледяной водой и теперь выглядел свежо и молодо. — Любка-то твоя вроде как замуж выскочила...

— Верно, сыночек, — подхватила хлопотавшая возле печи мать. — Чего это ты вдруг? Уж не захворал ли?.. А ну дай потрогаю голову...

— Не надо, мамань, я здоров, — отвёл её руку Пётр. — Лучше давайте думать, кто девку сватать пойдёт, — устроившись на лавке рядом с отцом, говорит он.

— Это ты про кого говоришь-то? — опуская деревянную ложку в стоящий посреди стола горшок с ячневой кашей, интересуется Фёдор.

— Про Катьку...

— Чиво? Это какая еще Катька? — недоверчиво поглядел на сына Фёдор.

— Шмакова...

— Пашкина дочка, что ли? — спрашивает Фёдор.

— Она... — насупил брови Пётр.

— Эва как! И где ж ты с ней, интересно знать, снюхался? Тебя ж от Платоновой дочки нельзя было оторвать, — говорит Фёдор.

— Да вот снюхался... — ухмыльнулся сын. — Дурное дело, говорят, не хитрое. Мать не меньше отца удивлена.

— Может, это ты, сынок, спонароку? — спрашивает. — Чтобы Любашке своей насолить?

Пётр как-то обречённо вздохнул.

— А не всё ли равно, мамань! Катька меня любит — а что мне ещё надо?..

Отец отложил ложку и покачал головой.

— Ну вот, а сам говорил, что окромя Любки здесь и посмотреть-то больше не на кого, — насмешливо проговорил он. — Слухай, сын, а Фимка, дочь десятника Ивана Усова, чем тебе не пара? Может, лучше к ней сватов зашлём? Девка ладная, при этом работяшша...

— Нет, уж лучше Катерина, — говорит мать. — А что Фимка?.. Наряд журавий, а походка воронья... А Катька да, эта для Петра... Глянь на неё: очи сокольи, брови соболю, ну, чем не невеста для нашего сына?

— Да елоза¹ она, Катька та эта! — не сдаётся Фёдор. — Видал я, как она задницей-то перед казаками вертит... Гляди, кабы плакать потом не пришлось, — обращается он к сыну.

Пётр побагровел.

— Убью коли что... — сжав кулаки, проговорил он.

— Ну ладно, Катька, так Катька... — наконец соглашается Фёдор. — Девка она и впрямь видная — что ни есть под стать нашему сыну. В них и детишки пойдут.... Значит, её и свашить будем. Вот только свашку надо добрую найти. А то самим идти к девке негоже...

— Тетку Матрёну попрошу, — говорит Наталья.

— Эта подойдёт... Та еще разбитуха — мёртвого уговорит, — соглашается отец.

Петр усмехнулся.

— Да там и уговаривать никого не придётся, — произнёс он. — Катька от счастья помрёт, когда к ней сваты нагрянут.

— И то верно, — говорит отец. — Это богатую сватают, а бедную и так отдают. Ну, что Пашка Шмаков? У него из всего богатства только пятеро детишек да изба на курьих ножках. Хотя казак он добрый. Вот только скромненько больно. Оттого и небогат. Там где тот же Верига силой возьмёт, этот даже не посмотрит на чужое.

— Светлая душа, — проговорила Наталья. — Не чета жонке своей Пелагее. Та никогда своего не упустит. Коль надо — зубами вырвет.

— Выходит, Катька-то в неё... — усмехнулся Пётр. — Эта тоже своего не упустит. Вот и в меня вцепилась точно рак!..

— Ну и ладно! — говорит Фёдор. — Лишь бы не блудила да хозяйство вела. Только вот загвоздка тут одна имеется... Слыхал я, что к Катерине наш Ефим решил посвататься.

Пётр даже рот открыл от удивления, услышав это.

— Ты это про дядьку Веригу, что ли? — недоверчиво смотрит он отца. — Да не может того быть!

— И впрямь, — поддержала его мать. — Он же старый!

— Старый не старый, а наш Петька ему не ровня, — будто бы издевается Фёдор. — Девки-то мужавых любят — на что им молодые сладкоголосые соловьи? Песнями ведь сыт не будешь — нужно дело. А что ты у нас умеешь? — спрашивает он сына.

— Я что?.. — Пётр замялся. — А всё! И стрелять, и на коне скакать... Да и на саблях не хуже твоего Ефима драться могу.

Фёдор усмехнулся.

— Драться он может! — передразнил он сына. — Скажи мне лучше, не ты ль это третьего дня манзуров подле монастыря порубал?.. Она как наш приказчик взбеленился-то. Немедля, говорит, найдите мне убийцу. Я его в железо закую и в Москву отправлю. Аль лучше в Пекин богдыхану отдам, чтоб он сам суд нам ним чинил. Не дело, мол, это в такую паскудную пору с манзуrom ссориться

Пётр побледнел.

— А чивой-то вдруг я?.. — спрашивает он отца. — Я и ведать об этом не ведаю.

— Ой ли? — этак недоверчиво смотрит на него Фёдор. — А ну-ка, взгляни на это... — Он достал из кармана большой волчий зуб, прикрепленный к кожаному гайтану. Это был оберег, который ему подарила Любашка. — Узнаешь?..

Пётр заморгал глазами.

— Петруша, так ить это ж твоя ладанка! — воскликнула Наталья. — Она всегда у тебя на шее висела... А тут гляжу — нету..

— А знаешь, мать, где я её нашел? — спрашивает Фёдор. — Подле одного из убитых богдойцев. В снегу валялась... — Он посмотрел на сына. — Скажи спасибо, что,

¹ Елоза – вертихвостка.

окромя меня, никто в тот раз её не заметил. А то не сносить бы тебе головы! — говорит. — Все ж знают, чья она... Так и сказали б, что это ты тех супостатов порешил. Монахи-то испугались чужих мертвяков трогать, за нами послали... На, держи и больше не теряй, — протягивает он сыну находку.

Эту вещицу Любашке прошлым летом привёз из тайги знакомый ороchon. Тот часто приезжал к её отцу заказывать ножи. То рушальный ему потребуется, то за охотным приедет или за скорняцким скобелем.

Однажды, увидев висевший у него на шее амулет в виде змеиного глаза, Любашка спросила, что он хочет за него. Тот ответил, что этот амулет подарила ему покойная бабушка, и что он не может передать его никому другому. Потому как тот спасает его от всех болезней и несчастий. Если хочешь, говорит, могу привезти тебе другой. Где-то через месяц ороchon снова явился и привёз волчий зуб. Сходи, говорит, к шаману и попроси, чтобы он заговорил его от злого глаза, от болезни и от пули.

К шаману они отправились вместе с Петром. Да не с пустыми руками. У молодого казака на всякий случай были припасены две соболяшки шкурки, одну из которых он и отдал заезжему негоцианту за небольшой горшочек сладостей.

Пётр помнит, как старик Эльгей, облачившись в панцирь с колокольцами, в маске и железной короне, увенчанной рогами изюбра и украшенной лентами и звериными шкурками, бегал вокруг кипящего котла и, выкрикивая что-то на своём языке, громко стучал в бубен. Это был диковинный тунгусский обряд, когда шаман вызывает духов, чтобы просить их исполнить его желание.

Так продолжалось до тех пор, пока вся вода не выкипела из котла. Только после этого старик остановился.

— Вот тебе амулетка, белый человек, — передавая Петру волчий зуб, сказал шаман. — Она уберёжёт тебя от всех напастей. Но смотри, никому её не отдавай. Духи тогда не спасут ни тебя, ни того, кому ты её передал...

— Ну так, может, скажешь, за что ты послов-то порешил? — спрашивает сына Фёдор. — Я так думаю, не со злого умысла ты это сделал — причина на то была.

— Была, — кивает головой Петр. — Потому как не послы они...

— Не послы? — удивился отец. — Тогда кто же?

— Засланные убивцы да лазутчики — вот кто! — воскликнул Пётр.

— Ну так сказывай... — велит ему отец, и тогда тот рассказал обо всём, что с ним случилось третьего дня.

— Вот оно значит как!.. — выслушав сына, покачал головой старшина. — Но ты молчи, никому о том не говори... — обращается он к Петру. — Дойдёт до Вишнякова — тот не станет тебя слушать, тут же в железо закуёт. А там одна дорога — на дыбу... Бо во всяких делах у нас принято искать не правду, а козла отпущения.

... Кажется, Пашка Шмаков не шибко-то обрадовался сватам.

— Не было печали — приходи кума любоваться, — когда те ушли, невесело проговорил он. Пашка хоть и не видный собой — и росту-то небольшого, и плешина на голове, и борода редая, — однако умом его Бог не обделил. Он сразу почуял неладное. Да не может войсковой старшина сватать своего сына за дочь простого казака! — подумал он. — Значит, их там что-то заставило... Но да время покажет. Коль сговорились на Михайлов день — будем готовиться к свадьбе. — Ты б хоть собрала там что для Катьки-то, али нечего?.. — спрашивает он жену.

Пелагея, чуть оплывшая сорокалетняя баба с волевым ещё довольно недурным лицом, только усмехнулась. У неё было три дочери, и пока они росли, она потихоньку собирала для них приданое. Стежила тёплые одеяла, чистила перо и готовила подушки.

Сами дочери вязали, вышивали полотенца, наволочки, скатерти, кисеты для будущих женихов. У каждой из них был свой сундучок, куда они и складывали всё это добро.

— Собрала, Паш, давно собрала, — радуясь в душе за дочку, говорит Пелагея. — У меня и простынки новые есть для молодых, и подушечки пуховые... С подвенечным только платьем как?..

— Ничего, вот съезжу в Нерчинск на торжок — там что-нибудь и поищу. А то ить сюда только оптовые купцы заглядывают, а те крючка от петельки не разбивают...

Говорю, не рознят товар, гуртом продают.

— Так торопиться надо, чтобы до Филиппова¹ поста поспеть, — говорит Пелагея. — А тогда уже не можно будет свадьбы-то справлять.

— Верно, — говорит казак. — Значит, на будущей неделке и поеду. Сара² у меня кой-какая есть, так что покупать подарки да платья есть на что.

— Дошку б Катерине какую купил. Ведь с Михайлова дня, говорят, зима начинается, а у её дошка старенькая. Негоже в такой невесте-то под венец... — не забыла напомнить мужу Пелагея.

Свадьбу играли в сборной избе, иначе б не вместить было всех приглашенных. Хотя и здесь от обилия гостей трещали стены, поэтому хороводиться да плясать выходили на улицу.

Всё шло согласно чину: был и выкуп, и повенчанье, и величанье молодых после венца, и вскрывание невесты по древнему обычаю...

Катерина была так взволнована, что плохо помнила, как прошло венчанье. Да и Пётр не совсем осознавал, что с ним происходит. Как же так? Ведь, стоя пред алтарём, он не должен был лгать, что готов взять Катку в жёны. А ведь сказал! Но почему, почему?.. Ответа на этот вопрос он не находил. Оттого и злился на себя, а порою даже готов был заплакать от отчаяния. Чтобы не выдать себя, он попервости много шутил, смеялся, показывая всем своим видом, что непомерно счастлив. Однако мать не обманешь. Она-то видела, что творилось у него в душе. Ибо, несмотря на все старания, глаза его выражали потаённую печаль...

В конце концов Петру надоело притворяться и он притих. Да только не гости! Они веселились так, будто б в последний раз. Оттого и свадьба вышла бурная, как и положено быть настоящей русской свадьбе, — с песнями, плясками, пьянкой и, конечно же, мордобоем.

Но вначале всё шло ладом. Звучали заздравные речи, молодым дарили подарки и говорили напутные слова с предреченьем счастья и богатства. А когда полилось рекою вино, тут уже стало не до речей.

— Голова поклончива, руки подносчивы, — угощая брагой да мёдом гостей, неустанно приговаривали полупьяные дружки жениха. — А ну выпей, казак, да гривну на поднос поклади! И ты, тётка, тоже...

— А чиво, я, щас!.. — улыбается Анфиса, широкобёдрая, дородная баба, старательно пытаюсь подобно той сельской попадье отыскать задом себе место меж людей.

— Ай, да хороши жених с невестою! Краше в жизни не встречал! — шумит кто-то из подвыпивших казаков.

— И мне не приходилось... — вторит ему другой. — Ну разве что в сказках...

— У хорошего хозяина и медок самый лучший! — опрокинув жбанок, говорит третий.

— Вот-вот... А горький мёд только у злых хозяев... — пьяно улыбается Игнашка Рогоза.

¹ Филиппов пост – это Рождественский пост. Иногда его называют Филипповым, в знак того, что начинается он на следующий день после дня празднования памяти апостола Филиппа

² Сара – деньги.

А драку затеял сам Пётр. Весь вечер он сидел угрюмый и только знал, что опорожнял один жбанок за другим. Катерина пыталась устыдить его, мол, негоже новобрачному столько пить, а он не слушает её. Всё пытается брагой горе свое залить. Ведь не на любой женился, тогда чему радоваться?.. Вот и напился вконец, да так, что потерял голову. Выбежал во двор, где гости затеяли плясовую, схватил тяжёлую ослопину — и ну гонять честной народ. Чтоб с души скинуло. Так всегда: «дурак напьётся — с чёртом дерется». Насилу его утихомирили.

— Уйди, тятя! — окончательно лишившись рассудка, кричал он держащему его за руки отцу.

— Квас тебе ячный пить, парень, а не мёд! — упрекнул его Фёдор. — Ты давай, не позорь нас с матерью, успокойся...

— Говорю, уйди, не то зашибу!..

— Ах ты, щенок безмозглый! — не выдержал Фёдор и отвесил сыну такого леща, что тот влетел в забор. Думал, насмерть зашиб. Ан, нет. Оказавшись на земле, тот сладко зевнул и тут же заснул крепким сном.

Наталья поняла, что пора кончать праздник.

— Ну что, гости дорогие, спасибо, что молодых уважили по чину, — говорит. — А теперь не пора ли их домой проводить да в постельку мягкую уложить?..

Народ загалдел пьяными голосами.

— Ну коль пора, так пора... Пусть милуются до утра!

Наталья, взяв за руку Катерину, подвела её к молодому мужу.

— Поднимай его и веди в избу, — сказала.

— Совет вам да любовь! — вслед молодым кричали гости. — Счастливо жить-поживать да добра наживать! Поболе вам детишек!

А наутро Пётр проснулся с большой головой. В сенях уже толпились вчерашние гости, кому не терпелось опохмелиться. Наталья с молодой невесткой хлопотали на кухне — готовили закуски. Говорят же: добрую свадьбу неделю гуляют.

Пётр оделся и, ни слова не говоря, пошёл запрягать коня.

— Ты куда это? — удивился Фёдор.

— Поеду проветрюсь, — буркнул тот. — А то что-то башка раскалывается.

— И немудрено! — усмехнулся отец. — Вчера-то, чай, за троих пил. Еле спать уложили... Не знаю, не знаю, довольна ль осталась молодая жонка после первой-то ночи? — этак хитро поглядел он в сторону Катерины. Та ничего не сказала в ответ. Только украдкой смахнула кончиком платка предательскую слезу со щеки и вздохнула.

— А вернёшься-то скоро? — спрашивает мать. — А то ведь люди пришли, уважить надо...

— Скоро, мамань, скоро... Вот только прогуляюсь до леса — и обратно, — сказал Пётр.

Однако соврал он матери. Ни в этот день, ни на следующий он не вернулся домой... В Албазине паника — как же, казак пропал! Стали искать парня. Всё ближние леса да заимки прочесали — тщетно. Как в воду канул! А тут вдруг вспомнили про Лукьяновское зимовище, куда в охотную пору любили гулять Пётр с Тимохой. Там у них и свои солонцы имелись. Бывало, уйдут на недельку-другую, а потом возвращаются с богатым трофеем. Оттого и мясо в доме не переводилось.

Эту промысловую рочу¹ когда-то срубил беглый уральский колодник Лукьян Самойлов. Прошлой зимой его заломал косолапый шатень², после чего он прожил в муках ещё дней десять и помер, оставив в наследство охотникам свою избушку.

Когда казаки вошли в зимовье и увидели лежащего на нарах Петра, то вначале не узнали его. Кожа да кости — больше ничего! Как будто человек сам себя обрёл на голодную смерть. Ещё бы немного — и никто б его больше не увидел в живых.

¹ Роча — зимовье.

² Шатень — медведь.

— Петя, сынок, да что ж с тобой стряслось! — испуганно глядит на него Фёдор. — Да неужто всё из-за этой Любки?.. Да выкинь ты её из головы! Поехали, тебя дома молодая жонка ждёт. Всё, хватит страдать, пора за дело браться. Я вот решил тебе отдельную хоромину поставить. Ну, как ты?..

— Будем жить... — слабым голосом проговорил Пётр.

С этого дня его будто бы подменили. О прошлом он уже не вспоминал. С Катериной, молодою женой своей, старался быть ласковым и обходительным. Часто улыбался, показывая всем, что он счастлив в семейной жизни. И лишь иногда вдруг его охватывала такая тоска, что он убегал на задний двор и не возвращался оттуда до тех пор, пока не придёт в себя.

— Тоскует наш сынок-то... Любку свою, видать, никак забыть не может, — однажды не выдержала и пожаловалась мужу Наталья.

Был Крещенский сочельник. Проснулись Опарины по привычке рано, однако вылезать из тёплой постели не торопились. За ночь изба выстудилась так, что страшно было босой ногой на пол ступить. Уж такой он был ледяной. В этих краях зимы суровые, не то, что в родной их Москве. Так что приходится приспосабливаться. Порой по несколько раз нужно было топить печь, чтобы согреть избу. Не станешь этого делать — замёрзнешь. Тут так: прозеваешь — все углы за пару часов льдом покроются.

— Отчего это ты взяла, что он тоскует? — спрашивает Фёдор. — Вроде всё у них хорошо с Катериной...

— Хорошо-то хорошо, да видно не очень... Вчерась слыхала я, как он на заднем дворе рыдал. Пошла за водой к колодцу, глядь, а за поветью на сене Петруша лежит и этак жалобно воет. Вот я и подумала...

— Ничего, повоет-повоет да перестанет. Детишки пойдут — не до того будет, — зевнув, произнёс Фёдор.

— Эх, ежели б ты вот так меня любил, как Петруша эту Любку, — вздохнув, неожиданно произнесла Наталья. — Но я тебе не любя...

— Ну как не любя — любя, — погладил её по голове Фёдор.

— Да ежели б была любя, ты б не бегал к этой богдойке... Ну, скажи: пошто она тебе?.. Отпустил бы ты её к своим — ведь вижу, мается она.

Этого было достаточно, чтобы у Фёдора переменилось настроение.

— Не говори так, баба! — неожиданно воскликнул он и оттолкнул от себя жену. — Куда она пойдёт, ты подумала? Запомни: мать никогда не примет назад своего волчонка, который в чужих руках побывал. Не примут её свои, ты понимаешь?..

Женщина ничего не ответила. Так и лежали, слушая, как Петька на полатях выдаёт во сне «соловьинные» трели.

— Седни ночью пойдём с тобой на реку, Ергоген воду светить будет, — когда Фёдору надоело молчать, вновь заговорил он. — Вчерась мы с казаками иордань на Амуре рубили. Хорош получился пролубок. Мы его под образ православного креста сделали — как и в прошлом годе, помнишь?.. — Он помолчал. — Ты вот что... Не забудь ведра на реку взять, — предупредил он жену. — Святой воды наберём — мало ли что!.. А казакам скажу, чтобы ружья свои захватили. Сказывают, заговорённое на водосвятии ружьё не даёт промаху...

— Федь, а ты помнишь, как мы с тобой в Москве в церкву в Крещенскую ночь ходили? — неожиданно спрашивает мужа Наталья.

Ну как же он не помнит — конечно, помнит!

Это было ещё до их женитьбы. Накануне они договорились вместе сходить на водоосвящение. Поздно вечером он постучал к Наталье в окошко — благо жили по соседству. Она тут же оделась и выскочила на улицу.

— Брр! Ишь морозец-то какой! — кутаясь в козью шаль, проговорила девка.

— Ничо, — улыбнулся Федька и поправил ещё молодую не успевшую как следует распуститься бороду. — Мороз, чай, не жара — как-нибудь одолеем.

В церковь зашли заметеленными и румяными от мороза.

Посреди церкви стоял большой ушат воды; рядом — парчовый столик, на котором покоилась водосвятная серебряная чаша с тремя восковыми свечами по краям. На клиросе читали «пророчества». «Измойтесь и очиститесь, оставьте лукавство пред Господом: жаждущие, идите к воде живой...»

При пении «Глас Господень на водах» из алтаря к народу вышли священник и дьякон. На водосвятской чаше зажгли свечи.

Священник стал читать молитву «Велий еси Господи, и чудна дела Твоя...»

Дочитав молитву, он трижды погрузил золотой крест в воду, и в это время на хорах высокие голоса запели тропарь: «Во Иордане крещающуся Тебе Господи, Тройческое явися поклонение». В это время священник стал всех окроплять освящённой водой. Вода была ледяная, однако никто не шелохнулся, принимая на себя Божью благодать.

Литургия закончилась посреди храма перед возжённным светильником.

— Свет этот знаменует Спасителя, явившегося в мир просветить всю Поднебесную! — обращаясь к прихожанам, громко произнёс священник и подал знак, чтобы люди подходили к ушату за святой водой. Вода была чистой и прозрачной — будто то были слёзы ангела. Набрав в бутылки этих «слёз», Фёдор и Наталья, умиротворённые и взволнованные, вышли из церкви...

На улице в этот час уже было полно народу.

— Грибки монастырские!

— Венички для очищения!

— Снеточки причудские!

— Сметанка можайская! — несло со всех сторон. Это торговцы пытались заманить в базарные ряды посадский люд.

Прямо у церкви на ступеньках сидели нищие и торговки с мочёным горохом, разварными яблоками и сосульками из сухарного теста с мёдом и сбитнем.

— Покупай, барин, недорого!..

— Да какой я тебе барин! — отмахнулся от толстой рябой торговки Фёдор. — Вот когда стану барином — точно приду к тебе.

— ... Так ты не забудь про воду-то, — прервав воспоминания, снова напоминает жене Фёдор.

— Да не забуду, как забыть? — отвечает она. — Ну всё, хватит разлеживаться — вставать буду. Пока печь натоплю, пока хлеба испеку — там и солнце встанет.

— Ты бы невестку-то к хозяйству приучала, — говорит Фёдор. — А то она на тебя всё надеется. Нет бы встать первой да печь затопить. А-то лежит, понимаешь, словно барыня... И Петру скажи, чтобы жонку шибко-то не баловал. Привыкнет баклушничать — не отучишь. Лень-то штука поганая, от неё не отвяжешься.

— Ну ладно тебе, отец, ворчать-то! Молодые ещё, наработаются. Детки пойдут — уж не придётся лежать... Ой, труднёшенько им будет! — вздохнула Наталья, надевая домашний сарафан.

— Так оне на тебя своих деток-то повесят, — усмехнулся казак. — Но я не дам им барствовать. Вот срублю им избу — и пушай там сами хозяйствуют.

Глава третья. В плену надежд

Царская разведка давно доложила Государю, что маньчжуры подтягивают свои войска к русским границам. Их тьма, ну разве мы выстоим? — нагоняли страху на Алексея Михайловича иные его советники. Надо уходить с Амура. Нет! — решительно заявлял Государь. Сначала мы уйдём с Амура, потом из Даурии... Так дело и до Сибири дойдёт. Слышал я, что Хан манзурский желает прибрать все наши земли, что за Уралом. Не позволю! Воевать с ними нам рано — силы надо копить, а вот дипломатия нам подойдет.

Это новое слово «дипломатия» сейчас часто употреблялось в Европе, в том числе и в Москве, что говорило о смягчении человеческих нравов. Вроде как слово оно вернее меча, а к тому же кровью не пахнет.

Нужно было дипломатическим путём отодвинуть надвигающуюся грозу. Но как это сделать, если Император Канси требует, чтобы русские, во-первых, выдали ему тунгусского князя Гантимура, а, во-вторых, убралась из Албазина? При упоминании имени Гантимура, Богдыхан впадал в бешенство. Ведь он ему верил, как никому. Потому и послал с войском на Албазин, а тот возьми да приведи всю свою рать под крыло нерчинского головы. Ну а Албазин так и остаётся у маньчжуров бельмом на глазу. Ведь именно оттуда русские распространяют своё влияние на приамурские земли. И всё этот атаман Черниговский, который постоянно беспокоил соседей. В 1669 году он послал в поход своих людей вниз по Амуру и на Чучар. Хотел показать подданным Богдыхана, кто в этих краях хозяин. И только страхи нерчинского приказчика Даниила Аршинского, боявшегося осложнений из-за Амура, не дали ему развязать войну.

А ведь у маньчжуров были и другие претензии к русским. Во-первых, они претендовали на устье Амура, где сыздавна собирали ясак с тунгусов. Во-вторых, их раздражало строительство всё новых и новых русских острогов. Боясь, что русские попытаются овладеть и правым берегом Амура, они, в свою очередь, тоже стали ставить там новые города. Главным среди них был Чучар, где стоял их многотысячный военный гарнизон, готовый по первому приказу выдвинуться к границам Руси. Вот эти вопросы и нужно было обсудить с соседями.

Однако доселе разговор с Богдыханом не получался. Все московские посланники возвращались назад ни с чем. А кое-кого Император даже не пускал на порог своего дворца. Пустое, мол, вы ж всё равно будете стоять на своём. Это прежде он был ласков и обходителен с царскими послами, когда ещё была надежда, что русские откликнутся на его просьбу и уйдут с Амура.

И вот незадолго до кончины Царя Алексея Михайловича в Пекин был снаряжён дьяк посольского приказа грек Спафарий, который славился умением убеждать людей. Он должен был сделать всё, чтобы умиротворить пограничные дела, заключить с Империей торговый договор и добиться позволения ежегодно вывозить из Поднебесной пятьдесят тысяч фунтов серебра, драгоценные камни и шёлк. Чтобы не терять даром время, Спафарию приказано было ехать наскоро, кратчайшим путём, дабы успеть попасть в Пекин до того, как богдойский хан пойдёт войною на Русь. Знающие люди посоветовали ему ехать через Селенгинск, откуда было недалеко до границы.

Дело, которое поручили Спафарию, было исключительной государственной важности, поэтому, пока он ехал, впереди него летели с нарочными грамоты с требованием готовить подводы и суда с гребцами.

В Тобольске для Спафария было приготовлено три дощаника с сорока пятью гребцами. Любое его слово было законом для тех, кто его встречал. И потому все его просьбы удовлетворялись незамедлительно.

Из Енисейска до Селенгинска грек плыл на дощаниках в сопровождении многочисленных охранников, половина которых была прибрана в Енисейске из числа гулящих за неимением там достаточного числа служилых людей.

Прибыв в Селенгинск, царский посланник незамедлительно выехал в Нерчинск. Ехали на подводах, приготовленных боярским сыном Игнатием Миловановым. В дороге больше половины сопровождавших Спафарию тобольцев заболели цингой и слегли. Да и самого его не обошла эта беда, так что волей-неволей пришлось послам задержаться в Нерчинске до самых холодов.

В конце ноября, когда вставший на ноги Спафарий уже готов был снова двинуться в путь, сюда же в Нерчинск с двумя санными подводами, гружёнными ясачной мягкой рухлядью, прибыл из Албазина и Фёдор Опарин с товарищами — Иваном Шишкой, Семёном Антоновым, Карпом Олексиным, Григорием и Леонтием Романовскими. Взял он

на этот раз и своего старшего сына Петра — пусть-де привыкает к ратной службе. Был и ещё один казак — Ефим Верига. Тот в последнюю минуту присоединился к отряду. Сказал, что у него есть дела в Нерчинске, и Фёдор дозволил ему ехать с собой. А чего, мол? Казак он бывалый. Коль что — и его сабля пригодится...

— Ты уж, Петенька, побереги себя там, — провозжая, говорила молодому мужу Катерина. — И на чужих девок не заглядывайся. Знаю я вас, казаков...

А до девок ли было Петру, когда его на настоящее дело взяли? Другой бы молился, чтобы по пути, не дай Бог, не напороться на лихих людей, а этот, напротив, уже мыслил, как будет драться с этим поганым народцем.

Фыркает под ним конь, выпуская из ноздрей пар, трясёт гривую. Холодно. Мороз лютый. Ему б, коню-то, пробежаться, разогреться малость, но всадник сдерживает его. Нельзя, мол, отрываться от общего строя. Таков порядок.

Так и ехали. Впереди Фёдор с Иваном Шишкой, за ними братья Романовские, остальные замыкают строй. Возницы кнутами машут, кричат на своих озябших лошадок. А ну, мол, прибавьте ходу — из-за вас ведь плетёмся. А те одно не спешат. Накануне выпал добрый снег, вот они и тянут изо всех сил, пытаясь преодолеть глубокие сугробы.

... Думали, так без приключений и доедут до места. Мол, какой упырь в такую лютую пору захочет вылезать из своего угла? Но ошибались казаки. Когда до Нерчинска оставалось совсем ничего, из лесной полосы, что примыкала к усеянной ледяными торосами Шилке, прямо на них выскочила добрая дюжина конников. На казаков они не походили — больше на гулящую голытьбу. Кто-то в овчинных полушубках, перетянутых кушаками, кто-то в «барнаулках» — больших бараньих тулупах, другие в ватниках и козляках. Все при саблях да мушкетах.

Злодеи! — сразу понял Опарин. Те по-разбойничьи свистели и громко кричали, пытаясь напугать казаков.

— А ну, братцы, зададим им жару! — вынимая из ножен саблю, обращается к товарищам Фёдор. — И-их, милай! — пришпорил он коня. — Давай, не подведи! Смерть злодеям! — уже на ходу кричит он.

— Смерть им!.. Смерть!.. Ату их, поганых!.. — раздалось за его спиной.

Тот дурак, кто сам себе враг! — злорадно усмехнулся Фёдор, сбивая с лошади первого попавшегося ему под руку татя, который пытался целиться в него из мушкета.

— Эй, Петька-а! — кричит он сыну. — Ты не шибко-то там геройствуй! Действуй наверняка...

Но разве того остановишь! Поди, одной крови-то.

— На тебе, получи, поганый! — взмахнув на скаку саблей, кричит молодой казак падающему с коня злодею.

— Так их, сынок! Поделом татям мука! — похвалил его отец.

А тот уже ищет новую жертву. Ух! — и обезглавленное тело очередного грабителя тяжело сваливается с седла.

— Батька-а! — кричит Пётр. — Я ещё одного усмирил...

— Давай, сынок, давай!.. Человек сам себе убивца... Не мы им смерть принесли — сами её пришли искать! Вот и получили...

Звенят клинки, падают наземь вражьи тела.

— Бей их, бей! — кричит старшина.

Поняв, что перед ними бывалые рубаки, оставшиеся в живых лиходеи повернули к лесу. Казаки хотели преследовать их, но передумали.

— Пусть себе живут, — сказал Фёдор. — Всё равно с такой жизнью они долго не протянут. Не мы, так другие их побьют... Дураки! Чем людей грабить, лучше б землю пахали. Нам люди нужны здесь, а не головорезы...

А оно так и идёт. То своя разбойная братия на их пути встретится, то чужая. Нынче ещё ладно. Труднее пришлось в прошлый раз, когда на них напал отряд монгольских

харакиров — «чёрных воинов», орудовавших на границе и нападавших на русские ясачные обозы. Тогда Фёдор с товарищами добирались до Шилки на струге, грузённом ясаком, когда вдруг из речной заводи навстречу им выскочили лодки с вооружёнными людьми. Манзуры! — вначале подумали казаки, но когда в них вместо пуль полетели стрелы, тут же поняли, что это «чёрные воины». Их было так много, что казалось, это конец. Казаки налегли на вёсла, и струг легко и шустро пошёл по воде. А те, кто был не на вёслах, вели огонь по злодеям. Так и ушли...

Однако кабы это была последняя их беда! На Руси было много охотников поживиться за чужой счёт. Оттого-то и воров, и грабителей, и убийц никогда не переводилось.

... Усталые, но довольные, добрались казаки до заставы. Щёки красные, бороды инеем покрыты.

— Кто такие? — сняв пищаль с плеча, спрашивает сторожевой, невысокий большебородый служивый в бараньей шапке и огромном тулупе.

— Албазинские мы... Ясак сдавать приказчику везём, — отвечают ему.

— Ну тады проезжай, — поднимая опускное бревно на перечапе¹, запиравшее проезд, позволяет служивый. — Только глядите: приказчик у нас строгий. Коль что не так — до смерти забьёт...

— Да уж слышали, — говорят ему.

О нерчинском приказчике Сыне боярском Павле Шульгине, присланном в 1673 году из Тобольска на смену бывшему здешнему голове Даниле Аршинскому, уже давно ходила недобрая слава, ибо несправедливостью, взяточничеством и жестокостью он превзошёл всех своих предшественников. Хотя человеком он был энергичным и деловым. Он первый разгромил забайкальских монголов табунутов, не желавших признавать Русского Царя, построил Еравинский острог и далеко на восток по реке Аргуни распространил границы русского влияния. При нём был найден прямой путь из Иркутского острога по Селенге и Уде на Плотище, названное впоследствии Читой, открыты Нерчинские серебряные рудники. При нём началась регулярная доставка хлеба из Енисейского воеводства в даурские остроги. К тому же он сумел подчинить себе вольнолюбивый и непокорный Албазинский острог.

Однако ничто не могло оправдать его самодурства, жестокости и жадности. Уезжая в ясачные волости, казаки оставляли по церквам свои пожитки. В походах они часто погибали. И тогда Шульгин эти оставшиеся после них «животишки» переводил на себя, а если казаки пытались жаловаться, Шульгин непокорных заковывал в железо и ставил на правёж. Он отбирал у знатных инородцев жён и дочерей и держал их в заложницах. Однажды он, не побоявшись Бога, даже смертельно обидел прибывшего в Нерчинск иеромонаха Гермогена, который привёз с собой для обмена и продажи двадцать пять пудов муки, нуждаясь в средствах для устройства церковной жизни. А когда старец взбрыкнул, Шульгин, напившись пьяным, приказал раздеть его донага и жечь на костре. И только чудо спасло тогда старика.

Шульгин жил на широкую ногу: варил пиво, курил вино и продавал их. На вырученные деньги скупал у купцов хлеб, предназначенный для жителей острога, а потом продавал его казакам по завышенной цене. А денег у казаков не было, потому как присланное из Москвы денежное довольствие сын боярский присваивал себе. Как присваивал он большую часть ясака, собранного с тунгусов.

Казаки бедствовали. Питались корою и кореньями. Мало того, приказчик давил их налогами. Люди болели и умирали. А Шульгину всё ни по чём. Тех, кто пытался

¹ Перечап – чебурах, перевес, точка равновесия (вещь на чебурахе).

требовать что-то, он жестоко избивал. Выведенные из терпения казаки частью разбежались по тайге, оставшиеся же отказались повиноваться приказчику. Временным правителем они выбрали боярского сына Григория Лоншакова, после чего подали в Москву челобитную о случившемся.

Но это будет позже, а пока Шульгин чувствовал себя хозяином в остроге. Он всё также был энергичен и деятелен. Вот и прибывшего из Москвы посланника он встретил, как подобает. Поселил в своей избе, кормил, поил, пока тот хворал, когда же Спафарий, чуток оклемавшись, запросил у него людей для похода взамен преставившихся и больных, не стал перечить и занялся делом.

Тут-то как раз и подвернулся ему Опарин со своими товарищами.

— А ну-ка зайди, братец, ко мне в приказную избу, — обследовав привезённый из Албазина ясак и оставшись довольным, сказал он старшине.

Тот-то решил, что приказчик начнёт допрашивать его про жизнь на Амуре, но тот вдруг, усадив его за стол и пододвинув ему жбанок с брагой, спросил:

— До Пекину хочешь прогуляться?

Фёдор не готов был к такому разговору.

— А чиво я там забыл? — спрашивает. — Нет, мне домой надобно. Там жонка меня ждёт и вообще...

— Ничего, подождёт, — усмехнулся Шульгин. — А тут дело государственное встало — надо подсобить.

— И чем же я подсобить-то могу? — не понимает казак.

— Я ж тебе сказал: надобно до Пекину прогуляться, — начинает терять терпение нерчинский приказчик. — Человека важного сопроводить. Из самой Москвы едет! — поднимает он кверху указательный палец. — Царёв посланник, Спафарием зовут... Тыфу ты, имя-то какое не русское! — неожиданно поморщился он. — Ну да ладно, не нам судить — Царь знал, кого посылать. Так что давай, собирай своих людей — и в путь.

Фёдор покачал головой.

— Не могу я, барин... Атаман мне этого не простит.

— Пустое! — махнул рукой Шульгин. — Завтра я пошлю нарочного в Албазин с запиской к Сёмке Вишнякову — всё ему объясню. Так что не тревожься.

— И всё равно я не могу, — сопротивляется Опарин. — Со дня на день может война начаться, а там у меня малое дитя. Кто его защитит?

Лицо Шульгина вдруг становится багровым.

— Ах ты, пёс паршивый! Да я тебя за послушание в железо закую! — вскочив с широкой липовой скамьи, хватает он Фёдора за грудки.

Врезать что ли ему, да ведь греха потом не оберёшься, подумал Опарин, невольно вставая в рост. Приказчик едва достаёт ему до плеча. Стоит, трясёт своей нечёсаной, бесцветной бородёнкой и дышит на него перегаром. Глазки маленькие, злые. И сам он маленький и злой, словно голодный крысёнок.

Эх, жаль что главным у них нынче не Черниговский, пожалел Фёдор. При нём бы он точно не испугался этого упыря. А теперь Албазин ушёл под власть Нерчинска и правит там человек Шульгина. Тот уж точно не защитит. Он вообще люто ненавидит всех албазинских казаков. Особо тех, кто был приближён к атаману. Вот и Фёдора он обидел, сократив его старшинскую должность. Хватит с тебя и десятника! — заявил он Опарину — А то, ишь, сколь начальников расплодили! Будто бы тут настоящее войско какое. А у самих-то людей раз-два — и обчёлся...

— Мне б с товарищами моими посоветоваться, — неожиданно просит Шульгина Фёдор. — Так уж у нас заведено, что без совету никак...

— Ну давай, давай, советуйся, только знай — времени у тебя немного. Завтра же и в путь. А будешь мне перечить — в темницу заточу. Я ведь знаю, что ты за птица... — сказал он и этак загадочно посмотрел на Фёдора. — Но об этом мы с тобой ещё поговорим. А пока ступай...

Фёдор тут же понял, о чём идет речь... Не иначе, тот намекнул ему про его донские подвиги. Но кто ж подал на него изветь? Кто тот доносчик? Уж не Ефимка ли? Ведь это он давеча всё крутился возле приказной избы. Неужто он?.. Но что ему надо? Ведь Фёдор ничего дурного ему не сделал. Аль не может простить ему за то, что тот уличил его в измене? Если так, тогда всё понятно. Бойтся, гад, что о его коварстве однажды весь Албазин узнает. Вот и желает избавиться от последнего свидетеля... У, подлая душа! Выходит, не сдержал он своего слова и снова взялся за своё. А потому с ним надо ухо-то остро держать. Ибо предавший однажды, не устоит пред тем, чтобы снова предать...

Когда Фёдор рассказал товарищам о разговоре с Шульгиным, те приуныли. Не хочется им тащиться в этакую даль. Вот ежели бы им предложили купчишек манзурских пощипать да страху на них нагнать — тогда б другое дело. А тут всё должно быть чинно да пристойно. Скука смертная!..

И только один Пётр обрадовался новостям.

— Тятя, надо ехать! — решительно заявил он. — Разве ты забыл, что твой младший сын в неволе у манзуров томится? Сам же говорил, что полонян богдойцы в Пекин всех свозят. Не с ветру ж ты взял... Глядишь, и отыщем его... А там, сам знаешь: ноги в руки — и гайда до дому!..

... 19 декабря 1675 года Спафарий с сопровождающими его людьми, среди которых было тридцать казаков, шесть детей боярских, а к сему толмач и писарь, двинулись в путь. Проводником у них был нерчинский боярский сын Игнатий Милованов, который пять лет назад вместе со своими товарищами, даурскими казаками уже ходил в Пекин, где от имени Русского Царя вёл мирные переговоры с Императором.

Долог был их путь. Только до первых кочевых людей торгочин на реке Аргуни они шли семнадцать дней. Оттуда по Аргуни и Хайлару они еще несколько дней шли до реки Нонни, где жили осёдлые дауры-земледельцы. А потом ещё почти две недели, пока не достигли Пекина.

В Пекине гостей поставили на Посольский двор. Там прожили они неделю, пока придворные Богдыхана переводили посольский лист. Потом пришлось ждать еще три недели за крепкими караулами, пока наконец Богдыхан не соблаговолил их принять.

... Думали, что Бог вознаградит их за долготерпение и хозяин роскошного дворца, куда они наконец попали, усадит их за стол и попотчует цинским мёдом, а тот вместо этого учредил им стойку. Так они и стояли навтыжку всё то время, пока Богдыхан разговаривал с ними.

Сам он сидел во время приема на аспидном¹ троне с золотою решёткою. С виду неказист, но сколько же в нём было спеси! На нём были дорогие одежды с золотым шитьём. Шапка тоже золотая с теремком наверху, а в теремке том — драгоценные камни.

Говорил он чересчур резко — всё никак не мог смириться с тем, что оросы строят свои остроги на его ясашных землях.

Так бы и уехали послы с мыслью, что манзурский хан не больно-то жалуется русских, но тут случилось чудо. Он вдруг сменил гнев на милость, объявив, что в честь оросских послов решил выпустить на свободу несколько узников, а затем три дня кряду приглашал гостей к столу в свою столовую палатку. Когда же они уезжали, он подарил каждому казаку шапку, халат шёлковый камчатный, серебряный пояс с ножом, а в придачу коня со сбруей.

На словах Богдыхан ничего не сказал послам. Всё, что он хотел сказать, он изложил в своей грамоте, где клялся русскому Царю в вечной дружбе и обещал никогда не воевать Русь.

¹ Аспидный – чёрного цвета.

Только миру не случилось, ибо и русские, и маньчжуры не хотели уступать друг другу. Маньчжуры после разгрома Степанова считали Амур своим. Чтобы быть ближе к спорным территориям, они начали строить города на севере Империи и ставить там военные гарнизоны. Так появились Нингуту, Мергень, Чучар и другие города-крепости.

Но и русские не остались в стороне. Они также принялись спешно осваивать прилегающие к Амуру территории, не давая богдойцам продвинуться на север. Больше всех им не давал покоя Никифор Черниговский. Он посылал своих людей вверх и вниз по Амуру собирать ясак с тунгусов. А однажды велел казакам идти на Чучар и обложить там ясаком все большие и малые племена инородцев, живших на берегах Нонни.

Войдя в дипломатическую переписку с Пекином и боясь осложнений с соседями из-за Амура, тогдашний нерчинский приказчик Даниил Аршинский написал атаману Черниговскому в Албазин, чтобы он больше не воевал ни с кем без указа.

Вот обо всем этом и рассказал Милованов послу Спафарию, пока они добирались до Пекина.

— Выходит, Богдыхан не такой уж страшный, как его рисуют дипломаты? — узнав, с какими почестями встретили посольство Милованова в Пекине, удивляется грек.

— Нет, это он вначале всё щеки дул, а потом отошёл. Понял, видать, рожа, что мы ему не враги! — улыбается Игнатий.

В Чучаре, самом ближнем к границе городе, их встретили настороженно. Однако чучарский дзяньдзюнь принял их в своей резиденции и, следуя восточной традиции, устроил в честь них обед. Отдохнув в отведенных им покоях, посольские люди на следующие утро снова двинулись в путь. Долго шли они по разбитым пустынным дорогам, пока наконец пятнадцатого мая не прибыли на место.

В Пекине Спафарию, как и предупреждал его Милованов, пришлось столкнуться с китайскими церемониями. Вначале у него попросили грамоту для предварительного прочтения. Однако он упёрся. Негоже, мол, царскому посланнику чужим людям бумаги важные доверять. Вот такой он был непокорный и недоверчивый, а к тому же знавший себе цену. И вот нашла коса на камень. Чтобы склонить русских послов к послушанию, придворные Богдыхана стали их томить ожиданием. Месяц томили, два... Вконец, устав, Сапфариий согласился, чтобы с грамоты была снята копия для перевода. При этом, следуя правилам дворцовой церемонии, Спафариий положил грамоту на богдыханово место, а два придворных мандарина взяли её и понесли в покои Императора.

И снова это томительное ожидание, которому, казалось, не будет конца. Если и приходилось послам с кем вступать в деловые сношения, то только с мандаринами-чиновниками, которые вели себя с гостями дерзко, открыто заявляя о том, что не считают русских серьёзным противником. Когда послы начинали с ними спорить, они предлагали им вспомнить о том, как в 1655 году маньчжурское войско под предводительством шаншу дутуна¹ Минъаньдали, посланное на Амур покарать строптивых соседей, напало на Кумарский острог, порубив и взяв в плен много русских. Дичь несёте! — возмущались послы. — Крепость мы удержали, а вот вы бежали из-под Хумара. При этом с позором. Ведь вас было во сто крат больше. Пять по десять тысячных полков супротив трех сотен казаков — и чиво? Еле ноги унесли... Это было не бегство! — пытались возражать им мандарины. Дескать, шаншу вынужден был отойти лишь по причине нехватки продовольствия. А отчего же тогда ваш знаменитый ратоборец был снят с должности и понижен в чинах? — тут же нашлись послы. — Уж не потому ли, что он не оправдал надежд Богдыхана?.. Однако ответа на этот вопрос послы не получили...

Что ни говори, а российская дипломатия по праву гордилась Кумарской победой и пыталась использовать ее в переговорах с маньчжурами. Тот же Спафариий, находясь по посольским делам в Пекине, в ответ на угрозы советника маньчжурского двора разорить Нерчинский и Албазинский остроги, сказал ему: «Почто поминаешь разорение острогов?

¹ Шаншу дутун – в древнем Китае высокая воинская должность.

Ведаешь ли сам, как осадили Комарский острог, что взяли? А мы войною не хвалимся, а и бою вашего не боимся...»

... В то самое время, когда послы пребывали в томительном ожидании встречи с Императором, из Москвы пришла печальная весть: умер Царь Алексей Михайлович. Да как же это?.. — сокрушались посольские. — Ведь, чай, ещё не стар был...

Так-то оно так, да вот только чрезмерная тучность, от которой Царь страдал все последние годы, подорвала его прежде крепкое здоровье и подготовила ему раннюю смерть. В январе 1676 года он вдруг занемог. Ночью ему снилось, будто бы он держит в руках своих зуб. Утром велел привести к нему толкователя снов, который не стал лукавить и прямо заявил, что Царь увидел свою близкую смерть.

Чтобы завершить земные дела, 28 января Алексей Михайлович в присутствии Патриарха и думских бояр благословил на царствование своего старшего сына Фёдора, поручив младшенького Петра деду его Кириллу Нарышкину. После этого он приказал выпустить из тюрем всех узников, освободить из ссылки всех сосланных, простить все казённые долги, причастился Святых Тайн, соборовался и стал ожидать кончины. На другой день в девять часов вечера три удара в колокол Успенского собора возвестили народу о кончине «Тишайшего».

Покидая этот мир, Алексей Михайлович оставил трёх сыновей: двух от первого брака — Феодора и Иоанна — и одного от второго — Петра. Первые двое были слабого здоровья и небольшого ума, потому Царь никогда бы не передал ни одному из них власть, не будь Пётр таким юным. Ведь в отличие от своих братьев, тот рос бойким, смышленным и крепким пареньком. И именно в нём отец видел будущее Державы.

Слишком рано умираю, находясь на смертном одре, сказал Алексей Михайлович своей жене Наталье. Надо было бы дождаться, когда вырастит наш сын...

Однако всё ж благословить на правление пришлось Феодора. Ему уже было пятнадцать лет, и он единственный из братьев мог принимать личное участие в делах Государства. Не оставишь же после себя четырёхлетнего Петра. Можно было, конечно, остановиться на старшей дочери Софье. У той и характер есть, и хватка волчья. Но все ж она баба, а где бабы, там капризы да причуды. А Государству нужна не только сильная власть, но и трезвая голова.

... После смерти Алексея Михайловича власть перешла к родственникам его покойной жены Марии Ильиничны — Милославским и Голицыным, которые тут же принялись избавляться от сторонников молодой царицы. Первым они выслали из Москвы верного сподручника покойного монарха боярина Матвеева, назначив его управителем в Сибирь. Только тот не доехал до места — на пути его лишили всех прав и состояния, сослав в Пустозерск, на Печору в Югорскую землю. Нарышкины также были немедленно удалены из стольного града, оставшись не только не у власти, но и без средств к существованию. Такая же участь постигла и других близких Царице Наталье людей. Одному из её братьев, Ивану, обвинённому в заговоре против царя, присудили бить кнутом, жечь огнём, рвать клещами ноздри и казнить смертью. Тем бы всё и закончилось, если бы не молодой Царь, который заменил наказание вечною ссылкой в Рязск.

Понимая, что родственники первой жены могут расправиться с его младшим сыном, Алексей Михайлович перед смертью наказал преемнику быть «отцом малому Петру» и к чести молодого Царя он строго соблюдал этот завет.

А вот другую просьбу покойного — примирить сторонников старой веры с Церковью Феодору выполнить так и не дали. Вместо этого по настоянию Патриарха Иоакима и действовавших с ним заодно Милославских и Голицыных он приказал казнить всех оставшихся в живых идеологов раскола. В 1682 году, в конце короткого царствования Феодора, были заживо сожжены пустозёрские узники Аввакум, Лазарь, Фёдор и Епифаний. В ответ их сторонники устроили в Москве мятеж, который был быстро подавлен, вожди ж его во главе со священником Никитой Пустосвятом прилюдно были четвертованы на Лобном месте.

Но не для того Алексей Михайлович благословлял своего сына на царствование, чтобы он воевал со своим народом. Надежда была, что тот займется делами государственными. Ибо в наследство ему он оставлял бедную и растерзанную врагами Державу.

А ведь когда-то это была великая Русь. Она простиралась от моря до моря. А ныне многие исконные русские области принадлежали Польше, Швеции, Турции. Русь грабили все, кому не лень. Её оттеснили от Европы, ей заперли все выходы. Отобрали у неё моря, закрыли и сухопутную границу. На юге между черноморской полосой и русской границей возникло обособленное пространство, где не без поддержки Запада, имеющего во всём этом свой интерес, создавалось новое государство со своеобразным языком и своими нравами. Эта окраина, бывшая некогда русской землёй, всё больше и больше удалялась от Москвы, которая была теперь со всех сторон стеснена и окружена недругами.

Не видя иного выхода, Русь, дабы расширить своё жизненное пространство, устремилась на восток. Только добравшихся до власти Милославских и их единомышленников, в отличие от покойного Алексея Михайловича, не очень-то интересовали дела Державные. Их беспокоило одно — как бы подольше удержаться у трона. Оттого они, занятые дворцовыми интригами, даже не вспомнили о посольстве Спафария, которое в это время отстаивало в далёком Пекине интересы своей Державы.

— Когда приходит смерть, и тысяча будд не помогут, — узнав о смерти московского хана, философски изрёк Император Кан-Си.

Однако посланников он так и не принял. Вместо этого им вручили ответную грамоту, которую Спафарий не решился принять, потому как она заключала оскорбительные выражения в адрес Москвы. Тогда на словах ему было велено сказать новому московскому хану, что Император требует выдать ему князя Гантимура вместе со всей его челядью. Ещё он просил того наказать казакам на Амуре-реке не обижать пограничных подданных Императора. Ежели, мол, Царь выполнит эти и иные требования, то и он, Богдыхан не будет чинить русским разор.

В общем, стало ясно, что посольство не удалось. После нескольких месяцев, проведённых в богдойской столице, Спафарий вместе со своими людьми наконец выехал из Пекина. При этом взятые русскими для торга товары так и остались не проданными. Богдойцы сговорились и предлагали за них такие низкие цены, что продавать их было невыгодно. Пришлось везти их обратно и понести большие убытки.

На обратном пути Спафарий надумал послать в Албазин память с требованием, чтобы казаки больше ни в коем разе не ходили на судах по Амуру, а ходили сушею. Узнав об этом, нерчинский боярский сын Игнатий Милованов взмолился: мол, отмени, барин, указ, потому как для ясачного сбора по Амуру и по Зее иначе, как на судах, идти невозможно. Но надо было знать Спафария. Не терпящий ничьих подсказок, он так разгневался, что приказал заковать Игнатия в железо и бить за якобы дерзкие слова.

Вот и вышло, что грек уступил Богдыхану зейских ясачных тунгусов, которые прежде отдавали Албазину шестьдесят семь соболей.

Однако и это не помогло посольству Спафария уладить до конца Амурский вопрос. Учитывая уступку Императору, на Амуре теперь стало два хозяина. На верховьях русские, при устье — маньчжуры. Но такое положение неминуемо должно было привести к столкновению.

Глава четвертая. Побег

Ещё в Чучаре Фёдор пытался выпросить через толмача у местных тунгусов о русских пленных. Но никто ничего не знал. И только перед самым отъездом в Пекин к Опарину подошёл молодой даур и сказал:

— Моя твоя знай. Ты приходи к Лавкай — там моя тебя видал.
 Фёдор был рад такой встрече.
 — Ну а как сам Лавкай-то? Жив ли? — спрашивает.
 — Живой, живой! — машет головой даур. — Однако шибко больной...
 Но не затем подошёл этот человек к Фёдору, чтобы говорить о Лавкае.
 — Моя знай, ты пленный человек албазинский искать? — неожиданно говорит он.
 Фёдор насторожился. Неужто ему сейчас сообщат недобрую весть?
 — Верно, ищу... — пытаюсь не выдать волнения, произнёс он. — Сын там был у меня... Тимофеем зовут. — Он замолкает и вдруг: — Я вижу, ты что-то знаешь про них...
 Ну же, не томи!
 — Мой знай... Мало-мало знай... — говорит даур. — Урус казак был пять, аха? Двое ушел могила — шибко большой рана была...
 У Фёдора потемнело в глазах. Неужто и Тимоха был среди тех двоих?
 — Ну а где остальные? — спрашивает он. — Где бабы, детки?..
 — Сперва их вози Айгунь... Потом Чучар... Приезжай большой человек и забирай их Пекин.
 — Значит, в Пекине они? — обрадовался Опарин.
 — Точно Пекин, — подтвердил парень.
 Что ж, коль Тимоха жив, я его обязательно отыщу! — сказал себе Фёдор.
 Однако, прибыв на место, он понял, что сделать это будет нелегко. Ведь Пекин город большой. А тут еще этот приказ, строго-настрого запрещающий русским покидать Посольский двор.
 Но разве Фёдора остановишь! Однажды ночью он всё же попытался незаметно выбраться из посольского терема и уйти в город. Но как только он перелез высокую ограду, на него тут же набросились какие-то люди и стали избивать его бамбуковыми палками. Едва тогда удалось унести ноги. Потом была еще одна попытка, которая также закончилась неудачно.
 Выходит, они глаз тут с нас не спускают, решил Фёдор. Ну да ладно, и из мышеловки мышь уходит, знать бы только, куда идти. А то ведь тут одних улочек точно звезд на небе. Выйдешь в темноте за ворота — и заблудишься.
 А тут вдруг посольским людям разрешили под приглядом стражников пройтись по местным торжкам.
 И вот он, город... Огромный, шумный, наполненный запахами острых приправ и жареного лука. Повсюду богатые дворцы с рядами прижавшиеся к ним хижин бедняков, просторные площади, парки и торжки. По узким длинным улочкам чинно выхаживают двугорбые верблюды, цокают копытами по каменным мостовым ослики, бегут с носилками на плечах кули, на носилках — чиновный и служилый люд. Тут же шленьком¹ — конники в доспехах, которых постоянно пытаются обогнать спешащие куда-то с тяжёлыми корзинами на коромыслах бритолобые торговцы.
 На одном из торжков внимание Фёдора привлёк одноглазый человек явно не азийского виду. Высокий, крепкий, рыжебородый. Одет он был в старый овчинный полушубок, подпоясанный красным кушаком, на голове — облезлый заячий треух. Пред ним на большом плоском лотке был разложен незамысловатый товар — дудочки из бузиной трости, свистульки, деревянные расписные ложки, солонки и ещё Бог весть что.
 Никак наш? — удивился Фёдор. Однако подойти к нему сразу он не решился — боялся, что тем самым навлечёт на себя подозрение цинских стражников. Вначале через толмача поторговался с кяном, продававшими шелка и бумажную ткань — нанку. Затем подошёл к прилавку с хлопучками, осмотрел гончарный товар — крынки, горшки, чашки, корчаги, следом фарфоровые вазы и статуэтки, а уж потом оказался подле разухабистого бородатого мужика.

¹ Шленьком – трусцой.

— Покупай, дёшево продаю! — улыбнувшись на всю ширину своих прокуренных зубов, говорит ему торговый человек.

Услыхав родной язык, Фёдор обрадовался.

Точно наш! Но откуда он здесь?..

— А хорош ли товар? — беря в руки дудочку, для порядку спрашивает Фёдор, а у самого от волнения голос дрожит. А вдруг это именно тот человек, что поможет найти ему сына?

— А ты попробуй, подуди — аль не умеешь? — спрашивает мужик.

Фёдор пожал плечами.

— Да вроде умел... — Он несколько раз дунул в дуду. — Нет, разучился, — вздыхает он. — А в детстве вроде получалось...

— Во-во, был мал, в четыре дудки играл. А теперь купил дуду на свою беду, стал дуть, ан, слезы идут... — этак незлобиво проговорил мужик.

Фёдор виновато улыбнулся.

— А как иначе, коль мне не твою сопелку, а острую саблю пришлось всю жизнь в руках держать? — произнёс он и вдруг стал шарить глазами по сторонам. Убедившись, что стражников рядом нет, негромко спросил: — Сам-то откуда будешь, браток? Вижу ведь, наш, русский...

— С Уралу... — отвечает тот. — Фомка я... Фома Ярыгин, а по батюшке Иванов.

— И как же ты Фома Иванов сюда-то попал? — не отстаёт Фёдор.

— В полон меня взяли... Подрядились мы, стало быть, с товарищами к монголам богдойцев воевать, а те возьми да сокруши наше войско. Там я глаз-то свой и потерял. Слава Богу, хоть жив остался...

— И давно ль это было? — интересуется казак.

Мужик вздохнул.

— Да уж шестой годок пошёл.

— Вона как! — удивился Фёдор. — А чиво ж не бежал-то?

— Пытались, — усмехнулся торговец. — Да только ни хрена не вышло. Отсель до границы далеко. Пока дойдёшь — десять раз поймают...

— Ну-да, — согласился Опарин. — Поймают. И что ж? Хорошо ль тебе тут живётся? Вижу, вольным человеком ходишь.

Тот прежде, чем ответить, попросил у Фёдора табачку. Мол, тутошний дрянной, не дашь ли нашенского, забористого? Казак передал ему кисет.

— Ишь ты, махорка! — обрадовался мужик. — Эта построжее будет бакуна¹. Разбор у неё получше.

Тут же в его руках появилась люлька.

— Ить что русскому человеку надо? — набивая чубук махрою, рассуждает он. — Табак да баня, кабак да баба — вот и весь сказ...

Фёдор покачал головой.

— Нет, браток, этого мало, — говорит он. — Самое главное для нашего человека — это свобода. Без её и табак твой не табак. Вот мой сынок... Сидит, поди, щас в неволе... И рази он о бабах думает? Как бы не так!.. Слышь, — снова поглядев по сторонам, тихо так произнес он. — Ты что-нибудь слыхал про албазинских полонян? Их в прошлый раз силою увели манзуры. Люди сказывают, в Пекине они...

Торговец пожал плечами.

— Не-а, не слыхал о таких, — сделав глубокую затяжку и медленно, с чувством выпуская из себя дым, проговорил он. — Тебе надо бы поискать сынка своего во Внутреннем городе. Может, в Русскую роту его зачислили. Это меня, калеку туда не взяли. А жаль. Там у них жалованье платят. А я за жалованье готов хоть черту служить.

Фёдор нахмурился.

¹ Бакун – простой напушный табак в отличие от рубленой махорки.

— Нехорошо это! — говорит он. — А ежели тебя Русь воевать пошлют?.. Неужто пошёл бы?

Мужик растерялся.

— Не, своих воевать не буду, — подумав, замотал он головой. — Своих не можно...

— Ну так вот думай, что говоришь! — сурово посмотрел на него казак. — Ну ладно о том... Ты мне лучше скажи, где она, эта Русская рота находится-то? — спрашивает он мужика.

— Где?.. Да у ворот Дэнчжэмэнь... Там их фанзы стоят, — объясняет торговец. — Хочешь пойти?..

— Хочу, — кивает головой Фёдор.

— Тогда ступай с опаской, — предупреждает мужик. — Помни: скорый наперед, осторожный позади... Манзуры зорко следят за этими людьми. Увидят — убьют... Так и знай.

— Понятно, — говорит Фёдор. — Сам-то где живёшь?

— У вдовой кянки... У её трое детей своих да троих мы с нею сробили¹. Вот и считай: шесть душ на мне! И каждого надо накормить-напоить. Потому и сижу здесь... Слышь, казак, а вас-то сюды каким ветром занесло? Уж не с послами ли московскими прибыли? Молчишь — знать, правда... Тут у нас в городе всякое говорят... Мол, Император решил Русь воевать — вот Царь Московский и послал своих людей с ним замириться... Ты скажи мне: будет война али нет?

— А кто его знает, — пожал плечами Фёдор. — Может, будет, а может, и нет... На все воля Божья... Наше ж дело маленькое. Коль война — значит, будем воевать...

Вернувшись на Посольский двор, Фёдор вместо того, чтобы лечь отдохнуть после длительной прогулки, велел товарищам собраться в садовой беседке, где и передал им весь свой разговор с Фомой.

— Надо бы найти эту Русскую роту, — говорит Иван Шишка. — Вот только сможем ли мы незаметно выбраться отсель?

— А если стражу подкупить? — смотрит на него Семён Антонов.

— Всех не подкупишь, — произнёс Фёдор. — Надо что-то иное придумать.

— А что, братцы, думать! Сабли-то при нас — тогда об чём разговор? Прорвёмся! — полон решимости Карп Олексин.

— Пустое, — покачал головой Фёдор. — Пока мы до наших доберёмся — нас, как тех курей, перебьют.

— Мобыть и так, — соглашается с ним Леонтий Романовский. — Их тут, богдойцев-то тьма тьмушая, а нас сколь?..

Поджав по-турецки ноги, они сидят кружком на богатом тянзинском ковре, коим был устлан мраморный пол беседки, и молча попыхивают трубками. Вокруг них живая изгородь из виноградных лоз, густо вплетённых в ажурные кружева деревянной постройки. Снаружи их трудно было заметить, зато им отсюда хорошо было видно всё: фонтан посреди сада, павильоны, возведённые в азийском духе и украшенные красивыми цветочными вазами, оранжерею, голубятню, теплицу, каретный сарай, конюшню и даже гостевые покои с пристроенными к ним флигелями для обслуги.

— Я б поначе сделал, — неожиданно нарушил тишину Ефим.

— Ну, говори!.. — глядит на него Фёдор.

— Надо к Спафарию идти...

— Да был я давеча у него... — вздохнул Фёдор.

— И чиво?.. — спрашивает его Ефим?

¹ Сробить – сделать.

— А ничиво! — ухмыльнулся тот. — За всех наших полонян просил у него, умолял, на коленях пред ним даже стоял, да всё напрасно... Прочь, говорит, не до тебя мне щас. Ещё раз придёшь — в железо закую.

— Пёс этот Спафарий, ей-Богу, пёс! — скрипнул зубами Григорий Романовский. — Я б его...

— Да тише ты, брат! — ткнул его локтем Леонтий. — Тут ведь уши везде...

— Что ж тогда делать-то? — спрашивает Григорий. — Неужто оставим своих братьев-казаков в беде?..

Но доброй мысли никому не приходило в голову.

И тут вдруг Пётр вспомнил о молодом евнухе Ван Чи, которому вместе с такими же, как он, несчастными было велено прислуживать посольским людям. Может, он поможет? — подумал.

Раньше эти юноши служили при дворе и не знали особых забот. У них было всё: кров, еда, а самое главное — никто не смел их обижать, потому как их опекал сам Повелитель.

А вот Шэн-Цзу с детства питал к евнухам отвращение, поэтому, когда он стал Императором, тут же велел прогнать этих бедняжек на улицу, заменив их молодыми девушками. И с тех пор дворец превратился в место, где царила женская красота. Шэн-Цзу постоянно был в окружении девиц. Они были с ним ночью в его постели, когда он предавался плотским утехам; по утрам они одевали его, умывали, подавали ему завтрак. После этого сопровождали его на прогулке. Он даже на охоту брал их с собой, а уж о дворцовых пирах и говорить не приходится...

— Опомнись, Шэн-Цзу! — не раз предупреждал молодого Императора его воспитатель, буддийский монах Дагай. — Неумеренность в желаниях не приведёт к добру.

Он хорошо знал историю и считал, что причиной гибели многих великих империй было то, что их вожди вели праздную жизнь, что вместо того, чтобы укреплять свою власть и заботиться о народе, они предавались блуду и чревоугодию. А ведь он, Дагай воспитывал будущего Императора в ином духе. Он говорил ему, что настоящий правитель должен вести достойный образ жизни, отказываясь от всех благ и удовольствий. Тот слушал его и вроде всё понимал, но когда вырос, забыл о нравоучениях монаха. И теперь тот только досаждал ему своими упреками, потому Шэн-Цзу пришлось прогнать старого учителя из дворца.

Однако Император был не настолько глуп, чтобы забыть про всё на свете и жить себе в удовольствии. Нет, женщин он по-прежнему любил, только на первом месте у него всё ж были дела государственные. Он лично занимался распределением новых земель, строго следил за тем, чтобы ратным людям вовремя выплачивали жалованье, интересовался, как обстоят дела в войсках с продовольствием, вникал в дипломатические дела и даже порой брал на себя командование, когда его армия шла воевать соседей. Так поступали его отец и дед, та же участь ждала и его будущих сыновей...

А вот о мальчиках-евнухах Шэн-Цзу никогда не вспоминал. Несчастные! Когда их выгнали зимой на мороз, многие из них замёрзли, и их трупы потом долго смердели за дворцовой оградой, смешиваясь с отвратительными запахами городских помоек. Те же, кому удалось выжить, частью вернулись в свои деревни, чтобы вместе с родственниками выращивать рис и разводить шелковичных червей, другие вынуждены были присоединиться к огромной толпе городских нищих. Но были и везунчики, которых наняли в богатые дома вельмож или пристроили на казённые дворы. Среди них оказался и Ван Чи.

Он с удивлением глядел на русских. Никогда раньше он их не видел. Они казались ему диковинными созданиями. Огромные, бородатые... У всех его единоплеменников волосы чёрные, а у этих светлые или рыжие. И глаза у них большие круглые, точно у сов.

Вначале он их боялся, но потом привык и даже полюбил их. Они постоянно дарили ему подарки и угощали сладостями, что, видно, и подкупило его.

Однако больше всех ему пришёлся по душе русский парень по имени Петр. Молодой, сильный, голубоглазый... Он всегда был приветлив с Ван Чи, называя его «другом». Что означало это слово, Чи не знал, только чувствовал, что слово это хорошее.

Эх, если б и его господин был вот также добр к нему! Но Шэн-Цзу, к которому Ван Чи был приставлен матушкой будущего Императора, с первых дней невлюбил его. Вот только за что — непонятно. Ван Чи всегда старался угодить ему. Он быстро научился понимать хозяина с полуслова. Тот рот не успеет порой открыть, а Ван Чи уже бежит выполнять его волю. Он знал все его привычки. Поутру, умыв наследника душистой розовой водой, он без напоминания приносил ему его любимый чёрный халат с драконами и фениксами. Когда тот собирался идти на прогулку — тут же Чи с зонтиком от дождя или солнца. А когда старый Император приглашал сына в Зал приёмов Золотого дворца для встречи с министрами, Чи облачал Шэн-Цзу в вышитый золотом парадный халат из красного атласа.

Ван Чи ни на минуту не оставлял наследника, вызывая у того лишь саркастическую улыбку. Бывало, тот в Золотой дворец — и он за ним. Устроится на ступеньке подле престола и терпеливо ждёт, пока Императору не надоест отчитывать своих чиновников. При этом всё его внимание было приковано к Наследнику, сидящему рядом с Императором на малом троне. Ведь для него самое главное на свете — это вовремя предупредить желание хозяина. Случалось, Шэн-Цзу надоест слушать высокие речи — Ван Чи тут как тут. Он поможет спуститься ему по алым ступенькам вниз, а потом покорно плетётся за ним в сторону Серебряного дворца, где находились покои Наследника.

— Ну что ты всё ходишь за мной! — часто выговаривал ему будущий Император. — Будто б тебе делать больше нечего...

Ну а как иначе? Вдруг Наследнику потребуется помощь Ван Чи?

Однажды так и случилось. Они тогда гуляли по дворцовому саду. Впереди — Шэн-Цзу с книжкою со стихами Гао Ци, написанными в жанре ши¹, чуть позади — его верный слуга. Ранняя осень. Еще по-летнему тепло и уютно. Воздух сладкий от осенних ароматов. Не выдержав тяжести плодов, низко пригнулись к земле ветви молодых яблонь. Буйно цветут на клумбах жёлтые хризантемы, придавая саду осеннее очарование.

Что тогда заставило Ван Чи насторожиться, он до сих пор не знает. Только вдруг, повинувшись какой-то силе, он невольно повернул голову и увидел в густых зарослях барбариса какого-то человека, который, прищурив один глаз, старательно целился из лука в молодого Наследника. Ещё бы миг — и неизвестно, чем бы всё закончилось, но...

Несколько шагов, которые отделяли Ван Чи от злодея, он преодолел в считанные доли секунды. Тот даже опомниться не успел, как оказался на земле.

— Беги, мой Повелитель! Беги! — закричал Ван Чи, держа за горло незнакомца. Тот был старше его и крупнее, поэтому ему не составило труда сбросить с себя тщедушное тело мальчишки. — Беги же!.. — увидев растерянное лицо Наследника, снова отчаянно закричал он и попытался схватить за ногу поднявшегося с земли убийцы. Пока тот отбивался от него, Шэн-Цзу пришёл в себя и пустился наутёк. При этом он бежал так, что ему бы позавидовал внезапно открытый и поднятый собакой заяц.

Этот случай тогда вызвал настоящую бурю во дворце. Все гадали, кто мог посягнуть на жизнь молодого наследника.

¹ Ши – форма китайского стиха.

— Не иначе это дело рук преступников из братства «Байляньцзяо», — говорили придворные.

— Когда я стану Императором, я с корнем вырву из земли эти деревья зла! — пообещал Шэн-Цзу.

Ван Чи думал, что Наследник оценит его поступок и не станет больше презирать его, но он ошибся. Вместо того чтобы наградить своего спасителя, Шэн-цзу крепко побил его бамбуковой палкой. В чём же я провинился перед моим Господином? — никак не мог понять бедный мальчуган, и только позже до него дошло, что Наследник просто мстил ему за то, что он видел, как будущий Император, испугавшись злодея, вдруг потерял своё лицо. Большого унижения нельзя было и придумать.

— Я знаю, что нам делать! — неожиданно говорит Пётр.

И он поведал казакам про свой план. Выслушав его, те не стали возражать. Дескать, давай, пробуй, авось, что получится. В любом случае это лучше, чем сидеть и ждать у моря погоды.

Всё бы ладно, да вот как объяснить молодому евноху, что от него хотят? На пальцах ведь этого не сделаешь. Остаётся одно — обратиться к Алёшке-толмачу, которого привёз с собой Спафарий. На богдойских толмачей, на всех этих латинян, что окружали императорский трон, надежды не было. Они всегда изложат только то, что им выгодно, а то и просто выдадут заговорщиков. Оттого и разослали царёвых слуг по всей Русиматушке, чтобы они искали тех, кто мог изъясняться по-ханьски.

Таковые нашлись. Из всех Спафарий выбрал двоих — Макарку и Сергуньку, коих доставили в Москву от самой монгольской границы. Только уже скоро выяснилось, что толмачи они никудышные. Пришлось по дороге взять ещё одного — Алёшку Куделина. Его нашли в Кабанском остроге, что стоял на левом берегу Селенги вблизи устья впадающей в неё речки Кабанья. Родителей своих он не помнил, слышал только, что, когда он был маленьким, родную деревню его сожгли монголы, перебив всё взрослое население. Так бы, может, и пошёл по миру, если бы его не приютила у себя семья одного бедного ханьца, жившего в соседней деревне. Там он и выучился чужому языку

Алёшка был ровесником Петра, потому они быстро сдружились.

— Вот вернёмся — к себе в Албазин тебя заберём, — говорил ему Пётр. — Нам толмачи ой как нужны! Без них мы, точно без рук. Всё, хватит на чужих людей батрачить, пора свою жизнь начинать.

Алёшку Пётр отыскал на конюшне. У того никогда не было своей лошади, поэтому он сразу привязался к этому длинноногому казённому гнедку с доброй кличкой Братец, и когда выдавалась свободная минута, тут же бежал к нему. А вдруг конюший забыл про лошадей, вдруг у гнедка нет ни корма, ни воды или же он стоит по колена в грязи?

— Алёшка, дело у меня к тебе есть! — с места в карьер начал Пётр. — Поможешь?..

Он вдруг замолчал. Говорить или не говорить? А что ежели тот сболтнёт кому?.. Или же возьмёт да передаст его слова Спафарию?..

— Ну, чиво хотел? — поглаживая по спине жующего сено конька, спрашивает Алёшка, поджаристый простоволосый паренёк с россыпью веснушек на загорелом сухощавом лице.

Жизнь в семье ханьского крестьянина, где каждый привык вставать с первыми лучами солнца и, взяв в руки мотыгу, на целый день уходить в поле, оставила на нём свой отпечаток. Он был малоречив, часто любил уединяться, за что и получил прозвище Бирюк.

А, будь что будет! — решил Пётр. Один раз помирать — так, кажется, говорит его отец...

— Мне б с Ван Чи переговорить, — начал он. — Да только я не знаю, как это сделать... Помоги, а?..

Алёшка пожал плечами.

- А на кой это тебе?.. — спрашивает.
- Да нужен он мне, понимаешь? — не отстаёт Пётр. И снова: говорить или не говорить? — Побожись, что никому не скажешь...
- Чивой-то ты?.. — удивлённо смотрит на него Алёшка.
- Говорю: побожись! — настаивает Пётр.
- Ну, коль надо... Вот тебе крест...
- Смотри, Алёшка, проболтаешься кому — в аду гореть будешь! — предупреждает товарища Пётр.
- А то мне надо... — хмыкнул тот.
- Ну ладно, так и быть поверю, — наконец решается казак. — Тут вот какое дело... Брат мой прошлой осенью в полон к богдойцам попал... — И Пётр рассказал ему о своей беде.
- А кян-то этот пошто тебе нужен? — выслушав с неподдельным интересом товарища и посочувствовав ему, спрашивает Алёшка.
- Дело мы тут одно с товарищами затеяли... Хотим людей наших из полона вызволить... — признаётся Пётр. — Нам сказывали, их где-то тут недалече держат... Коль живы — пусть отзовутся.
- И вы решили к ним этого евнуха послать? Ну-ну... — покачал головой Алёшка.
- Глядите, как бы он не выдал вас...
- А кого еще пошлешь? — спрашивает Пётр. — Сами б пошли, но да ведь кругом стража. А ему что — он тут везде свой... Ну так как, поможешь с ним перетолковать?
- Когда Ван Чи узнал, что от него хотят русские, он не на шутку струхнул.
- Ну, чиво напугался? — говорит ему Пётр. — Ты только передашь письмецо — и всё. Ну, что тебе стоит?
- Насилу уговорил его.
- Дождавшись вечера, Ван Чи отправился в город. По-хорошему, он должен был донести на русских, но вместо этого он согласился помочь им в их тайном деле. Оттого и испытывал такой непомерный страх. И когда стоявший у ворот стражник спросил его, куда это он собрался на ночь глядя, он едва не выдал себя с головой. Однако в последний момент он всё-таки смог совладать с собой и сказать, что идет навестить сестру, которая служит на кухне у одного богатого мандарина.
- Назад он вернулся нескоро. Запыхавшийся, возбуждённый.
- Ну давай, докладай!.. — с надеждой смотрит на него Пётр. — Да не молчи ты, чёрт окаянный! Говори, удалось ли тебе повидать наших братьев?
- Тот закивал головой.
- Ши!.. Ши!..
- Говорит, что да, — перевёл Алёшка.
- Молодчага! — похвалил парнишку Пётр. — Ну тогда спроси его, передал ли он им наше письмецо? — просит он толмача.
- И снова:
- Ши!.. Ши!..
- Добре... — проговорил молодой казак. — И где ж их ответная грамотка? Аль не отписали?.. Ну же, спроси, Алёшка, не томи душу! — торопит он товарища.
- Ван Чи, выслушав толмача, покачал головой.
- Что, так и ничего?.. — удивился казак.
- Малец говорит, что они остереглись писать письмишко-то — велели на словах всё передать, — поясняет Алёшка. — Осторожничают, — добавил он от себя.
- А ты как думал! — ухмыльнулся Пётр. — Будешь тут опасливым... — Ну ладно, давай, расспроси его хорошенько обо всём — что нам из него по крохе-то вытягивать?
- Ван Чи говорил недолго, но то, что он сказал, обрадовало Петра. По его словам, месяца два назад в Русскую роту зачислили троих казаков, которых доставили от границы.

Имен их Чи не запомнил, потому как чужеземные имена ему даже выговорить было трудно.

— Выходит, не зря мы суетничаем! — с чувством проговорил казак. — Скажи, Ванька, — обращается он к Ван Чи, — а не видал ли ты там эдакого разлихого молодца, у которого морда с моею была бы схожа? Ну же, переиначь ему с нашего! — велит он Алёшке.

Выслушав вопрос, Чи внимательно посмотрел на Петра.

— Бу... — проговорил он.

— Чиво?.. Чиво он сказал? — трясет Алешку за плечи Петр.

— Говорит, такого не видал...

Петр выругался.

— Ладно, там разберёмся! — говорит он. — Слышь, Вань, — обращается он к ханьцу. — Ты уж не взыщи, но тебе еще разок придётся туда сплутать. Завтра же и пойдёшь. А теперь ступай отдыхать. Но помни: о нашем разговоре- никому!..

... Весь следующий день Ван Чи был молчалив и задумчив. Хорошо ли он поступает, помогая этим русским вершить их тайные дела? — не раз спрашивал он себя. И тут же находил ответ: — Русские добры к нему — не то, что эти маньчжу. Они бы не выгнали его на мороз, как то сделал молодой Император. Поэтому нет ничего плохого в том, что он им помогает.

Вечером он снова поплёлся в город, сунув в рукав халата грамотку, которую ему передали казаки. На этот раз те писали о том, что хотят устроить своим товарищам побег, только не знают, как это сделать. Потому просят высказать свои соображения.

И снова Ван Чи благополучно вернулся назад. Только на сей раз при нём было письмоцо, написанное рукою Егорши Комара.

«Дорогие братья наши албазинцы! — писал Егорша. — Оченно рады, что вы не забыли о нас. Жаль только не все наши товарищи могут разделить с нами эту радость. Многие из них умерли от тяжёлых ран и побоев, тех же, кто выжил, привезли в град стольный богдойский. Детишек малых, что были, всех разобрали по богатым домам, баб же да девок кого в рабство продали, кого обменяли у монголов на коней...»

— Бедяги¹... — вздохнул Пётр. — Этим уже ничем не поможешь. Видно, так и будут век свой в горе коротать.

«... Ну а нас троих казаков определили в Русскую роту, — продолжил читать Пётр. — А куда денешься? Коли б отказались — нас бы, прости Господи, до смерти забили, а потом бы отдали собакам на съеденье. Так здесь поступают со всеми непокорливыми...»

— Вона как! — покачал головой Пётр. — Собакам на съеденье... Да где ж это видано?.. Ладно, поглядим, что там дальше...

«Как уж вы собрались вызволить нас, мы не знаем, — снова читает он. — Только есть у нас тут в городе верных люди, кои согласятся помочь вам. Ждите — они сами вас найдут. Да благословит вас Господь в делах ваших праведных! За сим любящий вас Егорша Комар».

Дочитав письмо до конца, Пётр досадливо вздохнул. Он-то думал, что наконец узнает о судьбе своего брата, но Егорша будто бы испытывал его терпение. Чёрт лысый! Мог хотя бы словом обмолвиться о Тимохе — так ведь нет... Ну я ему задам трепака — вот только бы свидеться! — мысленно пообещал он ему.

— Слышь, Вань, неужто и впрямь среди тех полонян нет никого похожего на меня? — снова пытается мальчишку Петр.

— Бу... — качает головою Ван Чи.

... Тот говорил истинную правду. Ведь сейчас и Петр ни за что бы на свете не узнал своего брата. После всех лишений, которые выпали на его долю, он сильно сдал и теперь совершенно не был похож на того пылкого жизнерадостного паренька с нежным

¹ Бедяги – бедняги.

пушком на загорелых щеках, каким он был ещё какое-то время назад. Вечно задумчивый и нелюдимый, он никак не мог привыкнуть к тому, что находится в неволе. Оттого и все мысли его были только о побеге. В отличие от него, товарищи его, казалось, смирились со своим положением и старались исправно отрабатывать назначенное им казённое жалованье. Тимоха злился на них, даже называл изменщиками, а те только вздыхали в ответ. Мол, и ты смиришься — всё равно ведь от судьбы не убежишь.

Но они не знали Тимоху. Тот был весь в отца — такой же упёртый, дерзкий и свободолюбивый. И не в его правилах было отступать перед трудностями. А таким, говорят, сам Господь помогает.

Вот и Петру повезло. Однажды он встретил людей, которые пообещали устроить им с товарищами побег.

С одним из них, гончарным мастером Юем, его свёл молодой зеленщик Хун Синь, у которого русские покупали овощи. Жизнь того заставила выучить чужой язык, и теперь он мог неплохо на нём изъясняться. Правда, при этом жутко коверкал слова, что неизменно вызывало у русских полонян смех.

Новенького ратника по имени Ти, — а так Синь называл Тимоху, — он заметил сразу, как только тот появился в Русской роте. У него были вечно грустные глаза, и было видно, что он сильно скучал по дому. В то же время он был дерзок с богдойским начальством, и всё его поведение говорило о том, что он не намерен был долго оставаться на чужой стороне. Однажды, устав от вечных лишений, он не выдержал и напрямую спросил у зеленщика, нет ли у него на примете тех, кто бы мог помочь ему бежать из плена. Конечно, он сильно рисковал — ведь Синь мог оказаться богдойским согладатаем, — однако ему больше не к кому было обратиться.

— Моя помогай, — пообещал ему Синь. — Однако твоя шибко молчи. Маньчжу узнай — ой как хотеть убивай Хун Синь!.. — И он сокрушённо покачал головой.

Синь не обманул. Однажды вечером, когда Тимоха, вернувшись со службы, сел за стол, чтобы отужинать, в окно его фанзы кто-то постучал. Старая кянка по имени Мэй, которую ему дали в услужение, тут же поплелась отпирать дверь. Маленькая, коротконогая, она медленно двигалась по горнице, смешно переваливаясь с одной ноги на другую, отчего сильно смахивала на утку. Уловив это сходство, Тимоха улыбнулся.

То был Синь. Он был возбуждён.

— Однако твоя кончай чифан — быстро ходи за мной, — заговорщицки проговорил он.

... Они долго шли какими-то тёмными переулками, стараясь не попадаться людям на глаза. Впрочем, в эту пору город будто бы вымер, и лишь слышно было, как где-то сонно побрехивают дворовые псы да негромко перекликаются у господских ворот стражники.

Пройдя ещё несколько кварталов, они наконец пришли на место.

— Здесь! — жестом указал Синь на небольшую хибару.

Перед входом их встретил долговязый китаец средних лет по имени Юй. Позже Тимоха узнает, что тот был одним из активных членов тайного братства «Саньхэхуэй», которые боролись за восстановление династии Мин.

Юй пригласил Тимоху войти в дом, где тот увидел ещё нескольких ханьцев, стоявших в почтительной позе.

Это было низенькое длинное насквозь прокопчённое помещение, которое напоминало собой обычную китайскую зверовую фанзу. Вокруг стен с трёх сторон шли каналы, покрытые гаоляновыми циновками. В двух котлах, дымоходы от которых шли под каналами, варилась пища. Несколько столбов посреди фанзы поддерживали кровлю. Со стен и с потолка мохнатыми гроздьями свешивалась копоть.

В дальнем углу хибары стоял гончарный верстак: два деревянных кружка на веретене; меньший сверх лавки, большой внизу. За верстаком сидел молодой кян с бритым лбом и вертел нижний кружок ногою, в то время как на верхнем он работал из

сырой глины что-то похожее на горшок. И делал он это с такой любовью, с таким вдохновением, коим мог бы позавидовать сам Господь, сотворивший однажды наш мир.

Это был шестнадцатилетний сын гончара Юя Вэйсун. Завидев гостя, он быстро вытер руки и стал помогать матери накрывать на стол.

Во время застолья и выяснилось, кто были те люди, к которым привёл Тимоху Хун Синь. Узнав, что они также, как и он, ненавидят богдойцев, утешился. А то ведь поначалу всё никак не мог поверить, что попал к друзьям.

Позже он познакомил с этими людьми и товарищей. Кяны¹ обещали устроить им побег. Только, сказали, что спешить не стоит. Одно дело убежать из города, другое — добраться до границы.

Было решено, что вначале заговорщики переправят албазинцев в даосскую кумирню, где, по их словам, у них были друзья.

Однажды Тимохе с Егоркой посчастливилось побывать в этой кумирне. Это мастер Юй решил указать им туда дорогу на тот случай, если вдруг русским братьям будет грозить смертельная опасность и им потребуется срочно найти какое-то надёжное убежище.

Кумирня находилась на самой вершине крутой горы, поросшей дубняком, лиственницами и корейской сосной. Летний зной уже спал, однако воздух был по-прежнему тяжёлым и горячим, отчего было трудно дышать.

С трудом взобравшись по каменным ступеням наверх, казаки огляделись. Отсюда город был виден как на ладони. Он был огромный и почти сплошь деревянный, покрытый нитью улочек и редкими каменными островками затейливых красочных дворцов.

Войдя под сумрачные своды храма, они прошли меж двух рядов страшных слуг Властителя Мира и Небес. Воплощённые в потемневшее дерево и позолоту духи с раскрашенными лицами и трезубцами в руках мёртвыми глазами глядели на чужаков, одновременно вызывая у них почтение и страх.

Потом был двор... Последние солнечные блики... Трепет листвы над головой и шорох монашеских одежд...

— Добро пожаловать в наш храм мира и любви, друзья! — поприветствовал их на своём языке появившийся откуда-то седенький монах в чёрном одеянии и повёл их в трапезную...

И снова у Тимохи было такое ощущение, что он находится среди своих. Надо же! — подумал он. — Оказывается, другом может быть не только тот, кто понимает твой язык, но и совсем незнакомый тебе человек, перед кем ты можешь раскрыть свою душу.

Однажды поздним вечером, когда посольские люди уже готовились отойти ко сну, в покой, где проживали албазинцы, кто-то тихонько постучал.

— Ты, что ль, Ванька? — громко спрашивает Фёдор.

Это и впрямь был Ван Чи. Его тоненькое, словно стебель бамбука, тело нетрудно было угадать даже в темноте.

Он что-то проговорил на своем языке.

— Чиво это ты? — удивился Фёдор. — Аль не спится?

А тот снова что-то лопочет.

— А ну засвети, братцы, лучину!.. — просит Фёдор.

Кто-то из товарищей подал ему светец.

— Ну, иди сюда, Ваньк! — велит он китайчонку. — А то я рожи твоей не вижу.

Но тот как встал истуканом в тёмном проеме двери, так и остался стоять.

¹ Кяны – древнерусское название китайцев.

— Верно, нужда у него есть какая-то к нам, — высказывает предположение Семён Антонов.

— А пойдя, разбери его!.. — ухмыльнулся Фёдор. Он уже хотел было послать мальчишку ко всем чертям — неча, мол, сон нам перебивать! — но тут вдруг что-то его остановило. — А ну, погодь! — невольно вырвалось у него. — Петька! — зовёт он сына. — Давай, ступай за толмачом — чую, неспроста к нам хлопчик-то пришёл...

Пётр быстро накинул на себя кафтан и, не обуваясь, так, босиком и поскакал к толмачу.

Алёшка явился заспанный и хмурый.

— Ну чиво? — зевнув, проговорил он.

— А ну давай, переложи, что там нам Ванька талдычит, — велит ему Фёдор. — А то мы никак не поймём...

Оказалось, к казакам нагрянули гости. Это были те самые люди, о которых писал в письме Егорша Комар. Тайно проникнув на территорию Посольского двора, они отыскивали флигелёк, где обитала прислуга, разбудили рано уснувшего после дневных трудов Ван Чи и велели ему кликать казаков.

— Надо идти, — выслушав Ван Чи, говорит Фёдор.

Однако товарищи его вдруг забеспокоились. Уж не ловушку ли богдойцы решили им устроить? А что если им стало известно о планах казаков?

— Ладно, один раз помирать! — махнул рукой Фёдор.

— Помирать — не лапти ковырять. Лёг под образа да выпучил глаза, — на что ответил ему Семён.

И всё же Фёдор настоял на своём. Взяв с собою Петра с Алёшкой, он отправился в посольский сад, где их уже ждали.

Гостей было трое. Лиц их в темноте было невозможно рассмотреть. Да это и неважно было, главное, что они назвались друзьями. Когда Фёдор спросил, почто те решили им помочь, один из гостей ответил, что у них, ханьцев, с русскими один враг — маньчжу. Вот его они и должны сообща одолеть. А для этого-де им надо помогать друг другу.

Долго толковать не стали. Договорились, что в следующий раз кяны приведут с собой пленных албазинцев.

— Мы их в свой строй поставим! — заявил Фёдор. — А ну пушай считают, сколь нас было — все одно отбрешемся... Уйдём, а там ищи нас свищи. В Албазин ить собаки не сунутся, коль даже царёвы слуги к нам ехать боятся.

Когда Ефим узнал, что замыслил Фёдор, он взъярился.

— И не думай! — говорит. — Сам пропадёшь, и других погубишь. Ну примем мы этих полонян, а потом что?.. Убежать с ними — не убежим, а ежели убежим, то дома свою смерть найдём. Царь ведь не простит нам своевольства... Нет, ты всё ж попытайся Спафария уговорить. Пусть за наших казаков словечко перед Императором замолвит.

— Дурак ты, Фимка! — на что ответил ему Фёдор. — А то богдойский хан пустит его на свой порог... Али не видишь, как нас тут мурыжат? Я ить давно понял, что манзуры плевать хотели на нас вместе с нашим Царем!

— Пустое! — стоит на своём Ефим. — Говорю, иди к Спафарию, коль не хочешь накликасть беду.

Ишь как за свою жизнь боится! — подивился Фёдор. — А ещё бывалый казак называется!

Утром Спафарий объявил всем, чтоб готовились в дорогу. Ну наконец-то! — обрадовались посольские. Ведь почитай скоро будет год, как они не были дома.

Ночью никто из албазинцев спать не ложился — все ждали прибытия беглецов. Однако время шло, а те всё не появлялись. Уже по десятой трубке выкурили — и ничего. И только под утро в дверь покоев кто-то тихо постучал.

— Никак наши! — обрадовался Карп Олексин.

В следующую минуту дверь отворилась, и в казачью ложницу один за другим вошли какие-то люди.

— Да засветите, ей-Богу, лучину!.. — пытаюсь сдержать волнение, просит Фёдор товарищей. — А то в потёмках-то и не разберёшь ничего...

— Эт, точно! Эвон темь какая, хоть глаза выткни, — высекая огонь, произнёс в темноте Иван Шишка.

Долго он возился с кресалом, пока наконец лучинка в его руках не начала трещать и метать в стороны искры. Вот тогда-то в неясном её свете казаки и увидели на пороге этих измождённых, похожих на призраков людей. Одеты они были в перетянутые пенькой запашные азийские халаты и кянские круглые шапочки, поэтому в темноте их можно было легко принять за обычных ханьцев.

— Что, не узнаете? — с усмешкой проговорил один из них. — Да то ж я, Егорша... А это, — он указывает на стоящего рядом с ним сутулого мужичка, — это Костка Болото. Помните такого?

— Их ты! — удивился Карп. — Ить это ж молодь наша, а глянь-ка — старик стариком! Да что ж они, ироды поганые с вами сделали! — сокрушается он.

— Ну а это кто? — тычет пальцем в третьего Семён Антонов. — Николка, чо ли, Шкирятов?

— Не, Николку убили, — покачал головой Егорша.

— И кто ж тогда?.. Гляжу и не пойму... — прищурился, внимательно всматриваясь в лицо третьего беглеца Семён.

Фёдор напрягся. Вроде Тимоха, а вроде и не он. Тот крепкий был и в кости широк, а этот... Нет, кажись, не он. И всё же сердце отцовское не выдерживает.

— А не сынок ли этой мой? Не Тимоха ли?.. — пытаюсь не выдать душевного волнения, спрашивает Фёдор.

— Да ты что, тять, какой же это Тимоха? Я б его сразу узнал, — потеряв всякую надежду увидеть живым родного брата, упавшим голосом проговорил Пётр.

А ведь, правда, не Тимоха... — обречённо подумал Фёдор.

— Ну так кто ж ты? Назовись... — велит он беглецу. — А потом расскажи, как погиб наш дорогой брат и сын Тимофей Фёдоров Опарин. Геройски али нет?..

И тут произошло чудо.

— Больно рано, тятенька, вы меня хороните, — усмехнулся вдруг третий. — Да ведь это я, Тимоха и есть...

Казаки оторопели. Как? Неужто и впрямь он? Но уже в следующую минуту они тискали беглецов в своих жарких объятиях.

— Сынка!.. Живой? — прижав Тимоху к могучей груди и задыхаясь от радости, говорил Фёдор. — Вот мать-то обрадуется! Вот обрадуется...

— А уж мы как рады, брат мой дорогой! — ласково теревит Тимохины волосы Пётр.

— Рады, ой рады!.. — утирая слезу рукавом исподней рубахи, произнёс отец. — Ну, будя! — вдруг отталкивая от себя Тимоху, произносит он. — Теперь надо решать, что нам делать с беглыми.

— Перво-наперво их бы переодеть... — говорит Карп. — Чтобы от нас ничем не отличались. У кого какой скарбишко в запаске есть — давай, скидай в кучу.

— Стойте! — неожиданно останавливает земляков Егорша. — Для меня не старайтесь — я никуда не поеду.

Казаки так и замерли от удивления.

— Как так не поедешь? — спрашивает его Фёдор. — Али струсил?

Тот вздохнул.

— Вы не обижайтесь, братья мои дорогие, — говорит. — Только я не вижу смысла возвращаться назад. Ведь на родине у меня ни избы, ни жены, ни семьи. Ну кто я там?

Обыкновенный раб, коего могут и последним словом обругать, и побить, а то и на берёзе вздёрнуть. Власть-то чиновная, так что таким, как я, ничего не светит.

— А тут что ли краше? — не выдержал Григорий Романовский.

— Да нет, не краше... Та же неволя, — отвечает Егорша. — Но тут хоть знаешь, что у чужих. Обидно, что дома тебя за человека не считают... В общем, я всё сказал.

— А ведь прав он, — вздохнув, проговорил Карп. — Как там говорят? В воде черти, в земле черви, в Крыму татары, в Москве бояре...

— Ну и как же ты думаешь жить? — спрашивает Егоршу Леонтий.

— А как придётся... Как у ворага в неволе живут? Часом с квасом, а порою с водою. Ну ничего, мы люди привычные — выдюжим...

Провожали Егоршу со слезами на глазах. Жалко казакам было парня, но что поделаешь? Сам выбрал свою дорогу.

— Мир тесен, авось, когда и свидимся, — напоследок сказал ему Фёдор.

Когда Егорша ушёл, товарищи его молча выкурили по трубке, а потом принялись шарить по своим походным мешкам, добывая одежду для беглецов. Слава Богу, этого добра у них всегда хватало. Отправляясь в поход, они всегда брали с собой что-то про запас. Мало ли что приключится в дороге?..

Нашлась и одежда лишняя, и сабли, и мушкеты. Когда под Нерчинском побили шайку злодеев, то всё их оружие вместе с конями себе забрали. Коней-то потом хотели продать, да не успели — вот теперь они и пригодились. А кони что надо — справные да приезженные.

— А щас давай думать, чиво Спафарию будем говорить, — после того, как беглецов снарядили в путь, обращается к казакам Фёдор.

— Дак кто ж нас считал-то? — усмехнулся Семён. — Да и кому какое дело до нас?

— А коли станут беглецов искать? Глядишь, и к нам нагрянут... — вставил свое слово Ефим.

— Всё одно не отдадим наших! Грудью встанем, но не отдадим, — нахмурил брови Иван Шишка.

Однако напрасно они тревожились. Рано утром ведавший за порядком в посольстве боярский сын Орест Найдёнов велел всем, забрав пожитки, садиться на коней и двигаться в путь. Никто из чиновных людей Императора их не провожал, потому ушли без напутных речей и тёплых прощальных рукопожатий.

— Не по-человечьи как-то получается, — заметил кто-то из московских. — Могли бы и проводить.

— Бог им судья, — ловко вскочив на коня, произнёс Спафарий, невысокого роста горбоносый, моложавый барич в голубом дорожном кафтане. — История наших отношений только начинается и на её пути будет всякое: и хорошее, и плохое. Но придёт время, и мы поймём, что, коль нашим странам определено быть навеки соседями, то нам выгодней дружить, а не ссориться. Ибо дружба всегда приносит пользу, а ссоры только приводят в тупик.

Сказав это, он пришпорил своего каурого и тот лёгкой побегой направился к воротам Посольского двора. Следом двинулись и остальные.

Пётр видел, как из посольских покоев выбежал Ван Чи. На глазах у него были слёзы. Прощай, друг! — помахал ему рукой молодой казак. — Может, когда ещё и свидимся... Тот с каким-то безумным отчаяньем помахал ему в ответ. Маленький, жалкий, незащитный... Так и стоял он, пока последний русский не покинул постоялый двор...

— Фу, кажись всё обошлось! — когда посольский поезд с верховыми и повозками уже порядком отошёл от богдойской столицы, с облегчением вздохнул Фёдор. — Ну,

сын, теперь можно и о доме подумать, — обернулся он к шедшему следом Тимохе. — А, стосковался, небось, по мамке-то? — улыбнулся он.

Однако говорят же: Человек за порог, а чёрт поперёк.

В ту самую минуту, когда албазинцы уже решили, что опасность миновала, где-то за спиной запыхала дорога.

— Ишь ты! Никак опамятовались басурманы-то... — придерживая коня, говорит Спафарию ехавший рядом с ним в голове поезда Орест Найдёнов. — Проводить всё ж таки нас решили. Она как спешат...

— Да нет, что-то не похожи они на провожатых, — обернувшись и увидев вдали скачущих всадников, покачал головою посол. — Глянь, их не меньше дюжины и все они в тяжелых доспехах. Неужто ратники?.. Но что же им от нас надо? Давай-ка, останови людей. Узнаем, чего они хотят...

Орест поднял руку, приказывая посольским остановиться.

Конники, не сбавляя ходу, промчались к голове растянувшейся почти на четверть версты колонны и встали, преграждая ей путь. Какой-то человек в кюлке и с большим мечом на боку, отыскав глазами Спафария, что-то вдруг громко прокричал.

— Господин полковник Тайхун просит прощения у достопочтенного русского посла за то, что он вынужден побеспокоить его... — тут же перевёл его слова сидевший на малорослом монгольском жеребчике человек явно не азиатского вида. Мордастый, коротконогий, с рыжей нечёсаной бородой и маленькими свинными глазками он выглядел довольно странно рядом со своими закованными в латы узкоглазыми спутниками.

— Чего вы хотите от нас? — взглянул на человека, которого назвали полковником, ровным голосом спрашивает Спафарий.

Полковник снова что-то громко прокричал.

— Среди вас находятся двое беглых преступников, коих нам приказано найти, — тут же объяснил толмач.

— Какого чёрта! — вспыхнул Спафарий. — Какие еще преступники?..

— Мы надеемся, что вы честный человек и сами укажете на беглецов, — обращаясь к Спафарию, прокричал полковник. — А то, что они среди вас, нам достоверно известно.

— Да нет у меня никаких беглецов! — заявляет посол. — Нет и быть не может!

— А вот мы сейчас поглядим... — ухмыльнулся толмач и стал внимательно всматриваться в лица посольских людей.

— Да то ж десятник Ведяев из Русской роты! — неожиданно узнал его Тимоха. — Ну всё, нам с Косткой конец...

— Неужто это нас Егорша продал? У, поганец!.. — в сердцах изрёк Костка Болото.

— Не бойся, робяты, авось, пронесёт... — пытается успокоить беглецов Фёдор, а рука его уже сама тянется к рукояти клинка. — А нет, так будем драться... Верно я говорю, казаки?

Те одобрительно закивали. Неужто, мол, мы отдадим басурманам своих товарищей?

— Только, чур, толмач этот мой, — говорит Фёдор. — Я ему, иуде, сам бошку снесу. А-то ишь как стелется перед косоглазыми!..

— Это он выслужиться хочет, — брезгливо посмотрел в сторону Ведяева Семён.

— А сам, поди, еще и единоплеменник наш... — нахмурил брови Карп.

— А кто ж ещё? — ухмыльнулся Григорий Романовский. — Эвон как по-русски чешет!

— Смерть ему, гаду! — прошипел Семён. — Продавец, он даже хуже басурманина.

— А ты что, Ефим, приуныл? — спрашивает Веригу Фёдор. — Али смерти испугался?..

— Смерти все бояться... — невесело проговорил тот. — По мне так лучше б всё обошлось миром...

— Ты, Ефим, как будто не казак! — укорил его Иван Шишка. — Али забыл, что для казака смерть — это та же потеха?..

Тот что-то пробурчал в ответ и отвернулся.

А тем временем десятник Ведяев уже вплотную приблизился к группе албазинцев, замыкавших посольский поезд. Он всё также внимательно всматривался в эти славянские бородатые лица, видно, и впрямь пытаясь выслужиться перед своим начальством.

Богдойский холуй! — скрипнул зубами Фёдор. — Ну, погоди у меня!..

Подойдя к албазинцам, Ведяев насторожился. Если и среди этих последних он не найдёт беглецов — тогда где ж их ещё искать?..

Медленно скользит взгляд Ведяева по лицам казаков. Первым попался ему на глаза Фёдор. Нет, не то. Этот стар. И вот этот седоусый детина беглецам в отцы годится, взглянув на Ивана Шишку, подумал он. То же самое он мог сказать и о Семёне, о Карпе, о братьях Григории и Леонтии Романовских... А вот Пётр его заинтересовал. Но нет, и этот не похож. У этого морда гладкая, не то, что у беглецов. Тех жизнь эвон как потрепала! Глянешь — и в чём только душа держится?

Однако все они, полоняне через это прошли. Ведяев хорошо помнит, как лет этак пять назад его вместе с двумя товарищами полуживыми привели на аркане в стольный богдойский град. А до того, как попасть к богдойцам в полон, они исправно несли службу в стрелецкой сотне, что была расквартирована в Иркутском городке. Так бы, поди, до сих пор и тянули эту лямку, кабы однажды не послали их сопроводить сына боярского в Селенгинск — там на полпути они и попали в богдойскую засаду...

Слава Богу, выжили. Богдойцы определили их в Русскую роту, дали жильё, а ко всему прочему ещё и по узкоглазой бабе. Живите, мол, только не вздумайте бежать. Вот и живут. Как? А ни шатко ни валко. Ходят в дальние походы, добывая славу богдойскому Императору, рожают детишек и всё пытаются забыть своё родное Отечество. Да было б там что хорошего — а то ведь та же маета и вечно пустое брюхо.

Ведяев быстро привык к новой жизни. Это казакам труднее. Для них неволя хуже смерти. Оттого и бегут, куда глаза глядят. Их ловят, а они снова бегут... В конечном счёте, не добившись от них покорности, их просто сажают на кол или рубят им головы. Иначе ведь снова побегут. Да ты хоть ноги им отруби, хоть глаза им выжги калёным железом, они по запаху родину найдут и приползут к ней на пузе...

Неожиданно внимание Ведяева привлекли двое молодых казачков, которые всё время пытались спрятаться за спины своих товарищей.

— Эй, вы — а ну покажись! — приказал он им.

— Чиво тебе?.. — выглянув из-за плеча Григория Романовского, спрашивает Тимоха. Глаз его не видать — они надёжно спрятаны под мохнатой бараньей шапкой. Однако Ведяева не проведёшь. Это скуластое опалое лицо с потрескавшимися безжизненными губами он бы узнал из тысячи других.

Они долго так стояли друг против друга. Ну же, будь человеком, уходи! — понял, что его узнали, умоляюще глядит на десятника Тимофей. — Не бери грех на душу... Тот вроде услышал его мольбу. Даже успел повернуть своего конька вспять. И вдруг...

— Здесь они! — закричал он по-богдойски. — Ко мне! Ко мне! Хватайте их, хватайте!

Казак чужого языка не знали, однако сразу поняли, что дело дрянь. Потому тут же вытащили из ножен клинки, окружив беглецов плотным кольцом.

— Скажи им, чтобы убирались! — кивнув на подоспевших богдойских всадников, велит Ведяеву Фёдор. — Не то мы за себя не ручаемся...

Однако тот не внял его словам.

— Вот они, хватайте их! — указывает десятник на Тимоху с Косткой.

— У, дьявол! — прорычал Фёдор и взмахнул клинком. В следующее мгновение голова десятника, словно тот капустный кочан, покатила по земле.

Маньчжуры опешили.

— Вы что тут затеяли? — глядя на Фёдора, грозно спрашивает подъехавший к албазинцам Спафарий. А у того ноздри играют и в глазах огонь. — Что это за люди? — поняв, что этого человека на испуг не возьмёшь, тычет он плетью в Петра с Косткой. — Почему я их досель не видал?

— Дак ить это ж наши, албазинские... — пытается объяснить Фёдор. — Их ещё прошлой осенью богдойцы в полон увели — теперь вот мы домой их возвращаем.

— А почему я об этом ничего не знаю? — хмурит брови Спафарий.

— Почему?.. — Фёдор ухмыльнулся. — Дак ты ж, барин, и слухать меня не захотел, когда я к тебе за помощью обратился. Сказал, у тебя и без того дел невпроворот. Тогда мы и решили, что никто нам, окромя Господа, не поможет. Так что дозволь нам довершить дело до конца...

Спафарий вдруг поманил к себе стоявшего поодаль Алешку-толмача.

— А ну спроси у полковника, так ли уж ему важны эти двое? — кивнул он на беглецов.

Алёшка тут же перевёл его слова богдойцу.

— Говорит, что без них он домой не вернётся, — выслушав ответ, доложил Алёшка.

— Вот видишь, братец, — обращается посол к Фёдору. — Ничего у нас не получится. А посему, хочешь ты этого или нет, но беглецов тебе придётся выдать.

Фёдор с силою стиснул рукоять сабли.

— И не подумаю! — решительно произнёс он. — То ж детки наши! Единоплеменники! А ты?.. Ладно, пушай нас с тобой Бог рассудит... А ну, други, гайда за мной! — скомандовал он и с силою хлестнул нагайкою коня. — Прощай, барин! Авось, когда свидимся!.. — уже на ходу бросил он.

— Сто-ой! — вопит Спафарий. — Эка неслыханная дерзость!.. Стой, кому говорю!.. У, чёртово племя!.. Уж вы у меня попляшите!.. В железо закую, сам пытать вас стану!.. — грозит он вслед казакам.

Но разве тех остановишь! Словно ветер пролетели они мимо вереницы посольских обозов и скрылись вдали. И только тогда богдойский полковник опомнился и устроил за ними погоню.

Они встретились у широкой изложины, которая легла на пути беглецов.

— Тятя, глянь, басурманы! — заметив погоню, воскликнул Пётр.

— Ну вот, была бы шуба, а вши найдутся! — в сердцах произнёс Фёдор. Он-то уже было решил, что им удалось оторваться от преследователей. — Ну что, братцы! Сами видите: уйти нам не дадут. Остаётся одно — драться...

— Эх, жаль, по трубке не успеем выкурить! — с сожалением произнёс Карп.

— Опосля выкурим... — говорит Семён.

— Это коль живы останемся, — усмехнулся товарищ.

— А ты что ли умирать собрался? — спрашивает его Иван Шишка.

— Так ить все мы под Богом ходим, — вздохнул Карп.

Укрывшись в молодом березняке, они неотрывно глядят туда, где над изъезженной дорогой поднимаются густые клубы жёлтой азиатской пыли.

— Ишь как резво бегут! — нервно дёрнув усом, проговорил Фёдор.

— Поспешал купец на пир, да в волчью яму угодил... — с трудом сдерживая боевого коня, проговорил бывший рядом с ним Леонтий.

— А что, Федь, не пора ли?.. — сгорает от нетерпения Карп.

— Не, еще маненько подождём, — отвечает тот. — Пушай ближе подойдут.

— А может, из ружжов по ним вдарить? — неожиданно предлагает Иван. — Тогда и сабелькам нашим будет меньше работы.

— Ох и мышлявый ты, Вань! — похвалил товарища Фёдор. — А ну, братцы, кончай тарачить буркала — заряжай! Щас мы им покажем, куда покойники на молитву ходят...

Услышав команду, казаки тут же достали из походных мешков порошные фляги, пули да шомпола и стали спешно заряжать свои мушкеты.

— Фёдь, ну чиво ждём-то? — когда преследователи были уже совсем близко, снова тормозит старшего Карп

— Да погодь ты!.. — цыкнул на него Иван Шишка. — Не спехом дело спорится, а толком — аль не знаешь?

— Это точно... Где спех, там и смех, — внимательно наблюдая за дорогой, говорит Григорий Романовский.

— Опоздаешь — не вернёшь... — огрызнулся Карп. Однако, заметив недовольный взгляд Опарина, присмирел.

Ждать пришлось недолго. Когда враг приблизился на расстояние ружейного выстрела, Фёдор велел казакам открыть огонь.

— Что, сукины дети, съели?! — глядя, как падают с коней сражённые свинцовыми пулями богдойские ратники, радостно воскликнул Карп. — Давай, Фёдь, веди нас в бой!

А тому не привыкать.

— А ну, братцы, гайда за мной! — выхватив из ножен саблю, скомандовал он и, хлестнув тугой плетью Киргиза, ринулся вперёд. — Оп-оппа!

Словно пчёлы из улья выскочили албазинцы из засады и вихрем понеслись навстречу врагу. Злые, отчаянные, беспощадные. Их дикие вопли хмельным вином разлились по округе, возвестив о начале казацкой потехи.

— Э-ге-гей, казаки! Не посрамим Державы русской! — размахивая саблей, кричит на ходу Фёдор.

— Не посрамим! — отвечают ему товарищи.

— Петька-а! — не оборачиваясь, кличет он старшего сына. — Ты там за братом-то пригляди! Слаб он ещё богдойца воевать!.. Пуцай они с Косткой не лезут на рожон... Без них управимся!

— Ладно, тять, пригляжу! — отвечает Пётр.

Ударив богдойцам в лоб, казаки рассыпали их по полю, где и довершили дело. И не помогли тем ни броня, ни острые мечи, ни родные стены. Один за другим падали они на землю, сражённые казацкими саблями.

... Вопревшие и утомлённые сидели казаки на траве, попыхивая трубками и пытаясь отдышаться после трудного боя. Тишина, и только слышно было, как где-то неподалёку, стоя над убитым хозяином, тяжело и безутешно бьет копытом одинокая лошадка. Всюду пахло кровью и смертью.

— Ну теперь будет чем голодному воронью поживиться, — вытирая о траву свой окровавленный клинок, говорит Леонтий.

— Пуцай жирует! — усмехнулся Карп. — Им всё одно — лишь бы падаль была...

— Во-во, ещё недавно все эти басурманы были человеками, а теперь, вишь, падаль... — покачал головой Иван. — Дивно как-то получается...

— Мобыть, когда-то и о нас вот также скажут, — вымолвил Григорий.

— И то верно, — задумчиво глядя на свою курящуюся люльку, кивает головой Фёдор. — Мы ж, казачьё, только и делаем, что всю жизнь ищем свою смерть. Хотя сами думаем, бежим от неё... — Он вдруг замолчал и обвёл глазами своих товарищей. Увидев Веригу, как-то по-доброму крикнул: — А ты молодчага, Ефим, — похвалил он его. — Я-то думал, ты не дерзнешь удариться с нами в бега, а, гляди-ка, не испугался... Да и с басурманами дрался добро. В общем, повёл себя, как настоящий казак. За то и хвалю.

Ефим поморщился. Мол, кто ты такой, чтоб меня хулить или славить? Но Фёдор, казалось, не заметил его недоброго взгляда. Всё его внимание уже приковано к сыновьям. Слава Богу, целы мои кровиночки, пряча улыбку в усы, подумал он. А вот Костку что-то не видать.

— А где ж твой дружок-то? — спрашивает он Тимоху.

— Костка-то? — Тимоха поглядел по сторонам. — Да вроде при мне был всегда... — растерянно произнёс он.

Казаки не на шутку забеспокоились и тут же принялись искать паренька среди вражьих трупов.

— Да я ж всю дорогу был с ним рядом, — говорил Тимоха. — Куда ж он запропастился-то?

— Может, опосля такой сечи медвежья болезнь его одолела? — предположил кто-то из казаков. — Тогда в кустах его надобно искать.

— А то не он ли?.. — подает вдруг голос Карп, указывая рукою вдаль.

Костка лежал в луже крови, глядя широко открытыми глазами в небо. Над ним темной точкой висел в вышине жаворонок. Такое было чувство, что он просто любовался им.

— Мертвяк... — припав ухом к его груди, вздыхает Иван.

— Ну вот: ты за хрен, а хрен за тебя... — растерянно проговорил Фёдор. — Да как же это мы проглядели его?.. И-их! Я ж им, мальчикам, не велел в бучу-то лезть. И что я теперь скажу его матери?..

Долго они горевали, сидя возле Косткиной могилки. Тимоха тот даже слёз своих не скрывал. Ну как же! Костка ведь был его первым дружкойм.

А потом они вскочили на коней и молча побрели в сторону далёкой границы. То ли бежали от смерти, то ли, напротив, искали её на великих просторах чужой и недоброй земли...

Глава пятая. Тревожные времена

Гарь лезла в рот и ноздри. Горела тайга, подкуренная недавними грозами. А перед тем два месяца стояла невыносимая жара. Межень, пора летнего зноя. Раскалённый воздух, казалось, готов был расплавить камни. Даже в избах нечем было дышать. Одно спасение — вода. Вот и шли к Амуру все кому не лень.

Но к концу июля хлынули ливни. Было много гроз. Жара спала, и на смену ей пришло похолодание. Дурной знак! В народе говорят, что такие резкие перемены в погоде не приводят к добру. Что-то обязательно случится. То ль природа преподнесёт какой-нибудь подарок, то ли свалится на голову какая иная напасть. Тот же маньчжур может нагрязнуть из-за Амура. И потому зорко несут караульные на крепостных башнях свою службу.

— Слуха-а-ай! — денно и ночью звучат их тревожные голоса. — Слуха-а-ай!..

... Минуло боле десяти годов с тех пор, как Фёдор Опарин с семьёй пришли на Амур. За это время многое изменилось в их жизни. Дети выросли. Вон уже и у самой младшей в семье Аришки своё чадо растёт. Есть свои детки и у Петра. А вот Тимоха после возвращения из полона вдруг ушёл в себя. Теперь его ничто мирское не интересовало. Даже службы казацкой стал чуждаться и вместо этого целыми днями пропадал в церкви, помогая священнику. И печь ему натопит, и двор подметёт, а коль надо, то и дров из лесу привезёт, или там изгородь поправит. Иона-то не шибко работать любил — всё больше бражкой баловался. А тут такой помощник.

Фёдор не поймет, что случилось с его сыном. Раньше тот даже в праздники не любил ходить в храм, а тут на тебе... Утром проснётся чуть свет — и сразу к образам. Потом будет долго бубнить себе что-то под нос, пока мать не позовёт его завтракать.

Наскоро поев, бежит в церковь, откуда возвращается порой затемно. Усталый, но какой-то просветлённый. На вопросы домашних не отвечает — весь погружён в свои мысли. Так молча и вечерает. Потом с тщанием помолится на сон грядущий — и ляжет почивать. И так каждый день.

А потом вдруг исчез. Фёдор было начал его искать, а тут ему говорят, что видели Тимоху в монастыре в монашеском одеянии. Ну вот, приехали! — тяжело вздохнул казак. — Я-то думал, из сына что-то доброе получится, а он, вишь ты, в богомольцы подался... Да кто б мог подумать! Видно, в полону-то так настрадался, что решил за молитвою всё забыть.

А оно так и было. Тимоха-то думал, что его только чудо спасёт. И он молился, чтобы чудо это произошло. «Господи, — говорил он, обратив свой взор к небесам, — ежели ты есть на свете, — помоги мне вернуться домой. Коль поможешь — до конца дней своих служить тебе буду». И вот он держит своё слово...

А у Фёдора всё по-старому. Так и живет на два дома. Наталья из-за душевных мук рано постарела. И куда только девалась её прежняя стать? Пройдёт улицей — так ни один казак не обернётся на неё, как это было прежде. И всё чаще тёткой стали называть, хотя ещё недавно даже для молодых казаков она была Наталка.

Другое дело Санька. За эти годы она превратилась в молодую полную сил красивую бабу. В прошлое ушли её прежние барские ухватки, да и одеваться она стала, как все здешние казачки. А куда денешься?..

Потихоньку и родных своих стала забывать, решив, что участь её предрешена и ей никогда не удастся вернуться домой. Можно, конечно, попытаться бежать, но как быть со Стёпкой? Уж больно он привязан к отцу, потому никогда не согласится оставить его. А без сына ей нет смысла бежать. Ведь тогда она навсегда потеряет его. И это её больше всего на свете страшит.

Впрочем, и без своего Опара она теперь не сможет жить. Коль убежит — умрёт от тоски. Кто к ней тогда будет приходиться по ночам и тешить своими ласками? Конечно, там, на родине, она сможет найти себе достойного мужчину, но разве кто-то другой заменит ей Фёдку?..

Ну а Стёпка и впрямь души не чаял в своём отце. Он гордился им и считал его самым лихим и отважным казаком во всём албазинском войске. Бывало, куда Фёдор — туда и он. Рано сел на коня, подаренного ему Опариным, и теперь вместе со всеми казаками по утрам шёл в поле, где проходили боевые учения. Сам на этом настоял, хотя отец поначалу и упрямился. Мал, дескать, ещё, вот подрастёшь... Но тот в него, упрямый. Я уже большой, говорит. Ну, что тут поделаешь? Пришлось подчиниться. Конкур, фехтование, джигитовка, стрельба из пищалей и мушкетов — все эти науки Стёпка освоил уже к десяти годам. Ему даже сшили настоящий казацкий наряд и постригли под верховку, чтобы он ничем не отличался от своих старших товарищей. И теперь, когда он, позванивая шпорами, в нахлобученной на глаза бараньей шапке с татарскою плетью в руке шёл по улице, вся местная детвора с нескрываемою завистью смотрела ему вслед.

— Ох и дошлый этот опаринский азиатик-то! — добродушно говорили казаки, глядя на то, с каким старанием малец осваивал премудрости казачьего ремесла. — Ей-ей, второй Фёдка подрастает.

Ну а сам Фёдор только довольно ухмылялся. Он и сам видел, что из Стёпки рос добрый казак.

— Тять, а война будет? — часто спрашивал тот отца.

— Бог даст, пронесёт... — на что отвечал Фёдор.

— Жаль... — вздыхал парнишка.

— А чиво жалеть-то? Война, брат, штука поганая, — объяснял ему отец. — Знаешь, что умные люди говорят? Лучше, мол, худой мир, чем добрая ссора. Так-то вот...

— Тогда зачем все эти пушки с саблями? — никак не мог понять мальчуган.

— А это чтобы было чем себя от всяких аспидов да упырей защитить, — говорил Фёдор.

Был ещё в войске один человек, которого Стёпка обожал не меньше, чем отца. Это Пётр. Тот давно слыл отчаянным рубакой и верховодом, за что его ещё три года назад произвели в десятники. Его летучий отряд, состоявший в основном из старых его

дружков, не раз отличался в боях с богдойцами, которые в последнее время всё чаще и чаще нарушали границу. Вот Стёпка и мечтал когда-нибудь вступить в этот прославленный отряд, чтобы плечом к плечу со старшим братом сражаться против ненавистного врага.

А вот Пётр долго не мог привыкнуть к мысли, что, кроме Тимохи, у него есть ещё один брат. Более того, он старался не замечать Стёпку, давая тому понять, что он знать его не хочет. А всё потому, что он люто ненавидел Сан Пин. Ведь это из-за неё уже многие годы страдает его любимая матушка, из-за неё она так рано постарела. Не будь этой азиатки — в опаринской семье до сих пор царили бы мир и согласие. Но Стёпка был ещё слишком мал, чтобы во всём разобраться. Потому он не понимал, отчего это старший брат сторонится его.

Другое дело Тимоха. Тот, напротив, был к нему ласков и часто приглашал в свою келью, что в Спасском монастыре. Там хоть и скука смертная, но зато люди добрые. Они тебя и накормят, и напоят, а ко всему интересной быльё или небыльё потешат. Слушать их было одно удовольствие. И откуда эти монахи столько знают? — удивлялся мальчишка. А потом понял, что это всё у них через книги, которые они зачитывали порой до дыр. Вот и Стёпке захотелось научиться грамоте, чтобы потом самому эти диковинные книжки читать. Потому он стал прилежно посещать приходскую школу, где уже скоро смог по складам читать церковные книги. А там Тимоха стал приносить ему и другие книжки, из которых он стал многое узнавать.

— Ты б не гневился так на мальчика — он-то в чём виноват? — выговаривал Петру Тимофей. — Рази не видишь, как он к тебе тянется?.. Помни, Христос учил нас жить в любви, а не в ненависти...

Однако Пётр был непреклонен.

— Я как погляжу, ты всех готов прощать, — говорил он брату. — А ты глянь на нашу матушку... Аль не видишь, как она страдает? И всё из-за этой азиатки проклятой. Тогда должен ли я любить её щенка?

— Да брат же это наш, брат... Единокровный! — убеждал Петра Тимоха. — А Христова завета зря ты чураешься. Ведь то есть истина!

Тут начиналась у них перебранка.

— Вот ты все говоришь: «Бог», «Бог»... А ты хоть раз видал его? — спрашивает брата Пётр.

— Нет, не видал... — отвечал Тимофей.

— А коль не видал, так молчи!

— Бога не обязательно нужно видеть — он чаще в сердце нам открывается, — объясняет монах.

— Это как же? — не понимает брат.

— А так! Коли тебя злоба душит — значит, ты бесом одержим. А вот когда сердце твое добром переполнено — это всё от Бога.

— Блаженный ты какой-то! — качает головой Пётр. — У нас в роду вроде не было таких. Вот скажи: богдоец нам враг? — неожиданно спрашивает он брата.

— Упаси Господь! — осеняет себя крестным знаменем Тимофей. — Нет, не враг. Бог создал всех людей братьями.

Пётр поражён.

— Ишь ты! — усмехнулся он. — Тогда чиво ж эти твои братья зло нам чинят? И ещё... Рази ж ты позабыл, как они тебя безоружного в полон взяли? Как били, как душу твою терзали?..

— Заблудшие они, оттого и злобятся... — на что ответил Тимофей.

— Ну, а воевать их будешь, коль придут на нашу землю? — спрашивает Пётр.

— Нет, не буду!.. — прямо заявляет Тимофей.

Пётр смотрит на него, и узнать не может. Некогда волевое мужественное лицо брата теперь хранило печать смирения и покаяния.

— Ну, братец, уж этого я никак от тебя не ожидал! — воскликнул Пётр. — И что ж ты будешь тогда делать?

— Молиться... Дабы отмолить грехи всех заблудших на земле, — ответил монах.

— Дурак ты, Тимка! — не выдержал Пётр. — Око за око, зуб за зуб — вот где правда...

Тимоха не любил подобные разговоры. В такие моменты он чувствовал себя, как тот бедный бык, которого преследует слепень. Он примирительно хлопал брата по плечу и снова удалялся в привычный ему мир, который был так далёк и непонятен Петру.

Что и говорить, Петра больше интересовали дела земные. В отличие от Тимохи, который добровольно принял на себя монашеский обет, он любил жизнь во всех ее красках. Его широкая вольнолюбивая натура и необузданный нрав не позволяли ему втиснуться в узкие рамки каких-то догм и правил, ибо тогда бы он быстро лишился питавших его корни дольных сил и превратился в мёртвое корявое дерево. А ему хотелось жить. Ему хотелось любить. Хотелось прославиться ратными подвигами во имя Отечества.

Каждому своё... Так, кажется, говорят люди? Оттого и жизнь наша пестра и интересна, что в ней есть грешники и праведники, воинствующие и молящиеся, есть чёрное и белое, есть, в конце концов, боль и есть благодать...

Вот и вышло, что Пётр пошёл своей дорогой, а его брат Тимоха — своей. И никто в мире не мог сказать, какая из этих дорог вернее и надёжнее. Ибо все дороги, так или иначе, ведут нас к Богу...

Больше всего на свете Пётр любил походы. Здесь он чувствовал себя, что та птица в небе.

— Э-ге-гей! — бывало, выйдя в чисто поле, крикнет он во всю мощь своих лёгких.

— Э-ге-гей! — отзовутся ему сопки и доли.

И захлебнётся его душа от восторга, и заставит она его полюбить этот мир с новой силой. И тогда пустит он коня вскачь наперекор ветру, увлекая за собой товарищей.

— Э-ге-гей!..

— Э-ге-гей! — снова слышится в ответ.

Они яростно мчатся вперёд, не разбирая дороги. И когда где-то вдали вдруг замаячат фигуры всадников в азийских боевых доспехах, они сомкнут свои ряды и вихрем бросятся на врага. И завяжется бой. Зазвонят клинки, застонут раненые, и земля вокруг покроется тёмными пятнами крови...

Вот такая жизнь нужна была Петру. Суровая и полная опасностей.

А вот домой возвращаться он не любил. Там всё то же: постылая жена, недостроенный заплот вокруг дома, вечно плачущие детишки...

— Илюха-то с Дунькой, считай, без отца растут, — выговаривала Петру Катерина. — Глянь, ну какой ты отец? Всё бродишь где-то, бродишь... Другие-то казаки вона по семьям живут, а ты что?.. Хоть бы заплот поправил, а то перед людьми стыдно. Вроде есть мужик в доме, а вроде его и нет...

Но что он мог ей ответить? Что не любя она ему, что он до сей поры по другой сохнет?..

Эх, Любка, Любка! Да кабы она знала, как ему тошно жить на белом свете. Бывало вернётся из похода домой и ходит как неприкаянный, не зная, куда себя деть. И всё в сторону Монастырщины поглядывает. Но туда ему дорога заказана. Любка замужем, да и он без дела в ту сторону не поедет — гордый! Но сердцу ведь не прикажешь. Уж столько времени прошло, как они расстались, а он всё не может забыть её.

Однажды, проверяя караулы, встретил её на берегу — с бабами бельё стирать приходила. За эти годы она сильно изменилась. Похорошела, налилась, словно то красное

яблочко. Глянешь — кровь с молоком! Шея лебединая, бёдра широкие... Стоит по колени в воде, подоткнув подол юбки за пояс, и, сверкая белоснежными ляжками, этак старательно полощет бельё. А движения её плавные, бабы — невольно залюбуешься. Петру бы проехать мимо, а он возьми да придержи коня. Она-то его не видит, а он глядит с высокого берега на свою бывшую зазнобу и глаз оторвать от неё не может.

— Ну, чиво глядишь? Не признал чо ли? — подняв вдруг голову, улыбнулась Любашка. Голос грудной, незнакомый. И взгляд совсем другой, насмешливый, притягивающий.

Петру стало неловко от того, что он бесстыже пялится на чужую бабу.

— Здорово, Любань! — пропел он, словно тот петух, охрипшим от волнения голосом.

— И тебе Бог дай здравиться надолго! — улыбнулась Любаня, выжимая простынку.

— Любка, а ну кончай болтать! — прикрикнула на неё стиравшая рядышком тряпьё мать.

— И вам низкий поклон, тётка Марфа! — поздоровался с ней Пётр.

— Здравствуй, да не засти! — недобро взглянув на него, проговорила та. — А ну давай пошевеливайся — неча с чужими мужиками лясы точить, — велит она дочери.

— Да ладно тебе, мамань! Дай с человеком поговорить... Ведь тыщу лет не виделись... — отмахнулась от неё та. — Ну как живёшь-то, казак? — держа в одной руке скрученную в жгут мокрую холстину, а другую подперев свой бок, спрашивает Любаня. За эти годы из кроткой застенчивой девицы она превратилась в бойкую насмешливую бабу. — Слыхала, у тебя недавно дочь родилась...

Ишь ты, всё обо мне знает! — удивился Пётр.

— Было дело... — как-то невесело проговорил он.

— А что не рад-то? Теперь у тебя двое — сын и дочь.

Вот зараза! И про сына знает! — ухмыльнулся казак.

— Ну а у тебя сколь деток? Помнится, первой-то девка была, — говорит Пётр.

— Одна она у меня, — неожиданно вздохнула Любаня.

— Это отчего же? — удивился казак. — Столько лет с мужем живёте — и всего-то одна девка? Что-то больно плохо твой Захарка старается. Аль в ковальне силы все оставил?

— Не охальничай давай! — слушая вполуха разговор бывших возлюбленных, предупреждает его тетка Марфа, всю жизнь ходившая под тяжёлой пятой своего кузнеца, потому привыкшая быть осмотрительной во всём. Вот и сейчас она боялась, что кто-нибудь доложит мужу про Петьку, оттого и старалась казаться неласковой. — У их ещё будут детки... Так и знай!

Любашка покачала головой.

— Да не будет их больше у нас... — Это она Петру. — Захарку еще в позапрошлом годе кобыла лягнула — аккурат в причинное место. Тогда об чём разговор?..

Петру вдруг стало жалко Любашку. Ему бы приглубить её сейчас да утешить, но как быть с матерью? Да и других баб вокруг полно. Так и пялятся, так и пялятся, паскуды. Не ровен час, донесут Захарке. Но Любашка, кажется, этого не боится. Иначе бы давно отправила Петра домой, а тут стоит и вроде бы даже заигрывает с ним. Ишь как ножкой-то белой сучит — не увлекает ли? Не даёт ли надежду?.. А поди их, баб, разбери! Когда-то она говорила, что любит одного только Петра, однако замуж вышла за другого.

После той встречи Пётр долго не мог успокоиться. Что бы он ни делал сейчас, у него постоянно перед глазами стояла Любашка. А вот Катерину будто бы и не замечал. Та злится. Видно, говорит, ты меня совсем разлюбил, коль даже ночевать домой не приходишь. А он залезет на сеник — там и проспит до утра. Катька даже жаловаться ходила на Петра к его матери.

— Ты б, сынок, не обижал Катерину, — увещала его Наталья. — Ведь люб ты ей, ой как люб! Да ты посмотри, какая она у тебя красавица! Эвон как казаки-то на неё зенки плят. Гляди, отобьют...

— Пуцай отбивают! — на что отвечал Пётр. — Эка велика потеря...

— Да неужто ты не любишь её?... — спрашивает мать.

Пётр покачал головой.

— Не люблю, мамань... И никогда не любил.

— Тогда зачем женился? — удивляется Наталья.

— А назло это, мамань...

— Кому назло-то? — не понимает Наталья, но Пётр молчит. Ему не хочется ворошить прошлое. — Что, забыть её все не можешь? — наконец догадалась мать. — Полно! Не рви себе сердце, сынок, выбрось её из головы. Разбитую чашу ведь уже не склеишь. А у тебя детки подрастают. Катерина обижается, что ты совсем не занимаешься ими. Так ли это?

— Так, мамань...

— И чиво? — спрашивает Наталья.

— Да охоты нет, — признаётся сын. — То ж Катькины дети, она их хотела, а не я...

Мать вздохнула и покачала головой.

— Грешно, Петенька, так говорить, ой грешно! Детки-то в чём виноваты? — спрашивает. — Знаешь, я завтра к старцу пойду — может, ты со мной сходишь? Глядишь, он и посоветует что тебе.

Пётр супит брови.

— И не уговаривай, мамань, не пойду, — буркнул он. — Ты вот к нему ходишь — и что?.. Тянька наш как бегал к этой своей азиатке, так и до сих пор бегаёт. А ты ведь, поди, просила Ермогена-то его образумить.

— Просила, сынок, — вздохнула Наталья. — И Бога молила... Только видать Бог не услышал меня...

Однажды Пётр всё же не выдержал и, дождавшись, когда солнце скроется за дальними сопками, отправился в Монастырскую слободу. Гнать коня не стал — а зачем? Он уже заранее знал, что эта поездка ничего ему не даст. Ну кабы ждала его Любаня — другое дело, а то ведь, поди, по хозяйству колдует. Мать старая, потому все заботы по дому легли на неё. А бабьи заботы, как известно, нескончаемые. Тут надо и в доме убраться, и жратву приготовить для всей семьи, и дитя обиходить, и корм скотине задать... Вот и крутится весь день, как белка в колесе. Жили б они с Захаркой отдельно от родичей, тогда б поменьше было хлопот. Но отец их не отпускает — неча, мол, отдаляться, вблизи оно родней. Он и младшую свою дочь Варьку, выдав за местного лоботряса Кольку Семёнова, оставил вместе с мужем при себе. Дескать, лишняя пара рук в кузне не помешает. А тот возьми да утопни пьяным в Амуре...

Катерине легче. После свадьбы сына Фёдор нанял артельщиков, и те в пару недель поставили новый дом для молодых. Изба как изба. С кутью, небольшой горенкой и почивальней. Когда родился первенец, Пётр прикрепил к потолку очип и подвесил на него люльку-зыбку. В этой же колыбельке потом спала и маленькая Дуняшка, отправив братца на полати.

Казалось, чего ещё надо? Дом есть, хозяйство есть, детки вот растут, а в душе у Петра пусто. Тоска берёт глядеть на него. А тут вдруг, встретив на берегу Любашку, воспрял духом. Надо бы ещё раз с нею повидаться, решил он, чувствуя, как в нём с новой силой разгорается любовь. Однако время шло, а он всё не спешил искать с ней встречи. Как вспомнит эти злющие глаза Любашкиного отца, так и вся охота пропадает. У, змей

ползучий! — про себя честил он его. — Это ты... ты испортил мне жизнь! Не будь тебя — всё бы у меня сейчас было по-другому...

... Но вот и окна кушаковского дома. В темноте их было бы трудно разглядеть, если бы не этот тихий отсвет горящей в глубине избы лучины.

Тишина. И лишь слышно было, как где-то на другом конце улицы сонно побрехивает дворовый пёс да в ближней рощице негромко переговаривается пернатая мелочь.

Он стоял и не знал, что делать. Постучать, как прежде, в окно?.. А ежели выйдет отец или тот же Захарка? И что он им скажет? Что пришёл навестить их дочь и жену?.. Об этом даже смешно было думать. Наверное, он так и уйдёт домой несолоно хлебавши и вряд ли уже когда сюда воротится. Здесь чужая жизнь, и не надо в неё ломиться.

Едва он подумал об этом, как скрипнула калитка и из нее кто-то вышел. Любашка! Он бы её узнал и в полной темноте, а тут вон месяц над головою висит — какой-никакой, а всё же свет. Быстро-быстро забилось сердце казака.

— Любаня! — тихо позвал он.

— Кто здесь?.. — испуганно проговорила та.

— Да я это... я... Пётр...

— Петя?.. — изумилась Любаня, увидев у заплота всадника. — Ты что тут делаешь?

— Тебя поджидаю, — говорит тот.

Она всплеснула руками.

— Ты что, с ума, что ли, сошёл?.. — В голосе её и нескрываемая радость, и испуг одновременно. — Я жить никогда б в такой поздний час не вышла на улицу, кабы мне соль не понадобилась... К соседке вот решила сбегать... — скороговоркой объясняет она, а сама на окна оглядывается. Не дай Бог, тятенька их вместе увидит.

— Любушка, не могу без тебя!.. — с места в карьер начал казак.

— Тсс! — прижала палец к губам Любаня. — А ну пойдём отсель...

Они дошли до конца улицы и завернули за угол. Пётр спрыгнул с коня.

— Любушка!..

— Петруша!..

Они бросились друг другу в объятия.

— Любая моя... — шептал он, покрывая поцелуями её шею, лицо, руки... Голос его дрожал, а сердце так бешено колотилось, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

— Любый... Любый... — закрывши глаза и дрожа всем телом, повторяла она. — Я так ждала... так ждала тебя...

— Любушка, милая, а уж я как страдал... Так страдал, так страдал...

— Бедный мой... Бедный... — отвечая на его поцелуи глубокими страстными вздохами, говорила она. — Давай же, зацелуй меня до смерти... Ну ещё... Ещё...

Долго они так терзали друг друга, пока вдруг Любаня не очнулась.

— Пора мне, Петенька, — отталкивая его от себя, проговорила она.

— Ну как же так?.. Как же так?.. — спрашивал он, не желая отпускать её.

— В другой раз, любый... В другой раз...

— А сможешь ли ты в другой-то раз убежать? — привлекая её к себе, спрашивает Пётр. Он ещё не остыл, и сердце его бьется все также бешено и громко.

— Смогу, Петенька... Я баба умная, что-нибудь придумаю. А теперича ступай...

Счастливый и окрылённый возвращался Пётр домой. Ему хотелось кричать от радости. Хотелось петь. И он запел:

Тень, тень, потетень!

То у Спаса звонят,

Да у старого Егорья

Часы говорят...

Голос у Петра молодой, звонкий. Петь он любил. И всё чаще пел песни, которые знал еще по Москве. Вот и сейчас он вспомнил ту, что пели во время застолий его соседи.

Эй, бей в доску,
Поминай Москву!
Как в Москве-то вино
По три денежки ведро...

... Любашка сдержала слово. Стали они встречаться с Петром. Встречи эти были нечастыми, но зато столько радости они приносили обоим любовникам.

— Проклятый любодей! — прознав про эти встречи, набросилась на мужа Катерина. — Так и знай: ещё раз пойдешь к ней — убью. Аль сама на себя руки наложу.

Кто-то подсказал ей, чтобы она сходила к здешнему колдуну Митрофану Суворину. Мол, только он сможет отважить твоего Петра от Любки. Тот и научил её нужному заговору.

«Как мать быстра река Волга течет, как пески со песками споласкиваются, как кусты со кустами свиваются, так бы муж Мой Пётр не водился с проклятою Любкою, кузнецовой дочкою ни в плоть, ни в любовь, ни в юность, ни в ярость, — стоя на коленях пред образами, шептала она теперь на сон грядущий. — Как в тёмной темнитце и в клеветнице есть нежить простоволоса, и долговолоса, и глаза вупучимши, так бы Любка эта проклятая казалась моему Петеньке такой же простоволосой и долговолосой, и глаза выпучимши... Как у кошки с собакой, у собаки с росомахой, так бы у Петеньки с Любкой не было согласия ни днём, ни ночью, ни утром, ни в полдень, ни в победок. Слово мое крепко...»

Однако никакие заговоры Катерине не помогли. Как востречался её муж с Любкой, так и продолжал встречаться. Тогда она обратилась за помощью к Петрову отцу. В Катьке Фёдор души не чаял. Невесткой она оказалась покладистой, ласковой, но самое главное — она по-настоящему любила Петра.

Вот так и бывает, выслушав её, подумал свекр: нелюбая любит, а любая хвостом крутит.

Фёдор не стал трясать время и вечером того же дня отправился навестить сына. Когда же он, вызвав того во двор, начал выговаривать ему за его блудни, Пётр вскипел.

— Кому бы говорить, да только не тебе! — бросил он ему в лицо. — Аль не из-за тебя наша матушка страдает? Вона как высохла-то! А ты всё одно бегаешь к этой проклятой богдойке.

— Замолчи, сынка! — побагровел Фёдор. — Щас же замолчи, не то по шее врежу...

Пётр хмыкнул.

— Да не боюсь я тебя, не боюсь — слышишь?.. — горячится он. — А то, что мамане ты нашей жизнь поломал, так это правда... Эх ты!.. И чем же тебя эта косогласая паскуда прельстила?

И тут Фёдор не выдержал. Удар его был таким сильным, что Пётр отлетел на несколько шагов и упал рядом с недостроенным заплотом.

— Ну, батя, держись... — поднимаясь с земли, злобно проговорил молодой казак. — Этого я тебе не спущу!

Словно разъярённый бык набросился он на отца.

— Ах ты, щенок! Ты на кого руку поднял? Убью!.. — взревел Фёдор, получив сильный удар в грудь.

— Это я за маманю... за маманю нашу! — рычит Пётр.

— А это тебе за Катьку!..

— А это тебе еще раз за маманю!..

— Ишь ты, падло!.. А ну... ну ударь ещё, коли смеешь!

— А и ударю!..

И снова удар следует за ударом. Били тяжело, яростно, с размаху. Будто б то не отец с сыном были, а два непримиримых врага.

— А ну получи, сынка!..

— А это тебе, батя, на память!..

Они б, наверное, ещё долго тузили друг друга, кабы бы не Катерина.

— Стойте, казаки! Хватит!.. Поди, весь уже Албизин всполошили... — выбежав на крыльцо, кричит она им.

— Будешь ещё Катьке сердце терзать? — ухватив сына за грудки, спрашивает Фёдор.

— А ты... ты перестанешь наконец к своей азиатке бегать? — горячо дышит ему в лицо Пётр.

Злые и непримиримые расходились они по сторонам.

— Пойду я, Катюш, — проходя мимо крыльца, сказал Фёдор невестке. — А ты смотри у меня! — погрозил он кулаком Петру. — Ещё раз твоя жена пожалится мне — убью!

Но и после этого Пётр продолжал бегать к Любашке. Вернувшись от неё, забирался на сенник — там и спал. А в это время Катерина, уткнувшись в подушку и обливаясь слезами, проклинала тот день, когда появилась на свет. Просыпалась больная и подавленная. Ну какая это жизнь? — спрашивала она себя. — Неужто мне уготована судьба Петрушиной матушки?.. Нет, только не это... Не хочу так жить, не хочу!..

В тот памятный день она встала раньше обычного. Глаза красные от слёз и в них смертная печаль.

Умывшись, села перед маленьким зеркальцем, что подарили ей когда-то на свадьбу, и стала расчёсывать волосы. Глядит на себя и не узнаёт. И куда только краса её подевалась? Некогда румяное её лицо теперь выглядело опухшим и бледным.

Как-то необыкновенно долго и тщательно в это утро она прибирала себя. Расчесав волосы, сплела косу, после чего надела свой новый сарафан, накинув на плечи цветастый платок, который привёз ей однажды с нерчинского торжка свёкор.

Приготовив завтрак, стала будить детей. Те не хотели просыпаться, всё куксились да ныли. Ладно, пушай спят, пожалела их мать.

Вскоре на крыльце послышались шаги, следом открылась дверь, и на пороге появился Пётр.

— Есть что пожрать? — не глядя на жену, спросил он. — В поле еду, подкрепиться б надобно.

— В чистом поле, в широком раздолье, за темными лесами, за зелеными лугами, за быстрыми реками, за крутыми берегами... — этак задумчиво произнесла Катерина.

— Ты чиво это?.. — не понял муж.

— Да это я так, сказочку сказываю... Ты ж меня тоже чуть ли не каждый день ими кормишь... Вчерась вот казаки рано с учений вернулись, а ты только к ночи явился. Видно, далече ездил...

— Не замай, жонка! — сердито взглянул Пётр на жену.

Катерина как-то странно улыбнулась.

— Ноне опять ночью вернёшься? Аль тебя и вовсе не ждать?.. — спрашивает. — Петенька! — неожиданно бросилась она ему в ноги. — Ну пожалей же ты меня!

Пожалей... Ежели что не так делаю — так ты скажи, только не мучай... Ведь я же люблю тебя...

Она плакала так горячо и жалобно, так судорожно хваталась за его ноги, что он не выдержал.

— Ладно, не нужна мне твоя жратва. Прощевай! — сказал и вышел вон.

Долго она ещё после этого стояла на коленях, тупо уставившись в одну точку. Потом встала, сняла со стены трофейный богдойский меч, который Пётр привёз из последнего похода, поднесла его к горлу. Ощувив холод стали, вздрогнула, едва не

выронив из рук оружие. Совладав с собой, закрыла глаза и стала шептать молитву. В этот момент на полатах сонно зачмокал губами Илюха. Она испугалась. Ну, скорее же, чего медлишь? — услышала она вдруг чей-то голос. И следом другой: опомнись! Что ты делаешь? У тебя же детки малые... Да не слушай ты никого! Коль решила — давай!.. Всё равно у тебя с Петром ничего не получится... Ну же!.. — торопил её первый голос.

— Ах!.. Прощай Петенька! — воскликнула вдруг она и с силойхватила острым лезвием по горлу.

Падая, она задела столик, на котором стояло зеркальце. Оно отлетело в сторону и разбилось об пол...

— Маменька!.. То не ангелочек ли с неба упал? — проснувшись от шума, спрашивает Илюха. И это было последнее, что услышала его мать...

Отпевали Катерину в церкви. Людям сказали, что это она случайно на сталь-то острую напоролась, когда наводила порядок в доме, потому похоронили её по всем православным правилам. Красные похороны, говорят, это когда муж жену хоронит. А когда наоборот — то это горькие похороны. Люди сочувствовали Петру, а про себя уже думали, кого-то он после Катки в дом приведёт. Ведь у него двое детишек, а потому ему некогда кручиниться.

— Сукин ты сын! Это ведь она из-за тебя руки-то на себя наложила, — когда Пётр испуганный и запыхавшийся прибежал к родителям, чтобы поделиться с ними печальной новостью, бросил в лицо сыну Фёдор. А тот молчит, глаз не смеет поднять.

— Да не трави ты ему душу... — говорит Наталья мужу. — Ведь ему и без тебя тошно... Лучше давай думать, как внуков будем поднимать.

— Вначале Катку нужно схоронить, а потом уж и об остальном думать, — сверкнул глазами Фёдор. — Ну а о том, что это она нарочно себя, никому, слышь? А то народ у нас такой... Разнесут по белу свету — не отмоешься потом...

После похорон Наталья сироток к себе забрала. Дескать, у Петра они будут без присмотра. А тот после смерти жены как-то сразу сник и закрылся в себе. Видно, совесть его грызла. Ведь он-то лучше других знал, что произошло. Оттого и болела душа. Чтобы заглушить эту боль, запил горькую. Целую неделю пил, а когда протрезвился — сел на коня и помчался в слободу.

— За тобой приехал, собирайся! — сказал он Любане, прибежавшей по первому его зову к поросшей таловником старице, что служила им условленным местом.

Она испугалась.

— Ты что, Петенька? Да как же можно! Я же венчанная... Бог не простит мне этого! — говорит.

— Простит! — уверенно заявляет Пётр. — Ведь мы же любим друг друга. А посему он поймёт нас.

— Так тятенька не поймёт... — продолжает сопротивляться Любаня.

— А и чёрт с ним! — махнул рукой казак. — Ну, скажи, доколе ты будешь его бояться? Вот родим ему внуков — тут же успокоится.

Она отчаянно посмотрела ему в глаза и покачала головой.

— Нет, не могу я, Петенька, не могу...

Пётр побледнел.

— А ты думаешь, Катка этак просто померла?.. — говорит он, притягивая Любаню к себе. — Она с умыслом всё сделала... Хотела волю нам дать... И ты после этого отказываешь мне?

Любаня не верит своим ушам.

— А люди говорят, это она ненароком... Так значит?..

— Тсс!.. Молчи... Это мы с тобой её погубили, мы, понимаешь?

— Врёшь ты всё! — вырвавшись из рук Петра, воскликнула Любаня. — Врёшь! Врёшь! Врёшь!..

— Молчи! — просит он.

— Врешь! — снова крикнула она и, подхватив юбку, побежала прочь.

— Стой! Ну стой же!.. — пытается остановить её Пётр. — Давай переговорим!.. — Но Любаня уже не слышит его. Она бежит по полю, не разбирая дороги, цепляясь полами юбки за старник. — Ну и чёрт с тобой! — вдруг злобно прокричал Пётр. — Коль хочешь — живи со своим увечным! Но да ведь через неделю сама ко мне прибежишь!.. Тебе ж мужик нормальный нужен, а не выложенный кабан...

Однако зря он надеялся. Любаня после того случая вдруг стала избегать его. И напрасно он вечерами торчал под её окном, пытаясь выманить её из дому настойчивой соловьиной трелью, — она будто бы не слышала его. А время шло. На смену жаркому лету пришла дождливая осень, а потом подоспели и холода. Не лучшая пора для свиданий...

Глава шестая. Толбузин

Зима в эти края приходит рано. В середине сентября утрами на деревьях появляется куржак, а к концу месяца, часто к Рождеству Пресвятой Богородицы, уже и первый снег выпадает. В ноябре же и вовсе закружит-заметёт. Со стороны Ледовитого океана налетят студёные злые ветры, сорвут с дерев последние крупницы осенней развесёлой праздницы, а там и морозы ударят. Да такие, что железо рвут и на лету птицу бьют.

Однако природа почувствует зиму задолго до того. Только зашевелится первый лист в воздухе — на юг, к тёплому морю потянутся журавли. Настанет короткий миг поздней осени, предвестник холодных северных ветров.

В этом году зима пришла раньше обычного — на Захария. Утром повалил снег, и это было сигналом для белых гусей. Все стаи поднялись на крыло. Длинные вереницы птиц тянулись над Амуром, с тревожным криком пролетая над острогами, монастырями и пашнями. Будто бы внемя голосу предков, в загонах начали кричать домашние гуси. Люди вышли из домов и с непокрытыми головами молча глядели, как среди первых снежинок мелькали силуэты белых птиц. Неделя — и всё пернатое племя исчезло из окрестных лесов-болот. В Приамурье с севера потихоньку подкрадывалась зима.

В конце октября, в самый день Анастасии-овечницы в острог пожаловали оленные люди — орочны. Так по первому снежку и примчались на нартах. Их было человек шесть. Все в кухлянках, с бусами — нанизанными на звериные жилы мелкими костями животных. Встали возле крепостных ворот и шумят, атамана требуют.

— Ну, чиво орёте? — высунувшись из окна подзорной башни, недовольно прикрикнул на них караульный.

— Атамана давай! Кусяина!.. — задрал голову, кричит одетый в сшитую из оленьих шкур кухлянку с видлогою¹ пожилой ороchon.

— Эвон чиво захотел! Хозяина, вишь, ему подавай... — издевается стражник. — А может, тебе ещё Царя нашего покликать? Да ить далече он, не услышит.

Тот не отстаёт.

— Большой дело к атаман есть! Зови! — требует он.

— А тебе какого атамана, нашенского али казённого? — спрашивают сверху.

— Никифор, однако, нам нужен, Чернига...

— Ну так бы и сказал, — серьёзно проговорил стражник. — А то у нас тут два их, атамана-то. Один свой, другого нам силою навязали... Эй, Мишка! — кричит он стоящему на часах подле приказной избы Мишке Ворону. — Давай, зови Никифора. Скажи, гости к нему... Шчас, позовут! — крикнул он ороchonу.

То был старый Улуй из оленьего рода Бойгоней, прибывший в Албазин со стороны богдойской земли вместе с четырьмя своими братьями и восемнадцатилетним сыном

¹ Видлога – капюшон.

Оронканом, невысоким ловко скроенным пареньком с лисьими щелочками глазами на круглом широкоскулом лице.

Весь их многочисленный род вместе с другими тунгусскими родами, коих в свое время богдойцы заставили покинуть родину, несколько лет назад вернулись под крыло русского Царя, поселившись на богатых оленьим кормом и зверьём даурских землях. И лишь небольшая часть тунгусских семей всё ещё продолжала кочевать вместе со своими стадами по безлюдным северным просторам богдойского царства. Да и те, следуя призывам вождей, уже готовы были перейти границу и присоединиться к своим сродственникам. Дождавшись ледостава, они покинули свои становища и двинулись на север. Но перед тем как отправиться в путь, они, как полагается, решили задобрить злых духов, дабы те дали им возможность невозбранно добраться до родной земли, потому попросили старого шамана Таранти провести обряд камлания.

— Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо! — мелкими шажками подвигаясь вокруг костра и ударяя круглым сучком в многоцветный квадратный бубен, бормотал седой, точно ягель, старик в расшитом бисером арбагазе¹.

— Кай-о! Кай-о!.. — повторяли за ним оленные люди.

— Надо принести в жертву белого оленя, — низко поклонившись стоявшему поодаль сухому могучему дереву, неожиданно сказал старик. — Тогда духи сжалятся над нами.

Двое мужчин, надев на шею годовалому оленю кожаный тынзян², подвели его к костру. Сбившаяся подле костра толпа ороchon расступилась.

Белоснежный олень, тяжело дыша, боязливо посматривал на людей своими чёрными круглыми глазами, не понимая, зачем его привели сюда. Из полуоткрытого рта его падала густая пена, а тонкие ветвистые рога, похожие на засохший кустарник, чуть дрожали.

Принесли жертвенный ковёр, расшитый знаками небесного послания, и положили его на спину оленю. Подошёл третий мужчина, и в тот момент, когда олень удивлённо взглянул на него, с криком вонзил ему под лопатку нож...

— Кай-о! Кай-о! Кай-о! Йо! — пропел шаман и первым коснулся священной крови жертвенного оленя.

Ну вот и всё. Олень принесён в жертву духам. Теперь можно со спокойной душой отправляться в путь...

Только духи не вняли их мольбам. Потому не все они вернулись на родную землю. Памятуя о том, какой урок ему преподнёс князь табунгутов Гантимур, Богдыхан приказал своим воинам зорко охранять северные рубежи своей Империи и безжалостно расправляться с теми, кто попытается бежать за Амур.

Когда оленные люди со своими стадами, женщинами, стариками, детишками и незатейливым скарбом были всего в двух переходах от границы, их настиг летучий отряд богдойских кирасиров, которые попытались силой заставить всю эту огромную живую массу повернуть назад. И тогда ороchоны выставили вперёд лучников и те осыпали маньчжуров стрелами. В ответ кирасиры³ ударили из пицалей. Выстрелы так напугали оленей, что те, разом сбившись в одно огромное стадо, не разбирая дороги, ринулись назад. И загудела, застонала под ними земля. Пастухи попытались остановить их, пустив им наперерез собак, однако те лишь нашли свою смерть под копытами обезумевших животных.

Не помогли ороchонам и их призывные крики, и даже волосяные мауты⁴, которые они на ходу ловко бросали со своих коротконогих маштаков⁵, пытаясь заарканить самых

¹ Арбагаз – верхняя меховая одежда.

² Тынзян – повод (конский и проч.)

³ Кирасиры – воины тяжёлой кавалерии.

⁴ Маут – аркан.

⁵ Маштак – малорослая лошадь.

ретивых оленей. Природа оказалась сильнее человека, не сумевшего противостоять животному страху.

Злые и сокрушённые возвращались они к своим семьям. Как же! Ведь без оленей они вмиг стали нищими, и теперь их ждала голодная смерть.

Но, как оказалось, самое страшное их ждало ещё впереди. Когда они воротились назад, их глазам открылась страшная картина. На заснеженном поле, истоптанном множеством копыт, в лужах крови лежали изувеченные тела их матерей, жён, детей и стариков...

подавив в душе крик, молча глядели тунгусы на мертвецов. Вот теперь они и впрямь лишились всего.

Не сговариваясь, они повернули коней в ту сторону, куда узкой дорожкой уходили следы богдойских коней.

Словно снежный вихрь, спустившийся с гор, обрушились орочны на убийц, оглашая округу своими дикими криками. Они дрались так яростно, так неистово, что богдойцы вынуждены были спасаться бегством. Однако чувство мести неукротимо. Вместо того чтобы праздновать победу, тунгусы, воинственно крича и улюлюкая, стали преследовать врага. Они метали в злодеев копьё, осыпали их стрелами, душили маутами, а самые ловкие прямо на ходу прыгали к ним за спину и острыми ножами перерезали им горло...

Тем бы всё и закончилось, если бы на помощь к кирасирам не пришёл со стороны Чучара отряд лёгкой кавалерии. И теперь уже тунгусам пришлось под напором превосходящих сил противника уносить ноги. Чтобы сбить богдойцев с толку, они разбились на несколько групп и разными дорогами ушли к границе. Кому-то из них повезло — они выжили, другим же чужая земля стала могилой...

Среди тех, кому удалось уйти от погони, был и старый Улуй со своими братьями и старшим сыном Оронканом, которые пришли в Албазин, чтобы просить атамана принять их в своё войско. А что им ещё оставалось делать? Маньчжуры убили их родных, из-за них они остались без своих кормильцев-оленей. Если русские им откажут, они умрут от тоски и безысходности. А им надо было выжить, чтобы отомстить этим ненавистным маньчжурам...

... Черниговский встретил гостей ласково. Он велел своему сподручнику Игнашке Рогозе провести их в казённую избу, где их усадили за стол, выставив перед ними расписанную утками оберучную чашу с корчажным пивом¹. На одной её ручке было начертано «Неси», на другой — «Не плечи».

Не дав гостям даже толком рассказать, зачем они пожаловали, Никифор собственноручно стал разливать пиво по жбанцам да коновкам.

— Ну, давайте, гости дорогие, что ли, выпьем с устатку. А то, гляжу, дорога у вас была трудная — вон как умаялись-то. Одни глаза да уши — и больше ничего, — улыбнулся он, поднимая жбанок.

Гости пили и ели как-то нехотя и всё время поглядывали на Никифора. Мол, когда ж ты нам наконец дашь слово молвить?

— Кусяин... — в конце концов не выдержав, заговорил Улуй. Чужих слов он нахватался еще в ту пору, когда весь их род жил бок о бок с русскими. — Однако мы приходи не арака пить... Хотеть в войско твой вступать.

— Во как! — удивился Никифор. За эти годы он почти не изменился, разве что седины в бороде прибавилось. — И чиво это? Али оленей надоело пасти?

¹ Корчажное пиво – домашнее, печное пиво.

И тогда Улуй рассказал ему обо всём, что случилось с его людьми на богдойской земле.

— Наша хоти Белый Царь служить, за жёны свои и детки маньчжу мало-мало отплатить... — закончив свой рассказ, заявляет он.

Никифор был потрясён.

— Ироды! — воскликнул он. — Это как же детей-то малых убивать? Ну погодите, доберёмся мы до вас! Дай только срок... — Он умолк, будто бы обдумывая что-то. Ноздри его дрожали от гнева, а в глазах застыла боль. — Царю Белому, говорите, пришли служить? — немного успокоившись, обвел он взглядом гостей. — Что ж, люди нам нужны. Да ведь только ж вы не привыкли к нашей оседлой жизни — чего доброго сбежите...

— Нет-нет! — замахал руками Улуй. — Наша не беги, наша воевать хоти... Бери нас к себе, кусяин, не пожалеешь. Тунгус верный друг — никогда не предавай. Бери, кусяин...

— Ладно, коль просите — мы это дело обмозгуем... — произнёс Никифор. — Ну а что там манзуры?.. — неожиданно спрашивает он Улуя.

— Ой, кусяин, беда!.. Маньчжу большой войско собирай, — говорит тот. — Шибко большой. Воевать вас, однако, хотеть...

— Откуда знаешь? — насторожился Черниговский.

Тот покачал головой.

— Ой, кусяин! Тунгус везде ходи, много гляди и слушай, — молвит он. — Говорю тебе, маньчжу большой войско собирай... Бери, кусяин, нас, воевать вместе будем. Я знаю, у вас не шибко народу, а маньчжу много, ой как много!

Черниговский нахмурился. Выходит, плохи наши дела, — подумал он. — В Москву надо отписать — пусть пришлют подкрепление. Иначе... — он глубоко вздохнул. — Иначе нам не миновать беды...

Хотя на Москву уже давно здесь не надеялись. Никифор помнил, как они с бывшим приказчиком сыном боярским Григорием Лоншаковым писали Царю, испрашивая у того помощи. «Китайцы по пятьсот человек и больше приезжают под Албазинский острог, ясачных и служивых грабят, соболей и запасы отнимают». И что? Да ничего! Ответили, мол, держитесь. Позже каждый новый приказчик начинал с того, что обращался за подмогою к Царю. Однако Москва молчала. Отстранились от амурских дел и якутские воеводы. А тем временем цинский Император, готовясь к войне, стал открыто подушать монгольских князей, дабы те напали на русские крепости.

«Очирой-Саин-хан и его брат Батур-Контайша хотят идти под Селенгинский и Иркутский остроги, — с тревогою писал Царю селенгинский приказчик Данила Строганов. — А посему сидим мы ноне в осаде и ждём от тебя, Царь-батюшка, помощи...» Те же тревожные вести приходили и из Нерчинска. «Наряжается богдойский Царь под Нерчинский и Албазинский остроги, а в тех острогах пороху и свинцу мало...» — писали Царю даурские казаки.

... Никифор хотел было послать кого-нибудь из сподручников за воеводой, дабы тот послушал, о чем говорят тунгусы, но в эту минуту дверь отворилась, и в избу вместе с клубами морозного пара вошёл невысокий светлородый человек в овчинной шубе и надвинутой на самые глаза мохнатой казачьей шапке. На левом боку у него на тонком ремешке, перекинутом через плечо, висела сабля, ножны которой и рукоять были отделаны серебром. То и был здешний воевода Алексей Толбузин

— А вот и наш Ляксей Ларионьч!.. — обрадовался Черниговский, вставая из-за стола, чтобы поприветствовать начальство. Сам-то он был сейчас человеком отставным, хотя многие здешние казаки так и продолжали признавать в нём своего вожака, называя его не иначе, как атаманом.

Алексей Ларионович прибыл на Амур в 1682 году — за два года до того, как было образовано Албазинское воеводство, в состав которого вошли земли верхнего и среднего

Амура, а также бассейна реки Зеи. К тому времени здесь уже было построено и обжито больше двадцати острожков, деревень и заимок, в коих проживало до двух тысяч русских. Поначалу Толбузин занимал должность приказного, а в июне 1684 года высочайшим Указом он был назначен первым здешним воеводой.

— Ну и морозец! — потирая замёрзшие руки, проговорил Толбузин, обводя собравшихся своим ясным умным взором. — А это что за люди?.. Никак гости к нам пожаловали? — увидев сидящих за столом тунгусов, спрашивает он. — Чего ж вы их не раздели-то? — говорит он казакам. — Чай, запарятся в шкурах-то своих у печки.

— Да мы, Ляксей Ларионыч, говорили им, но те всё по-своему норовят... — объясняет Черниговский. — Они жить эти шкуры почитай круглый год не снимают. Привычка, понимаешь ли.

— Что ж, привычка — та же природа, — утирая мокрую бороду рукавом кафтана, соглашается с ним Толбузин.

— По привычке живётся, а отвыкнешь — помрёшь!.. — вслед за Никифором поднявшись из-за стола, пьяно ухмыльнулся Игнашка Рогоза. Своего воеводу албазинцы почитали, оттого и не считали за труд при случае поклониться ему.

А ведь ещё недавно всё было иначе. Узнав, что к ним в Албазин назначили нового приказного, казаки зароптали. Ну вот, мол, опять прислали кота в мешке. И то: с тех пор как Черниговского сняли с должности приказчика, к ним постоянно на правление стали присылать чужаков. Первым был боярский сын Семён Вишняков, которого албазинцы так и не сумели полюбить, продолжая, как и прежде, все дела решать со своим выборным атаманом. В конце концов, Вишнякова пришлось убрать и вместо него назначить енисейского боярского сына Якова Евсеева, на смену которому вскоре пришёл Андрей Воейков, сын первого нерчинского воеводы Фёдора Воейкова.

Только и нового приказчика албазинцы приняли враждебно. Да что ж это такое! — возмущались они. — Доколе к нам чужаков-то будут присылать? Аль мы хуже нерчинских? Нет, так дело не пойдёт! Будем сами выбирать себе начальников.

И вот забузили казаки. Приказчика своего не слушаются, а то и бранным словом норовят его обидеть. Тот терпел, надеясь, что албазинцы, наконец, утихомирятся. Но когда казак Максимка Столбов осмелился сказать Андрею, что-де у того нос не дорос, чтобы быть приказчиком, и что в следующий поход они возьмут его разве что кашеваром, не выдержал и собрал войсковой круг, где и объявил о дерзком поступке Столбова. Многие казаки осудили товарища. Мы, говорили они, за такого дурака не стоим и его не научаем. Другие же приняли сторону Максимки. Мол, это его право, что говорить, а что нет. Потому нечего его судить. В общем, мнения разделились. Но когда казакам вдруг перестали платить жалованье, тут уж озлобились все. Приказчика своего они посадили в яму, а сами перестали посылать ясак в Москву.

Узнав, что вольница взбунтовалась и его сын находится в темнице, нерчинский воевода в середине мая 1682 года в сопровождении нескольких казаков отплыл на дощанике в Албазин. Думал, быстро наведёт порядок, но не тут-то было. Албазинцы не испугались гнева воеводы. Напротив, собрав круг, высказали ему свои претензии.

— Чем ругаться, ты б лучше, барин, сказал, почто это ты нас в чёрном теле держишь? — посасывая люльку, с этакой ехидцей спрашивает Воейкова Игнашка Рогоза. — Жалованья-то мы, почитай, уже полгода не видали.

Воевода как-то нервно дёрнул усом.

— Я монету не чеканю — с Москвы спрашивайте, — буркнул он.

— С Москвы, говоришь?.. — не унимается Игнашка. — Да ведь Москва тебе в прошлом месяце ажно две тыщи рублей прислала, из которых половина Албазину предназначалась. А ты их, денежки-то, зажулил..

— Откуда тебе, холоп, про то было знать? — бросил на него свой недобрый взгляд воевода.

Игнашка усмехнулся.

— Это ж где ты, отец родной, холопа-то увидел? — с издёвкой спрашивает он воеводу. — Тут нет таковых — одни казаки... Ну а что касемо денег, то эту весть нам сорока на хвосте принесла... Аль то неправда? Ну, что молчишь-то?..

Видя, что их товарищ попал в самую точку, казаки загудели.

— Не дадим тебе, воевода, ясака прежде, чем ты выдашь нам кормовые! — кричит Мишка Ворон.

— Точно не дадим! — подхватили его слова товарищи. — Отдай нам наши деньги, а то мы и тебя вслед за твоим сынком в темницу упрячем!..

Шумит казачья вольница, ногами топает. Дыму от табаку в сборной избе — хоть топор вешай.

— Тише, казаки! — неожиданно подаёт голос Черниговский. — Тише!..

Услыхав своего жоака, албазинцы тут же притихли.

— Говори, атаман!

Прежде чем высказаться, Никифор по старой привычке погладил свою бороду.

— Вы вот что, товарищи мои... — произнёс он. — Давайте-ка не будем шуметь — ведь от шуму прока никакого.

— Во-во! Чем шуметь да браниться, уж лучше подраться да помириться! — с улыбкою произнёс Игнашка Рогоза, у которого, казалось, на каждый случай была припасена своя прибаутка.

— Ты всё шутикуешь, Игнат! — недовольно посмотрел на него Фёдор. — А ведь Никифор правильно говорит: думают думу без шуму. Так что ты хотел нам сказать, атаман? — обращается он к Черниговскому.

Тот с благодарностью посмотрел на него.

— Давайте не будем обижать нашего гостя, — неожиданно примирительным тоном говорит Никифор. — Я так думаю, воевода к нам не ссориться приехал, а решать важные дела. Аль я не прав, барин?

Воейков кивнул головой.

— Верно... — говорит он и вдруг: — Каюсь, братцы... Деньги я из Москвы и впрямь получил. Только не думайте, что я их себе присвоил. Все до копейки отдал нерчинским казакам. Уж так они меня просили, так просили... А долг вам я верну...

— А ежели не вернёшь? — спрашивает кто-то из казаков.

— Тогда считайте, что ваш воевода паскуда и тать, — на что был ответ.

Чтобы рассчитаться с албазинцами, Воейкову пришлось занять у заезжих купцов триста рублей да к ним приложить своих двести, и только тогда казаки принесли ясачную рухлядь на дощаник к монастырю, где остановился воевода.

Целую неделю Воейков пробыл в Албазине. Он осмотрел крепость, побывал в монастыре у Гермогена, с которым проговорил почти весь световой день, посетил несколько близлежащих селищ и заимок. Всё пытался понять, каково здесь живётся людям и есть ли надежда, что они смогут защитить от врага свой край. Многого ему здесь глянулось, но ещё больше было такого, что он не мог принять. Особо ему не пришлось по нраву вольные речи казаков, то, что они не желают никому подчиняться. Пора кончать с этой вольницей! — подумал он. — Иначе толку не будет. Сила державная — это не только хлеб, золото и оружие, это ещё и безропотное повиновение властям, чего на Амуре нет и не было никогда.

Не остался воевода доволен и состоянием крепости. Что это! — возмущался он. — Нет, это не крепость, это обыкновенная огорожа для скота. От первого же вражьего ядра всё здесь разлетится в щепки...

В общем, он понял, что этот далёкий край был по сути беззащитным перед надвигающейся грозой. Мало того что здесь не было ни одной надёжной фортеции, так

ещё и ратных людей было с гулькин нос. В том же албазинском остроге числилось чуть больше двухсот пеших и конных казаков, из них меньше половины оставались на осадном сидении, другие же занимались в тайге пушным промыслом да сбором ясака. Надо отписать об этом в Москву и просить, чтобы в Албазин прислали полк стрельцов, подумал Воейков. А то ведь, случись что, одним казакам крепость не удержать. Даже если они призовут всех окрестных крестьян вместе с промышленными людьми.

Уезжая домой, воевода забрал с собой и сына. Решил, что на Амуре ему оставаться опасно. Мало того что здесь царило казачье самовластье, так ещё эти богдойцы покоя не дают... Не ровен час, бойня начнётся...

Провожать гостей вышла вся округа. Здесь были и албазинцы, и монастырские, и те, что пришли из ближних заимок и селищ. Небо было ясное, прозрачное. По реке гулял ветерок, поднимая небольшую волну.

— Ежели не оставляешь сына, то иных нерчинских детей боярских мы не примем, — сказал на прощание Воейкову Черниговский. — Не хотим быть у них под началом. Вели у нас на приказе быть албазинским казакам.

— А будет этот приказной меня слушаться? — спрашивает воевода.

— Будет! — заверил его Никифор. — Богом клянусь... — И он, взглянув вверх, осенил себя крестным знамением.

— Ладно, так и быть... — согласился воевода. — Можете сами выбирать себе приказчика.

Тут и полетели вверх шапки.

— Ура-а-а! — кричали казаки. — Ура-а-а!

Двое сподручников Воейкова помогли ему забраться в дощаник.

— А ну толкнём, братцы! — командует Никифор.

В следующую минуту дюжина казаков облепила судёнышко.

— Э-эх!..

Зашуршала галька под днищем дощаника и набежавшая волна ударила в деревянный борт. Гребцы подняли вёсла и по команде опустили их в воду. Гребок... ещё один гребок... И вот уже судно, отчалив от берега, медленно скользит против течения.

— Давай, ставь парусец! — подаёт команду рыжебородый десятник, и тут же двое дюжих казаков хватаются за дрок и поднимают привязанное к райне полотнище. Поймав в парус ветер, дощаник пошёл ходко, глубоко разрезая носом волну.

— А зла ты на нас, барин, не держи! — крикнул воеводе вдогонку Черниговский. — Не враги мы тебе... Одно ведь дело делаем...

Но его голос утонул в шуме разгулявшегося не на шутку ветра и в пронзительном крике голодных чаек, что в поисках рыбной мелочи парили над речными отмелями.

— Слышишь, не враги!..

Только не знали здешние казаки, что видят Фёдора Дементьевича в последний раз. Прознав о распри Воейкова с албазинцами, Москва решила заменить его другим воеводою. Таким, который в столь сложное для пограничья время сможет найти с казаками общий язык. И в июне 1684 года Нерчинский острог принял бывший селенгинский воевода Иван Власов, славившийся своим крутым нравом равно как и уживчивостью с подчинёнными.

Но это случится только через два года. А тогда после отъезда Воейкова албазинцы собрали круг и выбрали себе приказного. Хотели, чтобы им стал Никифор, но тот отказался. Стар я, говорит, пусть уездом правит тот, кто помоложе. И тогда казаки избрали приказчиком десятника Ивана Семеновича Войлошникова. Человека зрелого, волевого, и, что не маловажно, решительного. Такой не станет прогибаться перед высоким начальством, решили они. А главное- он своей. Ну а свой своего всегда поймёт.

Войлошников начал с того, что приказал казакам бросить все дела и вместе с промышленными людьми и призванными из сёл умельцами заняться строительством крепости. Прав воевода, говорил он. У нас не фортеция, а огорожа для скота.

Работали от зари и до зари. Все понимали, что надо спешить. Ведь в любую минуту из-за Амура могли появиться враги. Чтобы в крепости могло укрыться больше народу, площадь её увеличили и обвели тыновыми стенами, которые укрепили с внутренней стороны нешироким обшитым таловым плетнем отсыпом высотой в сажень. Вдоль отсыпа шёл довольно широкий боевой ход — полати, — с которого открывался доступ к пробитым сквозь стены бойницам. Такие же бойницы были сделаны под полатами, к которым были приставлены ведущие к верхнему бою лестницы.

Тыновые стены были усилены по углам с западной прибрежной стороны двумя башнями. Ещё одна башня, проездная, находилась посредине восточной стены острога. Вокруг стен был вырыт широкий и глубокий ров, которому предшествовали заградительные надолбы — «чеснок».

Всё шло ладом, так что к концу лета 1682 года строительство крепости было почти полностью завершено.

Хозяйственные дела не мешали албазинцам внимательно следить за обстановкой на границе. Дабы не быть застигнутыми врасплох, они активно собирали сведения о передвижении маньчжурских войск.

В одном из своих донесений Войлошников отписал нерчинскому воеводе Воейкову о том, что-де маньчжуры живо ведут тайную разведку русских поселений. И для этого они измышляют разные способы. Так однажды в Албазин пришли два ханьца с жёнами и попросили принять их в русское подданство. В простоте сердечной он, Ивашка Войлошников, принял их и даже помог им с жильём. А вскоре-де, пользуясь предложением, в Албазин прибыл целый разведочный отряд богдойцев «в тыщу человек при восьми офицерах». Сказали, что пришли они за беглыми преступниками и потребовали их выдачи. Войлошников ответил, что без указа Великих Государей делать ему это «не мочно», так как перебежчики были приведены к шерти и теперь считаются русскими подданными. «Если вы с добрым делом, — сказал Иван богдойцам, — то ехать бы вам в Нерчинский острог. А мне, Ивашке, переговоры вести не указано».

Произведя разведку, богдойский отряд, вместо того, чтобы направиться в Нерчинск, пошёл вниз по Амуру. Вслед за ними Войлошников выслал одиннадцать казаков под водительством десятника Панкратьева, дабы те проследили, куда ушли богдойцы и не остались ли они стоять где «в прикрытых местах», чтобы при подходе основных сил напасть на албазинцев с тылу. «А то, что это был разведочный отряд, в том сумлеваться не стоит, — писал Войлошников. — И что приезжали они не для беглых мужиков, а для осмотра острога и много ли в нём русских».

А в другой раз в острог явились два маньчжурских сотника и просили приказного ехать с ними вниз по Амуру к трём богдойским воеводам для переговоров. Приказной же не посмел ехать сам, не имея на то Царского Указа, а послал вместе себя семерых казаков. В начале апреля казаки вернулись и подали «доезд¹», рассказав о том, какие речи с ними вели богдойские воеводы. А говорили те о том, чтобы русские поскорее убирались с Амура, а коли они этого не сделают, то все их остроги и деревни будут сожжены, а люди уничтожены или взяты в полон.

Пугают, узнав об этом, подумал Воейков и послал десятника Юшку Алексеева с толмачом на реку Нонни, в Чучар к тамошнему дзяньдзюню, чтобы доподлинно узнать о намерениях богдойцев.

В конце сентября Алексеев вернулся и представил «доезд», о чем он, Юшка, говорил с богдойскими чинами. В «доезде» было написано: «Велит Богдыхан свести Долонский острог, что на реке Зее, иначе угрожает войною...»

А в марте 1682 года в Нерчинск явился с богдойской стороны посланный для переговоров торгочинскими и даурскими князьями Аюси, Лоскудеем и Каялдой человек по имени Даральну, который передал просьбу вождей о том, чтобы казаки защитили их с

¹ Доезд – доклад, отчёт, доезжая память.

родичами от маньчжуров и приняли в русское подданство. Попутно посланник сообщил о том, что Богдыхан собрал в Маньчжурии большое войско и много хлебных запасов и теперь собирается идти под Зейский и Албазинский остроги, чтобы эти остроги разорить, казаков выгнать оттуда и поселить там своих подданных.

Зная, что переходы инородцев из Маньчжурии ведут к осложнению отношений между двумя державами, Воейков отказался принять торгочин и дауров в русское подданство. К тому же и царские грамоты говорили: «с манзурскими людьми ссоры не иметь».

Тем временем богдойцы, не встречая отпора, нападали на русские и тунгусские селища, грабя и убивая людей. А когда у албазинцев не выдерживали нервы и они вступали с ними в бой, в Москву тут же летели гневные письма за подписью самого Богдыхана, в которых говорилось о неслыханных бесчинствах албазинских казаков, которые, якобы, наносят огромный вред отношениям между двумя державами.

Утвердившись после подписания в 1676 году мирного соглашения с русскими между реками Зеей и Буреей, маньчжуры захватили простирившуюся здесь равнину, самую плодородную и лучшую часть Приамурья.

— Да как же вы это допустили-то! — прибыв на Амур, первым делом спросил казаков Толбузин. — Позор! Почитай самые хлебные места у вас из-под носу увели.

— Да то ж не мы, — оправдывались албазинцы. — Так Москва решила.

— Москва!.. — передразнил их новый приказной. — А вы-то где были? Почто не отписали Государю о том, чтоб не отдавал богдойцам лучшие земли?

Те молчали. А что они скажут? Уж и так их повсюду называли ворами, а начни они притязать на призейские земли, так их и вовсе сочтут за государственных преступников. Хотя преступники не они, а те, кто богатствами державными этак вольно распоряжается. Так всегда было на Руси: отдал чужакам хотя бы аршин родной земли — навеки будешь народом своим проклят.

До того как появиться на Амуре, тобольский боярский сын Алексей Толбузин, получивший в награду это звание за верную службу Царю, пять лет был товарищем у своего отца, Нерчинского воеводы, после чего почти три года сам исполнял его обязанности. Назначение его в Албазин было неслучайным. До этого он не раз бывал в Приамурье; он знал здешних людей, а самое главное, за эти годы он неплохо изучил военную тактику и стратегию южных соседей и постиг их психологию. А сейчас, когда, по всем сведениям, Богдыхан готовился к войне против русских, это было очень важно.

Алексей Ларионович начал с того, что решил осмотреть свои владения. Он взял с собою семерых бывалых казаков, сел на коня и пустился в путь. Доехал аж до устья Зеи, после чего поднялся вверх до впадавшей в нее Селимбы, где несколько лет назад у устья небольшой речушки Долонца албазинцы поставили острожек. «И на Селимбе быть острогу, да осмотреть и описать накрепко и учинить чертеж, и ясачных инородцев призвать и аманатов¹ имать», — заинтересованные в увеличении ясачных земель, отписали чиновные люди из Москвы, в то же время повелевая не вступать в конфликты с маньчжурами.

Эта крепостца была хоть и невелика — всего-то три сажени длиною, — однако выглядела достаточно надёжно. Вкруг неё были бревенчатые стены, внутри — изба и вышка для наблюдения. На избе и вышке были приспособления для стрельбы — «верхний бой». В такой крепости при случае можно было укрыться от лихих людей, а то и от богдойских ратников, которые постоянно рыскали в этих местах, собирая с тунгусов ясак. Те считали эти земли своими, и Долонский острожек был для них, что бельмо на глазу.

¹ Аманат – заложник.

Поэтому при упоминании о нём Император Шэн-Цзу приходил в ярость, постоянно напоминая русским о том, чтобы они снесли его. Но Москва как будто не слышала ничего, и это Императора ещё больше злило. Уже не раз он посылал сюда своих людей, чтобы те разрушили крепость, но долонцам пока что удавалось удержать её.

— Доброе место выбрали для крепости, молодцы! — похвалил приказной казаков.

— Да это всё Никифор, наш атаман... — говорит ему Фёдор Опарин. — Человек! — многозначительно добавил он.

Услышав это, Толбузин улыбнулся в усы. Ить надо ж как они его любят! — подумал он. Впрочем, отставной атаман и ему глянулся. Уже с первых минут знакомства с ним он понял, что это за человек. Умный, решительный, деловой, хотя и не в меру дерзкий. И то: привык начальствовать-то, а тут, вишь, самому приходится подчиняться.

Что до самого Черниговского, то он, как и все албазинцы, был против назначения Толбузина приказным. Опять чужака прислали! Доколе ж Москва-матушка над нами издеваться-то будет?..

Но это только на первых порах. А когда казаки увидели, что человек этот приехал не дабы кормиться за чужой счет, не воровать казённые деньги, не обирать до нитки ясашных тунгусов, как это делали до него все здешние приказчики, а дело делать, отношение к нему тут же изменили. Особо им пришлось по нраву то, что Толбузин не стал строить себе хоромы, а вместе с женою поселился в приказной избе, где до недавнего времени обитал получивший наконец-то свой собственный угол Черниговский. Жировать не жировал — ел то, что все едят. И особого отношения к себе не требовал. Считайте, говорил, что я такой же казак, как и вы, разве что чином повыше. А ведь думали, коль сын боярский, то будет жить на широкую ногу да на людей смотреть свысока. Ан нет. Вместо этого он устроил себе скромный быт, стараясь заботиться больше о других, чем о себе. Никакая просьба казаков и их близких не оставалась без его внимания. Где словом мог помочь, где делом.

Повезло нам с приказным-то, — стали говорить люди. То же самое мог сказать и Гермоген, с которым Толбузин быстро сдружился.

— Будто бы Бог нам его послал, — не раз повторял старец. — Много я их, начальных-то людей повидал за свою жизнь, и почти все они были ворами да разгульными. А этот не такой...

На Селимбе Толбузин тогда пробыл два дня. Всё присматривался к чему-то, всё прикидывал что-то в уме. Потом сказал:

— Быть здесь острогу пригоже. И хлебородные места есть, и есть где селить крестьян. А земли эти мы богдойцам не отдадим. Не для того мы сюда пришли. Ну а коль будут донимать нас — так побьём их зараз.

Вверх по Зее ниже речки Брянды, у озера Бабака тоже было поставлено зимовьё с «верхним боем». Прежде оно стояло на верхней Зее далеко от дороги и торговища. Посланный когда-то сюда Нерчинским воеводой казак Игнатий Милованов перенёс его на другое место — на дорогу к торговищу, где тунгусы и ханьцы обменивались товарами, одновременно запретив первым продавать соболей раньше, чем уплатят ясак Русскому Царю.

С тщаньем изучал Толбузин свои владения. Ему было важно знать, что собою представляют эти земли. Он видел, что вниз по Амуру и Зее было много хлебородных мест, где можно было расселить тысячи пашенных. Строевого леса да, там не было, но его можно было сплавить по Зее и Селимбе.

Вверх по Зее были горы. Поселившиеся в этих местах русские промышленные люди сказывали, что в них имелась железная руда и золото.

От устья Зеи до Албазина вверх по Амуру всюду попадались следы старых заброшенных пашен.

— Прежде тут жили дауры, — просвещал нового начальника Фёдор Опарин.

— Куда ж они все подевались-то? — удивился Толбузин. — Гляньте, какая здесь земля — такой в нерчинском краю и в помине нет.

— Да сбегли они отсель, — говорит Фёдор. — Так им Богдыхан велел. Вроде как решил казаков с голоду уморить. Правда, то давно было, почитай ещё при Онуфрии Степанове Кузнеце... Сперва своего-то хлебушка не было — всё у дауров покупали. А тут — раз, и не стало их. Пришлось самим пашню налаживать...

Возвратившись после долгого похода по Приамурским весям, Толбузин собрал круг.

— Да кабы знали вы, какие богатства тут стережёт! — сказал он казакам. — Какая здесь хлебородная земля, а какие сокровища таит она в себе!.. Знающие люди сказывали мне, что тут есть и железная руда, и золото, и ещё Бог весть что. А какие здесь леса! Сколько в них дичи, сколько пушного зверя... Тогда разве имеем мы право отдать всё это чужеземцам?

— Хрен им с перцем! — крикнул Игнашка Рогоза.

— Вот и я говорю о том же, — улыбнулся Толбузин. — Да, нас мало, но в нас есть дух крепкий и вера наша в Господа Иисуса Христа. Верно я говорю, казаки?

— А то! — раздаётся дружное в ответ.

— Ну коль так, будем трудиться, — произнёс приказной. — Перво-наперво нам нужно фортеции строить. Вижу, многое уже сделано, но ещё больше предстоит сделать.

— Пушечек бы нам поболее! — говорит кто-то из казаков.

— Пушки будут! — отвечает Толбузин. — Я только что получил письмо от Нерчинского воеводы. Тот говорит, что он уже послал нам оружие с зельем. Так что вскорости, я думаю, надо ждать обозы.

Только вряд ли поверили казаки воеводе. О них как будто забыли все. Мало того что они четыре года не получали от казны никакого жалованья, так им ещё и оружие не слали. Спасибо местным купцам, которые одни поддерживали казаков. В 1684 году албазинские торговцы купили на свои деньги семь пудов пороху и пять пудов свинцу и подарили их казакам. Понимали, что им, промышленному да торговому люду, никак не обойтись без ратной силы, ибо только с помощью её они смогут устраивать свои дела в Сибири.

Вот и сейчас надежда была только на торговцев. Однако Толбузин был уверен, что нависшая над Амуром смертельная опасность заставит и Москву, наконец, вспомнить о них

... На следующий день после того разговора Алексей Ларионович призвал к себе десятников.

— Вот что, казаки... — сказал он им. — Чтобы с этого дня я не видал ни одного пьяного и праздно шатающегося. Все должны быть трезвы и при деле. Так и передайте своим товарищам. И ещё скажите, что я не потерплю в войске своеволия и разброда. Каждый провинившийся ответит у меня сполна. И не ухмыляйтесь! — нахмутив брови, грозно произнес он. — Уж кто-кто, а я-то наслышан про вашу вольницу. Но с этого дня всё будет по-иному, вы слышите меня? Калёным железом буду выжигать из вас дурь. Царскою властью мне дано право казнить и миловать, и настоящее вы должны крепко запомнить. И не дай Бог кто-то пойдёт против моей воли — сам до смерти запорю!

Сказал он это решительно и твёрдо, так, что казаки даже нервно заёрзали на лавках и с опаской посмотрели на него. Ить надо ж! На вид вроде человек мирный, а поди ж ты...

Глава седьмая. Предвестие

Всю осень в тайге выли волки. В народе говорят, что такое бывает к сильному морозу или к войне. А то, что война будет, уже никто из албазинцев не сомневался. Заняв Амур от его устья и до реки Зеи, маньчжурь все свои взоры устремили к Албазину, все

чаще и чаще совершая набеги на уездные городки и селенья. От них страдали всё — и русские, и тунгусы. Бывало, что и на конные казачьи разъезды нападали — вроде как для остратки.

— Базгальничают¹, дьяволы! — глядя на это, говорил назначенный в тот год здешним воеводою Толбузин. — Ну ничего, вот придет подмога — тут уж мы им покажем, где раки зимуют. Надолго нас, сукины дети, запомнят! А пока сил у нас мало, нужно каждого ратного человека беречь. А вдруг завтра война?..

О том, что на Амур идёт целый полк казаков, Толбузину сообщил енисейский воевода. Наконец-то! — обрадовались албазинцы. А то ведь, не ровен час — богдойцы нагрянут. Опасения эти были неслучайны. Ещё прошлым летом Толбузин получил угрожающее письмо от богдыхана. Письмо это было написано на трёх языках — русском, монгольском и ханьском.

«Вы пришли на мою землю, моих ясачных людей изгоняете, у промышленных отнимаете соболей и запасы, — говорилось в нём. — Приняли Гантимура с товарищами. И много лет на моём рубеже делаете худо. Посему я, богдыхан, послал на вас большое войско. Но убить и погубить вас жалею. Бросьте делать худое: идите назад. Вот мои люди с Гантимуром во главе к вам сдались; я просил их назад и Спафарию об этом говорил. Но вы не понимаете этого и ещё хуже стали воровать: моих подданных ловите и жжёте на огне; так в прошлом году заманили вы моих людей в избу и сожгли. Албазинские и нерчинские люди, бросьте злое, отдайте Гантимура и уходите сами. И мы будем жить в любви и согласии. Но если вы добра не понимаете и станете жить на моей земле, то ни небом, ни землею вы не управитесь. Убить вас не желаю. А если идти вам далеко, придите ко мне, и я вас пожалую».

Прочитав письмо, Толбузин в тот же день отправил его с нарочным в стольный град.

Когда в Москве узнали, что богдойцы готовятся воевать Амур, там забили тревогу. Тут же вышел приказ, чтоб в городах тобольского разряда из Литвы, новокрещёных, конных, пеших казаков и стрельцов собрать полк в шестьсот человек. Новоприборным² выдали по пятьдесят рублей пособия и по ружью, которые были посланы из Москвы по зимнему пути. Чтобы доставить это войско в Даурию, всю зиму на тобольских стапелях тамошние мастеровые рубили дощаники. А когда весною вскрылись реки, новоприборный полк под начальством присланного из стольного града казачьего головы полковника Бейтона отправился в поход на далёкий Амур.

... Афанасий Иванович Бейтон, отправляясь в даурские земли, даже не предполагал, что в той стороне, где, как говорили ему, живут одни только дикари, его ждут великие испытания.

Впрочем, ему было не привыкать пускаться в опасные авантюры. Он вырос в небольшой деревушке на берегу Балтийского моря, некогда построенной немцами-колонистами, где большинство мужчин зарабатывали на жизнь ратною службой. При этом им было всё равно, кто им платит — французы, поляки, англичане или русские, — лишь бы в семье был достаток. Альфред Бейтон, ставший впоследствии Афанасием, пошёл по стопам своего отца, который много лет служил хорунжим в польском войске, где и погиб во время войны со шведами.

Когда Альфреду исполнилось восемнадцать, он тоже вступил добровольцем в польское войско и через пять лет дослужился до младшего офицерского чина. Однако ему повезло больше, чем отцу. Во время последней польско-русской войны он попал в плен и на аркане был доставлен в стан противника. Тогда-то он и попался на глаза русскому

¹ Базгальничать – дурить, шалить.

² Новоприборный – только что, недавно призванный, набранный (о войсках, рабочей силе и т.п.).

царю Алексею Михайловичу, который в тот час, сидя возле своего шатра на походном престоле, наблюдал за битвой.

— Кто таков? — спросил его государь.

— Их бин зольдат! — встав перед русским самодержцем во фронт, чётко ответил пленный, который, по всему было видно, понял его вопрос.

— Немчина что ль? — усмехнулся Алексей Михайлович. — Видал, видал, как вы с товарищами храбро бросались под наши пули... А ну спроси его, готов он перейти на службу к русскому царю? — неожиданно велит он своему толмачу.

— Их виль... — по-солдатски коротко отвечает на предложение царя Бейтон. И в самом деле, не всё ль равно кому служить? Лишь бы деньги платили. Да и нравятся ему эти русские. Храбрые, черти. Только бороды их косматые больно страшны.

— Вот и славно! — молвит царь. — Немчины они воевать-то умеют, — обращается он к свите. — Да и с теперешнею военной наукой они на «ты». Глядишь, чему-то и моих ратных людей научат... Отведи-ка, братец, его в конный полк к князю Голицыну — пусть поставит на казённый кошт, — приказывает он своему порученцу. — А ты гляди, не балуй! — погрозил он пальцем Бейтону. — Коль будешь верою и правдою мне служить — то и я в долгу не останусь. Как звать-то хоть тебя? — уже вдогонку звучит его голос.

— Бейтон... — не оборачиваясь, ответил Альфред.

— Ну Бейтон так Бейтон... — сказал царь и тут же забыл про пленного.

Однако мысль о том, чтобы привлекать на ратную службу германцев, не оставила его. После того, как русские дружины отбили у поляков Смоленск, он приказал выявить среди пленных всех немцев, а заодно и литовцев, из которых позже был сформирован отдельный полк.

Бейтон доволен был новой родиной. Он быстро рос по службе и к тридцати годам уже был казачьим полковником. За это время он потихоньку обрусел, принял православную веру и женился на русской. Даже бороду отрастил, как у тех стрельцов да казаков. Но самое главное он понял, что Русь — это его судьба. Что за неё надо драться, как за родную мать, не жалея живота своего. Поэтому все беды державы были и его бедами. Да, жизнь у служивого человека несладкая, однако за все эти годы он ни разу не усомнился в правильности выбранного им пути. Жаль только было жену и детишек, которым выпало всю жизнь ждать, когда он вернётся из очередного дальнего похода. Но что поделаешь? Казачья доля и не может быть иной... Вот и теперь домашние провожали его со слезами. А скоро ль он вернётся? И вернётся ли вообще? Ведь, чай, на край света идёт...

И в самом деле, Бейтон впервые отправлялся в такую даль. Когда ему сказали, что до Амура нужно добираться не один месяц, вначале приуныл. Однако, испугавшись, что его настроение может передаться другим, взял себя в руки и приобрёл прежнюю свою молодцеватость. И когда какой-то казак спросил его, куда они держат путь, бодро ответил ему, что идут они в сказочный край, где их ждут весёлые приключения. Только сам он вряд ли верил в эти свои слова. Послушав, что говорили вокруг люди, он понял одно: впереди их ждут великие испытания, ибо богдойский хан уже на весь мир объявил о том, что идёт воевать русскую землю.

Наступившая зима, как то предрекали бывалые люди, и впрямь выдалась суровой. Местные тунгусы сказывали, что раньше не было такого, чтобы птицы на лету замерзали. А тут вот случалось. Толбузин сам видел однажды, как к его ногам упала превратившаяся в ледышку синичка. Особо холодным был декабрь. Он начался с сильных метелей и закончился ледяной стужей. Спасаясь от неё, люди денно и нощно топили в избах печи. И всё равно холод лез из всех щелей, вынуждая албазинцев даже на ночь не снимать с себя тёплые одежды.

Несмотря ни на что, жизнь в Албазине шла своим чередом. Женщины по-прежнему пекли хлеба, стирали, готовили пищу, нянчили детишек, в то время как их мужья да женихи целыми днями пропадали в поле, осваивая ратную науку.

Больше всех в эти дни доставалось разведным людям. Тёмными морозными ночами они уходили за Амур, чтобы добыть новые сведения о противнике, или же отправлялись к Зее-реке, где сосредоточились большие силы маньчжуров. Бывало, пропадали по целым неделям. Возвращались чуть живые с обожжёнными ледяными ветрами лицами.

— Да где ж вас носило-то? — порой устав от долгих ожиданий, сердито спрашивал их Толбузин.

— Э, кусяин, ты, однако, не сердчай. Тунгус далеко ходи, к самый Чучар. Это птица быстро летай, а человека летай не умей. Потому тихо-тихо ходи, — отвечал Улуй.

— Ну, коль в Чучар, тогда ладно... Что ж, давай, докладай, — велит ему Толбузин, и тот начинает долго и обстоятельно рассказывать обо всём, что им с товарищами довелось видеть и слышать.

Ещё прошлой зимой Толбузин поставил Улуя главным над разведными людьми.

— А где те тунгусы, что пришли к нам с той стороны? — однажды собрав к себе десятников, спрашивает их воевода.

— Да где ж им быть-то? В поле, конечно... Выучку вместе со всеми обретают, — говорит ему Фёдор Опарин.

— А ну приведите-ка ко мне ихнего старшего! — велит Алексей Ларионович.

— Петька, будь добр, сгоняй за Улуем, — просит сына Фёдор. — Уж прости — ты у нас тут самый молодой...

Вскоре в избе появился Улуй.

— Вот что, старик... — усадив его на лавку, говорит воевода. — Я тут подумал и решил поставить тебя головой над моими разведными людьми. Ты человек бывалый, а к тому же хорошо знаешь все богдойские каверзы. Тогда кому как не тебе догляд за ними чинить? Ну, что ты на это скажешь? — спрашивает он тунгуса.

Тот сморщил лоб — призадумался.

— Однако, кусяин, Улуй хотеть мало-мало думай... — наконец отвечает он.

— Некогда... некогда, старик, нам раздумывать, когда враг на пороге!.. — нахмурил брови воевода.

— Хорошо, кусяин... Тогда твоя должен выполняй просьба Улуй...

— Ну, говори...

— Улуй сам хоти выбирай себе люди.

— Добре, — молвит воевода. — Сегодня же и определись с подручниками. Потому как завтра до первых петухов поведёшь их на ту сторону.

— Моя поняла, кусяин! — кивает Улуй своей седой косматой головой. — Ну, я уходи?..

— Иди-иди... — хлопнул его по плечу Толбузин. — А вечерком заглянешь ко мне — я тебе скажу, какие сведения меня интересует. Ты меня понял?

— Поняла, кусяин, хорошо поняла, — произнёс тунгус и пошёл к двери.

— Как вы думаете, не предадут нас эти тунгусы? — когда Улуй ушёл, спрашивает Толбузин казаков.

— Да ты что, Ляксей Ларионыч! — улыбается на всю ширину своих прокуренных зубов Фёдор Опарин. — Богдоец для них самый что ни на есть лютый враг, тогда что ж им нас предавать-то?

Толбузина, казалось, не убедили его слова.

— А я слышал, что и нашего брата они не шибко-то жалуют, — говорит он. — Пришли, мол, эти русские и всё у нас отобрали. И тайгу, и оленей, и соболей. В одном старом доезде я даже прочёл, что они нас людоедами назвали. Только почто так — никак не пойму...

— А тут и понимать нечего... — усмехнулся Черниговский. — Не знаю, правда то или нет, только, сказывают, сам атаман Поярков заставлял своих людей мертвяков жрать. Что ни говори, а сторона-то чужая. А тут харчишки кончились — что делать? Не помирать же с голоду. Вот и... — Он как-то тяжело вздохнул. — С тех пор и пошла слава по всем ордам и землям сибирским, что русские людей едят. Хотя первопроходец наш Поярков говорил, что жрать мертвяков он никого не принуждал. Однако когда отряд его с достальными¹ служилыми людьми продвигался вниз по Зее-реке, тамошние иноземцы к берегу их не припущали, называя погаными людоедами.

Толбузин покачал головой.

— Видно, пришлось хлебнуть мурцовки² нашим першим-то, — произнёс он.

— Знамо дело, — кивает головой Фёдор, раскуривая сигарку. — Першим оно завсегда тяжелей. Ить сколько ж людей нам пришлось положить, прежде чем закрепиться на этих землях! — сокрушенно проговорил он.

— А сколько ещё предстоит положить... — вздохнул Никифор.

Казачи притихли, погрузившись в тяжёлые думы. И то... Нынче-то пока они живы — а что будет с ними завтра? Что будет с их женами, детишками, стариками? Враг-то вон он, рядом... Притаился и теперь только ждёт удобного случая, чтобы поднять голову. И тогда... Но о том не хотелось и думать.

Однажды, не успели пропеть первые петухи, к Фёдору в дом явился вестовой Бориска Лежнёв и сказал, что воевода велит ему срочно прибыть в приказную избу.

— Чавой-то он в такую рань вздумал меня кликать? — потягиваясь в постели, недовольно спрашивает Опарин.

— Ну этого я не знаю, — пожал плечами Бориска. — Поднял меня чуть свет и велел за тобой бежать.

— Что ж, коль зовут, надо идти, — произнес Фёдор. — Наталья, а ну тащи мои портки!

Алексей Ларионович встретил Фёдора холодно. Даже сесть не пригласил. Он долго и пристально смотрел на него, прежде чем что-то сказать. Всё те же боевые шрамы на лице, все та же широкая улыбка и добрые глаза. Битый батогами, рубленный-перерубленный, меченый огнём тот, однако, не потерял тягу к жизни. И этим он был люб воеводе. Только отчего-то в этот раз Толбузин был не ласков с ним.

— Ну не томи, воевода, сказывай, зачем звал, — занервничал Опарин.

— Зачем, спрашиваешь? Аль не догадываешься? — говорит Толбузин, усаживаясь на скамью подле сбитого из листовых досок стола, за которым он и ел, и писал свои казённые бумаги, и людей принимал.

Фёдор напряг свои мозги, пытаясь вспомнить, нет ли за ним каких грешков, но так ничего и не припомнил. Грехи все его остались в далёком прошлом, и о них говорить теперь было поздно. Однако что-то насторожило его в голосе воеводы. Может, какую напраслину на него возвели? Или ж это Пётр, сынок его, в очередной раз что-то отмочил? После смерти жены он до сих пор не может прийти в себя. А тут еще Любка ему отставку дала — так что дурит казак, ох как дурит! То зальёт глаза и драку с кем-то учинит, то от службы начнёт отлынивать, а то и вовсе в тайгу убежит. За это воевода не раз сажал его под домашний арест, а в прошлом месяце за избиение приезжего купца так и вовсе в земляную тюрьму посадил. Целую неделю он там мёрз, проклиная всё на свете. Вышел оттуда — ни кровинки в лице и глаза пустые. Будто б из преисподней явился. Мать в слёзы. Да что же, сынок, ты с собой делаешь? Да забудь ты про всё и вернись к жизни. Ну разве можно так себя мучить?..

¹ Досталь — остаток, последок.

² Мурцовка — пустая похлёбка.

— Ну давай, казак, сказывай про свои подвиги... — опускаясь на лавку, приказывает вдруг Фёдору воевода.

О чём это он? — не понял тот. — Уж не Наталья ли ему пожаловалась на меня?

— Ты это про баб моих что ли? — спрашивает он Толбузина. — Ну да, каюсь — с двумя живу. Но рази ж то преступленье? Я ж ить их обеих люблю. Аль прикажешь бросить какую из них? Дык я не подчинюсь — так и знай!.. — насупил он брови.

Толбузин усмехнулся.

— К бабам твоим у меня интересу нету, — говорит он. — Мне нужно знать другое... Скажи, правда ль, что ты у поганца этого Стеньки Разина в сподручниках был?

У Фёдора похолодело в груди. Вон оно что! А он-то уж было решил, что история эта давно забыта. Оказывается, нет...

— Ну, что молчишь? — спрашивает его воевода.

— А что говорить? Ты и без меня всё знаешь, — усмехнулся Опарин. — Иначе б, полагаю, я не стоял здесь у тебя...

Он не ошибся. Ещё в начале зимы Верига через одного заезжего купчишку, привозившего на Амур мануфактуру, послал на него донос Нерчинскому воеводе, заодно обвинив и Толбузина, который якобы скрывает преступника. Пусть, мол, покрутятся — не одному ж мне в этой жизни страдать.

Прознав про донос, Толбузин тут же велел позвать Фёдора. Думал, тот начнёт юлить, оправдываться, ан, нет...

— Да, брат, плохи твои дела, — задумчиво смотрит он на казака. — Ты хотя бы знаешь, что за это тебе полагается?..

— А мне плевать — дальше Божьего порога всё равно не пошлют, — как-то нервно усмехнулся Фёдор.

— Дурак! — стукнул кулаком по столу воевода. — Прежде чем попасть на Божий суд, из тебя всю душу вытрясут...

— Так вели казнить, что ждёшь? — сжал зубы Опарин. — Но знай, я смерти не боюсь!

Его слова не на шутку разозлили воеводу.

— Рад бы казнить, да не могу! — вгорячах воскликнул он. — С такими, как ты, Москва разбор чинит...

— Ну тогда заточай меня в железо и отправляй куда след! — теряет терпение Фёдор.

Толбузин нахмурился.

— Не торопись — всему свой черед! — молвит он. — Вначале я допрос тебе учиню. А вдруг тебя оговорили?.. Хотя нет, ты ж сам признал свою вину... Значит, так и объявим всем, что преступника сыскали...

Он умолк, и в избе стало тихо. Так тихо, что слышно было, как за печкой шебаршатся мыши.

— Да ты не гневайся, воевода, давай лучше поговорим рядком, — неожиданно предлагает Фёдор. — Ить то ж когда было! А ноне другие времена...

Толбузин покачал головой.

— Нет, брат, таким, как ты, вечный сыск велено чинить. Так что до конца жизни ты у нас будешь именоваться вором и преступником. Ты понял меня? — спрашивает он казака.

— Да не пужай — пужаные уже! — не сдержался вдруг Фёдор. — Ежели хочешь знать, я давно искупил свою вину перед Царём. Живота своего не жалел, защищая от ворога поганого нашу Русь-матушку. А ты... — Он отчаянно махнул рукой.

— Знаю, наслышан, — говорит воевода. — Однако не подчиниться Царскому указу не могу.

— Значит, в стольный град, к этим живодёрам из Тайного приказа отправишь?.. — глухо произнёс Опарин. — Что ж, воля твоя!

— А ты чего хотел? — хмурит брови Толбузин. — Не надо было с преступниками якшаться...

Глаза казака вдруг наполнились какой-то неведомой грустью.

— Эх, Ляксей Ларионыч, Ляксей Ларионыч! Да много ль ты знаешь про жизнь? — Он махнул рукой. — Ладно, в Москву, так в Москву... — неожиданно проговорил он — Только есть ли в том нужда?

— Что, испугался? — усмехнулся воевода.

— Да не об этом я... У тебя ж ноне каждый ратник на счету, а ты... Аль боишься, что сбегу? — спрашивает Фёдор. — Так ведь стар я для того, чтоб по лесам-то бегать. А вот в ратном деле еще сгожусь...

Толбузин призадумался. Видно, не знал, как ему поступить.

— Ладно, ты пока иди, а я решу, что с тобой делать, — говорит.

С тяжёлым сердцем выходил Фёдор от воеводы. Кто ж это шепнул ему на меня? — терялся он в догадках. Черниговский? Так не мог он... Не тот он человек, чтоб своих выдавать. А что ежели это Наталья?.. Но нет, та даже в великой обиде своей не станет этак погано мстить ему. Может тогда Ефимка?.. Но ведь он слово ему давал, что не будет больше строить ковы¹ людям. Но да можно ль верить ему?.. Хотел было допрос ему учинить, да передумал. Ладно, мол, разберёмся. Как бы мышь не пряталась, одно коту в лапы попадёт...

А ночью за Фёдором пришли сподручники воеводы и увели его в темницу.

— Ты там молись, Феденька, — говорила ему вслед Наталья. — Больше молись... Глядишь, и простит тебя Бог.

Бог-то, может, и простит, да только не Царь и не его бояре... — подумал Фёдор. — Лютые они больно, эти чиновные. А ведь на них больше грехов, чем на мне. Кто на Руси первые воры? Они! А меня ещё спрашивают, почто я к Разину подался. Вот потому и подался, что не мог больше смотреть на то, как власть московская великими грехами грешит. Потому и стал с этих греховников шкуру спущать...

О том, что отца посадили в темницу, Пётр узнал в тот же день и пришёл в ярость. Ить что ж они делают, собаки! Самого прославленного казака да в тюрьму? Нет, не дам родному батьке сгнить заживо!

Хватив жбан ханьской рисовки, он помчался к воеводе.

— Ты что творишь, дядя?! — ворвавшись в приказную избу, где в это время Толбузин принимал тунгусских князей, зарычал он. — А ну тотчас же вели выпустить моего родителя! Не то я не ручаюсь за себя...

Воевода не ожидал такого поворота событий, потому вначале растерялся, увидев бешенные глаза молодого казака.

— Да ты не кипятись, парень, — чтоб успокоить Петра, этак ласково произнёс он. — Вот переговорю с людьми — тогда и тебя выслушаю. А ты пока иди, займись делом. Неча тут торчать... Да не бойся, ничего с твоим отцом не станется...

Но Петра уже было не остановить.

— Говорю тебе, выпусти родителя моего! — наступает он на воеводу. — А не то... — С этими словами он сжимает рукоять клинка. — И не посмотрю, что ты сын боярский!..

Толбузин побагровел.

— Да ты пьян, сучий выродок! — вскричал вдруг он. — Али не слыхал про мой приказ?

— Ты это о чём, барин? — не понял парень.

¹ Ковы – козни.

— А о том, что я запретил всем острожным в будни балахрыстить¹ и пить горькую. Пшёл вон, собака, пока я не позвал своих людей! — указывает воевода Петру на дверь.

— И не подумаю! — упёрся тот. — Пока не выпустишь тятеньку — не уйду.

— Ах так!.. — Толбузин бросился к двери. — Эй, кто там? А ну быстро сюда! — толкнув её ногой, кричит он.

Тут же в избе появились четверо казаков, верных сподручников воеводы, с которыми он прибыл из Нерчинска.

— А ну, ребята, спровадьте-ка этого соколика из избы! — приказывает он им. — А брыкаться будет — бока намните... А то ишь разошёлся!

Казаки бросились выполнять его приказ, однако не тут-то было. Первым же ударом Петр уложил на пол одного из них, затем второго, а вот с двумя другими, рослыми сильными казаками, пришлось повозиться. Но и их бы он в конце концов одолел, кабы не толбузинский лакей, что предательски ударил его сзади тяжёлой ослопиной по голове.

— А ну тащите его в темницу! — велит воевода сподручникам, указывая взглядом на распростёртое у его ног тело Петра. — Там уже сидит один Опарин — вот и этого туда же. После решу, что с ним делать. Ну а с Фёдором у нас особый разговор. В Москву его отправлю, в Тайный приказ. Пусть там решат, что с ним делать... — Он перевёл дыхание. — Говорят, кроме него, тут ещё государственные преступники имеются. Ну с ними, придёт час, я тоже разберусь...

Когда Фёдор увидел сына, удивился.

— А тебя-то за что, сынок? — спрашивает он.

Тот, прежде чем ответить, вытер рукавом кафтана залитое кровью лицо и огляделся. Здесь всё ему было знакомо. И эти уходящие глубоко вниз прокопченные дымом арестантских костерков бревенчатые стены, и этот низкий заплесневевший скат с лазом, что нависал над пахнущим сыростью и гнилью холодным узким пространством, и это сумеречное безмолвие, в котором притаилась вечная беда...

— Пришёл к воеводе за тебя просить, так тот своих псов на меня натравил, — подстелив под задницу соломки и усевшись рядом с отцом на земляной пол, проговорил Пётр. — У, злыдень! Ну ничего, я ему это припомню...

— Брось! — пытается унять его Фёдор.

— Да ты что, батя? — с удивлением посмотрел на него сын. — Разве можно ему простить такое? Али не он нас в темницу бросил?

Фёдор покачал головой.

— Ляксей Ларионыч ни в чём не виноват, — произнёс он. — Коль заслужили — надо терпеть.

Пётр начинает горячиться.

— Да в чём же наша вина? — спрашивает он. — Ладно, я уж не говорю про себя, ну а тебя-то за что?.. За то, что с воеводой не поладил?

— Кто это тебе такое сказал? — удивился Фёдор.

— Мамаля — кто ж ещё? — отвечает сын.

Федор усмехнулся.

— Да не за то я тут сижу, сынок, — говорит он.

— Не за то? Тогда за что ж?.. — не понимает Пётр.

Отец не сразу ответил. Вначале решил найти подходящие слова, чтобы не испугать сына. Однако ничего из этого у него не вышло.

— В Москву, сынок, меня скоро повезут, — наконец произнёс он.

— Это ещё зачем? — удивился Пётр.

— Царским судом судить будут... — невесело проговорил отец.

— Как?.. — испуганно глядит на него Пётр.

Ну вот и напугал парня, подумал Фёдор. А надо ль было?

¹ Балахрыстить – бездельничать.

— Старые грешки мои припомнили, вот и... — Он тяжело вздохнул и посмотрел на сына. — Скажи, ты случаем никому не говорил, что я у Разина в сподручниках был? — неожиданно спрашивает он его.

Петр в отчаянии.

— Да ты что, бать! — воскликнул он. — Разве я мог это сделать?.. Да я скорее язык себе отрежу...

— Ну а Тимоха?.. Он-то ведь тоже знал, что я был на Дону...

— И тот не мог проболтаться, — уверенно заявляет сын.

— Ну, может, все ж где хвастанули перед дружками? — продолжает допытываться Фёдор. — Ты вот нынче пьянствуешь, ну а у пьяного язык, что помело. Тогда как мне тебе верить?..

Эти слова задели Петра за живое.

— Упрекаешь? — насупил он брови.

Фёдор усмехнулся.

— Дурака упрекать, что со свиньёю по душам говорить, — произнёс он. — Ладно, что уж тут думать. Коль случилось, так случилось. Буду перед Царем да Богом ответ держать. Авось кто из них и простит...

Глава восьмая. Огненные ветры

А беда приближалась... Чужа это, Толбузин усилил разведные действия. И теперь Улуя и его людей редко кто видел в Албазине. Бывало, собравшись в стаю, выведчики¹ тихо уходили на заре за реку или же, оседлав коней, гуськом устремлялись таежными тропами в сторону Зеи-реки, где в последнее время скопилось множество богдойских боевых дружин. Возвращались они обычно с плохими новостями. Чаще всего говорили о том, что маньчжуры всё ближе и ближе подступают к границе и что, не ровен час, они скоро появятся у стен Албазина.

— Надо укрытия строить, — как-то, призвав к себе десятников, говорит Толбузин. — Начнись война, народу-то, чай, в остроге немало соберётся.

В тот же день всё мужское население Албазина отправилось на работы. Одни ушли в тайгу лес рубить, другие долбили мёрзлую землю и рыли ямы под укрытия, третьи обшивали стены будущих землянок брёвнами и строили скаты. Позвали на помощь и слободских, которые безропотно последовали призыву. Знали, что острог — это единственное место, где можно будет укрыться от богдойских стрел.

Зима, мороз лютый, а с людей пот катит.

— Швыдче²! Швыдче! — звучат голоса десятников. — А ну не стоять!.. Эй, вы там — кончай перекур! Ноне каждая минута дорога...

Тяжело ступая по глубокому снегу, лошади тащат из лесу гружёные брёвнами сани.

— Пшёл! Пшёл!.. Давай-давай, милай! — машут кнутами слободские мужики.

Кажется, весь мир в трудах. От работ освобождены только караульные и те, кому подошла очередь идти в дозор. И лишь Фёдор Опарин со своим старшим сыном по-прежнему томятся в темнице.

— Эй, сторожевой! — звучит из глубокой холодной ямы простуженный голос Фёдора. — Ты хоть скажи, что там деется? Отчего народ суетится вокруг?

— Да прикопы они строят, — отвечает тот. — Ить скоро весь уезд здесь соберётся.

— Неужто война? — с тревогою в голосе молвит старый казак.

— А кто его знает! Говорят, что будет...

¹ Выведчик – выведывальщик, выпытчик, выведыватель.

² Швыдче – быстрее.

Фёдор смачно выругался.

— Ну вот, люди к войне готовятся, а мы тут сиди!.. А ну давай, зови воеводу! Хочу с ним говорить... — требует он.

— Не велено, — отвечает караульный.

Из уст Фёдора вновь вылетает смачное словцо.

— Ну, погоди у меня! — погрозил он кулаком стоящему над его головой казаку. — Вот выберусь отсюда — чучело из тебя сделаю! И будешь ты в моем огороде ворон пугать. Так и знай!..

— Ладно, Фёдор, уймись! — звучит в ответ. — Я ведь подневольный человек. Что скажут, то и делаю.

Фёдор хватается за голову.

— И-их! — выходит стоном его печаль. — Слышал, Петруха, как со мной, старым казаком разговаривают? Да неужто я этого заслужил?.. Говорю тебе, зови воеводу! — вновь обращается он с требованием к стоящему наверху казаку.

А в ответ все то же:

— Не положено!..

— Ну хоть жонку мою позови, аль и этого нельзя? — шумит Фёдор.

— А на кой тебе она? Сидишь в яме — вот и сиди, а сторонним неча тут делать, — отвечает казак.

— Да ты пойми, дурья твоя башка, что нам с ней никогда уже не свидеться. А я должен ей кой-какие наказания дать... Ну что ты, ей-Богу, молчишь?.. — не услышав ответа, спрашивает его Фёдор. — Эх, ты, зверюга! И откуда ты такой взялся-то?

— Нерчинские мы... — подкуривая сигарку, произнёс вдруг охранник.

— Недавно что ль прибыл?

— Ну...

— Что ж, оно и видно, что не нашенский, — вздохнул Фёдор. — Наш бы послушал меня...

Дальше вести разговоры было бессмысленно.

— Ну тогда хоть табачку нам дай. Свой-то ещё утром кончился, — просит караульного Фёдор Петрович.

— Это можно... — говорит караульный. — Я вам щас кiset спущу, только, чур, всё не забирайте. Мне ведь ещё долго тут на морозе топтаться — как я тогда без табаку? Он ведь и голодный желудок обманет, и душу согреет...

И всё ж Фёдору удалось переговорить с воеводой. Только это случилось на следующий день, когда охранять Опариных выпало Карпу Олексину. Тот и привёл к нему Толбузина.

— Ну, что хотел-то? — склонившись над лазом, спрашивает Фёдора воевода. — Да говори поскорей, а то ведь у меня дел невпроворот.

— Здорово, Ляксей Ларионыч! — поднявшись в рост, начал с приветствия старший Опарин. После долгих дней сидения в этой норе он так ослаб, что едва держался на ногах.

— Здорово-здорово... — буркнул Толбузин.

— Я слышал, богдойцы на Албазин войною идут, — говорит Фёдор. — Так ты б выпустил нас — чего нам здесь попусту томиться? Аль лишними тебе будут два клинка? Ну, что молчишь-то?..

Толбузин покачал головой.

— Нет, Фёдор Петров, тебя я не могу отпустить. Ибо ты для нас есть государственный преступник, — заявляет он. — Вот освобонимся чуток — и я тебя в Москву отправлю.

Фёдор в отчаянии.

— Да нельзя мне щас в Москву! — звучит его хриплый голос. — Нельзя, понимаешь? У меня ведь тут целая армия родовой — кто их защищать-то будет? Вот одолеем богдойца — тогда и вези меня, куда хошь...

— И не уговаривай!.. — говорит воевода. — Коль натворил дел — отвечай... А с богдойцами мы и без тебя управимся.

— Ну что ты за человек! — бросил в сердцах Фёдор. — Говорю ж тебе, я не сбегу. Куда мне бежать, ты подумал? Здесь мои дети, жена... Ну же, Ляксей Ларионыч, не гневи Бога, одумайся...

— И не проси, — стоит на своём воевода.

— Тогда хоть сынка моего отпусти. Что ему тут от безделья сохнуть? Али и он для тебя преступник?

Толбузин некоторое время о чем-то думает.

— Нет, и его не опущу, — говорит вдруг он. — А то еще натворит дел. Шибко горячий он у тебя. Давеча так моим людям поддал — до сих пор опомниться не могут...

— Значит, и его не отпустишь?

— Нет!

— Ну да Бог тебе судья! — махнул рукой Фёдор. — Прощай, воевода, когда-нибудь ты ещё пожалеешь о том, что не выпустил нас с сыном из темницы... Вот чудак-человек! — покачал он головой. — Жалуется в Москву, людей у него мало, а сам последних в яму холодную бросает. Негоже это, Ляксей Ларионыч, ей-Богу, негоже...

Весь этот разговор слышал Карп Олексин.

— Слышь, Фёдор Петров... — дождавшись, когда уйдет воевода, обратился он к старому товарищу. — Я так думаю, тебе нельзя здесь оставаться. Заживо сгниёшь. А кто нас с товарищами в бой поведёт?.. Короче, как только стемнеет, я вам верёвку сброшу — и давайте, дуйте в тайгу. А там сами смотрите... Хотите — вместе с нами богдойцев воюйте, а нет — так уходите на Дон...

Фёдор тяжело вздыхает.

— Что ж, воля она, брат, и впрямь самая потребная вещь для человека... — молвит он. — Однако есть кое-что на свете и подороже её...

— Да ну! — не верит ему Карп. — Быть такого не может... По мне, так краше воли нет ничего.

— Есть, есть — и не спорь со мной...

— И что ж это?

— Не знаю... Но оно вот тут сидит! — бьёт себя кулаком в грудь Фёдор. — И болит, и болит...

Карп примолк. Видно, пытается понять его.

— Я как погляжу, ты не собираешься вылезать из ямы... — наконец обращается он к товарищу..

— Верно... — устало прохрипел Фёдор. — Разве что сынок мой решится...

— Ты что, бать! — смотрит на него с укоризной Пётр. — Да разве я оставлю тебя одного?.. Послушай, а может, и впрямь сбежим? А там будь что будет!

Фёдор протянул свои озябшие руки к тлеющим на земле углям. Он молчал. Однако по выражению его лица было видно, что он уже принял решение.

— Ну тогда и я остаюсь... — подсев поближе к костерку, проговорил Пётр. — Давай, бать, доставай табачок — перекурим это дело. Глядишь, и на душе веселей станет.

Отец вынул из кармана суконной поддевки кiset, что ещё утром передал им Карп.

— Что ж, давай закурим, — мрачно произнёс он. — А то завтра, может, и не придётся уже...

Через неделю Толбузин всё ж таки велел выпустить Петра из темницы, наказав тому бросить валять дурака и заняться делом. А ежели, мол, ты, сукин сын, ослушаешься меня, так я велю войсковому палачу принародно снять с тебя портки и выпороть

нагайкой. А коль и это не поможет — отошлю вместе с отцом в Москву, в Тайный приказ, где умеют таким, как ты, вправлять мозги.

Выйдя на волю, Пётр первым делом освободился от душевных оков, выпив зараз чуть ли не полведра браги. Отоспавшись, стал думать, как помочь отцу. Первым делом он подбил старых казаков, чтобы те замолвили слово за его любимого родителя. И те ходили к воеводе, упрашивали. Напрасно. Тот упёрся, словно бык, и ни в какую. Как Москва, говорит, решит, так и будет. Да он бы уже давно отправил Фёдора в стольный град, но у него не было лишних людей, чтобы сопроводить колодника, потому как всё его немногочисленное войско днём и ночью занималось тем, что готовилось достойно встретить врага. Толбузин был знаком с новейшими достижениями инженерной науки и потому пытался на ходу перестраивать крепость. И, наверное, это бы ему в конце концов удалось, если бы в начале лета у албазинских стен не появилось многотысячное богдойское войско.

О том, что богдойцы уже совсем близко, первым объявил Толбузину, возвратившийся в начале июня 1685 года из разведки, Улуй.

— Ой, кусяин, беда! — влетев в приказную избу и даже не отдышавшись от быстрого бега, воскликнул тунгус. — Маньчжу идёт... много человека... Война будет, большой война!..

В это время Алексей Ларионович сидел за столом и сочинял письмо нерчинскому воеводе Ивану Власову. Когда Улуй сообщил ему страшную весть, у него похолодело в груди.

— Ты давай-ка присядь и всё мне обстоятельно обскажи... Где ты видел манзуров, много ль их там, что у них за оружие?.. Ну же, я слушаю! — едва сдерживая волнение, проговорил он.

И тогда Улуй поведал воеводе о том, что вверх по Амуру на них движется огромное войско — до сотни бус¹ по пятьдесят человек на каждой. Остальные, а их тысяч десять не меньше, идут сухим путём — кто на лошадях, кто на верблюдах, а кто и пешим строем. При них обозы с продовольствием и снаряжением, полевая артиллерия до ста пушек, не считая осадных орудий. Маньчжуры рушат и жгут всё, что попадает на их пути, — острожки, деревни, крестьянские заимки. И нет от них спасения.

— А есть ли при них ружья? — спрашивает воевода.

Оказывается, ружей у богдойцев было негусто. В основном только то, что ещё недавно было в руках казаков, павшим при защите русских селений. Так что, как и прежде, большая часть цинского воинства была вооружена мечами да луками.

А вот в пушках богдойцы не испытывали недостатка. Часть артиллерии они унаследовали у сокрушённой ими династии Мин, которую снабжали оружием португальские миссионеры, часть уже на месте отлили им находившиеся в Поднебесной и пользовавшиеся покровительством самого императора голландские иезуиты, которых возглавлял некто Фердинанд Вербист. Европа со страхом следила за продвижением русских на восток и потому делала всё, чтобы остановить их. В то же время сама не упускала случая, чтобы распространить свое влияние на азийские земли.

— Значит, говоришь, много их там? — выслушав тунгуса, задумчиво произнёс воевода.

— Ой, много, кусяин! Так много, как комар в тайга, — сокрушённо качает головой Улуй.

— И как долго им ещё идти до нас?

— Однако, кусяин, севодни их не ожидай, разве что завтра к ночи... — что-то прикинув в уме, отвечает тунгус.

¹ Бусы — остроносые, круглодонные суда с одним или двумя парусами грузоподъемностью до 200 тонн, изготовлявшиеся в XVI–XVII веках.

— Так скоро? — удивился воевода. — А ну, что уши-то развесил? — обратился он к притаившемуся в дальнем углу порученцу Кешке Воробью. — Давай, собери мне десятников!.. Да поживее! И чтоб старшины промышленных да ремесленных людей были.

— А как с монастырскими-то быть? — напуганный страшной вестью, растерянно спрашивает молодой казак.

— И слободского старосту зови!

... Ударили в железо. Следом громозвучно зазвонил колокол, наполнив тревогою всю округу. И тут же со всех сторон к острогу устремились люди. Беда!

— А может, пронесёт? — узнав, зачем их призвал воевода, молвит с надеждой сидевший подле Толбузина за большим столом казачий десятник Матвей Кафтанов. — Может, как бывалочи, только попужать придут?

Толбузин покачал головой.

— На это раз всё сурьезнее, — произнёс он. — Просто так тьмою в поход не ходят.

— А неужто их там и впрямь тьма? — не хочет верить кто-то из десятников.

— Бери больше!.. Ежели Улуй не врёт, то их там все пятнадцать тыщ будет... Ну, решайте, что будем делать... — обращается он к казакам. — Скажете уйти — уйдем, а нет, так бой примем... Но только помните, что нам с такою оравой не справиться.

Казаки примолкли, сурово уставившись на воеводу. Трудное решение им сейчас предстоит принять. Впрочем, воеводе и того тяжелей. Вон как осунулся-то... Считай, на добрый десяток лет в одночасье постарел. И это неудивительно. Ведь человек оказался в такой ситуации, когда одно его слово могло решить участь многих сотен людей. Более того, впервые в жизни он должен был принять решение, от которого зависела дальнейшая судьба всего амурского края, а значит, судьба всей Московской державы. Оттого и не торопился Толбузин взять на себя всю ответственность за это решение. Посчитал, что прежде должны высказаться сами люди.

— А что тут решать? Драться будем! — нарушив тишину, первым подаёт голос Пётр Опарин. — А там, может, и подмога придёт.

— Да послали к нам людей... Только что-то уж больно долго они идут, — с явной досадой в голосе произнёс Толбузин.

— А кто ж такие? Нерчинские что ль? Так у них у самих воевать некому. Старый Фрол да Васька-богомол — вот и всё войско, — усмехнулся казачий десятник Иван Усов.

— То не нерчинские, — говорит Толбузин, — то из тобольского края к нам люди идут. О том мне из Енисейска отписали.

— И сколь же их? — интересуется Мишка Ворон.

— Да, почитай, целый полк, — отвечает воевода. — А это шестьсот голов — не меньше. А ведёт их полковник... Как его ж там?.. — сморщил он лоб. — Бертон?.. Хотя нет, вроде как Бейтон... — наконец вспомнил он.

— Не русский, что ль? — спрашивает старшина промышленников Андрей Морозов.

— А кто ж его знает? — пожал плечами Толбузин.

— Ну-ну, поглядим, что за птица, — невольно пробурчал Пётр. — Наши-то они надёжнее... Хотя и среди нашего брата поганцев хватает... Послушай, Ляксея Ларионыч, — неожиданно обращается он к воеводе. — Коль дело приняло такой оборот, выпустил бы ты моего батьку-то. Что ему в яме сидеть? Он тебе на воле больше пригодится. Аль не знаешь, каков он в бою?..

Большой, суровый, решительный, он смело глядел воеводе в глаза, даже не думая заискивать перед ним.

— Верно говорит Петька! — несётся со всех сторон. — Пуцай Фёдор острог защищает! Он ведь один дюжины богдойцев стоит. Выпускай!

— Ляксея Ларионыч, послушай народ! — обращается к воеводе Черниговский. — Ты ведь одно не успеешь Федьку в Москву отправить. Так что пусть вместе с нами воюет...

Толбузин напрягся.

— Вы что!.. Неужто не понимаете, что ваш Федька — государственный преступник? — срывается он на гнев. — А ты... — Это он Никифору. — Ты сам такой же тать, оттого и просишь за него!

Черниговский не ожидал такого.

— Меня Царь помиловал! — с силою стукнул он кулаком по столу. — И потому неча меня упрекать... И вообще, если хочешь знать — здесь нет праведников. Тут всякой твари по паре... Ткни пальцем — точно на бывшего вора аль каторжного попадешь. Но, знай, эти люди, хоть и грешники, однако за Державу каждый из них готов жизнь свою положить. Так что не возводи напраслину, воевода...

Толбузин замотал головой.

— Всё равно не могу вашу просьбу исполнить! — говорит он. — Я человек государственный, а посему должен поступать по закону. И хоть режьте меня!..

— Да что ты, ей-Богу! — сокрушённо бросил Никифор. — Тебе какой-то гад нашептал на человека, ты и рад стараться... Говорю же, отпусти Фёдора...

Нет, и на сей раз не удалось казакам уговорить воеводу. И даже слово Гермогена в Федькину защиту не помогло. Ты, говорит ему Толбузин, занимайся своими делами, а мирские дела дозволю мне вести. Мол, лучше скажи, как нам быть — уйти аль остаться на верную смерть?

— Ты, батюшка Ляксей Ларионыч, не серчай на меня за Фёдора, — прежде чем ответить на его вопрос, сказал старец. — Но я ведь лучше твоего его знаю. Да, грех на нём лежит великий, ибо он поступил супротив закону, но да ведь грех и беда на кого не живёт? Он давно искупил свою вину и перед Господом, и перед властью. Однако я вижу, тебе этого не понять... — нахмурился он. — Что же касася басурманов... Оно, конечно, жалко своих людей-то губить, но что делать? Здесь ведь дух наш русский, земля наша родная, тогда пошто уходить-то мы должны?.. Воевать будем поганых.

— Воевать! Воевать! — зазвучали в избе голоса.

— Ну коль так, будем воевать, — встав из-за стола, жёстко произнес Толбузин. — Тогда благослови нас, отче...

Все, кто был в избе, тут же поднялись с мест, чтобы молча пережить торжественную минуту. И лишь нечаянный женский всхлип где-то в соседней горенке нарушил эту возникшую не вдруг суровую тишину.

— Благославляю вас, дети мои, на подвиги во имя Отчизны нашей! — осенив присутствующих крестным знаменем, произнёс Гермоген. — Пусть же не дрогнет ваша рука, занесённая над главою кровавого ворога... Аминь!

Когда Гермоген в сопровождении пребывавшего в те дни в монастыре сомолитвенника старца Соловецкого монастыря Тихона, входившего в Даурскую духовную миссию, и священника Максима Леонтьева вышли, Толбузин тут же велел казакам идти домой и собирать своих жён и детей в дорогу.

— Пушай идут в Нерчинск, ибо тут им опасно оставаться, — сказал он. — Как уйдут — жгите дома... Неча врагу добро-то оставлять. И ты, староста, вели своим бабам, чтоб брали детишек и уходили, — обращается он к рослому пашенному Игнатию Малахову, которого лишь недавно соседи избрали своим головой вместо упокоившегося старика Иевлева. — Мужиков же гони сюды. Мне люди завсегда нужны. Но прежде заставь их пожечь свои избы... Что приуныл-то сразу? — увидев, как потухли глаза Игнатия, спрашивает он его. — Ничего, вот прогоним поганых, тогда и отстроимся заново.

— А как быть с хлебами? — тяжело вздохнув, спрашивает Малахов. — Уж больно они ноне дружно у нас взошли. Может, не станем торопиться?.. — с мольбою смотрит он на воеводу.

— И хлеба жгите, — отчаянно машет рукой Толбузин.

— Ляксей Ларионыч! Не дело это... — вступается за крестьянина Черниговский. — Аль ты ужо приговорил нас к смерти?.. А нет, так подумай: ведь без хлеба останемся!

— Да ты... — хотел было тот заткнуть казаку рот, да не решился. — Ладно, чёрт с вами — оставляйте свои хлеба... Всё равно от них манзурам проку мало — были б зрелыми...

Когда Пётр передал матери слова Толбузина, она воспротивилась. Мол, и не подумаю бежать.

— Эх вы, как же вам не стыдно! А ещё казаки называются... — вместо того, чтобы собираться в дорогу, стала выговаривать она сыну. — Вы что, в силы свои не верите?

— Верим, мамань, как не верить? — пытается за всех казаков оправдаться перед матерью Пётр.

— Ну а коль так, отчего ж вы баб-то с детишками на Шилку отправляете? Вы ведь защитить нас должны... — продолжает наседать Наталья. — Да и пригодятся вам бабы. Кто вам завтраки будет готовить да ужины? А раненых кто будет выхаживать?.. Нет, сынок, никуда я не поеду. Я жить жена казака, а та должна при муже быть...

— Так иде твой муж?.. Иде? — вспыхнул вдруг Пётр.

— Ну, в яме он. Тем паче я должна рядом находиться, — говорит Наталья. — Давай-ка, Петенька, с Аришкою деток твоих отправим. А я останусь...

Но и Аришка наотрез отказалась покидать Албазин. То же было и с другими бабами. И лишь небольшая часть из них согласилась идти в Нерчинск.

В крепости суета. Сбежавшийся за её стены народ не знает, куда себя деть.

— А ну не стоять без дела! — громко звучит голос воеводы. — Эй, там, а ну готовь котлы... А вы хворосту наносите-ка из лесу, да побольше смолья! Будем костры жечь да смолу курить. Авось, сгодится...

Что до казаков, то тех не надо было подгонять. Кто-то из них, не дожидаясь команды, уже занял места на крепостном валу, другие — у нижнего боя. Молча и сосредоточенно колдуют возле своих пушек пушкари.

— Эй, Иван! — кричит десятнику Усову Черниговский, которому Толбузин как старому опытному вояке доверил быть своим помощником. — А ну пошли двух человек в гранатный погреб — пушай выкатывают бочки с зельем. Порох-то под рукой нужон, а не в земле... А ты, Петруха... — это он к попавшемуся ему под руку Опарину, — давай-ка собери всех, кто не при деле, и дуй вместе с ними наверх.

— Так ить у меня свои люди там на валу сидят, — удивлённо посмотрел на него молодой десятник.

— Вот и ладно! А эти в помощь тебе будут, — говорит Никифор. — Ружей у нас лишних нет, да и сабель тоже, так что пушай берут с собой топоры да рогатины и воюют вместе с вами.

— И слободских туда же? — спрашивает Пётр.

— А то!.. Не прятаться же им, ей-Богу, вместе с бабами в землянках...

Пётр быстро пошарил глазами округ и, завидев своего давнего знакомого Захарку, который, откликнувшись на тревожный призыв колокола, примчался вместе со всеми слободскими в крепость, крикнул:

— Эй, ты!.. Слухай, что я тебе скажу... Бери своих дружков и дуй за мной...

— Ещё чего захотел! Я сам с усам! — огрызнулся тот.

— А ну не перечь начальству! — замахнулся на него нагайкой Пётр.

— Что, Петька, гляжу, не хочет тебя этот лещ слухаться... Так мы его быстро по законам-то войны в покойники определим!.. — пригрозил слободскому Черниговский.

Услышав это, Захарка этак зло сплюнул наземь, однако подчинился.

— Сенька! Родька! Ивашка! А ну подь сюды!.. — кричит он товарищам.

— То-то же! — усмехнулся Пётр. — Давайте, берите в руки что-нибудь потяжелее — со мной на стену пойдёте...

— Это ещё чиво? — недовольно буркнул Ивашка.

— А того! — передразнил его Пётр. Он не забыл, как эти молодые мужики, в то время бывшие ещё подростками, не давали ему проходу, когда он встречался с Любашкой. — Запомните: с этой минуты я ваш начальник, и меня слушаться надо. Не то... — он положил руку на рукоять сабли. — Короче, глядите у меня...

Лицо у него чёрное от загара и потное. Мокрой от пота была и его рубаха. Он разгорячён и взволнован. И то: ведь ему никогда ещё не приходилось участвовать в настоящей войне. Всё, что было раньше, — это так, семечки. Теперь же его ждут великие испытания.

Неожиданно из-за спины Захарки показалось до боли знакомое ему женское лицо. Любашка! — ёкнуло его сердце. Хотел было поприветствовать её улыбкой, однако, вспомнив что-то, тут же попытался взять себя в руки.

— Ты куда это моего мужа забираешь? — настороженно смотрит она на казака.

— Куда-куда — на кудыкину гору! — нахмутив брови, буркнул тот. У него ещё не прошла обида на эту женщину, которая стала причиной многих его бед.

— Назад-то хоть вернёшь? — встретившись глазами с бывшим возлюбленным, неожиданно игриво спрашивает она.

— Коли Бог не приберёт его к себе, то верну, — жёстко произнёс он.

— Вот и договорились... — улыбнулась Любашка. — А ты что б там под пули не лез, понятно? — наказала она мужу. — А то с кем я буду дитя растить?..

Захарка поморщился.

— Да будет тебе!.. — буркнул он. — Что со мной может случиться? Щас вот побьём манзуров — и домой...

Ишь, храбрец нашёлся! — усмехнулся в душе Пётр. — Хотя это хорошо, что не думаешь о смерти... Однако посмотрим, как ты себя в бою поведёшь. Раньше-то, помнится, смелый был, когда целой толпой да на меня одного, но тут, брат, иначе всё будет, так что как бы в штаны не пришлось наложить...

— Ну ладно, я пошла, — говорит Любашка. — Чай, тоже без дела-то с бабами не сидим. Ужо детишек по землянкам расселили, а теперича вот ужин для вас, мужиков готовим... Дай-ка я тебя обниму, — потянулась она к мужу.

— Да ты что, баба! — испуганно отшатнулся от неё Захарка. — Али на смерть меня провожаешь?.. Не смей — дурная примета!

— Ну коль дурная, то не стану... — проговорила Любашка и ушла туда, где на небольшом пятачке посреди острожка клубились дымы вечерних костров, на которых жонки готовили пищу.

... В эту ночь никто из албазинцев не сомкнул глаз. Всюду горели костры, озаряя тревожным светом осунувшиеся угрюмые лица сидевших вокруг них людей. Громко говорить боялись — все прислушивались к тишине. А не крадется ли враг, не хочет ли он застать их врасплох? Эту тишину лишь изредка нарушали голоса десятников, спешивших отдать последние распоряжения, да ещё детский плач, доносившийся из землянок.

— Ты, мамань, во время боя-то в прикопе сиди — не вылазь, — научал свою мать пришедший со стены посидеть у костра Пётр. — И детей моих никуда от себя не отпускай. Бой-то, поди, жарким будет... Может так случиться, проиграем мы битву — их-то, манзуров поганых вон сколь на нас идёт! Коль в плен попадешь — не теряй детей. Жив буду — найду вас. — Он вздохнул. — Не дай Бог, конечно, тому случиться... Слышь, Тимоха... — обращается он к сидевшему рядышком брату. — Ты как, драться будешь али молиться за нас?

— Гермоген за нас за всех помолится, — шевеля хворостиною угли в костре, говорит тот. — А мы с братьями-монахами делом будем вам помогать.

— Ишь ты! — усмехнулся Пётр. — А ведь говорил, что никогда не будешь воевать богдойцев...

— То раньше было, а теперича я по-иному решил... — говорит Тимоха.

— Вот как?.. — недоверчиво произнёс Пётр. — Ну а можно ль вам церковным-то воевать? Ведь вы ж супротив всякого зла. Вот и в Библии написано: не убий! И как же с этим быть?

— На всё воля Божья, — отвечает монах. — Ну а в той же Библии и про зло прописано. «Не давайте святыни псам, — говорил Господь, — и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас». А ещё он говорил: «Не кради!» «... Кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит инде, тот вор и разбойник», — это тоже его слова. А разве басурманы, что идут на нас, не те же воры? Ну а с ворами разговор должен быть один...

Пётр хлопнул Тимоху по плечу.

— Ты прав, брат: с ворами разговор один... — говорит. — Что ж, будем вместе драться. А где там наша Аришка? — неожиданно вспомнил он о сестре.

— Да с Алёшкой она, с сынком своим... — сказала Наталья. — Что-то он у неё прихворнул ноне.

— А что с ним? — спрашивает Пётр.

— Хвасу холодного глотнул — вот и простудил горло. Теперь ни есть, ни пить не может... — отвечает мать

Пётр пошарил глазами вокруг. Увидев сидящую у соседнего костра Саньку со Стёпкой, нахмурился. И эти тут, отметил он про себя. Хотя куда им деться? Ведь им тоже жизнь свою спасать надо. Интересно, о чём сейчас эта азиатка думает? Может, ждёт не дождётся, когда придут свои и вызволят её из плена? Хотя вряд ли. Она ведь за сына боится. Ну а тот себя русским считает, потому никогда не захочет уйти к чужакам.

В эту минуту Стёпка вдруг поднял глаза, и взгляды их встретились. Чёрт!.. И как это он почуял, что я наблюдаю за ним? — удивился Пётр.

Заметив на губах мальчишки улыбку, отвернулся. Нет, не может он смириться с мыслью, что это его брат. Этот мальчишка есть плод отцова блуда, и принять его он не может. Потому как у него есть настоящий брат, тот, что рождён был в законном браке. Мало ль где отец ещё наблудил? Так что же, всех его незаконнорожденных чад за своих братьев да сестёр принимать?.. Да не быть этому! Ведь тогда он предаст свою любимую мать...

... А вон у того костра Любашка о чём-то тихо разговаривает со своей сестрой и матерью. Варька после того, как утоп её муж, всё никак замуж выйти не может. Своих-то слободских парней у них там мало, те же, что есть, или моложе её, или уже все женатые. А за казака отец ей не даст выйти. У, злыдень! — скрипнул зубами Пётр, вспомнив, с какою рьяностью Платон уберегал от него Любашку. Где ж он сейчас-то? Что-то его не видно нигде, — подумал казак и тут вспомнил, как давеча Черниговский наказывал тому перенести в крепость все свои ковальные орудия. Для этого и казаков в помощь ему дал. Негоже войску без бронного мастера в войну вступать. Кто ж тогда куяки-то казакам будет латать да сабли править?

... А вон там в окружении монахов и сомолитвенников сидит на табурете самый уважаемый человек на Амуре Старец Гермоген. Он совсем высох за эти годы. «Батюшка, — говорил ему Толбузин, — ты б не доводил так себя молитвами — вон, одни кожа да кости. На одной, поди, капусте сидишь-то...» А тот ему в ответ: «Да вот хочу умереть страдальцем, оттого и не ем скоромное. Кто-то ж должен за людей молиться. А на полон желудок одна блажь на ум лезет. Аль ты не знаешь?..»

... А это Равилька-татарин. Рядом с ним, обхватив голову руками, неподвижно сидит Ян Лун. Видно, думает о чём-то. А мысли-то, поди, страшнее одна другой. А ну как придут сюда богдойцы да учинят резню. И первой жертвой, конечно же, будет он, беглый преступник...

В общем, куда ни глянь — всюду родные и знакомые лица. О чём эти люди думают сейчас? Может, надеются, что беда минует их? Что Москва пошлёт им на подмогу большое войско, которое остановит врага? Но Москва далеко. Пока там поймут, что да как, пока раскачаются — тут уж и конец всему придёт. Только о плохом думать не хочется. Ну как умирать в такую чудную пору? Начало лета, всё вокруг цветёт и благоухает. Воздух такой сладкий и ароматный, что им хочется дышать и дышать. А небо... Днём оно синее-пресинее, точно цветки-колокольцы, а ночью всё усыпано звёздами. И ни тучки на нём. И так будет до середины лета, пока не прольются дожди. А пока благодать. Бла-го-дать!.. И не хочется думать о плохом. Вот так бы сидел Пётр и сидел, наслаждаясь стрекотом копошащихся в траве кузнечиков и протяжною песней сверчков, да ночи нынче короткие. Не успеешь оглянуться, как уже солнце выйдет из-за дальних сопок. И тогда проснётся в тайге зверьё, заблестит серебром на лугах роса, разольются яркою зеленью молодые хлеба в полях. И настанет царство света... Только что будет в этот раз, Пётр не знает. Может, ему больше уже не увидать всей этой красоты. Потому что чёрною тучей идёт из-за Амура на русский град Албазин ненасытная саранча, сметая всё на своём пути...

... Не спал в эту ночь и воевода. Заложив руки за спину, он долго и задумчиво ходил по избе, скрипя половицами, а когда стало неважно, шагнул к двери.

— Ты куда это? — спросила жена.

— Пойду, Марьюшка, прогуляюсь, — сказал Алексей Ларионыч.

— Ну иди-иди.. — вздохнула женщина. — А то стрекаешь по избе, эка стрекоза-непоседа... Да загаси светец. Зачем добро-то переводить?..

Ей тоже было не до сна. Сидя у окна, она молча глядела на озарённую кострами площадь перед окном и о чём-то думала. Лицо её было бледным, а в глазах застыла тревога.

— Что, Ляксея Ларионыч, не спится? — заметив выходящего из приказной избы воеводу, спрашивает сидевший возле одного из костерков с трубкою в руке Черниговский.

— Не спится, Никифор Романович, — отвечает Толбузин. — Да разве ж заснёшь?..

— Это верно, — говорит казак. — Ноне спит только тот, у кого нервов нет. А когда на душе такое... — Он махнул рукой.

Начало лета. Земля ещё не успела набраться тепла, потому ночами здесь было довольно свежо. Поёжившись, воевода поднялся на крепостной вал. Далеко на востоке, очертив линию горизонта светлою полосой, уже занимался рассвет. Где-то там, за чередой речных излучин, притаился враг...

Толбузин напряг зрение, однако никакого движения вдали не заметил. Впрочем, в этом плотном предрассветном вареве, было трудно что-то разглядеть. Попытался прислушаться, но и теперь кроме плеска мелкой рыбешки на отмелях да кваканья лягушек, доносившегося из ближних болот, он ничего не уловил.

Тогда он обвёл взглядом тревожно дремавший в неясном свете луны фортец. У бойниц, прижав к груди ружья, мирно похрапывали казаки. Не спали только караульные, часовавшие в крепостных башенках. Боялись проглядеть врага. И то: Толбузин им строго-настрога наказал глядеть в оба. Тем же, кто заснёт на посту, кара-де будет великая. Впрочем, он и остальным казакам велел держаться настороже и никуда не отлучаться со своих позиций. Разве что справить нужду.

Пушкари тоже на своих местах. Сидят, прижавшись спинами к орудиям, и мирно посапывают. У каждого наготове бочонок с порохом, фитили, ядра. А ещё куча чистого тряпья, завернутого в овчину, и баклажки с ханьским спиртом. Это на тот случай, если вдруг придётся перевязывать раны.

— Ай да молодцы! — мысленно похвалил их воевода. — Всё предусмотрели. Жаль только, мало у нас орудий, тут же посетовал он. Ну что такое три пушки против целой орды? Только и надежда, что на ружья. Их в крепости не меньше трёхсот, тогда как у богдойцев, поди, и половины этого нет. Зато у них много пушек...

О том, что маньчжуры славятся своим огненным боем, Толбузин знал давно, потому, перестраивая крепость, велел укрепить земляную насыпь плетнём. По его разумению, это несложное сооружение должно было с успехом противостоять разрушительной силе пушечных ядер, которые бы в нём вязли.

Были и другие новшества, которые Алексей Ларионович применил при переустройстве острога. Деревоземляные укрепления Албазина были усилены четырьмя бастеями — выступающими за линию валов площадками, которые обеспечивали более результативный фланкирующий¹ огонь орудий, чем пушки на башнях, стоящих в линии валов.

В том, что укрепления выдержат напор врага, Толбузин ничуть не сомневался. Главное, чтобы люди не испугались при виде огромного неприятельского войска. Глянут: мать честная! Куда ж нам против такой силы? Да оно и понятно. Ведь во всей крепости и пяти сотен не наберётся тех, кто способен держать в руках оружие. Да и то больше половины из них пашенные. Хорошо, ежели подоспеет полк Бейтона, а так туго придётся. Смерть-то вон она, в воздухе кружит...

Мысль о том, что ему до срока придётся умереть, расстроила воеводу. Господи, — подумал он, — как же мы тут все одиноки, как беззащитны перед бедой! В самом деле: не было сейчас в мире такой силы, которая бы могла им помочь. А потому приходилось надеяться только на себя. Но кто они есть такие? Всего-то горстка храбрецов, которым выпал жребий встать на пути ненавистного врага и не дать ему опоганить русскую землю. Только разве одолеешь его таким числом? Для этого нужно большое войско... Но где ж его взять? Тогда, может, рано Русь-матушка-то свой взор на Амур обратила? Вот дождались бы лучших времён — тогда б и затевали рискованные дела... Впрочем, нет, медлить здесь было нельзя. Как говорится, свято место пусто не бывает. Не мы бы, так другие сюда пришли. Вон сколь стервятников-то вокруг кружит. Дай им волю — тут же разорвут эту землю на части.

... Неожиданно набежавший из-за Амура бойкий ветерок коснулся глади воды и, подняв небольшую волну, умчался в поля. Зашевелилась в лесах листва, предвещая близкий рассвет. Вспыхнуло на востоке небо, и следом забродило утро...

Глава девятая. В осаде

Не успело солнце подняться над горизонтом, как из-за дальней излучки вынырнули неприятельские бусы. Первым заметил их сын Нила Губавина Ромашка, стоявший в то утро на часах.

— Манзуры!.. Манзуры!.. — заорал он благим матом. Сам-то молодой казачок был невелик ростом, но зато глотку имел лужёную.

Его тревожный клич вызвал в душах людей панику. Казалось, они давно были готовы ко всему, а не. Да оно всегда так: как ты не готовься, а беда всё равно тебя распахнет. Вот и сейчас: крик, беготня... Дети проснулись — орут благим матом...

Люди бегут наверх, на крепостной вал, чтобы увидеть всё собственными глазами.

— Ой, батюшки мои! Да что же это деется? — запричитала какая-то старуха.

— Стойте! Назад! Туда нельзя! — останавливают зевак десятники.

— Эй, жонки, быстро все в укрытия! — звучит взволнованный голос

Черниговского. — А ну как щас пальба² начнётся...

Бабы, девки в панике несутся назад.

— Ой, стрелять щас начнут!.. Ой, беда! Святой Господи, сохрани нас и помилуй!..

¹ Фланкирующий – фланговый, продольный огонь.

² Пальба – (здесь) порох.

— Да вы не верещите, окаянные! — прикрикнул на них Никифор. — Лучше детей своих спасайте, а кто может, те готовьте тряпье для перевязи. Ить ежели бойня начнётся, то и раненные обязательно будут...

И только когда женщины немного успокоились и занялись делом, Черниговский поднялся на крепостной вал.

Завидев у дальнего края фортеции знакомую фигуру воеводы, направился прямо к нему. Тот стоял и неотрывно глядел вдаль, туда, где, борясь с мощным течением реки, в сторону крепости медленно двигалась небольшая речная флотилия. Скорее всего, это был авангард. Бусы шли гуськам, глубоко вспахивая веслами образовавшуюся на воде солнечную дорожку, которая при каждом их взмахе щедро рассыпалась серебром.

— Ну вот, Ляксея Ларионыч, и пришла к нам беда, — подойдя к Толбузину, говорит Черниговский.

— Пришла... — не оборачиваясь, произнёс тот. — Однако покамест я вижу только десять бус. Но кабы это было всё... — как-то невесело усмехнулся он.

— С этими мы б зараз управились, — говорит Никифор. — Только богдоец малыми силами на остроги-то не ходит. Я так думаю, скоро и остальные подойдут...

Отсюда, с этого скалистого выступа, река хорошо просматривалась во все стороны. Даже богдойский берег был у них как на ладони. Только там покуда было тихо и безлюдно. И лишь где-то вдаль, прижавшись к сопкам, мирно курились трубы ханьских фанз.

— И что людям в мире не живётся? — занятый какими-то мыслями, неожиданно проговорил Толбузин. — Сидели б по домам и в ус не дули. Нет, надо им кровь проливать. Ну что за народ!

Услышав это, Черниговский усмехнулся.

— Что зубы-то скалишь? — повернул к нему голову воевода. — Ну да, вас же, казаков хлебом не корми — дай только повоевать. А как быть жонкам да детишкам малым? Им-то зачем умирать? Нет, сам я против войн. И кабы можно было без них обойтись, я бы только рад был. Негоже, говорю, людям раньше времени помирать.

— А ты думаешь, я воевать люблю? — неожиданно признаётся Черниговский. — Да на кой она мне война-то! То же самое и про товарищей своих могу сказать. Только ведь жизнь устроена так, что люди постоянно друг с другом ссорятся. Нет бы им договориться по-хорошему, но куда там!.. Взять того же богдойского хана... Уж сколько раз ему говорили: уймись! Так не унимается. Отдайте, говорит, мне весь Амур да ещё Даурию в придачу — вот тогда, мол, и замиримся. Но кто ж ему всё это отдаст? Вот он и бесится... Ну ничего, он у нас еще попляшет! — задиристо молвит казак. — Не на тех напал... За всё они нам ответят — и за убиенных наших товарищей, и за разрушенные остроги да заимки... Вот за всё это... — кивает он туда, где, играя сполохами, догорали в предутреннем сумраке последние избы подождённой крестьянами Монастырщины.

А тем временем вражеские бусы, миновав стрежень, пошли вдоль русского берега, где не было сильного течения. Теперь они шли споро, и уже скоро можно было невооруженным глазом разглядеть сидящих в них людей. То были ратники, одетые в доспехи.

— Давай-ка, Никифор Романов, бей сполох! — оценив обстановку, распорядился вдруг Толбузин. — Кто знает, что у них там на уме...

В следующую минуту громко и тревожно протрубил рог.

— А ну, казаки, готовьсь!.. — командует Черниговский, которого по старой привычке все в крепости так и продолжали называть атаманом.

— Готовьсь! Готовьсь! Готовьсь! — повторили его команду десятники на нижнем и верхнем бое. И в следующую минуту люди застыли у бойниц. Зажгли свои фитили и пушкари.

— Без моей команды не стрелять! — кричит Никифор. — Только попробуй кто послушаться...

Провоцировать богдойцев на ссору не входило в его планы. Прежде нужно было узнать об их намерениях.

Между тем «гости», не дойдя с четверть версты до острожка, начали вдруг «сушить» весла. Когда лодки причалили к берегу, — а причалили они возле плотбища, где албазинцы счаливали гонки¹ и строили свои струги, — из них высыпали вооружённые люди, которые образовали боевой строй, выставив вперёд знаменщиков со штандартами. И тут же огромные разноцветные полотнища, прикреплённые к длинным бамбуковым древкам, сурово и звучно заплескали над их головами. Ударил барабан, и строй двинулся вперёд.

— Чивой-то они?.. — удивился Никифор. — Ведь мы же их перещёлкаем, как воробьёв.

Однако богдойцы и не думали идти на приступ. Где-то на расстоянии двух ружейных выстрелов шедший впереди офицер поднял руку и что-то громко прокричал. Строй остановился. Следом от него отделился какой-то человек, который, переговорив о чём-то с офицером, быстрым шагом направился к крепости.

Это был посланец, которому было поручено доставить в Албазин письмо командующего маньчжурским войском Лантаня. Ему дозволили подняться наверх и войти в ворота.

— Никак русский? — увидев его, с удивлением произнёс воевода.

— Так ить это ж Ромка Горох! — узнали своего бывшего товарища сбежавшиеся поглазеть на «богдойца» казаки. Тот ещё прошлым летом вместе с товарищами из отряда десятника Гришки Мыльника, с которыми ходили на реку Зею за ясаком, попал в полон к маньчжурам, да так и не вернулся домой.

— И впрямь Ромка! — не меньше других удивился Никифор. — А отчего это ты, братец, не по-нашему одет? Али ворогу продался?

Ромка мнётся, пытается спрятать глаза, но куда денешься, коль на тебе боевые богдойские доспехи, а на левом боку, вместо казацкой сабли, болтается басурманский палаш?

— Вот... вам велели передать... — не глядя на воеводу, протягивает он ему скреплённый сургучной печатью свиток.

Толбузин не торопясь развернул свёрнутое в трубочку послание и пробежал его глазами.

— Ты вслух, Ляксея Ларионыч, читай! — просит его кто-то из казаков.

— Верно! — поддержали его товарищи. — Аль тайна там какая?..

— Да никакой здесь тайны нет, — оторвавшись от письма, проговорил воевода. — Нам снова предлагают оставить крепость и уйти с Амура.

— А вот этого они не хотели! — недобро глянув на Ромку, сует ему под нос кукиш Мишка Ворон, как будто это именно тот решил сделать им столь оскорбительное для них предложение. — Да мы лучше умрём, чем измараем себя худой славою!

— Мишка прав... Уж лучше и впрямь умереть, — поддержали его товарищи.

— Слышал? — обращается к посланцу воевода. — Так и передай своим хозяевам, что мы не отступим... Насмерть будем стоять!

— Верно! — зашумели казаки. — Не отдадим ворогу ни пяди земли русской!.. Умрём, но не отдадим!.. Давай, проваливай отсель пока цел! — подступают они с кулаками к Ромке.

— Да нельзя этого поганца отпускать! — неожиданно выступает вперед старый казак Семён Антонов. — Справедливее будет его на березе вздернуть.

— Правильно! На берёзу его! — поддержал его Фома Волк. — Собаке собачья смерть!

¹ Гонки – плоты.

— А дайте-ка его мне!.. У меня с душепродавцами разговор короткий... — засучивая рукава рясы, говорит уже успевший где-то дерябнуть диакон Иона. У Ромки от испуга даже губы побелели. Он-то знал, на что способен этот великан. А тот, упершись в него своим мутным взглядом, стоял и с нетерпением ждал, что ему скажет воевода. — Ну так что, Ляксей Ларионыч, отдаёшь падлу?..

— Уймись! — дёрнул его за рукав бывший с ним рядом священник Максим Леонтьев. — Не твоего ума это дело...

— И почему же? Аль я не человек? — насутился Иона.

— Да человек ты, человек, только не лезь в чужие дела, — говорит Леонтьев.

— И всё ж, дозвожь мне, воевода поговорить с этим иродом по душам, — не понимает диакон. — Исповедовать его мне не по чину, но уж хребет сломать — это я зараз!..

— Хребты будешь богдойцам ломать, а этого мы обязаны отпустить, — жёстко произнёс Толбузин. — Пусть сослужит нам последнюю службу... Ну, ты понял, что я тебе сказал? — обращается он к посланцу. — А теперь иди! Небось хозяева-то твои уже заждались тебя...

Однако Ромку что-то останавливало. То ли приказ у него был уговорить русских сдаться на милость победителей, то ли ему просто было жалко старых товарищей.

— Барин воевода, — говорит он, — скоро сюда несметное войско придёт — не устоите ведь...

— Пшёл вон! — рывкнул на него Толбузин. — Говорю, иди, пока я не передумал... Ромка ушёл, не дав казакам свершить правосудие.

— Вот подлюга-то! Вот подлюга!.. — бросил ему вслед Карп Олексин. — И носит же таких земля!

— Вот и я говорю... — набивая трубку табаком, произнёс Гридя Бык.

— Ты б, Гридя, табачку мне отсыпал из рожка... Чай твой-то, ядрёный, не чета моему, — обращается к нему Леонтий Романовский.

— Да на, бери, рази ж жалко?.. — отвечает Гридя, протягивая товарищу рожок.

— Всё, будя! Давай по местам! — командует Черниговский. — А то как щас повалят на нас манзуры...

— Кишка тонка! — усмехнулся Нил Губавин.

— Эт верно, — поддержал его кто-то из товарищей. — Этих мы зараз одолеем.

Сколь их там? Сто? Двести?..

— Бери больше! — говорят ему.

— Да ну?

— Вот тебе и «ну»... Говорю, с полтыщи — не меньше...

— Ну и Бог с ними. Мы и не таких бивали...

Эвон какие храбрые! — слушая казаков, усмехнулся в седые усы Никифор.

Впрочем, его радовал их настрой. Хуже было б, если б они, учуяв витавший в воздухе запах смерти, головы повесили.

Основная часть неприятельского войска прибыла поздно вечером. Кто-то пешим строем, кто-то на бусах. Взяв в кольцо крепость, богдойцы устроились на ночлег. А рано утром вдруг вздрогнула земля, загудела, заухала. То заговорили вражьи пушки, забросавшие Албазин калёными ядрами и петардами. И уже в следующую минуту над острогом показались первые языки пламени — это горели деревянные постройки. Следом послышались стоны и крики раненых да проклятия, адресованные врагу.

— Вот иродовы дети! — выругался Черниговский, который предпочёл всю ночь провести на крепостном валу — боялся проспать врага. — Видно пора и нам начать... А ну, братцы, товсь! — велит он проснувшимся от грохота казакам. — Эй, Данила! —

кричит он старому пушкарю Даниле Лыкову. — А ну-ка заряди петардой свою пушчонку, да накрой вон тот намёт! — указывает он глазами в сторону ближнего леса, где, по его разумению, и находился богдойский командный пункт.

Он не ошибся. Ещё с вечера маньчжуры раскинули в ста шагах к востоку от крепости большой подбитый сукном генеральский шатёр, где разместился со своим штабом командующий императорским войском Лантань. Узнав, что русские не приняли его предложение уйти или сдаться в обмен на благосклонность императора, он решил утром штурмовать Албазин.

Ещё в Пекине, провожая одного из своих лучших полководцев в дальнюю дорогу, император Кан-си в своей напутственной речи велел ему быть безжалостным к тем, кто встанет с мечом на их пути. И в то же время поступать по-братски с теми, кто не окажет сопротивления. Я не Чингисхан, у которого не было сердца, и не хочу напрасных жертв, говорил он. Хочу остаться в истории одновременно как жёсткий политик и отзывчивый человек.

Эти слова Лантань запомнил хорошо. Впрочем, как и его повелитель, он тоже хотел остаться в памяти потомков как справедливый воин, однако русские, с возмущением думал он, не понимают значения этого слова. Всех, кто без приглашения ступил на их землю, они встречают с оружием в руках. Поэтому, следуя в Албазин, этот главный оплот русских на Амуре, ему приходится огнём и мечом прокладывать себе дорогу. А чтобы варварам было впредь неповадно поднимать руку на императорских слуг, богдойцы не жалели никого, даже детей малых. Уроки должны быть яркими, только тогда их запоминают надолго, считал Лантань.

Нынешнего Императора Канси он знал ещё с тех пор, когда тот носил имя Шэн-Цзу. Они были друзьями детства. Во дворце благосклонно относились к этой дружбе, ибо Лантань был сыном высокопоставленного чиновника, при этом воспитанным и незлобивым мальчиком. Молодые люди учились у одних и тех же учителей, вместе охотились, вместе делали первые шаги во взрослую жизнь. У них даже была одна общая любовь — некая девочка по имени Пань-хуа, которую Лантаню всё же пришлось уступить более именитому другу.

И в первом боевом походе им вместе довелось быть, когда Лантань проявил чудеса героизма и незаурядную способность полководца.

Сев на престол, молодой император не забыл своего друга, назначив его советником по военным делам. И вот сейчас Канси доверил ему очень важное дело — изгнать русских с Амура. Если ты это сделаешь, говорил он ему, ты прославишь своё имя в веках. Не забывай, мол, что главным для человека является то, чтобы оставить свой след в истории.

Прибыв на место, Лантань первым делом поинтересовался, как отреагировали русские на его письмо. Узнав, что те отвергли его предложение сдаться, он пришёл в бешенство. Таким его подчинённые ещё не видели. Невысокого роста, щуплый и на первый взгляд мягкотелый и неуверенный в себе человек, он вдруг на глазах всех превратился в разъярённого ужасного льва, чем привёл в трепет даже бывалых вояк. Хотел было тотчас начать штурм крепости, но помощники уговорили его дожидаться утра. Прежде-де нужно провести разведку местности. А вдруг эти русские решили устроить им западню? Вдруг где-то в тайге прячутся основные силы противника?

— Нет у них больше людей, и не предвидится! — на что ответил полководец. — Вон, гляньте, всё пылает вокруг... Значит, люди из деревень ушли за стены крепости. Интересно, — неожиданно проговорил он, — откуда появился этот огненный смерч?

— Оросы сами подожгли свои селенья, — говорит Лантаню начальник разведки Шунь. — Когда мы пришли — всё уже было охвачено огнём. Горят городки, горят селенья, даже то, что оросы называют заимками и зимовьём...

Лантань махнул рукой.

— И пусть горят! Нам от их богатств проку нет. Для нас важно, чтобы оросы убрались с Амура...

Прежде чем устроиться на ночлег, Лантань собрал всех военачальников у себя в шатре.

— Ваша главная задача сейчас занять выгодные позиции для штурма, — сказал он им. — Пушки выставьте вперёд, так, чтобы им удобнее было обстреливать крепость. С рассветом и начнём....

Всю ночь Лантань не спал, думая о предстоящем сражении. У него не было никаких сомнений, что он выиграет эту схватку. У него много людей и пушек, тогда как, по сведению его разведчиков, всё албазинское войско состоит из двух сотен казаков. Крестьяне, женщины, дети, что находятся в крепости, не в счёт. Ну какие из них воины? Так что, быть может, его людям и не придётся штурмовать крепость — за них всё сделает артиллерия.

Незадолго до рассвета Лантань вышел из шатра. Было свежо и тихо. Где-то там, на востоке, уже занималась заря. Пахло хвоей, к которой примешивались речные запахи. Благодать! — лениво потянулся Лантань. Ну разве можно в такие минуты думать о войне?.. Вспомнив вдруг, что он воин и что ему противопоказаны сантименты, он тут же взял себя в руки и отдал приказ начать битву. Ударили боевые барабаны. Следом загрели пушки, зашипели ядра, и тысячи стрел, пронзив рассветный полумрак, осиным роем метнулись в сторону осаждённой крепости. В ответ раздались дружные ружейные залпы, а следом ударила и крепостная артиллерия.

— ...Давай, Данила, не подведи! Вдарь так, чтоб от этих гадов мокрого места не осталось... — глядя на то, как старый пушкарь старательно и неторопливо наводит украшенное тарелью¹ дуло орудия на цель, говорит ему Черниговский.

— Погодь, Никифор, не куныркой² мне под руку... — просит тот. — Это саблей махать легко, а тут, брат, дело тонкое...

Но вот наконец он выставил прицел.

— А ну подай огня!.. — прижавшись к лежащей на станке вертлюге³, не поворачиваясь, просит он Никифора. Тот сует ему в руки факелок. Вспыхнув, фитиль быстро достиг запала пушки. Раздался грохот, и Данилина двенадцатифунтовка легко выплонула из жерла начинённый порохом увесистый разрывной снаряд.

— Готово! — сдержанно произнёс пушкарь, увидев взлетевший в воздух генеральский шатер.

— Молодчага! — похвалил его Черниговский. — А ну давай ударь-ка вон по тем позициям... — указывает он туда, где, готовясь к атаке, сгрудились богдойские воины.

Снова грохнуло орудие.

— Попал! — радостно кричит Черниговский. — А теперь...

Он не успел договорить. Ударившая в бастею вражеская петарда попала в бочку с пушечной пальбой. Раздался грохот. Никифора швырнуло в сторону. Какое-то время он лежал на земле, не в силах подняться. Кто-то подбежал к нему, подхватил на руки и потащил вниз.

— Данила!.. Где он? Что с ним?.. Жив ли? — едва переставляя ноги, спрашивал он товарищей. Те что-то ему отвечали, но он их не слышал. Голова была словно чугунной, а в ушах стоял сплошной гул.

Только потом он узнает, что Данилу-пушкаря после взрыва разнесло на куски. Узнает и заплачет. Ведь за эти годы тот стал ему точно брат, как, впрочем, и другие его товарищи-казаки...

А Лантаня тогда только чудо спасло.

¹ Тарель – точеный поясок на пушке.

² Куныркать – мурлыкать.

³ Вертлюга – витое приспособление, на котором обращается станок пушки.

— Варвары! Они чуть было не лишили меня жизни! — с ужасом взирая на трупы своих офицеров, которых накрыл выпущенный пушкарем Данилой Лыковым заряд, в отчаянии закричал он. — Тотчас перенесите огонь артиллерии на русские батареи!.. Я им покажу!.. Я им всем покажу!.. — вопил он, пытаясь прийти в себя после испуга. — Они ещё узнают, кто такой генерал Лантань!..

Он считал, что только провидение спасло его от неминуемой гибели. Недаром, перед тем как отправиться в северный поход, он посетил кумирню, где попросил богов быть к нему милосердным, более того, чтобы они помогли ему добыть победу. И вот теперь он видит, что боги услышали его...

— Ещё... Ещё огня!.. Сравняйте эту крепость с землёй!.. — вскочив на белого скакуна командует Лантань. — Чтоб к вечеру от неё ничего не осталось!

Грохот, гром... Тяжёлые ядра «проломных» пушек врага, к удивлению казаков, считавших свою крепость неприступной, легко пробивали стены и башни острога. Вокруг всё в дыму. Кричат в испуге бабы, плачут малые дети. Всюду стоны раненых и крики о помощи...

Так продолжалось ещё около часа, и только после этого Лантань велел своим воинам идти на штурм. И вот уже первая волна маньчжуров хлынула к крепостным стенам. Их было так много, что, казалось, им ничто не помешает сломить сопротивление русских и взять приступом острог. Их не могли остановить ни острые клинья «чеснока» на подступах к крепости, ни глубокий ров, ни даже свинцовые пули, летевшие на них градом с высоких стен.

— А ну, пушкари, поддай-ка огоньку! — громко командует стоявший подле одной из бастей Толбузин. — Сыпь по ним шрапнелью! Иначе этих тараканов ничем не остановишь...

Но что могут сделать оставшиеся покуда целыми две пушки, когда богдойцы так и прут, так и прут со всех сторон?

— Эй! А ну давай сюда смолку! Щас мы баньку этим супостатам устроим! — оценив обстановку, велит воевода. И тут же несколько десятков крепких мужиков устремляются вниз, где их бабы, поддерживая огонь в кострах, варили в больших чанах выкуренную загодя в крытых ямах из колоти и кореника смолу.

— Захарушка, ты там не шибко-то!.. — шумит вслед своему мужу Любашка. — Помни, у тебя дите на шее...

— Не замай! — не оборачиваясь, прикрикнул на неё мужик, который в паре с приятелем тащил на стену железный бак с бурлящей ещё смолой. — Не до тебя мне... Там богдоец вишь что делает...

Волосы и рубашка его мокрые от пота, а лицо чёрное, покрытое пороховой сажой. Таким же выглядит и его напарник.

— Швыдче! Швыдче! — подгоняют мужиков сверху десятники. А те и без того понимают, что надо спешить, ибо казацкие пищали, аркебузы да мушкеты не в силах сдержать волну неприятеля. Потому и не досуг им отвечать на вопросы баб, которым интересно знать всё, что творится наверху. Выльют из раскалённых чанов в тару смолу и бегут к сходням. Наверху, изловчившись, опрокинут её на головы богдойцев, и снова несутся вниз. И так раз за разом. А воздух тяжёлый, пропитанный пороховыми газами, дымом и смагой¹. При этом чем дальше, чем гуще становятся палёные запахи. Ошпаренные кипящей смолой богдойцы кричат благим матом, падают с лестниц, но на смену им приходят другие.

— А ну давай, бросай верёвки — будем на катках смолку поднимать! — решив, что надо ускорить дело, велит мужикам воевода.

¹ Смага – гарь.

В следующую минуту, извиваясь подобно змеям, вниз полетели концы сброшенных на кранвалы верёвок. К этим концам стали привязывать баки с кипящей смолой, которые натруженные руки мужиков поднимали наверх.

— Давай. Давай, братцы! Вари их, окаянных, заживо! — не смолкал голос воеводы.

А богдойцы одно прут и прут на стены.

— Пли! — не успевают подавать команды десятники. — Пли!..

А враг продолжал наступать.

— Пли! — надрывно кричит Толбузин.

Падают маньчжурские воины, сражённые свинцом, но на их место встают другие...

— Гляньте! Гляньте! Они обходят нас с севера!..

— И с востока тоже прут!

— И не только! Вон и у западной стены уже появились!

— Тучи... Ей-Богу, тучи! — крестится старый казак Прокл Былин.

— Пли!

— Эх, не пропадать же!.. — кричит кто-то из десятников — А ну, в сабли — и вперёд!..

Рёв, стоны, проклятия... Пылают вокруг соломенные крыши, заполняя пространство едким дымом.

— Обложили, дьяволы, крепость — точно охотники медвежью берлогу, — наблюдая сверху за боем, вслух проговорил воевода. — Устоим ли?..

— Устоим, Ляксей Ларионыч! Аль мы не казаки? — неожиданно послышалось за его спиной. Обернулся — а там Фёдор Опарин. Глаза горят, а в руках сабля на солнце сверкает.

Толбузин никак не ожидал такого.

— Ты это чиво?.. Говорю, кто дозволил тебе яму покинуть? — быстро совладав с собой, кричит он на него.

— Кто? Да видно сам Бог так распорядился! — усмехнулся казак. — Ну кто ж в яме-то этой сидеть будет, когда вокруг такое творится!..

... Выбраться из темницы ему помог случай. Когда богдойская артиллерия нанесла первый удар, в крепости началась паника. Все кричат, все куда-то бегут, а куда бегут, и сами не знают.

— Эй, браток! Ты б выпустил меня!.. Не помирать же мне в этой яме! — зовет стражника Фёдор. А того и след простыл. То ли накрыло зарядом, а может, просто испугался и вместе со всеми помчался искать укрытие. Нор-то вон сколько загодя понарыли — в них и хоронились.

Стал думать, что делать. А тут на его счастье мимо пробежала какая-то баба. Услышав призывный голос Фёдора, подошла к краю копаня и заглянула в него.

— Ба! Да тут человек!.. — всплеснула она руками. — Да как же ты туда попал, милоч? — удивляется она.

Фёдор сразу смекнул, что баба эта не здешняя — своя бы не стала задавать такие глупые вопросы.

— Да вот, понимаешь, в суматохе-то оступился и бухнулся сюды!.. — соврал казак. — Ты давай-ка, милая, найди верёвку... Без неё мне никак отсель не выбраться. Вишь, какая глубокая ямина?

— Да вижу, вижу... И как ты только, горемычный, не разбился?.. — покачала головой женщина.

— Так ить сам удивляюсь! — продолжал врать казак. — Ну давай, тащи верёвку... А не то я пропаду здесь...

— И где ж я щас её найду? Аль не видишь, что творится вокруг? Нет, я однако пойду. Не ровен час, убить могут... — говорит женщина.

Фёдор в отчаянии.

— Ты, жонка, давай-ка не спеши! — просит он. — Сперва оглядись вокруг. Может, где подводу увидишь...

— Ну есть такая... И что?

— А ты пошарься в ней... Мужики народ припасливый. В любой телеге топор с верёвкой найдешь... Ну давай, милая, давай! А то мочи уже нет терпеть...

Баба исчезла, а уже скоро явилась с толстой пеньковой верёвкой.

— Ну я ж тебе говорил! — обрадовался Фёдор. — Ты давай-ка один конец к чему-нибудь привяжи, а другой мне сбрось.

— Ну так я к колесу телеги и привяжу!.. — сообразила женщина.

— Вот и умница. Ну давай, давай, поторопись! Говорю, мочи нет сидеть здесь!.. — с отчаянием в голосе проговорил Фёдор.

А потом он взял у убитого казака саблю и бросился наверх.

А там уже небу жарко! Его товарищи из последних сил пытаются сдержать врага. А те под прикрытием своей артиллерии всё лезут и лезут на стены. Их тут встречают огнём казаки. Те падают, но им на смену приходит другая волна. Кровь, вопли, стоны, и эти негромкие проклятия в сторону врага, срывающиеся с губ умирающие от ран казаки.

Легко раненные и не думают покидать стены, тяжёлых же забирают девки и бабы. Они тащат их вниз, перевязывают им раны и прячут в укрытия. Другие жонки продолжают поддерживать костры, на которых варится смола.

— Ты, Дунька, посиди здесь, а я на стену сбегая, — говорит товарке Любашка. — А то у меня сердце что-то не спокойно. Говорю, Захарки моего давно не видать. То всё время бегал за смолой, а тут вдруг пропал.

— Может, убили уже? — поправляя на голове платок, говорит Дунька, дебелия бабенка с красными щеками.

— Типун тебе на язык! — послышалось в ответ.

Поднявшись по сходням наверх, Любашка застала страшную картину. Здесь, на самом гребне крепостного вала, шла кровавая сеча. Не в силах больше сдерживать противника, казаки дали слабинку, и вот уже на крепостных стенах с мечами в руках появились первые узкоглазые ратники. Загудели железом доспехи воинов, зазвенели клинки, заревели в отчаянном приступе казаки.

— И-их, зараза!.. Бей их, братцы, бей проклятых! Бей, не жалей!.. За Русь-матушку, за детишек наших малых!..

— А ну давай, товарищи мои, поднатужимся и сбросим этих нехристей со стен!..

Этот голос узнали сразу.

— Фёдор! Опарин! Откудова?.. — понеслось со всех сторон.

— Откудова! — весело воскликнул казак и ринулся в гущу боя. Лет-то уже немало, да и силенки, поди, уже не те, но дрался он так, что и любому молодому завидно бы стало.

— А ну получай, подлюга! — первым же ударом снёс он голову попавшемуся ему под руку высокому могучему богдойцу. — И ты получи своё! — опрокинул он наземь другого. А потом уже все смешалось вокруг, и у Любашки от этой круговерти зарябило в глазах.

— Захарка! — закричала она. — Где же ты, окаянный?

— Да здесь я... здесь! — неожиданно услышала она надрывный голос мужа.

Глянула туда, где находилась ближняя к лесу сторожевая башня, и ахнула. Взяв в руки тяжёлую ослопину, её мужик из последних сил отбивался от окруживших его пятерых маньчжуров. Те отчаянно махали мечами, но подойти к страшному в своей ярости молодому бородачу не решались.

— Петруша! — увидев неподалёку своего бывшего возлюбленного, который вместе с товарищами пытался сдержать натиск наседавшего врага, позвала она его. — Ты б помог Захарке-то! — умоляюще просит она. — Вон, глянь — они ж его щас убьют!

Петра не надо было долго упрашивать. Вытерев о рукав кафтана окровавленный клинок, он бросился на помощь своему бывшему сопернику. Несколько мощных ударов, и вот уже бездыханные тела маньчжуров лежат у его ног. Воспрявший духом Захарка хотел было поблагодарить своего спасителя, однако не решился. Вместо этого он что-то буркнул себе под нос и, сжав покрепче ослопину, вновь ринулся навстречу врагу.

Смотри-ка какой храбрец! — подивился Пётр. — А я-то думал, он только и может что гурьбой на одного...

Повернул голову и увидел благодарную Любашкину улыбку. Ладно, чего уж тут! — махнул он рукой. Небось Захарка точно также бы поступил...

... Уже несколько часов длился бой, однако богдойцам всё никак не удавалось овладеть крепостью. И это несмотря на их упорство и значительное превосходство в живой и огневой силе.

— Какой позор! — выговаривал своим военачальникам Лантань. — Почему мы до сих пор не взяли эту проклятую крепость? Или наши воины разучились воевать?

— Мы несём большие потери... — говорили ему. — Оросы сражаются точно бешеные звери...

Что ж, раненый зверь — он намного опаснее. И это Лантань понимал. Коль оросы решили не сдаваться, они будут сражаться с удвоенной силой. И он снова посылал своих воинов на стены. Их всё также встречали огнем и кипящей смолой. Оттого воздух вокруг был тяжелым, смажистым — будто бы где-то рядом смолили свиней.

Алексей Ларионович занял место на Батарейке — господствующем над берегом холме, откуда изредка бьёт по наседающему врагу пушка Кирея Ермакова. Рядом с ним десятник Матвей Кафтанов и его люди, которым приходится где огнём, где саблём отражать атаки маньчжуров, пытавшихся захватить Батарейку.

— Кирей! Слышь меня? Давай-ка вдарь по бусам!.. Вон как их пушки-то бьют с реки... Вот и заткни им пасть!.. — велит пушкарю Толбузин.

Кирей Ермаков, оборонявший острог своей пятифунтовкой со стороны реки, расправил смоляные усы и прицелился. В следующую минуту картечь с шипением разлетелась по воде.

— Ай да молодец! — похвалил пушкаря воевода, увидев, как на одной из бус заряд повалил всю команду. — Давай, сыпь по второй!.. Васька! Где ты там? — зовёт он своего холопа Ваську Чуприхина, которого привёз с собою из Нерчинска. — А ну сгоняй-ка к Погодину! Пусть разворачивает орудие... На его краю там поспокойнее, а с севера вишь как эти тараканы лезут. Пусть ударит по ним шрапнелью...

Бастея Ильи Погодина находилась в западной части крепости — туда и отправился Васька.

Проводив его, воевода решил оглядеться. Нужно было оценить обстановку. Однако всё было, как и прежде. Богдойцы, поставив лестницы, продолжали карабкаться на стены, встречая отчаянное сопротивление русских.

Добро дерутся! — мысленно похвалил Толбузин казаков. Однако и пашенные молодцы... Сабель-то у них нет, так они ворога вилами да ослопинами... Вон как орудуют — любо поглядеть! Коль выстоим — всех награжу. Ей Богу, награжу!..

В этот момент он услышал за спиной чей-то громкий призывный клич.

— Казаки! А ну выручай!..

Это был голос Фёдора Опарина. Попад в вражеское кольцо, он отчаянно отбивался от наседавших на него басурман. В былые времена он бы и один управился с ними, но теперь уже не те годы...

— Держись, Фёдор! — крикнул ему Толбузин. — Я щас, щас...

Словно ястреб налетел он на врага и дрался отчаянно, пока не подоспела подмога.

— Петька, сынок!.. — с размаху срезав очередного маньчжурина саблей и сбросив бездыханное тело со стены, кричит Фёдор. Пот течёт с него ручьем, а светлая исподняя рубаха густо залита кровью.

— Здесь я, тятя, здесь! — отзывается старший сын, вместе с товарищами сдерживавший натиск маньчжуров на северной стороне крепостной стены.

— Как ты там? Добро ли бьёшь врага нашего?

— Добро, тятя, добро!..

— Смотри у меня! Не посрами род наш опаринский.

— Будь спокоен, тятя, — не посрамлю! — ударив саблей наотмашь одного басурманина и подставив ножку другому, протрубил Пётр.

— И помни: за мать свою бьёшься, за русскую землю...

— Помню я, тятя, всё помню! — сбрасывая очередного басурманина с крепостной стены, кричит ему Пётр.

А Фёдор уже ищет глазами младшего сына. Да вон же он — в саженьях трёх слева от него. Словно дикий зверь мечется по крепостной стене и точными сабельными ударами разит врага. Клобук слетел с его косматой головы, а длинная ряска послушника мешает его движениям, но ему всё нипочем. Вот тебе и монахи! — подивился отец, глядя на то, как его сын расправляется с басурманами.

— Ну а ты, Тимоха? Не устала ли рука твоя бить ворага?

— Нет, тятя, не устала! — отзывается младший сын.

— Ну а хватит ли у тебя силёнок до конца боя?

— Хватит, тятя!

— Тогда держись!... И будь осторожен! Я же ведь за вас, чертей, перед матерью вашей в ответе!

Рядом с Тимохой, подобрав ряску, лихо машет кривым турецким ятаганом Михай. Он настолько шустр и стремителен, что маньчжурам никак не удастся добраться до него. Сделав ложный манёвр, он вдруг резко нырнет под вражий меч и тут же сразит неприятеля клинком, после чего начинает искать новую жертву.

Рев вокруг стоит такой, будто бы это шторм на море разыгрался.

— Ляксей Ларионыч, жив ли?! — кричит Фёдор, бросаясь в самое пекло боя.

— Да живой я, Федя, живой! Мне ж ить надо еще тебя в Москву снарядить. Аль забыл? — отвечает ему воевода.

— Да как забудешь? — усмехнулся казак, ударом клинка повалив наземь бросившегося на него богдойца. — Дай Бог, доживём до этого дня... А вы, мои верные товарищи?.. Ты, Васюк?..

— Живой! — отвечает тот.

— Ну а ты, Гридя?

— А что со мной сделается?

— И ты жив, Иван Конокрад?

— Ещё и тебя переживу!

— А Фома?

— Тута я, живой!

— А как Семён?

— Да цел я, цел!

— А вы братья Романовские?

— И мы живы! — за обоих отвечает Григорий.

— Карп?

— Живой!..

— А ты, мой зять? Жив ли?..

— Да жив... жив, Фёдор Петрович! — отвечает ему Мишка Ворон.

— Ну тада всё в порядке... И-их! — взмахнул он саблей. — Разбейся, кувшин, пролейся вода, пропади, моя беда!..

Маньчжуры применили большие луки — стрелы, выпущенные из малых, не долетали до цели, как и ружейная картечь. И потому тяжёлые срезни¹ беспрерывно жужжали над головой, словно пчёлы.

Вокруг стонали раненые, над которыми колдовали пришедшие на помощь мужьям и братьям казачки. Раны пытались лечить травами, а боль снимали ханьской водкой, ханшиной, заливая ее в рот раненым. Больше всех здесь старался беглый кян Ян Лун, который лечил раны смесью опия и мандрагоры, так, как это делали древние ханьские врачеватели. Тут же нашлось дело и для молодых иноков, которые старательно рвали на лоскуты тряпье, коими женщины потом перевязывали увеченным раны.

... Саньке тоже нашлось дело. Вместе с монастырскими бабами она поддерживала огонь в кострах, на которых варилась смола.

— Ишь кака дошла! Она сколь за раз хворосту-то принесла, — похвалил её кто-то из жонок.

— Ай не верю я ей, — говорит другая. — Дай ей волю — тут же к своим сбежит.

— Да нет, говорят, она по уши влюблена в своего казака — рази ж побежит? — звучит другой голос.

— Ты это про кого, про Опарина что ль?

— Да про него, а про кого ж ещё?

— А нужон ли ей этот старый хрыч? Сама-то ить ещё молодая...

— Молодая, но куды денешься? Для неё эта неволя, поди, уже навсегда.

— Это ежели не сбежит, — заметила какая-то жонка. — А сбежит — так ещё наживётся...

Санька слышала эти речи и в ней понихоньку рождалась обида. На кого, она и сама не знала. Но то, что это была обида — она знала точно. И чем дальше, тем больше...

Мысль о том, что у неё появилась возможность вернуться в прежнюю свою жизнь, вначале испугала её. А как же тогда Фёдор? Как же сын?.. Нет, она должна остаться с ними до конца. Но когда она увидела на крепостном валу людей в богдойских доспехах, когда услышала знакомую речь, она не выдержала и помчалась наверх...

— Ты куда? — бросил ей вслед какой-то старик. — Вот дура-баба! Там же стреляют...

Но она уже не слышала этих слов. Все её мысли были заняты другим. Быстрее! Быстрее! — подгоняла она себя. — Ещё немного и...

Санькино появление на крепостном валу едва ли бы кто заметил в этом кровавом водовороте, кабы не её звонкий голос. Встав во весь рост у края восточной стены и обернувшись в сторону осаждавших крепость богдойцев, она вдруг замахала руками и что-то закричала на своём языке. Я здесь! — кричала она. — Здесь!.. Помогите! Спасите меня!

— Чиво это она? — удивлённо посмотрел на нее Толбузин. — Эй, девка, а ну прочь с валу! Не то тебя подстрелят, как ту куропатку...

Но она не слышала его. Она продолжала кричать и махать руками, стараясь привлечь к себе внимание маньчжурских ратников.

— Мой господин! Мне кажется, в крепости началась паника, — внимательно наблюдая за действиями своих воинов, обращается к Лантаню его помощник Дунхай.

— Почему вы так решили, генерал? — спрашивает его командующий.

— Гляньте... — указывает Дунхай в сторону крепости. — Видите?.. Какая-то женщина забралась на стену и машет нам руками...

Лантань посмотрел туда, куда ему указывал генерал.

¹ Срезни – стрелы.

— Да это же какая-то сумасшедшая! — произнёс он. — Вокруг рекою льётся кровь, а ей, кажется, нипочём... А может это пленница? Я слышал, у оросов на Амуре с женщинами не густо — вот они и берут в плен наших девиц.

Их разговор услышал полковник Мань Тао, высокий худощавый человек с красивым азиатским лицом. Это был один из лучших военачальников в войске. Его полк славился безукоризненной дисциплиной и отсутствием проступков среди воинов. По слухам, он был человеком добрым, но при этом рабом своего слова: что однажды сказал, того не изменит. Подчинённые не только боялись его, но и уважали и даже любили.

Какое-то время Мань Тао стоял неподвижно, пытаясь рассмотреть лицо метавшейся на земляном валу женщины.

— Да это же моя возлюбленная! — неожиданно воскликнул он. — Моя Сан Пин!

Все эти долгие годы Мань Тао не забывал о ней. Более того, он пытался отыскать её, но тщетно. И всё же он был уверен, что однажды ему удастся вновь увидеть свою любовь. По слухам, Сан Пин находилась у русских, поэтому он долго ждал того часа, когда императорское войско отправится в северный поход.

Ни слова не говоря, полковник вскочил на своего серого аргاماка и помчался в сторону крепости.

— Безумец! — усмехнулся Лантань. — Разве можно так рисковать из-за какой-то женщины? Вон ведь как эти оросы бьют метко...

— Сан Пин! — не переставая хлестать коня, на скаку кричал полковник. — Моя Сан Пин!..

Однако она никогда не услышит его голоса. Мань Тао видел, как стрела, выпущенная кем-то из маньчжуров, пронзила грудь его любимой

— Сан Пи-Ин!.. — отчаянно закричал полковник. — О, моя любовь!..

Слезы ручьём лились из его глаз. Он мчался, ничего не видя перед собой. Добравшись до стены, он соскочил с коня и, оттолкнув закованного в тяжёлые латы воина, устремился по штурмовой лестнице вверх. Быстро вскарабкавшись на стену, он бросился искать свою возлюбленную.

— Сан Пин! Любимая!..

Он пытался проложить себе дорогу мечом, однако когда до цели оставалось совсем немного, на его пути выросла фигура диакона Ионы.

— И куда это мы спешим? — пьяно ухмыльнулся тот и поднял ослопину...

Удар был таким сильным, что полковника не спас даже железный шлем. Он рухнул наземь и тут же испустил дух. Так и лежали они рядышком эти бывшие возлюбленные. А вокруг них, залитая кровью, стонала земля, вбирая в себя всю ярость людскую и боль.

— Саньку... узкоглазую нашу убили! — раздался вдруг чей-то взволнованный голос.

Фёдор вздрогнул. Не может того быть! Я ж велел ей не вылезать из схрона... — едва не закричал он.

— Батька, вот твоя азиатка!

Это Пётр.

— О, Господи!..

Не медля ни минуты, Фёдор бросился туда, где, широко раскинув руки, лежала его Сан Пин.

— Санька! Санечка!.. Да как же это?.. — упав рядом с нею на колени, запричитал он. Губы его дрожали. — Ну же, молви хоть словечко! — подняв Санькину голову, умоляет её Фёдор. Поняв, что перед ним бездыханное тело, он вдруг завыл... Протяжно, по-волчьи. При этом так громко, что его слышала вся крепость.

— Азиатку свою оплакивает... — говорит пушкарь Кирей Ермаков, лицо которого было чёрным от пороха.

Фёдор взял мертвое Санькино тело на руки и понёс вниз.

— Тятя! Тятенька! Что с мамкой? — догнав отца, испуганно спрашивает его Стёпка. Всё это время он помогал казакам нижнего боя перезаряжать пищали, а когда увидел Фёдора, несшего на руках мать, бросился за ним следом.

— Убили её, сынок... Убили, — сказал Фёдор и заплакал. Стёпка впервые видел его плачущим и оттого растерялся. Ухватившись за рукав отцовской рубахи, он вместе с ним в скорбном молчании проследовал к полусожжённой богдойскими петардами церкви, где лежали груды мертвяков. Хоронить их было недосуг, да и некому, потому как каждый человек сейчас был на счету.

Передав Саньку на руки людям, Фёдор уже хотел было вернуться на стену, когда к нему подошла Наталья.

— Больно, Феденька? — погладив его по заросшей щеке, тихо спрашивает она мужа.

— Ой, больно, Наталка!.. Так больно, что мочи нет, — отвечает Фёдор. — Я ведь вас обеих любил. Теперь вот ты у меня одна осталась... А ну подь сюды! — поманил он вдруг Стёпку. — Вот, Наташка, хочешь ты того али нет, но с этого дня ты для него будешь маткой. Он теперь ведь сиротинушка... Как, примешь?..

Та только грустно улыбнулась. А куда, мол, деваться?

— Ну вот и порешили... — проговорил казак. — Ну пойду я... А вы тут поосторожней будьте. Мы-то богдойца в крепость не пустим, но ядрам их да стрелам одно не устроишь заслон...

— И ты, Феденька, не больно-то там геройствуй, — умоляюще смотрит на него Наталья. — И за сыновьями пригляди. Как они там?.. Не ранены ли, не покалечены?..

— Живы они, мать, живы! Ну всё, буде речей — воевать надо...

— Тятенька! Возьми меня с собой, — просит отца Стёпка. — Хочу за мамку отомстить...

— Успеешь ещё! Жизнь она длинная, — говорит Фёдор.

— Аль думаешь, мы живы останемся? — с сомнением в голосе спрашивает Наталья.

— А куды ж мы денемся? — усмехнулся казак. — Русского человека и орда жгла, и швед с поляком душили, однако мы выжили. И теперь выживем.

— Да хорошо бы... — глядя мужу вслед, проговорила женщина. — Нам ведь надо ещё внуков поднимать. Ну а коли что — знай, Феденька, что ты для меня солнечным лучиком был в этой жизни. Любила, люблю и буду любить до конца.

— Я тоже тебя люблю! — не оглядываясь, крикнул Фёдор. — И прости меня за всё...

— Да уж простила, — легонько вздохнув, тихо вымолвила Наталья.

... Весь день длился бой. И только когда на западе зажглась вечерняя заря, Лантань велел офицерам отвести от Албазина свои полки. Завтра мы сделаем то, что не смогли сделать сегодня, сказал он им. А пока-де давайте подсчитаем свои потери.

А потери оказались большими. Сотни убитых, не считая раненых да тех, кто, испугавшись смерти, бежал за Амур. Командующего это привело в бешенство, и он устроил своим офицерам разнос.

— Вы плохие командиры! — кричал он им. — Почему ваши воины дрогнули перед горсткой плохо вооружённых казаков? Или мне просить императора, чтоб он прислал нам подмогу? Но ведь нас и без того пятнадцать тысяч! Да с таким войском можно покорить всю Азию. А вы?.. Завтра же первыми полезете на стены. Вы поняли меня? Тому же, кто струсит, я велю отрубить голову. И пусть навеки позор ляжет на весь его род...

У русских тоже потери немалые. Были убитые, были раненые. Среди них не только мужчины, но и женщины и даже дети. Башни и острог были разбиты пушками; калёными ядрами и огненными стрелами, выпущенными из станка, были сожжены церковь, лавки и хлебные амбары...

Приуныли люди. Так всю ночь и просидели возле догорающих углей, погруженные в свои невесёлые думы.

— Ничего, выстоим, — пытался ободрить их Толбузин. Он устал не меньше других, да и на душе было беспокойно, однако он старался не подавать виду. — А там, глядишь, и подмога поспеет. Свинца да пороху только бы хватило...

Но никто уже не верил в эту помощь. Оставили нас одних одинёшенек цари-бояре, — роптали люди. Кого-то даже крамольные мысли стали посещать. А не пойти ли врагу на поклон? — всё чаще и чаще звучало вокруг. — Не сдать ли? Глядишь, и поживём ещё. А что толку против такой орды иди? Одно ведь погибнем. И не только мы, но и дети наши...

— Цыц, подлые души! — жёстко обрывал такие речи воевода. — Услышу ещё — велю до смерти запороть...

— А ты нас не пужай, воевода! — бросил в сердцах пожилой казак Нил Губавин. — Лучше вели нарочных послать в Нерчинск — пушай поскорее подмогу присылают. Не то и впрямь всем нам придётся погибнуть. Да это бы ладно — знать бы за что умрём...

— Как за что? — подойдя к костру, возле которого в окружении товарищей сидел Нил, говорит воевода. — За Русь нашу матушку, конечно. И за царей наших, отцов родных, за Ивана и Петра...

Губавин усмехнулся.

— А они хоть знают, что мы есть такие на свете? — спрашивает.

— А как же! — подсаживаясь к костру, говорит Толбузин. — В Москве все про нас знают...

— Ой ли... — не верит ему Нил. — А я так думаю, им до нас никакого дела нет. Иначе бы они давно прислали сюда доброе войско. А так ни людей не дают, ни пушек, ни пороху...

— Вот-вот... И жалованья не платят, — поддержал его кто-то из казаков, сидевших у соседнего костра.

— Короче, мы точно те церковные мыши... Что сами добудем, тем и живём, — продолжает Нил. — Царям-то что... Им на морозах не мёрзнуть и грудь под пули не подставлять. О них заботятся, а кто подумает о нас?

— Бог подумает, — усмехнулся сидевший рядом с Губавиным постаревший за эти годы Игнашка Рогоза. — Только он, видать, спит, когда нас плетьюми секут да голодом морят.

— Вот я и говорю: велика русская земля, а правде в ней места нет, — молвит Губавин. — А без правды что за жизнь? Я вот, к примеру, в эти края бежал для того, чтобы счастье свое сыскать. Думал, уж там-то у людей все, как у человек. Там и воля, и сытость, и правда есть. Оказалось, ошибся. И здесь всё, как везде... Разве что солнце ярче светит да леса гуще и богаче.

Воеводе не нравятся такие речи.

— Крамольничаешь, Нил Степанов!.. Смотри у меня! За такие речи знаешь, что полагается?

Нил махнул рукой.

— Да говорю ж тебе, не пужай... Я ведь уже и плетьюми битый, и в тюрьмах сиженный, и саблю рубленный... Разве что на кол меня осталось посадить... Так ить и это не страшно. За правду свою я всегда готов пострадать.

— За правду, говоришь? — спрашивает Толбузин. — А какова она твоя правда?

Нил на мгновение задумался.

— Воля — вот моя правда, — наконец говорит. — Без её родимой мне и белый свет не мил. Так что умирать завтра я буду не за царей и бояр, а за эту самую волю.

Видя, что Губавина не образумишь, Толбузин безнадежно махнул рукой и встал в намерении отправиться на покой. Жена-то, наверное, уже заждалась его. Слава Богу,

огонь, что прошёлся по острогу, не тронул приказную избу, значит, есть возможность лечь и забыться хотя бы на часок. Глядишь, завтра уже не удастся этого сделать.

А что до Нила... По правде говоря, Алексей Ларионович в душе сочувствовал ему. В самом деле, мало ещё добра-то на Руси. Отсюда и эти толки, дескать, хоть в Орде, да не в обиде. Все к добру тянутся, все ищут лучшей доли для себя. Жаль, редко находят. Оттого вольная воля и кажется многим тем самым главным добром, к которому нужно стремиться. Но недаром говорят: волю дать — добра не видать. Вольная воля — это цыганщина, разгул, пьянство, что непременно кончается разбоем и бунтом. Оттого и нужна жёсткая рука в государстве, оттого и нужны суровые законы... Однако ж, что бы там ни было, людей не стоит винить в том, что они ищут счастья. Только бы вот знать, где оно?..

Глава десятая. Исход

Даже не взглянув на накрытый к его приходу стол, Толбузин бухнулся в постель и забылся. Однако спал он недолго. Заслышав во сне какие-то странные звуки за окном, открыл глаза. Прислушался. Когда понял в чём дело, успокоился. И что этому пяуну неймётся? Хоть бы отдохнул чуток, — подумал воевода, узнав хрипловатый голос слепого музыканта, певшего под аккомпанемент своей домры. — Али он решил народ отвлечь от тяжких дум?..

Этот неведомо откуда взявшийся человек сразу пришёлся по душе казакам. Одни даже говорили, что он Богом был им послан. Старик знал много диковинных песен, но больше всего албазинцам понравилась та, в которой он воспевал героев-кумарцев, некогда выстоявших в битве против огромного войска маньчжуров. Вот и сейчас, устроившись рядом с мальчонкой-поводырём на обгорелом бревне, ещё недавно служившим венцом порохового погреба, и положив на колени свой инструмент, он тихо пел, легонько перебирая струны домры:

Во сибирской во украине,
 Во Даурской стороне,
 В Даурской стороне,
 А на славной на реке-Амуре,
 На устье Комары-реки
 Казаки царя белого
 Они острог поставили,
 Ясак царю собирали...
 Круг острогу Комарского
 Они глубокой ров вели,
 Высокой вал валилися,
 Рогатки ставили,
 «Чеснок» колотили,
 Смольё приготовили...

Дальше в песне слепец повествовал о том, как богдойский князец, пришедший воевать казаков, предлагал им сдаться, прельщал их золотом-серебром и красными девицами. Однако напрасно...

А было у казаков
 Три пушки медные,
 А ружьё долгомерное.
 Три пушечки гунули,
 А ружьём вдруг грянули,
 А прибили они, казаки,

Тое силы богдойские,
 Будто мушки ильинские,
 Тое силы поганые.
 Заклинался богдойский князец,
 Бегучи от острога прочь,
 От острогу Комарского,
 А сам заклинается:
 «А не дай, Боже, напредки бывать
 На славной Амур-реке!»
 На славной Амур-реке
 Крепость поставлена крепкая
 И сделан гостиной двор
 И лавки каменны...

... Остаток ночи Толбузин пролежал с открытыми глазами. Ворочался, скрипел тесовой кроватью, слыша, как за перегородкой вздыхает его жена. А когда забрезжила заря, он, тяжело вздохнув, достал из-под кровати сапоги, надел шёлковые на очхуре шаровары и, набросив кафтан на плечи, стал перед образами.

— Господи! — прошептал он. — Ежели ты есть на свете, то помоги нам, несчастным, одолеть врага нашего. Укрепи наш дух и всели в нас мощь!.. Пресвятая Богородица, ангел хранитель, угодник Сергей, дайте обрести нам веру в победу, спасите и сохраните нас от стрел ядовитых и огня, от бесовых этих орд, что непрошенными пришли на нашу землю...

Гермоген был уже на ногах.

— Ну что, Ляксей Ларионыч, снова богдойца воевать будем? — увидев выходящего из приказной избы воеводу, подошёл он к нему.

Тот выглядел несколько потерянным.

— Вчерась я с людьми разговаривал, — вместо ответа произнёс он. — Так вот не во всех дух ноне крепкий. Кто-то и ослаб, и ужо о сдачи крепости заговорил. Однако не бывать этому! — хмурит он брови. — Не для того мы тут стоим, чтобы ворогу на поклон идти. — Он на мгновение умолк, видимо, соображая что-то. — Ты бы вот что, отче... Взял бы да сказал что-то своё людям, дух бы их укрепил. Они тебя любят и верят тебе. Давай, выполни мою просьбу.

А Гермоген и сам видел, как албазинцев всё больше и больше охватывает паника. Казаки ещё ладно, но вот бабы... Детишек им своих жаль. Отсюда и мужья затревожились. Не хотят родных терять.

— Ты прав, Ляксей Ларионыч, людей надо ободрить, верить в себя заставить. Без этого нам не выстоять, — соглашается с воеводою Гермоген.

Звонница церковная ещё накануне была разрушена неприятельскими ядрами и огнём, потому он велел бить в железо и собирать народ. Нехотя сходились люди на крепостную площадь, на которой всё ещё постреливали угли догорающих ночных костров. Усталые, измаянные, с опухшими от бессонницы лицами. Мужчины, женщины, старики, дети...

Тут же появилось войсковое знамя Албазинского воеводства с изображённой на нём Богоматерью.

— Братья и сестры! — дождавшись, когда придёт народу, и монахи вынесут хоронившиеся от врага в глубоких копанях иконы, начал Гермоген. — Ноне нам предстоит выполнить высокий долг... Мы не должны дать врагу захватить нашу крепость. Однако вначале он попытается покорить наш дух, ведь без этого мы станем слабыми и беспомощными. А тогда бери нас хоть голыми руками! Так я заклинаю вас, чтобы вы не испугались врага нашего и не отчаялись. Стоять будем насмерть! Иначе какие ж мы русские?

Гермоген говорил по силе своей, негромко, однако в крепости стояла такая тишина, что слышно было, как стрекочут в траве потревоженные людьми кузнечики, да где-то за стеной у ближнего леса от нетерпения храпят и бьют копытами боевые богдойские кони.

«Слава страстем Твоим, Господи...», — исчерпав свои слова, начал старец говорить словами Евангелия. «Слава долготерпению Твоему, Господи...» «Разбойника благоразумного во едином часе раеви сподобил еси, Господи; и мене древом крестным просвети и спаси...»

— А ну повторяйте за мной! — велит он опустившимся перед ним на колени людям. — «Царю Небесный, Утешителю, душе истины, Иже везде сый и вся осполняяй, сокровище благих и жизни Подателю, Прийди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наши...»

— Повторяйте! — снова просит он. — «Господи! Не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня. Помилуй меня, Господи, ибо я немощен; исцели меня, Господи, ибо кости мои потрясены; и душа моя сильно потрясена; Ты же, Господи, доколе? Обратись, Господи, избавь душу мою, спаси меня ради милости Твоей, ибо в смерти нет памятования о Тебе: во гробе кто будет славить тебя?... Иссохло от печали око мое, обветшало от всех врагов моих... Да будут постыжены и жестоко поражены все враги мои; да возвратятся и постыдятся мгновенно».

«... Восстань Господи! Спаси меня, Боже мой!.. Ибо ты поражаешь в ланиту всех врагов моих; сокрушаешь зубы нечестивых. От Господа Спасение. Над народом Твоим благословение Твое...» «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь!»

— Аминь! — повторила толпа.

— А теперь, братья и сестры, за работу! И помните, Бог услышит вас и даст вам спасение. Те же, кому не удастся живыми выйти из боя, с лёгким сердцем предстанут пред Всевышним. Ибо все вы уже проложили к нему свою светлую дорогу... Ну, а что касаемо богдойцев — содом и гоморра грозит им в наказание за их злодеяния...

Как только солнце поднялось над лесом, богдойцы ударили в боевые барабаны. Снова загремела артиллерия, обрушив на крепость петарды и тяжёлые чинённые ядра. И вскоре от точных пушечных ударов полностью рухнула церковь, а вместе с нею взлетели на воздух и все церковные постройки, включая часовенку в честь Николая Чудотворца и церковные пределы — Богородицы Владимирской и Архангела Михаила. А потом дошла очередь и до приказной избы. Алексей Ларионович, находясь в укрытии у верхнего боя, видел, как тяжёлое ядро пробило крышу, а следом влетевшая в дом петарда разнесла его в пух. Слава Богу, жену свою я вовремя определил к людям в землянку, иначе бы... — Воевода тяжело вздохнул и покачал головой.

— Да, жарким будет денёк, — вслух произнёс он.

— Что?.. А, ну да... — пытаюсь перекричать грохот орудий, соглашается с ним стоявший рядом Черниговский. Он ещё не совсем отошёл после контузии, потому плохо слышал на левое ухо. — Чёрт! И как мы не догадались ночью вылазку-то сделать! — помянув недобрый словом вражескую артиллерию, неожиданно произнёс он. — А то б укоротили язычок их мортирам. До лесу, может, и не добрались бы — там повсюду сторожа, — а уж бусы с пушками потопить бы сумели. В каждую б заложили заряд — и концы в воду... Но ничего, коль ноне выстоим, ночью сам отправлюсь на вылаз.

А вражеская артиллерия не смолкала ни на минуту. Вот уже появились и первые убитые. Следом зарыдали бабы, запищали укрывшиеся под землёй детки. Так длилось примерно с час, а потом вдруг гром стих.

— Ироды!.. Они ребетёнка моего убили! — в наступившей тишине раздался вдруг отчаянный женский голос.

— Господи, спаси и сохрани нас грешных! — эхом прозвучало ей в ответ.

Воспользовавшись передышкой, мужчины достали свои чубуки. Говорить не говорили — наслаждались тишиной.

Однако тишина эта длилась недолго. Вскоре вновь ударили боевые барабаны и богдойцы бросились на штурм.

— Пли! — встав в полный рост, кричит Толбузин. И тут же пули, выпущенные из пищалей, сразили наповал с десятков тех, кто был в первых рядах наступавших. В ответ богдойцы ударили из станков, и сотни тяжёлых стрел устремились в сторону крепости.

— Ты бы, барин, не высовывался так! — корит воеводу Никифор. — Убьют, что мы делать будем?

— Коль меня убьют — тебе завещаю началовать войском. Аль ты не атаман?.. — улыбнулся в усы Толбузин.

— И всё ж упрячься, Ляксей Ларионыч! Не приведи Господи, стрела какая, аль пуля прилетит...

А богдойцы, подставив к стенам высокие лестницы, уже карабкаются наверх. Их встречают огнём и прикладами. Тех же, кому удаётся взобраться на стену, рубят саблями.

— Эх, смолки б щас, да где ж её взять? Давесь ещё вся кончилась, — глядя на карабкающихся по лестницам узкоглазых ратников, говорит Толбузин.

Снова заговорила вражеская артиллерия. На этот раз ей удалось сделать пролом в крепостных воротах, и тут же в него хлынули маньчжуры. Началась кровавая сеча. На помощь казакам из нижнего боя бросились пашенные с рогатинами и топорами. Однако богдойцам удалось опрокинуть их. Оказавшись в крепости, они с победными криками ринулись к чудом уцелевшим постройкам, круша мечами всех, кто попадался на их пути.

Неожиданно будто бы из-под земли пред ними возник старец, державший в руках икону с образом Божьей Матери. Он молча и сурово глядел на врагов — как бы заставлял их остановиться. Верно устранившись этого взгляда, богдойцы замерли в нерешительности.

— Иван, Карп, Григорий, Ефим — гайда за мной! — увидев Гермогена в окружении врагов, кричит Фёдор старым товарищам. — Старца нашего убивают!..

Словно ястребы с неба слетели они со стен и бросились на врага. Силы были неравными, но казаки дрались так отчаянно, так ловко они уворачивались от неприятельских мечей, что богдойцам никак не удавалось сломить их сопротивление. А тут и Пётр подоспел, а за ним и ватага пашенных во главе с Захаркой. Бились насмерть, не жалея голов своих.

— Давай, сынок, давай! Шибай их дьяволов! — опрокинув очередного басурманина, кричит Фёдор сыну. — Неча поганцам землю нашу топтать!

Глаза у него злые, бешеные. Ночью он похоронил свою Саньку. Не лежать же, мол, ей, как той дохлой псине, у всех на виду.

— Отпеть бы её надо, мою голубу, — обратился он к диакону Ионе.

— Да не по чину мне, Федя, — говорит тот. — Кадилом помахать ещё могу, но не больше. Обратись к отцу Максиму.

А у священника и без того работы хватало. Наскоро отпев одного покойника, переходил к следующему. Потому Фёдору пришлось ждать почти целую ночь. Но вот наконец настал и Санькин черед.

«В путь узкий ходшии прискорбный, вси в житии крест яко ярем вземшии... — читал отец Максим. — Приидите, насладитесь их же уготовах вам почестей и венцов небесных...»

Прочитав молитву, он трижды осенил усопшую крестным знаменем и велел двум послушникам помогать ему, опустить тело в наскоро вырытую общую яму. Нынче было не до гробов, да и откуда им было взяться, поэтому прежде чем положить покойницу в могилу, её замотали в старое тряпье. Всё... — крепко зажмурил глаза Фёдор. Нет у него больше Саньки. А тогда для чего жить? Но тут отец Максим ему: крепись, мол, казак,

жизнь твоя ещё не кончена. А потому нельзя тебе опускать руки, бо это грешно... Чай не зверю в лапы отправляешь сестру нашу, а в лучший из миров, — сказал он.

Однако эти слова не смогли успокоить безутешную душу Фёдора. Так и просидел он до зари, погружённый в тяжёлые думы. И только богдойские пушки заставили его очнуться.

— Давай, давай, сынок!.. Не посрами род наш опаринский!.. — отбив атаку двух богдойцев, снова кричит Фёдор. — Эй, братцы! А ну навались! Зададим этим поганцам карачуна¹! А то чтой-то мы долго с ними цацкаемся...

— Ито! Намнём им горб! Выпотрошим их как свиней! — подхватывает его слова Верига. Кажется, он наконец-то попал в свою стихию, забыв про все беды на свете. — Бей их, собак! Бей — не жалей!..

И снова звенит сталь, снова от мощных сабельных ударов казаков лопаются у врагов куяки, и те падают, падают на землю, орошая её своей алою кровью...

Так длилось долго. Но вот наконец осаждённым все же удалось вытеснить богдойцев из крепости. Тут же возле пролома заняли место стрелки, которые шквальным огнём стали встречать неприятеля.

— Бей их, гадов! Бей! — шумит им сверху Толбузин. — И чтоб больше ни один супостат не вошёл в город!

Неожиданно кто-то громко прокричал:

— Православные!.. Беда-то какая! Отца Максима манзуры в полон увели! А с им и икону Николая Чудотворца забрали!

Это известие с быстротой молнии разлетелось по крепости. Люди были потрясены и подавлены. Да как же мы прозевали-то? Почему дали этим извергам зло совершить?..

— Псы поганые!.. — сорвав пучок травы и вытерев им окровавленную саблю, зло произнес Фёдор. — А ну, товарищи мои, гайда все на стену! Здесь мы своё дело сделали...

Поправив куяк и надвинув поглубже железный шолом, он первым устремился наверх, где осаждённые уже с трудом сдерживали натиск противника.

— А ну навались, робяты! — бросаясь в самую гущу боя, хриплым от натуги голосом воскликнул он. — Покажем этим поганцам, как дерутся русские!..

Но силы были неравными. Порой одному казаку приходилось сражаться сразу с несколькими врагами, и тогда на помощь приходила выучка и это великое желание победить.

— Тимоха, как ты?! — увидев орудующего рогатиной брата, кричит ему Пётр.

— Ничо, держимся! — отвечает тот.

— Ну и ладно!..

Поднял саблю, чтобы одним ударом сразить метнувшегося в его сторону коротконового маньчжура, и тут же почувствовал нестерпимую боль в боку. Провёл рукой — кровь... Никак пуля попала, испуганно подумал казак.

Ему ещё хватило сил, чтобы сладить с двумя наседавшими на него богдойцами, но потом вдруг в глазах у него потемнело и он упал.

Он лежал на земле, истекая кровью. Рядом стонали тяжелораненые, а где-то там, над головой яростно звенели клинки, перемежаясь с отчаянной людской бранью. То из последних сил сдерживали натиск богдойцев его товарищи. Они стреляли по ним в упор из ружей и пистолей, рубили саблями, били ослопинами, кололи вилами... Все встали на защиту крепости. Даже женщины взяли в руки оружие...

Однажды Пётр все ж попытался встать, но не смог. Неужто конец?.. — мелькнуло у него в голове. А ведь он не собирался умирать. Не со-би-рал-ся! Он думал, что будет жить долго. Что он ещё обретёт своё счастье. Что у него появится любимая женщина, с которой он проживёт в мире и согласии остаток своих дней. И у них будут дети... Потом появятся внуки... Однако вон оно как вышло... Но почему я?.. Почему именно я? — теряя силы,

¹ Карачун – смерть, конец.

спрашивает он себя. А может, все они сегодня погибнут? И никто — никто! — никогда не узнает об их подвиге. Потому что некому будет о нём рассказать. Да что там — их даже похоронить будет некому. Так и будут лежать на земле, пока дикие звери не обглодают их косточки... Обидно...

В эту минуту ему вдруг страшно захотелось увидеть кого-нибудь из близких. Пусть-де они утешат его в последнюю минуту. Попытался подать голос, но ничего из этого у него не вышло. Ну вот, и проститься мне даже не суждено... — с грустью подумал он.

Он закрыл глаза и приготовился умирать. Силы продолжали оставлять его и ему уже казалось, что ничто в мире не спасёт его. «Господи! Услышь молитву мою, внемли молению моему по истине Твоей; услышь меня по правде Твоей...»

В эту минуту он вдруг услышал рядом с собой чей-то взволнованный и в то же время требовательный голос.

— Ну же, очнись казак!.. Говорю тебе, очнись!

Он открыл глаза и увидел перед собой женское лицо.

— Люба... Любушка? Да неужто ты? — в полузабытье прошептал Пётр.

— Да не Любашка я...

То была незнакомая Петру молодая девица. Собравшись с силами, она оттащила его большое тело подальше от места брани и стала колдовать над ним. Задрав окровавленную рубаху, она смочила из скляницы с водкой небольшую ветошку и приложила её к ране. Пётр поморщился.

— Ты кто ж такая? — неожиданно шевельнулись его губы.

— Дашка я... Калачёва, — отвечает.

— Слободская, что ль?..

— Ага... — перевязывая казаку рану, отвечает девушка.

— Что-то я тебя не припомню... Хотя... Ить я сто лет у вас не был. А когда бывал, ты, поди, ещё под стол пешком ходила... Ты скажи мне, Дашка, жить-то я хоть буду?

— Будешь, казак, будешь, — продолжая перевязывать рану, нарочито бодрым голосом говорит девушка. — Пуля у тебя, кажись, навывлет прошла. Знать, обойдется. Вон уж и кровь так не течёт... Но ты молчи, тебе нельзя щас напряживаться. Будешь лежать тихо — скорее на ноги встанешь.

— Твои бы слова да Богу в уши, — улыбнулся казак и с благодарностью погладил своей большой ладонью девушку по щеке. Она улыбнулась ему в ответ...

... Ни в этот, ни на следующий день богдойцам так и не удалось овладеть крепостью. А пятнадцатого июня на рассвете сидевший в смотровой башне караульный увидел, как вниз по течению в сторону крепости движутся несколько плотов с людьми.

— Подмога!.. Подмога пришла! — радостно закричал он.

— Давай сюды, братцы! Да резвей же! Резвей! — боясь, что прибывших заметит враг, зашумели сбежавшиеся со всех концов крепости люди.

Но богдойцы были настороже. Услышав крики, они забили тревогу, и скоро на берегу появились сотни две вооружённых до зубов воинов. Когда плоты причалили к берегу, к ним тут же был выслан переговорщик, молодой богдойский офицер, которого сопровождал толмач.

— Узнайте, кто это такие! — наказал им Лантань. — Если это оросы, велите им сдаться...

Вскоре командующему доложили, что то прибыли на помощь осаждённому пятьдесят жителей заимок, расположенных выше по течению Амура, которые и не думают сдаваться.

— Тогда уничтожьте их! — тут же распорядился генерал.

Завязался бой. Пашенные дрались отчаянно, но силы были неравными и они стали потихоньку терять людей. Словно загнанные звери, они метались по берегу, отбиваясь от

врагов сноповыми вилами да дровяниками. А когда было невоготу, бросались в воду, где продолжали бороться за свою жизнь.

— Надо бы помочь братьям! Только прикажи, боярин, и я тут же поведу казаков в бой! — говорит воеводе Черниговский. — Негоже глядеть, как их на глазах наших убивают.

Толбузин покачал головой.

— Нет, Никифор, нельзя нам этого делать, — твёрдо произнёс он. — Мы туда, а богдойцы возьмут да захватят крепость. А тут одни бабы, старики да дети... И что тогда?..

— Да как же... — хотел что-то сказать атаман, но только беспомощно махнул рукой и замолчал. Он стоял на высоком крепостном валу и сквозь раструб бойницы с болью глядел на то, как падали сражённые богдойскими мечами мужики, как отчаянно они пытались прорваться к крепости.

— Держитесь, братушки! — кричали им со стены казаки. — Держи-итесь!..

— А ну давай-ка им подмогнём! — наконец не выдержал воевода. — Заряжай! — командует он стрелкам. Те тут же ставят свои ружья на сажанки¹. — Цельсь! Пли!..

За первым дружным залпом последовал второй, третий, четвертый... Эхо выстрелов стремительно прокатилось по реке, спугнув плававших в заводях уток. Те в панике выскочили на берег и быстро растворились в густых тальниках. А тут новое раскатистое эхо...

— Пли!..

В ответ с богдойских бус ударили пушки, окатив шрапнелью стены крепости. Тут же появились убитые и раненые.

— Дьяволы! — прячась в укрытие, воскликнул воевода. — А нам и нечем огрызнуться, — вспомнив о том, что накануне богдойские мортиры уничтожили всю невеликую албазинскую артиллерию вместе с пушкарями, произнёс он.

— Опять мы не сделали ночью вылаз, — говорит бывший с ним рядом Никифор. — Подождли б факелами их бусы — и все дела....

— А то мы не пытались! — невесело усмехнулся Толбузин. — Однако не смогли...

— Что правда, то правда, — вздыхает старый казак. — Эх, хоть бы кака швылка² нашлась, чтобы нам выбраться из крепости. Только ведь манзуры зорко нас стерегут. Вон сколь их костров ночью-то горело вокруг. Свету было, точно днем... Но ничего, что-нибудь придумаем. Главное, чтоб в людях вера не угасла.

— Истинно так, — соглашается с ним воевода. — Уйдет вера — уйдет и сила. А ведь люди ослабли... При этом не только телом, но и духом. Кто-то уже и о сдаче толкует.

— Может, с Гермогеном переговорить? — спрашивает Никифор. — Тот плохих советов не даёт.

— Да говорил я с ним, — послышалось в ответ. — Он тоже, понимаешь ли, за то, чтобы начать с богдойцами переговоры. Негоже, говорит, нам православные души губить. Но что с ним поделаешь? Нет, кто как, а я останусь до конца...

Дождавшись, когда смолкнут орудия, он приподнял голову и побледнел, увидев, что весь берег был усыпан мертвыми телами. Посконные рубахи, рваные штаны, лычки на ногах с оборами в переплёт... И эти залитые кровью лица... Молодые, старые, бородатые, безусые. Из всех мужиков в живых оставалось только двое. Встав спина к спине, они пытались отбиться от наседавших на них маньчжуров.

— Герои! — сдавленно проговорил воевода. — Только вряд ли когда Русь услышит о них.

— Вот и я говорю... — тяжёло вздохнул Никифор и отвернулся, чтобы не видеть побоища. Так и стоял он, пока не услышал на берегу победные возгласы богдойских воинов.

¹ Сажанки – подставные ружейные сошки.

² Швылка – щель, проход.

— Всё кончено... — сказал Толбузин. — Теперича басурманы на нас попрут. Так что веди людям готовиться... — обращается он к Черниговскому.

Две недели маньчжуры пытались штурмом взять крепость и всё это время албазинцы успешно держали оборону, не давая врагу сломить их. К середине второй недели у них кончились боеприпасы, тогда в ход пошли камни, а следом и всё, что попадалось им под руку. Но силы таяли, и в конце концов настал день, когда уже не было мочи сопротивляться.

— Умрём, но не сдадимся! — пытался поднять дух людей Черниговский, но тщетно.

— Мы-то ладно, а как быть с бабами да детишками? — спрашивали его казаки. — Не погибать же им вместе с нами. Вот кабы были мы одни...

Пришлось собрать казачий круг.

— Давай, воевода, решай, что будем делать, — усевшись на горелое бревно, говорит старец.

— Ты моё решение знаешь, — опускаясь рядом с ним, устало произнёс тот.

Только что закончился бой, и запахи смерти ещё витали повсюду. Вдоль крепостной стены лежали неубранные мёртвые тела; неподалёку, потрескивая, догорали бревна гранатного погреба; пахло дымом, кровью и порохом.

— Ляксей Ларионыч... — обедая тяжёлым взглядом почерневшие от усталости лица своих товарищей, что сидели рядом на ещё горячей от вражеских петард и калёных ядер земле, обращается Черниговский к воеводе. — Ты ж знаешь, я всегда был за то, чтобы не сдавать крепость. Однако, что мы щас можем? У нас ни пороху, ни пуль... А к тому же съестные припасы на исходе... Ну убьют нас, али там в полон возьмут — и кто ж тогда отомстит поганым? Тогда не лучше ли пойти на изворот?.. Сдадим этим дьяволам крепость, а потом, собрав силы, вернёмся и такое им устроим! Ну как, ты согласен?

Однако Толбузин молчал. И что сейчас творилось у него в душе, трудно было понять.

— Ну, а ты что на это скажешь, Фёдор? — не дождавшись ответа, обращается Никифор к старому своему товарищу.

Тот пожал плечами.

— Не мне решать, — промолвил он. — Но ты дело говоришь. Я тоже готов мстить ворогу. А как отомстишь, ежели тебя убьют?.. Да и деток малых жалко, — вспомнив вдруг про своих внучат, говорит он.

— Точно! — понеслось со всех сторон. — Вот придём сюда без баб и зададим поганым жару!.. И щас надо о детках малых подумать. Они-то в чём виноваты? Ну что молчишь, Ляксей Ларионыч? Давай, соглашайся...

Ещё минуто воевода колебался и наконец сказал:

— Что ж, пусть будет по-вашему. Давай, Никифор Романов, высылай к богдойцам переговорщиков. А я что-то устал — пойду отдохну...

Он встал и, тяжело ступая, направился прочь. Он шёл, ничего не видя перед собой. Скорее, скорее, пока жена не хватилась его. А то уцепится в полу кафтана и станет реветь. А он этого не выдержит... Жаль, конечно, что он уйдет, не простившись с ней, но так лучше. Ведь, зная его характер, она поймёт его. Поймёт и простит. Только вот как она потом будет жить без него? Но об этом не надо сейчас думать. Коль решил, значит, решил...

Добравшись до развалин бывшего церковного хозяйства, он устало опустил на колени и застыл. Так и сидел, мысленно прощаясь со всем, что ему было дорого в этой жизни. Вспомнил матушку, отца, братьев своих и сестёр. Семья была большой, дружной... Как-то они всё воспримут его уход?..

Он достал из-за пояса свой пистоль; проверив, что тот заряжен, приставил его к виску. Ну, прощайте все, кого я любил! Прости меня, Господи, за то, что я делаю, но только иначе я поступить не могу. Когда корабль тонет, его кормчий остаётся на борту...

Он зажмурил глаза, но в тот самый момент, когда он уже готов был спустить курок, кто-то тихо окликнул его. Оглянулся — старец! И откуда только взялся?..

— А ну, Ляксей Ларионыч, подь-ка сюды... — просит его Гермоген.

— Чиво ещё?.. — насупился тот.

— Давай-давай, не ломать же мне ноги на этом пепелище. Ишь, забрался в самую розваль и тешится...

Толбузин нехотя поднялся с земли и, понуро опустив голову, направился к старцу.

— Ну, чиво звал-то?..

Старик не сразу заговорил. Будто бы примерялся к слову.

— Ты знаешь, чего больше всего должен бояться православный? — неожиданно спрашивает он воеводу. Тот пожал плечами. — Греха — вот чего. А то, что ты задумал щас, и есть для верующего самый великий грех... Ну, что уставился на меня? Знаю, всё знаю... Пистоль-то зачем заряжал? Вот то-то и оно, что хотел с жизнью свести счёты. Но ведь жизнь тебе Бог дал, он и возьмёт её у тебя. И ты не вправе решать за него, когда тебе оставлять этот мир. Аль ты не знаешь, что у нас самоубивц и на кладбище-то не хоронят — только за её оградой. И каково тебе будет лежать вероотступником? Али Бога не боишься? Ну, что молчишь?

Толбузин поднял глаза, и Гермоген увидел, что в них столько боли, что ему стало вдруг жалко человека.

— Давай-ка, братец, не валяй дурака, — говорит старик. — Лучше иди и думай, как людей спасать. Ты ж тут главный — вот на тебя и надежда...

— Да не могу я, старче... не могу, неужто не понимаешь? — пытался сопротивляться Толбузин. — На меня ведь надеялись, а я что?..

— Ты что? — говорит старец. — Ты до конца выполнил свой долг. И неча тебе совеститься.

Толбузин покачал головой.

— Всё равно не могу...

— А куды тебе деваться-то? — ухмыльнулся Гермоген. — Одно придётся людей спасать... Я тебе так скажу: всякий полководец хоть один раз в жизни да проигрывает. Но то, что с нами приключилось, позором никак нельзя назвать. У нас просто не хватило ни сил, ни оружия. Но зато мы показали всему миру, что дух людской другой раз бывает могучее пушек. Глянь, сколь мы ихнего воинства-то положили — месяца не хватит, чтоб схоронить.

— Ой, мудрено, говоришь, старик! — тяжело вздохнув, произнёс Алексей Ларионович.

— Так ить это по чину мне положено. Твой долг оружием победу ковать, мой — словом... — на что ответил старец.

Долго потом ещё Гермогену пришлось убеждать воеводу, чтобы тот выкинул блажь из головы и занялся делом. И только когда Алексей Ларионович наконец понял, что не то время он выбрал для сведения счётов с жизнью, что он просто обязан вместе со всеми своими полчанами до конца пройти этот трудный путь, он пошёл на попятную.

... Всю ночь он не сомкнул глаз, пытаясь выстроить в голове план дальнейших своих действий. Может, и впрямь следует торопиться с переговорами? — спрашивал он себя. Ну, а пока суд да дело, глядишь, и подкрепление прибудет... Ладно, утро вечера мудренее, наконец решил он. Но не успело встать солнце, как тысячи маньчжурских ратников лавиною устремились к стенам крепости. При этом вместо мечей в руках у каждого была охапка дров.

— Что это они ещё задумали? — удивился воевода.

— Да разве не понятно, Ляксей Ларионыч? Выкурить они нас вконец задумали из крепости. Щас такой пожар начнётся — не приведи Господи... — с явной тревогой в голосе произнёс стоявший рядом и наблюдавший эту сцену Никифор. — Жаль, порох весь вышел, а то б такого жару им задали! Но что мы ноне можем?..

Обложив стены хворостом и не получив отпора, маньчжуры без потерь вернулись в свой лагерь. А уже в следующую минуту сотни огненных стрел, с шумом пронзив воздух, ливнем обрушились на крепость. Следом заговорила вражеская артиллерия, выпустив по крепости тяжёлые калёные ядра. Вспыхнули обложенные хворостом стены. Огонь был таким сильным, что албазинцам пришлось немедленно отойти в укрытия.

— Пора, Ляксей Ларионыч, — говорит воеводе Никифор. — Больше ждать нечего. Ежели мы не начнем переговоры, нас заживо спалят. А то ворвутся в крепость и всех пережгут. Нас-то сколь осталось? То-то и оно, что шиш да маненько. Давай, воевода, решайся. Тебе идти не надо — я пойду. Возьму пару казаков верных — и вся недолга...

— Что ж, коль так, то действуй, — только и осталось сказать воеводе. — Иди... Да поможет тебе Бог!..

... Лантань был доволен.

— Ну вот и всё! — сказал он. — Кончилась для оросов их амурская эпопея. Теперь вся эта левобережная земля принадлежит нам. Слава императору Кан-си! — вскричал он.

— Слава! Слава! Слава! — подхватили его воины.

По велению Лантаня, восхищённого мужеством албазинцев, маньчжуры не стали чинить им зла, а позволили беспрепятственно покинуть крепость. Лишь оружие с лошадьми да остатки съестных припасов у них забрали. Оттого на пути в Нерчинск им приходилось питаться одними кореньями да травами. «С великою нужею идём к вам», — доносил с дороги нерчинскому воеводе Ивану Власову Толбузин.

А у самого на душе кошки скребли. Как-то их встретят свои? Не сочтут ли они их трусами да изменниками?

Идти пришлось долго. Пёхом ведь много не находишь, при том по такой жаре. А тут еще раненые... Их поочерёдно несли на сооружённых наспех носилах. Кому же повезло, тех уместили на телеге, запряжённой одной-единственной неспрягой¹, которую на одной из таёжных заимок одолжили у пожилого пашенного. Дескать, когда возвращаться будем — отдадим.

— А вернётесь ли? — с надеждой спросил мужик. И видно было, что он не так за лошадь тревожился, как боялся, чтобы край этот не отошёл маньчжурам. Не то беда...

— Вернёмся, отец, обязательно вернемся! — говорит Мишка Ворон.

— Ну тады ладно... — успокоился человек.

Петру тоже нашлось место в телеге.

— Ну как ты, сынок? — время от времени спрашивала Наталья, которая всю дорогу не отходила от сына. Ухватившись за край повозки, она шла, едва передвигая ноги. Измученная, голодная, опустошённая. Такими же больными и несчастными выглядели и все, кому повезло остаться в живых.

— Терпимо, мамань... — шевелил пересохшими губами Пётр.

— Небось есть хочешь? На вот, пожуй корешок, — протягивает она ему луковицу саранки.

Пётр поморщился.

— Ты б мне лучше водицы дала, — говорит.

С тех пор, как его ранило, прошло уже немало дней, а он всё никак не мог оправиться. Вначале, когда Пётр три ночи кряду метался в бреду, многие думали, что он уже-то и не жилец. Ан нет, выкарабкался. Но на поправку шёл медленно. Вот и теперь у него не было сил, чтобы встать на ноги. А то бы первым делом он отыскал свою

¹ Неспряга – лошадь, которая ходит только одиночкой.

спасительницу... Как там её? Дашка? Ну вот, отыскал бы эту Дашку и поклонился ей в пояс. Если б не она... Он глубоко вздохнул.

— Слышь, мамань... А где та девка, что сидейкою¹ у меня была? — однажды не удержался и спросил он Наталью

— Ты про Дашку что ли?.. — поправляя прикрывавший от солнца голову сына влажный ручник, спрашивает мать.

— Да про её, сердечную, — негромко проговорил Пётр. — Где она? Жива ли? — спрашивает Пётр.

— Жива, жива, сынок, — отвечает Наталья. — Только вот горе у нее...

— Горе?.. И чиво?

— Родачей её поганые убили... Только и осталось, что двое младших братьев...

Пётр нахмурился.

— И-их! — в сердцах вымолвил он. — Сколь же эти дьяволы народу нашего погубили!.. Но ничего, мы ещё вернемся. За всех отомстим... Ты б вот что, мамань... Нашла бы мне эту Дашку. Хочу доброе слово ей сказать.

Наталья улыбнулась.

— Хорошая девка, ничего не скажешь, — говорит. — И умница, и красавица... А доброты-то, доброты!..

— Да ладно, мамань... — покраснел вдруг Пётр. — Ты будто бы меня сватать собралась.

Наталья замахала на него руками.

— Да что ты, сынок, что ты!.. Тебе выбирать. А моё дело принять твою избранницу...

Она уже хотела было отправиться на поиски девушки, но тут же отказалась от этой мысли, решив, что при всём желании у неё не хватит сил, чтобы обойти эту растянувшуюся на добрую версту колонну. А в конце второго дня Дашка сама отыскала Петра.

— Как ты, казак?.. — спросила.

Когда Пётр увидел девушку, бледное его лицо вдруг зарделось румянцем.

— Как видишь, живой... — старается бодриться он. — За то тебе спасибо. Кабы не ты, я б уже, поди, давно в сырой земле лежал.

— Маманю свою благодари, — говорит девушка. — Это она возле тебя хлопотала. А я что...

Наталья по-матерински нежно взяла Дашкину руку.

— Э нет, милая, в том больше твоя заслуга, — сказала. — Не ты ль пришла в первую минуту к моему сыну на помощь? Ты же его и выхаживала потом. А я что? Воды принесу, веточки свежей для повязок нарву... То, се...

Девушка как-то хорошо улыбнулась.

— Ну вот, а я что говорила?..

В эту минуту впереди раздался чей-то громкий голос.

— Привал!

— Ну наконец-то... — облегчённо вздохнула Наталья. — А то все идём, идём...

Место для привала было выбрано удобное. Рядом лес, где можно укрыться от жары, здесь же, с шумом ударяясь о высокий каменный утёс, упрямо несёт свои желтые воды Амур. Завидев реку, детвора бросилась к воде. В эту минуту кто-то из албазинцев заметил вдали большой караван из долбленых судёнышек, двигавшийся вниз по реке.

— Струги!.. Струги плывут!

— Никак наши, — встрепенулся Черниговский, глядя на реку. — Ляксей Ларионыч, а ну погляди сам, — обращается он к присевшему отдохнуть в тени разлапистого дерева воеводе.

¹ Сидейка – сиделка.

— А не к нам ли на подмогу они плывут? — тяжело поднимаясь с земли, произнес Толбузин.

Завидев машущих руками людей, лодки повернули к берегу.

— Кто такие? — встав в полный рост, сурово спрашивает воевода.

— А ты кто таков? — послышалось в ответ.

— Воевода я албазинский, Ляксей Толбузин! — крикнул Алексей Ларионович.

— Вон оно как! — ступив на усыпанный галечником берег, радостно воскликнул высокий человек в железном куяке. — А я Анцифер Кондратьев, пятидесятник нерчинского войска. К тебе на помощь иду.

— А не поздно ль? — с горькою усмешкою произнёс воевода. — Мы-то вас раньше ждали. Чего ж вы так?..

— Так ить не наша в том вина, — говорит казак. — Пока людей собрали, пока то, се...

Вечно у нас так, с грустью подумал Алексей Ларионович. Пока расшевелимся — время уйдёт. А потом сидим, плачемся. Как это, мол, так, да почему?.. А потому, что дураков у нас много! А иным вообще нет дела не до чего. А люди-то ждут, люди-то надеются...

Выяснилось, что под началом Кондратьева было сто казаков, которые третьего дня на одиннадцати стругах вышли из Нерчинска. При них было пять пушек, триста мушкетов, восемь пудов пороху, почти столько же свинцу, больше двухсот ядер и сорок три бердыша.

Велико было желание воеводы вернуться с хорошо вооружённой подмогой назад, но он понимал, что этих сил не хватит, чтобы одолеть врага. Так и сказал рвущемуся в бой Анциферу Кондратьеву: не осилим! Мол, для того нужно доброе войско собрать, да одеть его, да вооружить, да хорошо б чтобы ещё и кормовые людям выплатили. Иначе, мол, и соваться не стоит. Ибо голодный воин — плохой воин.

Кондратьеву ничего не оставалось, как усадить всех этих смертельно усталых людей на струги и вернуться с ними на Шилку.

Глава одиннадцатая. Возвращение

Однако напрасно так тревожился Толбузин, отправляясь с остатками своих людей в Нерчинск. К его удивлению там их встретили тепло, тут же разобрав прибывших по домам.

— Что, Ляксей Ларионыч, тяжко пришлось? — приглашая Толбузина в свои пятистенные хоромы, этак по-доброму спрашивает его нерчинский воевода Иван Власов, седовласый, коренастый человек с мохнатыми бровями и заросшей пегою бородою подвижным лицом.

— Тяжко, Иван Егорыч... — садясь за накрытый стол, скупно отвечает Толбузин.

— А вы что ж Марья Даниловна не садитесь? — обращается Власов к его жене. — Аннушка, а ну похлопочи-ка... — просит он свою супругу.

Анна Тихоновна, дородная стареющая женщина с пышной высокой грудью, туго обтянутой цветастою ситцевой кофтою, тут же стала проявлять гостеприимство.

— Прошу, гости дорогие, отведайте моих щей. Сегодня их варила... А вот сольце, вот солонинка, а тута утка запечённая... Ешьте. А то, поди, голодные с дороги-то...

Эх, знала б ты, голуба, чего нам пришлось испытать, не говорила б так, подумал Толбузин. А вслух сказал:

— Мне б людей своих накормить...

— А ты не беспокойся, Ляксей Ларионыч, — говорит ему Власов. — Я уже дал распоряжение.

Услышав это, у Толбузина отлегло от сердца.

— Ну спасибо тебе, Иван Егорыч. А то б у меня кусок в горло не пошел...

Теперь можно было и о себе подумать.

— Ну давайте, столовайтесь, а мы не будем вам мешать, — глядя на то, с какими жадными глазами Алексей Ларионович смотрит на ломившийся от снеди стол, говорит Власов. — Пойдём, Аннушка, пусть гости поедят. После разговор начнём.

Пока Толбузины ели, Власов с женою о чём-то переговаривались за стеною. Видно, решали, как быть с гостями. То ль их к себе на постой принять, то ли указать им место в казенной избе.

Ну вот наконец, запив еду молоком, Толбузины отвалились от стола.

— Ну а теперь докладай, Ляксея Ларионыч, что да как... — просит Толбузина Власов.

— А чиво тут докладать? — пожал плечами Толбузин. — Ты лучше вот что мне скажи, Иван Егорыч... Отчего ты так долго помощь нам не слал? Аль ты не получал моей весточки? Ну, что молчишь?..

Власов нахмурился.

— А то ты не знаешь, как мы живём? — спрашивает.

— Ну и как же? — вопросом на вопрос отвечает Толбузин.

— А так! Часом с квасом, а порою с водою... Ни людей, ни оружия. И кого я тебе пошлю?

— Взял бы всех до последнего служивого да сам пришёл! — с вызовом промолвил гость.

Но нужно было знать Власова.

— Сам! Ишь чего захотел! — огрызнулся он. — Аль ты решил всех собак мне на шею повесить? Не выйдет! — вскричал он.

— Чтой-то они там лаются? — удивилась Анна Тихоновна, мирно разговаривавшая с гостьею в бабьем закуте.

— Да кто их поймёт?.. — кротко улыбнулась Марья Даниловна. Однако невольно напрягла слух.

— Да не виню я тебя, не виню... — услышала она голос супруга. — И всё равно нельзя было нас оставлять в беде. В колокола надо было бить, в двери кремлёвских чертогов стучаться...

Власов в запале стукнул кулаком по столу.

— В какие двери? — отчаянно взглянув на гостя, спрашивает он. — А то ты не знаешь, что Москва другим умом живёт... Ей недосуг думать о том, что тут происходит.

— Вот то-то и оно... — вздохнув, согласился гость.

— Ты вот что, Ляксея Ларионыч... Давай-ка садись и пиши письмо в столичный град. Всё опиши, как было. А то давай вместе «скаску» сочиним. Мне ведь не впервой перед Москвою отчитываться. Глядишь, и проймёт... А нет, так не сносить нам с тобой головы. Что смотришь? Думаешь, меня пожалеют? Как бы не так. Тоже найдут к чему пристать... Мы ж соседи с тобой. Вот и скажут: отчего не помог? А чем?.. Я ить последних своих людей с Кондратьевым к тебе отправил. А начнись здесь заваруха какая — так и воевать некому. Да и нечем... Полк-то Бейтона лишь накануне к нам явился. Думаю, пусть отдохнут чуток с дороги, а уж после к тебе их пошлю. А тут ты сам явился...

— Про Бейтона мы слыхали, — говорит Толбузин. — Однако долго же он шёл... Чуть бы пораньше...

Власов развёл руками.

— Знать, не мог, — произнёс он. — Человек же он толковый. Науку военную знает назубок. Такой бы тебе пришёлся ко двору...

— Поздно, Иван Егорыч, — вздохнул Толбузин. — Теперь чтобы снова что-то начать, нужно долго готовиться.

Власов кивает головой.

— Что ж, будем готовиться, — говорит. — Не думаю, чтобы Софья отказалась от Амура.

Толбузин смотрит на него с удивлением.

— А почему Софья? Разве не Пётр с Иваном после смерти Феодора нами правят? — спрашивает он.

Власов пожал плечами.

— Вроде бы оне, а вроде бы и нет... В последнее время всё чаще сестрица их всем распоряжается, хотя земской-то собор приговорил быть на престоле её братьям. Поговаривают даже, что вскоре к ней корона перейдёт. За нею воинство стрелецкое стоит, да и святые отцы вроде как с нею. Не все, конечно, а те, что старую веру блюдут.

— Выходит, раскол побеждает? — немало удивлен Толбузин.

— Тс-с! — предупреждает его Власов. — Не надо так громко. Аль не знаешь, что и у стен уши имеются? Ну, а у нас всегда найдутся те, кто захочет угодить новой власти. Донесут Софье — удавит. Та ещё змеюка!.. Ну ладно о том... Ты лучше мне скажи, сколь у тебя людей-то осталось?

Толбузин призадумался.

— Из двухсот с лишком казаков и половины ноне не наберётся, — что-то подсчитав в уме, отвечает он. — Да и то многие из них от ран ещё не оправились... Пашенных тоже потерял не меньше половины. Вот и считай: с детишками да бабами человек триста всего-то и будет.

Власов покачал головой.

— Да, досталось вам, — говорит.

— Считай, в аду побывали, — тяжело вздыхает Алексей Ларионович. — Лично мне и в страшных снах такое не могло привидеться.

— Ну давай, пиши, — хлопнул его по плечу Власов. — Я тебе щас перо с бумагою дам. Аннушка! — зовёт он жену. — Где там у нас писемные штучки?.. А может, тебе письмовод нужен? — спрашивает он Толбузина.

— Сам напишу, — отвечает тот.

— Вот и славно, — кивает головой Иван Егорович. — А я пока распоряжусь насчёт нарочного. Пушай готовится. Путь-то, чай, неблизкий... А лучше двоих пошлю — так надёжнее. Эй, Миколка! — зовёт он дремавшего у порога вестового. — А ну подь сюды!..

... Уже было далеко за полночь, когда наконец Толбузин закончил писать письмо. Марья Даниловна легла почивать, а он вышел на крыльцо, чтобы выкурить трубку. Ах эти казаки! Это они приучили его к табаку. Раньше-то он и на дух его не переносил. А тут ему: выкури, барин, трубочку и забудь про все печали. Так вот и привык...

Не успел он вытащить из кармана кисет, как вдруг услышал в темноте чей-то до боли знакомый голос.

— Вот теперича, Ляксея Ларионыч, можешь меня и в железо заковать...

— Ты что ль, Фёдор? — удивился воевода.

— Ну не леший же... — прозвучало в ответ.

Определив свою семью на постой, Фёдор отправился на поиски Толбузина. Кто-то сказал ему, чтобы он искал его у Власова — туда и направил свои стопы. Долго пришлось ждать, отбиваясь от злого здешнего комарья, и всё ж дождался. Когда он, потеряв всякую надежду, уже собирался уйти, неожиданно отворилась дверь, и на высоком красном крыльце появился Алексей Ларионович. Он его сразу узнал. Тот обыкновенно перед тем, как закурить, долго не мог развязать свой кисет. Так было и сейчас...

— И чиво? — спрашивает казака Толбузин. — Не спится что ль?

Тот ухмыльнулся.

— Говорю ж тебе, пришёл, чтоб ты меня в железо заковал. Али я уже не государственный преступник?

— Забудь! — неожиданно промолвил Толбузин. — Лучше иди и хорошенько выспись. Завтра у нас много дел будет. Новое войско надо собирать — возвращаться будем...

Фёдор опешил.

— Возвращаться?.. В Албазин?.. Ну, Ляксей Ларионыч... — широко улыбнулся он. — Ну, дорогой ты мой!.. Вот уж обрадовал, вот обрадовал...

Ему хотелось обнять воеводу, сказать ему что-то хорошее, но он не посмел. Знал, что тот не любит телячьих нежностей. Суровый дьявол!

Будто бы на крыльях летел Фёдор по улице, не чуя под собой ног. Теперь он был свободен. Воля! Воля! — кричала его душа. Но ещё больше его радовало то, что он скоро вернётся на Амур, в свой родной Албазин, где, почитай, прошли самые счастливые дни его жизни. Здесь выросли его дети, родились внуки... Здесь же он встретил свою позднюю любовь.

Санька! Как же ему сейчас не хватает её... Во время осады ещё было терпимо. Ведь в бою у тебя притупляются все чувства. После же тебе уже не до чего. Упал, словно мёртвый, и забылся в глубоком сне. Но вот сейчас боль вернулась. И так он страдает, так страдает... Глянет на Стёпку — и тут же сердце оборвётся... Ведь он помнит всё — и запах Санькиных волос, и её светлую улыбку, и эти глаза, глаза любящей его женщины. Только почему, почему она вдруг предала его? Ведь она же предала! А как иначе назовёшь то, что она совершила? Забыв о нём, о сыне, она безоглядно бросилась в пучину... И ради чего?.. А может, она не могла иначе? Может, для нее, как и для казака, воля была превыше всего?.. Одно успокаивало, что он смог по-человечески похоронить её. А ведь многие десятки трупов так и остались лежать под открытым небом, потому как маньчжуры не позволили предать их земле. Они торопились. Им нужно было скорее доложить императору о своей победе, о том, что левый берег Амура полностью очищен от русских. И пленных они не отдали, хотя сам Гермоген просил за них. Как не отдали они и икону Святителя Николая Чудотворца Можайского. Лишь чудом удалось спасти другие святые иконы вместе с войсковым знаменем.

Афанасий Иванович оказался человеком приветливым и разговорчивым. А ведь Толбузин представлял его другим. Мрачным, сухим и немногословным. Такими ему виделись все немцы. А тут сама любезность. Хотя и без всяких там заморских реверансов, этих мерзких почтительных поклонов с приседанием.

Выслушав рассказ Алексея Ларионовича о том, что ему и его людям пришлось испытать, он стал уточнять некоторые детали. Ему было интересно всё — и то, чем вооружены богдойцы, и какую тактику они применяют в бою, храбрые ли они воины, искусные ли... Не забыл спросить и о настроении албазинцев после исхода, о том, готовы ли они повторить свой подвиг.

— Ты мне скажи, Ляксей Ларионыч, каким числом мы можем побить манзурское войско? Хватит ли нам одного полка, али нужно ещё прибирать людей? — спрашивает Бейтон.

Полковник довольно хорошо изъяснялся по-русски, и лишь несколько непривычный говор выдавал в нём инородца.

— Одного полка будет маловато, — сказал воевода. — Даже с вашими пушками и ружьями.

— Понятно... — задумчиво произнёс Афанасий Иванович. — Выходит, без новоприборных нам не обойтись. Этим мы и займёмся ноне.

— Так ить их, этих охочих ещё найти надо, — говорит Толбузин. — Не думаю, что кто-то захочет добровольно в пекло идти.

Бейтон нахмурился.

— Не захотят — заставим! — твёрдо произнес он. — У меня для этого есть все полномочия.

— Как ты сказал? Полно... — услышав незнакомое слово, переспросил Толбузин.

— Полномочия — значит, официально предоставленное право на ведение дел, — пояснил полковник. — Для того у меня и бумага с печатью должна иметься.

— Это хорошо, — говорит воевода. — Только где ж людей-то найти? Все, кто есть, на виду, а других и нету.

— Отыщем! — решительно произнёс полковник. — Пусть для этого придётся прочесать всю тайгу. Туземцев тоже в строй поставим. Али они не подданные царя? Вот пусть и защищают свою землю...

Раннее июльское утро. Воздух прозрачен и свеж, и весь он наполнен ароматами припойменных лугов. Они сидят на высоком бережку, покрытом ярким ковром из желтых и красных саранок, и неторопливо ведут беседу. Нынче Алексей Ларионович по привычке проснулся рано. В чужом доме грохотать сапогами не хотел, потому вышел на свежий воздух. А тут Бейтон.

— Ты куда это, полковник? — попыхивая трубкой, спрашивает его Толбузин.

— На реку, — отвечает тот. — Хочу искупаться. Не хочешь, боярин, пойти со мной?

— А что, я не прочь, — отвечает тот. — В детстве-то я уж больно любил это дело, а ноне всё недосуг...

Чтобы выйти к Нерчи, нужно было миновать крепостные ворота. Завидев людей, сидевший в смотровой башне казак удивился. Вот ранние птахи! И что им не спится? — удивился он.

На берегу было тихо, и лишь слышно было, как на ближних и дальних отмелях плещется рыба. Раздевшись донага, они бросились в воду.

— Хорошо-то как! — окунувшись в реку, радостно воскликнул Алексей Ларионович. — Так бы и жил сто лет...

— Ну и живи, кто тебе не даёт? — пытаюсь двигаться саженками против течения, шумит Бейтон. — Живи, боярин!..

— Ну коль приказываешь... — смеётся тот, подставляя грудь под светлые речные струи.

Искупавшись, они вышли на берег.

— Как ты, боярин?.. — пытаюсь вытряхнуть попавшую ему в ухо воду, спрашивает полковник.

А у того ещё восторг не прошёл в глазах.

— Ух! Будто б заново родился! — переводя дыхание, отвечает тот.

— Ещё полезешь в реку?

— Да уж хватит, поди. Хорошаго, как говорится, понемногу... — промолвил Толбузин.

— Ну тогда поговорим? — натягивая на себя татарские шаровары, спрашивает Бейтон.

Облачившись в одежды, они сели на бережку и разговорились. До этого-то случая подходящего не было. А поговорить им было о чём. Ведь каждый из них знал, что им вместе предстоит идти на Амур. А коль так, они должны были получше узнать друг друга, а главное — обговорить в деталях план дальнейших своих действий. Ведь больше не на кого было надеяться. Сами должны думать, как им вернуть Амурские земли в лоно Державы. А это задача трудная, если учесть, что у богдойцев будет перевес в силе. Ведь коль те решатся воевать Амур, они вновь приведут с собой несметное войско.

А вдруг мои казачки, завидев эти орды, дадут дёру? — с тревогою думал Бейтон. Люди они балмошные, о дисциплине понятие у них смутные — собирали-то со всего белого свету, — а потому можно ль на них надеяться? Ему ведь сказывали, что те

вытворяли, когда под водительством сынов боярских шли сплавом из Тобольска в Енисейск! Бывало напьются — и ну мутузить друг друга. А то и бунтовать начнут. А когда начальные люди попытались их утихомирить, они связали их по рукам и ногам и даже в воду хотели бросить. За то енисейский воевода князь Константин Щербатов даже грозился их всех на виселицу отправить. И, наверное, сделал бы это, кабы не Бейтон, принявший в Енисейске полк. Он-то и поручился за них. За то они до сих пор ему благодарны.

Им нравится в нём, кажется, всё. И эта его солдатская прямота, и его исключительная честность, и то, что, в отличие от детей боярских, он никогда не кричит на них. Да, он суров, однако и справедлив. И в обиду их никому не даёт. А то, что по-отцовски заботлив, о том и говорить не приходится. В общем, пришёлся он ко двору казачьему люду. Только сам полковник постоянно с ними настороже. А вдруг возьмут да в самый неподходящий момент выкинут какой фортель?.. Ведь, несмотря на кажущееся хорошее отношение к своему новому начальнику, тобольские казаки продолжали озорничать. На пути они грабили остроги, после чего, никого не опасаясь, громко хвалились своими подвигами.

В Удинске, когда казаки перепились после удачной вылазки, селенгинские буряты отогнали их лошадей. Бейтону с отрядом пришлось отправиться по их следам в Монголию, где те собирались сбыть краденое. У Гусиного озера они нагнали грабителей и отобрали у них своих лошадок, самих же прогнали в Монголию.

Всё это и задержало Бейтона в пути. Успей они прийти на помощь албазинцам, глядишь, и отстояли б сообща крепость. Но о «подвигах» своих молодчиков полковник в разговоре с Власовым смолчал. Да и Толбузину ничего не сказал. Тому и без того сейчас тяжко. А узнай он, что за люди пришли под его начало, и вовсе бы закручинился. А ему нужны силы, чтобы начать новую кампанию. Без этого войсковому голове никак нельзя. Ибо его неуверенность в себе может передаться другим. А тогда стоит ли надеяться на победу?..

Бейтон с присущим ему упорством рьяно взялся за дело. Он разослал своих казаков по всей Даурии, велел им искать для войска новых людей. Брали всех — промышленников, торговцев, пашенных, оседлых и кочующих тунгусов... Кто сопротивлялся, того силою забирали с собой, предварительно всыпав ему хороших плетей. Благодаря их усердиям уже к началу августа 1685 года численность здешнего войска увеличилась почти наполовину. Теперь в нём было без малого тысяча человек. К тому же ожидалось прибытие ещё ста двадцати шести казаков Бейтона, задержавшихся где-то в пути.

— Ну вот, Ляксе́й Ларио́ныч, теперь уже можно и на Амур возвращаться, — как-то в разговоре с Толбузиным заявил Власов. — Только перед тем хорошо бы развед к Албазину послать. Пусть посмотрят, что там да как. Нельзя идти, не зная обстановки.

Ну наконец-то! — с лёгким сердцем подумал Толбузин и тут же призвал к себе полковника.

— Давай-ка, Афанасий Иванович, готовь людей, — вкратце передав ему разговор с Власовым, говорит он. — Робяты у тебя ушлые — пусть сходят на Амур да поглядят, там ли богдоец.

Бейтон опешил. Он по-прежнему не очень-то доверял своим людям. Другое дело албазинцы. Конечно, и те не без вольностей, и всё ж не настолько, чтобы их за это судить. Ну выпьют, ну подерутся, а когда и огрызнутся начальству. Но ведь и их понять можно. Говорят, что все последние годы они живут лишь тем, что Бог послал. А разве это порядок? Почему цари забыли про них? Али им не нужен Амур? Тогда так бы и сказали...

— Ты б лучше моих не трогал, — неожиданно произнёс полковник.

— А что так? — удивлённо смотрит на него воевода. — Аль не доверяешь им?..

— Да не в том дело... — соврал полковник. — Твои хорошо знают те места, знают все подходы к крепости, а что мои? Будут точно слепые котята тыкаться да мыкаться. А время-то идёт.

Толбузин с досады даже крякнул.

— Я-то ведь хотел, чтоб мои казачки ещё маненько отдохнули да сил набрались, — произнёс он. — Вон ведь сколь лиха-то хватили — не приведи Господи кому... — Он вдруг замолчал и призадумался. — Ну ладно, коль просишь, так и сделаю. Эй, Васька! А ну подь сюды! — позвал он своего холопа. — Давай, дуй за Фёдором Петровым — пусть ко мне идёт.

... На следующий день Фёдор Петрович с семьюдесятью разведчиками на пяти стругах отправились вниз по Шилке до устья Аргуни и дальше по Амуру. Боясь попасть в богдойскую засаду, казаки постоянно были настороже. Однако на пути им попадались одни только углые лодчонки ханьских рыбаков, проверявших свои снасти.

Не было богдойцев и у Албазинского острога. Хотя то, что они оставили после себя, уже трудно было назвать крепостью. Албазин и все заимки вокруг были сожжены и разрушены, не тронутым остался только хлеб на полях. Видно, враги уже не думали, что русские когда-нибудь вернутся сюда, оттого и не уничтожили его.

Куда ж эти манзуры подевались? — никак не мог понять Фёдор. — Али им не нужен оказался Амур? Тогда почто они воевали его, почто губили своих да чужих людей?

Позже выяснилось, что богдойцы, оставив пятьсот своих воинов с четырьмя пушками в Айгуни, ушли на реку Нонни. Об этом, вернувшись через три недели в Нерчинск, Опарин и доложил воеводам.

— Говоришь, хлеб остался на полях? — призвав Фёдора в приказную избу и выслушав его, произнёс Власов. — И сколь его там?

— Полагаю, с тысячу десятин наберётся, — отвечает казак. — А прибавь к этому ещё огороды...

— Добре! — услышав это, довольно ухмыльнулся нерчинский воевода. — Слыхал, Ляксея Ларионыч? — обращается он к бывшему здесь же Толбузину. — Так что готовься в путь. Хлеб-то, поди, уже в поре — знать, убирать его надо. А там и до холодов недалёко, потому надо ещё успеть жильё построить. Не в прикопах же зимовать.

Вскоре для обережи хлеба в Албазин на лёгких стругах был послан Бейтон с двумя казачьими сотнями и пушкою. А в разных числах августа 1685 года на Амур отправились и остальные казаки под начальством Толбузина, с ними же ушли албазинские пашенные и промышленные люди. Баб с детишками решили не брать, но те вдруг заартачились. Как, мол, так! А кто вас кормить да поить будет? Нет, так дело не пойдёт... Пришлось и тех взять с собой. Ладно, мол, уж коль возвращаться, то всем миром. Чай, не в гости идём — к себе домой.

А вот Пётр ещё не успел оправиться после ранения, и Наталья решила уговорить его, чтобы он остался в Нерчинске. Вот, мол, поправишься маленько — тогда и вернёшься. Он было взбрыкнул, но когда узнал, что вместе с ним останется Дашка, успокоился.

Ах, Дашка!.. За эти несколько недель Пётр так привык к ней, что, когда он не видел её, начинал тосковать. Лежит бывало на примосте в заднем углу хозяйского куреня и злится.

— Ты где это была? — обычно с упреком спрашивал он её. — Больше не ходи так долго.

Та смеется.

— Аль я тебе жена?.. Ну а коль нет, так и не говори... Лучше вот молочка парного попей...

Однако чувства скрыть бывает очень трудно. Вот и Дашку выдавали её глаза. При виде казака они лучились, точно утреннее солнышко. Только вот в свои шестнадцать лет

ей ещё было трудно понять, что такое любовь. Да, её влекло к этому человеку, но она даже в мыслях боялась признаться себе в этом, считая, что ей ещё рано заглядываться на взрослых мужиков. Но он-то видел всё.

— А ты б пошла за меня? — однажды, когда Дашка в ответ на Петровы упреки вновь повторила своё привычное «Аль я тебе жена?», не выдержал он.

Она не ответила, но видно было, как щеки её зарделись румянцем.

А что, вот возьму да зашлю к ней сватов... — подумал казак. — Только не пойдёт она за меня. Ведь я ей едва ль не в отцы гожусь.

— Ну так как? — взяв Дашку за руку, заглядывает ей в глаза Пётр.

— Поглядим-посмотрим, — неожиданно улыбнулась та.

— А что смотреть-то? — говорит казак.

Девушка покачала головой.

— Ты вначале на ноги встань, а уж потом...

Пётр встрепнулся.

— А ну поддержи-ка кринку, — говорит он, утирая рукавом рубахи испачканную в молоке бороду. Попытался встать с кутника¹, но тут у него закружилась голова, и, если бы не Дашка, он верно бы рухнул на пол.

— Лежи уж, жених, — улыбнулась она, поправляя под ним простынку. — А я тебе щас оладушек напеку.

— Да не хочу я жрать! — поморщился Пётр.

— А ты захоти, — говорит ему девка. — Будешь есть — раньше поправишься.

— Да скорей бы... — вздохнул казак. — Хочу быть там, где мои товарищи.

Хорошо ль, ежели они без меня воевать Амур начнут?..

... К сентябрю Нерчинск опустел. Из всего войска в нём остался лишь небольшой отряд казаков, да было ещё около сотни посадских и пашенных.

Однако жизнь продолжалась. Воевода Власов по-прежнему объезжал свои остроги, чинил суд, брал пошлины. Его казаки ездили в ясачные волости за сбором ясака, ходили в караулы, оберегали от неприятельского нападения город. Даурия снова жила надеждами и ожиданиями...

Прибывшие на Амур албазинцы первым делом сняли урожай с полей, а уж потом принялись заново отстраивать город. Вначале хотели строить его ниже по течению, но вконец все ж решили оставить его на старом острожном месте, откуда был хороший обзор. Трудились всем миром, так что уже к середине октября почти полностью были восстановлены разрушенные богдойцами укрепления. Надо было спешить, потому как враг мог появиться в любую минуту. Оттого и ранняя зима не смогла приостановить работы. Люди валили лес, возили бревна, отогревали кострами землю под постройки. Даже детям нашлась работа. Они ходили в ближний лес за хворостом, помогали своим матерям поддерживать огонь в кострах и были всегда на подхвате у старших. То рукавицы кто-то попросит их принести, то горячего кипятку, а тем, что постарше, даже доверяли управлять лошадьми. Бывало едет санный возок с дровами, а на возке том парнишка ростом с вершок. А ну пошавеливайсь! — этак по-взрослому шумит он на лошадь. — Давай-давай, неча баклушничать...

Больше всех, кажется, старался Фёдоров Степка. Что ж, аргамак² к поре, меринок к горе, говорили люди. Дескать, взрослый уже, можно и мужскую работу выполнять. Лес, правда, валить ему ещё не позволяли, но вот освободить сваленные лесины от поветья

¹ Кутник – род нар или примоста.

² Аргамак – Особая порода персидских или кабардинских скаковых лошадей, отличающихся стройностью, быстротой и легкостью бега.

или же расчищать от завалов западины¹ в крепости — это пожалуйста. Его и просить не надо было — сам находил себе работу. При этом всё делал споро и с желанием.

Казаки-то знали, отчего он так усердствовал. Хотел забыться в трудах и не вспоминать свою мать, за которую ему было стыдно перед людьми. Не она ли опозорила их с отцом, не она ли их предала, бросившись в объятия врагу? Ему говорили: да не тужи ты так, ведь по гнилому сучку дерево не судят, но это его не успокаивало. Он уже мечтал о жестоких кровавых сражениях, где бы ему выпал случай доказать всем, что он не похож на свою мать и что для него нет ничего дороже русской земли. Только бы успеть до прихода врага заново отстроить крепость.

И вот он снова бежит туда, где людям требовалась помощь. В последнее время его всё чаще видели в остроге, где шло большое строительство. Он помогал плотникам тесать бревна, рубить углы и связывать венцы, а однажды ему с товарищами даже доверили одеть срубом колодец.

И всё ж чаще всего ему доводилось вместе с ребятней да бабами разбирать завалы на месте будущих построек. Работа нехитрая, однако, ответственная. Надо было как можно скорее избавиться от этих страшных следов, что оставили после себя маньчжуры. Сердце его замирало, когда среди куч мусора он находил знакомые с детства вещицы, которые можно было смело назвать остатками былой роскоши — эти бронзовые навершие рукояти ножей, железные топоры, багры, острога, обломки стремени, наконечники ружейных таволжаных шомполов, пряжки, стеклянные бусы, подковы для сапог, железные и бронзовые кольца от ремней, кремни для ружей, каменные грузила для сетей, обломки жерновов, точильные камни, обрывки кожи, берестяные туески, нательные крестики...

А были ещё наконечники вражеских стрел, горшки с поминальной кутьёй, тяжёлые чугунные ядра. А однажды Стёпка провалился в наспех покрытую тёсом погребальную яму, в которой обнаружил лежащих грудой покойников. Большинство тел принадлежало казакам да пашенным, хотя были среди них обёрнутые согласно туземным обычаям в бересту тела дауров и тунгусов, при этом не только мужчин, но и женщин. И как же он испугался, когда однажды наткнулся на тело своей матери... Он хотел закричать, но не мог. Смотрел на усопшую, и из глаз его лились слёзы. Матушка... родная... — только и сумел вымолвить он.

... Однако как ни старались албазинцы, а до зимы отстроиться им не удалось. Спали в прикопах. Холод лютый, но люди терпят. Знают, что впереди весна, когда жить станет легче. Главное, чтобы заготовленные про запас хлеб и солонина не кончились да никакая бы хвороба их не одолела.

Когда пришла весна, и впрямь стало веселее. Засветило, загрело солнышко, вылезла по косогорам зелёная трава. И глазу приятно, и душе. С новой силой принялись албазинцы за работу. К лету закончилось строительство земляного вала, который стал намного шире и выше прежнего. Вал скрепили кореньями и дёрном. Поверх его поставили прочную стену из заострённых сверху брёвен, срубили смотровые вежи², ворота и внутри несколько изб. Одна для воеводы, другая оружейная. А ещё копань с ледяной водой, прикопы на случай осады, гранатный и пороховой погреба, а за крепостною стеною — несколько десятков казачьих куреней.

Пашенные тоже спешили наладить свой быт. На месте сожжённого посёлка они построили новый. Когда подошёл срок, они засеяли поля хлебом и вскопали огороды. Жизнь возвращалась, возвращая людям и их надежды. Одно тревожило — кабы снова враги не пришли их грабить да убивать. А ведь вражеские лазутчики уже всю шныряют округ, пытаясь выведать намерения русских. Однако пока трудно было понять, что эти богдойцы замышляют.

¹ Западина – котловинка, ямина.

² Вежи – (здесь) башня.

— Ты вот что, Афанасий Иваныч, — призвав однажды к себе Бейтона, говорит ему воевода. — Бери-ка людей и ступай с ними вниз по реке к устью Кумары. Возле бывшего Кумарского острога хорошенько схоронитесь и тайно понаблюдайте. В прошлый раз богдойцы аккурат с той стороны пришли, оттуда же, видно, и теперь пойдут. А то, что они пойдут, в том нет сомненья. Но вот как выведать их планы?..

— Надо бы языка добыть, — немного подумав, произнёс полковник. — У него мы и выведем всё. А будет молчать — так калёным железом пытаться станем. Тогда уж точно скажет...

— Добре, — соглашается с ним Толбузин. — Давай, так и действуй.

На следующий день отряд из трёхсот казаков под началом полковника Бейтона отправился в путь.

— Куда это они? — спрашивает Наталья мужа.

— Казачки наши в разъезд за языком пошли, — отвечает тот. — Только ты никому об этом не сказывай. Слухи они крылья имеют. Возьмут да долетят до вражбых ушей. Вон их сколь узкоглазых-то вокруг бродит.

— Что правда, то правда, — говорит Наталья. — Вчерась иду по воду, глядь, а из-за копаня на меня чья-то морда глядит. Присмотрелась — ба! — да это ж манзур... Глаза хитрющие, так и бегают, так и бегают...

— Ну а ты что?.. — спрашивает муж.

Наталья пожала плечами.

— А что я?.. Взяла в руки коромысло да хрясь его по башке. Он и бежать от меня...

— Беда, — покачал головой старый казак. — Ты смотри, осторожней будь, — предупреждает он жену. — Нынче пронесло, а ежели в другой раз он с ножом на тебя нападёт?.. Ой, жонка, чую я, неспроста эти бесы тут бродят. Кабы заваруха снова не началась. Может, возьмёшь внуков да в Нерчинск вернёшься? Боюсь я за вас, понимаешь? Вон ведь воевода оставил свою бабу на Шилке. Знать, неспроста...

Наталья покачала головой.

— Да куды ж мы от тебя-то? — говорит. — Да и много у нас нынче людей — как-нибудь выстоим...

Где-то дней через пяток в Албазин явился от Бейтона нарочный и доложил, что богдойцы снова готовы воевать крепость. Для этого с берегов реки Нонни уже выступило большое войско, к которому позже присоединятся две тысячи ратников и работных кянов из Айгуны. О том-де им поведал маньчжурский офицер, которого они взяли в полон, наголову разбив его разведный отряд.

— Что ж, надо встретить гостей как подобает, — выслушав сбивчивый доклад явившегося к нему в приказную избу молодого безусого казачка, произнёс воевода. — Эй, кто там!.. А ну накормите-ка человека... — приказал он, а сам вышел на крыльцо, чтобы выкурить трубку. Завидев на крепостной стене плотивших крыши крепостных башен аргунов, он стал с интересом наблюдать за ними. Успеют или нет они до прихода басурман закончить работу? — неожиданно подумал он.

Это было в конце июня, а седьмого июля нагрянули маньчжуры.

— Жаль, не успели соколики... — глядя на то, как аргуны¹ спешно покидали стены, покачал головой Толбузин. — Ну да ладно. Придёт время — достроят. Теперь для нас главное — выстоять...

¹ Аргун — плотник.

Глава двенадцатая. Великие испытания

Разорив на своём пути русские острожки и заимки, богдойцы подступили к Албазину. Пять тысяч пехоты прибыло на судах, конница же и отряды работных кянов, приблизительно таким же числом, пришли берегом.

На этот раз приведшие войска генералы Лантань и Лантарги не стали предлагать русским сдаться. Они были уверены, что им быстро удастся покончить с ними, ибо лазутные люди докладывали, что в крепости и тысячи человек не наберётся, тогда как под их началом людей было раз в десять больше.

Однако, когда маньчжуры попытались артиллерийским огнём уничтожить город, албазинцы нанесли по противнику ответный удар. Их чиненые ядра и петарды наделали такого шума, что богдойцам пришлось отступить. Уходя, они сожгли все постройки вокруг острога, а заодно и весь посеянный пашенными хлеб.

Вот бесы проклятые! Всё жито погубили! И как нам теперь быть? — горевали люди. Ничего, — успокаивал их воевода. — Как-нибудь до осени дотянем, а там и войне конец. Главное, чтобы пороху да свинцу хватило. Ну а богдоец пошумит-пошумит да уйдёт ни с чем.

Этой надеждой и жили теперь. А как они радовались, когда в другой раз маньчжурам снова досталось от пушкарей. Многие казаки встали в рост и махали богдойцам кулаками, а один ушлый казачок из полка Бейтона снял штаны да и показал им задницу.

— А вот этого не видали! — кричит он.

— А ну не валяй ваньку! — зыкнул на него Бейтон.

— Да пусть его!.. — весело вскрикнул кто-то из казаков. — Аль не знаешь? Русак задом крепок.

Казаки гогочут.

— Складно сказано! Ну а богдоец на пятки силён. Вон как драпает!

— Не на тех напали!

— Верно! Теперь пусть они нас ждут в гости. А ну как придём в их улусы да как снасильничаем их баб — а, каково?.. — горячится сивобородый дядька, что пришёл с Бейтоном.

— Укороти язык! — велит ему стоявший поодаль Черниговский. — Ишь, разошёлся!..

— Язык мой — враг мой: прежде ума глаголет, — отвечает ему сивобородый.

— Ну-ну... Всяка птица от своего язычка погибает, — ухмыльнулся Никифор.

Сивобородый показал ему кулак. Гляди, мол, ты ещё не знаешь нашего брата. Мы, тобольские, так всыпать умеем...

— Брось! Языком мели, но рукам воли не давай, — предупреждает его Черниговский.

— Вот-вот, — приходит ему на помощь Иона. — А ну как вдарю щас оглоблей...

Тобольские загоношились.

— Чиво? Да мы вас зараз в рог свернём — только суньтесь...

Албазинцы за сабли.

— Цыц, вы! — прикрикнул на бузотеров наблюдавший за противником воевода. — Хватит! Не то время, чтобы забиячить... А то ведь я могу и власть применить... Аль кому хочется на суку болтаться?

Услышав это, казаки притихли. И в самом деле, оно лучше в бою умереть, чем принять позорную смерть.

Люди-то думали, что, получив должный отпор, богдойцы уйдут за Амур, но не тут-то было. Встав рано поутру, они увидели странную картину: сняв с себя доспехи, тысячи маньчжуров, сменив оружие на заступы и топоры, вдруг занялись мирным делом. Одни из них рыли ямы, другие носили брёвна, третьи вкапывали эти брёвна в землю, ограждая

свои позиции частоколом, остальные же делали сверху навал из множества срубленных деревьев. Всё это походило на разбуженный лесной муравейник, где в кажущемся всесветном хаосе был свой определённый порядок.

— Никак, сидеть здесь собрались, — говорит Толбузин стоявшему с ним рядом на крепостном валу Бейтону.

— Похоже, — отвечает тот. — Поняли, что в лоб нас не одолеть, так решили взять измором.

— А на что им огорожа-то? — удивился воевода. — Али боятся, что мы их коней украдём?..

Полковник внимательно посмотрел вдаль.

— Коней не коней, а охранить себя хотят, — говорит он. — Знают, сукины дети, на что способны казачки, оттого и страшатся.

— И правильно делают, — усмехнулся Толбузин. — Сегодня же ночью пошлю людей жечь их городьбу. Сколь тут до них? Сажень пятьдесят? — примерился он. — Так это моим пластунам раз плюнуть! — заявляет. — Щас же прикажу им, чтоб готовились. Эй, а ну кликните-ка мне Петьку Опарина! — шумит он стоявшим поодаль казакам.

То, что пластуны у Толбузина первостатейные, о том и говорить не приходилось. Всё когда-то началось с прибившихся к албазинцам беглых донских да запорожских казаков, которые, живя в своих южных куренях, с детства владели этим искусством. Это те в своё время могли сутками сидеть в плавнях да камышах, выжидая неприятеля, а то и незамеченными пробраться на животе во вражий стан. Потом эти люди постарели, но своё искусство они передали своим сыновьям. И теперь уже тем приходится совершать чудеса. Старшим у них десятник Пётр Опарин, который, чуть окрепнув после тяжёлого ранения, лишь третьего дня вернулся в Албазин вместе с Дашкой и её двумя младшими братьями.

— Свадьбу-то когда будем гулять? — увидев, как светятся Петровы глаза, подначивают его казачки.

Тот и не думает злиться на них.

— Вот побьём богдойца, тогда и гульнём... — отвечает.

Той же ночью Пётр с товарищами незаметно подкрались к ещё пахнущей свежей смолою неприятельской городьбе и, заложив меж брёвен пороховые заряды, взорвали её. В стане врага началась паника.

— Оросы! Оросы! — проснувшись от взрывов, в испуге кричали маньчжуры. Наблюдавшие эту сцену казаки видели, как те, гонимые поднявшимся огненным смерчем, в страхе метались среди горящих руин, не обращая внимания на команды своих начальников.

— Эх, щас бы из пушечек по ним вдарить! — мечтательно произнёс кто-то из казаков.

— А ещё б лучше порубать их клинками, — говорит другой. — А ну, где наш воевода? Пушай ведёт нас в бой.

— А что, Ляксей Ларионыч, может, и впрямь завязать дело? — послышался в темноте голос Черниговского.

— И не думайте! — вместо него отвечает Бейтон. — Нас слишком мало для этого... А ну как маньчжуры опомнятся, и что тогда?..

— Эх ты, немчинская твоя душа! — послышался в темноте чей-то недовольный голос. — Да ты казаков наших не знаешь...

— Всё равно нельзя... — стоял на своём полковник.

— Ну нельзя, так нельзя, — послышалось в ответ.

Казалось, все казаки сожалели о том, что им не дали хлебнуть счастья победы, до которой, казалось им, рукой было подать. У них чесались руки, но что они могли сделать?.. И вот стояли они теперь и беспомощно наблюдали за тем, как их заклятые враги, крича и сбивая на ходу друг друга, мечутся по охваченным пламенем позициям.

... Только и на этот раз захватчики не ушли. Тринадцатого июля они предприняли атаку крепости с юга, но казаки вышли им навстречу через ворота проездной башни и вступили с ними в бой. Маньчжуры штурмовали острог до рассвета, но безуспешно. Целый день они потом зализывали раны, а в ночь на пятнадцатое большой отряд богдойцев попытался захватить защитников крепости врасплох, но попал в засаду и был наголову разбит.

Неудачей закончились и две последующие попытки богдойцев захватить острог. Тогда они стали делать подкоп под крепостную стену, однако казаки раскусили их манёвр и встретили огнём. После этого те больше уже не решились лезть на рожон, а стали под прикрытием артиллерии и лучного боя снова возводить вблизи стен Албазина укрепления, желая обложить острог со всех сторон. Наученные горьким опытом, они теперь неизменно были начеку, поэтому даже пластунам не удавалось приблизиться к вражеским позициям, ибо там по ночам горели костры, отпугивая и человека, и зверя.

Работа велась днём и ночью, и к середине августа вал с бойницами и четырьмя высокими раскатами для артиллерии был готов. Тут же на этих бастеях появились пушки, из которых двадцать выписанных из Голландии наёмников-иезуитов принялись жесточённо обстреливать крепость, не давая казакам поднять головы.

— Братцы! Долго ль мы будем это терпеть?.. — ворчали казаки. — Аль не можем постоять за себя?.. А где наша артиллерия? Где эти наши хвалёные пластуны?

Но шли дни, а положение не менялось. Богдойцы продолжали беспрерывно обстреливать крепость из пушек, на что казаки отвечали лишь редкими ударами, памятуя о том, что в запасе у них остается всё меньше и меньше ядер.

Однако главные беды были ещё впереди. Когда к концу третьей недели осады подсчитали, то оказалось, что из восьми медных пушек в крепости не осталось и половины, остальные были уничтожены врагом. Вместе с тем были уничтожены и все три затинные пищали и имевшаяся у осаждённых единственная верховая пушка, без которой теперь нечем стало вести навесную стрельбу по вражеским укрытиям.

Снова пытались делать вылазки. Чаще те заканчивались ничем, однако, случалось, казакам везло и им удавалось наконец отвести душу. А на следующий день, дабы отомстить им за ночной погром, богдойцы открывали такую бешеную пальбу, что от их ядер и петард просто не было спасенья. Но особо они озлились, когда в середине августа казакам удалось взорвать северную батарею противника. Такого ужаса албазинцы прежде ещё не испытывали. Казалось, само небо восстало против них. В тот день богдойцы выпустили по крепости не одну сотню чинёных ядер и петард, и если бы не скрывавший острог земляной вал, враги сравняли бы его с землёй.

— Вот что, братцы... — на следующее утро, призвав к себе десятников, обращается к ним Толбузин. — Так дело не пойдёт. Ить столько людей уже потеряли!.. Давайте-ка думать, как нам их воеводу заполнить. Возьмём его — тогда и делу конец. Ну же! Ведь сколь голов, столь и умов...

— Кабы знать ещё, где этот ихний амбань прячется, — вздыхает десятник Матвей Кафтанов.

— «Язык» для того нужен, — говорит Фёдор Опарин.

— Ну коль «язык», так и ступайте за ним.

Скоро Петровы пластуны доставили пленного, которого даже пытаться не пришлось. Испугавшись этих страшных бородатых людей, притащивших его связанным по рукам и ногам в приказную избу, он без всякого принуждения сам обо всём рассказал. По его словам, намёт командующего был хорошо укрыт за земляным валом, с восточной его стороны. Только он тут же оговорился, что казакам вряд ли удастся взять генерала в полон, потому как тот часто меняет своё место. То он ночует в лесу, то в поле, то где-нибудь на берегу реки... И всё ж чаще его видят на острове, что находится аккурат

супротив острога. Однако попасть на него, сказал пленный, непросто, ибо он со всех сторон окружён высокой стеною с тремя рядами рогаток и тщательно охраняется.

Но об этом и без него тут знали. Разведные люди Толбузина не раз пытались проникнуть на остров, но безуспешно. Охранники неизменно были начеку. Заметив казаков, они поднимали такой шум, что бедным лазутчикам только и оставалось, что прыгать в воду и плыть к своему берегу. И хорошо, если им удавалось уйти, но ведь, случалось, что и погибали.

— Надо Улуя с его людьми послать, — когда в следующий раз Толбузин, призвав к себе десятников, снова завёл разговор о богдойском генерале, выступил вперёд Иван Усов. — Эти тунгусы — хитрые бестии, они в любую щель пролезут.

— Да так-то оно так, но это не тот случай, — усомнился Алексей Ларионович. — Им бы подсмотреть что да подслушать, а тут силу надобно будет применить. Поди, воевода-то манзурский не один ходит, со свитою. Так что пошлю-ка я Петьку Опарина с его робятами.

— Какой ему! Пушай вначале раны свои заживит... — тут же поднялся Фёдор. — Я пойду вместо него. Возьму надёжных людей и приведу вам генерала.

Но надо было знать Петра.

— Ты что, бать! Какие раны? Я ить про них уже давно забыл... — заявляет он. — А тебе старому куда идти? Да и дружки твои давно уже не те. А мы молодые, у нас и силы есть, и сноровка.

— Силы у них есть!.. — передразнил его Фёдор. — Запомни сынок: старый ворон мимо не каркнет. Так что сиди и молчи...

— А ты мне рот-то не затыкай! — встаёт на дыбы Пётр. — Я тоже не лыком шитый, понял?..

Фёдор побагровел.

— Вона как ты заговорил! — грозно взглянул он на Петра. — А ну цыц у меня!..

— Ну вот, нашла коса на камень... — усмехнулся десятник Матвей Кафтанов. — Ну так пушай их воевода рассудит. Дело-то сурьёзное, это тебе не в лес сходить по грибы...

— Точно! — поддержали его казаки. — Говори, Ляксея Ларионыч! Как скажешь, так и будет.

Толбузин встал из-за стола и, заложив руки за спину, с задумчивым видом стал ходить по горнице. Казаки ждали...

— Оба пойдёте... — наконец произнёс воевода. — Только, чур, раздор меж собой не чинить! Узнаю — не пожалею...

— Так ить им ещё вернуться надо, — говорит кто-то из казаков.

— Вернёмся! — твердо заявляет Фёдор. — Только ты, Ляксея Ларионыч, сразу скажи, кто людей поведёт, — обращается он к воеводе.

— Ты будешь за старшого, — отвечает ему тот.

— Ну вот и лады... — с победным видом смотрит старый казак на сына.

Той же ночью лазутные люди Толбузина отправились на поиски генерала. Выбравшись через подкоп в стене из крепости, казаки скрылись в густой траве.

— Однако всей гурьбою нам не след идти, — собрав возле себя людей, шепчет им Фёдор. — Ты, Пётр, давай со своими пластунами двигай на север, а я с остальными прочешу берег... Коль не найдём там генерала — поплывём на остров. Всё, разошлись... — скомандовал он.

... Где они там лазали всю ночь, неизвестно, только вернулись усталые и злые.

— Что, казаки, гляжу, не вышло вам взять генерала... — не скрывает своей досады воевода.

— Легче чёрта в кромешной тьме поймать, чем этого упыря, — выругавшись, произнёс Фёдор.

— Ну хотя б все вернулись-то? — спрашивает Алексей Ларионович.

— Да вроде все, — говорит старшой. — Но ты не думай про нас плохо, воевода. В другой раз мы этого гада обязательно достанем...

Это было в конце августа, а рано утром первого сентября, в день памяти преподобного Симеона Столпника и матери его Марфы, в стане врага ударили боевые барабаны и богдойцы пошли на приступ.

— Вон оно как дело-то оборачивается! — заволновался воевода, наблюдая с высокого вала за тем, как противник пытается преодолеть первую линию обороны и не запутаться в рогатинах и «чесноке». — Видно, манзуры решили до холодов с нами покончить. Только ничего у них не выйдет!.. А ну, Афанасий Иваныч, встреть-ка этих басурман огоньком. Да как полагает!.. Пуль не жалей, слышь? А то знаю я тебя, немчину этакого! Скупой ты больно, не то, что наш брат.

— Да не скупой я, а бережливый, — говорит Бейтон. — А это не одно и то же... Эй, казаки, слухай мою команду! — встав в полный рост, командует он. — Ружья товь!.. Цельсь!.. Пли! — дождавшись, когда богдойцы подойдут ближе, гаркнул он.

Тут же грянули выстрелы, эхом прокатившись далеко по реке. Запахло порохом...

— Падают! Падают! — кричат казаки. — А ну давай ещё, полковник!..

— Цельсь!.. — снова звучит команда. — Пли!

— Эвон как мы их! — радуются казаки. — Никак щас побегут назад...

Но богдойцы, ошестинившись копьями, продолжали под бой барабанов идти вперёд. Они шли лавиной со всех сторон, наводя ужас на тех, кто слаб духом.

— Ой, братцы, не дожить нам ноне до вечера!.. — уже паникует кто-то из необстрелянных казаков. — Щас такое начнётся!..

— Цыц! — звучит голос Черниговского. — Ещё раз услышу — зашибу...

Это была минута, когда каждый казак, да что там — все, кто встал грудью против врага, должны были понять, что отступить им некуда, а потому они должны стоять до конца. Об этом поведал им и Гермоген, поднявшись на крепостной вал. Старый, немощный, с панагией¹ на груди, которую он надевал только в исключительных случаях.

— Православные! — торжественно произнёс он, стараясь перебороть свою немощь. — Да не оскудеет в вас вера в Господа нашего! Дерзайте, и он возблагодарит вас за ваше мужество. И помните: уходить нам с этой земли некуда, разве что в могилу... Бейтесь храбро, а я буду молиться за вас. Сбежите — спасёте тело, но погубите душу... Помните это!.. Ну, с Богом, братья мои и сестры!

С этими словами он принял из рук молодого монашка икону Божьей Матери и поднял её над головой. Руки его дрожали от усилий, но корявые древние пальцы мёртво вцепились в оклад, не давая иконе выпасть из рук.

— Мать Божья! Помогите своим сынам выдержать все испытания! Укрепи их дух и веру в Господа нашего! — стараясь пересилить удары богдойских барабанов, возгласил он.

И слова эти дошли до сердец осаждённых.

— Да не посралим Русь нашу Матушку! Смерть басурманам! — понеслось со всех сторон.

— ... Пли! — снова командует полковник. — Эй, вы там!.. А ну поддай огня! — велит он пушкарям. Тут же заговорила крепко потрёпанная врагом крепостная артиллерия. Чиненные ядра, пронзив рассветную муть, с грозным шипением устремились навстречу врагу. Раздались взрывы...

¹ Панагия – с греч. всесвятая, небольшой образ Богородицы, реже Спасителя, Троицы, святых, чаще всего округлой формы, носимый архиереями на груди.

— Ай да молодцы пушкари! — радуются казаки, видя, как дрогнул богдойский строй. — А ну поддай ещё!

Тут же новые мощные взрывы потрясли округу.

— Ещё немного и они дадут стрекача... — говорит Никифор. — А, каково? — поворачивает он голову к стоящему рядом с ним на крепостном валу воеводе.

Но нет. Переступив через обезображенные тела полчан, богдойцы снова идут в наступление.

— Пли! — кричит Бейтон.

Падают, падают враги, но на их место встают другие.

— Вот чёртовы тараканы! Их бьют-бьют, а они всё равно лезут! — удивляются казаки.

— Знать, надо ещё поддать огоньку, — говорит кто-то. — Эй, пушкари! А ну заряжай!..

— Ядра на исходе, — звучит в ответ со стороны северной бастеи. — Да и пальбы осталось с гулькин нос...

— Всё равно вдарьте! Она как эти дьяволы прут...

— Пли! — уже срывающимся голосом кричит Бейтон.

— Слушайте, да их там тьма тьмушая! — испуганно восклицает молоденький казак Андрейка Ледяев.

— Ага... Ну давай, выложи-ка, почём это выйдет на нашего брата, — говорит ему пристроившийся у соседнего боя Пётр.

— Так ить и не сосчитать!.. — слышит он в ответ.

— Ну тогда лежи и не вякай... — усмехнулся десятник. — А лучше заряди-ка ружьишко и жди новой команды.

Повинуясь приказу старшого, Андрейка тут же насыпал из рожка в ствол пороху, вложил пулю, после чего потуже загнал шомполом пыж.

— Пли! — стараясь перекричать тяжёлый грохот боевых барабанов, командует Бейтон.

Падают сраженные пулями богдойцы, но на их место, как и прежде, встают новые воины.

— Господи! Да покарай ты их наконец! — не выдерживает кто-то из казаков.

Не дойдя саженой десять до крепостного вала, неприятельский строй вдруг расступился, пропустив вперёд ратников с штурмовыми лестницами.

— Ить в самый раз вдарить! — воскликнул воевода. Лицо пылает от возбуждения, а в глазах нескрываемая ярь. — Давай, полковник, командуй... Пусть грянут из всех ружей! Нельзя пустить врага к стенам...

— Рано, Ляксея Ларионыч... — слышит он в ответ. — Пушай злодеи ближе подойдут. Говорю, свинец да зелье надобно беречь...

Воевода нервно дёрнул усом.

— Немчина он и есть немчина, — в который уже раз упрекнул он полковника. — Видал я сквалыг, но таких, как ты, не припомню.

На этот раз полковник не ответил ему. Надо было внимательно следить за действиями противника, наперёд угадывая его намерения.

— Ну вот теперь можно и ударить, — когда богдойцы почти вплотную подошли к стене, говорит Бейтон. — Заряжай! Товьсь! Пли! — командует он.

Попав под плотный огонь русских, богдойцы заметались. Лантань тут же решил поддержать их артиллерией. Одно из чинёных неприятельских ядер разорвалось рядом с Толбузиным.

— Ляксея Ларионыча убило! — закричал кто-то.

Тут же на стену примчались бабы и стали колдовать над истекающим кровью воеводою.

— Что с ним? — спрашивали снизу люди.

— Ногу оторвало!..

— А жив ли?

— Да покуда вроде жив...

— А ну все по местам! — рявкнул на собравшихся вокруг раненого Бейтон. — Не время сопли распускать. — Пли! — снова звучит его команда.

Несколько дружных залпов албазинцев поломали ряды наступающих, после чего управление штурмовыми колоннами было потеряно. Введённые в бой резервы только усилили сумятицу. Это не скрылось от взора Бейтона и он велел казакам сделать вылазку.

— А ну давай, открывай ворота! — велит он стоящим у нижнего боя казакам. — Вперёд, братушки! Всыпьте этим окаянным по первое число!..

Внезапный дерзкий удар вызвал панику в богдойских рядах и те начали в беспорядке отступать. Казаки, пешие, конные, с улюлюканьем гнались за ними, наводя на беглецов ужас.

— Гей, казачки! Пришёл и наш черёд!.. — пустив своего вороначалого в галоп, кричит Фёдор скакавшим с ним вперегонки товарищам. Конь под ним фырчит, ярится. Чует бестия запах крови. — Ату их! Ату!.. — поднимает он высоко над головой саблю. Взмах — и толстый неуклюжий богдоец, гремя доспехами, тяжело падает на землю. — Давай-давай, братцы, подожди! — пытается раззадорить он казаков. — А то уйдут за стены — не достанем...

— Не уйдут!.. Гуляй, робяты! — шумят на скаку казаки, ловко орудуя саблями. Падают один за другим враги, поливая землю алой кровью.

Гудит земля под копытами коней, стонет.

— Давай-давай! Бей злодеев!..

Так они и гнали врага через всё поле. Ворвавшись в маньчжурский лагерь, албазинцы подожгли его, захватили две пушки, после чего отошли за стены.

Глава тринадцатая. Последняя схватка

Для Лантаня такой оборот событий явился полной неожиданностью.

— Позор! — кричал он на своих полководцев. — Где это видано, чтобы жалкая горстка варваров расправилась с прославленным Императорским войском? Труссы! Я велю вам всем головы отрубить, а потом эти головы пошлю в подарок вашим жёнам!..

Однако всех начальных людей он наказывать не стал, казнил лишь четверых из них, которые, рассудил он, больше всех были виновны в случившемся.

А вот в стане албазинцев праздник. По такому случаю казакам даже было дозволено разговеться. А то ведь с приходом маньчжуров те капли в рот не брали. А тут разошлись. Всю ночь пили мёд и пели песни. Богдойцы слушали их и горько вздыхали.

— Ну, Наталья, теперича, кажись, всё, — выпив на радостях, говорит жене Фёдор. — Уйдёт вражина — и заживём мы лучше прежнего.

— Свадьбу б надо нашим молодым справить, — сразу засуетилась та.

— Ты про Петра что ль? Так справим — куда денемся!.. — обнимает он жену за плечи. — Знаешь, а девка-то у сына ничего, справная... Да и покладистая вроде.

— Покладистая... — подвязывая платок, соглашается жена. — А главное, сынок наш души в ней не чаёт.

— Может, наконец забудет свою Любку-то?.. — с надеждой смотрит на жену Фёдор. — А то ведь с ума по ней сходил. Почитай, и Катьку-то свою страданицу из-за неё потерял.

— Из-за неё, из-за кого ж еще? Влюбчивые вы, Опарины, больно. Оттого часто и страдаете. Ты ведь тоже, поди, свою азиатку-то вспоминаешь...

Фёдор нахмурился.

— Цыц, жонка! Про это ни слова... — жёстко оборвал он её. — Сама ж хотела, чтоб я обо всём забыл, почто тогда душу мне тревожишь?

— Прости меня, Феденька... Не подумавши это я, — кротко глянула на него баба.

— Ладно, чего уж тут... — махнул рукой Фёдор. И вдруг: — Слыхала? Ляксей Ларионыч наш помирает...

Наталья покачала головой.

— Бяда... — говорит. — Хороший больно человек-то. И не скажешь, что боярин...

— Это верно, — согласился казак. — Вот пришлют вместо него какого-нибудь упыря — так ить намаемся... Вон сколь их по Руси-то, начальных этих алчет, все норовят под себя грести, а этот нет. Для него служба на первом месте была. Жаль, коль помрёт... — вздохнул он.

Той же ночью Алексей Ларионович Толбузин скончался. Его похоронили по всем православным правилам. Отпевание проводил сам Гермоген, сказав о покойном много тёплых слов и назвав его Героем земли Русской. Место для погребения выбрали самое что ни на есть подходящее — возле бывшей Воскресенской церкви, где уже покоились тела многих павших от рук врага албазинцев.

— Я потерял не начальника, я потерял своего друга, — заявил на поминках Бейтон. — Пили мы с покойным одну кровавую чашу, и он выбрал себе радость небесную, а нас оставил в печали... Так пусть же земля ему будет пухом! — по-солдатски коротко изрёк он и опрокинул жбанок с крепким первачом.

— Царство небесное!.. — вздохнув, сказали люди, и выпили за упокоение души своего воеводы.

... Однако рано радовались албазинцы. Лето заканчивалось, но маньчжуры все не спешили снимать осаду.

А в начале октября с севера дохнуло холодом. Однажды, проснувшись поутру, албазинцы увидели первые забереги. А скоро и шарошь¹ пошла по реке. К ноябрю Амур встал, оцетинившись ледяными торосами.

Потеряв за несколько месяцев осады немалую часть своего войска, богдойцы редко теперь тревожили осаждённых. Лишь иногда обстреляют крепость из пушек — на том всё и кончалось. А скоро и вовсе отошли назад и стали строить себе зимние убежища.

А тут вдруг люди Улуя привели в острог пленного цинского сотника, который сообщил им радостную весть, дескать, третьего дня командующий Лантань получил от Императора приказ снять осаду и уйти за Амур. Причиной ж тому стали начавшиеся переговоры между Пекином и Москвою о мире.

Всё, конец войне! — ликовали албазинцы. Теперь у них начнётся мирная жизнь, а посему можно уже строить планы. Пашенные как всегда заговорили о будущем севе, промышленный и торговый люд о своём, а казаки уже жили мечтами о новых походах и сражениях.

Но рано они радовались. К тому времени лёд на реке сковал неприятельские суда, и богдойцам ничего не оставалось, как ждать весны. Тем временем в крепости заканчивались съестные припасы. Вместо сытных щей людям теперь приходилось есть жидкую гороховую бутку, хлеб же им заменяли шаньги², выпеченные из шашары³. Когда и этого не стало, перешли на мурцовку и вконец осталась только прошлогодняя полусгнившая бушня⁴. Сладка брюквенная похлёбка, да вонюча, говорили люди. Всё шло на еду, вплоть до сухой травы и корья деревьев. Траву копали с корнями, корьё же сдирали с приготовленных на зиму дров. По ночам казаки делали вылазы, чтобы добыть в болотах и лугах мерзлую осоку да корешки саранок, которые тоже шли в пищу. Но люди продолжали голодать.

¹ Шарошь — «сало», шуга, первый осенний лед.

² Шаньга — лепешка.

³ Шашара — низший сорт муки.

⁴ Бушня — брюква.

— Эх, щас бы олябыша¹ с требухой! — однажды мечтательно произнёс Пётр, в какой уже раз вылезая голодным из-за стола.

Матери, которая вместе с Дашкой готовила этот скудный ужин из мёрзлой брюквы, только и оставалось, что вздохнуть.

— Ничего... Вот прогоним врага — будут тебе и олябуши, — говорит Фёдор. — Уж, чай, молодая-то жонка расстарается, — ласково смотрит он на будущую невестку. — Деревенские-то они работяши да умелы во всём... Будешь стряпать мужу пироги? — спрашивает он Дашку.

— А то!.. — озарила она его светлой улыбкой.

Ай, хороша девка! — подумал Фёдор. — Только будет ли она матерью для Петькиных сироток?.. Ей ведь ещё своих малых братьев поднимать. Ух, и достанется же сердешной!..

Но Дашка и не думала унывать. Она легко справлялась с хозяйством. А что до Петровых детей, так она сразу прикипела к ним душой. Говорят же, коль мил тебе муж, родными станут для тебя и его детки.

Но вот сами-то детки поначалу всё никак не хотели принимать новую мамку. А одно время даже обижать пытались. Только надо было знать Дашку. Она ни разу не повысила на них голоса и продолжала терпеливо ждать своего часа. Ласка и нежа вконец растопили детские сердца. Пришло время, и они потянулись к ней. И как же она обрадовалась, когда однажды младшая Дуняшка назвала ее вдруг маманей. А следом и у Илюхи распахнулась душа...

А тут вдруг в крепости мор пошёл. Цинга! Этого страшного слова албазинцы теперь боялись пуще неприятельских пушек. Надо было готовить отвары от этой коварной болезни, которая каждый день уносила по десятку и более осадных сидельцев. Для этого требовались сосновые ветки, только вот добыть их было очень трудно. Смекнув, в чём дело, богдойцы усилили караулы, поэтому пробиваться в лес казакам часто приходилось с боем. А бывало, что им и вовсе не удавалось сделать вылаз. Тем временем болезнь продолжала свирепствовать. Дошло до того, что к концу декабря тех, кто мог ещё стоять на ногах, осталось не больше двухсот человек. Из них караулы могли держать лишь тридцать казаков да ещё пятнадцать малолетков.

Умирали взрослые, умирали дети... Тихо так уходили. Их не хоронили, потому как у оставшихся в живых не было сил, чтобы долбить мёрзлую землю. Груды трупов теперь лежали повсюду, привлекая внимание лишь голодного воронья. Поначалу птиц шугали, но потом и на это не стало хватать сил...

Слёз и тех у людей не было. Потому над покойниками не плакали. И не удивлялись, когда кого-то утром находили мёртвым. Так было и в случае с бывшим славным атаманом Черниговским. Та же участь постигла и знатного коваля Платона Кушакова и его жену Марфу, пашенного Захарку, сподручника Черниговского Игнашку Рогозу, Васюка Дрязгина, Равильку-татарина... Так же вот тихо и незаметно ушёл и старый казак Нил Губавин, десятники Иван Усов и Матвей Кафтанов, старшина промышленных людей Андрей Морозов, оленный человек Улуй, монах Шандор, тот что, сменив рясу на куяк, все эти дни дерзко сражался с врагами.

А тут и в семью Опариных пришло горе. В ночь на Рождество в одном из прикопов нашли мёртвыми Аришку с сыном ее Алёшкой.

— Бяда... Ой, бяда... — только и сказал тогда Фёдор.

¹ Олябыш – круглый пирожок из кислого теста.

Но вот у Мишки Ворона хватило сил, чтобы оплакать жену и сына. А всю следующую ночь он рыл могилу для них. Нет, не хочу, чтобы они стали пищей для ворон, — стиснув зубы и орудуя заступом, рычал он. — Упаду, но дело сделаю...

А утром его нашли мёртвого подле вырытой им могилы. Одни потом говорили, что у него сердце не выдержало от горя, другие — дескать, сам он был к тому времени уже смертельно болен.

В той вырытой Мишкой могилке и схоронили его вместе с семьёй. Так, без гроба и без отпевания. Но что делать, коли в крепости, кроме тяжелобольного Гермогена, больше не было священников. Иона же, строго следуя непреложным правилам, как всегда сослался на то, что ему не по чину совершать обряды. Разве что тризну справить по усопшим он готов, пропустив жбанок-другой первача...

... А чуть позже слегла и Наталья. Бедная, она лежала на покрытых овчиною нарах и мёртвыми глазами глядела в потолок прикопа.

— Родная ты моя, да что ж случилось-то?.. — стоя на коленях перед постелью больной, вопрошал, утирая слезу, Фёдор.

— Умираю я, Феденька... — негромко прошелестели Натальины губы.

— Ты не должна так говорить!.. — умолял ее казак. — Ты должна жить, понимаешь? Жить... У тебя внуки растут. Бог даст, скоро новые появятся. Так что живи, голуба моя, живи...

Женщина сделала над собой усилие, чтобы улыбнуться.

— Феденька... Ить я всю жизнь ждала твоего ласкового слова. И только щас дождалась...

— Прости меня, Натальюшка, за всё прости... — только и смог вымолвить Фёдор. А на другой день жены не стало.

— Господи-и! — в сердцах воскликнул тогда обезумевший от горя Фёдор. — Ить только сегодня я понял, кем была для меня эта баба. Ушла она, и с нею ушла вся моя жизнь...

А люди продолжали умирать. Нехватка продовольствия только усугубляла дело. К февралю у осажденных оставалась лишь пара мешков ржаной муки да несколько пудов гнилой брюквы.

«В Албазине житьё тяжёлое, — писал нерчинскому воеводе Бейтон. — Помираем голодною смертью. Все просят хлеба и просят в Нерчинск. А держать неведомо как. Кормить нечем. И я уже отпустил десять человек...»

Однако шли дни, а положение не менялось. Посланные воеводою Власовым албазинцам сто пудов хлеба были давно розданы людям и съедены. От скудной пищи и жизни в сырых прикопах цинга усиливалась и уносила новые жизни. Острог был завален трупами, которые некому было убирать.

В апреле 1687 положение в крепости стало критическим.

«Братцы, с нужи и бедности пропадаю, — снова и снова обращался к забайкальцам израненный и больной Бейтон, который теперь сутками лежал, прикованный к постели, а если и выходил руководить обороной, то исключительно на костылях. — Вот уже шестую неделю лежу на одре... С нужи и бедности пропадаю. Не дайте томною и голодною смертью умереть...»

Но чем могли помочь забайкальцы? Снова поскребли по закромам и отправили осаждённым немного хлеба, который у тех в неделю разошёлся.

— Надо что-то делать, — собрав однажды у верхнего боя оставшихся в живых десятников, сказал Бейтон.

Казаки молчали.

— Ну, что молчите? — спрашивает полковник. Голос у него слабый, а глаза впалые, точно у мертвеца. — Фёдор, — обращается он к Опарину, — может, ты что нам скажешь?..

Старый казак тяжело вздохнул.

— Харч надо срочно добывать — без этого нам хана... — говорит.

Бейтон в знак согласия кивнул головой.

— Да, без продовольствия нам не выстоять, — сказал он. — Но где его взять? Разве что у маньчжуров? Но об этом и думать нечего.

— А это еще почему? — спрашивает Фёдор.

— Да потому, что тогда мы последних людей потеряем! — заявляет полковник. — Маньчжуры ведь только делают вид, что им не до нас. На самом деле они только и ждут случая, чтобы расправиться с нами. Ну, каково им возвращаться без славы домой? Ежели бы им это было не суть как важно, то давно бы ушли. А то, вишь, цидульками¹ стали нас забрасывать...

Так оно и было. Отчаявшись взять крепость силою, богдойцы пошли на хитрость. Они стали привязывать к стрелам записки, в которых недвусмысленно предлагали албазинцам сдаться.

— А что, может, примем их предложение? — подаёт голос кто-то из десятников. — Вон они и продовольствием обещаются снабдить, и до Нерчинска проводить с охраною... Тех же, кто пожелает перейти на службу к Богдыхану, сулят наградить щедро.

— Да не бывать этому никогда! — гневно воскликнул Фёдор. — Вчерась ночью к нам человек от богдойцев перебёг, Миуской назвался. Глаза голоднющие, а сам худой, точно шкелет. Говорит, что состоял в работных рядах и меча в руки не брал. Врёт, поди, но да ладно. Ежели ему верить, то среди богдойцев тоже мор идёт, да и припасы съестные у них там на исходе. Я его через толмача-то Ваньку нашего косоглазого спрашиваю, знает ли он, где у богдойцев обозы с продуктом стоят... Сказал, что готов указать... Вот я и предлагаю взять один из обозков.

— Ты что, сдурел!? — тарачит на него глаза полковник. — Да мы ж так всех людей положим.

— Тогда остаётся одно — сдаться, — усмехнулся Фёдор.

Бейтон поморщился.

— Ну это ты, брат, хватил, — говорит. — Сдаваться мы не будем.

— Тогда надо прорываться к нашим в Нерчинск, — предлагает Пётр.

— А как же крепость? — спрашивает казачий голова. — Неужто снова отдавать её врагу?.. Нет, надо что-то иное придумать.

— Говорю же, давай возмём обоз, — стоит на своём Фёдор. — Что, полковник, так смотришь на меня, будто б я тебе алтын должен?.. Поверь, я возьму с собой таких людей, которые и чёрта из-под земли достанут. Они и на османов ходили, и на персов, тогда что им эти азияты?.. Короче, подумай, Афанасий Иваныч. Иного пути-то у нас нет...

Той же ночью отряд казаков под водительством Фёдора Опарина, прихватив с собой перебежчика Миуску, оправился на вылаз. Пётр было тоже хотел седлать коня, но отец остановил его. И не думай, говорит. Коль не вернись — станешь в семье за главного.

И Тимоху он не взял с собой, хотя тот и собирался. А ты, сынок, сказал ему отец, должен Гермогеново дело продолжить. Коль сменил куяк на монашеское одеяние, зная, то твоя судьба. Строй церкви, молись Богу и неси Православие по всему Амуру. И люди потом помянут тебя добрым словом. Так-де и должно быть: кому-то суждено молиться за людей, кому-то хлеб сеять, а кто-то должен границы Державы стеречь. В единстве, мол, этом и сила наша.

... Сторожко ступают кони. Впереди всех Миуска на низкорослой даурской лошадёнке, который окольными путями пытается вывести казаков к дальнему лесу, где, по его словам, находится обоз с провиантом. Чуть позади него Фёдор на своём вороночалом. Киргиза-то, ещё в прошлую осаду потерял, теперь вот этот конёк его выручает. У него не та стать, что у прежнего, но зато он покладист и смышлён. Его казак ещё в Нерчинске выменял на трофейный пистоль с серебряной рукояткой. Купчина

¹ Цидулька – маленькое письмо, записка.

просил вдобавок ещё и дорогую турецкую саблю, но Фёдор сунул ему под нос свой пудовый кулак. А этого, мол, не хочешь?..

За Фёдором, опасливо озираясь по сторонам, молча следуют гуськом его старые товарищи: Гридя Бык, Иван Шишка по прозвищу Конокрад, Сёмен Антонов, Карп Олексин, Фома Волк, Григорий и Леонтий Романовские; замыкает строй Ефим Верига, напросившийся идти вместе с Фёдором. У всех одна мысль — как бы успеть до рассвета захватить обоз. А не получится — так оно лучше умереть, чем с пустыми руками возвращаться назад. Ведь люди в крепости надеются на них.

Тихо вокруг, и лишь слышно было, как где-то на вражьих позициях перекликаются часовые. Только бы они не почували нас, думает Фёдор. Не то такой шум поднимут, что в пору будет возвращаться. И что тогда?.. Голодная смерть?.. Однако жалко людей-то. И внуков своих малолетних жалко. Коль помрут — кто тогда род опаринский продолжит? Нет, надо сделать всё, чтобы этого не случилось. Вот сейчас они нападут на обоз, перебьют сонную охрану — и делу конец. Потом останется только доставить захваченный трофей в крепость. Но это уже пустяки. Надо будет — на своём горбу вынесут...

Но почему так тихо?.. — неожиданно подумал Фёдор. — Али богдойцы решили, что мы уже ни на что не способны? А, может, у них и сил-то уже нет, чтобы стеречь себя? Вон же говорит беглый кян, что манзуров хворь тяжёлая душит. Ну а коль так, разве им есть дело до нас?..

Только обманчивой была эта тишина. Не успели казаки ступить на поляну, где находился обоз, как лес вокруг них вдруг озарился светом. Затрещали костры, забегали люди с факелами. Они что-то громко кричали, пытаясь взять чужаков в кольцо.

Те в панике. Мечутся по кругу, словно загнанные волки, и не знают, как им быть.

— В сабли! — первым пришёл в себя Фёдор. — Гайда за мной! Вперёд!.. — И он с силою хлестнул плетью коня, направив его прямо на врага.

— Гей, гей, казаки! — закричали его товарища. — Бей их, собак треклятых, бей!

Однако сходу прорвать кольцо богдойцев казакам не удалось. Выставив вперёд копыя, те не подпускали их к себе. И снова казаки мечутся по кругу, пытаясь отыскать в неприятельских рядах брешь. Тем временем кольцо вокруг них продолжало сжиматься. Чтобы пробить себе дорогу, казаки стали отчаянно бросаться на копыя. Один бросок, второй, третий... Звенит металл, хрипят от натуги кони, и то ли пот, то ли кровь застит глаза казакам.

— Давай-давай, братцы! — ловко орудуя саблей, пытается подбодрить товарищей Фёдор. — Не помирать же нам по запечьям да у бабьих подолов!.. Коль умрём, то не в пьяном угаре, а в бою!..

— Любо! — слышит он в ответ.

— А ну вспомним, товарищи мои, как мы османов били!.. — снова звучит натужный голос Фёдора. — Как били турок проклятых... Как крушили и жгли боярские имения и секли богатеям головы... А как ходили на добычу и на угон за манзурами!.. Помните, братцы?

— Помним! Всё помним! — отвечали ему товарищи.

— Так не посралим же казацкий род и ныне! — ударив саблей бросившегося на него богдойского ратника, крикнул он.

— Не посралим! — слышится в ответ.

И снова звенит сталь, и падают под ударами казацких сабель басурманы.

— Давай-давай! — звучит голос Фёдора. — Гей, Гридя! Где ты там? — зовёт он товарища. — Жив ли?..

Гридя Бык хотел что-то сказать в ответ, но острая богдойская стрела пронзила ему грудь.

— Прощайте, казаки... — только и успел вымолвить он перед смертью.

Фёдор видел, как тот упал с лошади.

— И-их! Прощай, мой товарищ... — с болью в голосе произнёс он и с новой силою принялся крушить врага.

Бьются казаки, пытаюсь саблями проложить себе дорогу. Люто бьются, вспоминая недобрым словом всё, что сугубило их жизнь долгие месяцы осады; что вредило русской земле; что не давало мирным людям жить спокойно. За детей своих и жён мстят, за стариков, за товарищей своих, что пали от болезней и от рук супостатов.

— Гей, братцы, гей! Пусть же пропадут все враги земли Русской! — взывает к товарищам Фёдор. — Иван... Шишка? Добро ли бьешься?..

Тот не успел откликнуться, потому что острое маньчжурское копьё остановило его сердце.

— Прощай, мой верный друг! — увидев, как Иван тяжело сползает с лошади, крикнул ему Фёдор.

А следом пал от богдойской пули Семён Онтонов.

— И ты прощай, Сёмка... — завидев на земле мёртвое тело товарища, сурово произнёс Опарин. — Славно гульнули мы с тобой в этой жизни, но, видно, всему есть конец...

После Семёна принял смерть от вражьей стрелы Карп Олексин, после него богдойцы подняли на копья братьев Романовских.

— Прощай, Фёдор! Не поминай лихом! — напоследок крикнул Григорий.

— Пусть же вовеки веков славится земля Русская! — захлебываясь кровью, молвил Леонтий.

А тут и Ефима не пожалела пуля...

— Господи, прими к себе грешную казачью душу! — падая с коня, воскликнул он. — Прошу, будь ко мне милосердным, ибо я грешил не по злomu умыслу своему, а в укор неутешной своей доле, — уже лёжа на земле, прошептал он.

— Ты что, Ефим?.. — сокрушённо взывает к нему Опарин.

— Прости меня, Федя... За всё прости... — только и успел сказать тот.

Увидев, что Фёдор остался один, богдойцы решили взять его в плен.

— Врёшь, не возьмёшь! — разгадав их план, воскликнул казак. — Эх, жизнь ты моя развеселая! Как же я любил-то тебя... Но да видно пришло время помирать... Ить смерть нельзя обмануть. Прощай же, Русь-матушка! Да хранит тебя Бог!.. — С этими словами он спрыгнул с коня и бросился на острые вражьи копыя...

... В крепости слышали какой-то шум в стане врага, однако были уверены, что Фёдору с товарищами удастся живыми вернуться назад. Все их надежды рухнули, когда под утро в острог явился чудом избежавший смерти Миюска и в красках поведал о том, как погибли казаки.

— Вечная им память... — выслушав ханьца, тихо молвил Бейтон и глаза его наполнились слезами. Стоявшие рядом бабы завыли-запричитали, а казаки сняли шапки и перекрестились.

— Вечная память...

В тот же день в крепость прибыли посланцы Лантаня, которые вновь предлагали албазинцам сдаться. Бейтон встретил их сурово и всё пытался казаться крепким и бодрым, хотя сам едва уже держался на ногах.

— А с чего это мы должны сдаваться? — спрашивает он. — Али вы решили, что у нас силы на исходе?.. Так вот передайте своему воеводе, чтоб он больше не докучал нам дурацкими предложениями. Коль мы выстояли вчера, выстоим и сегодня. Всё, прощайте! Казаки, а ну проводите гостей до ворот! — приказал он.

И снова потянулись эти бесконечные дни, наполненные призрачными надеждами и тревогою.

— Эти оросы будто бы сделаны из железа! — поражался Лантань. — Да, они наши враги, но я преклоняюсь перед их мужеством. Какой ещё народ способен столько терпеть, как этот?

Зная о свирепствовавшей в крепости цинге, он решил проявить великодушие и предложил Бейтону своих лекарей и еду. Однако полковник остался верен себе.

— Передайте своему воеводе, что в Албазине служилые люди Божьей милостию все живы и здоровы и немощных никого нет, — заявил он посланцам Лантаня. — Да и в еде мы не нуждаемся.

Когда же те покинули крепость, он сказал, обращаясь к женщинам:

— А ну, бабы, испеките-ка из последней мучки пирог, да такой, чтоб на стол не вмещался. А ты, Пётр, со своими робятами снесёшь его богдойцам — пусть думают, что мы и впрямь не бедствуем.

В тот же день пирог весом в пуд был доставлен Лантаню.

— Прими, воевода, от нас подарок, — сказал ему Пётр. — А понравится — мы ещё тебе такой же испечём. Муки у нас еще хоть отбавляй, так что и тебе не дадим бедствовать...

Врал он, конечно. То была последняя мука, и теперь оставшиеся в живых албазинцы, а их к тому времени и сотни не набралось бы, были обречены на верную гибель.

Однако 6 мая 1687 года, когда на Амуре сошёл лёд, маньчжуры неожиданно отступили от города версты на четыре. Пока было неясно, что их заставило это сделать — нежелание ли и дальше нести потери или же причиной тому были начавшиеся в Нерчинске мирные переговоры, — только теперь албазинцы уже могли довольно свободно добывать припасы и посылать нарочных в Нерчинск. А в августе того же года маньчжурское войско и вовсе уплыло прочь от Албазина.

— Братцы! Выходит, мы выстояли... Ура! Победа!.. — радовались люди.

Прибывший с продовольствием и зерном из Нерчинска стрелец Немкин и вовсе заставил албазинцев ликовать, сообщив им о том, что уже скоро с богдойцами будет подписан договор о мире, который навсегда положит конец всем пограничным распрям.

Снова стали строить планы. Посеяли хлеб, начали рубить избы. Только богдойцы быстро напомнили о себе. В июне следующего года они угнали из-под Албазина табун в пятьдесят голов лошадей, а в июле того же года, приплыв на бусах, сожгли весь посеянный албазинцами хлеб.

— Ничего, — говорил Бейтон. — Главное, крепость осталась за нами, а добро мы как-нибудь с Божьей помощью наживём.

Только не суждено было исполниться его мечтам. 31 августа 1689 года глава Московского посольства на русско-маньчжурских переговорах в Нерчинске Фёдор Головин послал Бейтону Указ, в котором сообщил о заключении мира, приказав «город Албазин разорить, и вал раскопать без остатку, и всякие воинские припасы, и хлебные всякие припасы, и печать албазинскую взяв с собою, и служилых людей з жёнами и з детьми и со всеми животы вывести в Нерчинской. А строение деревяное, которое есть в Албазине, велеть зжечь, чтоб никакова прибежища не осталось».

Бейтон был вне себя от ярости.

— Я не могу ничего понимать! — от волнения начал «ломать» он язык. — За что мы воевать, за что голова свой не щадить?.. Мы же выстоять, тогда почто нам оставляй Амур?

Всю правду он узнает позже. Если раньше Москва худо-бедно держалась за Амур, то правительство царевны Софьи решило, поступившись Приамурьем, заключить мирный договор с маньчжурами, который, как думали приближённые регентши, должен был укрепить её пошатнувшийся после провала крымских кампаний престиж.

Переговорный процесс затянулся на многие месяцы, потому как обе стороны не хотели уступать друг другу. К примеру, маньчжуры настаивали на том, чтобы русские ушли не только с Амура, но и из Забайкалья, тогда как царские послы предлагали сделать границу между двумя державами Амур. Главным аргументом для противной стороны было то, что Забайкалье некогда было во владении монголов, которые ныне являются данниками Поднебесной, следовательно, настаивали они, вместе с монголами и Забайкалье должно отойти Империи. Все закончилось размолвкой между послами, после чего личные переговоры прекратились. Общаться стали исключительно через нарочных.

Но как ни пытались московские послы отстоять Албазин, предлагая сделать его границей между двумя странами, маньчжуры отвергли их условия. Чтобы вынудить русских заключить невыгодный для них договор, они подтянули к Забайкалью своё многотысячное войско, тогда как в распоряжении Головина был всего один стрелецкий пятисотенный полк полковника Скрипицына да ещё два полка из сибирских казаков.

Наступила решительная минута, от которой теперь зависела судьба Забайкалья. И снова, в какой уже раз, выручил князь Гантимур, который вооружил всех своих тунгусов и присоединился к русским отрядам. Поняв, что силою вопрос не решить, маньчжуры вынуждены были пойти на уступки, согласившись с некоторыми спорными статьями договора.

Наконец 27 августа 1689 года договор был подписан. Головин, принуждённый согласиться уйти с Амура, сумел, однако, отстоять Забайкалье, заставив маньчжуров поклясться в том, что на месте Албазина они не будут строить свой город. Эта маленькая дипломатическая уловка была величайшей мудростью. Впоследствии она дала возможность русским утверждать, что река Амур никогда не принадлежала Поднебесной.

... 5 сентября 1689 года маньчжурское посольство прибыло к Албазину и послы вручили Бейтону указ Головина. В том же сентябре на глазах богдойских послов и воевод албазинцы сожгли деревянные строения острога и раскопали с таким трудом возведённый ими вал. После этого они погрузились на предоставленные маньчжурами бусы и отправились в Нерчинск

— Не плачьте, люди! — стоя на корме, успокаивал албазинцев Пётр. — Верю, не всё ещё потеряно... Прощайте, родимые плёсы! — неожиданно обернув свой взор назад, воскликнул он. — Бог даст, ещё свидимся...

— Э-ге-гей! Обязательно свидимся!.. — следом разнеслось по реке. — Прощай, Амур!.. До скорого свидания!..

Послесловие

... В Нерчинске потом долго видели эту молодую простоволосую бабу, что ходила по городку, приставая к прохожим.

— А вы случаем не видали мою доченьку? — бывало, вцепившись в рукав иной жонки или казака, спрашивала она. — Доченьку я потеряла... Значит, не видали? А, может, про Захарку мово что знаете? А то ведь как ушёл давеча из дому так и не воротился...

— Захарушка!.. — как-то обратилась она к Петру. — Наконец-то я тебя нашла... Где ты так долго был?..

— Я не Захарушка, — говорит ей Пётр. — Твоё Захарку богдойцы убили.

— Нет, ты Захарка! — смотрит баба на него безумными глазами. — Послушай, муженек мой родной, а где ж дочка-то наша? Я всё никак не могу её найти. А ведь её покормить надо. Может, где с ребяtnей бегаёт — ты не видал?..

— Совсем свихнулась, сердешная, — услышал Пётр за спиною. — Муж её да дочь мертвы давно, а она...

— Пошли со мною, Любушка, — неожиданно берёт свою бывшую возлюбленную за руку Пётр. — Пошли... Я отведу тебя к своим... Дашутка! — завидев вдалеке идущую по воду жену, зовет он её. — Подь сюда!.. Вот... — когда она подошла, указывает он на Любашку. — Приведи её в наш дом. Одна она, понимаешь?..

— Так ведь... — что-то хотела сказать Дашка, но муж оборвал её.

— Знаю... Вот и надо помочь Божьей душе — больше ведь некому...

Любашка прожила у Опариных около года. Разум к ней так и не вернулся, потому она продолжала ходить по улочкам городка и искать свою дочь. А потом вдруг внезапно умерла. Это случилось в середине января на Васильев день, в самый разгар святочных гаданий. А в феврале на Агафью-коровятницу Петрова Дашка родила сына, которого в честь деда назвали Фёдором. Через год родился ещё один сын, названный в честь другого деда Григорием. Когда они выросли, то вместе со старшим братом Илюхой поступили на ратную службу под начало своего отца сотника Петра Опарина, который ещё в 1690 году по приказанию Головина вместе с оставшимися в живых товарищами был повёрстан в конные казаки. Албазинские же пашенные да ещё несколько человек из оленных людей в награду за проявленную доблесть при «осадном сидении» были определены в пешие казаки.

Стёпка, незаконный сын Фёдора Петровича, тоже подался в казаки. В составе казачьего забайкальского полка ходил вместе с Царём Петром Алексеевичем на шведа. Сражался геройски, за что и был награждён именным оружием — саблею с золотой рукоятью. После войны вернулся в Даурию, где станичники избрали его своим атаманом.

Что касаето Тимохи Опарина, то он не остался в Нерчинске, а вместе с монахом Ян Луном или, как его называли казаки, Ванькой-кяном, поехал сопровождать больного Гермогена до Иркутска, где и остался до конца своих дней, молясь Богу и в чине протоиерея проповедуя православную веру.

Там же, в Иркутске, долгое время служил казачьим полковником и Афанасий Иванович Бейтон, ставший впоследствии управителем Верхотенска. Всю жизнь он мечтал вернуться на Амур, как мечтали об этом и осевшие в Забайкалье его боевые товарищи. Однако тогда ещё время не пришло — надо было накопить силы, чтобы воротить великую реку России...

1996-2012